

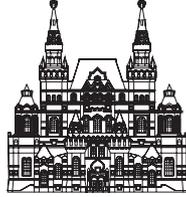
Сборник научных трудов подготовлен к юбилею известного специалиста в области археологии Средневековой Руси и хранителя археологических коллекций Н.Г. Недошивиной, работающей в Историческом музее более 55 лет.

В нем впервые представлены неизвестные ранее археологические памятники и предложены атрибуции выявленных в коллекциях предметов, относящихся ко времени становления и развития Древнерусского государства.

СЛАВЯНЕ И ИНЫЕ ЯЗЫЦИ...

Государственный Исторический музей

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК 198

СЛАВЯНЕ И ИНЫЕ ЯЗЫЦИ...

К ЮБИЛЕЮ НАТАЛЬИ ГЕРМАНОВНЫ НЕДОШИВИНОЙ

Ответственный редактор

кандидат исторических наук Н.И. Асташова

Москва 2014

Публикуется по решению Проблемного совета по археологии ГИМ

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке ЦАИ «Куликово поле»

Редколлегия: С.А. Авдусина, Т.Д. Авдусина, И.В. Белоцерковская,
А.М. Красникова, С.С. Зозуля

Рецензенты:

кандидат исторических наук Н.В. Ениосова
кандидат исторических наук Л.В. Покровская

Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной \ Труды ГИМ.
Вып. 198. М., 2014. 352 стр. с илл.

Сборник научных трудов подготовлен к юбилею известного специалиста в области археологии средневековой Руси и хранителя археологических коллекций Н.Г. Недошивиной, работающей в Историческом музее более 55 лет. В нем впервые представлены неизвестные ранее археологические памятники и категории материалов и предложены атрибуции выявленных в коллекциях предметов, дополняющих источниковую базу по периодам становления Древнерусского государства, его развития и более позднего времени. Авторами сборника, помимо сотрудников ГИМ, стали представители крупных научных организаций Москвы, С.-Петербурга, Пскова и Новгорода.

Для археологов, историков, искусствоведов, музейных работников и широкого круга любителей древностей.

ISBN 978-5-89076-238-2

© Государственный Исторический музей, 2014

© Н.И. Асташова

© Можайский полиграфический комбинат,
оформление, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Н.А. Макаров (ИА РАН), В.В. Мурашева (ГИМ) КОГДА-ТО ВЯТИЧИ ЗДЕСЬ ЖИЛИ... ..	8
СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Н.Г. НЕДОШИВИНОЙ.....	21
Ю.Л. Щапова (МГУ им. М.В. Ломоносова) ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР РУССКОЙ РАВНИНЫ (V–XII вв.).....	23
Н.Г. Недошивина (ГИМ) ВЯТИЧСКОЕ КЛАДБИЩЕ У С. БЕЛЬКОВО.....	34
Т.Г. Сарачева (ГИМ) ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК КУРГАНОВ У С. БЕЛЬКОВО.....	54
М.И. Гоняный (ГИМ) НАХОДКИ ВЯТИЧСКОГО КРУГА ДРЕВНОСТЕЙ КОНЦА XII–XIII В. НА СЕЛЬСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ БАСЕЙНА ВЕРХОВЬЕВ ДОНА.....	65
С.А. Стефутин (ГИМ) НАКЛАДКИ НА СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ЛУК ИЗ РАСКОПОК БОЛЬШОГО ГОРНАЛЬСКОГО ГОРОДИЩА.....	92
С.А. Авдусина (ГИМ) ГНЁЗДОВСКИЙ КЛАД 2001 ГОДА.....	98
В.В. Мурашева (ГИМ) «КНИГА ПУТЕЙ И СТРАН» (АЛПАТЬЕВСКИЙ КЛАД).....	116
С.Ю. Каинов, С.С. Зозуля (ГИМ) НАКЛАДКИ НА РУКОЯТИ МЕЧЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ГНЁЗДОВСКОГО И ПЕТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЕЙ)	132
Е.В. Каменецкая К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ТОПОГРАФИИ ГНЁЗДОВА ПО КЕРАМИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ	141
Т.А. Пушкина (МГУ им. М.В. Ломоносова) «МЕРЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ» В ГНЁЗДОВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ	152
В.Н. Седых (СПбГУ) О ПРОЯВЛЕНИЯХ КУЛЬТА МЕДВЕДЯ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	159
И.К. Лабутина, Э.В. Королева (Псковский музей-заповедник) К ИЗУЧЕНИЮ ПОДВЕСКИ С КНЯЖЕСКИМИ ЗНАКАМИ ИЗ РАСКОПОК 1976 г. В ПСКОВЕ	171

В.Ю. Коваль (ИА РАН) ИКОНКИ-ЗМЕЕВИКИ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗМЕЕВИДНЫХ КОМПОЗИЦИЙ	196
Н.В. Жилина (ИА РАН) СВИДЕТЕЛЬСТВО ДВОЙНОЙ ТРАГЕДИИ.....	208
И.Е. Зайцева, И.А. Сапрыкина (ИА РАН) ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЯРОСЛАВЛЯ: ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ.....	212
О.А. Тарабардина (Новгородский музей-заповедник) КРЕСТЫ «СКАНДИНАВСКОГО» ТИПА ИЗ РАСКОПОК В НОВГОРОДЕ	234
И.Б. Тесленко (ИА НАНУ), А.Е. Мусин (ИИМК РАН) «СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КРЕСТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ ЛИСТОВОГО СЕРЕБРА»: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.....	242
Н.И. Асташова (ГИМ) ЭНКОЛПИОНЫ С АРХАИЧНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ (ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)	254
Д.В. Шполянская (ГИМ) КОЛЛЕКЦИЯ КРЕСТОВ ИЗ Г. СУЗДАЛЯ	259
И.В. Белоцерковская (ГИМ) ДВЕ ФИБУЛЫ-БРОШИ ИЗ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ.....	268
Д.В. Журавлев (ГИМ) ОБ ОДНОМ ТИПЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ ХЕРСОНЕСА	277
И.Р. Ахмедов (ГИМ) «ЛИК СЛАВЫ». СОГДИЙСКИЕ НАХОДКИ ИЗ ЕЛШИНСКОГО КЛАДА.....	282
И.А. Сапрыкина (ИА РАН) ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА СОГДИЙСКИХ НАХОДОК ИЗ ЕЛШИНСКОГО КЛАДА.....	289
А.А. Кадиева (ГИМ) ИЗОБРАЖЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ НА ПРЕДМЕТАХ VIII–IX ВВ. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	299
А.Е. Леонтьев (ИА РАН) КЕРАМИКА С НАЛЕПНЫМ ВАЛИКОМ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ	309
Е.В. Глазунова (ГИМ), И.Н. Шталенков (Белорусское нумизматическое общество) ЛИТОВСКИЕ ТРЕХГРАННЫЕ СЛИТКИ: ТИПОЛОГИЯ, ТОПОГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ	318
ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	327
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	350

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Н.А. Макаров (ИА РАН), В.В. Мурашева (ГИМ)

КОГДА-ТО ВЯТИЧИ ЗДЕСЬ ЖИЛИ ...¹

Изучение древностей средневековой Руси в Государственном Историческом Музее во второй половине XX в. неотделимо от имени Н.Г. Недошивиной. Она пришла в музей в 1958 г. и на протяжении пяти с половиной десятилетий остается инициатором и участником важнейших начинаний, связанных с изучением, хранением и экспонированием средневековых археологических материалов, находящихся в собрании ГИМ. Наталья Германовна известна в научном мире не только как глубокий исследователь материальной культуры средневековья, но и как человек с высоким пониманием профессионального долга, воплощающий в себе особые традиции ГИМ и московской археологической школы, развитие которой всегда было тесно связано с музеем.

Биография Натальи Германовны, как и биографии многих ученых, не богата внешними событиями. Ее родители – Герман Александрович Недошивин и Наталья Юрьевна Зограф – известные искусствоведы, сотрудники Третьяковской галереи, авторы многочисленных трудов, посвященных русской и западноевропейской живописи XIX–начала XX вв. В такой семье вполне объяснимо формирование у ребенка интереса к истории и музейному делу и выбор Исторического факультета МГУ для получения высшего образования (1952-57 гг.). Наталья Германовна специализировалась на кафедре археологии, ее научным руководителем был Б.А. Рыбаков, предложивший в качестве дипломной работы тему связей радимичей и вятичей по курганным материалам. Первый опыт полевых работ был получен в студенческие годы на Та-

мани (экспедиция Б.А. Рыбакова). На кафедре археологии Наталья Германовна познакомилась со своим будущим мужем – Марком Хаимовичем Алешковским, историком и археологом, оставившим яркий след в изучении социально-политической организации древнерусского общества, дружинных древностей и древнейшего летописания. Связь с кафедрой сохранилась на долгие годы: в 1974 г. Наталья Германовна защитила в МГУ кандидатскую диссертацию «Погребальный обряд вятичей XI-XIII вв.». Спустя короткое время после окончания университета Наталья Германовна поступила на работу в ГИМ, в отдел археологии, который в те годы возглавлял Б.А. Рыбаков. Вся дальнейшая работа Натальи Германовны как археолога связана с музеем: она принимает участие в экспедициях ГИМ, а затем и сама руководит раскопками, готовит новые разделы экспозиций, выступает как хранитель огромных коллекций средневековых материалов. Можно было бы сказать, что Наталья Германовна прошла в музее путь от младшего научного сотрудника до руководителя сектора славяно-русской археологии, который она возглавляла в 1985-2004 гг., но эта дежурная фраза не отразит истинного отношения Н.Г. к своей работе. Душевно преданная музею и профессии, она никогда не стремилась продвинуться по служебной лестнице, ее рост в музее – прежде всего, расширение профессиональных горизонтов, рост ученого. Своим исключительным авторитетом в археологической среде Наталья Германовна всецело обязана своим знаниям, опыту и доброму отношению к коллегам.

¹ Строка из стихотворения, написанного академиком М.Н. Тихомировым в 1946 г. во время раскопок курганов в Беседах (цит. по: Н.Я. Мерперт. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М., 2011. С. 98-99.)

Годы юности Натальи Германовны – время бурного развития славяно-русской археологии, масштабных раскопок средневековых городов, открытия новгородских берестяных грамот, внедрения естественно-научных методов в практику археологии. Магистральными направлениями изучения средневековой Руси в 1950-1960-х гг. становится исследование городов и городского ремесла, производственных технологий и социальных отношений. Значимость научных проектов в те годы во многом определялась размахом экспедиционных изысканий, масштабами новых раскопок. Нельзя сказать, что изучение музейных археологических коллекций, в том числе средневековых курганных древностей, составляющих ядро археологического собрания ГИМ, в эти годы недооценивалось, но оно явно отошло на второй план. Определяя тему своих будущих исследований, Н.Г. Недошивина сделала выбор в пользу курганных материалов, сочетая полевые исследования с изучением богатейших коллекций ГИМ, сформированных в конце XIX–первой трети XX вв. С самого начала ее научной работы предметом изучения становятся погребальные памятники средневековой Руси, ювелирные украшения, предметы религиозного культа и бытовые вещи, происходящие преимущественно из раскопок курганов. Время показало, что этот выбор был в полной мере оправдан. Научные исследования Н.Г. Недошивиной, посвященные, казалось бы, сугубо конкретным вопросам, отдельным памятникам и категориям артефактов, позволяют по-новому осветить важные аспекты религиозных верований и повседневной жизни средневековья, до недавнего времени остававшиеся неизвестными.

Н.Г. Недошивина приняла участие в работе по исследованию древнерусской деревни домонгольского времени. Еще в начале 1950-х годов коллектив сотрудников ГИМ, занимавшихся средневековой археологией, приступил к исследованию материалов северо-восточной и северо-западной Руси X–XIII вв., связанных с сельскими памятниками. Результатом грандиозного по своим масштабам проекта стала публикация трех томов фундаментального коллективного труда «Очерки по истории русской деревни. X–XIII вв.» (1956, 1959, 1967). Базу данных работы составили тысячи артефактов из коллекции Исторического и других музеев. Были разработаны классификации, хронология, выявлены локальные особенности распростра-

нения многих типов украшений и других предметов. «Очерки» на многие десятилетия стали классической работой, к которой неизбежно обращались и обращаются до сегодняшнего дня все исследователи древнерусских памятников.

Уже в первые годы работы в музее Наталья Германовна становится участником раскопок «ярославских могильников», курганных групп у д. Тимерево, Михайловское и Петровское, производившихся экспедицией под руководством М.В. Фехнер. Значение этих памятников для изучения культурной ситуации X–XI вв. на Северо-Востоке Руси, социальной элиты древнерусского государства и славяно-скандинавского взаимодействия в ту пору было уже в полной мере осознано. Раскопки 1959-1963 гг., в ходе которых была вскрыта 431 курганная насыпь, открывали новые возможности для изучения становления древнерусской культуры и властных отношений в Волго-Окском регионе. В руках у молодой исследовательницы оказались необычайно выразительные, но сложные для интерпретации материалы из курганных комплексов X–XI вв. В коллективной монографии «Ярославское Поволжье в X–XI вв.», изданной сразу же после завершения раскопок, в 1963 г., Н.Г. Недошивиной принадлежат четыре статьи, посвященные общей характеристике одного из памятников – Михайловского могильника – и некоторым важнейшим категориям погребального инвентаря – предметам бытового назначения, оружию и торговому инвентарю. Уже в этих работах в полной мере проявился особый исследовательский почерк Натальи Германовны: стремление к полноте и точности публикации материала, строгая доказательность, осторожность в использовании археологических источников при обсуждении проблем этнической и социальной истории.

Изучение ярославских могильников не было исчерпано публикацией материалов раскопок 1959-1963 гг. В 1974-1978 гг. экспедиция ГИМ под руководством М.В. Фехнер и Н.Г. Недошивиной провела новые раскопки Тимеревского могильника. В связи с риском застройки его территории было вскрыто еще 96 курганов, в основном, частично разрушенных и подвергавшихся раскопкам в предшествующее время. В ходе новых работ удалось более подробно зафиксировать устройство насыпей, сделать более точные наблюдения о погребальном обряде, выявить несколько камерных погребений. Общие итоги изучения Тимеревского некрополя

подведены в изданных совместно с М.В. Фехнер статьях, характеризующих хронологию погребальных комплексов, погребальный обряд и инвентарь погребений.

Согласно М.В. Фехнер и Н.Г. Недошивиной, Тимеревский могильник функционировал с конца IX до начала XI в., при этом основная масса курганов была возведена во второй половине X в. Авторы интерпретируют его как некрополь административного центра, служившего местом сбора и концентрации дани, и связывают часть погребений с феодализирующейся знатью. Высказывая эти оценки, М.В. Фехнер и Н.Г. Недошивина не вступили в прямую полемику с ленинградскими исследователями, проводившими в те же годы раскопки Тимеревского поселения. Однако очевидно, что предложенная археологами ГИМ характеристика Тимеревского комплекса существенно отличалась от концепции И.В. Дубова, рассматривавшего Тимеревское поселение как протогород, центр трансъевропейских связей, ключевой пункт на Волжском пути. Существование различных точек зрения на социальный облик поселений и могильников, выделяющихся находками предметов, связанных с торговлей, военным делом и управлением, – обычная ситуация в археологии. Сегодня оценки М.В. Фехнер и Н.Г. Недошивиной представляются более аргументированными, чем взгляды их оппонентов. Но гораздо важнее издание материалов раскопок. После публикации статей о погребальном обряде и вещевом инвентаре курганов, материалы Тимеревского могильника знакомы исследователям значительно лучше, чем материалы других некрополей этого времени, и доступны для дальнейшего обсуждения и создания альтернативных интерпретаций.

Другой областью научных интересов Н.Г. Недошивиной на долгие годы стали «вятические» древности. Курганы Подмосковья в 1950–1960-х гг. казались многим археологам привлекательными объектами для раскопок. Однако новые полевые работы, производившиеся на этих памятниках после издания в 1930 г. фундаментального исследования А.В. Арциховского «Курганы вятичей», как правило, не ставили перед собой больших научных задач. Требовалась определенная научная смелость, чтобы сформулировать новые проблемы и найти новые подходы к изучению курганных могильников «Вятической земли». В кандидатской диссертации Н.Г. Недошивина сделала предметом своего изучения погребальный обряд курганов вятичей

и попыталась объяснить существование в этом обряде в XI–XIII вв. значительных различий (ингумации в ямах и на горизонте, вытянутые вдоль тела или сложенные на груди руки и т.п.). Чтобы получить ответ на этот вопрос оказалось недостаточно собрать материалы всех ранее раскопанных могильников в бассейне Верхней Оки и Москвы-реки, потребовалось провести широкие раскопки трех эталонных курганных групп (Акатово, Маклаково, Новлянская) с подробной фиксацией всех деталей погребального обряда. Вывод о том, что основная линия развития курганного обряда – постепенный переход от трупосожжения к ингумациям на горизонте, а затем – в ямах, уменьшение количества погребального инвентаря, а затем и полное его исчезновение, распространение обычая складывать руки на груди – связан с постепенной христианизацией Верхнего Поочья и Москворецкого бассейна может сегодня показаться очевидным. Однако в советской историографии послевоенного времени древнерусские курганы рассматривались как языческие памятники. Тезис о том, что население, возводившее курганы в XII в. не было затронуто христианизацией, был одним из центральных в концепции «языческой Руси» Б.А. Рыбакова. Н.Г. Недошивина выявила и датировала основные этапы эволюции курганного обряда – от языческих кремаций до безынвентарных ингумаций в глубоких ямах под невысокими земляными насыпями. Хотя развитие погребального обряда в разных областях средневековой Руси имело свои особенности и свою динамику, эти наблюдения, сделанные на большом и тщательно изученном материале, оказались важны для общего понимания его изменений на различных территориях.

Исследование изменения погребального обряда под воздействием христианизации органично привело Наталью Германовну к изучению древнерусских крестов и крестовидных подвесок в контексте распространения христианства. Эти категории древностей, обращение к которым стало столь популярным в наши дни, вплоть до 1980-х гг. не пользовались большим вниманием археологов. Н.Г. Недошивина одной из первых акцентировала внимание на том, что кресты и крестовидные подвески не были чисто декоративными элементами костюма, а находки их в погребениях с элементами языческой обрядности не означают, что их христианская символика не осознавалась в древнерусской среде. Исключительное значение имела одна из первых

ее публикаций на эту тему – небольшая заметка о крестовидных подвесках из листового серебра, найденных в Гнёздове, Тимереве, Киевском некрополе и Василькове на Нерли, появившаяся в «Советской археологии» в 1983 г. Н.Г. Недошивина впервые обратила внимание на небольшую серию крестовидных подвесок, происходящую из погребений середины–второй половины X в., указав, что эти предметы характеризуют первые шаги христианства на Руси. Находки аналогичных подвесок в могильниках Скандинавии свидетельствуют о том, что они связаны с варяжской средой, хотя некоторые из них были изготовлены на Руси. Так была идентифицирована древнейшая группа крестов, наиболее ранние археологические свидетельства христианизации древнерусской элиты. В статье, посвященной амулетам и предметам христианского культа с острова Вайгач – языческим подвескам в виде фигуры бородатого мужчины в кольчуге и подвескам с изображением ангелов и Архангела Михаила, найденным на жертвенных местах, введены в научный оборот важные материалы, раскрывающие языческие культы на крайнем Северо-Востоке Европы, появление в этом регионе предметов христианского культа в XII вв. и их «вторую жизнь» в местной языческой среде. Общий обзор предметов христианского культа домонгольской Руси, подготовленный в соавторстве с Т.В. Николаевой, представлен в одном из томов «Археологии» – «Древняя Русь. Быт и культура», изданном в 1997 г.

Если научную деятельность можно измерить объемом и качеством опубликованных работ, то ежедневный подвижнический труд музейного сотрудника – хранителя древностей, оценить в категориях, понятных человеку, не знакомому с музейными буднями, совсем не просто. А именно специфической музейной работе, подчас в ущерб своей научной карьере, Наталья Германовна посвятила многие годы своей жизни. И, прежде всего, речь идет, конечно, о буднях – создание коллекционных описей (ее почерк хорошо узнается в документах, написанных и в 1960-е, и в 2010-е годы), бесконечная упаковка и распаковка коллекций, их перемещение в связи с долгим ремонтом различных частей Исторического музея. Нельзя забывать и о том, что в течение многих десятилетий на ответственном хранении у Натальи Германовны был и так называемый фонд драгметаллов, представленный по большей части вещами из кладов – от киевских, владимирских и до симферопольского. А

это означает постоянную и очень напряженную работу по составлению списков на апробацию этих вещей, получению спецномеров для них, внесению их в определенные книги учета, а также наблюдению за состоянием сохранности и передаче в отдел реставрации.

И, наконец, тяжелый, неблагодарный, порой почти детективный труд по сверке коллекций музея, формировавшихся в течение полутора веков. Наталье Германовне выпало участие в двух компаниях по тотальной сверке фондов – в 1970-е и в 2000-е годы.

Одна из составных частей жизни музейщика – выставочная и экспозиционная работа. Создание постоянной экспозиции Исторического музея – дело столь же сложное и ответственное, как написание учебника по Отечественной истории, ведь именно в зрительных образах, создаваемых экспозицией Исторического музея, многие поколения школьников мыслят исторический процесс. Н.Г. Недошивина как минимум дважды – в 1960-е и в конце 1990-х годов, была в составе авторского коллектива по разработке и созданию экспозиции по домонгольскому периоду древнерусской истории. В задачи работы входило все – от формирования концепции и тематической структуры до отбора конкретных предметов, их аннотирования, предварительной раскладки, и до монтажа в залах на заключительном этапе.

Помимо того, Наталья Германовна принимала самое активное участие в подготовке многих выставок внутри страны и за ее рубежами: «1000 лет русского золотого и серебряного дела», «Реликвии государства Российского», «Александр Невский», «Сельские викинги на Руси и в Швеции» и многие др. И хотя временная выставка открыта для посетителей недолго, подготовка ее ведется по тем же музейным правилам, что и работа над постоянной экспозицией. На создание выставки уходит, по меньшей мере, год, но чаще – около двух лет. Каждая такая выставка – продукт творческих усилий и огромных знаний ее авторского коллектива.

Самостоятельные полевые исследования Натальи Германовны (Акатово, Бельково, Маклаково и др.) проводились ею, прежде всего, в целях комплектования и пополнения коллекции вятических древностей ГИМ. В течение нескольких сезонов Н.Г. Недошивина принимала участие в работе Верхнеокской археологической экспедиции Института археологии РАН и в 1989 г., благодаря ее усилиям, фонды Исторического

музея пополнились замечательной коллекцией материалов из раскопок древнерусского Серенска, одного из крупнейших городов «земли вятичей». Серенские находки составляют значимую часть постоянной экспозиции музея.

Наталья Германовна никогда не занималась преподавательской деятельностью, но общение с ней сыграло важную роль в профессиональном становлении многих молодых археологов нескольких поколений – сотрудников ГИМ и многочисленных посетителей, обращавшихся

к изучению археологических коллекций. Она была и остается незаменимым проводником по археологическим фондам музея, ее советы и рекомендации помогли многим из нас в выборе наших научных тем, поисках необходимых материалов и повседневной работе с коллекциями. Этот сборник – дань уважения Наталье Германовне, знак нашей любви и глубокой благодарности за все доброе, что она делает для археологической науки, для музея и своих коллег.

N. Makarov, V. Murasheva

ONCE UPON A TIME VYATICHI WERE LIVING HERE...

The paper presents the collected volume was prepared by archeologists of different generations and institutions as an expression of love and deep gratitude to N. Nedoshivina. The area of expertise of Natalia Nedoshivina concerns the Viatichi's mound antiquities and sites of the Old Rus' formation period (burial grounds of the Yaroslavl Povolz'ye) and her publications are dedicated to these subjects. She works in the State Historical Museum more than 55 years and over

this time she has participated in creation of the exposition, numerous exhibitions, kept the archeological department's fund of precious metals and execute a lot of other functions of the antiquity keeper.

The benevolence of N. Nedoshivina, her perfect knowledge of the museum collection have helped several generations of young archeologists in choosing scientific topics and in assortment of material for their work.

Рис. 1. Тамань. 1952–1953 гг.

Рис. 2. Тамань. С Майей Нарович (Болгария), Л. Виноградовой, С. Плетневой, В. Кучкиным, М. Алешковским и др. 1953 г.

Рис. 3. Тамань. 1954 г.

Рис. 4. Выезд в Киев после окончания работ Таманской экспедиции.
С Н. Тухтиной и И. Качаловой. 1955–1956 гг.

Рис. 5. Выезд в Киев после окончания работ Таманской экспедиции.
С В. Даркевич, Н. Тухтиной, М. Виноградовой, Т. Макаровой, С. Плетневой
и студентами. 1956 г.

Рис. 6. Чернигов. 1956 г.

Рис. 7. Шестовица. С Д. Блифельдом (в шляпе) и И. Качаловой. 1960 г.

Рис. 8. ГИМ. С Д. Раевским, В. Марголиным и Л. Греховой. Начало 1960-х гг.

Рис. 9. Ярославль. С Д. Раевским и В. Дедюхиной. 1960-е гг.

Рис. 10. Тимерево. 1960-е гг.

Рис. 11. Курганы под Устюжной. С. А. Никитиным. 1963–1964 гг.

Рис. 12. Гнездово. С М. Фехнер. 1970-е гг.

Рис. 13. Выезд ГИМовцев на Куликово Поле (начало строительства музея).
С М. Фехнер, А. Никитиным, В. Марголиным и др.. 1980-е гг.

Рис. 14. Бельково. 1989–1990-гг.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Н.Г. НЕДОШИВИНОЙ²

- К вопросу о связях радимичей и вятичей // Труды ГИМ. Вып. 37. М., 1960. С. 141-147.
- Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 24-31.
- Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 51-54.
- Предметы вооружения из ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 55-63.
- Торговый инвентарь // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 71-74.
- Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 253-274.
- О датировке Белевского клада // Славяне и Русь. М., 1968. С. 118-121.
- Новлянские курганы // АО 1969 г. М., 1970. С. 70-72.
- Исследования средневековых памятников в долине р. Прони // АО 1969 г. М., 1970. С. 76-77. (В соавторстве с А.Е. Леонтьевым, В.А. Мальм, Г.Ф. Поляковой, М.В. Фехнер.)
- Акатовский курганный могильник XI–XII вв. в Подмосковье // Экспедиции ГИМ. М., 1969. С. 214-227.
- Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 182-196.
- Раскопки в долине р. Прони // АО 1970 г. М., 1971. С. 88-90. (В соавторстве с В.А. Мальм, М.Ф. Фехнер, Г.Ф. Поляковой.)
- Работы Пронской экспедиции // АО 1971 г. М., 1972. С. 103. (В соавторстве с Г.Ф. Поляковой, М.Ф. Фехнер.)
- Курганный могильник у д. Маклаково конца XII–начала XIII вв. // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 210-215.
- Тимеревский могильник близ Ярославля // АО 1974 г. М., 1975. С. 67-68. (В соавторстве с М.В. Фехнер, Г.Ф. Поляковой, В.А. Мальм.)
- Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1974., 24 с.
- Каменная иконка, найденная в Новгороде // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 219-227. (В соавторстве с Т.В. Николаевой.)
- Раскопки Тимеревского могильника // АО 1975 г. М., 1976. С. 75-76. (В соавторстве с В.А. Мальм, М.В. Фехнер.)
- О религиозных представлениях вятичей // Средневековая Русь. М., 1976. С. 49-53.
- Раскопки Тимеревского могильника в Ярославле // АО 1976 г. М., 1977. С. 59-60. (В соавторстве с В.А. Мальм, М.В. Фехнер.)
- Исследования Тимеревского могильника близ Ярославля // АО 1977 г. М., 1978. С. 72-73. (В соавторстве с В.А. Мальм, М.В. Фехнер.)
- Раскопки Тимеревского могильника близ Ярославля // АО 1978 г. М., 1979. С. 76. (В соавторстве с В.А. Мальм, М.В. Фехнер.)
- К вопросу о генетической связи радимических и вятических височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. Вып. 51. М., 1980. С. 107-111.

¹ В список не вошли многочисленные каталожные описания предметов из собрания ГИМ, а также вступительные статьи и разделы в каталогах выставок, экспонировавшихся по всему миру; заметки в энциклопедических изданиях, научные отчеты о полевых археологических исследованиях, а также отзывы и рецензии на дипломные работы, монографические и диссертационные исследования.

- Новлянские курганы // СА. 1981. № 1. С. 293-297.
- Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. № 4. С. 222-226.
- Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101-115. (В соавторстве с М.В. Фехнер.)
- Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70-89. (В соавторстве с М.В. Фехнер.) С. 70-89.
- Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1987. С. 165-181.
- К вопросу о вятичах на среднем Дону // Культура и история средневековой Руси. Тезисы конференции, посвященной 85-летию А.В.Арциховского. М., 1987. С. 14-16. (В соавторстве с М.И. Гоняным.)
- Археологические исследования в районе Куликова поля // Научные чтения. Археология Рязанской земли. Тезисы докладов к 100-летию начала научной деятельности В.А. Городцова. Рязань, 1988. С. 48-49. (В соавторстве с М.И. Гоняным.)
- Исследования в районе Куликова поля // АО 1986 г. М., 1988. С. 55-58. (В соавторстве с М.И. Гоняным, А.П. Мошинским.)
- Об одной группе древнерусских амулетов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научной конференции «Древнерусское язычество и его традиции». Псков, 1988. С. 36-37.
- Об одной группе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. Вып. 74. М., 1990. С. 102-106.
- К вопросу о вятичах на верхнем Дону // СА. 1991. № 1. С. 246-254. (В соавторстве с М.И. Гоняным.)
- Об одной группе древнерусских амулетов // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. М., 1993. С. 39-45.
- Новые поступления // Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М., 1994. С.179-180.
- Металлические кресты-тельники домонгольской Руси // Археологические изыскания. Вып. 26. Церковная археология. Материалы I Всероссийской конференции. СПб.- Псков, 1995. С. 69-71.
- Ритуальные фигурки со святилища Вайгач // РА. 1996. № 2. С. 198-206.
- Древнерусские амулеты в виде миниатюрных предметов быта и их роль в погребальном обряде // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. Вып. 93. М., 1997. С. 80-108.
- Предметы христианского культа // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 166-178. (В соавторстве с Т.В. Николаевой.)
- Любечский клад // Археологический сборник. Памяти М.В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999. С. 190-196.
- О больших колтах Святозерского клада // СА. 1999. №1. С. 182-186.
- Древнерусский могильник Каблуково в Подмосковье // Археология Подмосковья. Вып.3. М., 2007. С. 124-144.
- Древнерусские клады в собрании Государственного Исторического музея. М., 2010. 20 с.
- Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX-X вв. Археологическая панорама. М.-Вологда, 2012. С. 178-193. (В соавторстве с С.С. Зозулей.)

Составитель С.С. Зозуля

Ю.Л. Щапова (МГУ им. М.В. Ломоносова)

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР РУССКОЙ РАВНИНЫ (V–XII ВВ.)

Предлагаемый вниманию читателя вариант вычислительной хронологии представляет собою опыт приложения правил построения макромасштабной математической модели хронологии и периодизации археологической эпохи (далее АЭ) к процессам иного масштаба (Щапова, 2005).

Масштаб (от нем. *Masstab*, что означает «мерная палка», где *Mas* – мера, *stab* – палка) в общем математическом смысле означает отношение двух линейных размеров; в гуманитарных областях знания и в обыденной жизни слово масштаб означает размах, охват, значение. Масштаб как понятие приложим к разным областям знания и практики. Всякому научному понятию соответствует термин, т. е. слово, которое становится его именем. Термин имеет границы (его название от *terminus*, что и значит граница), и вложенные и закрепленные за ним содержание и смысл. Оба качества термина определяют уровень развития науки на момент появления термина. Следовательно, каждый термин должен развиваться. Действительно, современное понимание масштаба существенно шире: к линейному, привычному, масштабу географических карт и топографических планов добавлены два вида, именованный и числовой. С недавнего времени такой структурный порядок изменен: графический масштаб занял место линейного, который в свою очередь, утратив статус соподчиненного масштаба, не только обрел статус подчиненного, но и вернул статус соподчиненного с добавленным поперечно. Подобные систематические преобразования интересны только с одной точки зрения: они подтверждают исторический характер понятия «масштаб». От течения времени и от уровня развития науки и

знания в целом зависит не только объем понятия, масштаб в нашем случае, но и структурная организация, и число его видов. Всякое количество, естественно, связанное с качеством, может быть измерено. Всякие единицы измерения должны соответствовать масштабу событий. Имеют масштаб и многие другие явления и процессы, например личность, научная проблема, конкретные явления и задачи. Масштабы могут быть макро-, средне- и микроэкономическими, долго-, средне- и краткосрочными, и т. д. Такой короткий перечень примеров позволяет заключить, тем не менее, что развиваются и самое понятие масштаб, и сфера его приложения. Более того, такой, казалось бы, частный случай понятия как *масштаб времени*, получил статус научного понятия и значение термина в 1969 г. Автор этого нововведения А.И. Одесский предложил его для выявления временной периодичности геологических процессов по геологическим размерам осадочных пород. В этом случае масштаб времени равен масштабу слоистости. Я не подозревала о столь недавней новизне понятия и термина масштаб времени, несмотря на постоянный интерес к хронологии древностей, хронологии и периодизации АЭ, в приложении к которой была опубликована статья Б.С. Шорникова о масштабной интерполяции хроноэволюции (Шорников, 2005. С. 186-189).

Как всякое научное понятие, термин – не «фигура речи», как мне казалось, и должен иметь дефиницию, обозначенные границы и область применения. Он, как всякое понятие, может развиваться спонтанно. Более того, область его применения можно расширять и уточнять сознательно. Масштаб времени – частный случай понятия масштаб, имеет содержание и

понятийную структуру. Понятийный аппарат и терминология – объект науки терминоведение, которая располагает собственными подходами, методами, аксиоматикой и теориями. Более того, археологическая терминология стала предметом исследования в свете когнитивной лингвистики (Кокорина, 2011).

Понятие *масштаб времени* используют во многих науках, из их числа геология и археология; оно актуально, например в кинематографии, и менеджменте в целом. С этой точки зрения интересна деятельность ООО ИНФОРМАТОР¹ с успешно созданными ею высокотехнологичными IT инновациями, которые имеют методологическую и теоретическую составляющие. Из идеи «единое информационное пространство» выросли не только представления об общей структуре и единой программе обработки (я сказала бы: разработки) такого пространства, но и понимание того, что создан новый тип организации информационной системы. Авторы проекта полагают, что она скоро станет стандартом, необходимым для эффективного управления в любой сфере и не только бизнеса благодаря безопасности, комплексной автоматизации и использованию элементов искусственного интеллекта.

Я столь подробно описала результаты и перспективы деятельности ООО Информатор, по той причине, что такие научные понятия как масштаб времени и общее информационное пространство, актуальные в других науках, интересны и нам. Например, понятие, близкое информационному пространству, В.Л. Кожара употреблял, исследуя внутренние воды Центральной России. Вслед за ним и я использую понятие информационно насыщенное исследовательское поле. Мне кажется, это понятие не требует специальных уточнений. Понятие информация исходно связано с понятием разнообразие, уровень которого фиксирует «список признаков», на котором строится «Программа описания» артефактов, процессов, явлений и

т.д. Это понятие можно рассматривать как некое целое в отличие от суммы археологических фактов (Щапова, 2011б. С. 166-171)

Информационно насыщенные пространства лежат в основе моих представлений об информационных полях, объемлющих древние материалы, технологии, техноценоз и материальное производство в археологическую эпоху в целом. Общая концепция последнего рассмотрена в рамках макросемантического масштаба, исчисляемого в тысячелетиях (Щапова, 2011а). Именно этот масштаб помог установить хронологию, периодизацию, нелинейность эволюции и структуру АЭ, структурная единица которой названа археологической субэпохой (АСЭ). Семь АСЭ (археолит, нижний, средний и верхний палеолит, неолит, палеометалл и неометалл) заменили «систему трех веков».

Из этого следует, что информационный подход к разработке таких тем как структура, хронология и периодизация не только главный, но и новый по сравнению с так называемым суммативным (сумма имеющихся данных, характеризует процессы и явления вне концепции целого). Понятия информация, разнообразие и сумма признаков, масштаб времени и информационное пространство представляют своего рода триаду, которая объемлет границы основных физических величин: пространство, время и, как теперь полагают, масса, в которых развиваются исторические явления и археологические культуры в частности. Первичный масштаб времени в каждом его диапазоне индивидуален (табл. 5). В настоящее время исследователь, разрабатывая проблему времени, – хронология и периодизация напрямую входят в эту проблему, – должен обращаться к «паттерну Эллиота». Согласно этому образцу существует десять степеней или масштабов времени.

В геологии и в звездной астрономии такие масштабы времени считают идентичными. Все десять иерархически разных масштабов абсолютного времени различаются на порядок.

¹ Немного о компании. Согласно информации Интернет: Yandex. ru, компания работает на рынке информационных технологий с 1999 г., последние 12 лет занимается созданием комплексных автоматизированных систем управления торговлей, ломбардами, мерчандайзингом. С 2000 г. начался период становления клиент-серверных технологий на базе SQL-серверов. В деятельности компании произошел перелом: возможности новых платформ и накопленный опыт позволили приступить к разработке Комплексной Автоматизированной Системы управления предприятием. Именно поэтому при построении ИС за основу принимаются следующие принципы: безопасность, надежность, быстроедействие, масштабируемость, гибкость, перспективность. На текущий момент акценты в автоматизации систем переносятся на задачи управленческого учета, обеспечение всех отделов и руководства оперативными данными в удобном для анализа и принятия решений виде. Именно эти задачи призваны решить Интранет-системы «MECCANO» и «ИСМ-Т», позволяющие создавать специфичные решения для автоматизации бизнес-процессов, систем и программных продуктов.

Таблица 1. Шкала масштабов времени.

Субъект масштаба времени	Коэффициент	Возраст, лет
Вселенная	1,7	10^{10}
Земля	4.6	10^9
Человек (как биологический вид)	3	10^6
Цивилизации		10^4
Техногенные цивилизации		10^2

Этому различию на порядок соответствуют единицы измерения времени: 10^n , где $n=1-10$. Наибольшее значение, с точки зрения авторов шкалы, имеют выбранные ими 5 масштабов. Масштаб геологического времени и близкий к нему масштаб абсолютного времени Вселенной (первые две строки), различаясь на порядок, должны иметь единицы измерения, также различающиеся на порядок. Поскольку $10^9 = 1000\ 000\ 000$, следовательно, Земля появилась на уровне 4,6 млрд. л., что соответствует общепринятым представлениям.

С масштабом $10^6=1000\ 000$ лет, по мнению авторов шкалы, на уровне 3 млн. л. появился Человек как биологический вид. Археология и антропология могут датировать это событие более точно, но в данном случае речь идет об иерархии событий, о единицах измерения и их связи с масштабами времени. Первые цивилизации, появившиеся на уровне 9-8 тыс. л. до н.э., точно попадают в свой масштаб времени $10\ 000=10^4$. Масштабы и степени времени, которых в таблице 1 нет, в частности, 10^8 и 10^7 характеризуют геологическое время, 10^5 – антропогенез, 10^3 – можно полагать абсолютным временем цивилизаций, эволюции и развития человека, человеческих обществ, включая их технологические и культурные компоненты.

Десять степеней (масштабов) времени (таблицу 1 называют паттерном Эллиота) представляют шкалу абсолютного астрономического времени. Соотнеся с этой шкалой, например дату появления *Homo habilis* Leakey (на уровне 2,5 млн. л.), мы получим возможность придать этой дате статус абсолютной и математической. Согласно числовой модели хронологии (табл. 2) появление *Homo habilis* Leakey приходится на уровень 2584 тыс. л. Я думаю, что разницей в 84

тыс. л., около 3% от определения, можно пренебречь (Щапова, 2005. С. 145-150).

Замечу, что 1.000 лет (10^3), изначально принятая в качестве единицы измерения времени в моих моделях хронологии, периодизации археологической эпохи и затем моделирования процессов АЭ, получила подтверждение благодаря паттерну Эллиота не только своей адекватной надежности и точности. Любая дата, будучи вписанной в шкалу абсолютного времени, легко и просто обретает статус **абсолютной** (табл. 2).

Таким образом, модель хронологии и периодизации АЭ, в основу которой положен ряд Фибоначчи (далее – РФиб) и присущее ему «золотое сечение», приобрела новый статус и выдержала испытание временем (с момента ее первого предъявления прошло 15 лет (Щапова, 2002)).

Модель была неоднократно опубликована и комментирована (Гринченко, Щапова, 2012. С. 40-45). Воспроизведя ее в очередной раз, подчеркну, что к сюжету, рассматриваемому в статье, относится лишь небольшой фрагмент той части археологии, которую полагают исторической в отличие от доисторической или первобытной. Историческая археология охватывает события, начиная с 5 тыс. до н. э., в них принимал участие человек, уровень сложности которого превышает уровень сложности *Homo sapiens*, создавшего культуры верхнего палеолита, и уровень сложности создавшего культуры мезолита-неолита *Homo sapiens sapiens*, он же *Homo sapiens-2*, он же *Homo s. neolithicus (mesolithicus)*. Археологические металлоносные культуры создали еще более сложно организованные *Homo sapiens*: *Homo sapiens-3 (paleometallicus)* создал АСЭ бронзового века. *Homo sapiens-4 (neometallicus)* создал археологию и историю I тыс. до н.э., архе-

Таблица 2. *Макромасштабная математическая модель хронологии и периодизации археологической эпохи (в тыс. л.).*

6765-4181-2584-1597-987-610-377	Homo habilis
1597-987-610-377-233-144-89	Архантроп
377-233-144-89-55-34-21	Палеантроп
89-55-34-21-13-8-5	Homo sapiens
21-13-8-5-3-2	Homo neolithicus
5-3-2-1-0*-1	Homo modernus 1
2-1-0*-1-	Homo modernus 2

ологические культуры раннего железного века и Античность как исторический феномен. Археологию и историю I тыс. н.э.: археологические культуры позднего железного века и цивилизации поздней античности, раннего средневековья и Кватроченто⁴ – создал Homo sapiens-5.

Я могу позволить себе утверждение: предлагаемая модель (табл. 2) – это модель **абсолютной** хронологии и периодизации АЭ. Она является абсолютной хронологической моделью процессов любой сложности и значения, развертывавшихся на всей территории Ойкумены на протяжении V тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Это утверждение переворачивает хронологическую проблематику субэпох раннего и позднего металлов (традиционных бронзового и железного веков) или, в терминах модели хронологии и периодизации АЭ, археологических субэпох бронзового и железного веков. Кроме того, нужно помнить, что процедуру датирования и периодизации, оценки возраста и «года рождения» некоего процесса или археологической культуры начинают традиционно с накопления «датируемых данных». Ее продолжает распределение (датируемых данных) в культурном слое и поиск некоторого баланса (это своего рода хронологическая стратификация изучаемого явления по одному или нескольким признакам). Завершением работы становится стратиграфическая колонка и создаваемая на ее основе хронологическая шкала. Процедура датирования артефактов, связанных с памятником или культурой, сводится к соотношению каждого артефакта со шкалой времени, конкретной для каждого памятника или археологического комплекса. Такое индуктивное датирование – это восхождение от единичного и частного к общему и целому, от простого – к сложному, от хаоса к порядку; сначала к относительной хронологической шкале и с надеждой или уверенностью – со временем построить хронологию абсолютную.

Математически обобщенная модель хронологии и периодизации построена безотносительно к какой-то отдельной культуре или периоду, она как надежный каркас может быть встроена в археологическую эпоху в целом или к соответствующей ее части, например, применена к железному веку, его хронологии или периодизации. Артефакты, соотносимые со шкалой времени, обладающей признаками абсолютного времени, приобретают **абсолютную дату**. За такой хронологией должна следовать абсолютная периодизация (изучаемого памятника или археологической культуры). Остается найти «отправной пункт», момент или отрезок времени, к которому эту модель можно «привязать», или место, где ее можно встроить.

Мне известны два способа решения такой задачи: один из них – сакраментальное и интуитивное «судя по всему». Интуиция всегда приводит к решению, близкому к истине, но нуждающемуся в поддержке. Другой – датирование с помощью любого естественнонаучного метода, не только радиоуглеродного, предпочтительный интерес к которому определили успехи в разработке хронологии древностей Среднего Подвинья и Двинско-Неманского междуречья (Плавинский, 2013. С. 123-124),

Датировать артефакт значит, что, во-первых, найден момент, точка или промежуток (отрезок) времени, с которым объект исследования может быть связан. Во-вторых, выбрать соответствующие единицы измерения времени событий, с которыми он связан. В рассматриваемом случае речь может идти о сотнях, десятках и единицах лет. И, в-третьих, установить *масштаб времени и событий* (напомню: он может быть мега-, макро-, мезо-, микро- и суб-микросемантическим). Время событий всегда должно быть представлено в едином масштабе и, следовательно, измерено в одних тех же единицах. Естественно, что изучаемые и сравниваемые явления,

²Согласно модели антропогенез в пору исторической хронологии продолжался в ритме через ½ и далее.

артефакты и процессы должны быть описаны в одной терминосистеме. Установить масштаб событий и артефактов с ними связанных часто важнее, чем датировать их. Одинаковый масштаб времени помогает понять стратиграфию, иерархию, принадлежность или связь рассматриваемых реальностей с событиями разного масштаба или с разными стратами.

Исходные и/или начальные стратиграфические уровни находят, разбивая имеющиеся данные на части (ранги). Ранжирование и масштабирование – процедуры во многом сходные. Опыт показывает, что оптимальное число рангов и градаций – пять, но никогда более семи. Иное число (рангов) означает, что изучаемая выборка не репрезентативна, не насыщена информацией или ошибочна. События и даже признаки одного масштаба объединяют в кластеры, которые впоследствии могут быть скоррелированы с событиями иных масштабов или между собой, с датой (временем) или местом (находки или исследования). Все количественно-качественное разнообразие, будь то содержание микропримесей в древних металлах или особенности декора, необходимо и должно быть упорядочено, чтобы уровень сложности мира, некогда окружавшего человека, был понятным адекватно (Щапова, 2000).

Итак, доктрина времени придала археологическим событиям исторический характер. Математическая модель хронологии и периодизации АЭ и астрономическая хронология, по определению и по аналогии независимые от земного контекста, представляют планетарную, т.е. абсолютную, хронологию АЭ. Астрономический масштаб времени иерархичен и именно поэтому возможны другие, менее крупные масштабы времени, которые обладают свойствами абсолютной хронологии АЭ. Этот вывод получен по правилам формальной логики и поэтому он должен быть истинным, не ложным. Можно полагать, что археологические данные, все субъекты и самые археологические субэпохи, введенные в математическую модель хронологии и периодизации АЭ, получают абсолютную дату и дополнительное соотнесение с конкретной археологической (под-субэпохой) АСЭ, от археолита и нижнего палеолита до неолита и неометалла, он же железный век (табл. 2).

Все АСЭ имеют трехфазовую структуру: одна, основная явная, фаза эволюции и две скрытые: первая – становления АСЭ, последняя – ее инволюция. Хронология АЭ и АСЭ по-

добна геохронологии и может существовать (и с недавних пор существует) самостоятельно как некий феномен и подобно ей включает в себя собственно хронологию, периодизацию и стратиграфию (последовательность формирования: культурного слоя, курганной группы и т. д.). Геологическая хронология существует в числовой и словесной форме, я имею в виду названия геологических эр, периодов и т. д. В археологии есть своя иерархия и номенклатура: века, эпохи, периоды и даты. К сожалению, лишь некоторые из них согласованы и являются конвенциональными. Научное сообщество полагает возможным по-разному датировать не только памятники, принадлежащие археологической эпохе, но и самые эпохи и даже «века». В нашем случае такая свобода затрудняет и без того непростую работу с хронологией. Приведенная модель, не исключая хронологических различий, требует *обязательного соотнесения даты исследуемого памятника с моделью как с календарем*, каковым она на самом деле и является. Календарь – не метод или инструмент датирования, но именно он предоставляет возможность сделать неотъемлемой частью исторически упорядоченной действительности и исторического целого исследуемый памятник и любой другой объект или факт археологической действительности. Для этого надо изучать хронологию событий: измерять время событий, считать расстояние между событием и так называемой отправной точкой, между событиями, между событием и нами, и т. д. Всякий подсчет удобно вести, если даты записаны арабскими цифрами. (Кстати сказать, вычислительная математика стала возможной только с тех пор как средневековая Европа перешла к записи чисел арабскими цифрами вместо буквенных символов или римских цифр). Еще труднее работать с датами, если они сочетают в себе цифры и слова, например, «последняя четверть II в. (или тыс. л.) до н. э.» (или н. э.); иногда, особенно в таблицах, записывают $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ VIII в. (или тыс. л.) до н. э. Подобные комбинированные записи дат можно заменить записанными с помощью арабских цифр (Щапова, 1989. С. 29-30).

Хронология и учение о времени придают историческое значение всяким событиям и фактам археологической действительности, любому факту в развитии археологии как науки, славяно-русской археологии в частности. Хронология Неревского раскопа в Новгороде и ее роль в развитии славяно-русской археологии трудно

Таблица 3. Отрезки времени в пределах тысяче–столетия (соответствия разных обозначений).

Единица измерения: тысяче- или столетие	Числовая запись в столетия (в годах)	Единица измерения: тысяче- или столетие	Числовая запись в столетия (в годах)
Начало	1–20	Первая четверть	1–25
Конец	80–100	Вторая четверть	25–50
Первая половина	1–50	Третья четверть	50–75
Вторая половина	50–100	Первая треть	75–100
Середина	25–75	Вторая треть	1–33
Рубеж тыс., столет.	00	Последняя треть	33–66
Последние тыс.л., век. ¹	Варианты: 4/4, 75 - 100		66–100
Первые тыс.л., век. ²	100		

Примечание. Примеры записи: начало V века: 401-420; конец V века: 480-500; первая половина V века: 401- 450; вторая половина V века: 450-500 и т. д.

переоценить. Именно этот опыт использован в таблице 3.

С момента ее разработки археологическая хронология, связанная со шкалой абсолютного времени, стала отдельным и целостным знанием, превосходящим уровень вспомогательной исторической дисциплины. Так шкала времени одного раскопа превратилась в дендрохронологию Великого Новгорода, а затем и в хронологию средневековых древностей Восточной Европы (От редакции..., 1959. С. 5-6).

Раннесредневековые древности принадлежат позднему железному веку и находятся вне зоны действия новгородской хронологии. Всю историю раннеславянского мира В.В. Седов уложил в пределы V-XI вв. Попробуем встроить этот отрезок времени из истории ранних славян в хронологическую модель АЭ макросемантического масштаба (напомню: измеряемого в тысячелетиях. Табл. 2). Сделаем выкопировку из нее и представим хронологию и периодизации трех последних АСЭ.

Из выкопировки следует, во-первых, очевидная попарная синхронность смежных процессов и, во-вторых, общность второго тысячелетия для всех трех АСЭ (заметная только в таком макромасштабе – Щапова, 2011а. С. 126-128). Курсивом отмечены скрытые фазы эволюции АСЭ, если их исключить, то АСЭ будут существовать, **сменяя друг друга**, в то время как они параллельно сосуществуют почти три тысячи лет на разных, но более или менее близких территори-

ях. Такая синхронизация моделирует «систему трех веков». Как известно, в Евразии, частью которой является лесная зона Восточной Европы, бронзовый век существовал в форме так называемого пост-неолита, за которым следовал железный век. Обращаю внимание: **время** для бронзового века **есть** (Щапова, 2012. С. 30-34; Гринченко, Щапова, 2013. С. 71-83).

Присоединив пост-неолит к неолиту, мы удлинили АСЭ неолита всего на один период, на одну тысячу лет, и в результате не осталось времени на бронзовый век в лесной полосе Восточной Европы. Неолит этой зоны, относящийся к протоистории, обретя шестой период, стал структурно равнозначным всем шестичленным АСЭ палеолита и археолита. Как мы видим, неолит в этой зоне непосредственно предшествует железному веку.

21 - 13 - 8 - 5! - 3 - 2 - 1

2 - 1 - 0* - 1 - 2

Уровень пятого тысячелетия (в записи справа – восклицательный знак) – это время появления человека современного типа, умеющего читать, писать, воевать и управлять государством (Homo sapiens-3 – Щапова, 2012; Гринченко, Щапова, 2013а. С. 71-83). Уровень сложности такого человека соответствует уровню сложности субъекта АСЭ бронзовый век. Другими словами: два условия для появления бронзового века в этом регионе – субъект и время, объективно существуют. Однако этих факторов недостаточно для реализации «системы трех веков». АЭ

без АСЭ железного века, назовем ее «системой двух веков», известна на большой территории Сибири и Дальнего Востока (Российский Дальний...2005; История и археология., 2000). Кроме того, «система двух веков», состоящая из АСЭ неолита и палеометалла в виде «золотого века» Месоамерики, была реализована не только в Новом Свете (Гринченко, Щапова, 2013б. С. 54-63).

«Система двух веков» как научная тема всплыла, можно сказать, неожиданно. Я думаю, что мало тех, кто готов обсуждать ее всерьез в настоящий момент. Требуют внимания многие другие факторы: материально-техническая база и культурно-историческая среда и самый субъект эволюции и развития археологической эпохи. Например, *Homo sapiens-4*, субъект АСЭ железного века, закономерно возник на уровне II тыс. до н. э. Его появление в это время могло бы поддержать версию появления на этой территории *Homo sapiens-3* в 5! тыс. до н. э., а затем и оправдать появление *Homo sapiens-5* на этой территории на уровне «смены эр». Человек этой сложности оказался способным создать поздний железный век, новую государственность, пережить Великое переселение народов, христианизацию Европы и т. д.

В контексте хронологии и периодизации железного века в лесной зоне Восточной Европы интересен момент, который можно было бы расценивать как изменение масштаба исторического времени. События АСЭ неолита таковы, что их время нужно измерять в тысячелетиях, в этом же масштабе (в рамках одной модели) расценены события обеих металлоносных АСЭ. События I тыс. до н.э. измеряют в масштабе веков. Это возможно и необходимо тогда, когда речь идет о скифской, сарматской, дьяковской и других синхронных культурах мезосемантического, крупно-локального масштаба. Изменяя время в веках, специалисты подчеркивают иной исторический масштаб событий I тыс. л. н.э., он же поздний железный век, по сравнению с событиями II-I тыс.л. до н. э. Время событий нашей эры измеряют с точностью до года, что возможно и необходимо для событий местного значения, т.е. для событий микросемантического масштаба.

Выберем в качестве «испытательного полигона» территорию, которую занимали славяне в раннем средневековье. Ранние погребальные памятники пражско-корчакской культуры

(ПКК)³ появились еще в римское время, наиболее поздние из них В.В. Седов отнес к VIII–IX вв. (рубеж? – Ю. Щ.); культура карпатских курганов (ККК) функционировала до середины V в., с этого же момента ее территорию заселяют носители ПКК. Вторую половину V–VI вв. характеризует комбинация признаков обеих культур в прикарпатской зоне. ККК совокупно отнесена к первой половине I тыс. н.э.; все земли, где известны ранние КК, славяне заселили в VI в. Периодизация курганной погребальной обрядности в ПКК такова: зарождение произошло в VI–первой половине VII вв., следующий этап – это вторая половина VII–VIII вв., последний, третий, – VIII–X вв. Великая славянская миграция отнесена к началу средневековья, к VII–VIII вв. Новые культурные образования датируют V–VIII вв., этап эволюции праславянского языка – VI–VIII вв. К началу средневековья отнесен и последний период общеславянского существования. В последних веках I тысячелетия н. э. славянский мир дифференцируется на несколько славянских этнических групп (табл. 4)

Несколько слов о манере записывать даты. Мой опыт работы с моделями хронологии и периодизации АЭ показал, что в записи дат употребляют нередко более десятка цифр. Римские цифры, широко применяемые в археологии, до некоторого времени были удобны. Запись дат арабскими цифрами бытует в англо- и немецкоязычной литературе (например, Х.Ю. Эггерс, К. Годловский, Ю. Калмер). Время, измеренное инструментально, и дату, установленную с помощью любого естественнонаучного метода, также записывают арабскими цифрами. С числами, записанными римскими цифрами можно работать, зная абак, но и он, и бухгалтерские счета, и арифмометры вышли из употребления. Как показывает опыт, вычислительная археологическая хронология – это частный случай вычислительной математики. «Оцифровка» дат номинативных и тех, что записаны римскими цифрами, неизбежна. В таблице 2 приведен вполне пригодный вариант перевод «на цифру» наиболее часто встречающихся словесных уточнений в записи дат.

На мегауровне железный век никак не проявляется, на макроуровне поздний железный век укладывается в один период, на мезо – в десять (приведенный ряд цифр соответствует лишь первому столетию), на микро – в сто (приведенный ряд цифр соответствует лишь перво-

³ Здесь и далее использованы сокращения, заимствованные из цитируемой монографии В.В. Седова

Таблица 4. История раннеславянского мира по В.В. Седову.

Названия событий	Периодизация			Продолжительность
	Ранние	Средние	Поздние	
Великая славянская миграция		600->800, VII-VIII вв.		200
Новые культурн. образования	V в.<400	VIII >800		400 лет
Эволюции праславянск. языка	>500	>800		400 лет
Посл. праславянск. состояние	>500	>800		300 лет
Диффер. славянского мира		660/750	1000	250/330 лет
Пражско-корчакская культура	рим.вр.> 450		<700 - 900	Ок. 500 лет
Культура карпатских курганов	(450); 500		1000	500 лет
Комбинация признаков	450- 600			150 лет
Земля ККК, население ПКК	450- 650			200 лет
ПКК курганная обрядность	450- 600	650 -700	700 - 1000	550 лет
Периодиз.обрядности ККК	VI - первая половина VII вв	вторая половина VII - VIII вв.	VIII - X вв.	t=1000- 450=550 M=55
Периодизация ПКК	450-675	675-810	810->900	t=900 - 450 =450 M=45
Периодизация ККК	>500- 750	750-900	900->1000	t =1000 - 500=500 M=50

Примечание: таблица 4 составлена мною. – Ю. Щ.

му десятилетию), на индивидуальном – в 1000, и приведенный ряд цифр нужно продолжить до 1000 лет.

Еще одна важная деталь: в начале РФиб – две единицы, и первая означает, что каждому новому масштабу времени предшествует скрытый период. Этот период соответствует аристотелевой аксиоме, не бывает раннего без первоначального⁴.

На отрезке 1 – 1000 РФиб имеет следующий вид: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987, ! 1597. **Жирным курсивом** выделены «узловые моменты» в эволюции и развитии процессов всех масштабов и уровней сложности, в филогенезе и в онтогенезе (от развития АЭ в

целом до индивидуального развития человека). Вся приведенная часть РФиб описывает хронологию и периодизацию АЭ, от ашеля до позднего железного века, включая скрытые фазы. Внутри этого отрезка находятся даты, помеченные жирным курсивом: 377, 89, 21, 5, 2, тыс. л. до н.э. которые фиксируют моменты появления человека принципиально большего уровня сложности, чем его предшественник. Например, отрезок 377– 21 тыс.л. описывает не только явную историю палеоантропа, но и ее скрытые фазы (Щапова, 2005. С.143-149).

Периодизация (с учетом лет по РФиб) имеет такой вид. Первое столетие можно разделить на 10 периодов: 1, 2, 3, 5, 8 // 13, 21, 34, 55, 89 (100

⁴Цит. по: Заварзин, 2000. С. 403-411.

Таблица 5. Масштабы периодизации.

Масштаб	Мега-	Макро-	Мезо-	Микро-	Индивидуальн.
1000000	1, 1, 2, 5, 8, !*				
1000		1, 1, 2, 5, 8, !*			
100			1, 1, 2, 5, 8, !*		
10 лет				1, 1, 2, 5, 8, 1 !*	
Ед. лет					1, 1, 2, 5, 8, !

Примечание: !* соответствует числу десять из другого, натурального ряда чисел, не РФиб.

лет) // все последующие 89 (100 лет) – 144, 233, 377, 610, 987 // 1000 лет – 1597. Последний шаг в периодизации АЭ – скрытая фаза инволюции АСЭ – железный век.

Число примеров можно множить, например, 1597 г. фиксирует конец 16 в. (на индивидуальном уровне). Известно, что с началом 17 в. наступает раннее Новое время, а с ним и логический конец АЭ. (Датам 144, 233, 377, 610, 987 г. можно найти место и в археологии лесостепной и лесной зоны Восточной Европы, и в средневековой истории Руси, Византии, Западной Ев-

ропы, Востока и т. д.) «Погодная» периодизация облегчает сопоставление археологических периодов и дат с общеисторической периодизацией, повышая тем самым статус археологии и почти ставя знак равенства между событиями древнейших исторических периодов, отраженных и в археологических, и в исторических источниках. Например, 987 г. совсем близок к 988 г., времени Крещения Руси; 610 г. совсем рядом с началом арабских завоеваний; 377 г. связан с нашествием гуннов; 233 г. – с кризисом III в. в Римской империи. Приведенные ассоциации

Таблица 6. Новая форма записи дат и модельная периодизация (в годах).

Название событий	Периодизация			Продолжительность событий
	Ранние	Средние	Поздние	
Великая славян.. миграция		600-800		200
Культурные образования	>500 V-	VIII >800		400 лет
Эволюция праслав. языка	>500	>800		400 лет
Последние праславяне	>500	>800		400 лет
Дифференциация славян		660/750	1000	250/330 лет
Пражско-корчакск.к-ра	рим.вр.> 450		<700-- 900	Ок. 500 лет
К-ра карпатск. курганов	(450); 500		1000	500 лет
Комбинация признаков	450– 600			150 лет
Земли ККК, населен.. ПКК	450–	650		200 лет
ПКК кург. обрядность	450– 600	650–700	700– 1000	550 лет
Периодизац. обрядн. ККК	450–725	725–890	890-<1000	t =1000–450=550 M=55
Периодизация ПКК	450–675	675–810	810->900	t =900– 450 =450.M=45
Периодизация ККК	>500–750	750–900	900->1000	t =1000– 500=500. M=50

Таблица 7. Вычислительная периодизация событий разной продолжительности
(в единицах, десятках и сотнях лет)

Продолжительность		Этапы эволюции, периодизация в годах				
	МОДУЛЬ	начало	ранний	средний	поздний	конец
150	15	1*	75	50	25	150
200	20	1	100	60	40	200
300	30	1	150	90	60	300
400	40	1	200	120	80	400

Примечание. Если 1* равен 30 г., то периодизация в абсолютных датах будет следующей
 $75 + 30 = 105 + 50 = 155 + 25 = 180$ л.

произвольны, они находятся вне какой-либо системы, не только запоминаются легко, но и составляют смысловые акценты.

Вернемся к основной задаче, которую должна была решить задуманная статья: хронология и периодизация культур позднего железного века, и запишем арабскими цифрами даты культур, связанные с нашей темой.

Таблица 6 с незаполненными ячейками делает очевидной неполноту археологических данных, необходимых для эмпирической периодизации событий. Однако и неполные списки позволяют вычислить периодизацию каждого события, в нашем случае это культурные образования, курганная обрядность, археологические культуры и т.д. В последнем столбце трех нижних строк содержится алгоритм решения задач этого класса.

Продолжительность события – это разница (в годах) между крайними датами. Речь идет об отрезках времени в 150, 200, 400, 500 и 550 лет. Внутренняя периодизация событий, исчисляе-

мых в годах, строится в направлении от старшего к младшему по правилу «золотого сечения» $5:3 : 2=10$. Делим каждую продолжительность на 10, находим, во-первых, МОДУЛЬ для дальнейших расчетов, и, во-вторых, прибавляем полученный результат к начальной дате события.

Имея абсолютные даты, можно произвести синхронизацию событий, упорядочить их продолжительность, а если последнюю разделить на 20 или на 25, то можно сосчитать число поколений, принимавших в них участие, и т.д.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что это возможно при наличии внешней шкалы с независимой от изучаемых процессов метрикой. *Отсутствие внешней шкалы* не позволяет описывать структуру процессов в единой метрической системе (Памяти..., 2005).

Мне представляется, что предлагаемый вариант «вычислительной обработки времени» может не столько расширить контекст рассматриваемых событий, сколько придать им некоторую устойчивость и точность.

J. Shchapova

**COMPUTATIONAL CHRONOLOGY AND PERIODIZATION
OF ARCHAEOLOGICAL CULTURES OF THE RUSSIAN PLAIN
(V-XII CENTURIES).**

This paper describes the experience in building a computer chronology and periodization (CCP) of the local time scale. The scales of absolute astronomical time are given in Table 1. The macroscale mathematical model of absolute chronology and periodization of the archeological epoch (AE) serves as the basis for constructing CCP (Table 2). CCP can be constructed in the presence of any relative chronology. The dates must be written in Arabic numerals only. To give the necessary form to the dates recorded otherwise, you can use Table 3. The periodization of history artifacts, phenomena and pro-

cesses should be built according to Table 7. Thus, it is possible to construct a mathematical and absolute CCP and to study the chronology of antiquities independently, i.e. out of archaeological context. Such particular chronologies that correlate with the model (Table 2), are inscribed in the scale of absolute time. Macrosemantic scale counted in thousands of years, allowed to construct the overall concept of AE and to define its strict subordination to the “golden section”.

Н.Г. Недошивина (ГИМ)

ВЯТИЧСКОЕ КЛАДБИЩЕ У С. БЕЛЬКОВО¹

Близ с. Бельково Веневского района Тульской области находится одна из самых южных вятичских курганных групп. Она расположена в 0,5 км к юго-западу от села, рядом с современным кладбищем. Могильник занимает пологий склон левого борта проточной балки, впадающей в р. Шатец, располагаясь в 170 м от русла ручья. Высота памятника над водой 14-15 м.

Неподалеку от курганов выявлены сопутствующие им древнерусские поселения: в 70 м к юго-западу – селище Бельково 1 площадью 0,7 га, и поселение Бельково 2 площадью около 0,8 га, расположенное в 0,4 км к юго-востоку от некрополя (рис.1, А, В, Г).

Курганы открыты в 1925 г. А.Н. Нечаевой и М.А. Дружининым, когда и был составлен план кладбища (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1. 1925. № 211). Тогда в группе насчитывалось 28 курганов. В их число входили две разрушенные насыпи (№№ 24, 25), располагавшиеся на территории современного кладбища, а остатки еще трех (№№ 26-28) были видны на пашне (рис. 1, Б).

В настоящее время картина мало изменилась. Основная часть кладбища – 23 насыпи – хорошо видны и сейчас; 3 насыпи, бывшие ранее на пашне, в настоящее время не сохранились; один курган (№ 24) на кладбище разрезан канавой, а в другом (№ 25) сооружено 3 современные могилы.

Курганы имеют полушарную форму. Диаметр их колеблется от 6 до 11 метров при высоте в среднем около одного метра. Большинство насыпей окружено ровиками глубиной 0,3-0,45 м и шириной 1,4-1,6 м.

Курганы располагаются как бы двумя группами: в северной – 13 насыпей, в южной – 10. На многих видны глубокие кладоискательские ямы. Курган № 4 был раскопан, по-видимому, еще до 1925 г., а насыпи №№ 12 и 15 уничтожены уже в настоящее время.

В 1925 г. в Белькове было раскопано 2 насыпи (№№ 5, 22), из которых в одной (№ 22) кроме фрагментов глиняной посуды с линейным орнаментом и костей животных ничего не оказалось, а в кургане № 5 на горизонте был обнаружен костяк мужчины без вещей.

В 1988 г. в процессе обследования могильника Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ было раскопано 2 насыпи (№№ 6, 19) (Клянин, 1988. Л.16-20). Один курган (№ 16), разрушенный кладоискателями, был исследован сотрудником Веневского музея Р.В. Кляниным в 1990 г.

В 1989 и 1990 гг. работы на могильнике продолжены экспедицией ГИМ (руководитель Н.Г. Недошивина), после чего исследование курганов было завершено.

Насыпи копались на снос, с оставлением бровки С-Ю; ровики вычищались и прорезались бровкой.

В общей сложности на могильнике было раскопано 20 курганов, в которых открыто 40 разновременных погребений. Большая часть вводимых захоронений положена без вещей и датировать их не представляется возможным. Однако в некоторых найдены кресты-тельники поздних форм (Беляев, 1994. Табл. 106, 108), серьга в виде знака вопроса с напущенными

¹ Эта статья была написана достаточно давно, но, к сожалению, не опубликована. В связи с этим редакция сочла необходимым включить ее в настоящий сборник, правда, без ведома автора, за что и приносит свои искренние извинения Наталье Германовне.

стеклянными бусинами, а в кургане № 14 у головы одного из погребенных найдены три медные монеты (одна из них “денга” 1753 г., две другие не читаются), которые и позволяют датировать основную часть этих вводных захоронений XVII–XVIII вв. (рис. 2). Поздние вводные погребения встречены в курганах №№ 10, 13, 14, 18. В других насыпях вводные костяки так же как и основные погребения, относятся к домонгольскому времени.

Большая часть захоронений кладбища (12 погребений) находилась в могильных ямах, длина которых в среднем составляла 2,2-2,3 м, ширина 0,8-1 м, глубина 0,4-0,6 м. Шесть погребений располагались на материке, причем в двух случаях (курган № 10, погр. 3 и 4; курган № 13, погр. 1, 2) это были одновременные парные захоронения без вещей. Большое количество погребений разного времени были положены в насыпи ранее сооруженных курганов (см. Приложение).

Сохранность костей в захоронениях настолько плохая (часто они разрушены вводными захоронениями или грабительскими ямами), что судить о положении рук погребенных не всегда удается. Ясно лишь, что в трех случаях погребенные лежали с вытянутыми руками (курганы №№ 2-II, 16, 21), а в шести – одна или обе руки были положены на грудь или живот (курганы №№ 3-I, 18-I, II, 8, 10-I, 20-I).

В семи курганах (№№ 1, 2, 7, 11, 13, 21, 22) по всей насыпи встречались мелкие фрагменты керамики, а в кургане № 1, кроме того, обломки одного сосуда лежали компактной кучкой на материке. В пяти случаях (курганы №№ 3-2, 17, 20-2, 18-1, 21) обломки горшков находились при погребенном, рядом с костяком: в ногах (2 погребения), в головах (2 погребения); в одном захоронении обломки двух горшков были положены поверх засыпанной могильной ямы, а в кургане № 8 (погреб. 2) дно сосуда с клеймом «круг в круге» лежало на краю могильной ямы на материке, к югу от погребения.

Только в одном случае (курган № 21) разбитый преднамеренно сосуд полностью склеился, во всех остальных горшки были положены в погребения в обломках, из которых удалось реконструировать три сосуда (рис. 3)²

Обнаруженная керамика изготовлена на гончарном круге из беложгущейся глины с примесью мелкого песка в тесте. Поверхность сосудов белая и светло-серая. Вся посуда орнаменти-

рована. Преобладает линейная орнаментация, лишь в одном случае горшок украшен волнистыми линиями. Декор занимает верхнюю треть сосуда, спускаясь ниже максимального расширения тулова.

В насыпях трех курганов (№№ 2, 7, 22) встречались разбросанные мелкие угольки, а в двух погребениях курганов № 18, 19 угли найдены рядом с костяком.

Наиболее интересной деталью обрядности являются огненные кольца, идущие по периметру курганной насыпи, вокруг костяков или могильных ям, от которых на материке сохраняются или небольшие скопления угля, или довольно значительные по размерам горелые плахи. Эта деталь обряда встречена в ряде курганов данного кладбища (№№ 9, 18, 21). Особенно хорошо сохранились остатки такого кольца в кургане № 9 (рис. 4).

Подобные кольца из обожженных плах, расположенных на материке вокруг погребения или могильной ямы, известны и в ряде других славянских кладбищ. Примером может служить Акатовский курганный могильник в Подмоскowie (Недошивина, 1969. С. 216-217).

Следует отметить и такую деталь погребального обряда как отдельные вещи, встреченные в засыпке могильных ям: семилопастное височное кольцо в кургане № 7, решетчатый перстень в кургане № 8 и серп, положенный поверх могильной ямы в погребении 2 кургана № 20.

В вятичских курганах нередко рядом с костяком находят различные предметы, украшения, положенные в качестве “дара” умершему. Бельковские курганы не являются исключением. “Дары” здесь найдены в 4-х захоронениях. Так в кургане № 7 рядом с погребенным лежали 2 перстня и остатки шерстяного шнура, которым они, по-видимому, были связаны; перстень лежал и рядом с костяком в кургане № 19. В ногах погребенной женщины (курган № 21) найдены 2 бронзовых браслета и обломки стеклянного, а также клубок шерстяных ниток, а в разных местах рядом с костяком 2 перстня. В ногах погребенной в погребении 3 кургана № 3 находился витой 2х3 браслет. Любопытно отметить, что в ряде случаев в погребение клались вещи дефектные, обломанные, особенно, когда их использовали в качестве “дара” или в засыпке могильной ямы: например, семилопастное кольцо в кургане № 7 с четырьмя обломанными лопастями, браслет и перстень с обломанными кон-

² Сосуды реконструированы М.И. Гоняным, за что приношу ему огромную благодарность.

цами в кургане № 21. По-видимому, для таких чисто ритуальных целей использовали вещи, вышедшие из употребления.

Интересно, что обычай класть вещи в погребение в качестве “дара” сохранялся, по-видимому, очень долго. Во всяком случае в одном из захоронений XVII–XVIII вв. (курган № 18, погреб. 2) перстень лежал под нижней челюстью погребенного вместе с крестом-тельником. Возможно, он висел вместе с крестом на одном шнуре.

Из раскопанных курганов в 9 женских захоронениях обнаружен интересный погребальный инвентарь.

Височные кольца представлены разными типами лопастных подвесок, хорошо известных в вятичских древностях. Среди них – семилопастные простые, развитых форм с секировидными лопастями, боковыми колечками и ленточным орнаментом на щитках. Часть подвесок имеет три колечка у основания дужки. В трех случаях простые семилопастные кольца дополняются поздними подвесками: трехлопастными кружевными и пятилопастными подзорчатými. В двух комплексах встречены височные кольца только этих поздних типов, а в погреб. 3 кургана № 3, кроме того, пятилопастное подзорчатое кольцо редкого типа.

В двух погребениях лопастные височные кольца дополнялись перстнеобразными, а в кургане № 17 присутствовали только одни перстнеобразные височные кольца.

В двух захоронениях обнаружены шейные гривны – одна из них полужгутовая загнутоконечная, вторая – витая с завязанными концами.

Бусы происходят из шести погребений: сердоликовые бипирамидальные и шарообразные, хрустальные шарообразные, стеклянные зонные и кольцевидные, одна янтарная овальной формы, обломок серебряной зерненой. Особый интерес представляют 3 голубых бусины глухого стекла, несколько напоминающие по форме скарабея. Бусы привозные (Передняя Азия?), в вятичских курганах встречены впервые³.

Среди браслетов преобладают витые: тройные, четверной, 2х3, 4х3. В одном погребении находились ложновитой и плетеный браслеты, а в двух – тонкие дротовые с нарезкой. В ряде случаев концы браслетов украшались стеклянными накладками треугольной формы, оправленными в тонкую бронзовую рамочку. В кургане № 21

найден уникальный решетчатый овальноконечный браслет. Обломок аналогичного браслета обнаружен на городище Корники, расположенном недалеко от бельковских курганов⁴.

Наибольший интерес представляют найденные в трех погребениях кладбища стеклянные браслеты. Два целых (темный крученый со светлой перевитью и гладкий прозрачный светло-зеленого цвета) были надеты на руки погребенных женщин в курганах №№ 3 и 7, а обломки крученого браслета красного цвета лежали в ногах в качестве “дара” вместе с другими предметами в кургане № 21. Целые стеклянные браслеты чрезвычайно редки в погребениях. Однако в данном случае следует обратить внимание на обломки красного браслета. По заключению Ю.Л. Шаповой, такие браслеты производились в Смоленске до середины 60-х годов XIII века⁵.

Перстни в большинстве курганов решетчатые разных форм, а также один рубчатый, один с ложновитой средней частью, витые. Из кургана № 8 происходит уникальный перстень с полым щитком-коробочкой, серебряный с позолоченной, украшенной черневым орнаментом в виде четырехлепестковой розетки, верхней пластиной. Подобные перстни хорошо известны на Руси (Макарова, 1986. С. 40-41), но полной аналогии такому кольцу в древнерусском материале нет.

Большой интерес представляют бронзовые позолоченные бубенчики (9 экз.) шарообразной формы с щелевидной прорезью и небольшими круглыми отверстиями на концах прорезей. Они найдены около и на голове погребенной (курган № 21) и являлись, по-видимому, украшением головного убора. Аналогии подобным бубенчикам нам не известны.

Среди инвентаря в кургане № 21 – подвеска в виде полого “конька”. Подобные «шумящие» подвески Е.А. Рябинин датирует XII–XIII вв. (Рябинин, 1981. С. 42). Аналогии им известны в Новгороде, где они доживают до XIV в. (Седова, 1981. С. 34)

Отметим также находку серпа, положенного поверх засыпки могильной ямы в кургане № 20 (погреб. 2). Среди вятичских древностей серпы не так уж редки и встречены более 15 раз как в мужских, так и в женских захоронениях.

В курганах найдено 6 крестов-тельников, однако, все они относятся к XVII–XVIII вв.

³ Выражаю признательность Я. Френкелю за предоставленную консультацию.

⁴ Браслет хранится в Веневском музее. Сообщение Р. Клянина.

⁵ Выражаю признательность Ю.Л. Шаповой за предоставленную консультацию.

Таким образом, основная часть древнерусских захоронений бельковского кладбища может быть датирована первой половиной – серединой XIII в. Эту дату определяют поздние формы кружевных и подзорчатых лопастных височных колец, браслеты сложного витья, а также подвеска-«конек» XII–XIII вв. На кладбище продолжали хоронить и в более позднее время (кресты и монеты XVII–XVIII вв.) вплоть до современности.

Как было показано выше, набор украшений в бельковских курганах типичен для вятичских памятников Подмосковья и сопредельных территорий – это лопастные височные кольца, решетчатые перстни, витые браслеты, бусы. Однако «... не только по набору украшений, но и по химико-технологическим показателям он (этот набор – Н.Г.) является составной частью огромного ареала вятичских древностей»⁶. По всей видимости, в первой половине XIII в. какая-то группа вятичского населения продвинулась на юг, осваивая новые плодородные земли.

Вещи, найденные в курганах, позволяют говорить о широких связях населения, оставившего это кладбище. Следует отметить такие привозные предметы как голубые бусы глухого стекла, стеклянные браслеты (прежде всего, обломок красного браслета из Смоленска?) и шумящую подвеску-«конек», попавшую в вятичскую деревню, возможно, из дальних новгородских земель.

Инвентарь курганов несколько необычен для рядовых сельских кладбищ. Находки серебряной зерновой бусины, позолоченных бубенчиков, стеклянных браслетов, редких привозных бус, а также замечательного серебряного с позолотой и чернью перстня свидетельствуют о богатстве и некотором социальном расслоении населения, оставившего данное кладбище.

Приложение.

Краткое описание погребений⁷.

Курган № 1. Диаметр (далее – Д) СЮ - 6 м, ЗВ - 6,4 м, высота 0,8 м.

Южная половина насыпи срезана распашкой. На материке в ЮЗ секторе найдены лежавшие компактно обломки сероглиняного гончарного с линейным и крупным волнистым орнаментом

сосуда (частично склеены, венчик отсутствует). Другое скопление мелких обломков керамики (часть из них с линейным орнаментом) находилось в северной половине насыпи на глубине 50–60 см.

Погребение не обнаружено.

Курган № 2. Д СЮ - 8 м, ЗВ - 7,5 м, высота 1,10 м.

В насыпи выявлены мелкие вкрапления обожженной глины, угольков и фрагментов грубой лепной керамики из слоя поселения раннего железного века, подстилающего курганные насыпи.

Погребение 1. Расположено чуть выше материка в западной половине насыпи. Полностью разрушено вводом захоронением. Судя по положению черепа, погребенный лежал головой на запад с отклонением к северу. Вещи отсутствовали.

Погребение 2. Расположено в СЗ секторе кургана на материке, головой на СЗ, руки вытянуты вдоль тела.

На левом виске – два семилопастных простых, на правом – одно семилопастное височное кольцо с тремя колечками у основания дужки, сросшихся с крайней лопастью (рис. 5).

Курган № 3. Д СЮ - 8,80 м, ЗВ - 9,80 м, высота 1,30 м.

Погребение 1. Находилось в центре насыпи на глубине 1 м, ориентировано головой на запад с отклонением к югу. Руки сложены на груди. Зафиксированы следы дерева от гроба. Вещи отсутствовали.

Погребение 2. Расположено в южной половине кургана на глубине 1,20 м; частично разрушено более поздним погребением 1. Погребенный лежал на спине, головой на З-ЮЗ. В ногах справа от костяка найдена половина гончарного белоглиняного сосуда с линейным орнаментом (рис. 3).

Погребение 3. Находилось в могильной яме (1,95x0,85x0,3 м), ориентировано головой на запад.

На шее – гривна полужгутовая загнутоконечная с перевитью и бусы: 4 сердоликовых шарообразных и две бипирамидальных, 15 хрустальных шарообразных, одна стеклянная зонная голубая.

⁶ См. статью Т.Г. Сарачевой в настоящем сборнике.

⁷ В 1925 г. раскопаны курганы №№ 5, 22; в 1988 г. – №№ 6, 19; в 1989 г. – №№ 3, 7, 8, 10, 17, 20; в 1990 г. – №№ 1, 2, 9, 11, 13, 14, 16, 18, 21, 23. Курганы №№ 4, 12, 15 полностью уничтожены. Материал из курганов №№ 6, 16, 19 хранится в Вeneвском музее. Выражаю огромную благодарность Р. Клянину за предоставленные сведения о курганах.

Около черепа – височные кольца: два трехлопастных кружевных с фигурками собачек на щитке, два семилопастных с тремя колечками у основания дужки и одно пятилопастное подзорчатое редкого типа. На правой руке – два браслета: витой тройной с перевитью и стеклянными треугольными накладками на концах и стеклянный крученый темного цвета со светлой перевитью.

На правой руке – 2 перстня: рубчатый простой и решетчатый оваловый.

У правой руки с внутренней стороны – хрустальная шарообразная бусина. В ногах – витой 2х3 браслет (рис. 6-8).

Курган № 6. Д СЮ - 7 м, высота 1 м.

С северной и южной сторон насыпи располагались ровики шириной 1,4-1,8 м. В центре – большая грабительская яма. Погребение совершено в могильной яме (3,50х1,20х0,45 м), ориентировано головой на запад. Сохранность костей плохая. В насыпи – фрагменты лепной и гончарной керамики и зуб коровы. Вещи отсутствовали.

Курган № 7. Д - 8 м, высота 0,8 м.

В насыпи угольки и обломки керамики. Погребение совершено в могильной яме (1,85х0,8х0,2 м), ориентировано головой на запад (от костяка сохранилось лишь несколько зубов).

В засыпке могильной ямы – семилопастное височное кольцо с округлыми лопастями, обломанное еще в древности.

На дне ямы найдены: стеклянный гладкий зеленый браслет и обломки такого же второго (на правой руке?). Рядом две стеклянные зонные бусины темного цвета и колечко диаметром 2,5 см из тонкой бронзовой проволоки. Около правой руки (?) – витое из трех проволок кольцо и решетчатый двухзигзаговый перстень с остатками шерстяного шнура (дар?).

В средней части могильной ямы одна кольцевидная стеклянная бусина, обломок смятой серебряной зерновой бусины и бубенчик с щелевидной прорезью.

Курган № 8. Д СЮ - 9 м, ЗВ - 7,80 м, высота 0,65 м.

Погребение располагалось в могильной яме (2,5х0,95х0,45 м), ориентировано головой на запад; правая рука на тазу. В яме – дно сосуда с клеймом «круг в круге» (рис. 3).

На правом виске – лопастное ажурное височное кольцо в мелких обломках и височное перстнеобразное с заходящими концами. На ле-

вом виске – трехлопастное кружевное (?) с фигурками собачек на решетке и перстнеобразное височные кольца.

На шее бусы: три сердоликовых бипирамидальных и одна шарообразная, 16 хрустальных шарообразных и 5 овальных, одна янтарная овальная уплощенная и три голубых глухого стекла в форме скарабея.

На правой руке – 2 браслета дротовых плосковыпуклых и два перстня: ложновитой и один с полым щитком-коробочкой, украшенным чернью и позолотой (рис. 9).

Курган № 9. Д - 6,8 м, высота 0,85 м.

С юго-западной стороны насыпи выявлен ровик шириной 1,5 м и глубиной 0,5 м. В могильной яме (2,38х1,15х0,7 м) находился плохо сохранившийся костяк, лежащий головой на запад с небольшим отклонением к северу. Вещи отсутствовали.

На материке – большие куски горелых плах (длиной 1,6; 1,4; 0,7 м), окружавших могильную яму кольцом диаметром 4 м.

Курган № 10. Д СЮ - 10,5 м, ЗВ - 11 м, высота 1,1 м.

С восточной стороны располагался ровик шириной около 2 м.

Погребение 1. В центре кургана на глубине 0,85 м выявлено захоронение ребенка головой на ЮЗ. Правая рука на груди, левая вытянута. Вещи отсутствовали.

Погребение 2. В западной половине кургана на глубине 1 м расположено захоронение ребенка головой на запад. Около головы – крестельник XVII–XVIII вв.

Погребения 3 и 4. Одновременное парное захоронение, ориентированное на ЮЗ. Сохранность костей плохая. Вещи отсутствовали.

Курган № 11. Д - 6,80 м, высота 1 м.

На глубине 0,85 м в СЗ части насыпи – обломки желтоглиняного гончарного сосуда.

Погребение полностью уничтожено большой грабительской ямой. Удалось выявить лишь контуры могильной ямы, ориентированной по линии З-В (2,4х1х0,4 м).

Курган № 13. Расположен на краю курганной группы близ современного кладбища. По всей насыпи на разной глубине – мелкие фрагменты керамики от двух или трех гончарных белоглиняных сосудов.

В кургане 5 погребений: два на материке, три в могильных ямах. Погребения на материке (головой на запад) без вещей, возможно, относятся к домонгольскому времени; захоронения в ямах –

XVII–XVIII вв. В погребениях 3 и 4 найдены куски плетеного кружева с металлической нитью, в погребении 5 – крест-тельник XVII–XVIII вв.

Курган № 14. Д - 9 м, высота 1,3 м.

Расположен на краю курганной группы близ дороги, которая отделяет его от современного кладбища.

Насыпь содержит 12 введных в разное время погребений в ранее существовавшую насыпь. Ни одно из них нельзя с полной уверенностью отнести к домонгольскому времени.

Вещи обнаружены только в трех захоронениях: серьга с напущенными стеклянными бусинами (погреб. 5), кресты-тельники XVII–XVIII в. (погреб. 5, 11) и три большие медные монеты, одна из которых «денга» 1753 г. (погреб. 10).

В насыпи встречены крест-тельник позднего времени и две грибовидные пуговицы, по-видимому, от разрушенных захоронений.

Курган № 16. Д - 7,3 м, высота 1,10 м.

С северной и южной стороны окружали ровики шириной около 1,5 м и глубиной 40-50 см.

Грабительская яма нарушила погребение, находившееся в могильной яме (шириной 90 см, глубиной 45 см), ориентированное головой на ЮЗ; руки вытянуты вдоль тела.

У левого виска – три лопастных височных кольца: одно небольшое с секировидными лопастями и боковыми колечками и два большого размера с колечками у основания дужки.

У правого виска – два больших семилопастных височных кольца с тремя колечками у основания дужки.

На левой руке – витой четверной, на правой – плетеный с продольным ребром браслеты. На их концах были, по-видимому, стеклянные голубые в треугольных рамках накладки (они найдены отдельно). На левой руке – решетчатый овальный перстень.

Курган № 17. Д - 6 м, высота 0,9 м.

С северной и южной сторон выявлены ровики шириной 1,2-1,4 м, глубиной до 40 см.

В центре кургана в могильной яме (2,35x0,9x0,4 м) расчищен плохо сохранившийся костяк, ориентированный головой на запад.

На правом виске – бронзовое колечко диаметром 1 см на куске кожи и мелкие фрагменты аналогичных колец. Около головы – две стеклянные голубые зонные бусины.

На правой руке – витой четверной браслет.

Поверх могильной ямы – обломки двух гончарных белоглиняных с линейным орнаментом сосудов (частично склеены) (рис. 3).

Курган № 18. Д -7,5 м, высота 1 м.

На материке в трех местах зафиксированы скопления угля, расположенные по кругу.

Погребение 1. Расположено в центре насыпи в могильной яме (2,10x0,7x0,07 м), ориентировано головой на ЮЗ; правая рука вытянута, левая положена на грудь.

Около головы обломки гончарного сероглиняного с линейным орнаментом сосуда.

Погребение 2. Могильная яма (2x0,55x0,12 м) частично перекрывает погребение 1. Костяк лежал вытянуто головой на запад с небольшим отклонением к северу; руки на груди.

Под костяком были следы дерева от гроба и угольки.

Под нижней челюстью – крест-тельник XVII–XVIII в., перстень с шестиугольным щитком для вставки и стеклянные бусы: три кольцевидных прозрачных зеленого цвета, одна овальная синяя, одна рубчатая глухого стекла неопределенного цвета.

Курган № 19. Д СЮ - 7 м, высота 1 м.

Восточная половина кургана почти полностью разрушена. Ровики шириной до 2 м шли вокруг всей насыпи. Погребение располагалось на материке, головой на запад, руки вытянуты вдоль тела. По сторонам костяка – горелые плахи (0,1x0,87 м и 0,18x0,4 м). Около головы – витое кольцо, а также височное кольцо трехлопастное подзорчатое и обломки еще трех в стороне от головы и около левой ноги. На шее гривна витая завязанная. На правой руке – ложновитой, на левой – витой тройной браслеты. У правой бедренной кости – витой перстень (рис. 10).

Курган 20. Д - 8 м, высота 1,2 м.

С западной стороны проходил ровик шириной до 1 м.

Погребение 1. Расположено в центре насыпи на гл. 0,5 м, ориентировано головой на ЮЗ. Руки на груди и на животе.

Вещи отсутствовали.

Погребение 2. Расположено в могильной яме (2,2x1x0,45 м), ориентировано головой на запад.

На правом виске – 4 семилопастных простых височных кольца, скрепленные кусочком кожи; на левом виске – два аналогичных кольца.

На правой руке витой 4x3 браслет.

На правой бедренной кости – обломки решетчатого двухзигзагового перстня с ложной зернью.

У ног – обломки гончарного сосуда с линейным орнаментом. Поверх засыпки могильной ямы – серп (рис. 11, 12).

Курган 21. Д - 6 м, высота 0,95 м.

Плохо сохранившееся захоронение находилось в могильной яме (2,15x0,95x0,45 м), обращено головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела. На правом виске три височных кольца: семилопастное простое с секировидными лопастями, трехлопастное ажурное и перстнеобразное с заходящими концами.

На левом виске – два височных кольца: семилопастное простое и трехлопастное ажурное.

На черепе и под ним – 9 шарообразных бронзовых позолоченных бубенчиков с щелевидным разрезом и круглыми отверстиями по сторонам разрезов. На шее ожерелье из 25 сердоликовых бипирамидальных и хрустальных шарообразных бус.

На правой руке – два браслета: дровый с нарезкой и ложновитой. На левой руке – два браслета дровых, круглых в сечении, с нарезкой. У правого плеча – решетчатый многопунктирный перстень. Около правой бедренной кости – перстень с круглым плоским щитком (возможно, с правой руки). У левой берцовой кости – дровый гладкий перстень.

На правой стороне груди – обломки смятого бубенчика (?) неопределенной формы и поляя подвеска-«конек».

В ногах – вещи, положенные в качестве дара: два бронзовых браслета: витой 2x3 и решетчатый овальноконечный; два обломка крученого браслета глухого стекла краснокирпичного цвета и клубочек шерстяных ниток (рис. 13, 14).

В кротовине обнаружен смятый решетчатый однозигзаговый перстень. В головах лежал разбитый сероглиняный гончарный с линейным орнаментом сосуд (полностью склеен) (рис. 3). Рядом с ним дно другого сосуда.

На материке по периметру кургана расчищено 5 горелых плашек, идущих по кругу, – остатки огненного кольца, окружавшего могильную яму.

Курган № 23. Д - 11,60 м, высота 1,30 м.

В центре насыпи – огромная грабительская яма, нарушившая, по-видимому, не менее двух костяков. От одного из них сохранился череп, ориентированный на запад. Больше ничего не обнаружено.

N. Nedoshivina

THE CEMETERY OF VYATICHI NEAR THE VILLAGE BEL'KOVO

The paper presents the results of the author's exploration of 20 burial mounds in the Venevsky area, Tul'skaya region. The main part of the burial belonged to vyatichi but there were inlet burials in mounds 10, 13, 14, 18 of XVII–XVIII centuries (pic. 2). Twelve burials were made in graves and six, including paired ones, are situated on the geological level. A part of asynchronical graves was accomplished in fill of the mounds.

Interesting details of the vyatichi obsequies were noticed during the exploration: the rings from the burnt blocks situated on the geological level around a burial or a grave and location of several artifacts in a filling of graves as a donation. Such “donations” were also found near some buried: signet rings,

bracelets, temple rings, in some cases with essential losses.

The grave goods are common for the sites of vyatichi in Moscow region and the neighboring areas – temple rings, torcs, finger rings, bracelets, beads, pottery (pic. 3, 5, 6-8). However, some items like the glass bracelets of the Smolensk production, the noisy pendant, probably originated from the Novgorod lands, the silver bead and the identical finger ring with niello and gilding show broaden links and certain stratification of the local population.

Perhaps, in the first half of the XIII century some group of the vyatichi population went to the South cultivating fruitful lands. The cemetery functioned till the middle of the XIII century.

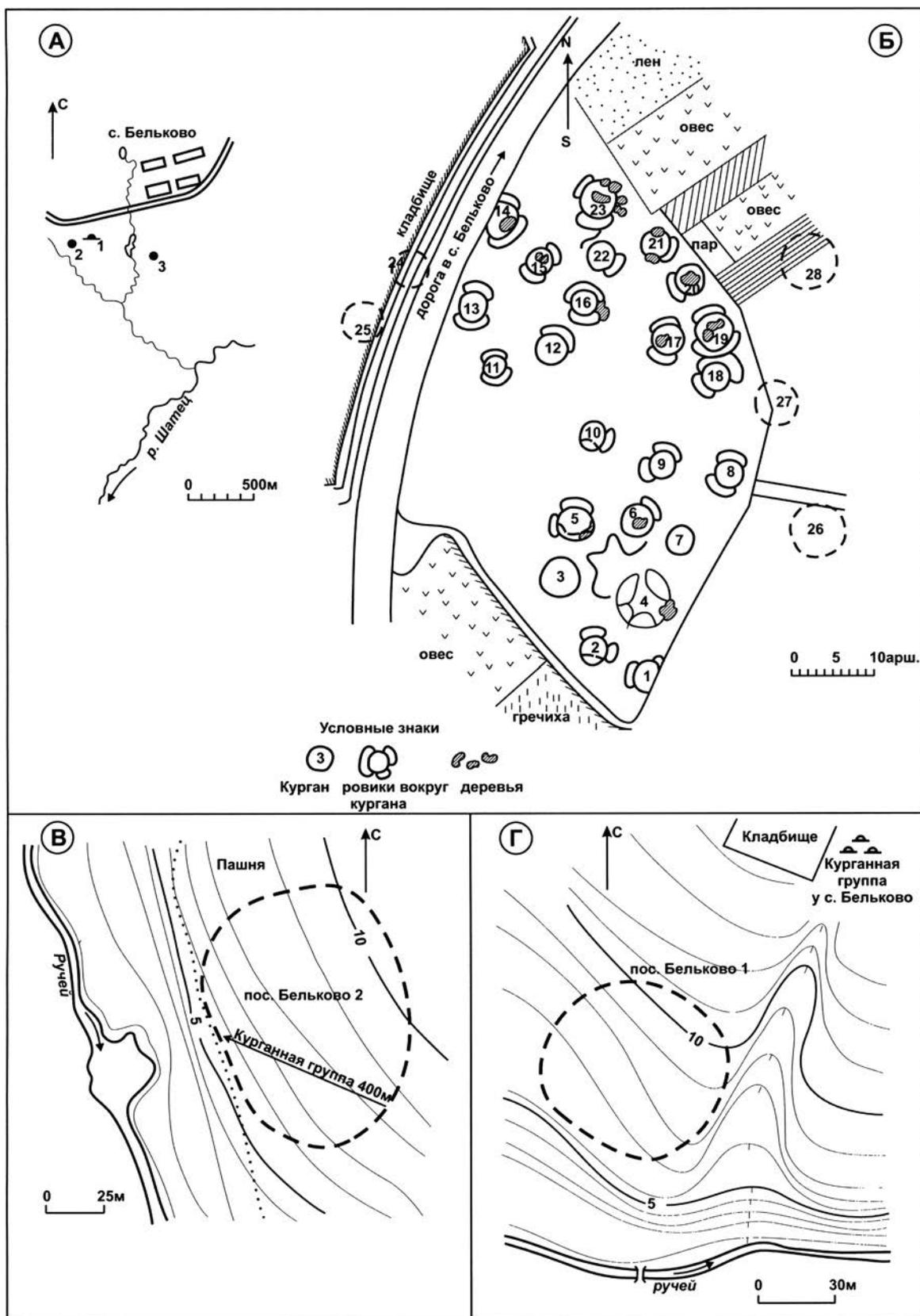

Рис. 1. Схема расположения и планы древнерусских археологических памятников у с. Бельково Веневского района Тульской обл.

А – схема расположения археологических памятников (1 – курганный могильник; 2 – селище 1; 3 – селище 2.);

Б – топографический план курганного могильника; В – топографический план селища 2 у с. Бельково;

Г – топографический план селища 1 у с. Бельково.

Рис. 2. Кресты-тельники.
 1 – курган 10, погребение 2; 2 – курган 18, погребение 2; 3 – курган 14, погребение 11; 4 – курган 14, погребение 5.
 Бронза.

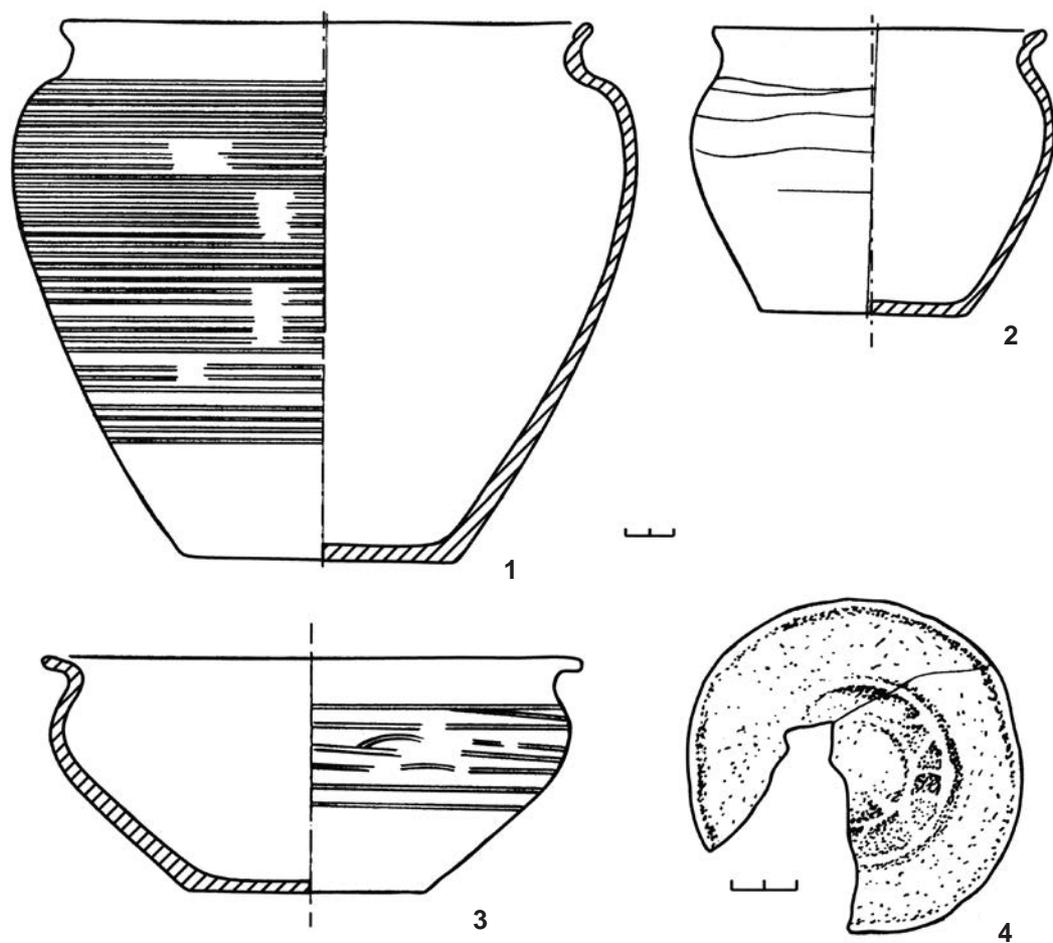
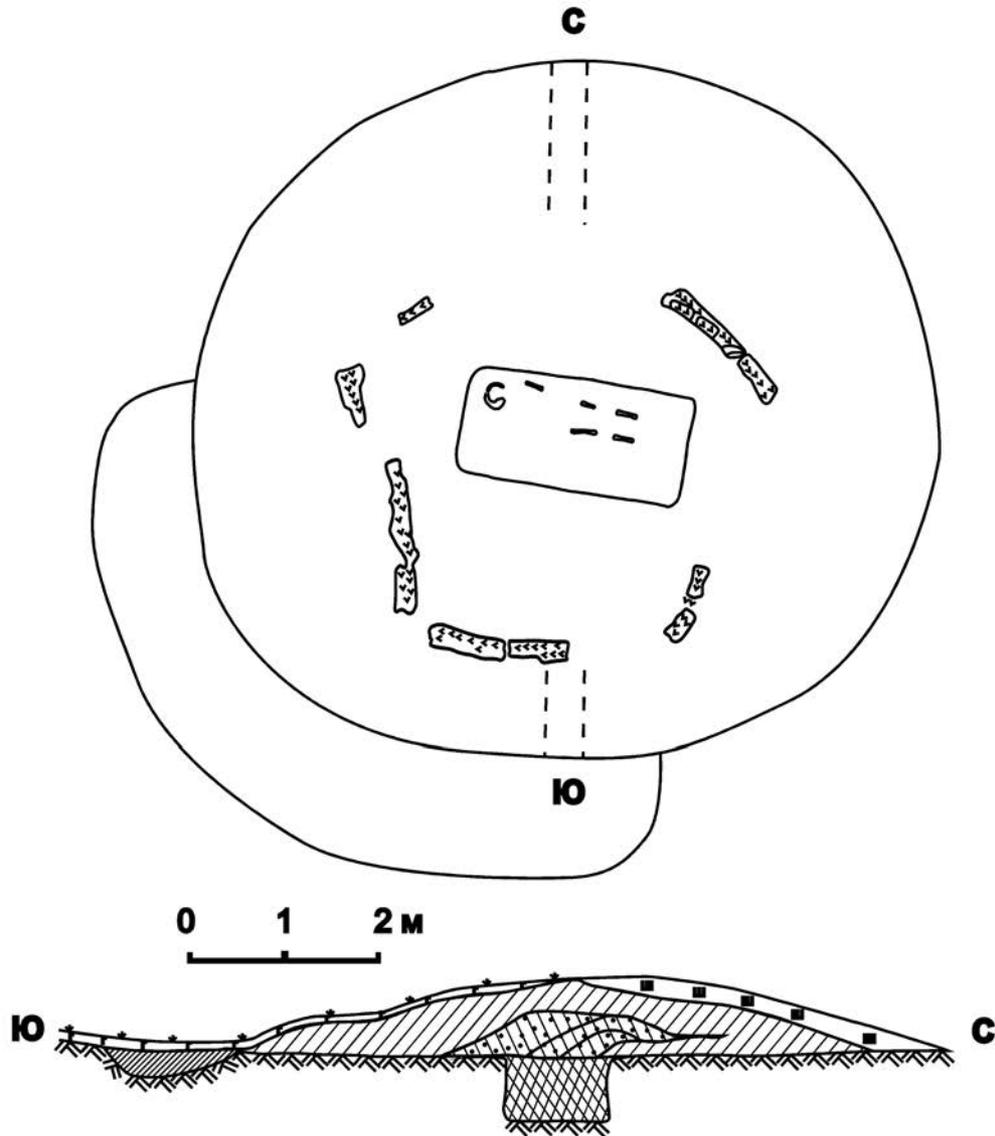

Рис. 3. Керамическая посуда, обнаруженная в курганах.
 1 – курган 21; 2 – курган 17; 3 – курган 3, погребение 2; 4 – курган 8.

Тульская обл. Веневский р-н
д. Бельково. 1990 г.
курган 9

Условные обозначения:

- дерн
- заполнение рва
- уголь
- плотная темная супесь
- могильная яма
- мешаный пестрый грунт
- шлак
- материк

Рис 4. План кургана 9.

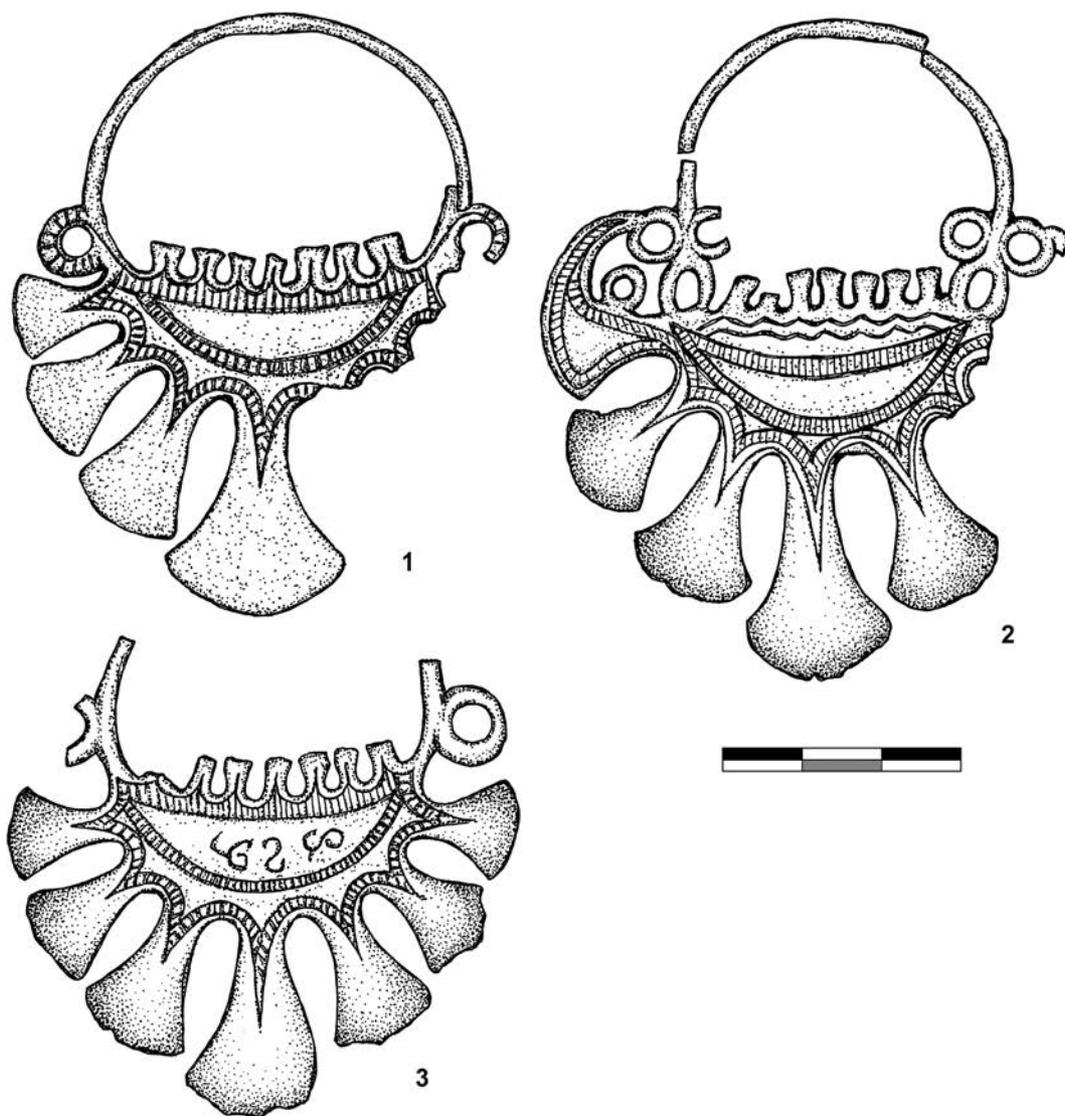

Рис. 5. Височные кольца.
Курган 2, погребение 2.
Бронза, лужение.

Рис. 6. Гривна шейная.
Курган 3, погребение 3.
Бронза.

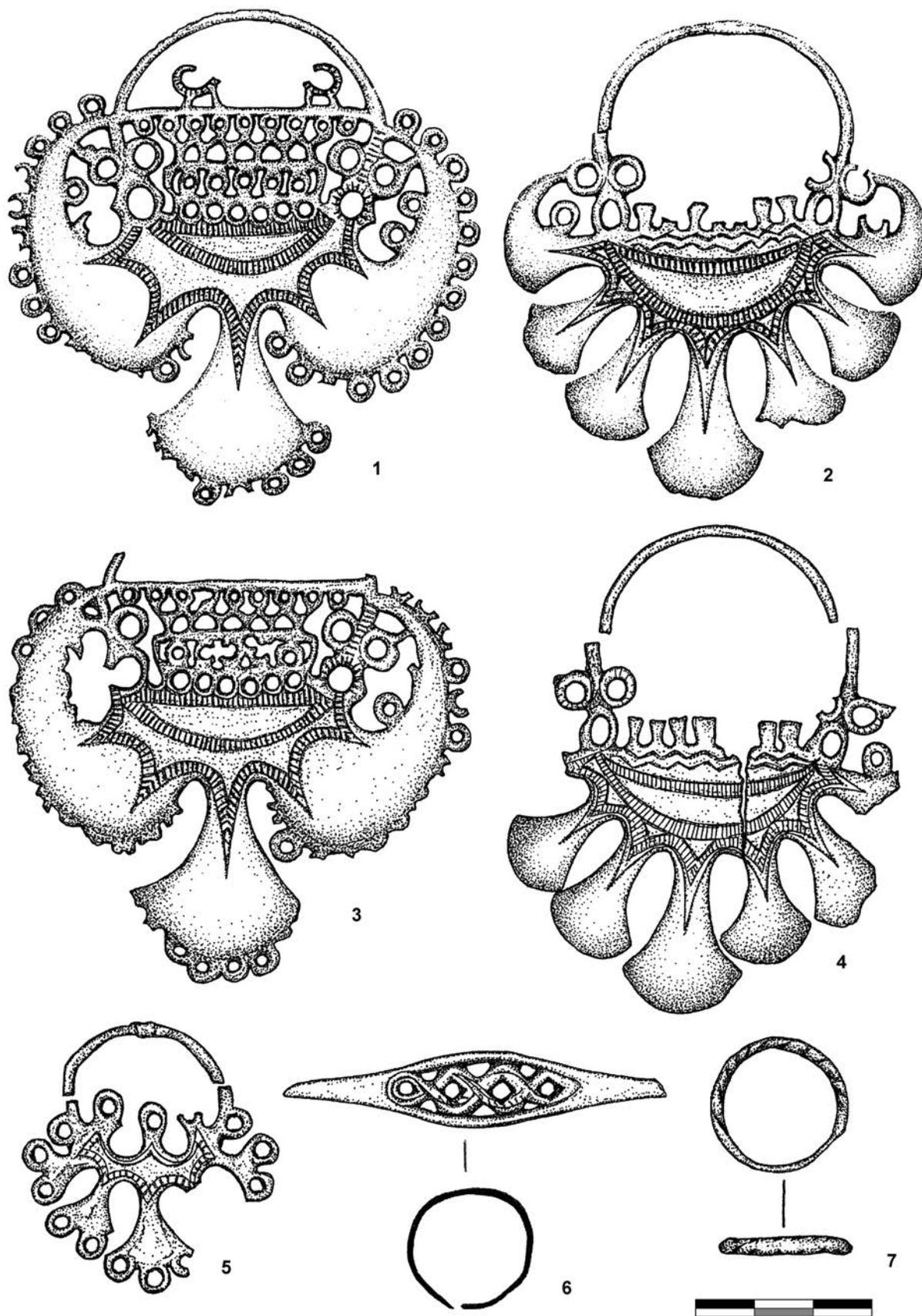

Рис. 7. Височные кольца и перстни.
Курган 3, погребение 3.

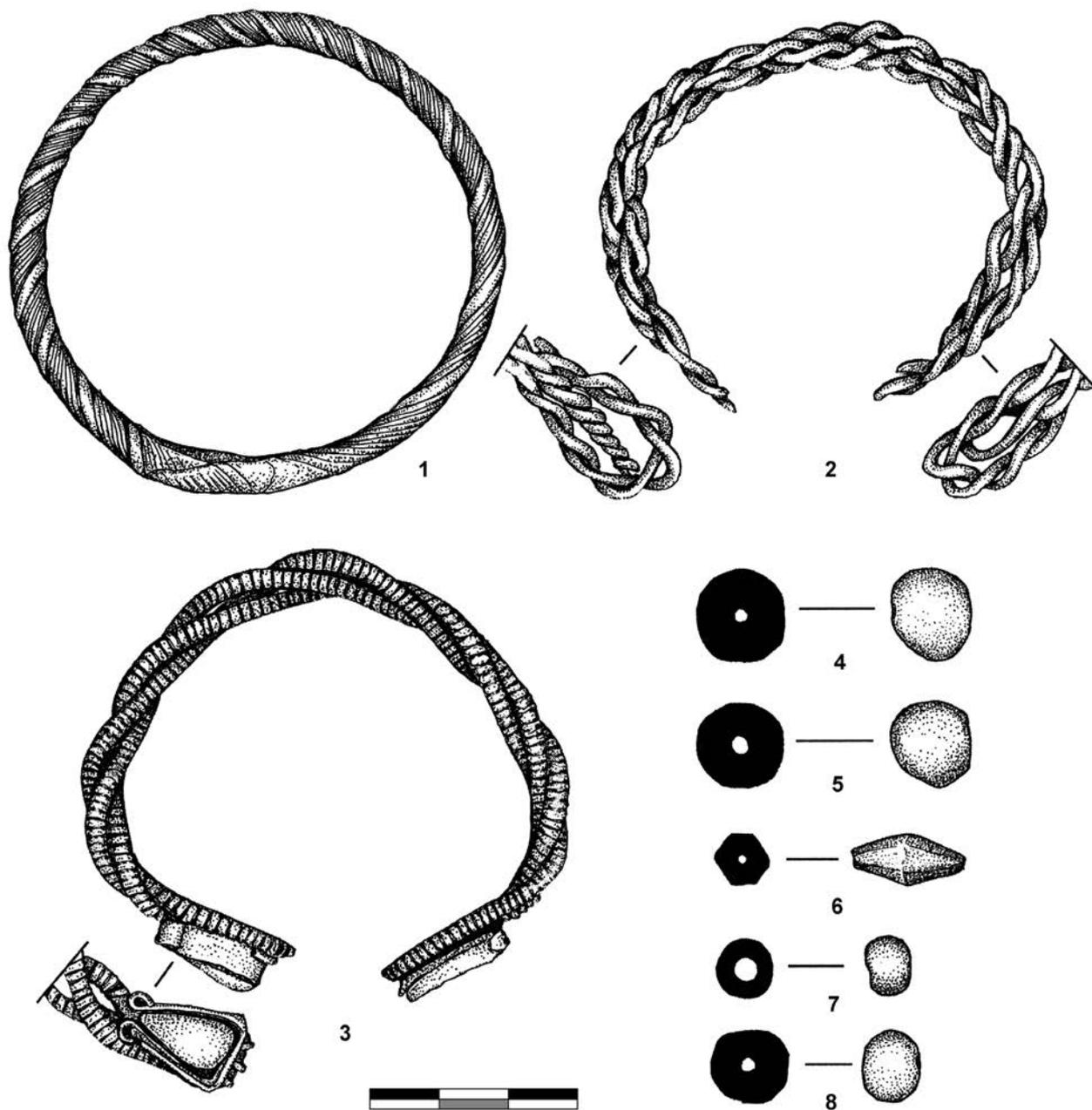

Рис. 8. Браслеты и бусы.
 Курган 3, погребение 3.
 1 – стекло; 2, 3 – бронза; 4-8 – камень.

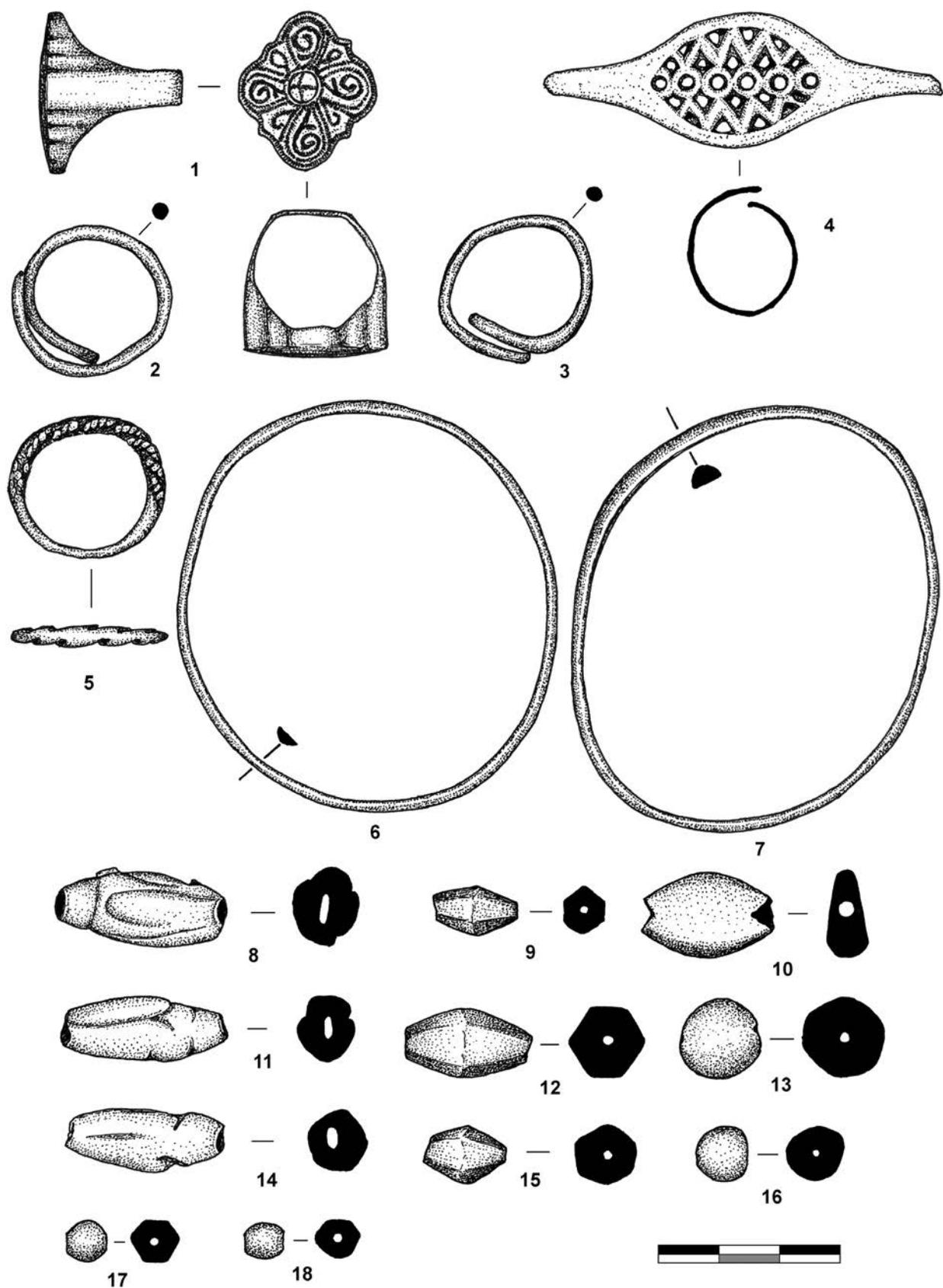

Рис. 9. Инвентарь кургана 8.

1, 4, 5 – перстни; 2, 3 – височные кольца; 6, 7 – браслеты; 8-18 – бусы.
 1 – серебро, чернь, позолота; 2-7 – бронза; 8, 11, 14 – стекло; 9 – янтарь; 10-18 – камень.

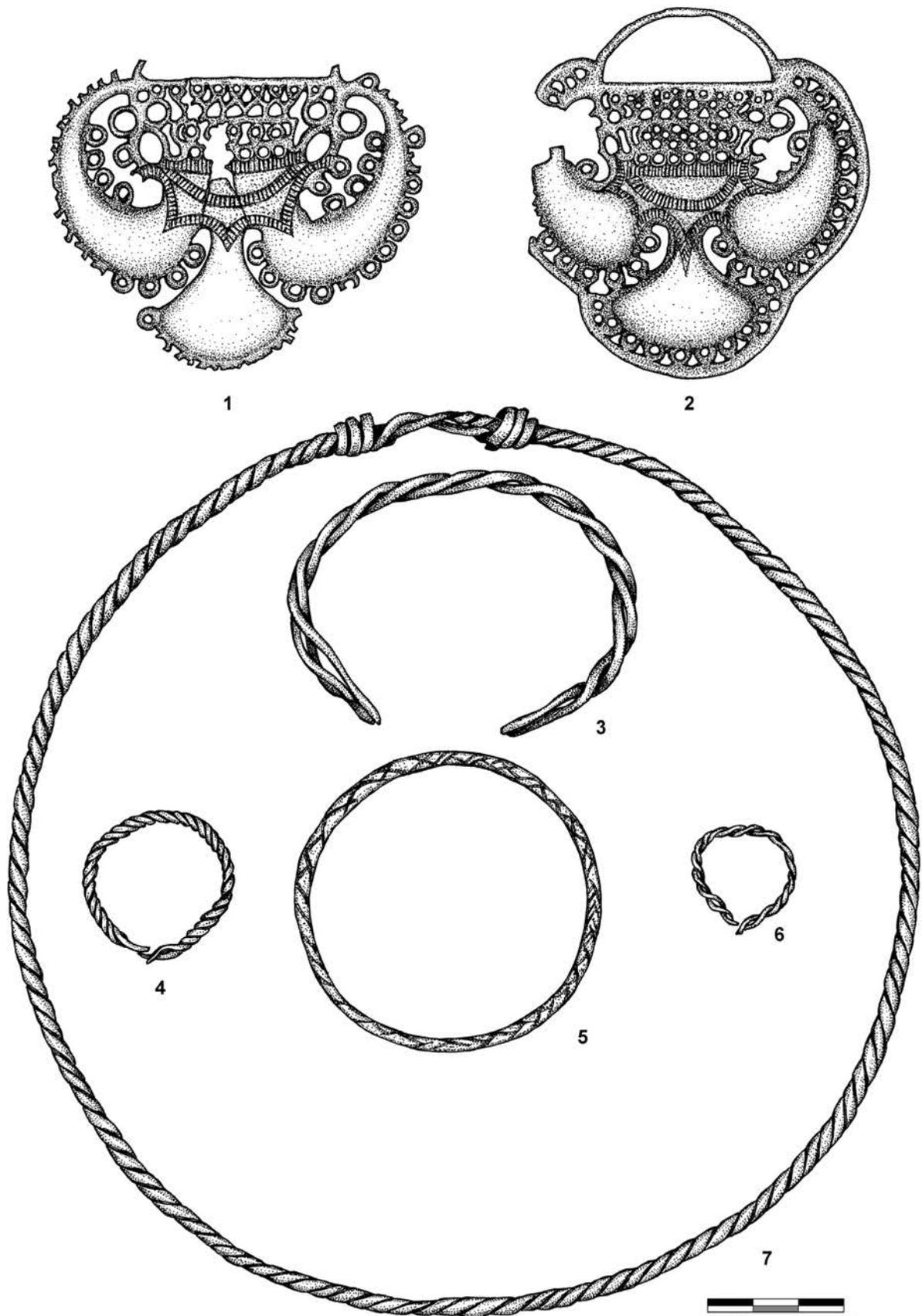

Рис. 10. Инвентарь кургана 19.
 1, 2, 6 – височные кольца; 4 – перстень; 3, 5 – браслеты; 7 – шейная гривна.
 1-7 – бронза.

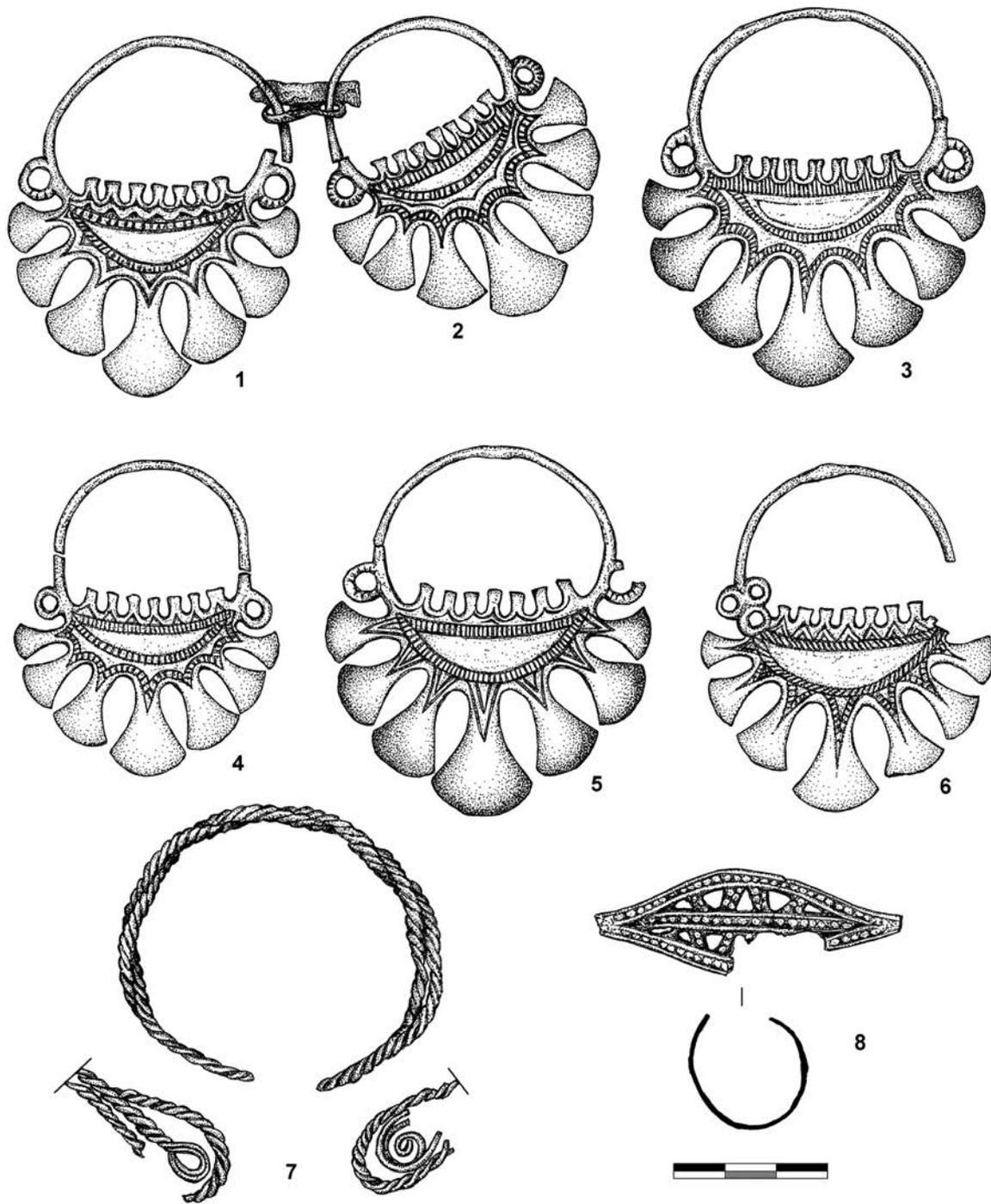

Рис. 11. Инвентарь кургана 20, погребение 2.
 1-6 – височные кольца; 7 – браслет; 8 – перстень.
 1-8 – бронза.

Рис. 12. Серп. Железо.
Курган 20, погребение 2.

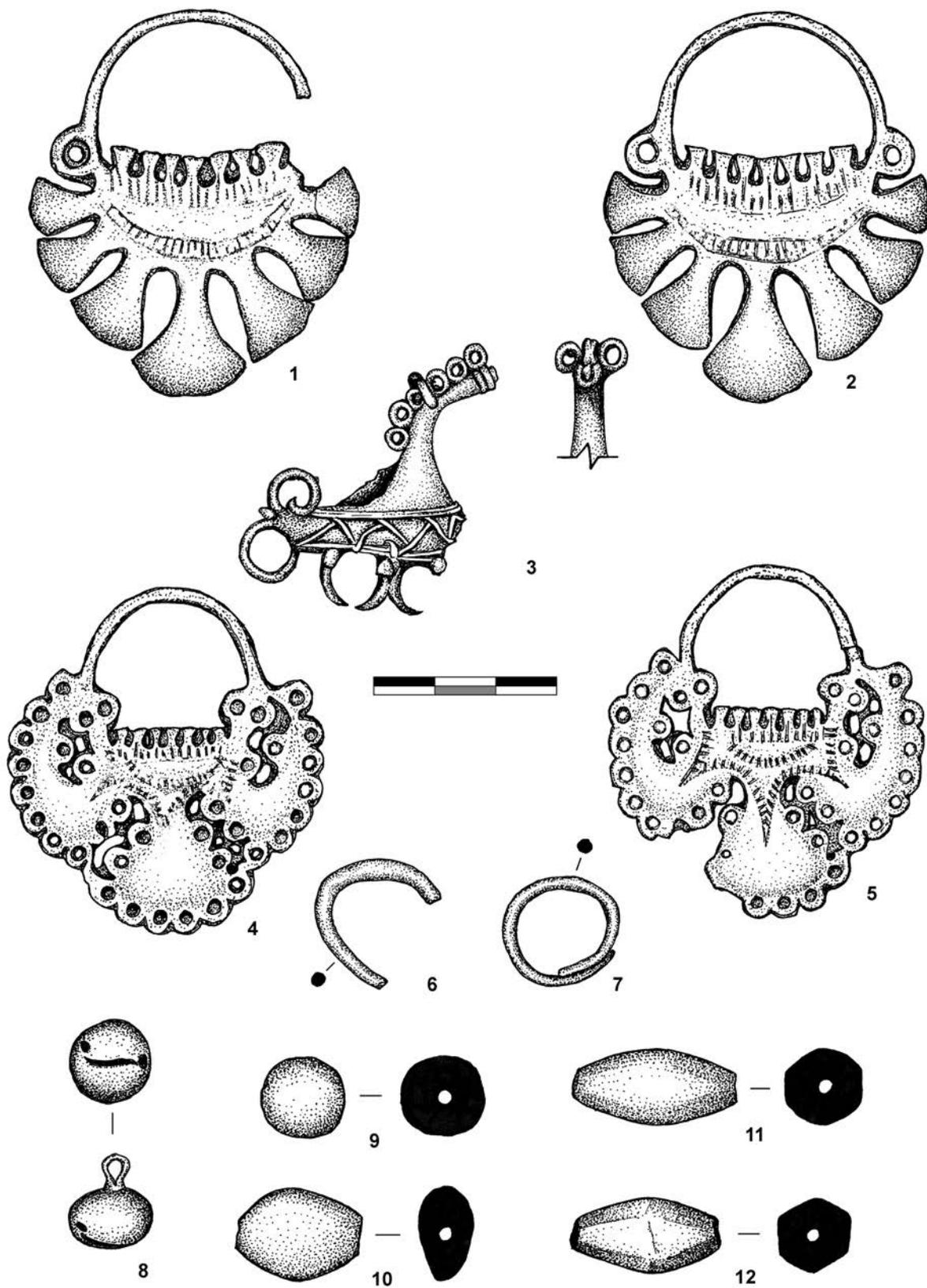

Рис. 13. Инвентарь кургана 21.
 1, 2, 4, 5, 7 – височные кольца; 3 – подвеска-«конек», 6 – перстень; 9-12 – бусы; 8 – бубенчики.
 1-7 – бронза; 8 – бронза, позолота; 9-12 – камень.

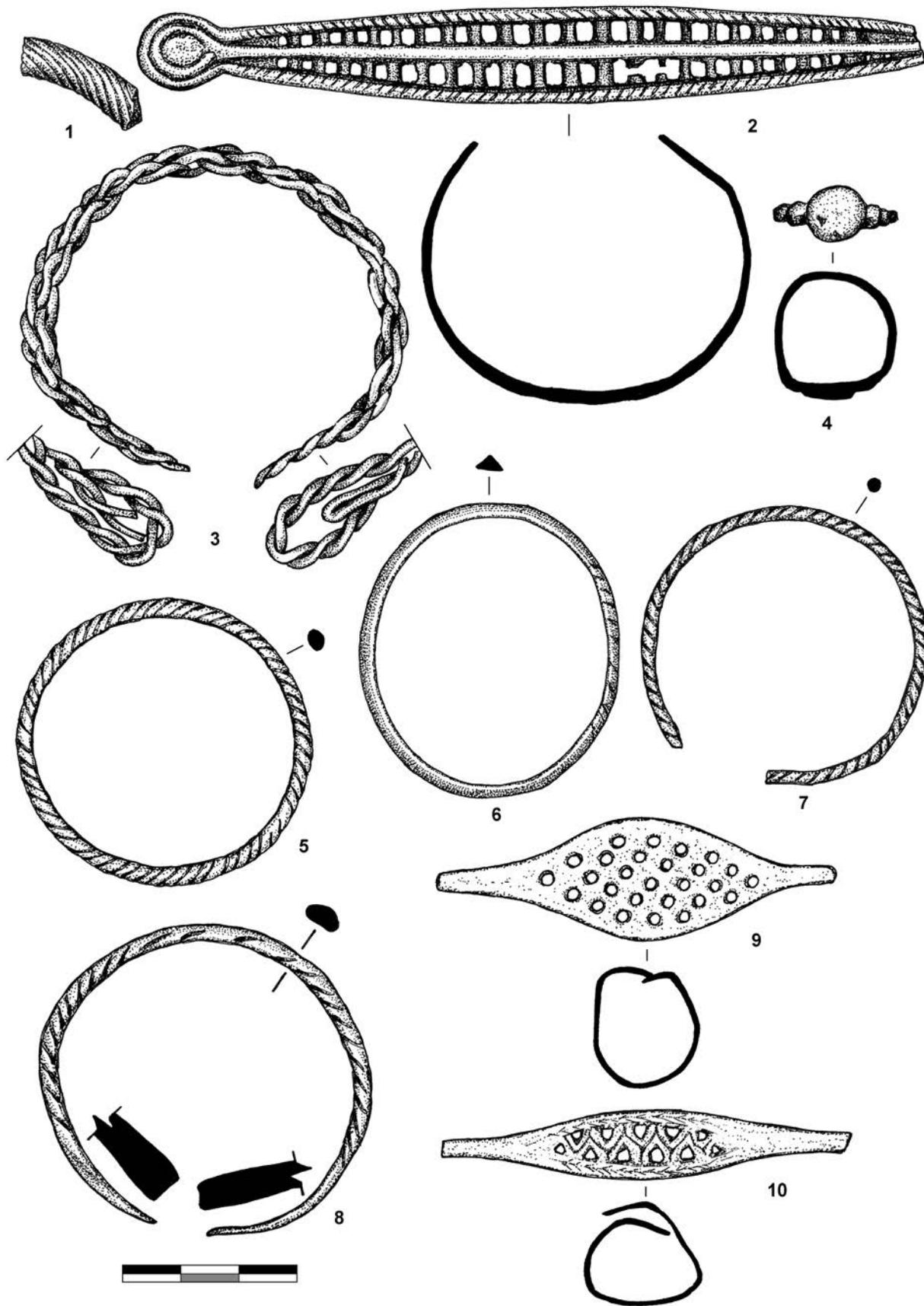

Рис. 14. Инвентарь кургана 21.
 1-3, 5-8 - браслеты; 4, 9, 10 - перстни.
 1 - стекло; 2-10 - бронза.

Т.Г. Сарачева (ГИИМ)

ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК КУРГАНОВ У С. БЕЛЬКОВО

Раскопки курганов у с. Бельково Веневского р-на Тульской обл. дали необычайно интересный материал для изучения металлического убора населения, занимавшего территорию Верхней Оки в эпоху средневековья¹. Археологическое исследование этого региона оставалось крайне слабым, в то время как он имеет важнейшее значение для определения южной границы расселения племени вятичей. Еще в 1891 г. неподалеку от Белькова был обнаружен Белевский клад, в который входили характерные вятичские украшения: семи-, пяти- и трехлопастные височные кольца, витые гривны и браслеты. Тщательный анализ состава клада позволил Н.Г. Недошивиной уточнить его датировку – конец XII–начало XIII вв., что означало включение находок в традиционный круг вятичских древностей (Недошивина, 1968. С. 118-121). Некоторые предметы из бельковских курганов аналогичны украшениям этого клада.

Металлические украшения древнерусского времени входили в погребальный инвентарь 9 курганов². В курганах №№ 17 и 2 (погребение 2) обнаружено соответственно 2 и 3 украшения, в кургане № 7 – 6 находок, в курганах №№ 16 и 20 (погребение 2) – по 8, в курганах №№ 8 и 19 – по 9, в кургане № 3 (погребение 3) – 11 украшений. Среди них выделяется захоронение в кургане № 21, сопровождавшееся 27 изделиями из цветных и драгоценных металлов.

Морфология, типология и хронология вятичских украшений исследуются давно и успешно. Напротив, технология их изготовления и химический состав металла стали предметом пристального внимания лишь в последние десятилетия (Зайцева, Сарачева, 2011). В связи с этим естественнонаучное изучение бельковских находок приобретает особое значение. На основе данных поверхностного осмотра определена технология изготовления всех украшений; методом неразрушающего рентгенофлуоресцентного энерго-дисперсного анализа изучен химический состав металла 17 изделий³. Необходимо отметить, что район локализации бельковских курганов оставался практически неизученным с точки зрения химического состава металла. Лишь два височных лопастных кольца из Белевского клада исследовал Л.И. Каштанов в 1950-е гг. с помощью химического мокрого анализа (Каштанов, 1954. С. 119).

Изучение технологии изготовления бельковских находок выявило значительное преобладание литых и согнутых из волооченой проволоки изделий; кованные и штампованные украшения составляют немногочисленную, но яркую группу.

Литье без существенной дополнительной обработки – традиционный способ изготовления височных колец: семилопастных с двумя боковыми колечками, семилопастных с 6 колечками, а также производных от них пяти-

¹ См. статью Н.Г. Недошивиной в настоящем сборнике.

² Некоторые украшения были встречены в засыпке ям или положены в погребения в качестве «даров».

³ Анализы выполнены заведующим рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Р.А. Митояном в 1998 г. О методике проведения анализа см.: Ениосова и др., 1997. С. 107-131.

лопастных и трехлопастных. Пяти- и трехлопастные кольца украшены многочисленными колечками и поэтому получили наименование кружевных. Независимо от количества лопастей все кольца отлиты в пластичных разъемных формах или в неразъемных по выплавляемым моделям. Применение разъемных форм документируют остатки литейных швов по контуру изделия и многочисленные заливки металла в отверстиях трехлопастного кольца из кургана № 21. Часть колечек оказалась полностью заполнена металлом. Заливки расположены посередине толщины щитка и указывают на использование двусторонней формы (рис. 1, 1). На некоторых кольцах заливки располагаются в одной плоскости с оборотной стороной изделия, что указывает на отливку в форме с плоской крышкой. Такой способ литья часто применяли для изготовления лопастных колец (Сарачева, 1996. С. 71-74).

В этом же кургане обнаружено второе трехлопастное кольцо, в мельчайших деталях совпадающее с предыдущим. Вероятно, оба кольца отлиты по оттиску одной жесткой модели, однако оттиск для второго кольца оказался намного качественнее. На модели дужка кольца была сомкнутой и позволяла сделать в форме единый литник для щитка и лопастей. Разъем на дужках делали после отливки, причем на кольце, обнаруженном у правого виска, разъем находится с левой стороны, в то время как на кольце с левого виска – с правой. Такое расположение разъемов является традиционным, хотя нередки случаи ношения колец независимо от местонахождения разъема.

Морфологическое и метрологическое сходство колец в двух других парах позволяет предполагать их отливку по оттиску готового изделия. Это семилопастные кольца с тремя боковыми колечками из погребения 3 кургана № 3 и кольца с двумя боковыми колечками из кургана № 21, украшенные дополнительным геометрическим декором в виде елочек. Орнамент в процессе литья воспроизвелся неравномерно и на некоторых лопастях полностью отсутствует. Вероятно, на кольце, послужившем оригиналом для оттиска, линии декора были гравированными, следовательно, неглубокими. Косвенным свидетельством использования готового кольца в качестве оттиска служит расположение на экземплярах из кургана № 21 разъемов дужки с

правой стороны, хотя обнаружены они с разных сторон от головы погребенной. В случае применения для оттиска многократной модели с сомкнутой дужкой мастер мог бы сделать разъемы на готовых кольцах с разных сторон.

Еще одно семилопастное кольцо с дополнительным декором происходит из погребения 2 кургана № 2. Растительные завитки выполнены в центре щитка гравировкой, их тонкие линии заметно отличаются от основного декора⁴.

Лопастные кольца с дополнительным орнаментом встречаются нечасто: они составляют около 15% всех находок (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 177). В бельковской выборке доля таких колец существенно выше, так как три трехлопастных кольца из курганов № 3 и № 8 представляют собой замечательные и редко встречающиеся образцы с зооморфными элементами. Стилизованные фигурки животных сохранились фрагментарно поверх щитков на двух кольцах, в то время как на третьем заметны лишь следы сломов на их местах. Из Белевского клада происходят 10 серебряных колец с аналогичными фигурками, животные на них развернуты друг к другу мордочками. Бельковские находки получены из сплавов на основе меди и являются дешевым подражанием драгоценным изделиям. Кроме того, подобные кольца обнаружены в вятичских курганах XII–XIII вв. у сел Иславское и Царицыно (Недошивина, 1968. С. 119, 121). Более ранним временем датируются лучевые кольца с фигурами птиц или животных из поселения Супруты Тульской обл. (Изюмова, 1978. С. 101-102. Рис. 1, 5, 6). Восковые модели для отливки колец с зооморфным декором вырезались индивидуально.

Характерной чертой бельковских колец являются выпуклые лопасти. Исключение составляют два семилопастных кольца из курганов № 7 и № 20 (погребение 2). Выпуклая форма при экономии металла зрительно увеличивала размер лопастей. Это было особенно важным в изготовлении больших колец, которые в противном случае были бы слишком тяжелыми. Придать нужную форму лопастям еще на этапе изготовления восковой модели можно было в результате отливки модели в резной жесткой форме или выскабливанием излишков воска с оборотной стороны лопастей. Такие следы хорошо заметны на семилопастном кольце из погребения 2 кургана № 20.

⁴ Термины «основной» и «дополнительный» декор височных лопастных колец введены Т.И. Макаровой и Т.В. Равдиной. Кольца из Белькова дополняют карту находок, составленную этими авторами (Макарова, Равдина, 1992).

Анализ химического состава пяти находок показал, что два трехлопастных кольца из кургана № 8 отлиты из низкопробного серебра (табл. 1. №№ 8, 9). Однако процент драгоценного металла в них гораздо выше, нежели в двух биллоновых кольцах из Белевского клада, исследованных Л.И. Каштановым. Остальные проанализированные кольца получены из оловянно-свинцовой и многокомпонентной бронзы. Результаты визуального осмотра позволяют предположить, что неисследованные экземпляры также получены из бронзовых сплавов.

Бронзовые лопастные кольца выборки покрыты лужением. Его наносили даже на изделия, отлитые из высокооловянных сплавов (табл. 1. № 10-12). Этот прием обработки поверхности характерен для вятичских металлических украшений в целом, хотя, скорее всего, не был изобретением местных ювелиров (Сарачева, 2001б. С. 386-395). Оловянное покрытие придавало бронзовым изделиям блестящий «серебряный» цвет, и многие исследователи считали, что лопастные кольца делали из драгоценного металла. Отличительной чертой луженых изделий помимо цвета является наличие многочисленных рисок шлифовки, с помощью которой готовили поверхность перед покрытием, а впоследствии кольца натирали для блеска.

Сложную задачу отливки ажурных изделий приходилось решать не только при отливке лопастных колец, но и другого характерного вида вятичских украшений – решетчатых перстней. В Белькове обнаружены зигзаговые и пунктирные перстни (согласно терминологии А.В. Арциховского), различающиеся рисунком прорезей и шириной передней, видимой при ношении части обруча. Перстень из кургана № 21 с треугольными отверстиями приближается к образцам с прямым обручем. Находки из курганов №№ 3, 7, 8, 20 и 21 относятся к широкосрединным. Ажурный декор состоит из треугольных и круглых отверстий; три перстня дополнительно украшены углубленным геометрическим и выпуклым, напоминающим шарики зерни, орнаментом. Несмотря на эти различия в оформлении обручей, все перстни получены отливкой в разъемных пластичных формах. Однако в отличие от лопастных колец, при отливке которых сразу же получали практически готовое изделие, решетчатые перстни отливали в виде прямой заготовки, а изгибание в обруч проводили впоследствии (Сарачева, 1994. С. 143-146).

Решетчатый перстень из кургана № 3 демонстрирует заметные следы отливки по выплавляемой резной модели. Об этом свидетельствуют отчетливые контуры круглых отверстий, отсутствие заливов металла в них и характер углубленного декора. Помимо резных моделей мастера использовали восковые или многоразовые модели из твердых материалов, отлитые в каменных формах. По такой модели изготовлен перстень из кургана № 20 с редко встречающимся выпуклым декором. Ему соответствовали округлые углубления в створке формы.

Расположение литейных швов на боковых поверхностях по всему контуру обручей указывает на литье перстней из курганов №№ 8, 21, 7 и 20 по оттиску готовых изделий или многоразовых моделей. Заливы металла в отверстиях расположены в одной плоскости с внутренней поверхностью обруча, что является индикатором применения литейной формы с плоской крышкой.

В результате исследования химического состава металла двух перстней из кургана № 21 выявлена оловянно-свинцовая бронза (табл. 1. №№ 14, 15). Однако пробы отличаются по элементному составу, что свидетельствует о разновременном изготовлении украшений.

Из этого же кургана происходит разомкнутый ажурный браслет с овальными фигурными краями. Известна лишь одна аналогия этому браслету, хотя стилистически он составляет единый с решетчатыми перстнями и лопастными кольцами сложных типов комплекс украшений, характерный для вятичей. Браслет получен из самого распространенного в вятичской металлообработке сплава – оловянно-свинцовой бронзы (табл. 1. № 1). Его обруч слегка расширяется, вследствие этого прямоугольные отверстия в центральной части больше, нежели в краевых зонах. По контуру браслет украшен углубленными косыми насечками. Многочисленные недоливы металла, остатки литейных швов на боковых поверхностях, а также заливки в отверстиях, расположенные в одной плоскости с тыльной стороной браслета, указывают на его отливку в виде прямой заготовки в разъемной форме с плоской крышкой (рис. 1, 2). Изгибание проводилось, скорее всего, после нагревания заготовки, так как обруч имеет правильный контур при значительной толщине – 2 мм.

Щитковые перстни – редкая находка для курганов древностей. Примечательно, что они входили в состав двух бельковских погребений. Из кургана № 21 происходит сомкнутый перстень с

округлым плоским щитком. Переходы к плоско-выпуклому обручу оформлены в виде парных валиков. Обруч и щиток слегка искривлены. Это произошло в результате отливки перстня в разъемной форме по оттиску готового изделия или модели многократного использования: следы литейных швов, образовавшиеся в результате неплотного соединения створок формы, проходят по центру щитка и обруча. Избранный способ отливки стал причиной двух недоливов на перстне. Брак оказался неизбежен, несмотря на использование сплава с высокой жидкотекучестью (табл. 1. № 16). Сомкнутые перстни с плоскими овальными и круглыми щитками без декора появляются во второй четверти XIII в. и продолжают свое бытование в памятниках Северо-Восточной Руси золотоордынского времени (Сарачева, 2007. С. 82-84).

Вятичские ювелиры применяли литье для широко распространенных дротовых и ложновитых перстней и браслетов. Сохранившийся фрагментарно дротовый перстень из кургана № 21 состоит из разомкнутого обруча с утолщенной передней частью. Неправильный контур обруча свидетельствует об изгибании литой заготовки, края которой, вероятно, были дополнительно прокованы и стали тоньше. Незначительное содержание свинца в сплаве позволяло проводить механическую деформацию в нагретом состоянии, так как значительная толщина обруча 2-4 мм предполагает проведение отжига перед изгибанием (табл. 1. № 13).

Два дротовых браслета из кургана № 8 состоят из сомкнутых обручей плосковыпуклого сечения. На одном экземпляре сохранились следы литейных швов, указывающих на отливку изделий в разъемных двустворчатых формах.

Ложновитые перстни часто встречаются в вятичских погребениях (Недошивина, 1967. С. 264). В Белькове они обнаружены в двух курганах №№ 3 и 8. Изделия относятся к наиболее распространенной группе сомкнутых перстней с имитацией витья в передней части обруча. Перстни отлиты в пластичных формах; декор получен в процессе литья. На экземпляре из кургана № 8 воспроизведено витье из проволоки с перевитьем: поперечные углубленные линии нанесены на выступающие части рельефа. Отсутствие литейных швов в сочетании со сложным рисунком свидетельствует об отливке перстня по выплавляемой восковой модели.

Ложновитые браслеты происходят из одного погребения в кургане № 21. Три из них состоят

из сомкнутого обруча. Размеры и характер декора двух находок совпадают. Это яркий пример отливки изделий по оттиску одной модели многократного использования (рис. 2, 1). По всему контуру обручей с наружной и внутренней стороны заметны многочисленные следы литейных швов, которые нарушили декоративные элементы. Швы делят обручи на две одинаковые части с незначительным смещением, в результате которого углубленные линии декора оказались разделены наплывами металла. Впоследствии плохо отлитые углубления не подправлялись: дефекты повторяются на обоих экземплярах в одних и тех же местах. Металл браслетов не совпадает не только по концентрации элементов, но и по составу примесей. Это свидетельствует об их отливке из разных порций сырья (табл. 1. №№ 3, 5).

В подобной разъемной пластичной форме отлит еще один сомкнутый браслет. Неудачная отливка, вероятно, является результатом многократного тиражирования: углубления на нем практически отсутствуют.

Разомкнутый браслет отливался в виде прямой заготовки в разъемной форме с плоской крышкой. Элементы, имитирующие витье, располагаются только на наружной поверхности обруча. Не исключена проработка углублений треугольной формы после отливки. Несмотря на то, что все ложновитые браслеты отлиты из оловянно-свинцовой бронзы, различия в концентрации основных элементов и составе примесей очевидны.

Два шаровидных литых бубенчика из курганов №№ 7 и 21 сохранились фрагментарно. На тулове украшения из кургана № 7 есть три едва заметные углубленные поперечные линии – характерный вид декора линейнопропезных бубенчиков. Технология отливки полых объемных изделий с цельнолитым ушком и шариком внутри отличалась высокой степенью сложности. Она была детально реконструирована на основе изучения многочисленных находок из вятичских курганов (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 204-205).

К полым изделиям принадлежит замечательная шумящая привеска-конек из кургана № 21 типа XX по классификации Е.А. Рябининой (Рябинин, 1981. С. 39-43). Она отлита из оловянно-свинцовой бронзы в одноразовой форме по сборной восковой модели. Этот прием характерен для финской производственной традиции. Тулово формовалось из монолитного куска воска, после чего излишки выбирались изну-

три; вследствие этого внутренняя поверхность привески стала неровной и бугристой. Накладной зигзагообразный декор и нижние колечки сделаны из проволочных одинарных и двойных нитей толщиной 0,9-2 мм (рис. 2, 2). Внутри тулова сохранились следы прилепа нижних колечек. Одно из них разломано; возможно, в результате длительного ношения украшения металл колечка, на котором висела дополнительная привеска, протерся.

Вятичские ювелиры широко практиковали изготовление украшений из волоченой проволоки. Ассортимент проволочных изделий необычайно разнообразен. Проволочные заготовки легко поддаются изгибанию и кручению. С помощью этих несложных операций мастера получали как простые, так и оригинальные по форме украшения. Часто их изготавливали из луженой проволоки.

К простейшим проволочным украшениям из Бельковских курганов относятся перстнеобразные височные кольца. Они обнаружены при раскопках курганов №№ 7, 8, 17 и 21. Два кольца сохранились неполностью, поэтому форма краев обручей не установлена; три разомкнутых кольца имеют заходящие края. Для их изготовления использовали круглые проволочные заготовки диаметром 1,1-2 мм, которым придали форму обруча в результате изгибания на подкладном инструменте округлого профиля.

Из круглой в поперечном сечении проволоки изготовлена витая гривна из кургана № 19. Ее концы скреплены «завязыванием». Витые браслеты относятся к характерным вятичским украшениям. В зависимости от количества проволочных заготовок и способов кручения выделяют несколько типов браслетов, терминология которых предложена А.В. Арциховским (Арциховский, 1930. С. 9-15). Бельковские находки относятся к тройным (2 экз., курганы №№ 3, 7⁵), четверным (1 экз., курган № 17), сложновитым 2х3 (2 экз., курганы №№ 3 (погребение 3), 21) и сложновитым 4х3 (1 экз., курган № 20) браслетам. В качестве заготовок использовали круглую проволоку диаметром 1-2 мм. На проволоке всех браслетов хорошо заметны продольные параллельные риски, образовавшиеся при волочении. Для удобного ношения внутренняя поверхность обруча уплощалась ковкой. Концы браслетов проковывали с обеих сторон для более прочного крепления краев проволок.

Тройной браслет из кургана № 3 относится к редко встречающемуся типу. Его концы украшены стеклянными синими плосковыпуклыми вставками в металлических оправках. Обруч скручен из сложенной втрое заготовки, представляющей собой проволоку с плотно навитой тонкой полоской металла. Такие полоски получали ковкой проволочной заготовки. Местами на браслете сохранилось покрытие. Оправы вырезаны из тонкой кованой пластины, края которой изогнуты в виде дуги. По внешней стороне оправы проходит круглая проволока диаметром 1 мм, которая помогала прочно удерживать вставку в оправе. Элементы оправы крепились к концам браслета с помощью пайки.

Четверной браслет изготовлен из двух проволочных луженых заготовок, каждая из которых сложена вдвое. Два полученных прута сложены вместе и плотно скручены. Концы обруча оформлены одинаково в виде одинарной петли с двумя проволоками внутри, край одной повторяет форму петли. Необходимо отметить, что в представительной выборке вятичских витых браслетов, технология изготовления которых была изучена (более 530 экз.), такой способ витья не был зафиксирован (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 229).

Два браслета витых 2х3 демонстрируют одинаковые способы скручивания. Каждый экземпляр получен из одной проволочной луженой заготовки, сложенной вдвое. Этот жгут складывали втрое и скручивали. Оформление концов обруча получилось разным: петля из двойной скрученной проволоки с двумя проволочными краями внутри и такая же петля с одинарной петлей внутри. Браслет 4х3 также состоит из одной заготовки, сложенной вчетверо и плотно скрученной. Полученный жгут складывали втрое и скручивали в обруч, концы которого также оказались разными. Анализ химического состава металла проволоки показал полное соответствие сырья технологической схеме изготовления: оловянно-свинцовая бронза с низким содержанием свинца, позволяющим проводить механическую деформацию металла.

14 предметов из раскопок Бельково относятся к нехарактерной для курганных древностей группе украшений, изготовленных с использованием драгоценных металлов. Они обнаружены в четырех курганах: шейная гривна (курган № 3), щитковый перстень и два трехлопастных височных кольца (курган № 8), бусина и бубенчики головного убора (курган № 21).

⁵ Находка из кургана № 7 представляет собою фрагмент сломанного браслета, согнутого в обруч меньшего диаметра.

Витая гривна отличается хорошей сохранностью, что встречается нечасто. Для ее изготовления использовали толстую (диаметр 3 мм) и тонкую (диаметр 0,5 мм) проволочные заготовки. Количество заготовок указать сложно, так как их края были раскованы в пластины. Ковка проводилась с высокой степенью деформации металла, скорее всего, в горячем состоянии, так как контуры отдельных проволок на плоских концах не сохранились. Витая часть скручена из трех жгутов, в каждом из них различаются три проволоки. Тонкое перевитие скручено из двух проволок. В средней части витье было менее плотным, за счет этого обруч гривны выглядит массивным. К концам обруч постепенно сужается. Концы украшены геометрическим орнаментом, нанесенным двумя видами инструментов: зубчатым колесиком, оставившим следы в виде перекрещивающихся линий, и чеканом треугольной формы. Наружная поверхность концов была дополнительно вызолочена, однако позолота сохранилась лишь местами. Края обруча были согнуты в дугу для образования застежки.

Вес витых гривен был немалым, и зачастую это приводило к поломке плоских концов. Учитывая трудоемкость изготовления подобных изделий, владельцы и мастера предпочитали ремонтировать сломанные детали украшений: один край пластины расковывали и припаивали «внаклад» к витой части обруча. Многочисленные примеры подобного ремонта, зафиксированные исследователем древнерусских гривен М.В. Фехнер, позволяли в свое время утверждать, что мастера изготавливали витую часть гривен и их плоские концы отдельно (Фехнер, 1967. С. 73). Однако находки гривен, один конец которых был напаян, а другой получен ковкой, бесспорно, являются доказательством ремонта (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 187).

Щитковый перстень из кургана № 8 представляет собой прекрасный образец древнерусского ювелирного дела и выделяется по технике изготовления не только среди перстней, но и среди курганных украшений в целом. Он спаян из трех деталей, вырезанных из тонкого листового серебра (0,2-0,5 мм). Одна деталь формировала пластинчатый обруч и боковые стороны щитка, две другие – полый quadriлобийный щиток. Соединение деталей выполнено аккуратным образом. Все поле щитка украшено гравированным зигзагообразным декором, линии которого образуют сложную розеточную

композицию с крестом в центре. Углубленный декор частично заполнен чернью, а центральная зона вызолочена. Судя по материалу и технике изготовления, перстень является продукцией городской мастерской высокого уровня, работавшей с драгоценными материалами.

Из раскопок кургана № 7 происходит фрагмент серебряной⁶ бусины, украшенной ложной зернью. Характер декора позволяет отнести ее к литым изделиям, однако установить ее форму и технологию изготовления (литье?) не представляется возможным.

Драгоценный металл использовали для отделки поверхности девяти шаровидных бубенчиков, украшавших головной убор в погребении кургана № 21. Они изготовлены по единой технологической схеме: две плоские заготовки из оловянно-свинцовой бронзы (табл. 1. № 7) штамповали при помощи чекана с округлой рабочей частью на специальной наковальне с круглыми углублениями (например, анке). Толщина заготовок не превышала 0,5 мм. В нижней половинке пробивали два круглых и одно щелевидное отверстия, а в верхней – отверстие для крепления ушка. Ушко согнуто из круглой в поперечном сечении волооченой проволоки. Затем все детали спаивали, а поверхность покрывали золотом. Содержание драгоценного металла в сплаве довольно высокое – 6,3%.

Таким образом, технология изготовления бельковских украшений показала, что в выборке преобладают изделия, полученные с помощью традиционных для вятичской металлообработки приемов. Это проволочные и лопастные височные кольца, дровые, ложновитые и решетчатые перстни и браслеты, витые браслеты, литые бубенчики. Они относятся к массовой продукции ювелиров. Основной операцией в изготовлении многих украшений выступает универсальное с технологической точки зрения литье, позволяющее получать форму и декор изделия и не требующее существенной дополнительной обработки. Изучение технологии изготовления височных лопастных колец (более 350 экз.) показало, что ювелиры тщательно соблюдали производственные традиции. Практически все кольца имеют серебристый цвет, который достигался применением различных приемов имитации драгоценных изделий (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 175-185). К сравнительно простым операциям относится изготовление изделий из волооченой проволоки.

⁶ Металл определен в результате визуального осмотра.

Вместе с тем в Белькове обнаружены украшения, выделяющиеся из общей группы курганских древностей. Это щитковые перстни – атрибут костюма преимущественно горожанок, изделия из драгоценных металлов, составляющие в этой выборке необычайно высокий процент (19%). Для курганских украшений в отличие от широко распространенного лужения золотое покрытие не характерно. К редким находкам в вятичских курганах относятся пятилопастное височное кольцо, зооморфная привеска и ложнозерненная бусина. Весомую долю составляют сборные украшения, которые не относятся к группе изделий серийного производства⁷ (16%). Это шейная гривна, витой браслет со вставками, щитковый квадратный перстень, штампованные бубенчики, зооморфная привеска, отлитая по сборной восковой модели. Комплекс перечисленных особенностей технологии изготовления бельковский украшений позволяет отнести их к производственной традиции конца XII–середины XIII в. (Сарачева, 2004. С. 229-237).

Рассмотрим особенности химического состава металла этих украшений. В соответствии с классификацией сплавов (Енисова и др., 2008. С. 125-132) в выборке выделено три типа, ведущим из которых является оловянно-свинцовая бронза (табл. 1). Это самый характерный металл так называемой «вятичской» зоны металлообработки, локализованной в Подмосковье (Коновалов, 1969. С. 60-77). Расширение базы данных по химическому составу украшений показало, что границы зоны совпадают с ареалом вятичских древностей (Сарачева, 2001а. С. 80-88).

Трехкомпонентную бронзу использовали для изготовления браслетов, бубенчика, височного кольца, привески, решетчатых, проволочного и щиткового перстней. За исключением височного кольца все украшения входили в состав погребального инвентаря кургана № 21 (12 экз.). Концентрация легирующих элементов в металле изделий различная, что не позволяет говорить об их одновременном изготовлении. Эти различия связаны, прежде всего, с технологией изготовления украшений. Так, высокое содержание олова обнаружено в предметах, полученных литьем или литьем с последующей незначительной доработкой (изгибание).

Высокие концентрации олова (19-27 %) в сочетании со свинцом, отмеченные в описанных

украшениях, обеспечивали хорошие литейные качества, особенно важные при отливке ажурных (решетчатые перстни, трехлопастное височное кольцо, браслет) или морфологически сложных предметов (объемная зооморфная привеска). Напротив, в металле витого 2х3 браслета и бубенчика олово и свинец содержатся в значительно меньшем количестве, так как для их изготовления использовали операции механической деформации.

Таким образом, анализ оловянно-свинцовых бронз позволяет утверждать, что мастера умели различать и целенаправленно применять сплавы не только в соответствии с их элементным составом, но и в зависимости от концентрации лигатуры.

Два семилопастных кольца отлиты из многокомпонентной бронзы. Сплавы с цинком в целом не характерны для «вятичской» зоны. Известно лишь пять колец, полученных из аналогичного сырья (Каштанов, 1954. С. 111-112; Коновалов, 1969. С. 71-77). Содержание цинка в вятичских многокомпонентных бронзах, как правило, низкое. Корреляционный анализ элементов сплава показал, что его основой является оловянно-свинцовая бронза. Добавление цинкосодержащего лома изделий во время переплавок приводило к подобному усложнению картины элементного состава металла исследованных изделий. Дополнительным свидетельством этого является наличие серебра в одном из колец – 3,7%. Столь низкая концентрация не была оправдана с технологической точки зрения; она не могла повлиять на оптические свойства сплава. Появление драгоценного металла в сплаве также можно считать результатом многократных переплавок с использованием серебросодержащих предметов.

В металле серебряных трехлопастных височных колец помимо меди зафиксировано значительное содержание олова и свинца. Вероятно, они попали в сплав в результате разбавления драгоценного металла бронзовым сырьем. Низкие содержания золота также можно объяснить многократными переплавками разного по своему составу сырья. Лишь 11 из 139 колец с известным химическим составом металла получены из серебряных сплавов. Находки концентрируются в Москворецком бассейне и в южных районах вятичской территории (Рязанская, Тульская обл.).

⁷ К сборным относятся изделия, конструктивные элементы которых получены с помощью различных или одинаковых производственных приемов и соединены впоследствии механическим путем или паянием.

Несмотря на то, что в последнее время был определен состав металла находок из некоторых других археологических памятников Тульской обл., этот район следует признать слабо изученным (Сарачева, 2001а. С. 84). Можно лишь с уверенностью утверждать, что не только по набору украшений, но и по химико-технологическим

показателям, он является составной частью огромного ареала вятичских древностей. Вместе с тем анализ ювелирного сырья выявил региональные особенности: сравнительно высокий процент сплавов на основе серебра и медных сплавов, в которых выявлено повышенное содержание золота и серебра.

Таблица 1. Химический состав металла бельковских украшений.

№ п/п	Название предмета	№ к-на	№ ан.	CU	SN	PB	ZN	AG	SB	FE	AU	тип сплава
1	браслет ажурный	21	139	62,26	25,97	10,42	0,00	0,52	0,84	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
2	браслет витой	20	142	92,80	6,00	1,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
3	браслет ложновитой	21	140	71,99	19,30	8,17	0,00	0,00	0,50	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
4	браслет ложновитой	21	141	74,11	20,81	4,73	0,00	0,00	0,34	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
5	браслет ложновитой	21	150	46,34	24,86	18,10	0,00	1,40	0,60	8,10	0,00	оловянно-свинцовая бронза
6	браслет ложновитой	21	151	60,75	26,22	10,10	0,00	0,00	0,17	2,46	0,00	оловянно-свинцовая бронза
7	бубенчик щелевидный	21	152	82,61	3,63	5,65	0,00	0,30	0,79	0,20	6,32	оловянно-свинцовая бронза
8	вис. кольцо лопастное	8	148	14,08	14,10	3,79	0,00	63,21	0,10	3,40	1,32	сплав на основе серебра
9	вис. кольцо лопастное	8	149	9,40	14,50	4,10	0,00	66,60	0,30	4,00	1,10	сплав на основе серебра
10	вис. кольцо лопастное	3	154	64,80	23,05	11,84	0,00	0,00	0,31	1,87	0,00	оловянно-свинцовая бронза
11	вис. кольцо лопастное	2	371	65,61	26,21	3,27	1,45	0,00	0,46	0,00	0,00	многокомпонентная бронза
12	вис. кольцо лопастное	20	372	67,05	24,43	2,86	1,63	3,69	0,00	0,00	0,00	многокомпонентная бронза
13	перстень дротовый	21	147	74,21	23,08	1,81	0,00	0,20	0,20	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
14	перстень решетчатый	21	144	68,75	23,12	7,43	0,00	0,00	0,21	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
15	перстень решетчатый	21	153	64,35	27,50	2,60	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
16	перстень щитковый	21	145	64,26	26,80	7,21	0,00	0,82	0,42	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза
17	привеска шумящая	21	143	62,28	27,620	1,81	0,61	0,00	0,67	0,00	0,00	оловянно-свинцовая бронза

T. Saracheva

**CHEMICAL AND TECHNOLOGICAL INVESTIGATION OF THE ANCIENT
RUSSIAN METAL ORNAMENTS FROM THE EXCAVATIONS OF THE
MOUNDS NEAR THE VILLAGE BEL'KOVO**

The paper focuses on the investigation of the production technology and the chemical composition of the metal findings from the mounds, which were excavated near the village Bel'kovo, Tul'skaya region. The burial mounds of the 12th–middle of the 13th centuries are situated on the southern border of the “land of vyatichi”. The decorations from this region practically were not studied. The examined collection includes characteristic jewelry of Vyatichi: temporal rings, pendants, neckrings, bracelets, finger rings, etc.

All findings were studied with application of the microwave analysis, chemical formulas of metal were established for 17 objects. Casting adornments and wire workpieces dominate. These metalwork operations were widespread among Vyatichi craftsmen. The surface of a few objects was covered with tin and gold. Jewelers preferred silver alloys, tin-lead and multicomponent bronze. Chemical and technological features of the ornaments under study show that they belong to a huge complex of the Vyatichi jeweler's art.

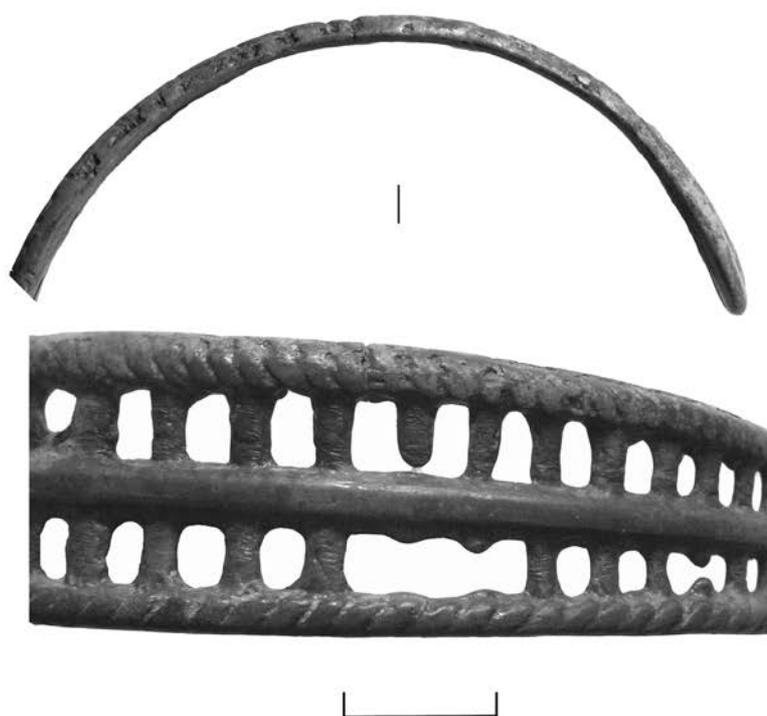
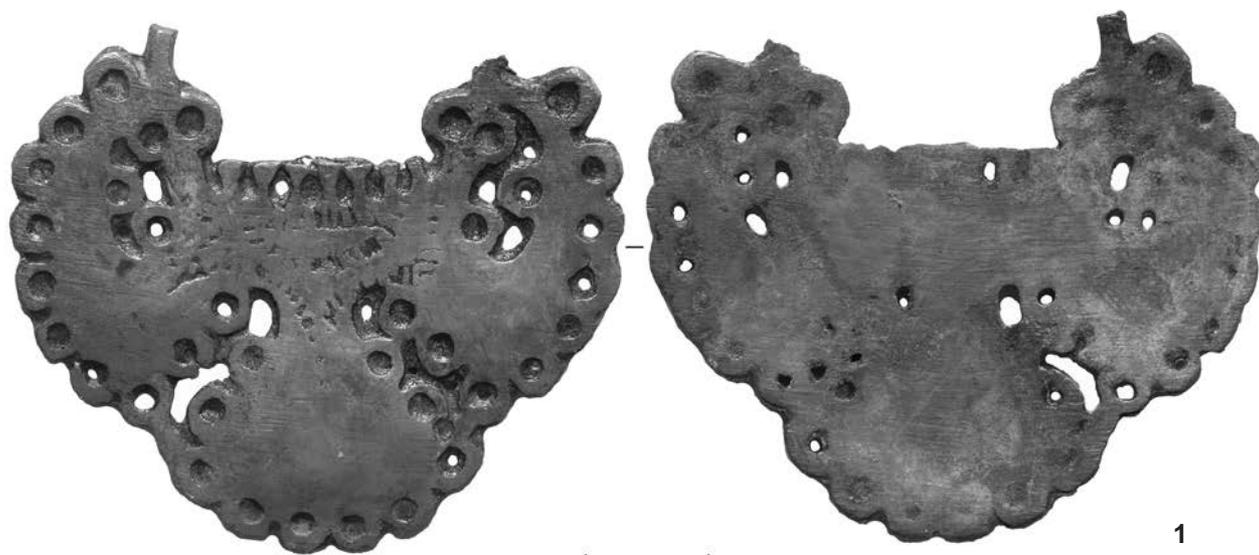

Рис. 1. Следы технологических операций на височном кольце и браслете из Белькова. Курган № 21.
1 – залиты металла в отверстиях трехлопастного височного кольца; 2 – недоливы металла и остатки литейных швов на боковой поверхности ажурного браслета.

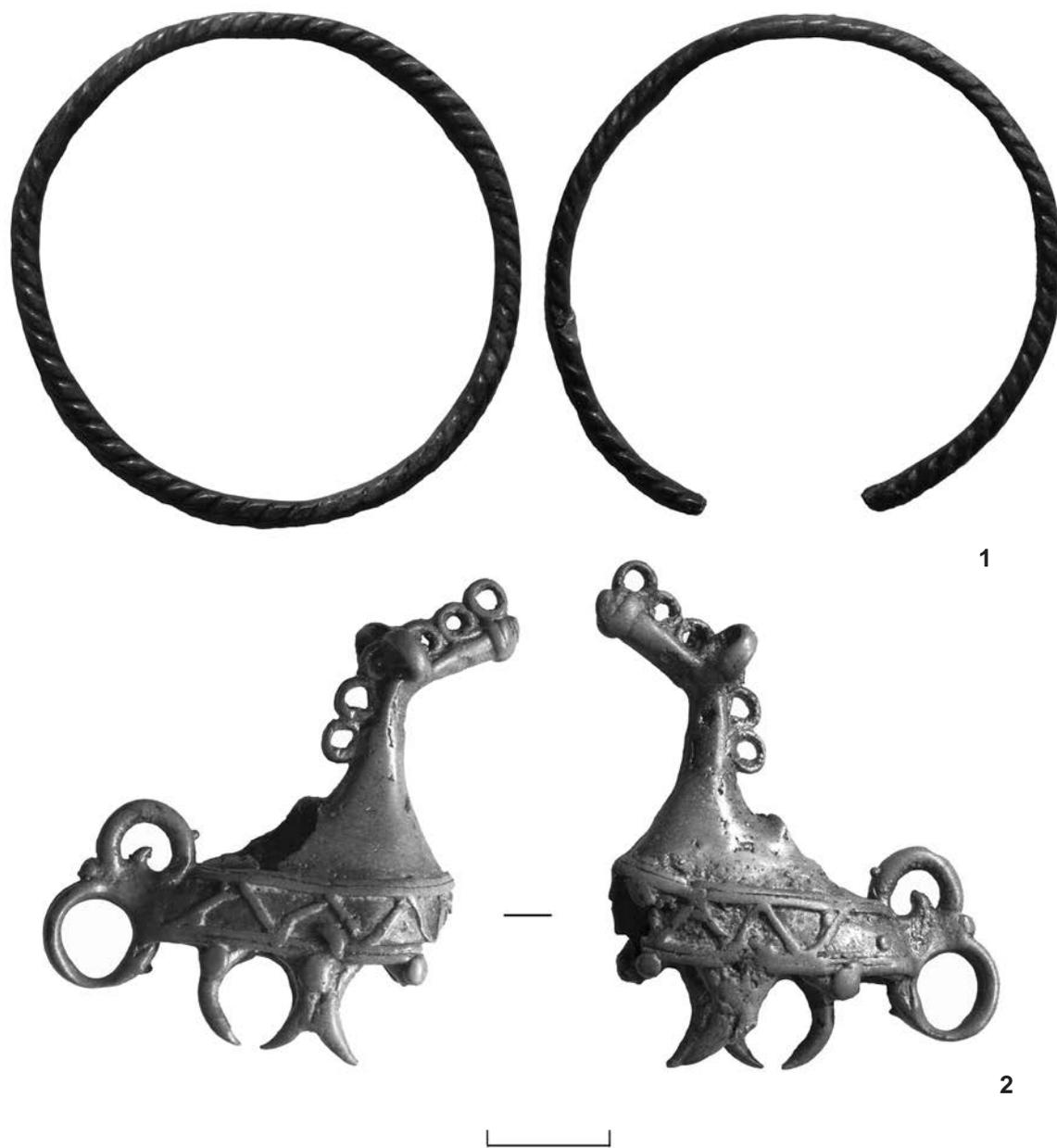

Рис. 2. Следы технологических операций на привеске и браслетах из Белькова. Курган № 21.
1 – ложновитые браслеты, отлитые по оттиску одной модели; 2 – следы сборки восковой модели, воспроизведенные на зооморфной привеске.

М.И. Гоняный (ГИМ)

НАХОДКИ ВЯТИЧСКОГО КРУГА ДРЕВНОСТЕЙ КОНЦА XII–XIII В. НА СЕЛЬСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ БАСЕЙНА ВЕРХОВЬЕВ ДОНА

Классик славяно-русской археологии А.В. Арциховский в опубликованной еще в 1930 г. обобщающей работе «Курганы вятичей» наметил круг характерных древностей, которые маркировали территориальные границы вятичской земли: семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, хрустальные шаровидные бусы (Арциховский, 1930. С. 123). Эти предметы доминировали в наборах украшений, встречаемых при раскопках курганов на юго-западе Подмосковья, в Рязанской, Калужской и (редко) Тульской областях.

Особенно много курганов вятичей сохранилось к югу от Москвы – в бассейнах рек Пахры, Десны, Рожайки и их притоков. Меньше их на Лопасне, еще меньше – в Серпуховском и Каширском Поочье. А вот в верховьях Дона, вокруг Иван-озера, на р. Шат курганные могильники XII–XIII вв., в которых бы присутствовали традиционные предметы финала вятичских древностей, да и самих курганов почти нет. Перечислим известные: Бельковский курганный могильник, Крюковские курганы в урочище Паганий лес (рис. 1, 2, 5).

С 1920-х гг. известна курганный группа, предположительно состоявшая из четырех насыпей (Дружинин, 1927. С. 48). Она располагалась между селами Слободка и Новое Село, на правом берегу р. Шат, откуда происходят витая бронзовая гривна с пластинчатыми концами, поясное кольцо и хрустальная бусина, обнаруженные в 2001 г. в ручье рядом с несохранившимися курганами (Заидов, 2006. С. 248). Других курганных могильников в истоках Дона нет и, скорее всего, никогда

не было – это подтверждают планомерные многолетние архивные изыскания О.Н. Заидова и А.Н. Наумова. У исследователей имелась лишь скупая и разрозненная информация о находках вятичских древностей – семилопастных колец – на правом берегу р. Дон, на окраине г. Донской, как оказалось позже, в парке графа Бобринского, на Бобрик-Горе (рис. 1, 9).

Остатки человеческого скелета и находки вещей вятичского облика были обнаружены в 1921 г. при работах на шахте № 8 в пос. Казановка Кимовского р-на Тульской обл. Цитируем: «На суставах кистей рук найдены: 1) верхняя широкая часть медного кольца с 46 отверстиями в 1 мм диаметре; 2) половина медного браслета, составленного из трех закрученных в правую сторону медных проволок в 1,5 мм толщиной; 3) одно зерно неполированного чистого кварца, овальной формы, диаметром 8 мм, с одним сквозным отверстием посередине, диаметром 1 см» (Геологические и археологические находки, 1926. С. 74)¹. Судя по описанию, было разрушено древнерусское погребение с типичным вятичским инвентарем, включавшим решетчатый, возможно, трехзигзаговый или шестипунктирный перстень, витой браслет и хрустальную бусину.

Видимо, с грунтовым могильником можно связать и находки в 1959 и 1961 гг. в окрестностях с. Ступино Ефремовского р-на Тульской обл. трех витых браслетов (3x3; 3x4). Они происходят из разрушенных погребений, обнаруженных в ходе строительства на границе владений с. Ступино и д. Малая Сухотинка (Сторожевое). По словам свидетелей, браслеты найдены при

¹ Отдельные листы из брошюры с приведенной в статье информацией были показаны автору в 1985 г. краеведом из г. Кимовск Тульской области Н.В. Федькиным.

трех крестообразно расположенных скелетах на глубине 0,75 м (ТОКМ. Инв. № 4316, 4317, 4551).

Отсутствие курганов в бассейне верховьев Дона делало этот район малоперспективным для поиска древнерусских памятников домонгольского времени. В 1950-е гг. систематические археологические исследования на этой территории не проводились.

В 1957 г. С.А. Изюмова раскопала грунтовый могильник древнерусского времени в с. Монастырщино Кимовского р-на Тульской обл., на котором вятичские древности не обнаружены (Изюмова, 1990. С. 82). Она же опубликовала вятичские находки из бескурганного погребения, разрушенного при проведении водопровода в г. Болохово на р. Шат (Изюмова, 1957. С. 260).

600-летний юбилей Донского побоища дал новый импульс к проведению комплексных междисциплинарных археологических исследований в районе Куликова поля. С тех пор на протяжении 33 лет проводятся сплошные разведочные археологические работы в бассейне Дона, от его истоков до устья р. Большой Кочур (Милославский р-н Рязанской обл.). Обнаружены и в разной степени обследованы более 300 древнерусских памятников конца XII–конца XIV вв., на 22 из них проведены археологические раскопки, на 30 выполнен планшетный сбор подъемного материала с использованием детекторов металла.

Важно отметить, что на всех обнаруженных селищах проводился сбор подъемного материала, иногда выполнялась шурфовка, и только в четырех случаях – на селищах Бутырки-2, Себино-3, Колесовка-1 и Архангельское-1 – были обнаружены характерные для вятичей шаровидные хрустальные бусы (Гоняный, 1985. С. 10). В процессе визуальной локализации на пашне границ грунтового могильника у д. Бутырки (Узловский р-н Тульской обл.) в 1985 г. был обнаружен витой 2x4 петлеконечный бронзовый браслет – находка, характерная для погребений вятичей (Гоняный, 1986. С. 18).

Результативные археологические разведочные работы в долинах рек Любавка, Маклец и их притоков проводились в 1990-е гг. под руководством О.Н. Заидова. Помимо локализации и раскопок Крюковского курганного могильника (Заидов, 2006. С. 251), где были встречены фрагменты семилопастных височных колец со вторым орнаментом на щитке и дополнительными

колечками в основании дужки (табл. 1), были выявлены и на разведочном уровне исследованы более десятка древнерусских селищ конца XII–XIV вв. (рис. 1, 4, 6, 7).

При визуальном обследовании и сборе подъемного материала с использованием детекторов металла по методике свободного поиска здесь на пашне удалось обнаружить лопасти от семилопастных височных колец (табл. 1). Фрагменты таких колец найдены на селище Марынка-1 в верховьях р. Люторичь (рис. 1, 10) и в ее приустьевой части на селище Люторичь 1 (рис. 1, 11).

Около десятка фрагментов семилопастных колец и более 30 решетчатых перстней разных типов собраны Р.В. Кляниным на посаде летописного города Корники (рис. 1, 3) (АКР, 2002. С. 39). Исследователю удалось локализовать этот малый вятичский городок в низовьях р. Корничка, провести охранные раскопки, установить границы посада площадью более 30 га, выявить грунтовый могильник и месторасположение церкви (Клянин, 1987. С. 24-25; 1991. С. 45-46; 1997. С. 37-38; 1998. С. 42-44).

Немного вятичских украшений встречено и в процессе раскопок. Например, на селище Монастырщина-5 их удалось обнаружить 10 (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 252; Гоняный, 2005. С. 156. Рис. 42, 9, 13), при этом была вскрыта площадь более 1 га. На полностью раскопанных однодворных домонгольских селищах Смолка-2 и Березовка-4 находки вятичского круга не встречены, на селище XIII–начала XIV в. Березовка-5 в раскопе площадью 1776 кв. м найдено всего два решетчатых трехзигзаговых перстня (Гоняный, Гриценко, 2000. С. 154, 162. Рис. 8, 14, 15).

Не найдено ни одной этноопределяющей находки на трех домонгольских городищах: Красные Буйцы, Устье, Колодези (Богдановский городок). На площади этих крепостей раскопками изучено 1650 кв. м культурных напластований.

Несколько иная картина зафиксирована при проведении охранных раскопок на селище Себино-3 в низовьях р. Мокрая Табола (рис. 1, 25). В раскопе площадью 64 кв. м была исследована постройка домонгольского времени, в которой найдены фрагмент семилопастного кольца со вторым орнаментом на щитке, однозигзаговый и многовосьмерочный перстни, а также хрустальная бусина (начальник экспедиции Воронцов А.М., научный куратор А.Н. Наумов)² (Воронцов, 2013).

² Пользуюсь случаем выразить благодарность заместителю директора по научной работе Военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» А.Н. Наумову и начальнику ТАЭ А.М. Воронцову за возможность использовать в статье неопубликованные материалы их раскопок.

Предварительное обобщение информации о первых находках вятичских древностей на селищах и грунтовой могильнике у д. Бутырки в долине Дона было опубликовано в 1991 г. (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 246-254). С тех пор минуло более 20 лет, накопился новый материал, и необходимо заново проанализировать находки вятичских древностей в бассейне верховьев Дона, за пределами «земли вятичей», границы которой были намечены еще А.В. Арциховским (Арциховский, 1930. С. 121), В.В. Седовым (Седов, 1973. С. 11. Рис. 4) и Т.Н. Никольской (Никольская, 1981. С. 10, 11. Рис. 1, 1а).

Разведочно-раскопочные исследования этого региона, проведенные на древнерусских памятниках конца XII–XIII в. до 1995 г., свидетельствовали, как нам тогда казалось, о незначительном присутствии семилопастных колец, решетчатых перстней, хрустальных бус в материальной культуре населения, осваивавшего лесостепное Подонье накануне Батыева нашествия.

Это представление начало меняться после того, как с конца 1990-х гг. нами стала разрабатываться и активно использоваться на распахиваемых сельских поселениях методика планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла. За прошедшие 15 лет подобным образом были обследованы более 100 га площади на 30 селищах. На 22 из них присутствовали культурные наслоения домонгольского времени, поэтому именно здесь можно было ожидать интересующие нас находки. При площадном обследовании упомянутые вятичские маркеры были встречены на 19 селищах.

Наиболее представительная серия подобных находок собрана на четырех селищах, входящих в состав археологического комплекса у городища Устье (Чичино городище, летописный Дубок) (рис. 1, 26-29; 2).

Во-первых, это селище Устье-2 площадью 2,4 га, примыкающее к городищу с северной, западной и южной сторон (рис. 1, 29; 2). Во-вторых, селище Устье-3, расположенное к северу от городища и являющееся продолжением Устья-2. Фактически это одно большое поселение площадью около 16 га. Оно на протяжении 7 лет почти полностью обследовано по описанной выше методике планшетного сбора. Обследовано более 15 га и собрано свыше 2000 предметов конца XII–XIV в. из цветного и черного металлов. В том числе: семилопастных височных колец и

их фрагментов – 39 экз., решетчатых перстней и их обломков – 66 экз., что составляет 5% от всей собранной здесь коллекции (Гоняный, 1998. Л. 2, 3, 7-4; 2003. Л. 11-15, 78-111; 2004. Л. 28-32, 146-166; 2005. Л. 5-7; 2006. Л. 4-7, 17-44; 2009. Л. 32-39; 127-153; 2012. Л. 40-54, 123-159).

Третье селище – Колесовка-1 – расположено в 80 м севернее и отделено от Устья-3 глубокой сухоходной балкой (рис. 2). Жизнь в этой «заовражной» части Устьинского комплекса зародилась в предмонгольское время, но главное развитие это поселение получает с конца XIII в. в связи с основанием здесь железоделательного, кузнечного и гончарного производств. Планшетный сбор материала, проведенный ТАЭ в 2010 г. на площади более 6,5 га, позволил обнаружить всего две секировидные лопасти от семилопастных колец, фрагмент двухзигзагового решетчатого перстня и две хрустальные бусины (Наумова, 2011. Л. 6-170).

Четвертый памятник, на котором встречены находки вятичского круга, – это селище Колесовка-5, расположенное на левом берегу р. Мокрая Табола, напротив селища Устье-3 (рис. 2). Здесь на площади 4,17 га также был собран подъемный материал с использованием детекторов металла. В число 98 находок из цветного и черного металлов входили 3 фрагмента семилопастных колец (табл. 1), относящиеся к типу простых. На одном – первый орнамент на щитке (рис. 6, 7), на другом – второй орнамент (рис. 6, 9), на третьем в центральной части щитка присутствует растительный орнамент, вырезанный штихелем (рис. 6, 8). В пахотном горизонте культурного слоя найдены три решетчатых перстня: двухзигзаговый, трехзигзаговый и многовосьмерочный (рис. 12, 9, 10, 12). В целом здесь встречено 10 фрагментов женских украшений домонгольского времени из цветного металла и шесть из них – традиционные вятичские.

Наиболее представительную коллекцию украшений вятичского круга удалось обнаружить на селище Устье-2 – спутнике городища Устье, отождествляемого нами с летописным Дубком (рис. 1, 29; 2).

Высокий правый коренной берег р. Мокрая Табола впервые был освоен славянским роменским населением в IX в. Об этом свидетельствуют найденные здесь предметы: серебряное пятилучевое височное кольцо (рис. 3, 1), фрагмент серьги так называемого салтовского типа, литые поясные накладки и пряжка (рис. 3, 3-5), имеющие аналогии на салтовских памятниках

(Флеров, 1993. С. 137. Рис. 60). Аналогичное пятилучевое височное кольцо найдено в кладе на Новотроицком городище. По типологии Е.А. Шинакова нашу находку можно отнести к группе I, типу А, варианту 1 (Шинаков, 1980. С. 115, 116. Рис. 2) и датировать IX в. А.В. Григорьев относит новотроицкую находку также к IX в. (Григорьев, 2000. С. 129. Рис. 46, 13).

IX в. можно датировать найденные на селище три черешковых трехлопастных наконечника стрел (рис. 3, 6-8), аналогичные часто встречаются на памятниках салтовской культуры (Плетнева, 1989. С. 71). По типологии А.Ф. Медведева подобные стрелы соотносятся с типами 13 и 21 (Медведев, 1966. С. 59, 61).

Немногочисленные находки IX–начала X в., обнаруженные на селище Устье-2, позволяют ставить это пока единственное в верховьях Дона роменское поселение в один ряд с ранними славянскими памятниками бассейна р. Упы – их основные черты подробно проанализированы и обобщены А.В. Григорьевым (Григорьев, 2005).

Прежде чем приступить к рассмотрению значительного массива вятических древностей конца XII–середины XIII в., обнаруженных на древнерусских памятниках в бассейне верховьев Дона, проанализируем несколько находок, позволяющих выдвинуть предположение о проникновении на эту территорию славянского населения на столетие раньше.

В результате ежегодных широкомасштабных поисковых работ с детекторами металла на селищах XII–XIV вв. Бучалки-3, Себино-2, Колесовка-5, Устье-3 (рис. 1, 22, 24, 27, 28) обнаружено 6 предметов, которые можно датировать концом XI–началом XII в. (рис. 3, 9-14).

Вятическим по принадлежности можно считать фрагмент височного кольца, обнаруженного в 2012 г. на селище Себино-2 (Столяров, 2013. Л. 4-36). Оно относится к «архаическим» семилопастным кольцам небольших размеров (тип III по Т.В. Равдиной), не имеющим боковых колечек, с далеко расставленными друг от друга неорнаментированными лопастями каплевидной формы (Равдина, 1975. С. 119-130. Рис. 4). Орнамент на щитке нечеткий, на лопасти заходят треугольники (рис. 3, 9). Т.В. Равдина отмечает, что подобные семилопастные кольца редко, но встречаются с бубенчиками с крестовидной прорезью, с золочеными и серебряными бусами (Равдина, 1968. С. 138). Важно отметить, что на этом же памятнике среди многочисленного подъемного материала найдены фрагмент

одного и целый крестопорезные бубенчики (рис. 3, 10, 11).

Несколько выше по течению р. Мокрая Табола на окраине селища XIV в. Бучалки-3 (рис. 1, 22) в 2013 г. найден фрагмент серебряной треугольной в сечении двускатно-пластинчатой гривны, украшенной орнаментом «волчий зуб» (рис. 3, 12). Таким же орнаментом декорирован фрагмент пластинчатого браслета из пашни на селище Колесовка-5 (рис. 1, 27; 3, 14) (Гоняный, 2012. Л. 21).

В 30 м западнее найдены шиферное пряслице биконической формы и стенки лепной красноглиняной керамики с примесью шамота, песка и редких включений дресвы (Гоняный, 2011. Л. 24-27). Еще одно шиферное пряслице найдено в 85 м южнее в центральной части селища Колесовка-5. Отметим, что шиферные пряслица почти никогда не встречались в культурных слоях селищ конца XII–XIII в. района Куликова поля. Эти находки указывают на присутствие на памятниках более ранних культурных горизонтов.

Обнаружение еще одного шиферного пряслица вместе с лепной керамикой в стратиграфическом шурфе на селище Устье-2 также позволяет предположить присутствие на памятнике материалов XI–начала XII в. (Гоняный, 2010. Л. 36, 143. Рис. 89, 8).

Возможно, к более раннему времени относится ключ от ларца типа А, обнаруженный среди подъемного материала XIII–XIV вв. на селище Устье-3 (рис. 1, 28; 3, 13) (Гоняный, 1999. Л. 2, 3; 31).

Все эти находки свидетельствуют о том, что даже после оставления населением верховьев Дона в начале X в. (селище Устье-2) этот регион вплоть до строительства здесь в конце XII–начале XIII в. порубежных крепостей-твердей и сопутствующих им поселений-спутников не оставался совершенно безлюдным (Гоняный, 2005. С. 114).

Таким образом, в заселении и хозяйственном освоении лесостепных территорий верховьев Дона в XII–XIII вв. активное участие принимало русское земледельческое население. В этой среде бытовали украшения из цветного металла и камня, характерные для финального этапа вятицкого круга древностей. Рассмотрим подробнее эти категории находок.

Семилопастные височные кольца. Отдел I
К височным кольцам отдела I типа I (Арциховский, 1930. С. 46–51) относятся 48 подвесок

и, возможно, 15 отдельных лопастей от височных колец, обнаруженные на 8 селищах. Более подробное деление семилопастных колец на типы предпринято Т.В. Равдиной и представлено в ее диссертации, в главе 4 (Равдина, 1975). В приведенной нами таблице 1 встречаемости височных колец на древнерусских памятниках бассейна верховьев р. Дон мы ориентируемся на типы, предложенные в этой работе.

На 6 памятниках рассматриваемого региона (табл. 1) обнаружены 11 фрагментов семилопастных колец (рис. 4, 1-7; 5, 1, 2, 4; 6, 3, 5, 7), украшенных первым орнаментом на щитке (Равдина, 1968. С. 138).

На 9 археологических объектах (рис. 1, 5, 14, 20, 23, 25, 27-30) обнаружены 26 фрагментов семилопастных колец (рис. 4, 8-11, 13-15; 5, 3, 5, 6, 12; 6, 4, 8, 9) со вторым орнаментом на щитке (Равдина, 1968. С. 140). Скорее всего, к типу I тяготеют 15 отдельных лопастей секировидной формы (рис. 4, 6; 5, 2, 12-16; 6, 1), обнаруженных на 8 селищах (табл. 1). Широкая датировка подвесок этого типа – вторая половина XII–XIII в. (Равдина, 1968. С. 140). На 6 височных кольцах присутствует орнамент на щитке, выполненный в технике гравировки (рис. 4, 13; 5, 1, 5; 6, 4, 8, 9). Нанесение орнамента на щиток и лопасти – явление, характерное для колец «самого позднего вида» (Равдина, 1968. С. 142).

С отдельным типом VIII Т.В. Равдина соотносит простые семилопастные кольца со вторым орнаментом на щитке и дополнительными колечками в основании дужки (табл. 1) – подобные найдены на 4 памятниках (рис. 1, 5, 9, 23, 28). Почти целое простое семилопастное кольцо с дополнительными боковыми колечками, с секировидными лопастями, со вторым орнаментом на щитке (рис. 6, 10) найдено на грунтовом могильнике Исаковские Выселки (рис. 1, 23) в погребении 120 (Гоняный, 2005. С. 131. Рис. 25, 6).

Два других кольца найдены в г. Донской Тульской обл. в составе находок из разрушенного погребения в могильнике Бобрик-Гора (рис. 1, 9; 7, 1, 2).

К типу III по А.В. Арциховскому и к типу IX по Т.В. Равдиной относятся решетчатые семилопастные кольца со вторым орнаментом на щитке. Обнаружены три подвески этого типа в двух пунктах (рис. 1, 20, 29).

Практически целое височное кольцо – решетчатое, с дополнительными боковыми колечками, со вторым орнаментом на щитке найдено

на селище Монастырщина-5 (рис. 1, 20; 6, 11). На 2-6-й лопастях в технике гравировки нанесен орнамент. Поверхность несет следы сильной потертости, что свидетельствует о длительности ношения украшения. Подвеска обнаружена при раскопках на территории крестьянского двора, существовавшего с конца XII в. до середины XIII в. (Гоняный, 1989. С. 47).

Фрагменты еще двух решетчатых височных колец обнаружены в процессе сбора подъемного материала на селище Устье-2. В одном случае сохранилась лишь верхняя часть щитка, состоящая из трех рядов округлых отверстий, завершающихся имитацией зубчиков.

Другая находка представлена фрагментом щитка со вторым орнаментом и двумя дополнительными колечками в основании дужки. Вместо традиционных семи зубчиков, которыми обычно завершается верхний край щитка, идет горизонтальный ряд круглых отверстий, обрамленных по периметру валиками. Поверх ряда отверстий помещена стилизованная фигурка собачки или конька с поднятой вверх мордочкой (рис. 4, 12). На памятниках верховий Дона подобная композиция в оформлении верхней части щитка встречена впервые.

Подзорчатых колец со вторым орнаментом на щитке (тип IV по А.В. Арциховскому и тип X по Т.В. Равдиной) найдено 10 экз. на 4 памятниках (рис. 1, 9, 21, 28, 30) (табл. 1); четыре из них – в разрушенном погребении в г. Донской (рис. 1, 9). Это крупные кольца со вторым орнаментом и дополнительными колечками в основании дужки (рис. 7, 3-6).

Отдельные лопасти от подобных височных колец найдены на селищах Куликовка-4 (рис. 1, 21) (Гоняный, Кац, Наумов, 2003. С. 241, 242. Рис. 7, 16, 17), Устье-3 (рис. 1, 28; 5, 9, 10). На посаде древнерусского городища Архангельское (Чур-Михайловское) (рис. 1, 30; 6, 2) в процессе планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла найдены 3 лопасти от височных колец: одна – от простого с секировидными лопастями (рис. 6, 1), и две – от подзорчатых или ажурных (рис. 6, 2) (Гоняный, 2008. С. 35).

Жизнь на посаде протекала в первой–третьей четвертях XIII в. Крепость была построена в правление пронского князя Кира-Михаила (1207-1217) как пограничный пункт на южной окраине Пронского княжества (Гоняный, 2005. С. 114; 2008. С. 31-35; Гоняный, Пуцко, 2009. С. 199).

Ажурных семилопастных височных колец (тип V по А.В. Арциховскому и тип XI Т.В. по Равдиной) обнаружено два: одно – в рассмотренном выше разрушенном погребении могильника Бобрик-Гора (рис. 1, 9; 7, 7), фрагмент другого – в подъемном материале на поверхности грунтового могильника у д. Исаковские Выселки (рис. 1, 23; 6, 6) (Гоняный, 2005. С. 131. Рис. 25, 10).

Сочетание колец: простых развитых с дополнительными боковыми колечками, подзорчатых с дополнительными боковыми колечками, и ажурного, удалось зафиксировать в разрушенном в 1970-е гг. строителями погребении в г. Донской (рис. 1, 9) (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 252; Гоняный, 2005. С. 133).

Благодаря разведочным работам, проведенным О.Н. Заидовым и Г.А. Шебаниным в 2012–2013 гг., здесь же, в низовьях р. Бобрик, было обнаружено и обследовано селище XIII–XIV вв. Бобрик Гора-1, а на его окраине зафиксирован грунтовой могильник XIII–XVI вв.

На территории могильника при прокладке коммуникаций для пионерлагеря найдено упомянутое женское погребение. Семь семилопастных колец из него переданы находчиками в донской музей. Все кольца (рис. 7, 1-7) крупные, с дополнительными боковыми колечками и со вторым орнаментом на щитке. Два из них простые типа VIII по Т.В. Равдиной (рис. 7, 1, 2). Четыре подвески – подзорчатые типа X по Т.В. Равдиной (рис. 7, 3-6), одна – ажурная, тип XI (рис. 7, 7). Важно, что все височные кольца происходят из одного закрытого комплекса. Они изготовлены из медного сплава, луженые оловом, не несут следов потертости от длительного ношения. Датируется подобный комплекс украшений первой половиной XIII в.

Семязычковые височные кольца. Отдел II

Семязычковые височные кольца, выделенные А.В. Арциховским в отдел II, представлены обломком всего одного украшения, которое можно отнести к типу I и характеризовать как простое с дополнительным орнаментом, нанесенным в технике гравировки на щиток и седьмой язычок. Обнаружено оно на селище Устье-3 (рис. 1, 28; 4, 7).

Пятилопастные височные кольца. Отдел III

Почти целое подзорчатое височное кольцо (тип II по А.В. Арциховскому и тип XIII по Т.В. Равдиной) обнаружено поблизости от грунтового могильника Устье конца XII–XIV в. Мо-

гильник расположен на площади селища Устье-3 (рис. 2). Украшение из тонкой медной пластины изготовлено довольно небрежно. Лопастей имеют несколько выпуклую снаружи форму. Скорее всего, кольцо можно датировать финалом бытования вятичских лопастных колец – второй четвертью–серединой XIII в. (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 252, 253, рис. 5, 11).

Завершая рассмотрение небольшой (80 фрагментов височных колец) серии находок, происходящих из 19 памятников археологии домонгольского времени в верховьях Дона, хочется отметить присутствие в коллекции почти всех типов семилопастных височных подвесок, выделенных еще А.В. Арциховским. В нашем собрании нет только сростнозубцовых и кружевных подвесок.

Преобладают фрагменты колец со вторым орнаментом на щитке (табл. 1); лопасти всех украшений имеют секировидную форму. Иногда лопасти подвесок с целью придания им большего объема делали выпуклыми снаружи. Шесть подвесок имеют на щитках и лопастях дополнительный орнамент, выполненный в технике гравировки. В нашем собрании отсутствуют кольца, лицевая поверхность которых помимо традиционной орнаментальной композиции дополнительно декорирована узором, выполненным в литейных формах. Височные кольца сложных типов, составляющие 17% от общего числа обнаруженных, датируются XIII в. (Равдина, 1968. С. 142). В коллекции присутствуют украшения крупных размеров, что характерно для финального этапа бытования этих изделий.

Многолетние систематические сборы подъемного по описанной выше методике позволяют получить представительные, точно привязанные к территориям памятников серии предметов, в частности, семилопастных височных колец, что в совокупности с другими находками позволяет уверенно датировать как отдельные сельские поселения, так и различные по площади и конфигурации зоны жилой и хозяйственной застройки на крупных археологических комплексах.

Статистические подсчеты показывают, что наибольшее количество семилопастных подвесок встречается на селищах, возникших в конце XII–самом начале XIII в., в ранний период освоения лесостепной территории верховьев Дона. Несомненно, заселение Куликова поля, низовьев Мокрой Таболы началось со строительства укрепленного форпоста – городища Устье (лето-

пистный Дубок), к которому примыкало селище-спутник Устье-2 площадью 2,4 га. В надмагнетической части селища собрано 20 фрагментов рассматриваемой категории предметов.

Вероятно, городище было построено в конце XII в. или на рубеже XII–XIII вв. Селище-спутник постепенно разрасталось в северном направлении (рис. 2) и к середине XIII в. заняло площадь 12,7 га. Нами оно названо Устье-3. Однако на его территории, в 5,3 раза превышающей площадь селища Устье-2, семилопастных височных колец найдено 19 экз., т.е. столько же, сколько на Устье-2. Видимо, эти украшения с начала XIII в. используются все реже. Височные кольца были неотъемлемым атрибутом женского наряда языческой эпохи, и их ношение, скорее всего, не приветствовалось служителями церкви.

Отсутствие на территории Устьинского археологического комплекса курганного кладбища и наличие грунтового могильника, где совершались погребения по христианскому обряду, говорят об активном процессе христианизации населения, жившего на посаде городища Дубок.

На посаде Чур-Михайловского городища (рис. 1, 30), возникшего в первые десятилетия XIII в. на южных пронских рубежах, удалось найти всего 3 фрагмента семилопастных височных подвесок. На примыкающих к городищу селищах-спутниках Архангельское-1, 2 было обследовано 9,5 га площади и собрана коллекция из 592 металлических предметов XIII в. Заметим, что Чур-Михайловский археологический комплекс возник на 15–20 лет позже Устьинского, поэтому процент семилопастных колец здесь невелик.

На селищах второй половины XIII–XIV в. Колесовка-2, 3, 4, расположенных в северной части Устьинского комплекса, обследована площадь 16,27 га и не обнаружено ни одного обломка семилопастных височных колец и решетчатых перстней – другого маркера вятичских древностей.

Можно предполагать, что в среде первопоселенцев и строителей крепости Дубок, осваивавших в конце XII в. незаселенное левобережье верховьев Дона, бытовали привычные украшения, которые постепенно выходили из употребления и, видимо, к середине XIII в. уже не были доминирующими в традиционном женском наряде.

Перстни

Попытаемся представить, насколько активно бытовал в конце XII–XIII в. другой вятичский маркер – решетчатые перстни (Арцихов-

ский, 1930. С. 123). Другими словами, насколько полно представлены различные типы этих украшений в изучаемом регионе.

Согласно типологии А.В. Арциховского в отдел I (решетчатые перстни) входило 17 типов (Арциховский, 1930. С. 73-80). Анализируя нашу коллекцию, включающую 113 перстней с 17 памятников, мы принимаем за основу эту типологию.

Все перстни изготовлены из медного сплава. Специального химического анализа их состава пока не проводилось. По морфологическим признакам коллекция делится на 10 типов. Обнаружены перстни I-VIII, X, XIV типов, а также три варианта типа II и два варианта типа VIII (табл. 2).

Наиболее часто встречаются зигзаговые перстни – они составляют около 73% от числа решетчатых. Из них, судя по количеству найденных, наиболее популярными были двухзигзаговые – их обнаружено 36 экз. (рис. 8, 2; 9, 4-9; 12, 10, 11). Все они изготовлены в технике литья. Помимо размеров их отличает качество отливки и послелитейной обработки, включающей опилку заусенцев, просечку зубильцем отверстий, прочеканку краев щитка с внешней стороны с целью нанесения узора в виде косичек, елочек, лесенки, горизонтальной полосы, разделяющей ряды треугольных прорезей. Технологические приемы обработки, используемые ювелирами при изготовлении зигзаговых перстней, применялись при производстве подобных украшений других типов, найденных на памятниках верховьев Дона.

Около половины всех зигзаговых перстней, включая варианты (35 экз.), найдены в северной части селища Устье-3 (рис. 2), на участке, где в XIII в. располагалась ювелирная мастерская, которая, возможно, выпускала различные типы этих украшений. В коллекции присутствуют тонкопластинчатые изделия, на поверхности которых слаборельефный и почти нечитаемый литой декор. Часто подобные бракованные перстни скручены в 1-1,5 оборота для удобного помещения в тигель и последующей переплавки (рис. 9, 2, 3, 6, 7, 8, 11, 12; 9, 1, 5, 6, 7, 12; 11, 2, 4, 7, 9).

Помимо рассмотренного типа II найдены одностигзаговые (13 экз.) и трехзигзаговые перстни (19 экз.), а также их варианты (4 экз.) (рис. 8, 1; 9, 1-3, 10-12; 12, 5, 6, 12, 13). Их количественное распределение по памятникам см. в табл. 2.

На селище Устье-2 найден фрагмент щитка двухзигзагово-подзорчатого перстня, являюще-

гося вариантом типа II по А.В. Арциховскому (рис. 8, 5). Другой вариант типа II представлен фрагментом двухзигзагово-однопунктирного подзорчатого перстня, обнаруженным на селище Бутырки-2 (рис. 1, 15; 12, 2). Двухзигзагово-однопунктирный перстень с селища Устье-3 (рис. 1, 28; 10, 12) можно соотнести с еще одним вариантом типа II. О возможности находок неизвестных ранее вариантов решетчатых перстней пишет в своей работе Н.Г. Недошивина (Недошивина, 1967. С. 260).

По характеру и компоновке рисунка прорезей на щитках рассматриваемых украшений к зигзаговым перстням близки пунктирные (типы IV-VII по А.В. Арциховскому). Количество их на 7 памятниках составляет 19 экз. (рис. 1, 13-15, 23, 28-30; 8, 3; 10, 1-9; 12, 3). В ряде случаев композиционно четырех- и шестипунктирные перстни повторяют двухзигзаговые и трехзигзаговые, различается лишь форма отверстий (рис. 10, 5, 7-9).

Крупные и нарядные многовосьмерочные перстни встречены на 6 памятниках в количестве 11 экз. (рис. 1, 14, 25, 28-30; 8, 8-10; 11, 7, 9-11; 12, 7, 9).

Крестовиковые перстни и их варианты найдены в количестве 6 экз. (табл. 2). На селище Устье-3 встречены 2 крестовиковых украшения характерной формы типа VIII (рис. 11, 2, 4), а три других имеют более сложный щиток, в центре которого помещены поставленные друг на друга два круга с вписанными внутрь крестами. Эта восьмеркообразная фигура слева и справа ограничена композицией из трех колец, соединенных между собой в виде треугольника (рис. 11, 5, 6, 8).

По нашему мнению, перстни подобной формы правомерно называть крестовиковыми двухрядными и выделять как вариант типа VIII.

К другому варианту этого же типа можно отнести перстень, у которого щиток сверху вниз разделен вертикальной перегородкой, от которой влево и вправо отходят по три узких отверстия прямоугольной формы, в результате чего получается фигура, напоминающая крест (рис. 8, 4). Крестообразная композиция по периметру окружена небрежно выполненными отверстиями треугольной формы, напоминающими прорези на зигзаговых перстнях. Единственный экземпляр такого изделия обнаружен на селище Устье-2.

К решетчатым, по-видимому, можно отнести трехваловые и плетеночные перстни, найден-

ные в количестве 4 экз. на селищах Устье-2,3 и в погребении 1 на грунтовом могильнике у д. Бутырки (рис. 8, 7; 11, 1,3). В этом же погребении обнаружен многоугольный перстень (тип XIV по А.В. Арциховскому).

Помимо решетчатых перстней с традиционными вятичскими древностями можно связать ложнорешетчатый двупунктирный перстень (отдел II по А.В. Арциховскому) с селища Устье-3 (рис. 10, 12).

К отделу III, куда А.В. Арциховским отнесены бородавчатые перстни, можно причислить четыре находки, представленные трехпунктирно-бородавчатыми перстнями (рис. 10, 10, 11) с селищ Мельгуново-3 и Устье-2,3 (рис. 1, 13, 28, 29).

Заканчивая рассмотрение серии решетчатых перстней с домонгольских памятников верховьев Дона, отметим, что большинство типов, выделенных еще в 1930-е гг., присутствуют и в нашей коллекции. Причем, если у А.В. Арциховского преобладали зигзаговые, пунктирные, крестовиковые, многовосьмерочные перстни, то и среди наших находок эти типы встречаются наиболее часто. Отсутствующие же в нашем собрании типы украшений в типологии классика вятичских древностей представлены единичными экземплярами. Наличие столь значительного количества решетчатых, ложнорешетчатых, бородавчато-пунктирных перстней, а также около десятка шаровидных хрустальных бусин уверенно свидетельствуют об активном участии вятичей в освоении Верхнедонского региона в конце XI-первой половине XIII в.

Наибольшее количество решетчатых перстней встречено на селище Устье-3 – 56 экз. Это можно объяснить масштабом обследованной территории в 12,7 га. С другой стороны, на селище в XIII в. функционировала ювелирная мастерская, и часть сломанных перстней предназначалась для переплавки.

Можно предположить, что к ношению перстней представители духовенства относились с большей веротерпимостью, чем к семилопастным кольцам – символам язычества. Ограничения религиозного характера в отношении семилопастных колец прослеживаются в погребальном обряде при изучении грунтовых могильников в верховьях Дона. К настоящему времени раскопано более 600 захоронений древнерусского времени, и только в двух найдены височные кольца, оставленные у голов погребенных: в захоронении 1 Бутырского грунтового

го могильника (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 247, 248) и в разрушенном погребении могильника Бобрик-Гора в истоках Дона.

Еще в четырех случаях (в погребениях 120, 389, 482, 536 грунтового могильника Исаковские Выселки³) фрагменты семилопастных колец были помещены рядом с умершими – в районе груди и тазовых костей; видимо, они положены в могилу в качестве посмертного дара (Гоняный, 2005. С. 128).

Практически полное отсутствие семилопастных колец в погребениях, совершенных по христианскому обряду в грунтовых могильниках, может свидетельствовать не только о запрещении помещать эти предметы в могилу, но и об ограничениях их использования в повседневной жизни. Подобными факторами, на наш взгляд, может объясняться относительно небольшое количество находок семилопастных колец на памятниках, которые возникают в начале XIII в., на финальном этапе бытования вятических курганных древностей.

Возникает еще один вопрос: насколько широко использовались населением верховьев Дона украшения вятичского круга? С одной стороны, здесь их к настоящему времени обнаружено более 200 (с учетом хрустальных бус шарообразной формы, которых известно около десятка). С другой стороны, в материальной культуре рассматриваемых нами памятников домонгольского времени широко представлены украшения, бытующие и за пределами вятичской территории.

Для ответа на этот вопрос необходимо определить, какое количество украшений, включая височные кольца, перстни, браслеты, бубенчики, хрустальные бусы, встречено на исследованных нами древнерусских домонгольских поселениях, и вычислить, какой процент из них приходится на долю украшений вятичского круга. Подсчеты показывают, что на одном из самых ранних в регионе селищ Устье-2 вятичские предметы составляют 73,6%; на селище Устье-3, возникшем позднее, – 55,8%; на посадке городища Чур-Михайлов, начавшем существование в 1210–1215 гг., – 46,7%. На других обследованных нами селищах Верхнедонского региона вятичские находки не составляют серий, необходимых для подобного анализа. К сожалению, в соседних регионах масштабных поисковых работ с использованием детекторов

металла не проводилось. Поэтому пока мы не имеем возможности сопоставить полученные результаты.

Заключение

Планомерные систематические поисковые работы, проводившиеся в последние годы, позволили археологам буквально по крупницам собрать материалы, свидетельствующие об освоении славянами верховьев Дона в IX–начале X в. Несколько десятков предметов, обнаруженных на селище Устье-2, свидетельствуют о возникновении в приустьевой части р. Мокрая Табола крупного славянского поселения, ориентированного, скорее всего, на обслуживание Донского торгового водного пути, который начинался в этих местах. Собранные здесь находки имеют полное сходство с материальной культурой радимичского населения, осваивавшего бассейн р. Упы в IX–X вв.

В процессе исследований с применением детекторов металла в 2011–2013 гг. на селищах Бучалки-3, Себино-2, Колесовка-5, Устье-2,3 в низовьях р. Мокрая Табола обнаружены материалы, позволяющие говорить о проникновении вятичского населения из Верхнеокских земель в интересующий нас регион в конце XI–начале XII в.

Заселение и хозяйственное освоение верховьев Дона древнерусским земледельческим населением, выходцами из пронских земель (именно в этой среде бытовали семилопастные височные кольца, хрустальные шарообразные бусы, решетчатые перстни), происходит в конце XII–начале XIII в.

Первоначально строились крепости-тверди, своеобразные укрепленные пункты, где располагались небольшие военные отряды-дозоры, которые осуществляли дозорно-сторожевую службу на лесостепном пограничье. К городищам примыкали селища-спутники, которые в ряде случаев разрастались и приобретали функции посадов у городищ. Как показывают наши исследования, первопоселенцы довольно активно использовали в быту рассматриваемые нами изделия. В наборе женских украшений, обнаруженных на обследованных нами селищах домонгольского времени, они составляли от 46,6 до 73,6%.

Однако к середине XIII в. семилопастные кольца постепенно выходят из употребления, на селищах второй половины XIII–XIV в. они

³ Пользуюсь случаем выразить благодарность О.Н. Заидову за возможность использовать в статье неопубликованные материалы его раскопок.

практически не встречаются. Есть предположение, что решетчатые перстни могли бытовать и во второй половине XIII в.

Многолетние разведочные работы показывают, что в конце XII–XIV вв. в верховьях Дона повсеместно был распространен бескурганый обряд погребения. Самой южной курганной группой можно считать Крюковскую в урочище Поганий лес (рис. 1, 5). Однако в бассейне

р. Шат у сел Слободка и Бельково известны и изучались курганные могильники, а рядом в то же время функционировали грунтовые кладбища с находками вятичского круга (могильник на посаде городища Корники, погребение в г. Боллохово). Скорее всего, это объясняется сосуществованием двух разных погребальных традиций – уходящей языческой и набирающей силу христианской.

Таблица 1. Встречаемость височных колец разных типов на древнерусских памятниках бассейна верховьев р. Дон на отрезке от истоков до устья р. Большой Кочур.

№	Типы височных колец	Название памятника, на котором обнаружена находка	Номер на карте	Кол-во находок	Всего находок			
Отдел I. Семилопастные								
1	Простые, с первым орнаментом на щитке	Селище Устье-2	29	3	11			
		Селище Устье-3	28	3				
		Грунтовый могильник у д.Бутырки	14	2				
	Тип I по А.В. Арциховскому Тип V по Т.В. Равдиной	Грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки	23	1				
		Селище Колесовка-5	27	1				
		Селище Себино-2	24	1				
		Курганный могильник Крюковский	5	2				
2	Простые, со вторым орнаментом на щитке	Грунтовый могильник у д. Бутырки	14	3	26			
		Селище Монастырщина-5	20	1				
		Грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки	23	1				
	Тип I по А.В. Арциховскому Тип VI по Т.В. Равдиной	Селище Колесовка-5	27	1				
		Селище Устье-2	29	12				
		Селище Устье-3	28	3				
		Селище Архангельское-1	30	2				
		Селище Себино-3	25	1				
		3	Простые, со вторым орнаментом на щитке и дополнительными колечками в основании дужки	Курганный могильник Крюковский		5	1	5
				Грунтовый могильник Бобрик-Гора		9	2	
Грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки	23			1				
Тип I по А.В. Арциховскому Тип VIII по Т.В. Равдиной	Селище Устье-3		28	1				

4	Простые, с первым орнаментом на щитке и с гравированным орнаментом в центре щитка и на лопастях Тип I по А.В. Арциховскому Тип V по Т.В. Равдиной	Селище Голино-4	12	1	2
		Селище Устье-3	28	1	
5	Простые, со вторым орнаментом на щитке и с гравированным орнаментом в центре щитка и на лопастях Тип I по А.В. Арциховскому Тип VI по Т.В. Равдиной	Селище Монастырщина-5	20	1	4
		Селище Колесовка-5	27	1	
		Селище Устье-2	29	1	
		Селище Устье-3	28	1	
6	Решетчатые, со вторым орнаментом на щитке Тип III по А.В. Арциховскому Тип IX по Т.В. Равдиной	Селище Монастырщина-5	20	1	3
		Селище Устье-2	29	2	
7	Подзорчатые, со вторым орнаментом на щитке Тип IV по А.В. Арциховскому Тип X по Т.В. Равдиной	Грунтовый могильник Бобрик-Гора	9	4	10
		Селище Куликовка-4	21	2	
		Селище Устье-3	28	2	
		Селище Архангельское-1	30	2	
8	Ажурные, со вторым орнаментом на щитке Тип V по А.В. Арциховскому Тип XI по Т.В. Равдиной	Грунтовый могильник Бобрик-Гора	9	1	2
		Грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки	23	1	
Отдел II. Семязычковые					
9	Простые, с дополнительным орнаментом на щитке и язычках Тип I по А.В. Арциховскому	Селище Устье-3	28	1	1

Отдел III. Пятилопастные					
10	Подзорчатые Тип II по А.В. Арциховскому Тип XIII по Т.В. Равдиной	Селище Устье-3	28	1	1
Отдельные лопасти височных колец					
11	Типология не определяется	Селище Маклец-1	4	1	15
		Селище Птань-2	6	1	
		Селище Птань-1	7	1	
		Селище Марьинка-1	10	1	
		Селище Люторичь-1	11	1	
		Селище Колесовка-1	26	2	
		Селище Устье-3	28	4	
		Селище Устье-2	29	4	
	Итого	19 памятников			80

Таблица 2. Встречаемость решетчатых перстней разных типов на древнерусских памятниках бассейна верховьев р. Дон на отрезке от истоков до устья р. Большой Кочур.

№	Типы перстней по типологии А.В. Арциховского	Название памятника, на котором обнаружена находка	Номер на карте	Кол-во находок	Всего находок
Отдел I. Решетчатые					
1	Однозигзаговые Тип I	Селище Лешки 1	8	1	13
		Селище Себино 2	24	1	
		Селище Себино 3	25	1	
		Селище Устье 2	29	3	
		Селище Устье 3	28	5	
		Селище Архангельское 1	30	2	
2	Двухзигзаговые Тип II	Грунтовый могильник у д.Бутырки	14	2	36
		Селище Бутырки 2	15	1	
		Селище Казановка 14	17	1	
		Грунтовый могильник у д.Селезневка	18	1	
		Селище Монастырщина 5, раскоп 1,5	20	2	
		Грунтовый могильник у д.Исаковские выселки	23	1	
		Селище Себино 2	24	3	
		Селище Колесовка 1	26	1	
		Селище Колесовка 5	27	1	
		Селище Устье 2	29	1	
		Селище Устье 3	28	20	
		Селище Архангельское 1	30	2	
3	Двухзигзагово-подзорчатые Вариант типа II	Селище Устье 2	29	1	2
		Селище Архангельское 1	30	1	

4	Двухзигзагово-однопунктирные Вариант типа II	Селище Устье 3	28	1	1
5	Двухзигзагово-однопунктирные подзорчатые Вариант типа II	Селище Бутырки 2	15	1	1
6	Трехзигзаговые Тип III	Селище Федоровка 6	13	1	19
		Грунтовый могильник у д.Бутырки	14	2	
		Селище Монастырщина 5, раскоп 1,3	20	2	
		Селище Березовка 5, раскоп 1	19	2	
		Грунтовый могильник у д.Исаковские выселки	23	1	
		Селище Колесовка 5	27	1	
		Селище Устье 3	28	9	
		Селище Архангельское 1	30	1	
7	Двухпунктирные Тип IV	Селище Бутырки 2	15	1	4
		Селище Устье 2	29	1	
		Селище Устье 3	28	2	
8	Трехпунктирные Тип V	Грунтовый могильник у д.Бутырки	14	1	6
		Грунтовый могильник у д.Исаковские выселки	23	1	
		Селище Устье 3	28	2	
		Селище Архангельское 1	30	1	
		Селище Мельгуново 3	13	1	
9	Четырех- пунктирные Тип VI	Селище Устье 3	28	3	4
		Селище Мельгуново 3	13	1	
10	Пятипунктирные Тип VII	Грунтовый могильник у д.Бутырки	14	1	3
		Селище Устье 3	28	2	
11	Шестипунктир- ные	Селище Устье 3	28	1	2
		Селище Мельгуново 3	13	1	
12	Крестовиковые Тип VIII	Селище Устье 3	28	2	2
13	Крестовиковые двухрядные Вариант типа VIII	Селище Устье 3	28	3	3
14	Крестовиковые Вариант типа VIII	Селище Устье 2	29	1	1
15	Многовосьмероч- ные Тип X	Грунтовый могильник у д.Бутырки	14	1	11
		Селище Себино 3	25	1	
		Селище Колесовка 5	27	1	
		Селище Устье 2	29	3	
		Селище Устье 3	28	4	
		Селище Архангельское 1	30	1	

16	Многоромбовые Тип XIV	Грунтовый могильник у д.Бутырки	14	1	1
17	Трехваловые	Грунтовый могильник у д.Бутырки	14	1	3
		Селище Устье 3	28	2	
18	Плетеночные	Селище Устье 2	29	1	1
Отдел II. Ложнорешетчатые					
19	Двухпунктирные	Селище Устье 3	28	1	1
Отдел III. Бородавчатые					
20	Трехпунктирные Тип I	Селище Устье 2	29	1	4
		Селище Устье 3	28	2	
		Селище Мельгуново 3	13	1	
Итого		17 памятников			118

M. Gonyanyi

**VYATICH I FINDINGS ON THE RURAL ARCHAEOLOGICAL SITES
OF UPPER REACHES OF THE DON RIVER
(THE END OF THE 12TH-13TH CENTURIES)**

For more than 30 years on the territory of the upper reaches of the Don river multidisciplinary investigations of Ancient Russian archaeological sites dated to the 9th-15th centuries were carried out. More than 300 sites were found: archaeological excavations were done on 22 sites, on 30 archaeological prospections were carried out with the use of metal detectors and the found material was collected. Due to these activities, a total area of more than 100 ha has been investigated and a collection of about 4 000 items was created. About 5% of this total are represented by Vyatichi jewelry. It is temple rings with seven protrusions (80 items), lattice finger rings (118 items), crystal beads (6 items).

The first intrusion of the Radimichi population with temple rings with five protrusions into this territory can be dated from the beginning of the 9th-10th century (settlement of Ustye). At the end of the 11th and the beginning of the 12th century the Vyatichi population appeared

in the region of the Kulikovo Field (settlements of Butyrky 3, Kolesovka 5 and Ustye 3). The earliest artifacts from this region could be dated from this period.

At the end of the 12th-beginning of the 13th century the population of the Ancient Rus' arrives on the upper reaches of the Don river. 46,6-73,6% of all female jewelry are represented by the Vyatichi jewelry. By the middle of the 13th century temple rings with seven protrusions disappeared from widespread use. Lattice finger rings were used as late as the second half of the 13th century.

In the 11th-13th century the ground grave burial rite without burial mound predominated on this territory. This type of burials is usually connected with the Christian tradition. However, in the region of the Don headwaters burial mounds are also known. This situation could be explained by coexistence of two different burial traditions – declining pagan tradition and the new Christian one.

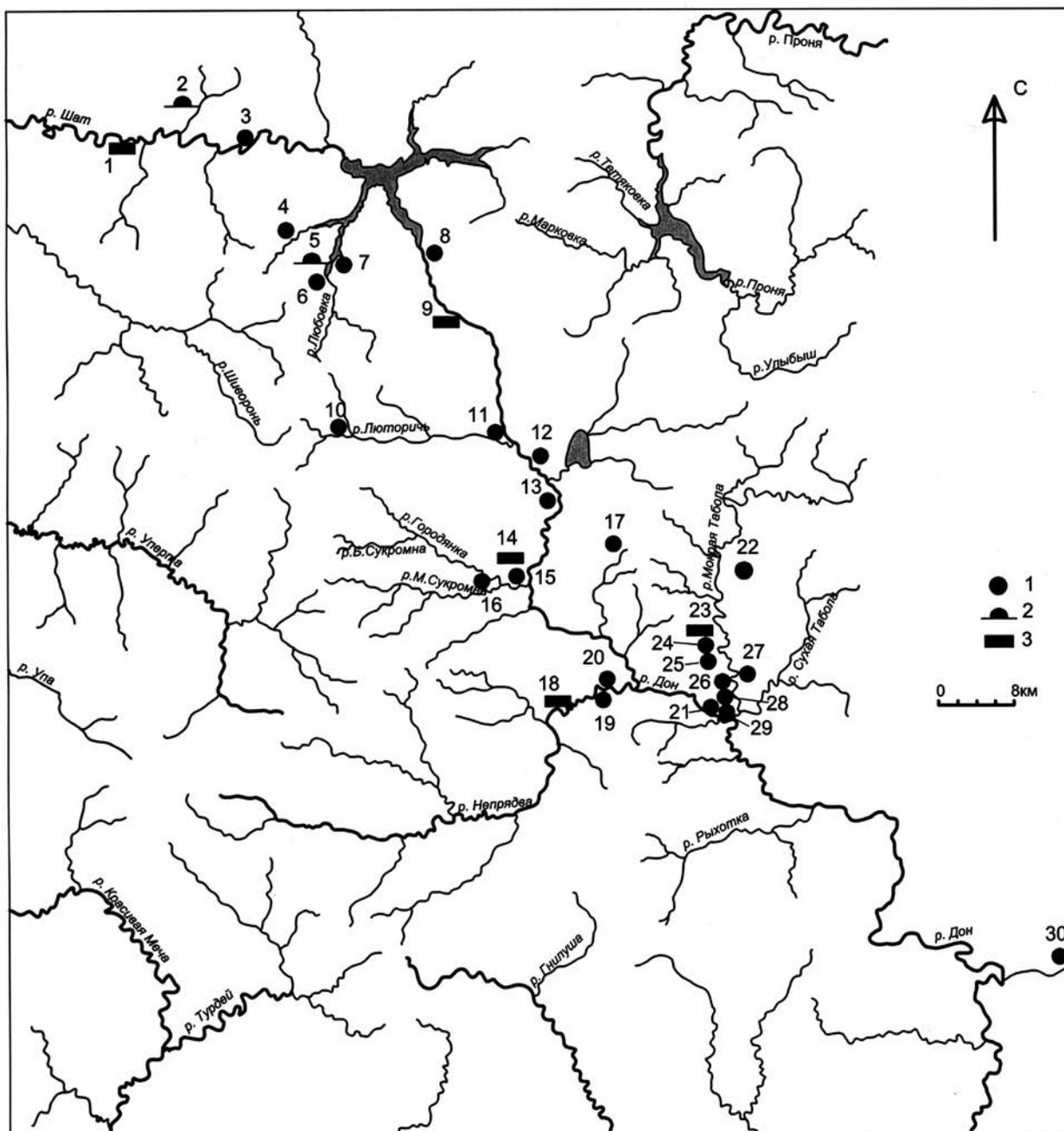

Рис.1. Карта-схема расположения древнерусских селищ, курганов и грунтовых могильников конца XII–XIV с находками вятичских украшений (бассейн верховьев Дона).
1 – селища; 2 – курганные могильники; 3 – грунтовые могильники

1 – грунтовый могильник в г. Болехово; 2 – курганный могильник у д. Бельково; 3 – посад городища Корники; 4 – селище Маклец-1; 5 – курганный могильник Крюковский в урочище Поганий лес; 6 – селище Птань-2; 7 – селище Птань-1; 8 – селище Лешки-1; 9 – грунтовый могильник Бобрик-Гора; 10 – селище Марьянка-1; 11 – селище Люторичь-1; 12 – селище Голино-4; 13 – селище Мельгуново-3; 14 – грунтовый могильник у д. Бутырки; 15 – селище Бутырки-2; 16 – селище Федоровка-6; 17 – селище Казановка-14; 18 – грунтовый могильник Селезневка; 19 – селище Березовка-5; 20 – селище Монастырщина-5; 21 – селище Куликовка-4; 22 – селище Бучалки-3; 23 – грунтовый могильник Исаковские Выселки; 24 – селище Себино-2; 25 – селище Себино-3; 26 – селище Колесовка-1; 27 – селище Колесовка-5; 28 – селище Устье-3; 29 – селище Устье-2; 30 – селище Архангельское-1 (посад городища Чур-Михайловское).

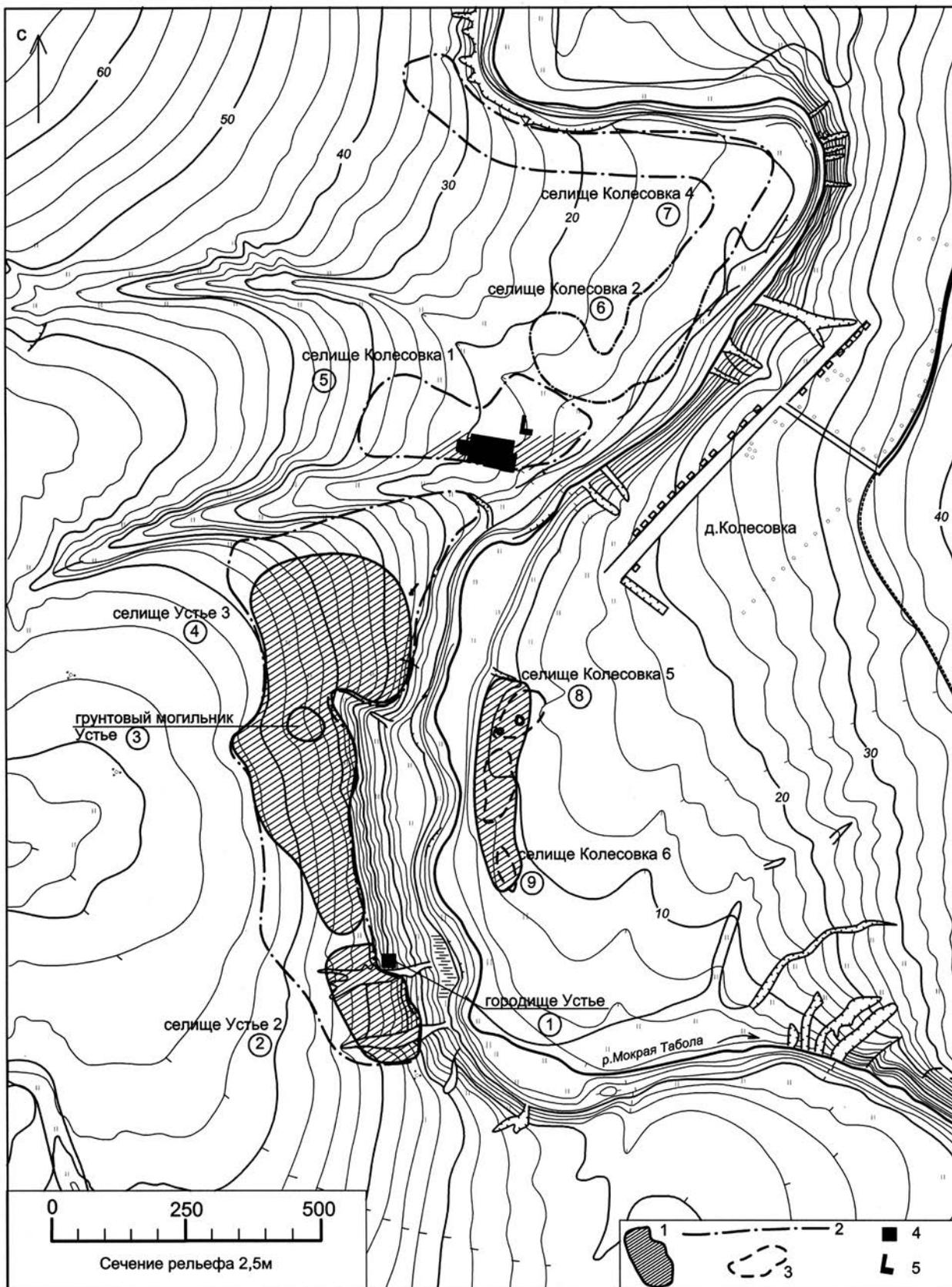

Рис. 2. Топографический план археологического комплекса у д. Устье.
 1 – селище IX–XIII вв., обследованные с использованием детекторов металла; 2 – границы селищ золотоордынского времени, обследованных с использованием детекторов металла; 3 – скопления керамического материала XI–XIII вв., локализованные на пахине; 4 – городище Устье (Чичино, летописный Дубок); 5 – археологические раскопки.

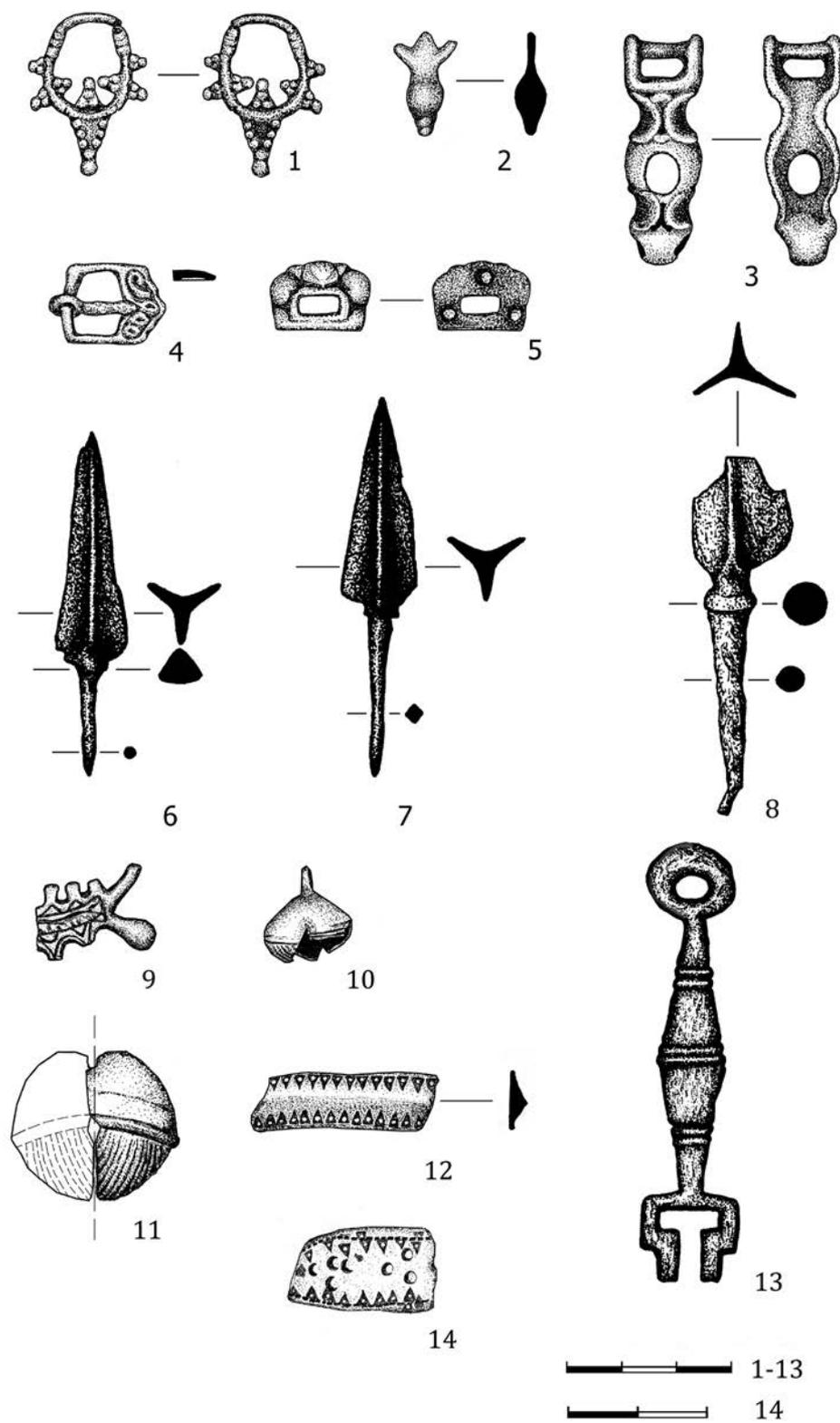

Рис. 3. Находки IX-X вв. (№№ 1-8) и конца XI-начала XII вв. (№№ 9-14).
 1 - височное кольцо; 2, 9 - фрагменты височных колец; 3 - подвеска; 4 - пряжка; 5 - накладка;
 6-8 - наконечники стрел;
 10-11 - бубенчики; 12-фрагмент гривны; 13-ключ от ларца; 14 - фрагмент браслета.
 1-8 - селище Устье-2; 9-11 - селище Себино-2; 12 - селище Бучалки-3; 13 - селище Устье-3;
 14 - селище Колесовка-5.
 1 - серебро; 2-5 - медный сплав; 6-8 - железо.

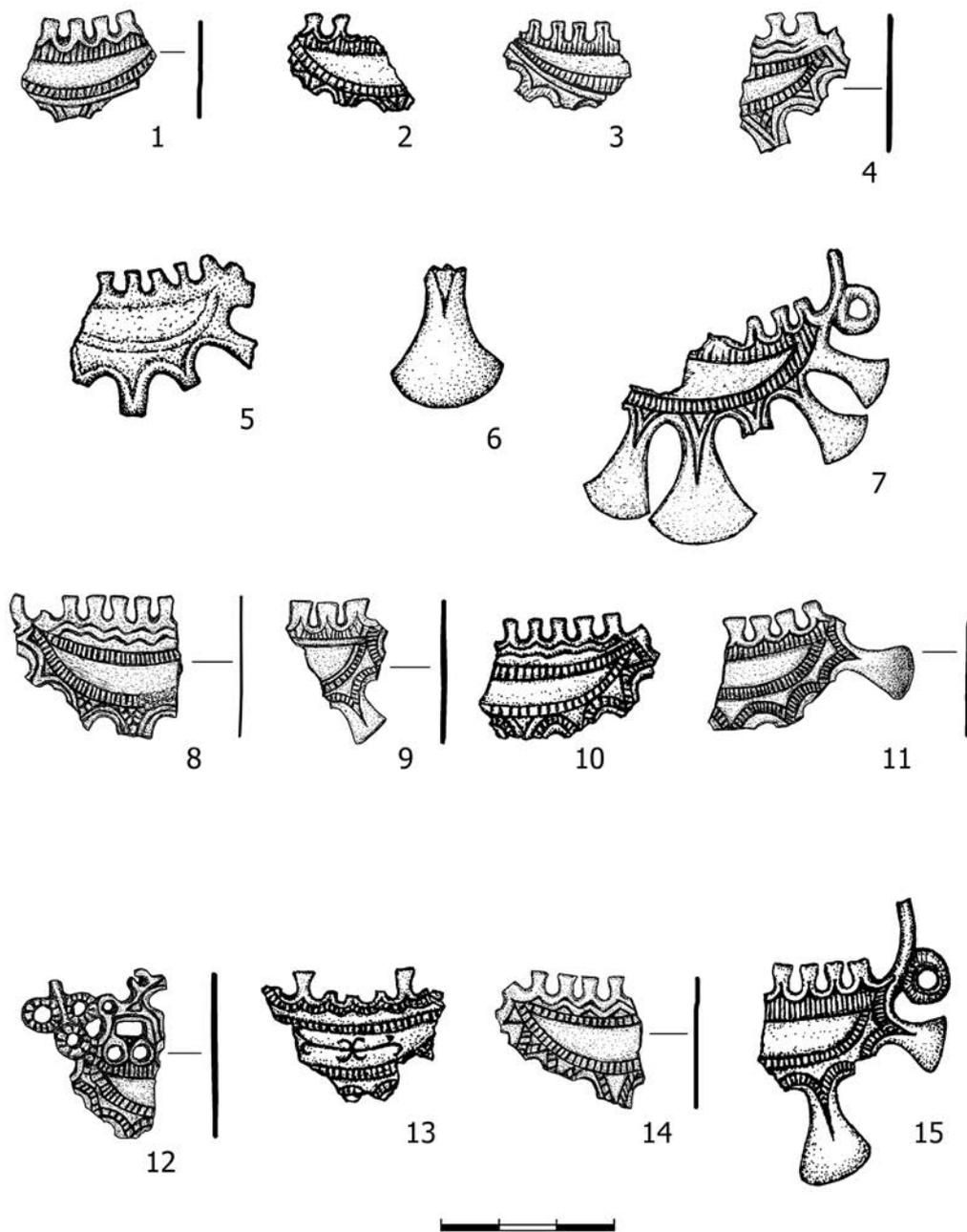

Рис. 4. Семилопастные височные кольца.

1-7 – фрагменты колец с первым орнаментом на щитке; 8-15 – фрагменты колец со вторым орнаментом на щитке;

12 – решетчатое кольцо со стилизованной фигурой конька или собачки;

13 – простое кольцо с гравированным орнаментом в центре щитка.

1-15 – селище Устье-2.

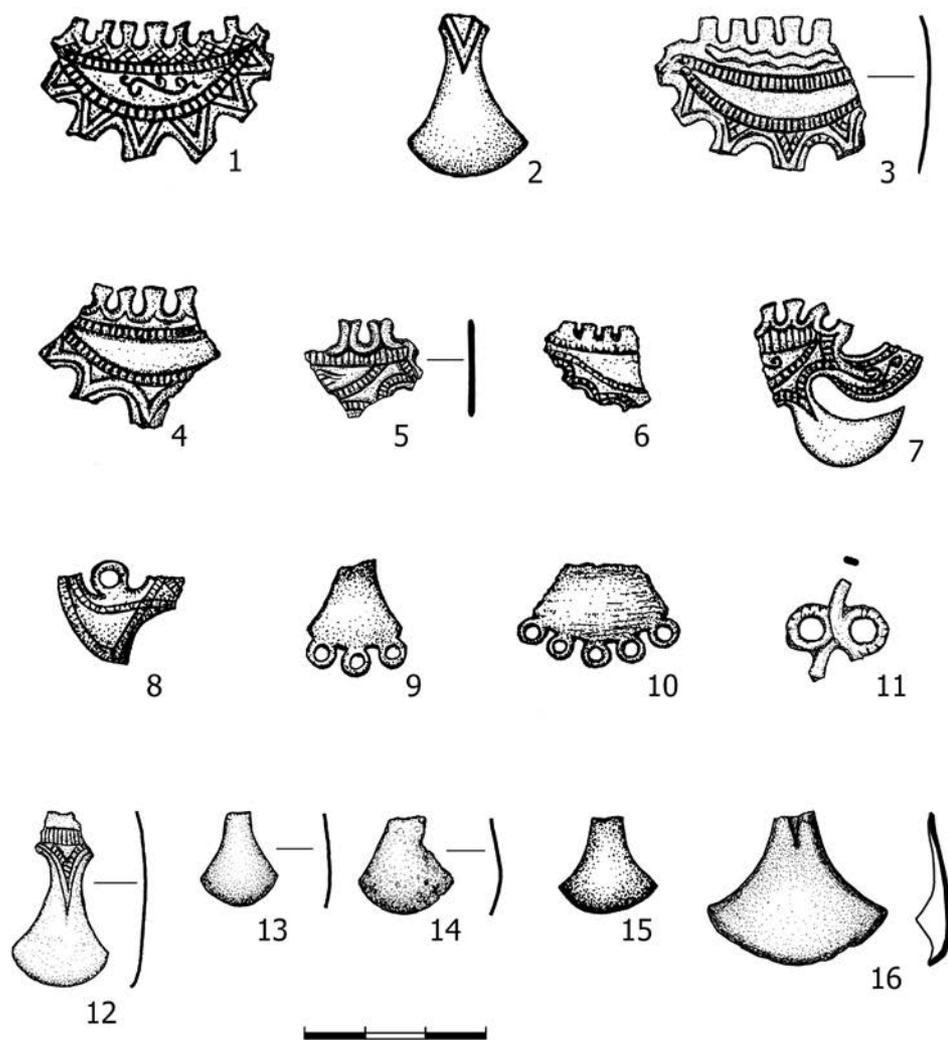

Рис. 5. Семилопастные височные кольца и их фрагменты.
 1–4 – фрагменты колец с первым орнаментом на щитке; 5–6, 12 – фрагменты семилопастных височных колец со вторым орнаментом на щитке; 7 – семязычковое простое кольцо с дополнительным орнаментом на щитке и язычке;
 8 – левая лопасть от простого кольца с дополнительными колечками в основании дужки;
 9, 10 – лопасти от подзорчатых колец; 11 – фрагмент кольца с дополнительными колечками в основании дужки;
 13–16 – лопасти височных колец секировидной формы; 1–16 – селище Устье-3

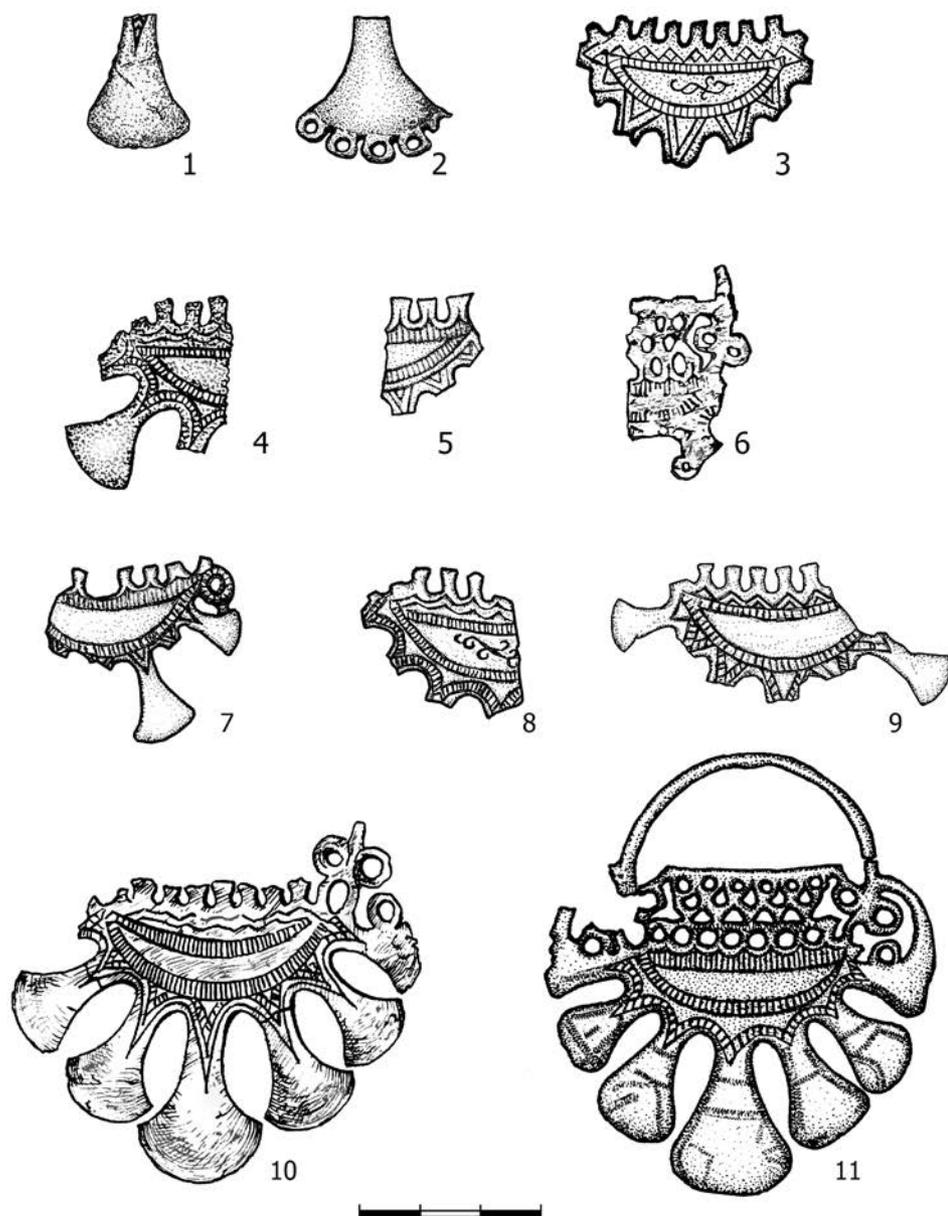

Рис. 6. Семилопастные височные кольца и их фрагменты.

1, 4, 6, 8–11 – фрагменты колец со вторым орнаментом на щитке; 3, 5, 7 – фрагменты колец с первым орнаментом на щитке; 2 – лопасть подзорчатого кольца; 3, 8 – простые кольца с гравированным орнаментом в центре щитка; 6 – фрагмент ажурного кольца; 11 – решетчатое кольцо с дополнительными боковыми колечками и орнаментом на лопастях. 1, 2 – селище Архангельское-1; 3 – селище Голино-4; 4–6, 10 – грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки; 7–9 – селище Колесовка-5; 11 – селище Монастырщина-5.

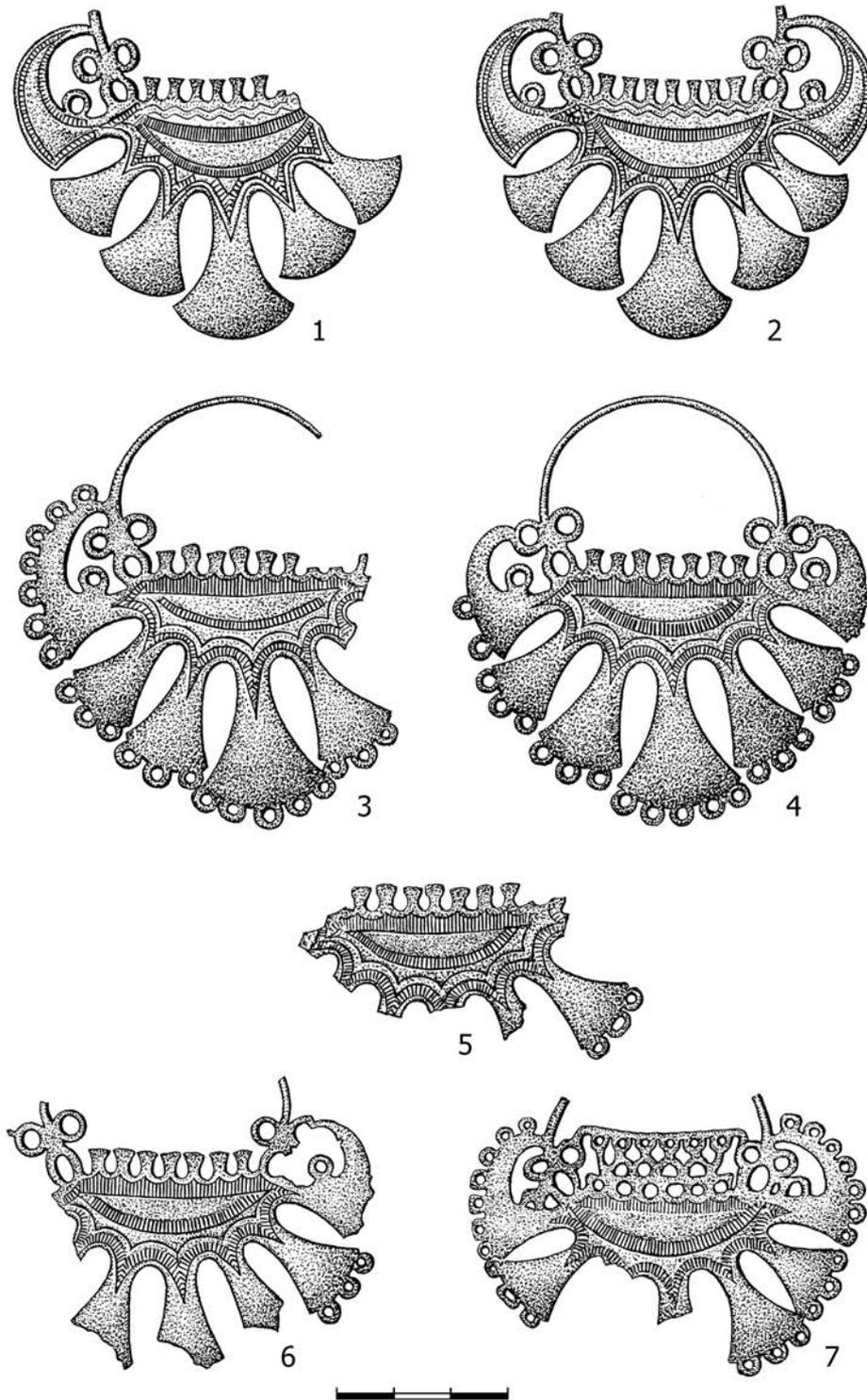

Рис. 7. Семилопастные височные кольца.

1, 2 – простые кольца со вторым орнаментом на щитке и дополнительными колечками в основании дужки;

3–6 – подзорчатые кольца со вторым орнаментом на щитке и дополнительными колечками в основании дужки;

7 – ажурное кольцо со вторым орнаментом на щитке.

1–7 – грунтовый могильник Бобрик-Гора.

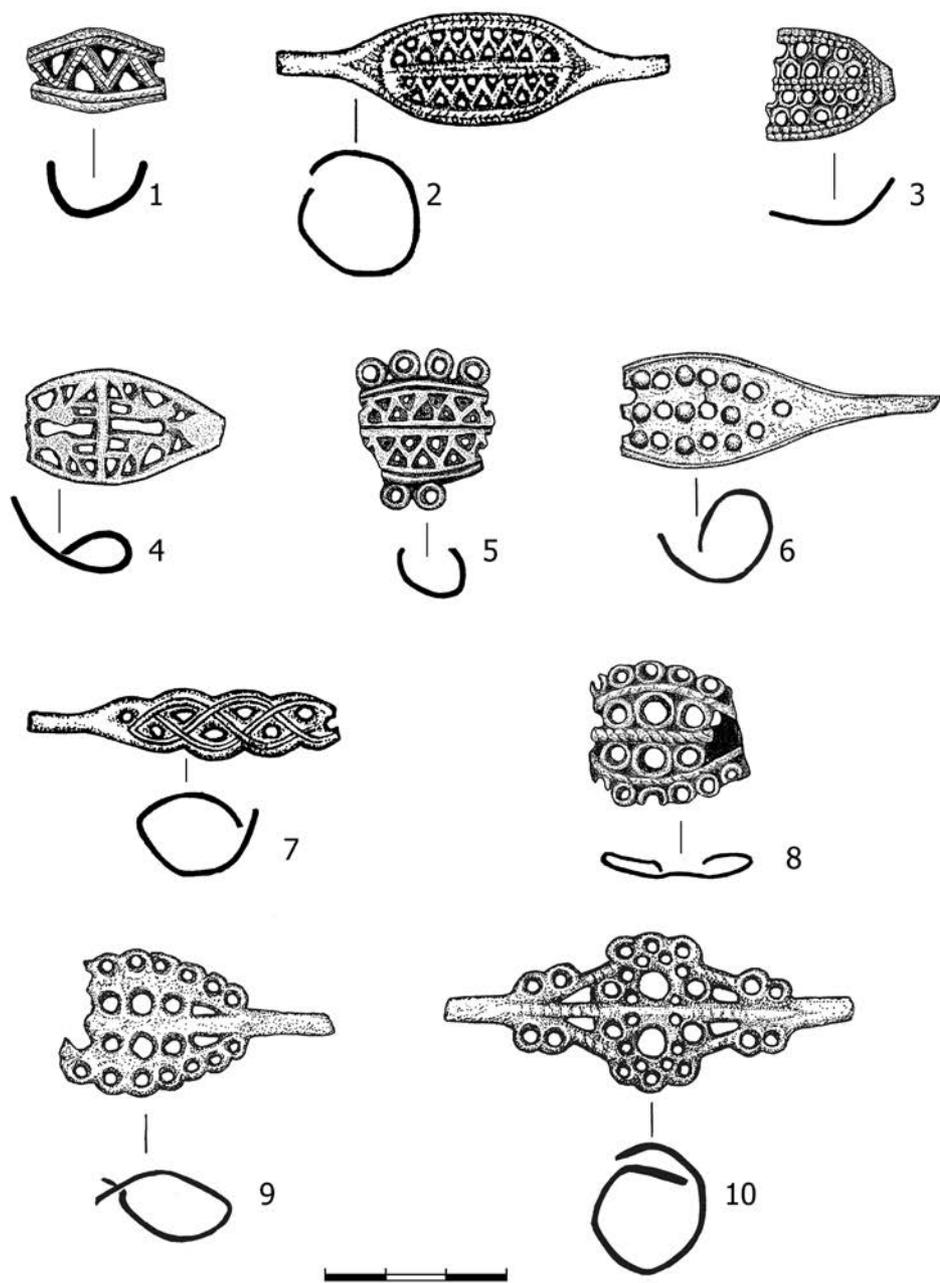

Рис. 8. Решетчатые перстни.
 1 – однозигзаговый; 2 – двухзигзаговый; 3 – четырехпунктирный; 4 – крестовиковый, вариант типа VIII; 5 – двухзигзагово-подзорчатый; 6 – трехпунктирно-бородавчатый; 7 – плетеночный; 8–10 – многовосьмерочные.
 1–10 – селище Устье-2.

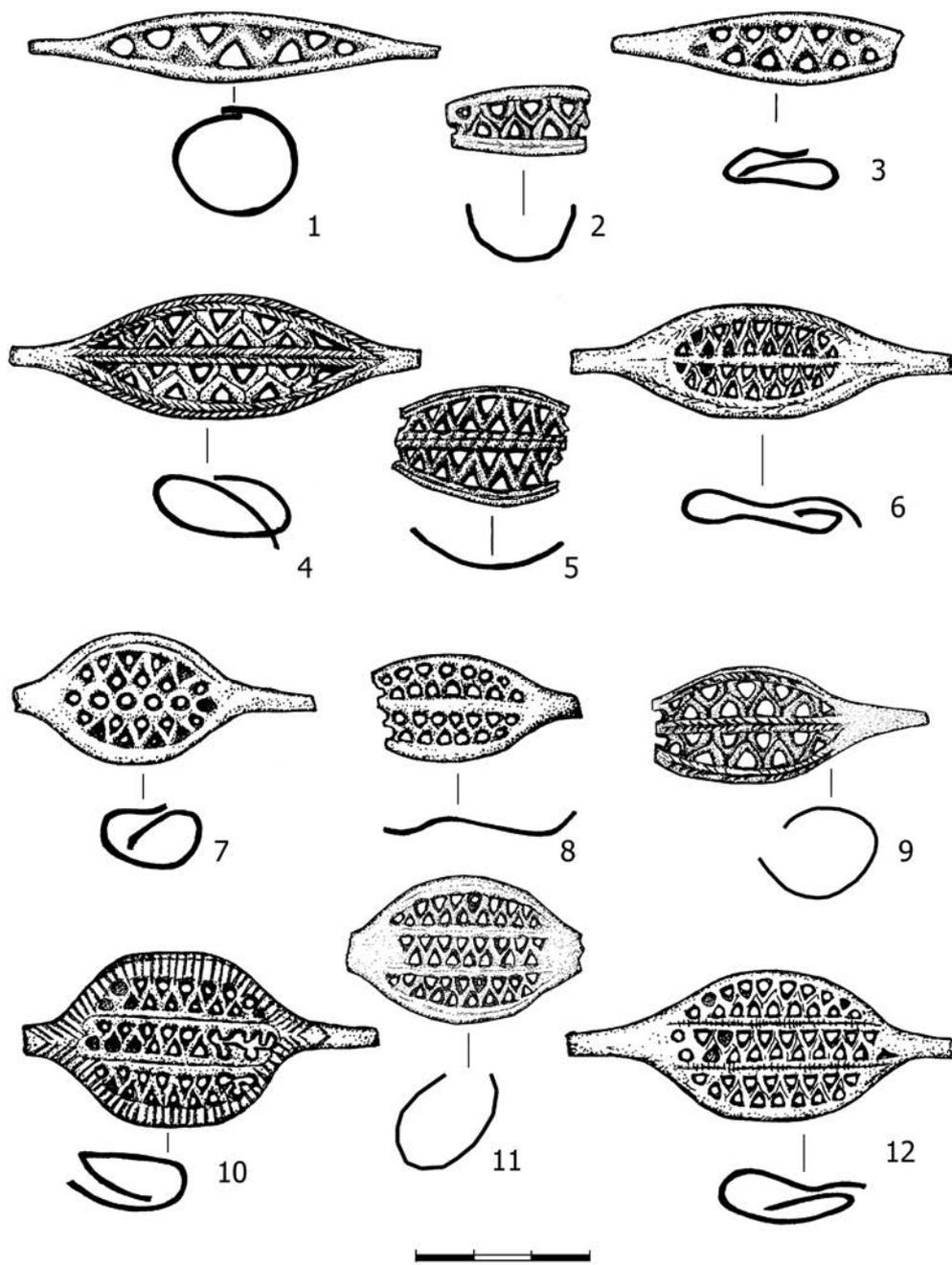

Рис. 9. Решетчатые перстни.

1-3 - однозигзаговые; 4-6, 8, 9 - двухзигзаговые; 7 - двухзигзагово-однопунктирный; 10-12 - трехзигзаговые.

1-12 - селище Устье-3.

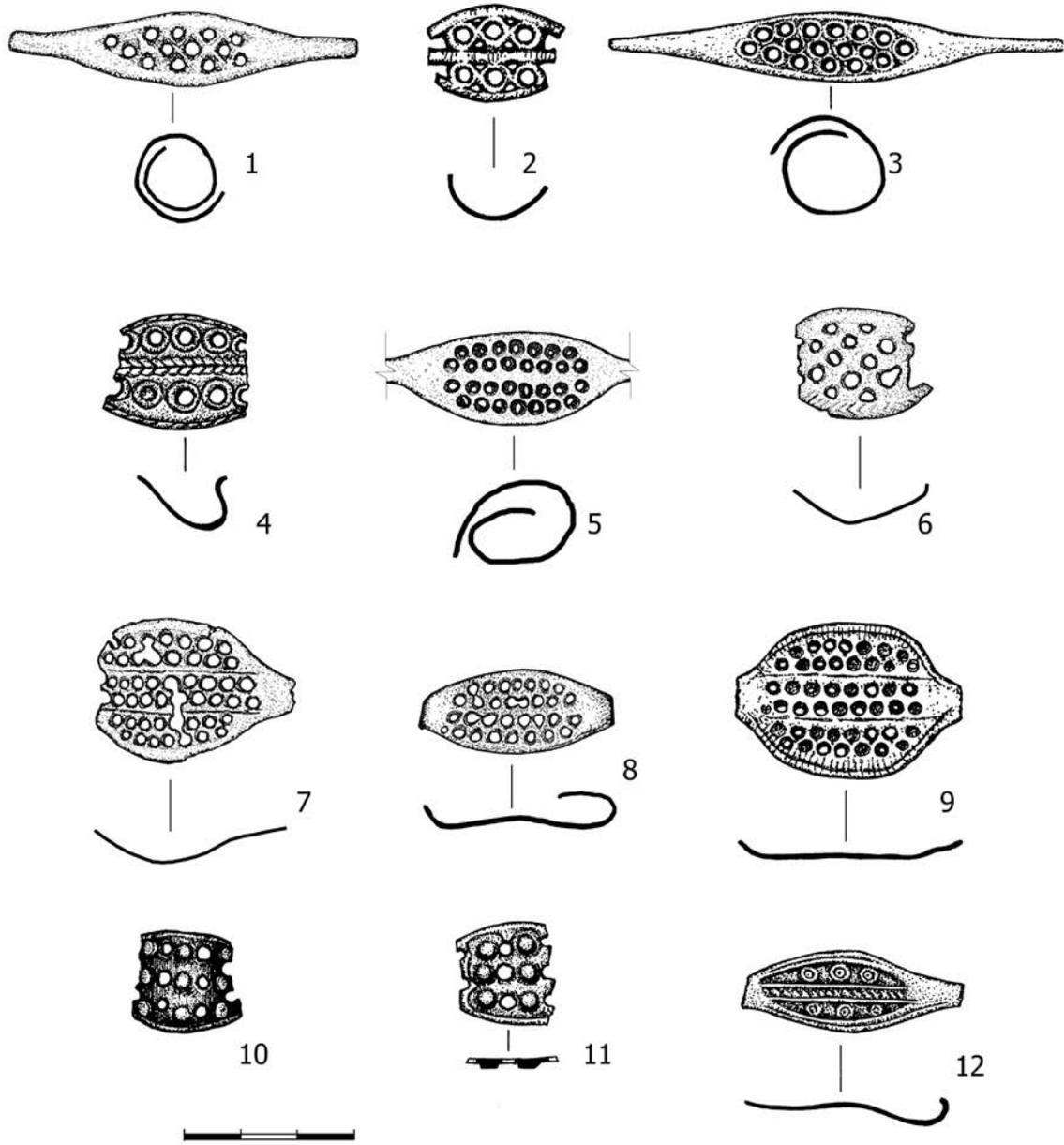

Рис. 10. Решетчатые, ложнорешетчатые, бородавчатые перстни.
 1, 3 – трехпунктирные; 2, 4 – двухпунктирные; 5, 6, 8 – четырехпунктирные; 7, 9 – шестипунктирные;
 10, 11 – трехпунктирные бородавчатые; 12 – двухпунктирный ложнорешетчатый.
 1–12 – селище Устье-3.

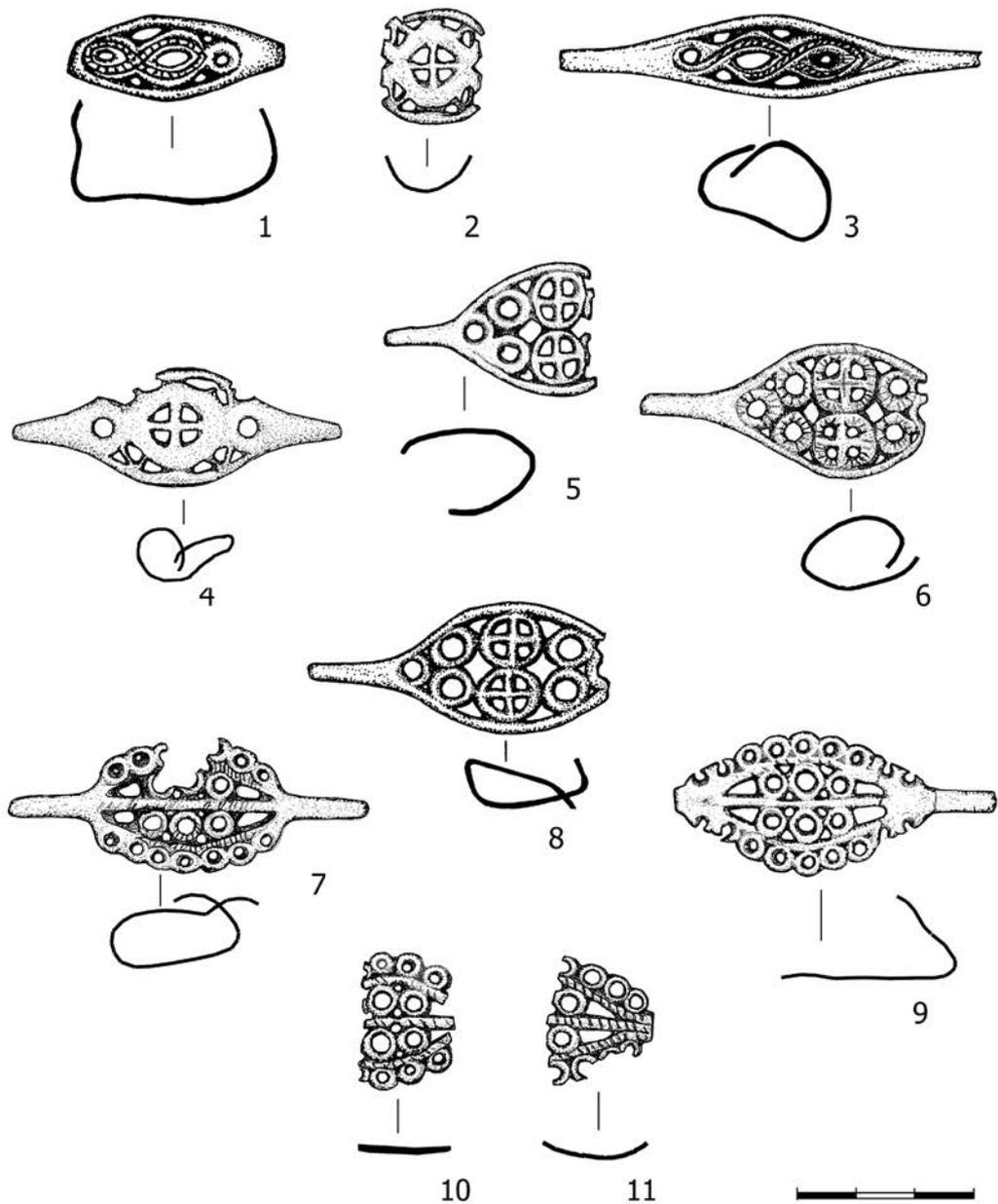

Рис. 11. Решетчатые перстни.
 1, 3 – трехваловые; 2, 4 – крестовиковые; 5, 6, 8 – крестовиковые двухрядные (вариант типа VIII);
 7, 9, 10, 11 – многовосьмерочные.
 1-11 – селище Устье-3.

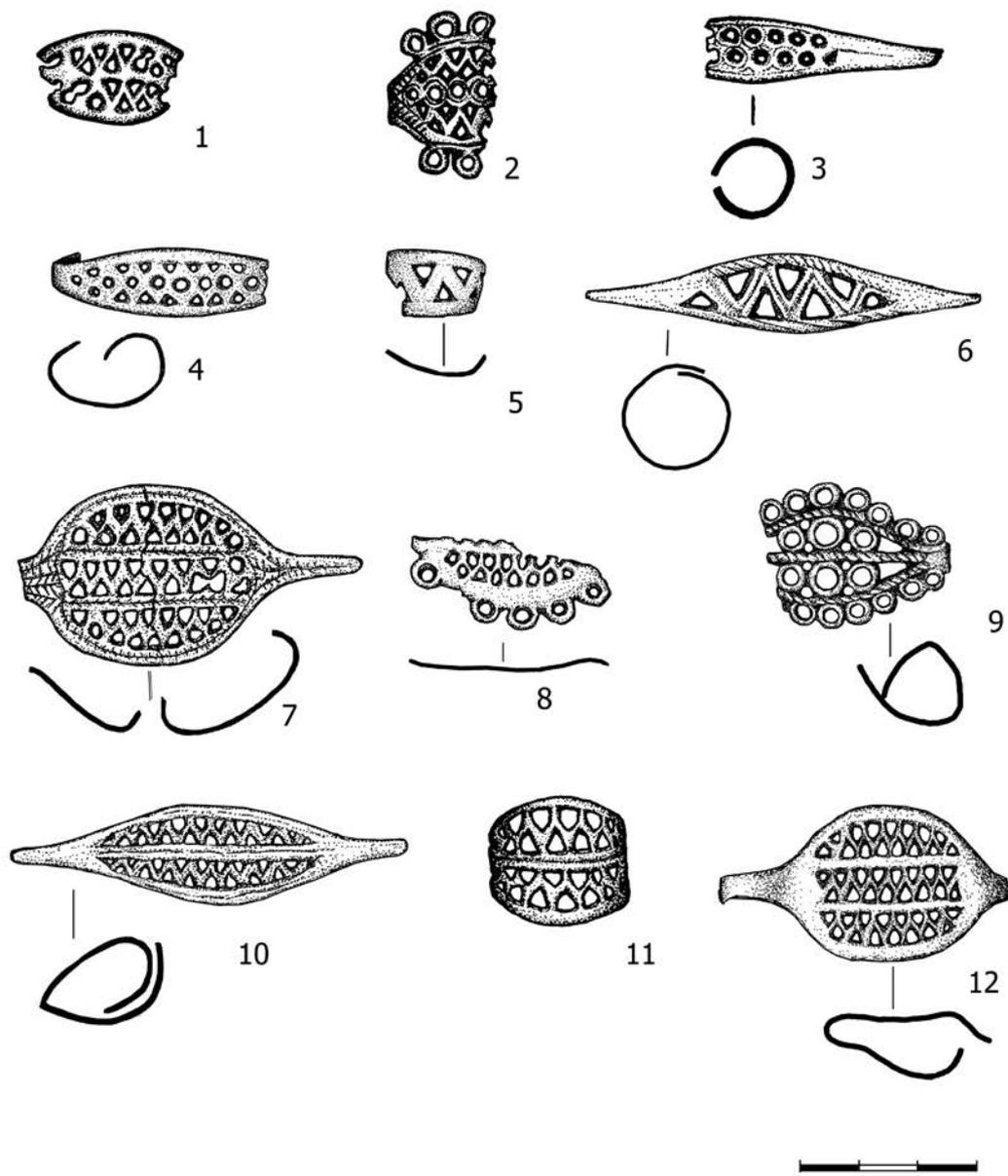

Рис. 12. Решетчатые перстни.

- 1, 10, 11 – двухзигзаговые; 2–двухзигзагово-однопунктирный подзорчатый (вариант типа II);
 3 – двухпунктирный;
 4 – трехпунктирный; 5, 6 – однозигзаговые; 7, 12 – трехзигзаговые; 8 – двухзигзагово-подзорчатый;
 9 – многовосьмерочный.
 1–3 – селище Бутырки-2; 4–6, 8 – селище Архангельское-1; 7 – селище Федоровка-6;
 9, 10, 12 – селище Колесовка-5;
 11 – селище Монастырщина-5.

С.А. Стефутин (ГИМ)

НАКЛАДКИ НА СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ЛУК ИЗ РАСКОПОК БОЛЬШОГО ГОРНАЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Большое Горнальское городище – один из наиболее известных и хорошо изученных памятников роменской культуры. Оно находится между селами Гuevo и Горналь Суджанского района Курской области, занимает высокий мыс правого коренного берега р. Псел. С севера к городищу примыкает селище размерами 150x400 м. За селищем находился курганный могильник, еще в конце XIX в. в нем насчитывалось свыше 300 насыпей.

Первое обследование памятника было проведено А. Дмитриуковым, который в 1829 г. осмотрел и описал городище. Он же осуществил раскопки на курганном могильнике. В 1870-х годах могильник и городище исследовал Д.Я. Самоквасов. В 1948 г. памятник был обследован И.И. Ляпушкиным, а в 1968 г. С.С. Ширинским.

В 1971–73 гг. на городище проводились стационарные раскопки под руководством А.В. Кузы, А.А. Узянова и Г.Ф. Соловьевой. Всего за три года было раскопано около 1500 кв. м площади. Найденные в культурном слое предметы фиксировались по штыкам, в объектах и ямах – по слоям.

Данные стратиграфии позволили исследователям разделить все постройки на 4 хронологические группы. Анализ найденных в них вещей дал возможность разработать относительную хронологию Горнальского городища, а находки восточных монет позволили предложить некоторые абсолютные датировки. Наиболее ранние отложения, выявленные в ходе раскопок, относятся к скифскому времени. В этом слое найдена характерная керамика зольничной культуры и

бронзовые трехгранные наконечники стрел. Сопутствующих, связанных с этим этапом существования памятника, не выявлено. Вновь заселение площадки городища происходит в конце VIII в. «Славянский» период бытования памятника А.В. Куза делит на три этапа. Третий, самый ранний, датируется VIII–второй половиной IX в., второй этап – второй половиной IX–началом X вв. Финальный период датируется по находкам монет (914 - 932) – 960 - 970 гг. (Куза, 1981. С. 28-31).

В ходе археологических исследований была собрана большая коллекция предметов из различных материалов. Значительную ее часть составляют изделия из кости и рога¹. В данной работе будут рассмотрены две накладки на сложносоставные луки.

Сложносоставные луки состояли из нескольких основных деталей – *рукояти* (середина лука), *концов* или *рогов* (концы лука) и *плечей* (часть лука между рукоятью и концами). Для придания жесткости и увеличения упругости *кибить* – деревянная основа лука – снабжалась костяными или роговыми накладками, которые по местоположению на плоскости лука разделяются на фронтальные, боковые и тыльные.

Проблемы изучения и типологизации сложносоставных луков давно находились в сфере исследовательских интересов. Впервые детали таких луков среди древнерусских и кочевнических материалов выделил А.Ф. Медведев, которому принадлежит фундаментальный труд, посвященный метательному оружию Древней Руси (Медведев, 1966. С. 7-15). Типология луков

¹ К сожалению, коллекции передавались в музей спустя долгое время после раскопок, а вследствие краткости полевой документации говорить о том, что в музей передана вся коллекция найденного материала, нельзя. Есть вероятность того, что часть вещей могла быть перепутана, что требует дополнительного исследования.

VII–XI вв., основанная на детальном изучении морфологии лучных накладок, была разработана А.И. Семеновым и А.М. Савиным (Семенов, Савин, 1992. С. 62-66). Критические замечания относительно этой типологии высказал В.Е. Круглов, предложивший свое видение истории развития сложносоставных луков (Круглов, 2005. С. 307-320). Вопросы хронологии, а также культурно-исторический контекст появления сложносоставных луков на территории Древней Руси были рассмотрены в работах С.Ю. Каинова и К.А. Михайлова². Собрал и проанализировав информацию о древнерусских находках деталей сложносоставных луков, авторы пришли к выводу о том, что такие луки появляются у древнерусских воинов в середине X в. вместе с другими предметами вооружения, характерными для кочевнических культур (Каинов, Михайлов, 2010. С. 321-341).

При раскопках 1971–73 гг. на городище Горналь были найдены два предмета, уверенно атрибутируемые как накладки на сложносоставной лук. Первая деталь – боковая накладка на рукоять лука, вторая – фрагмент концевой фронтальной накладки.

Боковая накладка на рукоять лука (рис. 1) найдена в ходе раскопок 1972 г. на раскопе № 13, штык 5³. К сожалению, более подробной стратиграфической привязки предмета нет, а по имеющимся у нас материалам соотнести определенные штыки со слоями не представляется возможным. В связи с этим говорить о датировке этого предмета, хотя бы и примерной, мы не можем.

Сохранность предмета практически полная, имеются небольшие утраты по краям. Размеры накладки: длина – 13,4 см, наибольшая ширина – 2,88 см. Толщина накладки уменьшается от 0,45 см в центральной части до 0,14 см по краям. Накладка вырезана из фрагмента ребра взрослой особи крупного парнокопытного (лося, оленя или крупного рогатого скота)⁴. На оборотной стороне в одном направлении нарезаны желобки (видимо, для наилучшего склеивания). На лицевой стороне центральная часть гладкая, заполированная (возможно, в процессе использования); концевые части (2-3 см) покрыты насечками, идущими в разных направлениях (рис. 1d). С одного конца между насечками и гладкой частью

вырезано поперечное углубление, по всей видимости, предназначенное для обмотки, дополнительно скрепляющей центральную часть лука (рис. 1c). Вдавленные следы от подобной обмотки слабо различимы на противоположном конце накладки (рис. 1a). По переднему краю боковой накладки так же фрагментарно сохранились косые насечки, скорее всего предназначенные для приклеивания фронтальной накладки на рукоять лука (рис. 1b).

Вторая деталь (рис. 2), представляющая собой концевую фронтальную накладку, найдена в 1972 г. при работах на раскопе № 4⁵. К сожалению, в сопровождающей документации отсутствуют указания на точное местоположение находки в пределах раскопа или какого-либо конкретного объекта, но возможно, что это упомянутая в статье А.В. Кузы (1981. С. 17) накладка, найденная на полу жилища 6 (на границе раскопов 4 и 11). Жилище отнесено автором к первому периоду застройки роменского времени (Куза, 1981. С. 27).

Накладка, судя по внешним признакам, изготовлена из плотного рога. Сохранность детали не полная. Длина ее 6,9 см. При наибольшей ширине в области слома в 1,07 см накладка сужается к концу до 0,85 см. Толщина ее меняется в обратном направлении – от конца (0,84 см) к линии слома (0,66 см). Примерно в 4 см от конца накладки сделан округлый пропилен диаметром 0,37 см, предназначенный для размещения тетивы. Края пропила изношены, что свидетельствует о долгом использовании накладки. Обратная сторона ее покрыта разнонаправленными насечками (рис. 2a). В сечении накладка имеет практически треугольную форму с округлой вершиной.

Ряд особенностей рассматриваемых предметов может помочь в реконструкции облика самого лука. На обеих накладках с тыльной стороны сделаны насечки и бороздки, что, несомненно, было необходимо для их лучшего склеивания с деревянной основой лука. Насечки, расположенные на концах срединной боковой накладки, по всей видимости, были нужны для склейки с обмоткой, фиксирующей накладку сверху. Поперечная проточка на накладке позволяет предполагать дополнительное усиление этой точки срединной части лука

² Пользуясь случаем, автор выражает благодарность С.Ю. Каинову за консультации и помощь в работе над статьей.

³ ГИМ 109332, опись В 2722/68

⁴ Анализ выполнен сотрудником ИА РАН Е.Е. Антипиной.

⁵ ГИМ, опись В 2867/69

при помощи обмотки. Насечки на передней кромке срединной боковой накладки, скорее всего, свидетельствует о существовании фронтальной срединной наклейки на рукояти. Данных о наличии тыльной наклейки на рукоять у нас нет, а вот округлая форма концов срединной боковой наклейки может, хоть и косвенно, свидетельствовать об отсутствии накладок на кибить.

Конструктивные особенности накладок из раскопок Большого Горнальского городища позволяют отнести срединную боковую наклейку к типу В2 – так называемый «венгерский» тип лука второго варианта по типологии А.И. Семенова и А.М. Савина (Семенов, Савин, 1992. С. 65) (рис. 3). Наиболее вероятно, что и фрагмент концевой наклейки также относился к этому типу лука, хотя не исключена (но менее вероятно) его принадлежность к «салтовскому» типу сложносоставных луков⁶.

По ряду признаков (следы износа поверхностей, их заполированность) мы можем утверждать, что обе наклейки использовались на собранном луке и прослужили некоторое время. Удаленность друг от друга мест находок этих накладок и неполнота информации об их конкретном археологическом контексте не позволяют однозначно утверждать, что они были частями одного лука. Но, так или иначе, находки накладок, без сомнения, свидетельствуют об использовании сложносоставного лука на территории Северской земли. Остается открытым вопрос, когда именно сложносоставной лук появляется в комплексе вооружения местного населения. Имеющиеся данные позволяют говорить о появлении сложносоставного лука на территории большого Горнальского городища еще на раннем, «роменском» этапе существования памятника, т.е. не позднее второй половины X в. (Куза, 1981. С. 27).

S. Stefutin

THE PLATES ON THE COMPOSITE BOW FROM THE EXCAVATIONS OF THE BOL'SHOE GORNAL'SKOE HILLFORT

The paper focuses on the bow plates from the excavations of the Bol'shoe Gornal'skoe hillfort. The author provides their detailed description and macro photography of certain constructively important parts. According to the external features, the bow plates could be attributed

to the "saltovsky" type of bows (according to the typology of Savin-Semenov). The observed material enables to suppose the emergence of the composite bow on the territory of the romenskaya culture not later than the second half X century.

⁶ У «салтовского» типа луков задняя сторона концевой наклейки выгнута, у «венгерского» (В2) - прямая.

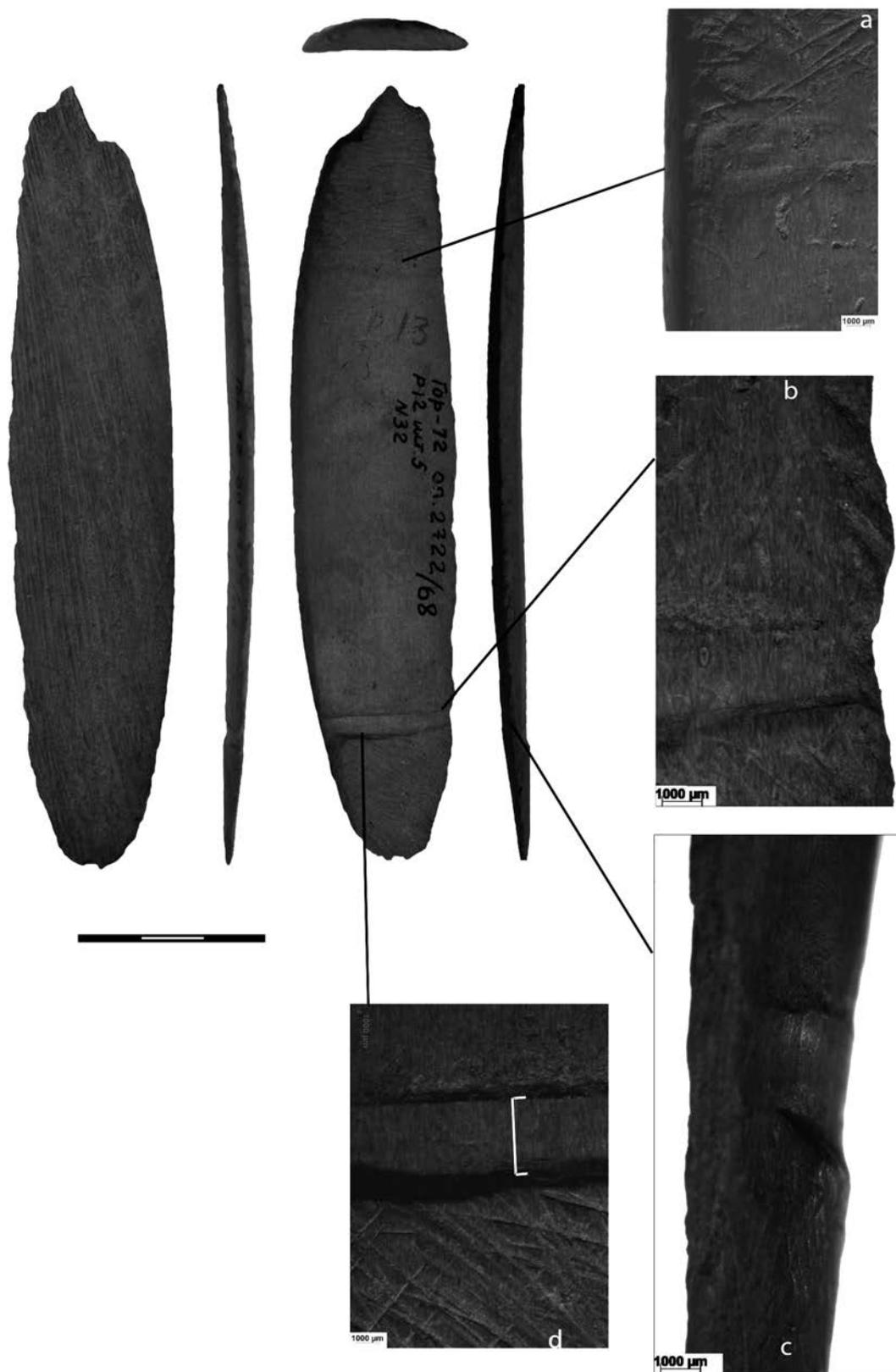

Рис. 1. Боковая накладка на рукоять лука.

a – следы от обмотки; *b* – насечки по переднему краю; *c* – углубление для дополнительного крепления накладки; *d* – насечки на концах накладки.

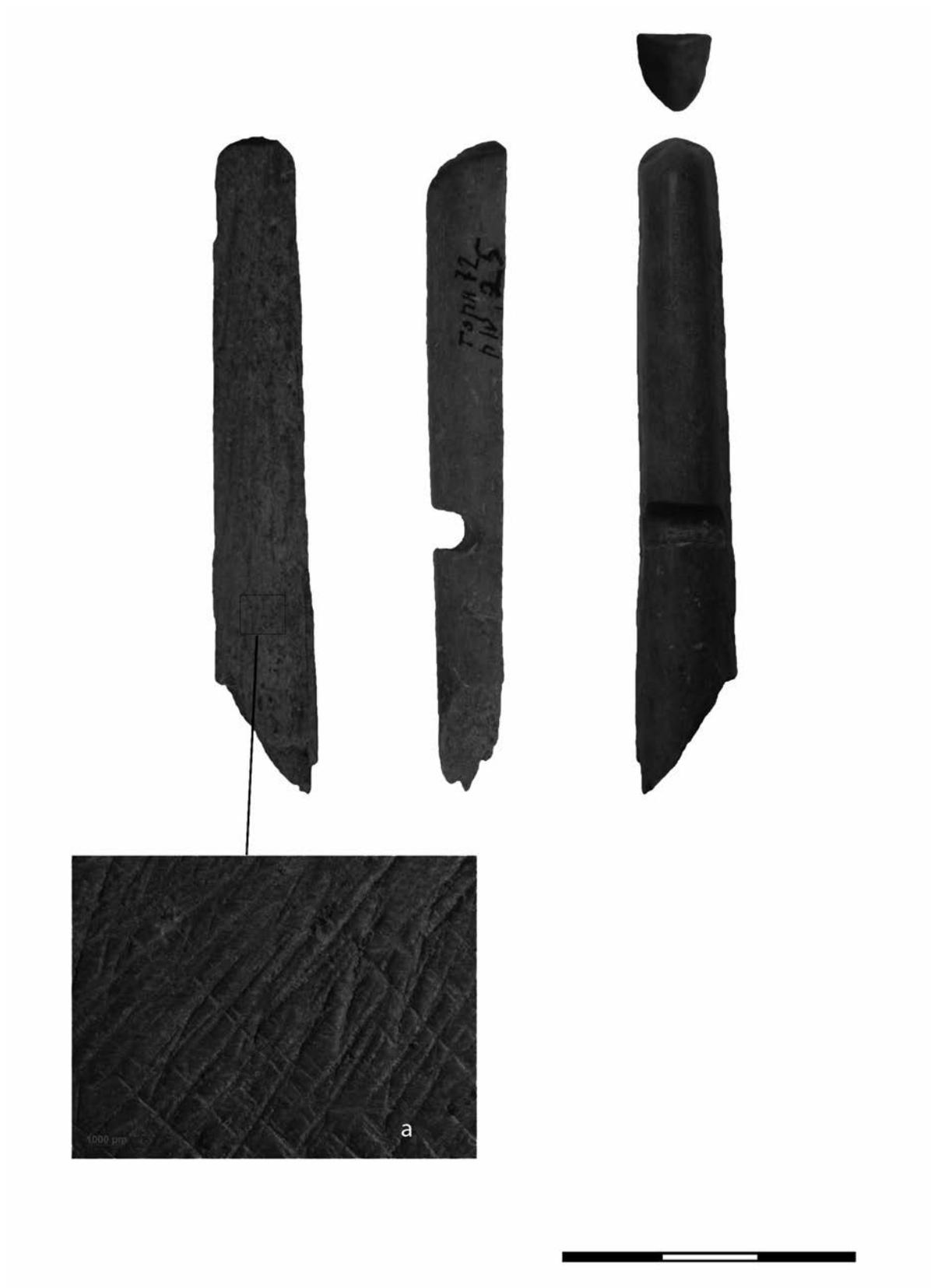

Рис. 2. Концевая фронтальная накладка.

а – фотоувеличение фрагмента оборотной стороны.

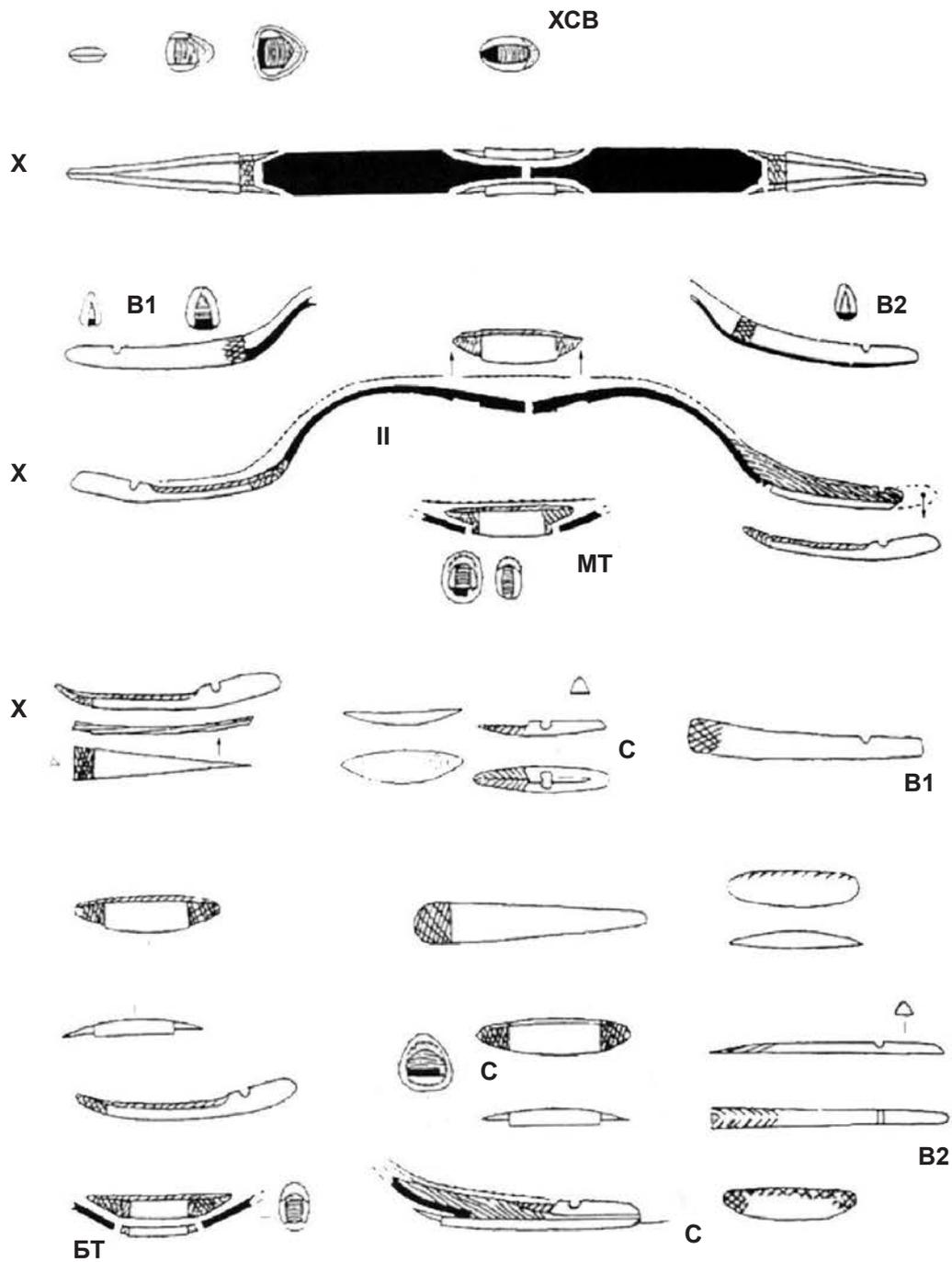

Рис. 3 «Хазаро-салтово-венгерская» технологическая линия развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы (по: Семенов, Савин, 1992. С. 65).

Способы и схемы сборки: X – «хазарский» тип; C – «салтовский» тип; B – «венгерский» тип, варианты 1 и 2.

С.А. Авдусина (ГИМ)

ГНЁЗДОВСКИЙ КЛАД 2001 ГОДА

В 2001 г. на Восточном селище Гнёздовского археологического комплекса был найден клад. Точные обстоятельства его находки неизвестны. В том же году клад поступил в Государственный Исторический музей. Комплекс состоит из 104 предметов и включает ювелирные украшения, дирхемы и небольшое количество стеклянных бус, уложенных в сосуд, изготовленный на гончарном круге (рис. 1). Рассмотрим находку подробнее.

Около трети всех предметов клада выполнено из серебра высокой пробы – 960-990°. Почти половину набора составляют женские серебряные украшения (Приложение 1).

В состав клада входят два экземпляра лунниц. Обе подвески относятся к типу ширококорогих, вырезаны в форме полумесяца из тонкого серебряного листа. Один экземпляр украшен зерневым зигзагообразным орнаментом, шарики зерни расположены в два ряда (вклейка I, рис. 2, 1). На лунницу напаяны 5 полушарий, 3 из них располагаются в центре подвески. На второй подвеске – линейный орнамент из зерни, напаянной в два ряда, и 5 полушарий (вкл. I, рис. 2, 2). Полушария на обеих подвесках окружены зернью. Ушко украшено ромбами, составленными из зерни.

Аналогии ширококорогим лунницам можно найти в курганах Шестовицы (Бліфельд, 1977. Табл. XXXIII, 8) и Владимирских (Спицын, 1905а. С. 140. Рис. 160, 162); в кладах: Юрковецком (Корзухина, 1954. Табл. VII, 14, 15), Борщевском (Гущин, 1936. Табл. X, 7), Гнездовском 1870 г. (Корзухина, 1954. Табл. VIII, 32, 34) и 1993 г. (Пушкина, 1996. Рис. II, 2, 5). Подобные украшения найдены также на территории Скандинавии (Stenberger, 1947. Abb. 54, 1; Arbman, 1940. Taf.

98, 13). Размеры и орнамент на них, несмотря на общее сходство, сильно разнятся, точных аналогий лунницам из клада 2001 г. найти не удалось.

Два браслета с завязанными концами, изготовленные из дрота ромбического сечения, также были частью клада (вкл. I, рис. 2, 3-4). Аналогии им есть во Владимирских курганах (Спицын, 1905а, С. 151. Рис. 307), на Готланде (Stenberger, 1947. Abb. 55, 2), в кургане 459 в Тимерево (Фехнер, Недошивина, 1987. Рис. 7, 2); подобный же браслет, но с орнаментом, найден в кладах из Терслева, самая поздняя монета которого датируется 962 г. (Сойер, 2006. С. 156). Аналогии таким браслетам известны также в Ирландии в аббатстве Тинан (Hall, 2007. P. 126).

В состав клада вошли и два перстня с завязанными концами. По центру щитка одного из них проходит продольная полоса (вкл. I, рис. 2, 5), щиток второго перстня гладкий (вкл. I, рис. 2, 6). Экземпляры, подобные перстню с продольной полосой, известны в Новгороде в слоях XI в. (Седова, 1981. Рис. 45, 25) и в составе клада, найденного неподалеку от Новгорода близ дд. Горощково и Любоежа (Меч и златник, 2012. С. 79). Перстни без орнамента с завязанными концами встречены на широкой территории – в Новгороде (Седова, 1981. Рис. 45, 24), Прибалтике (Mooga, 1932. Abb. 53, 7), Приладожских курганах (Бранденбург, 1895. Табл. 4, 9). В Белозерье такие перстни появляются в X в. и бытуют до третьей четверти XI в. (Сумина, 1999. С. 173-174). Подобные украшения с орнаментом найдены и в Скандинавии (Arbman, 1940. Taf. 111, 8, 9, 10, 11).

Среди предметов клада есть ажурная подвеска, выполненная в стиле «Борре» (вкл. I, рис. 2, 7). Туловище зверя помещено на поверхности украшения, изображение головы вынесено на

ее ушко. Заполнение туловища – рельефная поперечная штриховка. Ободок прерывается четырьмя выступами, оформленными в виде трех штрихов. По типологии А.С. Дементьевой (2007. С. 214) подвеска относится к типу А IV, варианту 3. Подобные изделия были широко распространены на территории Древней Руси (Дементьева, 2007. С. 249-257). Полная аналогия нашей находке встречена лишь однажды, в Гнёздовском кладе 1867 г. (Гущин, 1936. Табл. III, 7).

Самая многочисленная категория украшений клада – серебряные бусы. Наиболее крупную группу составляют 23 экземпляра округлой формы. Они без орнамента, состоят из двух спаянных тисненых половинок (вкл. II, рис. 3, 1). Канал бусин украшен проволочным колечком. На территории Древней Руси подобные изделия встречены в составе Гнёздовских кладов (Гущин, 1936. Табл. 2, 3; Корзухина, 1954. Табл. VIII, 31; Пушкина, 1996. Рис. V, 7) и в Белогостицком кладе (Спицын, 19056. Рис. 116). По одному экземпляру есть в Бирке (Duszko, 1985. P. 76. Fig. 99) и в составе клада с Готланда, который по монетным находкам датируется рубежом X–XI вв. (Stenberger, 1947. S. 21-24. Abb. 171, 1, 2).

Две серебряные бусины биконической формы орнаментированы треугольниками зерни, каналы бусин по кругу украшены зерневыми шариками (вкл. II, рис. 3, 2). Как и предыдущая группа, биконические бусы известны, прежде всего, в кладах: Гнёздовском 1867 г. (Гущин, 1936. Табл. II, 1, 6), Белогостицком (Спицын, 19056. Рис. 118) и у дд. Горошково и Любоежа под Новгородом (Меч и златник, 2012. С. 79. № 172). В Скандинавии подобные бусы встречены на Готланде (Stenberger, 1947. Abb. 171, 1).

В состав клада вошли также 4 шаровидные бусины. Три из них украшены треугольниками зерни, располагающимися по кругу каждого из полушарий. По окружности бусины украшены двумя рядами зерни. Канал бусин с двух сторон окружен шариками зерни (вкл. II, рис. 3, 3). Аналогии этим экземплярам также есть в кладах: Гнёздовском 1867 г. (Гущин, 1936. Табл. II, 1, 6), Белогостицком (Спицын, 19056. Рис. 121) и найденном близ дд. Горошково и Любоежа под Новгородом (Меч и златник, 2012. С. 79. № 172). Встречены они и в Скандинавии в уже упоминавшемся кладе с острова Готланд (Stenberger, 1947. Abb. 171, 1).

Последняя из шаровидных бусин орнаментирована рядами, состоящими из трех ромбов, со-

ставленных четырьмя шариками зерни. Между этими рядами по окружности бусина украшена еще двумя рядами зерни. Канал бусины с двух сторон также окружен шариками зерни (вкл. II, рис. 3, 4). Аналогии этому экземпляру найти не удалось.

Есть в кладе и бусина из рубчатой проволоки (вкл. II, рис. 3, 5). Нижняя граница бытования таких бус подробно рассмотрена в статье Я.В. Френкеля (2010. С. 547-618) и определена им как начало X в. Бусы из рубчатой проволоки встречены в том же кладе Готланда, что и серебряные бусы, датирующимся рубежом X–XI вв. Аналогии рубчатым бусам есть также в погребениях Бирки (Arbman, 1940. Taf. 114, 1, 7-12) и Хедебю (Die Gräber von Haithabu, 2010. Grab. 32. Taf. 5, 4).

В составе клада также представлены 8 полых шаровидных серебряных пуговиц, спаянных из двух половинок (вкл. II, рис. 3, 6). Ушко состоит из серебряной полоски, оба конца которой через отверстие впущены внутрь пуговицы и там закреплены. Низ его обмотан серебряной проволокой. Подобные пуговицы являются очень редкой находкой на территории Древней Руси. Удалось найти две аналогии. Одна – в Белогостицком кладе (Спицын, 19056. Рис. 119), другая происходит из одного из гнёздовских курганов (Сизов, 1902. Табл. III, 58). Подобная, но орнаментированная в верхней части, пуговица известна в древностях Венгрии X–XI вв. (The Ancient Hungarians, 1996, P. 250. Fig. 14).

Стеклянные бусы представлены следующими типами:

– 4 бусины (вкл. II, рис. 4, 1-4) зонных зеленого прозрачного стекла (группа IV, подгруппа 1, «а», по З.А. Львовой (1968. С. 73));

– 1 бусина (вкл. II, рис. 4, 5) молочно-белого стекла, зонная с печеночными глазками типа B0250 по Кальмеру (Callmer, 1977. Colour plate 1). Такие бусы встречаются на территории Скандинавии (Arbman, 1940. Taf. 123, 20). Изделия такого же молочно-белого стекла, но орнаментированные не глазками, а двойной печеночной волной, есть в Новгороде в слоях третьей четверти X в¹;

– 1 бусина – лимонка (вкл. II, рис. 4, 12) полосатая, желто-красно-коричневая. (группа VIII, подгруппа 2 по З.А. Львовой). Датировка таких бус подробно рассмотрена в работе В.Н. Седых и Я.В. Френкеля (2012. С. 309-310) и определена как вторая половина X–начало XI в.;

– 2 бусины «серебростеклянных» (вкл. II, рис. 4, 10-11) и одна «золотостеклянная» (вкл. II,

¹ Выражаю благодарность Я.В. Френкелю за консультацию.

рис. 4, 9) – группа VIII, подгруппа 1 по З.А. Львовой (1968. С. 82). Датировка этих бус затруднительна. Наиболее поздняя дата «золотостеклянных» бус в Новгороде – конец первой трети XII в. (Щапова, 1955. С. 174), в Белозерье верхняя дата бус с металлической прокладкой – XI в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 196);

– 1 бусина навитая черного непрозрачного стекла с белой и красной полосой, проходящей по окружности (вкл. II, рис. 4, 6);

– 1 бусина зонная, состоящая из двух слоев – верхний слой синего стекла, внутренний – белого стекла плохого качества (вкл. II, рис. 4, 7). Подобные бусы бочонковидной формы встречены в могильнике Бирка (Arbman, 1940. Taf. 120, 60) и на Земляном городище Старой Ладоги (Френкель, в печати);

– 1 бусина зонная неправильной формы плохой сохранности, поверхность буро-коричневого цвета (вкл. II, рис. 4, 8). Наиболее ранние экземпляры такого стекла найдены в Гнёздово, на пойменной части селища в ямах, датирующихся в пределах второй половины X в. (Френкель, 2007. С. 81, 108), есть они и в составе Гнёздовских кладов 1870 (Френкель, 2002. С. 94) и 1993 гг. (Пушкина, 1996. С. 183).

Половину предметов клада составляют 47 монет, из них 24 целые (рис. 5-7), а 23 представлены фрагментами (рис. 7-8). Клад входит в самую многочисленную группу комплексов в Гнёздове, младшая монета в нем относится

к 342 г.х. (953/954 г.) (Приложение 2)². По монетному составу он подобен Гнёздовскому кладу 1993 г. (Фомин, 1996. С. 187-203).

Из четырех монет сделаны подвески. В трех случаях крепления в виде ушек изготовлены из серебряной полоски с продольными рубчиками, одно ушко плоское. Надо отметить, что ушки с продольными рубчиками характерны для территории Скандинавии и есть в составе многих погребений и кладов (Пушкина, 2007. С. 327). Три монеты с ушками относятся к наиболее раннему чекану 300 (2 экз.) и 304 гг. х., четвертая – подражание дирхему 300 г.х. Кроме того, 2 монеты с ушками происходят из Балха и Андарабы и одна, с ушком, является подражанием андарабскому дирхему, тогда как большая часть монет относится к чеканке Самарканда (22 экз.) и аш-Шаша (16 экз.) (табл. 1). Скорее всего, четыре монеты с ушками входили вместе с другими украшениями в состав ожерелья.

Судя по составу находок, клад был зарыт в третьей четверти X в. Данный клад является еще одним подтверждением катастрофических событий, происходивших в Верхнем Поднепровье в середине X в. (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 69-70). Украшения из клада принадлежали одному человеку, скорее всего, женщине. Они представляли собой ее личное богатство и, вероятно, были сокрыты в момент грозившей владелице опасности.

² Выражаю благодарность А.А. Гомзину за определения монет клада.

Приложение 1. Химический состав серебряных предметов клада³

№	Название предмета	Вес	Ag	Cu	Au	Pb	Bi	Sn	Mn	Cr	Zn
1	Лунница	4,94	95,64	3,13	0,2	0,42	0,52	0,08	----	----	---
2	Лунница	3,46	96,92	2,51	0,25	0,04	0,17	0,11	----	----	---
3	Браслет	31,46	98,6	0,68	0,17	0,1	0,28	0,17	----	----	---
4	Браслет	21,82	97,51	1,78	0,32	0,19	0,09	0,03	0,08	----	---
5	Перстень	1,83	97,52	2,06	0,32	0,06	0,04	---	----	----	---
6	Перстень	0,91	93,1	6,06	0,3	0,3	0,14	0,1	----	----	---
7	Подвеска ажурная	5,73	94,22	4,35	0,33	0,83	0,1	0,17	----	----	---
8	Бусина шаровидная	2,3	96,98	1,96	0,14	0,07	0,31	0,54	----	----	---
9	Бусина шаровидная	2,15	97,92	1,27	0,09	0,08	0,32	0,32	----	----	---
10	Бусина шаровидная	2,14	96,87	2,18	0,19	0,05	0,32	0,38	----	----	---
11	Бусина шаровидная	1,97	96,24	2,84	0,17	0,05	0,48	0,22	----	----	---
12	Бусина биконическая с орнаментом	0,96	98,25	1,3	0,24	0,06	0,03	0,13	----	----	---
13	Бусина биконическая с орнаментом	1,2	97,89	1,66	0,31	0,06	0,04	0,05	----	----	---
14	Бусина из рубчатой проволоки	3,09	95,36	3,12	0,39	0,83	0,09	0,21	----	----	---
15	Пуговица	1,98	95,29	3,86	0,24	0,02	0,42	0,17	----	----	---
15а	Ушко пуговицы		95,41	3,92	0,23	0,03	0,35	0,06	----	----	---
16	Пуговица	2,05	96,23	2,98	0,21	----	0,3	0,27	----	----	---
16а	Ушко пуговицы		94,95	4,26	0,26	0,08	0,31	0,14	----	----	---
17	Пуговица	1,96	95,68	3,24	0,3	0,01	0,49	0,28	----	----	---
17а	Ушко пуговицы		94,9	3,07	0,28	0,04	0,28	0,66	0,66	----	---
18	Пуговица	2,12	94,17	5	0,32	0,03	0,39	0,1	----	----	---
18а	Ушко пуговицы		94,46	4,77	0,27	0,03	0,34	0,13	----	----	---
19	Пуговица	1,62	96,59	2,58	0,24	----	0,26	0,33	----	----	---

³ Анализы выполнены в отделе археологических памятников Исторического музея с помощью прибора микрорентгенофлуоресцентный спектрометр M1 MISTRAL SDD

№	Название предмета	Вес	Ag	Cu	Au	Pb	Bi	Sn	Mn	Cr	Zn
19a	Ушко пуговицы		94,55	4,62	0,31	0,03	0,36	0,14	----	----	---
20	Пуговица	1,98	95,59	3,55	0,23		0,38	0,24	----	----	---
20a	Ушко пуговицы		95,92	3,18	0,3	0,06	0,37	0,17	----	----	---
21	Пуговица	1,76	94,54	4,72	0,32	0,01	0,36	0,04	----	----	---
21a	Ушко пуговицы		95,14	4,06	0,24	----	0,32	0,24	----	----	---
22	Пуговица	1,79	95,14	4,1	0,25	0,01	0,33	0,16	----	----	---
22a	Ушко пуговицы		94,25	2,8	0,2	0,05	0,31	0,93	0,97	0,37	0,13
23	Бусина биконическая	0,7	97,24	1,8	0,19	0,16	0,62	----	----	----	---
24	Бусина биконическая	0,64	96,5	2,77	0,26	0,02	0,3	----	----	----	---
25	Бусина биконическая	0,71	94,92	4,05	0,2	0,29	0,41	0,13	----	----	---
26	Бусина биконическая	0,76	95,78	3,45	0,2	0,2	0,27	0,1	----	----	---
27	Бусина биконическая	0,78	95,65	3,43	0,2	0,22	0,36	0,14	----	----	---
28	Бусина биконическая	0,76	95,99	3,01	0,2	0,29	0,38	0,12	----	----	---
29	Бусина биконическая	0,69	94,66	4,29	0,2	0,3	0,46	0,09	----	----	---
30	Бусина биконическая	0,63	97,19	1,81	0,47	0,09	0,45	----	----	----	---
31	Бусина биконическая	0,66	96,94	1,98	0,29	0,26	0,43	0,1	----	----	---
32	Бусина биконическая	0,75	96,35	2,98	0,24	0,03	0,17	0,23	----	----	---
33	Бусина биконическая	0,71	97,32	1,91	0,27	0,03	0,28	0,2	----	----	---
34	Бусина биконическая	0,75	95,42	3,77	0,33	0,09	0,3	0,08	----	----	---
35	Бусина биконическая	0,69	95,56	3,14	0,19	0,36	0,55	0,2	----	----	---
36	Бусина биконическая	0,65	96,51	2,58	0,18	0,2	0,3	0,23	----	----	---

№	Название предмета	Вес	Ag	Cu	Au	Pb	Bi	Sn	Mn	Cr	Zn
37	Бусина биконическая	0,73	96,07	2,95	0,4	0,1	0,33	0,14	----	----	---
38	Бусина биконическая	0,71	94,92	4,32	0,3	0,04	0,33	0,1	----	----	---
39	Бусина биконическая	0,81	96,96	2,32	0,19	----	0,19	0,34	----	----	---
40	Бусина биконическая	0,75	97,12	2,16	0,2	0,02	0,22	0,29	----	----	---
41	Бусина биконическая	0,77	95,47	3,64	0,22	0,27	0,35	0,05	----	----	---
42	Бусина биконическая	0,79	96,65	2,42	0,17	0,14	0,51	0,11	----	----	---
43	Бусина биконическая	0,87	95,5	3,21	0,37	0,27	0,53	0,12	----	----	---
44	Бусина биконическая	0,85	95,53	2,29	0,12	0,12	0,64	0,29	----	----	---
45	Бусина биконическая	0,7	96,58	2,58	0,14	0,2	0,26	0,24	----	----	---

Приложение 2. Каталог монет клада⁴

№	Дата г. Х.	Место чекана	Литература, особенности типа	Вес (г)	Размер в см.	Химический состав					
						Ag	Cu	Au	Pb	Bi	Sn
Подражания Аббасидским дирхамам											
100 ⁵			Л.с. имитирует л.с. дирхамов Мадинат ас-Салама 299 г.х.; о.с. подражает о.с. дирхамов ал-Муктафи биллаха. Аналогичные по л.с. и о.с. экземпляры известны по публикациям с XIX в. По мнению Г. Рисплинга, подобные монеты относятся к чекану волжских булгар (Тизенгаузен, 1873. С.236, №2193; С.239, №225; Mayer, Heidemann, Rispling, 2005. S.192-193, №1434; Rispling, 1990. P.276-277, 280-281, №3).	1,10	Д-2,5	98,24	1,13	0,13	0,17	0,25	0,08
Саманиды											
Исма'ил б. Ахмад											
89	294	аш-Шаш	Тизенгаузен, 1853. С.114. №1.	1,60	Д-2,8	96,66	1,89	0,11	0,54	0,66	0,14
Ахмад б. Исма'ил											
58	300	Самарканд	Тизенгаузен, 1853. С.131.	монета 3,00 ушко – 0,35	Д – 2,8	монета 96,98 ушко 95,89	монета 1,62 ушко 2,80	монета 0,13 ушко 0,30	монета 0,68 ушко 0,46	монета 0,47 ушко 0,36	монета 0,11 ушко 0,18
60	300	Мадинаг Балх	Тизенгаузен, 1853. С.131. №2.	монета 3,11 ушко 0,30	Д-3,0	монета 98,40 ушко 96,42	монета 0,69 ушко 1,89	монета 0,12 ушко 0,22	монета 0,42 ушко 1,15	монета 0,30 ушко 0,08	монета 0,07 ушко 0,04

⁴ Определения монет выполнены А.А. Гомзиньям.

⁵ Номера монет соответствуют номерам по коллекционной описи В 2762 отдела археологических памятников ГИМ.

№	Дата г. Х.	Место чекана	Литература, особенности типа	Вес (г)	Размер в см.	Химический состав																
						Ag	Cu	Au	Pb	Bi	Sn											
Наср б. Ахмад																						
59	304	Андараба	Под символом л.с. – Ахмад б. Сахл (Тизенгаузен, 1853. С.144. №1).	монета 3,50 ушко – 0,28	Д-2,9	монета 98,99 ушко 96,86	монета 0,08 ушко 2,47	монета --- ушко 0,38	монета 0,07 ушко 0,06	монета 0,80 ушко 0,10	монета 0,05 ушко 0,14											
64	330	Самарканд	под символом л.с. – ‘Али (Марков, 1896. С.140. № 685).	3,87	Д-2,7	90,92	6,81	0,09	1,13	0,92	0,13											
66	324	аш-Шаш	Тизенгаузен, 1853. С.177. №3	3,77	2,7x3,0	90,71	6,24	0,08	1,59	1,27	0,11											
67	328	Самарканд	Тизенгаузен, 1853. С.182. №1	4,44	2,7x2,9	87,62	9,02	0,08	1,98	1,16	0,14											
69	325	аш-Шаш	Тизенгаузен, 1853. С.180. №2	3,86	2,7x2,8	90,97	3,47	0,03	3,57	1,80	0,16											
74	324	аш-Шаш	дифференты в поле л.с. не ясны Тизенгаузен, 1853. С.177	3,40	Д-2,7	89,24	6,65	0,11	2,32	1,59	0,09											
75	325	стерго, по типу аш-Шаш	Тизенгаузен, 1853. С.180. №2	3,97	Д-2,7	87,34	7,93	0,05	2,34	2,18	0,16											
77	307	Самарканд	Тизенгаузен, 1853. С.151. №2	3,05	Д- 2,8	92,90	4,28	0,42	1,73	0,54	0,13											
80	xx1, по типу – 321	аш-Шаш	Тизенгаузен, 1853. С.174. №4	2,90	3,1x2,8	95,99	2,75	0,06	0,46	0,73	----											
81	затерт	обрезано	(324? г.х.).	1,62	Д-2,6	88,94	7,65	0,05	1,84	1,38	0,15											
82	xx2, по типу – 322	Самарканд	Тизенгаузен, 1853. С.175. №2	2,40	Д-3,2																	
83	xx6, по типу – 326	Самарканд	Тизенгаузен, 1853. С.180. №1	2,64	Д-2,7	85,83	8,38	0,10	3,37	2,18	0,15											
84	xx1, по типу – 331	Самарканд	Тизенгаузен, 1853. С.185. №1	2,89	Д-2,7	90,08	6,16	0,02	2,60	0,81	0,13											

№	Дата гг. Х.	Место чекана	Литература, особенности типа	Вес (г)	Размер в см.	Химический состав					
						Ag	Cu	Au	Pb	Bi	Sn
86	32х	отломлено, по типу – Са-марканд,	с именем халифа ар-Ради биллаха (322-329 гг.х.). В поле л.с. под символом видна часть дифферента в виде горизонтальной волнистой линии, аналогии которому найти не удалось. Учитывая типологию самаркандских дирхамов этого времени и палеографические особенности штемпелей рассматриваемого экземпляра, данный дирхам может быть отнесен к периоду 322-327 гг.х.	2,06	Д-2,7	88,64	8,53	0,16	1,33	1,23	0,11
87	317	обрезано (Балх? Фарван?),	Имя амира дано почерком насх; в поле л.с. под символом частично обрезанный дифферент (Кара-тегин?).	1,90	Д-3,0	92,73	6,55	----	0,33	0,25	0,14
88	319	аш-Шаш	дифферент в поле л.с. отломлен или отсутствует.	1,80	Д-2,7	95,19	2,39	0,06	0,95	1,29	0,12
97	отломлен	отломлено, по типу аш-Шаш	имена амира, халифа отломлены, по типу – Наср б. Ахмад	1,29	Д-2,7	90,26	5,62	0,07	2,28	1,63	0,15
98	отломлен	аш-Шаш	301-320 гг.х., с именем халифа ал-Мук-тадира биллаха.	1,26	Д-2,7	94,64	2,74	0,27	1,25	1,02	0,08
Нух б. Наср											
61	34х	Самар-канд		3,98	2,9х2,7	81,13	14,55	0,06	2,18	1,91	0,18
62	334	аш-Шаш	дифференты в поле л.с. не ясны.	2,78	3,1х2,8	58,41	38,97	----	2,21	0,27	0,14
63	340	Самар-канд	без дифферентов в поле л.с.	3,32	Д-3,0	88,76	8,46	0,05	1,00	1,71	0,02
65	339	Самар-канд	Тизенгаузен, 1853. С.199. №1	3,28	Д-3,2	90,42	7,53	0,04	1,02	0,87	0,12
68	34х, по типу – 341-342 гг.х.	Самар-канд		3,57	2,8х2,9	88,84	9,89	0,06	0,44	0,55	0,22
70	333	Самар-канд	(тип – Leitmus, 2007. P.362, №2872-2875, другие штемпели).	3,69	Д-2,8	89,05	7,94	0,04	1,53	1,26	0,18
71	341	аш-Шаш	Тизенгаузен, 1853. С.202. №4(?)	3,43	2,8х3,0	94,44	4,85	0,02	0,41	0,22	0,07

№	Дата г. Х.	Место чекана	Литература, особенности типа	Вес (г)	Размер в см.	Химический состав					
						Ag	Cu	Au	Pb	Bi	Sn
72	342	Самар-канд	Марков, 1896. С.14. №857	3,28	2,9x3,0	89,48	9,39	0,05	0,37	0,58	0,14
73	333	Нисабур		3,03	Д-2,7	81,78	0,30	----	14,81	3,02	0,09
76	337	Самар-канд	Тизенгаузен, 1853. С.196. №1	3,31	Д-2,8	85,18	12,89	0,05	1,03	0,76	0,09
78	336	Самар-канд	Тизенгаузен, 1853. С.194. №1	3,35	2,6-3,0	94,97	3,19	0,06	1,18	0,56	0,05
79	341	аш-Шаш	Тизенгаузен, 1853. С.202. №4	4,43	3,0x3,2	75,71	22,17	---	0,93	1,04	0,16
85	обрезан	аш-Шаш	дифферент в поле л.с. над символом не ясен из-за частичной обрезки.	1,64	Д-2,8	93,87	2,54	0,09	1,95	1,42	0,13
90	отломлен	отломлено		2,90	Д-3,0	89,27	8,98	0,17	0,79	0,64	0,14
91	337	Самар-канд	Тизенгаузен, 1853. С.196. №1	1,50	Д-2,9	80,78	16,88	0,03	0,53	1,63	0,14
92	33(43, 7?, 9?)	отломлено, по типу – Самарканд		1,96	Д-2,9	80,43	15,99	0,03	1,42	1,92	0,21
94	334	отломлено, по типу – аш-Шаш	Марков, 1896. С.144. №768-769	2,08	Д-2,8	79,94	16,46	0,09	1,95	1,19	0,24
95	обрезан	обрезано, по типу – Бухара.	Без имени халифа. Отсутствие в поле л.с. под символом строки с лакабом амира позволяет ограничить датировку рассматриваемого экземпляра 330-ми гг.х. Подобные дирхамы чеканились в 336, 338-339 гг.х. (Тизенгаузен, 1853. С.194. №1; С.197. №1; С.199. №1).	2,36	Д-3,0	82,14	16,68	0,05	0,66	0,40	0,07
96	отломлен	Балх	В поле л.с. под символом расположено частично обломанное имя Кут-тегина. Этот сановник упоминается на балхских дирхамах Нуха 335, 339-343 гг.х. (Кочнев, 2004. С.69).	2,05	Д-3,0	79,81	19,07	0,09	0,68	0,24	0,11

№	Дата г. Х.	Место чекана		Литература, особенности типа	Вес (г)	Размер в см.	Химический состав						
		по типу	аш-Шаш				Ag	Cu	Au	Pb	Bi	Sn	
99	xx5, по типу - 335		аш-Шаш	Тизенгаузен, 1853. С.192. №3, но вместо точки - кружок	1,82	Д-2,3	85,41	10,65	----	0,22	3,49	0,22	
101	отломлен		Самар-канд		1,43	Д-2,8	93,82	3,92	0,06	0,94	1,14	0,11	
102	340		отломлен, по типу - Самар-канд	Тизенгаузен, 1853. С.200-201	1,36	Д-3,0	87,75	9,66	0,11	1,17	1,09	0,20	
103	х38, по типу - 338		Самар-канд	Тизенгаузен, 1853. С.197	1,19	Д-2,7	87,20	10,48	0,05	1,09	1,05	0,14	
104	отломлен		отломлено, судя по палеографии легенд - аш-Шаш.		1,88	Д-2,6	80,06	12,38	0,13	3,49	3,79	0,15	
Подражания дирхамам													
57				подражание дирхаму Наср б, Ахмада 300 г.х,	монета 3,37 ушко - 0,30	Д-3,1	монета 98,50 ушко 96,03	монета 1,19 ушко 2,53	монета 0,06 ушко 0,29	монета 0,12 ушко 0,61	монета 0,09 ушко 0,38	монета 0,04 ушко 0,15	
Не установлено													
93	отломлен		отломлено, по типу - Самарканд	отломлено	1,83	Д-2,8	94,89	2,57	0,08	1,57	0,77	0,12	

Таблица 1. Распределение саманидских дирхамов по амирам и местам чеканки⁶.

Место чеканки	Исма'ил б. Ахмад	Ахмад б. Исма'ил	Наср б. Ахмад	Нух б. Наср	Не установлен	Итого
Андараба	-	-	1	-	-	1
Балх, Мадинат Балх	-	1	-	1	-	2
Бухара	-	-	-	1	-	1
Нисабур	-	-	-	1	-	1
Самарканд	-	1	7	13	1	22
аш-Шаш	1	-	8	7	-	16
Не установлено	-	-	2	1	-	3
Итого	1	2	18	24	1	46

Таблица 2. Хронологическое распределение дирхамов.

г.х.	Общее ХР	ХР дирхамов Самарканда	ХР дирхамов Шаша
294	1	-	1
295	-	-	-
296	-	-	-
297	-	-	-
298	-	-	-
299	-	-	-
300	2	1	-
301	-	-	-
302	-	-	-
303	-	-	-
304	1	-	-
305	-	-	-
306	-	-	-
307	1	1	-
308	-	-	-
309	-	-	-
310	-	-	-
311	-	-	-
312	-	-	-
313	-	-	-
314	-	-	-
315	-	-	-
316	-	-	-
317	1	-	-
318	-	-	-
319	1	-	1
320	-	-	-
321	1	-	1
322	1	1	-
323	-	-	-
324	2	-	2
325	2	-	2
326	1	1	-
327	-	-	-
328	1	1	-

⁶ Таблицы 1-2 составлены А.А. Гомзиным.

г.х.	Общее ХР	ХР дирхамов Самарканда	ХР дирхамов Шаша
329	–	–	–
330	1	1	–
331	1	1	–
332	–	–	–
333	2	1	–
334	2	–	2
335	1	–	1
336	1	1	–
337	2	2	–
338	1	1	–
339	1	1	–
340	2	2	–
341	2	–	2
342	1	1	–

S. Avdusina

GNEZDOVO'S HOARD OF 2001

This paper presents a publication of the hoard, which was found in Gnezdovo in 2001. The exact location of the finding is unknown. The hoard consisted of 104 items were put in a vessel, made on a potter's wheel. The hoard contained female silver jewelry, glass beads and arab coins. The latest coin is dated of 953/954.

On the basis of the comparative analysis of the artifacts and the coins, it is possible to assume that the hoard was hidden most likely in the third quarter of the X century. The jewelry from the hoard belonged to one person, most probably the woman, and represented her personal wealth.

Рис. 1. Сосуд, в котором находился клад.

Рис. 5. Монеты из клада.
 Номера соответствуют номерам монет по коллекционной описи В 2762 отдела археологических памятников ГИМ.

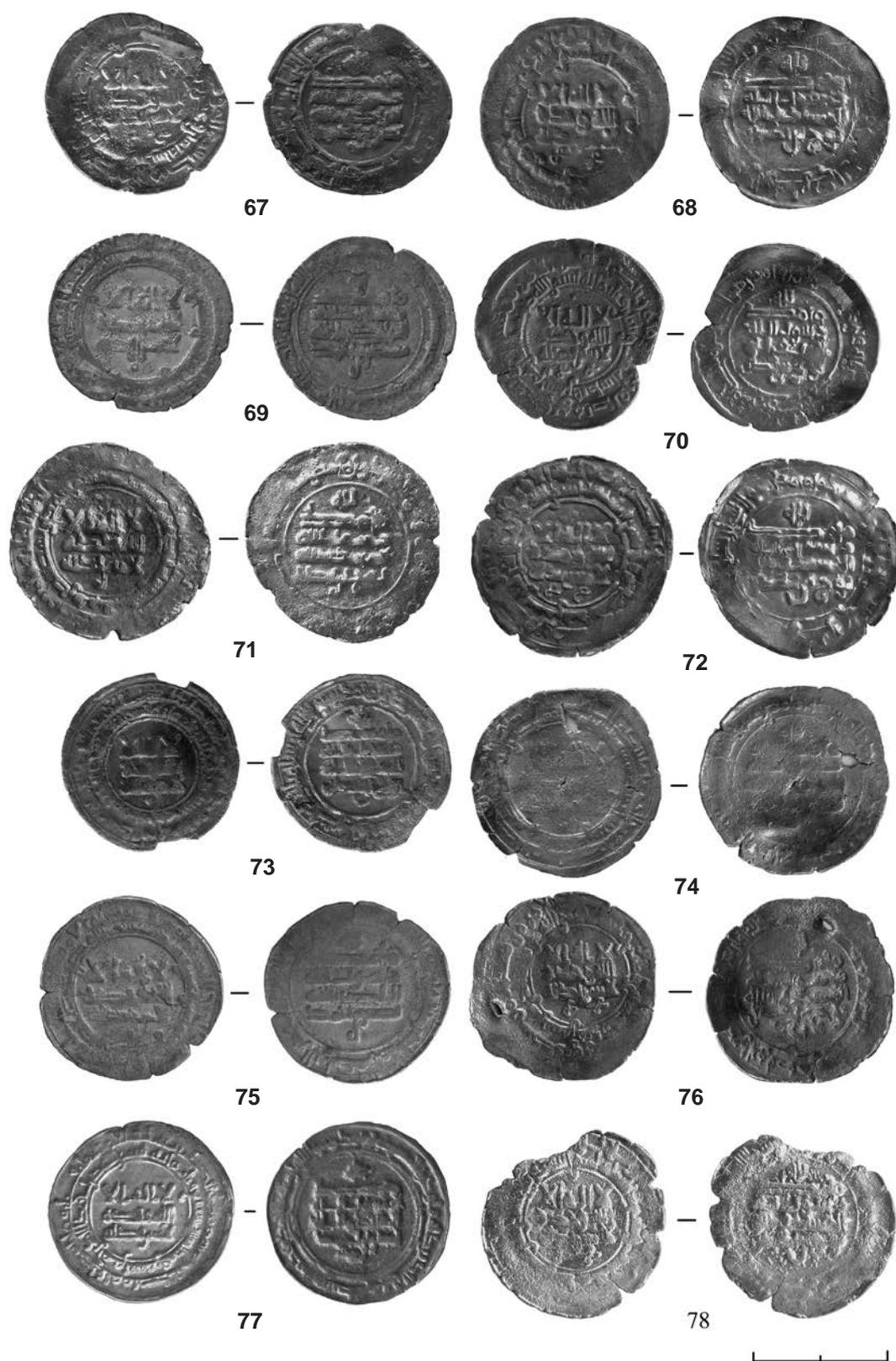

Рис. 6. Монеты из клада.
Номера соответствуют номерам монет по коллекционной описи В 2762 отдела археологических памятников
ГИМ.

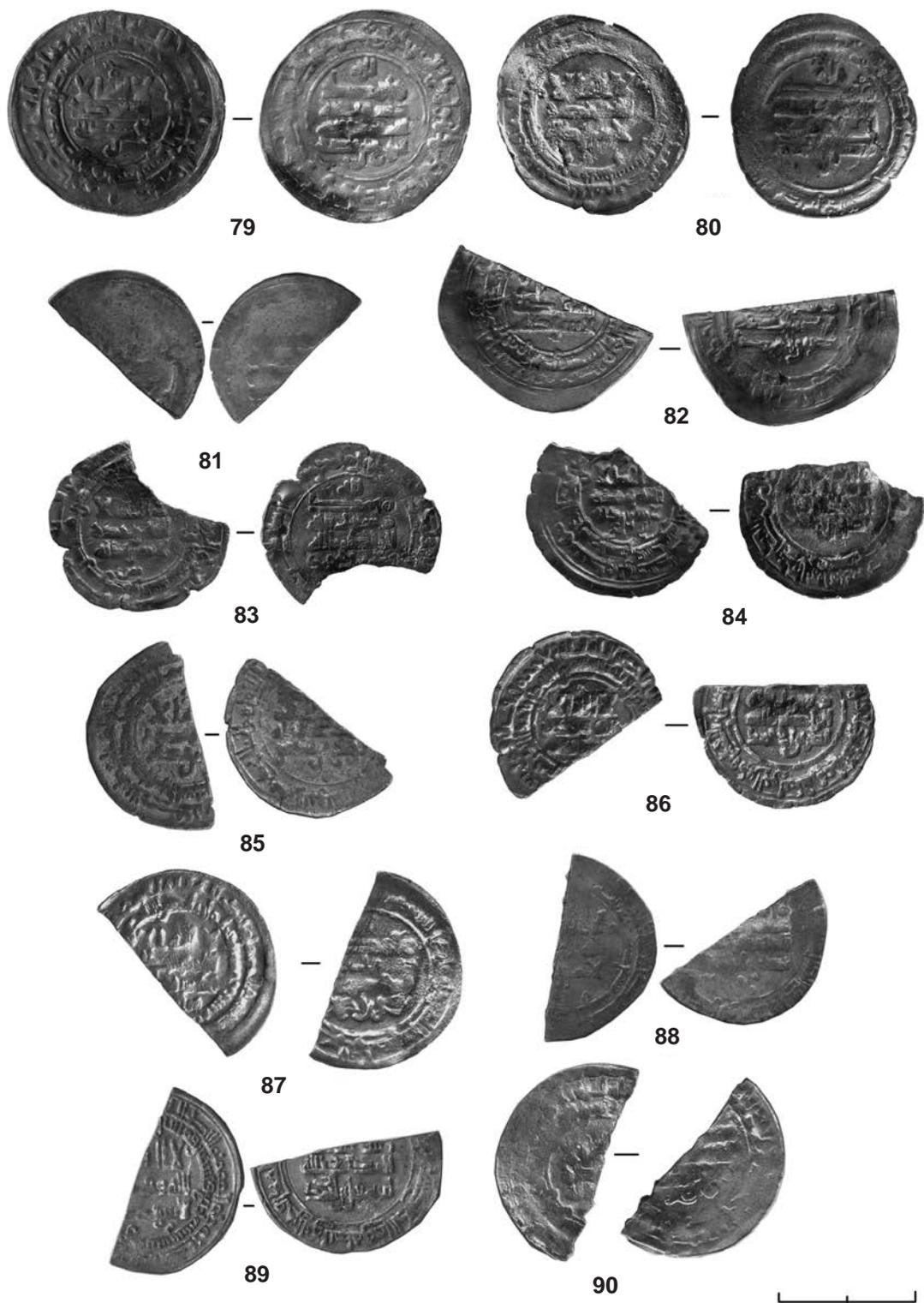

Рис. 7. Монеты из клада.
 Номера соответствуют номерам монет по коллекционной описи В 2762 отдела археологических памятников
 ГИМ.

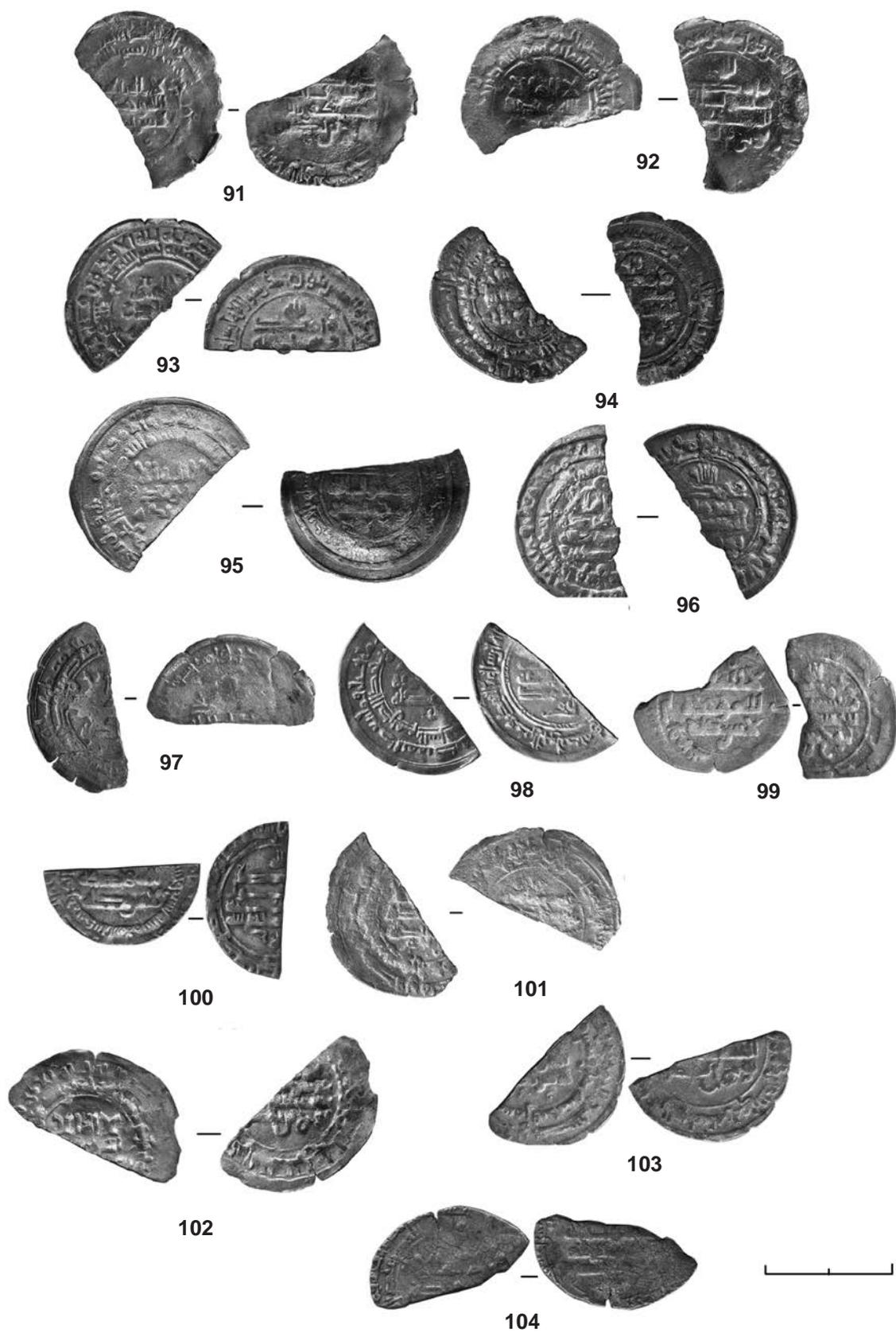

Рис. 8. Монеты из клада.
 Номера соответствуют номерам монет по коллекционной описи В 2762 отдела археологических памятников
 ГИМ.

В.В. Мурашева (ГИМ)

«КНИГА ПУТЕЙ И СТРАН»¹ (АЛПАТЬЕВСКИЙ КЛАД)

Алпатьевский денежно-вещевой клад (ГИМ, инв. № 111624) поступил в фонды Исторического музея в 2006 году.² Он был найден случайно на правом берегу Оки, к северо-западу от деревни Алпатьево Луховицкого района Московской области. Вещи были вымыты ключом, расположенным в тыловом шве низкой террасы, там, где она сочленяется с коренным берегом. В состав клада входили ювелирные слитки, украшения из серебра и медных сплавов, а также монеты.

Предметы из серебра

Монеты. В состав клада входят 6 исламских дирхемов. Все атрибутированные экземпляры относятся к чекану Аббасидов³:

1. (Опись⁴ В 2789/90). Аббасиды, ал-Мансур, ал-Басра, 144 г. х. (761/762 г.). Вес 2,6 г.

2. (Оп. В 2789/91). Аббасиды, ал-Махди, Мадина ас-Салам, 1(60?) г. х. (776/777 г.). Вес 2,0 г.

3. (Оп. В 2789/92). Аббасиды, ал-Мутаваккил 'ала-ллах, место и год чеканки стерты, с именем ал-Му'тазза на лицевой стороне, по типу – 240–247 гг. х. (854–861 гг.). Вес 2,5 г.

4. (Оп. В 2789/93). Аббасиды, ал-Мутаваккил 'ала-ллах, место чеканки не видно, по типу – 241–247 гг. х. (855–861 гг.). Вес 3,0 г. На оборотной стороне граффити в виде перечеркнутой дуги (рис. 1).

5. (Оп. В 2789/94). Аббасиды, ал-Махди, Мадина ас-Салам, 1(60?) г. х. (776/777 г.). Вес 1,7 г, край обрезан и обломан. Отливка в той же форме, что и № 91.

6. (Оп. В 2789/95). Дирхем, никаких следов легенд не видно. Вес 1,4 г, фрагмент (обрезок-обломок) около 1/2.

Три из шести монет отчеканены из высокопробного серебра. Оба дирхема ал-Мутаваккила (№№ 92 и 93 по описи) изготовлены из «чистого» серебра (содержание каждой из примесей не превышает 1%), монета ал-Мансура – из двухкомпонентного высокопробного серебра (по классификации Н.В. Ениосовой и др.: Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 132).

Вес, состояние надписей и поверхности позволили А.А. Гомзину предположить, что монеты ал-Махди (№№ 91 и 94 по описи) могут являться литыми копиями, изготовленными в форме, полученной оттиском в глину подлинного дирхема этого халифа. Результат РФА анализа монет позволил полностью подтвердить эту гипотезу – высокое содержание примеси меди (7,87 и 7,8%) не характерно для аббасидского чекана (например: Arrhenius & all, 1973. S. 156–159). Обращает на себя внимание также практически полное совпадение состава этих двух монет. Химический состав монеты с нечитаемой легендой (№ 95 по описи), содержание меди в которой превышает 10%, позволяет с уверенностью отнести ее также к группе литых монет-подражаний.

На каждой из монет пробито по два отверстия, вероятно, для нашивки на одежду. А.А. Гомзин, исследовавший вопрос о повреждениях монет из кладов Поочья, полагает, что местом

¹ Название географического труда арабского ученого Ибн Хордадбега (ок. 820–ок. 890 гг.)

² Пользуюсь случаем выразить признательность В.Ю. Дукельскому, способствовавшему поступлению клада в Исторический музей.

³ Определение А.А. Гомзина

⁴ Коллекционная опись отдела археологических памятников – далее оп.

Таблица 1. Результаты исследования химического состава монет⁶.

№ п/о	Fe	Cu	Pb	Ag	Au	Bi
В 2789/90		2,08	0,99	96,44	0,31	0,18
В 2789/91	0,99	7,87	1,54	89,43	0,17	
В 2789/92		0,92	0,26	98,25	0,12	0,46
В 2789/93		0,08	0,3	99,18	0,14	0,3
В 2789/94		7,8	1,38	90,63	0,18	0,01
В 2789/95		10,58	0,27	88,91	0,1	0,14

нанесения таких отверстий могут быть территории финно-угорских племен Нижнего Поочья и Поволжья, о чем свидетельствует их встречаемость в погребениях этого региона (Гомзин, 2013. С. 18).

Височные кольца семилучевые (2 экз.) состоят из кольца и семи лучей, слившихся у основания в единый щиток; к внутренней стороне кольца примыкают семь зубцов, лучи и зубцы украшены псевдозерненным орнаментом. Щиток обрамлен с двух сторон утолщениями, имитирующими объемные бусины (рис. 2, 1⁶). А.В. Григорьев, который неоднократно обращался к исследованию данной категории украшений (Григорьев, 2000. С. 126-133; 2005. С. 88-93; в печати), полагает, что лучевые кольца являются украшением, характерным для культур роменского типа и возводит их к дунайским (провинциально-византийским) прототипам. По классификации А.В. Григорьева серьги из Алпатъевского клада относятся к типу 2 (характеризуется наличием в центре луча свободного от зерни треугольника – Григорьев, в печати.) группы лучевых колец второго этапа развития этой категории украшений. Этот этап, который датируется концом IX–рубежом IX–X вв., отмечен существенным отходом от ниже-дунайских прототипов как в области конструкции и орнаментации, так и в области технологии изготовления височных колец.

Кольца типа 2 зафиксированы на территории культуры роменского круга: на Новотроицком

(Ляпушкин, 1958. С. 95. Рис. 63) и Супрутском (Изюмова, 1978. С. 102. Рис. 1, 1) городищах; один экземпляр найден и за ее пределами – в Гнёздове (Пушкина, 1987. С. 51. Рис. 1, 1).

Кольца височные проволочные (2 экз. – рис. 2, 2). В соответствии с общепринятой классификацией могут быть отнесены к типу «простых несомкнутых» колец «средних размеров» (Арциховский, 1930. С. 61-63; Левашова, 1967а. С. 14-15). Проволочные височные кольца – простейшие, несложные в изготовлении украшения распространены на очень широкой территории. Они встречаются в славянских памятниках от Великой Моравии на западе (Klanica, 2006. S. 171, 174) до территории роменской культуры на востоке (Григорьев, 2005. С. 87). Эти украшения не связаны с тем или иным этносом, кроме славян их использовали, например, финские племена Поволжья, у которых они известны с VI в. (Леонтьев, 1996. С. 163).

Серьги «салтовского» типа (2 экз. – рис. 2, 3). Серьги «салтовского» типа – устойчивый термин, введенный в научный оборот Н.Я. Мерпертом (Мерперт, 1951. С. 30). Серьги литые или составные имеют форму разомкнутого кольца в основном округлой или овальной формы с шариком-отростком в верхней части и удлиненной подвеской в нижней. Их типология была разработана С.А. Плетневой (Плетнева, 1967, 1989). Однако исследование локальных вариантов данной категории украшений позволило Д.А. Сташенкову утверждать, что серьги «сал-

⁵ Анализы, результаты которых приведены в статье, выполнены в отделе археологических памятников Исторического музея с помощью микрорентгенофлуоресцентного спектрометра M1 MISTRAL SDD, за исключением анализа слитков, который выполнен Р.А. Митояном с помощью портативного рентгенофлуоресцентного прибора по методу неразрушающего безэталонового анализа.

⁶ Рисунки к статье выполнены Е.А. Жудро, фото – С.А. Авдусиной.

товского» типа должны рассматриваться не как импорт с территории Хазарского каганата, а как одно из проявлений евразийской моды (Сташенков, 1998. С. 213-231). Д.А. Сташенков выделил целый ряд локальных и хронологических особенностей этого типа украшений, показав, что в различных регионах были распространены украшения, обладавшие своим набором признаков (Сташенков, 1998. С. 219-222).

В VIII–начале X вв. находки серег «салтовского типа», которые традиционно считались предметом импорта, зафиксированы на территории юго-восточной группы славянских племен (северян, радимичей, вятичей, донских славян), в материальной культуре которых отчетливо прослеживается влияние салтово-маяцкой культуры. Устойчивый набор типов, взаимовстречаемость серег с лучевыми височными кольцами в целом ряде комплексов (например, Зарайский (Железницкий) клад – Путь из варяг., 1996. С. 72. Кат. 559-568) позволяют включить этот тип украшений в состав женского этно-определяющего убора конца IX–начала X в. юго-восточных славян.

Серьги из Алпатьевского клада относятся к наиболее распространенному типу односоставных колец. Место сочленения кольца и подвески оформлено овальной бусиной, которая является дериватом дисков-ограничителей для крепления на кольце подвижных подвесок салтовских прототипов (типы 1-4 по С.А. Плетневой: 1989. С. 109. Рис. 57). Аналогичные серьги можно указать в составе Зарайского клада (Путь из варяг., 1996. С. 72. Кат. 564-568), на Супрутском (Григорьев, 2005. С. 87. Рис. 37, 10; ГИМ: оп. В 2715/12-13; В 2728/78-81, 93-95, 239; В 2831/1-2 и др.), Новотроицком (Ляпушкин, 1958. Рис. 15, 3) и Чертовом городищах (Паршин, 2005. С. 51). Близкие по форме, но не полностью аналогичные украшения зафиксированы на поселениях Бучак и Ходосовка в Среднем Поднепровье (Петрашенко, 1994. С. 183. Рис. 2, 5). На Каневском поселении найден фрагмент литейной формы для изготовления серег «салтовского» типа (Петрашенко, 1994. С. 183. Рис. 3), что, очевидно, является доказательством местного производства этих изделий.

Гривна «глазовского» типа серебряная круглодротовая, замок в виде петли и крючка, обруч в центральной части гладкий, ближе к концам – тордированный (рис. 2, 7). Отдельно в составе клада зафиксирована многогранная головка с пуансонным орнаментом на гранях (рис. 2, 8),

которую с большой долей вероятности можно считать частью замка такой же гривны.

Общепринята точка зрения о прикамском происхождении бронзовых и серебряных гривен «глазовского» типа, большая часть находок которых происходит из бассейна р. Чепцы (Леонтьев, 1996. С. 164). В то же время значительное количество серебряных гривен найдено на территории Фенно-Скандии и Прибалтики (Stenberger, 1947. Abb. 1-6, 12, 17, 32, 1 и др.; Hårdh, 1996. P. 138. Fig. 31; Kivikoski, 1973. Abb. 452), большая их часть скручена в спираль и происходит из состава кладов. Гривны «глазовского» типа датируются в целом IX–началом X в., однако в кладах они встречаются вплоть до второй половины XI в.

Б. Хорд, исследовавшая использование серебра в эпоху викингов, присоединяясь к ранее высказанному М. Стенбергером и Л. Лундстремом мнению, полагает, что гривны служили в качестве одного из платежных средств на территории Балтийского региона (Hårdh, 1996. P. 137-142). Анализ результатов взвешивания серебряных гривен «глазовского» типа показывает, что вес их колеблется около двух весовых норм: 200 г (191,7-202,6 г) и 100 г (94,68-108,7 г). Б. Хорд вслед за Л. Лундстремом полагает, что эти весовые нормы могут быть соотносимы с $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ русской гривны (408 г) (Hårdh, 1996. P. 138). Вес гривны из Алпатьевского клада 188 г, что вполне соответствует одной из этих весовых норм.

Перстни. В состав клада входят два «усатых» перстня. Один из них имеет гладкий овальный щиток с продольным валиком (рис. 2, 5). Второй украшен не только двумя продольными валиками по центру, но и края щитка также оформлены выпуклыми ребрами; на поля между валиками чеканом нанесен орнамент в виде миниатюрных косых крестов. Валики и «усы» перстня разделаны поперечными насечками (рис. 2, 6).

«Усатые» перстни часто встречаются на всей территории Восточной и Северной Европы и имеют широкую датировку. Они появляются на территории, например Скандинавии, довольно рано, еще в V в. (Beskow Sjoberg, 1987. P. 379 и др.). Типологически близкие перстни известны в Финляндии. В составе инвентаря хорошо изученного могильника Луистари перстни интересующего нас типа (тип II) встречены 7 раз, из них два в погребениях периода с 880 по 950 гг., остальные относятся к промежутку времени от 1000 до 1130 гг. (Lehtosalo-Hilander, 1982b. P. 124, 126, 185-187). Среди перстней Готланда можно

отметить экземпляры, «усы» которых разделаны поперечной насечкой (Thunmark-Nylen, 1998. Taf. 143, 16).

На территории Восточной Европы, по наблюдениям Н.Г. Недошивиной (Недошивина, 1967. С. 257-258), перстни подобного типа встречаются в северо-восточных и северо-западных областях. Широко распространены «усатые» перстни и в древностях поволжских финнов (Архипов, 1973. С.150. Рис. 37, 1; Мартьянов, 2001. С. 80. Табл. 39а, 3; С. 144. Табл. 70, 9,29; С. 176. Табл. 93, 27; С. 183. Табл. 100, 10; С. 234. Табл. 125, 25; Материальная культура..., 1969. Табл. 9, 7; 35, 10 и др.)

Ременной набор. В состав поясного набора входят пряжка, ременной наконечник, 24 бляшки с кольцом и 33 бляшки без кольца.

Бляшки с подвесным кольцом (рис. 2, 9) состоят из полукруглой пластины с фигурным краем и цельнолитой петлей, в петлю продето колечко. На оборотной стороне – заклепки с миниатюрными шайбочками для крепления к ремню. На лицевой стороне – композиция из четырех трилистников: один расположен у основания, остальные три его обрамляют, причем два «вырастают» из пазух центрального трилистника, а четвертый венчает центральный лепесток. Внутренняя поверхность цветка разделана овалами, повторяющими контур лепестков.

Бляшки с кольцом, украшенные композицией из трилистников, – классический вариант ременных украшений салтово-маяцкой культуры. С.А. Плетнева выделяет два типа подобных бляшек (типы 4 и 5: Плетнева, 1989. С. 79. Рис. 36). В Дмитриевском могильнике они встречаются как в ранней группе катакомб (вторая половина VIII–первая половина IX вв.), так и в поздней (вторая половина IX–начало X вв.). Композицию из трилистников (пальметт) Н.А. Фонякова относит к самому позднему этапу развития орнаментальных мотивов салтово-маяцкой археологической культуры, характерным композиционным приемом является вставка боковых пальметт в зубцы средней и расположение их треугольником (Фонякова, 1986. С. 39, 42, 44-45). Подобные ременные накладки получили самое широкое распространение как на территории салтово-маяцкой культуры, так и в ареале культурного и политического влияния Хазарского каганата.

Бляшки без подвесного колечка (33 экз.) имеют пятиугольную форму, их верхний край фигурный (рис. 2, 10). На лицевой стороне –

композиция из трех трилистников, один из них расположен у основания, он опирается на два узких листочка. Остальные два «вырастают» из пазух лепестков центрального трилистника.

В состав ременного набора входят также пряжка и наконечник. Пряжка состоит из овальной рамки и прямоугольного щитка, соединение – шарнирное (рис. 2, 11). Наконечник имеет вытянутую прямоугольную форму с округлым концом, ремень вставлялся в специальную щель в верхней части наконечника и закреплялся с помощью пробитых насквозь заклепок (рис. 2, 12). Обе стороны наконечника и щиток пряжки декорированы растительным орнаментом, состоящим из трилистников, внутренняя поверхность которых разделана овалами.

Детали орнаментальных композиций, украшающих ременную гарнитуру из Алпатьевского клада, несколько отличаются от «классических» салтовских экземпляров. Лепестки трилистников четко очерчены и имеют внутреннюю разделку в виде овалов (в классическом варианте лепестки разделяются лишь вверху, а внутренняя разделка представляет собой S-образный завиток). Тем не менее, подобный более редкий вариант иконографии известен, он зафиксирован как в материалах Верхне-Салтовского могильника (рис. 2, 16) (Фонякова, 2010. С. 153. Рис. 32, 13-15), так и за пределами территории салтовской культуры, например в Крюково-Кужновском могильнике (Материалы по истории мордвы..., 1952. С. 121. Табл. XXVIII, 10, 14). Таким образом, ременную гарнитуру, входящую в состав клада, можно отнести к кругу хазарских древностей. Точной аналогией рассматриваемым бляшкам являются накладки из коллекции Исторического музея (оп. В 2835/901-945); место их находки неизвестно, однако, предположительно они происходят из Прикубанья.

Фрагмент уздечной накладки (?). Украшение представляет собой округлую ременную бляшку из тонкой серебряной фольги (рис. 2, 14), края ее обломаны или обрезаны, оборотная сторона залита свинцово-оловянным сплавом (Sn – 54,2%, Pb – 41,4%), в который вмонтирована тонкая узкая пластина для крепления к ремню. Лицевая сторона украшена геометрическим орнаментом, в центре – полусферический выступ в обрамлении мелких перлов. Фрагментарность бляшки не позволяет полностью реконструировать орнаментальную композицию, однако, вероятно, краевая часть пластины была украшена аналогичным кружковым орнаментом.

Традиция изготовления ременных украшений из тонкой фольги с заливкой из легкоплавкого металла получила довольно широкое распространение на территории Европы (подробное описание технологии изготовления и территории распространения см.: Мурашева, 2008. С. 12-15); впервые такого рода украшения зафиксированы в раннеаварских памятниках (вторая половина VI–первая половина VII в.: Дайм, 2002. С. 288).

На территории Восточной Европы подобная технология производства ременных украшений использовалась нечасто, однако такие случаи известны именно при изготовлении сбруйных накладок. Этот способ был весьма распространен при изготовлении украшений конских оголовий из древнелитовских и прусских памятников (Куликаускене, 1953. С. 217; Кулаков, Витязь, 2001. С. 196). На древнерусской территории известно несколько престижных сбруйных наборов IX–X вв., созданных с использованием данной технологической схемы – это оголовье из сопки Чернавино близ Старой Ладogi (Кирпичников, 1973. С. 25, Петренко, 1994. С. 90), накладки из супрутского клада 1969 г. (Мурашева, 2008. С.12. Рис. 9; С. 15. Рис. 13) и бляшки из кургана Гульбище (Путь из варяг., 1996. С. 80. Кат. 694).

Точных аналогий бляшке из клада неизвестно, однако наиболее близкие с точки зрения орнаментального оформления накладки происходят из ладейно-камерного погребения Хедебю (Müller-Wille, 1976. S. 91. Abb. 40), которое И. Вамерс датирует первой третью IX в. (Wamers, 1995. P. 158). Центральная часть сбруйных бляшек из Хедебю (рис. 2, 15) и из Алпатьевского клада украшена выпуклой полусферой в обрамлении перлов.

Моток проволоки, вероятно, являлся ювелирным сырьем. Изначально проволока была скручена в спираль диаметром около 2 см, вес мотка – 98 г. Проволока изготовлена с помощью волочиной доски, на что указывают характерные продольные риски (рис. 3).

Прочее. Кроме всех перечисленных предметов в состав клада входит двухчастная ременная бляшка (рис. 2, 16), одна из округлых частей которой декорирована розеткой (аналогий ей найти не удалось). Еще одна округлая тонкая пластина украшена выпуклыми перлами (рис. 2, 17), в ее центре пробито квадратное отверстие – подобная пластина служила нашивкой на головной убор, происходящий из Дмитриевско-

го могильника (Плетнева, 1989. С. 110. Рис. 58). Некоторые из пластин, выполненных из серебряной фольги, могли служить оковками какого-то предмета.

Химический состав предметов из серебра.

Всего выполнено 36 анализов предметов из серебра, входивших в состав клада (табл. 2).

Преобладающая часть предметов из клада изготовлена из «желтого» многокомпонентного серебра (83% – рис. 5), где содержание драгоценного металла колеблется от 81,62 до 89,75%, а содержание меди от 2,08 до 11,22%. Общепринята точка зрения, что основным источником серебра для Восточной и Северной Европы было арабское монетное серебро (Arrhenius & all, 1973. S. 151-160; Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 132). Для экономии драгоценного металла местные ювелиры разбавляли серебро медными сплавами, однако для сохранения «драгоценного» вида украшений суммарное количество лигатуры не должно было превышать 20%, так как при содержании серебра ниже 80% менялись оптические свойства сплава – изделие приобретало желтоватый оттенок. Преобладающим типом сплава, использовавшегося как лигатура при создании украшений клада, была, вероятно, многокомпонентная латунь, так как содержание цинка в большинстве предметов превосходит содержание олова. Латуни использовались как при отливке салтовских поясных украшений, так и при изготовлении славянских серег. Можно отметить, что состав сплавов, использовавшихся при создании ременных украшений из Алпатьевского клада, в целом совпадает с составом металла салтовских поясных украшений из Супрутского клада 1969 г. (Мурашева, 2008. С. 43-45). В нескольких случаях для разбавления серебра использовалась и многокомпонентная бронза (оп. В 2789/11, 15, 23).

Две сердцевидные бляшки изготовлены из многокомпонентного низкопробного серебра (оп. В 2789/32, 55). Все остальные сердцевидные накладки выборки (8 экз.) сделаны из гораздо более высокопробного серебра. Очевидно, что для изготовления серийных предметов использовались разные порции металла порой с существенной разницей в содержании серебра.

Из «чистого» серебра, в котором все примеси не превышают 1%, изготовлен лишь один предмет – проволока, скрученная в большой моток, что подтверждает предположение об использовании ее в качестве источника сырья.

Таблица 2. Результаты анализа химического состава предметов из серебра.

№ п/о	предмет	Fe	Cu	Zn	Pb	Sn	Ag	Au	Bi
В 2789/1	пряжка		7,71	1,02	1,11	0,69	88,75	0,66	0,05
В 2789/2	наконечник		6,67	2,24	2	0,51	88,07	0,42	0,08
В 2789/3	бляшка с кольцом	0,31	6,34	1,77	1,33	0,56	89,29	0,35	0,05
В 2789/4	бляшка с кольцом	0,95	6,16	0,63	0,81	0,54	90,29	0,61	
В 2789/5	бляшка с кольцом		6,3	0,91	1,9	1,61	88	1,27	
В 2789/7	бляшка с кольцом	0,26	10,21	2,18	1,36	0,54	85,03	0,35	0,06
В 2789/8	бляшка с кольцом		6,25	0,73	1,69	1,17	89,58	0,48	0,09
В 2789/9	бляшка с кольцом		10,58	2,61	1,32	0,57	84,5	0,57	0,57
В 789/10	бляшка с кольцом		6,22	0,78	1,8	0,92	89,75	0,53	
В 789/11	бляшка с кольцом	1,02	7,69	0,8	1,89	4,65	81,62	2,26	0,08
В 2789/13	бляшка с кольцом		11,22	2,39	1,56	0,19	84,22	0,35	
В 2789/14	бляшка с кольцом		5,96	0,34	0,81	0,22	92,18	0,44	0,44
В 2789/15	бляшка с кольцом	0,15	6,28	0,7	1,89	4,48	84,17	2,26	0,07
В 2789/17	бляшка с кольцом		6,1	0,42	1,58	0,45	86,21	5,17	0,07
В 2789/18	бляшка с кольцом		6,24	0,96	2,1	0,53	89,42	0,66	0,09
В 2789/21	бляшка с кольцом		5,61	0,64	1,46	1,9	89,15	1,18	0,06
В 2789/23	бляшка с кольцом		7,06	0,64	1,65	3,39	84,54	2,66	0,06
В 2789/24	бляшка с кольцом		5,7	0,37	1,43	0,45	86,74	5,27	0,05
В 2789/31	бляшка сердцевидная	2,09	8,14	4,08	1,31	0,98	83,12	0,15	0,11
В 2789/32	бляшка сердцевидная	4,72	25,88	1,81	0,61	0,68	66,16	0,08	0,07
В 2789/33	бляшка сердцевидная		8,49	4,56	1,04	0,46	85,22	0,14	0,09
В 2789/34	бляшка сердцевидная	0,27	6,64	4,24	1,02	0,44	87,14	0,16	0,1
В 2789/36	бляшка сердцевидная	0,1	5,69	4,31	1,02	0,75	87,9	0,12	0,1
В 2789/41	бляшка сердцевидная	0,1	6,83	4,93	1,47	0,92	85,49	0,14	0,11
В 2789/50	бляшка сердцевидная		7,19	3,66	0,85	0,47	87,58	0,15	0,1
В 2789/53	бляшка сердцевидная	0,1	10,13	3,83	0,93	0,41	84,37	0,13	0,09
В 2789/54	бляшка сердцевидная	6,41	8,61	3,64	0,89	0,6	79,63	0,13	0,09
В 2789/55	бляшка сердцевидная	0,05	26,96	3,33	0,78	0,36	68,35	0,09	0,08
В 2789/68	гривна	2,85	5,87	0,4	0,59	0,37	89,53	0,35	0,03
В 2789/80	проволока		0,7		0,69		98,35	0,2	0,06
В 2789/82	серьга		7,13	1,79	1,53	0,37	88,74	0,31	0,12
В 2789/83	серьга		6,51	3,89	3,12	0,43	85,65	0,32	0,09
В 2789/84	вис. кольцо лучевое		9,16	1,75	1,62	0,06	86,74	0,49	0,06
В 2789/85	вис. кольцо лучевое		7,08	1,64	1,33	0,07	89,33	0,48	0,06
В 2789/86	вис. кольцо проволочное		6,63	1,04	2,28	0,7	88,5	0,62	0,07
В 2789/87	вис. кольцо проволочное		5,67	1,15	2,2	0,62	89,49	0,67	0,08

Предметы из медных сплавов

Слитки. Десять слитков из медного сплава имеют форму брусков (рис. 6, 1) переменного сечения – овального в центре и подтреугольного у концов. Вес слитков колеблется от 82 до 188 г, их длина – от 19,8 до 27,7 см. Анализ химического состава металла показывает (табл. 3), что все бруски отлиты из латуни, 6 из них – из *свинцовой* и 4 – из *многокомпонентной* (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 131).

Исследование распространения типов сплавов на территории Европы показывает, что изделия из медно-цинковых сплавов, латуней, характерны прежде всего для Северо-Западного региона (Скандинавия, Британские острова, Прибалтика, Северо-Западная Русь). В то же время традиция использования латуней известна и на Востоке, в странах Арабского халифата, Хазарии, а также на территории Поволжья (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 133-135, 156-157). Тем не менее, анализ ареала литейных форм – инструментов для изготовления слитков-брусков, позволяет связать происхождение и распространение такого типа слитков VIII–XI вв. с североευропейской металлургической традицией. В Балтийском регионе слитки найдены в составе культурного слоя многих торгово-ремесленных поселений эпохи викингов (Бирка, Риббе, Хедебю, Павикен, Ольденбург) (Sindbæk, 2001. Р. 51; Кирпичников, Ениосова, 2004. С. 295). На территории Древней Руси слитки северного происхождения зафиксированы на памятниках, часть населения которых составляли

выходцы из Скандинавии (Старая Ладога, Рюриково городище, Гнездово и др.) (Кирпичников, Ениосова, 2004. С. 295).

Бруски из медного сплава входили в состав нескольких кладов. Самый большой из них найден в портовой зоне Хедебю (Ulbricht, 1992. Р. 252), он состоит из 25 слитков. Два клада обнаружены на о. Готланд (Камэнгет и Мюрвælde) и три – на территории Латвии (Вентспилс, Стиебри и Лубанас Эргали) (Urtans, 1977. 211-214 lpp. 120-122 att.). Самый крупный из них, найденный в Лубанас Эргали, содержал около 100 слитков (Дайга, 1960. С. 91). Все изученные слитки изготовлены методом литья в открытые формы (Ulbricht, 1992. Р. 252; Bayley, 1992. Р. 781), чем объясняются многочисленные поверхностные дефекты – прогибы поверхности и газовые поры (Кирпичников, Ениосова, 2004. С. 291). Для изготовления слитков большой длины (подобных алпатьевским) использовались, вероятно, земляные формы. По мнению Д. Бейли, желобки для отливки слитков из недрагоценных металлов могли делаться прямо в земляном полу ювелирной мастерской (Bayley, 1992. Р. 781).

М. Синдбек, исследовавший клады с территории Скандинавии, полагает, что слитки-бруски служили не только способом хранения сырья для мастеров-ювелиров, но и инструментом, упрощающим торговый обмен. Для производственных нужд мастеров-ювелиров, которые использовали, как правило, небольшие порции цветного металла, крупные слитки не могли быть оптимальной формой. В то же время

Таблица 3. Результаты анализа химического состава слитков из медных сплавов.

№ п/о	Вес (в г)	Длина	Cu	Zn	Pb	Sn	As	Ag
В 2789-69	120	26,5	88,68	6,12	3,85	1,28	0,08	
В 2789-70	124	27,3	89,63	7,11	2,42	0,74	0,06	0,04
В 2789-71	138	26	85,29	9,91	3,85	0,92	0,03	
В 2789-72	106	26,7	94,4	2,97	1,47	1,12	0,02	
В 2789-73	82	19,8	86,22	10,26	2,9	0,61		
В 2789-74	136	27,7	81,66	11,01	5,91	1,37	0,05	
В 2789-75	152	23,6	86,98	9,67	2,57	0,77	0,01	0,03
В 2789-76	94	26,8	84,59	11,7	2,56	1,14	0,01	
В 2789-77	188	27	96,87	1,26	1,24	0,59	0,03	
В 2789-78	142	23,9	86,73	9,44	2,82	0,92	0,08	0,02

Таблица 4. Результаты анализа химического состава «разделителей бус».

№ п/о	Fe	Cu	Zn	Pb	Sn	As	Ag	Bi
В 2789/61	2,4	61,94	2,24	21,84	10,5		0,94	0,08
В 2789/62		57,33	2,67	24,53	14,17		1,04	0,07
В 2789/63		63,43	1,44	21,47	12,8		0,77	0,04
В 2789/64	0,87	75,57	2,65	12,15	7,54	0,48	0,64	
В 2789/65	0,75	70,57	2,78	15,49	8,88	0,76	0,77	
В 2789/66	2,77	61,12	2,38	21,8	10,85		0,92	0,07

брусками стандартной формы могли быть удобным инструментом в рамках дальней торговли и изготавливаться специально для экспорта цветного металла. Одним из доказательств этому, по мнению М. Синдбека, является сокрытие слитков из медного сплава в составе кладов (Sindboek, 2001. P. 51).

На древнерусской территории Алпатъевский клад является первым, где зафиксированы слитки-брусочки из медного сплава. По размеру и весу они (средняя длина 25,53 см, средний вес 114 г.) ближе всего к слиткам из Хедебю, средняя длина которых 23,28 см, средний вес 128,1 г. Размер и вес готландских слитков из Мюрвэльде и Камэнгет существенно больше (43,52 см и 395,7 г; 26,22 см и 247,6 г. соответственно).

Химический состав металла алпатъевских слитков (табл. 3) не дает возможности получить однозначный ответ на вопрос о месте их изготовления. Содержание цинка в сплавах колеблется от 1 до 11% тогда как в слитках из Хедебю содержание цинка гораздо выше – от 19 до 22% (Ulfbricht, 1992. P. 252; Kalmring, 2010. S. 439). Неоднократно отмечалось, что содержание цинка в ювелирных изделиях территории Скандинавии выше, чем в предметах того же назначения в остальных регионах северо-запада из-за вероятного притока «свежего» металла, не подвергавшегося переплавке (Ениосова, 2001б. С. 90; Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 134). Анализ химического состава слитков с территории Латвии (как отдельных находок, так и из состава кладов) демонстрирует гораздо больший диапазон содержания цинка в сплавах – от 7 до 20%, при этом содержание свинца колеблется от 3 до 16% (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 134). Очевидно, что алпатъевские образцы по своему составу обнаруживают большее сходство с латышскими слитками, чем с брусками из

Хедебю. Так или иначе, территория распространения, места находок кладов со слитками-брусками указывают на скандинавско-прибалтийское происхождение подобных слитков.

«Разделители бус» – пластины толщиной 0,25 см, шириной 0,5 см, длиной 2,8-4,7 см. В одной из пластин пять отверстий, в остальных семи – девять (рис. 4, 1). Одна из боковых сторон пластин гладкая, вторая – фестончатая. Можно предположить, что пластины из клада использовались в составных украшениях – ожерельях или головных венчиках, они служили для разделения рядов бус или спиралек. Традиция использования металлических пластин с отверстиями в составе многорядных ожерелий известна на территории Скандинавии еще в эпоху Вендель (VI–VIII вв.). В эпоху викингов мода на ожерелья с «разделителями бус» сохраняется на о. Готланд (Thunmark–Nylon, 1998. Taf. 161). Отдельные находки зафиксированы и на территории Финляндии в погребениях могильника Луистари (Ranta H., 1999. P. 72-73. Fig. 1), в памятниках ливов нижнего течения Даугавы (Spirģis, 2008. L. 184. 96. Att; L. 185. 97. Att.). В X–XII вв. многорядные ожерелья с разделительными пластинами входят в моду у куршей (Bliučienė, 2006. P. 126-141). На территории Литвы пластины с отверстиями с V–VI вв. использовались как конструктивная деталь головных венчиков из рядов спиралек (Vaškevičiūtė, 1992. 129-130 lpp. Pav. 4, 6).

Большинство разделительных пластин на Готланде и в Прибалтике имеют Т-образное сечение, в то время как пластины Алпатъевского клада прямоугольные в сечении. Наиболее близкие аналогии датируются более ранним временем. Они встречаются в двух регионах: в Прибалтике (V–VI вв.) (Vaškevičiūtė, 1992. 130 lpp. Pav. 6; Lettlands., 2009. S. 93) в составе го-

ловных венчиков (рис. 4, 2), и в Прикамье как элемент женских наборных украшений (рис. 4, 3) памятников агафоновской стадии ломоватовской культуры (конец VI–VII в.) (Голдина, 1985. Табл. XXIII, 35, XXIV, 50, LI, 22). Единичная пластина прямоугольного сечения с отверстиями входит в состав инвентаря женского погребения мордовского могильника Стёксово II (Мартыанов, 2001. С. 100, 122. Табл. 55, 18), однако характер ее использования неясен.

Анализ химического состава пластин (табл. 4) показывает, что они отлиты из *многокомпонентной бронзы* (Ениосова, Сарачева, Митоян, 2008. С. 131).

Трапецевидные подвески (9 экз. и 2 фрагмента). Подвески (рис. 4, 7-15) представляют собой несложное украшение из тонкой пластины, изготовленное с помощью ковки, орнамент наносился пуансоном с изнаночной стороны (Ениосова, 2001а. С. 208-211). Подвески из клада можно разделить на три группы в соответствии с пропорциями пластины. Первая объединяет три удлинённые подвески, соотношение ширины их основания и высоты 1:2,2-2,5. Набор орнаментальных композиций, украшающих подвески, нестандартен и не имеет аналогий. Одна из них украшена косым крестом у основания и двойным ободком из перлов (рис. 4, 14), вторая – стилизованным изображением цветка и двойным ободком из перлов (рис. 4, 11) и третья – двойным зигзагом (обломанные края, вероятно, также были оформлены ободком из перлов – рис. 4, 8).

Пропорции пластин указывают на круг древностей финно-угорских культур Поволжья. Узкие подвески, соотношение ширины и высоты которых приближается к 1:3, характерны для мордовских древностей, они использовались в качестве подвесок к гривнам и другим украшениям и встречены в Лядинском (Воронина, 2007. С. 118. Рис. 74; С. 153. Рис. 104, 2), Пановском, Елизавет-Михайловском могильниках (Материальная культура..., 1969. Табл. 10, 8; 31, 7).

Соотношение ширины основания и высоты пяти подвесок второй группы – 1:1,6-1,9. Три из них украшены каймой из мелких перлов, декор еще одной дополнен композицией из колец (рис. 4, 9, 10, 15). Для оформления двух других подвесок был использован нестандартный трехзубый пуансон, рабочая часть которого оставляла не точечные, а прямоугольные отпечатки (рис. 4, 12, 13).

Подвески подобных пропорций обычны для

культур балтского круга и культуры смоленских длинных курганов (Енуков, 1990. С. 58. Ениосова, 2001а. С. 208-210. Рис. 1). Однако для оформления боковых сторон балтских и кривических трапецевидных подвесок использовался, как правило, выпуклый кант. Аналогии подвескам, украшенным ободком из перлов, известны на территории окско-донского водораздела – в Торхово (Григорьев, 2005. С. 100. Рис. 41, 9, 12, 14, 16) – памятник датируется IX–началом X в. (Григорьев, 2005. С. 188); в роменском слое городища Чертова Гора на Угре (Прошкин, Массалитина, 2004. С. 63. Рис. 13, 10, 11) и в слое IX в. Старой Ладоги (Старая Ладога..., 2003. С. 79). Изредка они встречаются на территории салтово-маяцкой культуры: в Дмитриевском могильнике (Плетнева, 1989. С. 110. Рис. 58), в могильнике Маяцкого городища и в заполнении одного из жертвенников (Винников, Плетнева, 1998. С. 62. Рис. 20. С. 181. Рис. 69). Исследователи Маяцкого городища склонны относить памятник к финальной стадии салтово-маяцкой культуры и определять его гибель первыми десятилетиями X в. (Винников, Плетнева, 1998. С. 192). Таким образом, топография данной разновидности подвесок позволяет отметить, что их культурная принадлежность не очевидна, однако места их находок «маркируют» речной путь «из варяг в хазары».

Третью группу представляет одна подвеска, соотношение ширины ее основания и высоты 1:1. Подвеска украшена сложной орнаментальной композицией, основу которой составляют два симметричных завитка (рис. 4, 7), по краю – двойной ободок из перлов. Необычный для трапецевидных подвесок IX–X вв. орнамент находит параллели в привесках со сложным декором в составе женских украшений, выполненных в традициях предметов восточноевропейского убора с выемчатыми эмальями III–V вв., в частности, в Мощинском и Межигорском кладах (Седов, 1982. Табл. XV; Родинкова, 2007. С. 386. Рис. 15, 1).

Результаты анализа химического состава подвесок показывают, что большая часть украшений изготовлена из свинцовой латуни (табл. 5), содержание цинка в сплавах колеблется от 3 до 8%, свинца – от 2 до 11%. Пять из 15 проанализированных трапецевидных подвесок из Гнёздова (Ениосова, 2001а. С. 209) были изготовлены из аналогичного сплава.

Чужеродность подвески с симметричными завитками (оп. В 2789/108 – рис. 4, 7) в соста-

Таблица 5 . Результаты анализа химического состава трапецевидных подвесок.

№ п/о	Fe	Cu	Zn	Pb	Sn	Au	Ag	Bi
B 2789/108	2,24	47,48	1,68	16,63	7,9	0,1	23,84	0,07
B 2789/109	0,47	91,28	5,37	2,35	0,33		0,1	0,03
B 2789/110	1,35	89,74	5,78	2,19	0,7		0,06	
B 2789/111	0,41	88,05	8,31	2,73	0,3		0,08	
B 2789/112	9,26	74,83	3,54	11,5	0,58		0,17	0,07
B 2789/113	0,45	94,11	3,46	1,36	0,36		0,12	0,04
B 2789/114	0,22	90,06	7,74	1,26	0,59		0,04	
B 2789/116	2,04	90,16	4,38	2,43	0,76		0,08	
B 2789/116	0,49	88,87	7,49	2,43	0,54		0,07	

ве комплекта трапецевидных украшений клада документируется и ее химическим составом. Она изготовлена из биллона с содержанием серебра 23,84%.

Детали головных венчиков (?). Набор спиралек (10 экз. – рис. 6, 2) и тонкую изогнутую пластину (рис. 4, 4) с некоторой долей вероятности можно считать деталями головного венчика-вайнаги. Вдоль длинных сторон пластины расположены ряды мелких перлов, выполненные пуансоном в форме трехзубой гребенки.

Головные венчики - вайнаги хорошо известны в балтских древностях с IV по XII в. (Vaškevičiūtė, 1992. P. 134-135; Енуков, 1990. С. 54-55; Шмидт, 2008. С. 36-37). Венчики балтских типов использовались и кривичами – носителями культуры смоленских длинных курганов. Так пластины-обоймы встречены в 14 погребениях, 10 из которых относятся к Смоленскому Поднепровью; спиральки распространены особенно широко, известно около 80 находок (52 – из Смоленского Поднепровья) (Енуков, 1990. С. 54-55). Необходимо отметить, что наборные венчики с пластинами-обоймами с пуансонным орнаментом известны и у финно-угорских народов Поволжья (Воронина, 2007. С. 9. Рис. 4), где в состав популярных у мордвы этого времени кистевидных наконечников входили и спиральки (Воронина, 2007. С. 12. Рис. 1-2). Спиральки этого вида были характерны также для наконечных украшений, нарукавных повязок («браслетов»), головных уборов мордвы и других групп поволжско-окского населения более раннего времени (например: Ефименко, 1975. С. 10. Рис. 3, 17, 20; 7, 3; 8). Таким образом, точ-

ная атрибуция данного комплекса наборных украшений невозможна.

Обоймы ножен ножей. Две обоймы (одна из них деформирована) из тонкой узкой пластины с отверстиями по краям (рис. 4, 5), вероятно, использовались для оформления устья деревянных ножен. Ножи в деревянных ножнах (группа III по Р.С. Минасяну: 1980. С. 70-72. Рис. 3) характерны для салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 92; Мошкова, Максименко, 1974. Табл. 5, 14). Подобного типа орудия иногда встречаются на территориях, входивших в сферу влияния Хазарского каганата: в Прикамье (Белавин, Крыласова, 2008. С. 140. Рис. 56. С. 296. Рис. 150; Лещинская, 1988. С. 100. Рис. 12, 2, 7), в могильниках средне-цнинской мордвы (Материалы по истории мордвы..., 1952. С. 121. Табл. XXIV, 3-4) и др.

Пуговица грибовидная (рис. 4, б) типична для салтово-маяцкой культуры (тип 1 по Плетневой: 1989. С. 107). Подобные детали костюма широко распространены и далеко за пределами основной территории этой культуры.

Главным основанием для датировки Алпатьевского клада является, безусловно, набор монет. Младшая монета датируется 861 г. Несмотря на небольшое количество монет, состав Алпатьевского клада подтверждает наблюдения Т. Нунана и Р. Ковалева, исследовавших клады «эпохи Рюрика» (860–880 гг.) (Noonan, Kovalev. 2002. С. 152-156). Авторы полагают, что большое количество кладов, выпавших в этот период, указывает вовсе не на активизацию русско-исламской торговли, а, напротив, на ее упадок, так как в их составе преобладают монеты более раннего

чекана. Само же обилие кладов свидетельствует о нестабильности обстановки на территории Восточной Европы и о борьбе различных группировок за доминирование на трансъевропейских торговых путях. «По ряду причин группа, которую возглавлял Рюрик, медленно, но верно одержала победу, покорив другие отряды викингов и подчинив себе местные народы» (Noonan, Kovalev, 2002. С. 155). Весьма скромный набор монет полностью соответствует выявленным закономерностям: три из шести монет клада чеканены в 60–70-е годы VIII в.

А.А. Гомзин, исследовавший закономерности поступления восточного монетного серебра на территорию Среднего и Нижнего Поочья, относит клад к последней четверти IX в. К этому же периоду обращения дирхема на данной территории относятся еще три клада: Железницкий (Зарайский), Супрутский и Бронницкий. А.А. Гомзин, так же как Т. Нуан и Р. Ковалев, отмечает, что клады отложились в период сокращения притока монет в бассейн Оки, что было обусловлено нестабильной ситуацией и вооруженными конфликтами в Аббасидском халифате и Хазарском каганате. Все или значительная часть дирхемов из этих кладов имеют отверстия, т.е. ранее они использовались как привески или нашивки на одежду, но сокращение притока серебра вернуло им товарно-денежную функцию (Гомзин, 2013. С. 13).

О кризисных явлениях в процессе поступления исламского серебра свидетельствует и состав клада – «воплощенным богатством» становятся не монеты, а цветной металл – серебро и медные сплавы в виде ювелирного сырья и разнообразных украшений. Сам же факт сокрытия клада на берегу реки вне поселения, вероятно, должен указывать на «нестабильность обстановки».

Хронология бытования артефактов, входивших в состав клада, в целом соответствует его датировке по нумизматическим материалам. Несмотря на то, что некоторые из них имеют длительный период бытования («усатые» перстни, провололочные височные кольца, латунные ювелирные слитки-бруски), большая часть

предметов характерна для конца IX–начала X в. (лучевые височные кольца, серьги «салтовского» типа, ременной набор, трапециевидные подвески с ободком из перлов).

Однако из указанных хронологических рамок выпадает небольшая группа изделий – это «разделители бус» и трапециевидная пластина из биллона. Наиболее близкие аналогии этим предметам лежат в области древностей первой половины–середины I тысячелетия н.э. Интерпретация этого факта может быть двоякой. Либо эти вещи надолго пережили свое время и воспринимались как сырьевой металл, либо объяснение кроется в обстоятельствах обнаружения клада – возможно, родник вымыл не один, а два разновременных комплекса.

Основной артерией, по которой в IX в. арабское серебро поступало не только в Поочье, но и на всю территорию Восточной Европы, был Донской путь (Григорьев, 2003. С. 49-51; Гомзин, 2013. С. 18). А.В. Григорьев отмечает, что движение комплекса ценностей, перемещавшихся по окско-донскому междуречью и входивших в состав таких кладов как Алпатьевский, Железницкий (Зарайский), Супрутский, происходило с юга на север, от р. Упы до правобережья Оки. Это предположение основано на том, что городище Супруты на р. Упе могло быть центром производства характерных славянских украшений – лучевых височных колец (Григорьев, 2012. С. 78).

Безусловно, местоположение Алпатьевского клада на территории окско-донского междуречья отразилось на его составе. Однако уникальное сочетание в едином комплексе предметов прибалтийско-скандинавского (слитки-бруски, фрагмент уздечной бляшки), славянского (височные кольца, серьги), хазарского (поясной набор) и балтско-финно-угорского (трапециевидные подвески) облика не дает возможности определить место его преимущественного формирования. Клад является «слепком», иллюстрацией карты торговых трансъевропейских путей IX в. от балтийского региона до Хазарского каганата, своеобразной «книгой путей и стран».

V. Murasheva

“THE BOOK OF ROUTES AND COUNTRIES”

The Alpatievo hoard was accidentally discovered on the Oka riverbank and was purchased by the State Historical Museum in 2006. The hoard consists of 6 coins of the Abbassid emission, silver and copper alloy decorations and brass bars (jewelry ingots). The items from the hoard belong to different cultural circles. Brass bars were used for a long-distance exchange in the Baltic Area, temple-rings are

typical for slavonic (romenskaya) culture and silver belt set comes from Saltovo-Majaki culture territory. The complex can be dated back to the last quarter of the IX century. Some artifacts (bronze spacer plates, one of trapezoid pendant) can be hypothetically dated back to the mid of the first millennium A.D. The hoard composition reflects the IX century Trans-European trade routes structure.

Рис. 1. Граффити на дирхеме.

Рис. 3. Фрагмент проволоки.
Серебро.

Типы сплавов серебра предметов из клада

- "Чистое" серебро
- Многокомпонентное высокопробное серебро
- "Желтое" серебро многокомпонентное
- Многокомпонентное низкопробное серебро

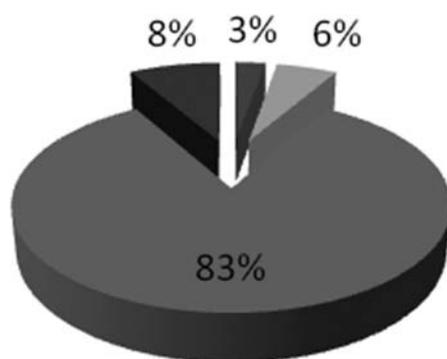

Рис. 5. Типы сплавов серебряных изделий из клада.

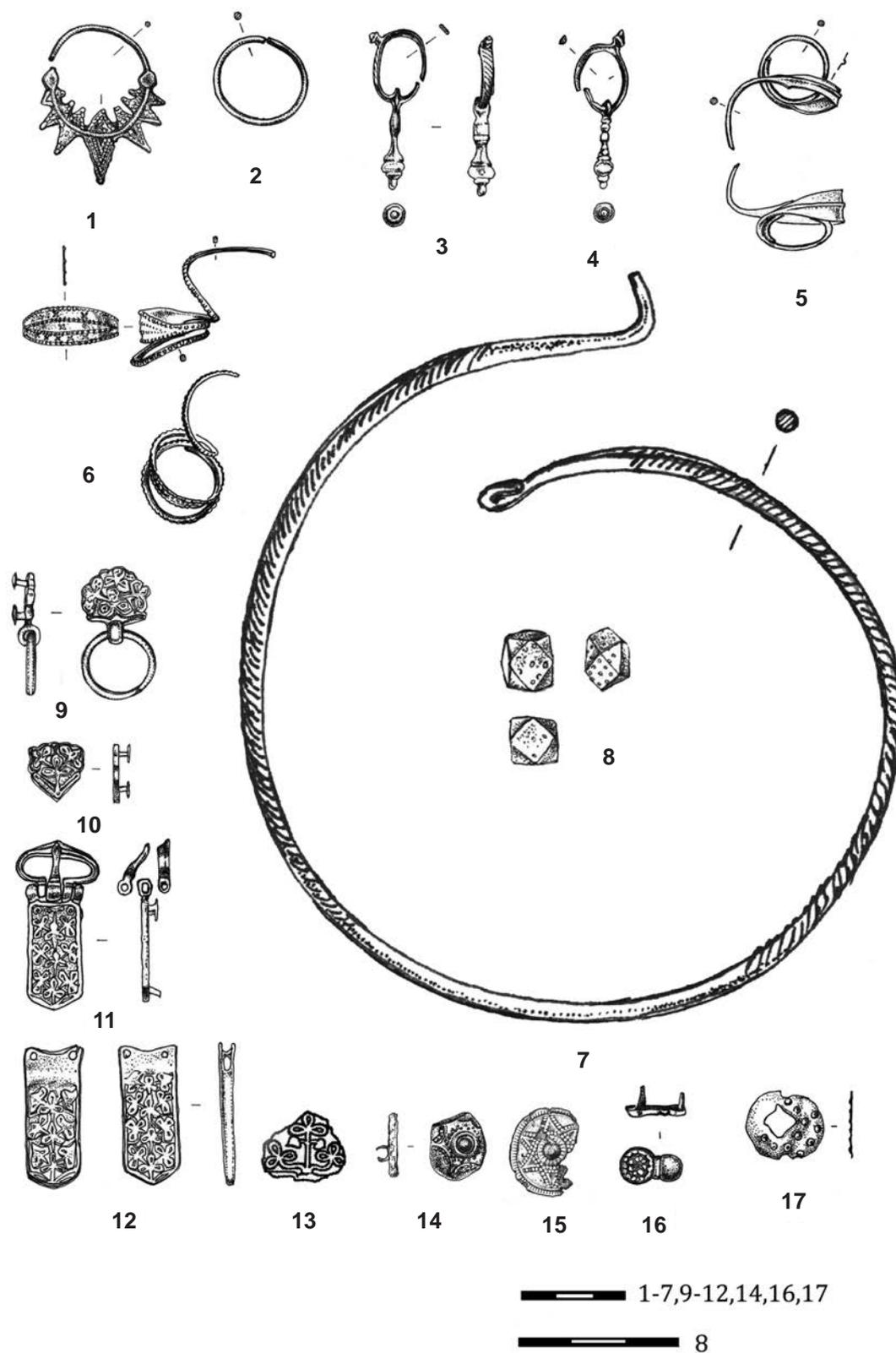

Рис. 2. Детали костюма и ременных наборов.

1-2 – кольца височные; 3-4 – серьги «салтовского» типа; 5-6 – «усатые» перстни; 7 – гривна; 8 – головка гривны; 9-10 – бляшки; 11 – пряжка; 12 – ременной наконечник; 13, 16 – бляшки ременные (16 – Верхне-Салтовский могильник (по: Фоякова, 2010); 14 – фрагмент уздечной (?) бляшки; 15 – уздечные бляшки из ладейно-камерного погребения Хедебю (по: Müller-Wille, 1976); 17 – накладка.

1-12, 16, 17 – серебро; 14 – серебро, свинцово-оловянный сплав.

5, 7 – без масштаба.

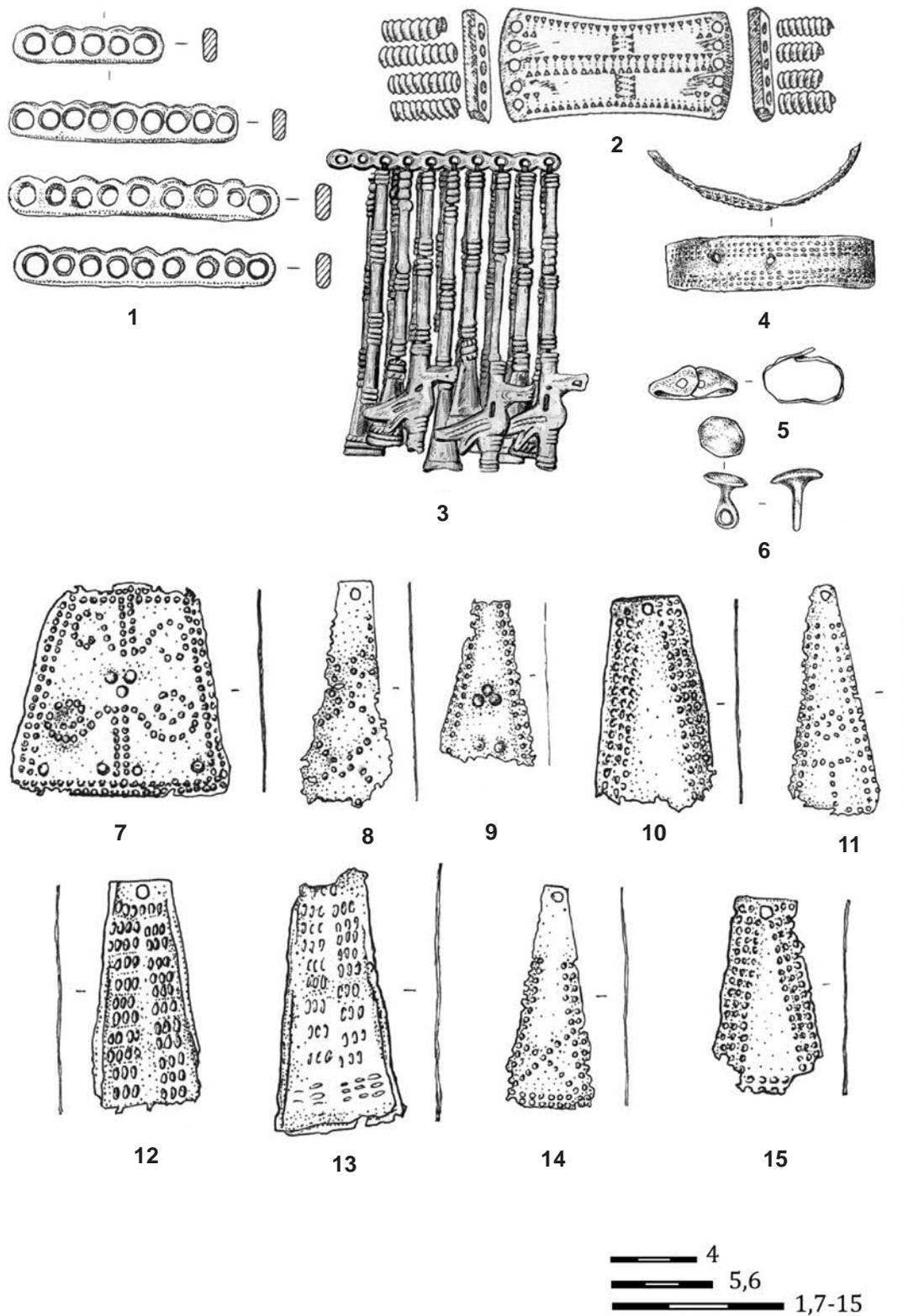
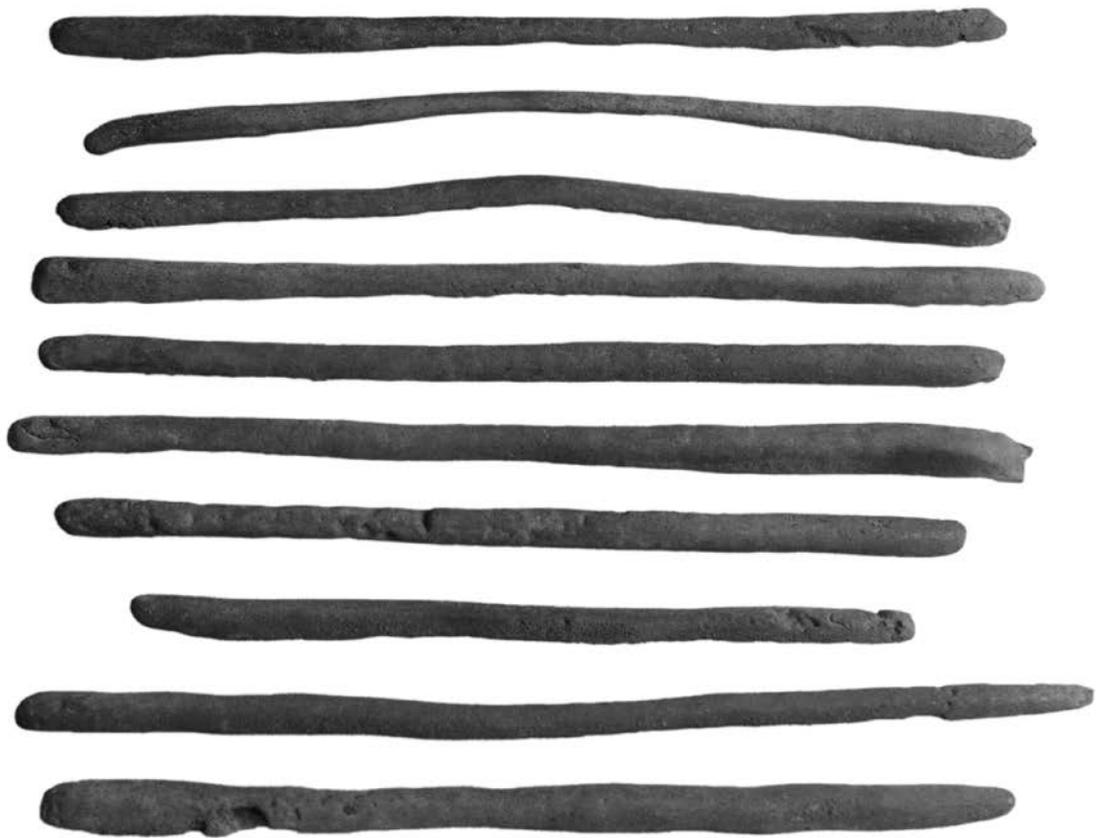
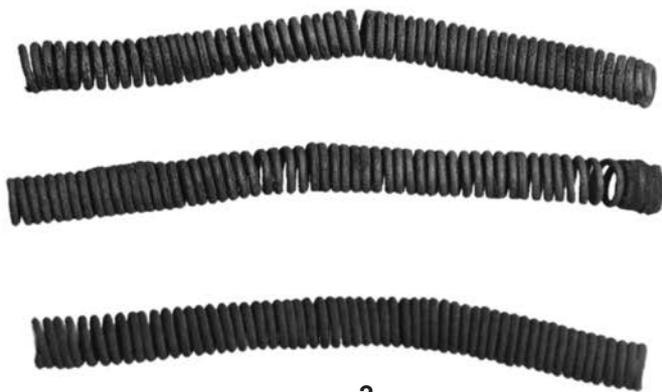

Рис. 4. Детали костюма орудий.
 1 – «разделители бус»; 2 – головной венчик с пластинами-разделителями. Литва. V-VI вв. (по: Vaškevičiūtė, 1992); 3 – зооморфное украшение. Ломоватовская культура. Агафоновский могильник. Конец VI-VII в. (по: Голдина, 1985); 4 – пластина – деталь головного венчика (?); 5 – обойма; 6 – пуговица;
 7-15 – трапециевидные подвески.
 1, 4-15 – медный сплав.
 2, 3 – без масштаба.

1

2

Рис. 6. Ювелирные слитки и спиральки.
1 - слитки; 2 - спиральки.

С.Ю. Каинов, С.С. Зозуля (ГИМ)

НАКЛАДКИ НА РУКОЯТИ МЕЧЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ГНЁЗДОВСКОГО И ПЕТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЕЙ)¹

Наши знания о материальной культуре прошлого сильно ограничены и во многом определяются современными или почерпнутыми из этнографии представлениями о назначении тех или иных предметов. Поэтому неудивительно, что среди той части «вещного мира» прошлых веков, которая обнаружена в ходе археологических раскопок, нередко встречаются предметы, чье назначение остается не ясным.

Одними из таких «неопределенных» предметов до недавнего времени были железные, украшенные инкрустацией, накладки треугольной формы, найденные при раскопках Гнёздовского и Петровского некрополей.

Первая накладка была обнаружена еще в XIX в. В.И. Сизовым на территории Гнёздовского могильника в Смоленской области. К сожалению, номер кургана, из которого происходит находка, точно установить не удалось. В работе С.С. Ширинского указано, что накладка была предположительно найдена в кургане Ц-62/Сиз-1896-97(?) (Ширинский, 1999. С. 109, 133. Рис. 19)². Но в «Дневнике раскопок курганов 1896 г...», составленном В.И. Сизовым, в инвентаре этого кургана, обозначенного под № 38, никаких железных накладок треугольной формы не упоминается (Гнёздовский могильник.,

1999. С. 65-66). Не указан этот предмет и среди инвентаря кургана № 38 в «Инвентаре вещей, найденных в раскопках близ Гнёздово. 1896 г.» (Гнёздовский могильник., 1999. С. 73³).

По форме накладка представляет собой сильно вытянутый треугольник (длина 44 мм, ширина основания 17 мм, толщина 3 мм) с закругленным верхним углом и немного вогнутыми длинными сторонами (рис. 1, 1; 2, 1). На нижней стороне (основании треугольника) расположен небольшой уступ. Фронтальная выпуклая поверхность пластинки покрыта параллельными канавками (плотность – около 30 канавок на 10 мм), в которые изначально была инкрустирована проволока из цветных металлов. В результате воздействия погребального костра проволока расплавилась. Сохранились только скрученный из двух проволочек (серебряной и медной?) жгутик, расположенный вдоль уступа, и незначительные участки инкрустированной поверхности в нижней части предмета (рис. 4, 2)⁴. Часть инкрустированной композиции была выполнена серебряной проволокой, что подтверждается анализом химического состава (Приложение 1, №№ 1-2)⁵. Основной мотив инкрустации реконструируется на основании разного цвета насеченной поверхности, хорошо

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ 14-01-18083 и 14-01-18025.

² В работе использован следующий порядок обозначения гнёздовских курганов - *курганный группа - номер кургана / исследователь - год исследований*. Нумерация курганов, раскопанных В.И. Сизовым, дана в соответствии с работой С.С. Ширинского (Ширинский, 1999).

³ Но в данном документе в составе инвентаря кургана упомянут «железный ключ», не отмеченный в «Дневнике раскопок». В музейном хранении накладка была найдена на одном планшете с вещами, происходящими из курганов, раскопанных в 1896-97 гг. В.И. Сизовым в Центральной группе, что, по всей видимости, и послужило основанием для отнесения этой находки к инвентарю одного из курганов, исследованных в эти годы.

⁴ Макрофотографии выполнены с помощью стереомикроскопа Carl Zeiss Stemi 2000C.

⁵ Анализы выполнены с помощью микрорентгенофлуоресцентного спектрометра Bruker M1 Mistral.

заметной в центральной части накладки. Инкрустация представляла собой расположенные вдоль длинных сторон обращенные вершинами друг к другу треугольники, между которыми находились ромбы.

Аналогичные предметы были выявлены в инвентаре кургана 38 Петровского могильника в Ярославской обл., раскопанного в 1962 г. экспедицией ГИМ под руководством М.В. Фехнер при непосредственном участии Н.Г. Недошивиной. Курган содержал погребение по обряду трупосожжения, где помимо двух накладок были найдены: головка навершия рукояти меча, фрагмент серединной боковой накладки на лук, фрагменты оковки днища колчана, обувной (?) шип, нож, фрагмент кубического замка, две весовые гирьки и фрагменты весов, ременные пряжка и 12 бляшек, фрагменты костяного гребня и двух роговых псалий, а также несколько плохо сохранившихся железных предметов (Рис.1, 2-3; 2, 2-3; вкл. III, 3) (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 127).

Авторы раскопок отмечали, что курган 38 по богатству и разнообразию погребального инвентаря выделяется на фоне остальных насыпей могильника, а по размерам он один из самых крупных (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 22-23). Еще одной отличительной чертой его погребального инвентаря являются находки деталей меча и других предметов вооружения (накладка сложносоставного лука⁶ и оковка колчана), а также элементов снаряжения верхового коня – псалии.

В общей сложности в Петровском могильнике известно 15 погребений с предметами вооружения⁷, представленными боевыми топорами и наконечниками стрел (от 1 до 3 экз.) (Зозуля, 2008). Причем топоры и наконечники стрел вместе в одном и том же захоронении не встречались. Таким образом, курган 38 относится к группе наиболее крупных, отличается богатством инвентаря, включающего уникальную для

могильника ситуацию сочетания нескольких категорий предметов вооружения, в том числе деталей меча.

Петровские накладки сохранились значительно хуже гнёздовской, тем не менее, их форма и наличие инкрустации в виде уступчатых ромбов и треугольников очевидны (рис. 1, 2; 2, 2). Как и в случае с находкой из Гнёздова, форма накладок из Петровского могильника представляет собой вытянутый треугольник (длина 51 мм, ширина основания 32 мм, толщина около 3 мм). Уступ в нижней части (основании треугольника), насколько это позволяет констатировать сохранность, отсутствует. Инкрустация на накладках выполнена в виде рисунка из уступчатых ромбов и треугольников. Плотность инкрустации – около 30 проволок на 10 мм. Анализ химического состава позволил определить, что при инкрустации использована серебряная и медная (сплав на основе меди) проволока (Приложение 1. №№ 3-4). Треугольные уступчатые фигуры выложены серебряной проволокой и оконтурены узкой полосой, заполненной медной (?) проволокой. Расположенные между треугольниками ромбы (в нижней части накладок) выложены жгутиками, свитыми из серебряной и медной (?) проволок (рис. 1, 2б). В верхней части накладок ромбы отсутствуют, треугольные фигуры заходят друг за друга (рис. 1, 2а). Орнаментальное сочетание узких уступчатых ромбов и треугольников, выложенных проволокой разного цвета, характерно для мечей типа V (например, Кирпичников, 1966. Табл. X, 1, 4; Kainov, 2012. Fig. 34).

Найденная в составе погребального инвентаря головка навершия меча относится к типу V по типологии Я. Петерсена (рис. 1, 3; 2, 3) (Петерсен 2005. С. 183-184). Обращают на себя внимание крупные размеры головки, в первую очередь ее ширина – около 8,5 см, что необычно для мечей этого типа. Этот показатель у мечей из других древнерусских могильников состав-

⁶ Часть инвентаря, включая фрагмент накладки сложносоставного лука, была обнаружена выше кострища, в насыпи кургана вместе с «небольшой грудой кальцинированных человеческих костей». Авторы раскопок были уверены в том, что «остатки сожжения частично захоронены в верхней части насыпи». Аналогичный обряд выявлен еще в десяти курганах Петровского могильника: «кости... оставались на кострище или их частично помещали в насыпь, когда та достигала около половины или двух третей своей высоты». В Петровском могильнике в семи курганах прослежено сочетание в одной насыпи трупосожжений на стороне и трупосожжений на месте (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 127). В Тимеревском могильнике, хронологически и территориально наиболее близком памятнике, лишь в 15% погребений по обряду трупосожжения на месте кости покойного (покойных?) выносились в верхнюю часть насыпи, тогда как при трупосожжения на стороне – в 41% погребений. При этом из 25 случаев сочетания обоих видов обряда в одной насыпи в 19 из них остатки обеих кремаций захоронены одновременно, в шести – «остатки сожжения на стороне оказались вводными в курганы с сожжениями на месте» (Недошвина, Фехнер, 1985. С. 105-106). Таким образом, с нашей точки зрения, нельзя все же отрицать возможность впускного захоронения в насыпи кургана 38.

⁷ Из 126 раскопанных в Петровском могильнике курганов.

лял 7-7,7 см. Ширина головки как у навершия из кургана 38 более характерна для мечей типа Т-2. Ряд мечей этого типа имеет аналогичную типу V орнаментацию поверхности деталей рукояти, поэтому однозначно отнести меч к типу V или Т-2 зачастую сложно. С нашей точки зрения, детали рукояти мечей типа Т-2 отличают от деталей типа V более крупные размеры, форма головки навершия с высокой средней частью, сильно профилированными боковыми частями, высоко выступающими над верхним краем центральной части головки, а также использование в орнаментации основания навершия и перекрестия ромбов и треугольников в горизонтальной развертке⁸. Исходя из формы боковых частей и невысокой центральной части, головку навершия из кургана 38 можно уверенно отнести к типу V.

Находка в погребении только отдельных деталей рукояти мечей, а также только части замка, псалиев без удил, с нашей точки зрения, следует объяснять особыми обрядовыми действиями, в результате которых не весь инвентарь, положенный с покойным на костер, попадал в погребение⁹.

Происхождение гнёздовской и петровских накладок из захоронений, совершенных по обряду трупосожжения, а также отсутствие известных аналогий этим находкам не позволяло сделать обоснованных предположений об их назначении. Но уже В.И. Сизов обратил внимание на поверхность гнёздовской накладки, покрытую «мелкими поперечными рубчиками, представляющими известного рода подготовку для заполнения промежутков серебром, не сохранившимся в данном случае от влияния огня» (Сизов, 1902. С. 47). Аналогичную «тонкость техники... узора» В.И. Сизов находил в том числе и на рукояти меча из Гнёздова (Сизов, 1902. С. 47).

Понять назначение, а также место и схему расположения рассматриваемых предметов помогает находка меча типа V в погребении 30 мо-

гильника Priekulu Gūgeru (Латвия), которое датируется началом XI в. (Tomsons, 2006. S. 17-19. Att. 10). На деревянных обкладках рукояти меча были расположены четыре (по две с каждой стороны) накладки, по форме и основному мотиву орнаментации идентичных гнёздовской и петровским накладкам (рис. 5, 1). Основания накладок обращены к перекрестию или навершию, а вершины – друг к другу, между ними в центре рукояти была навита серебряная проволока (ширина навивки 3 см) (Tomsons, 2006. S. 18).

Еще один меч, сохранивший треугольные накладки на рукояти и также относящийся к типу V, найден в погребении у деревни Errindlev (Дания) (Brøndsted, 1936. P. 183-186. Fig. 94) (рис. 5, 2). Захоронение мужчины сопровождалось погребением коня и собаки, а также богатым инвентарем, включавшем предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня (Brøndsted, 1936. P. 183-186. Fig. 93). В отличие от древнерусских и латвийской находок накладки из Дании изготовлены из серебряных пластинок, орнаментированных в технике скани двойными спиралями (рис. 5, 2a). На одной стороне рукояти меча сохранились обе накладки, на другой только одна.

Традиция украшения рукоятей мечей треугольными накладками нашла отражение и в более простых орнаментальных решениях. Так, треугольные фигуры, по расположению и форме совпадающие с описываемыми накладками, вырезаны на роговой обкладке рукояти меча типа V из Röstä (Швеция) (рис. 5, 3) (Paulsen, 1953. S. 37. Abb. 37). На мече из разрушенного погребения первой половины XI в. у деревни Suontaka Turvántö (Финляндия) аналогичные треугольные фигуры изображены на рукояти, целиком изготовленной из латуни (рис. 5, 4). Интересно отметить, что в центральной части рукояти этого меча отлито сферическое утолщение, отчасти напоминающее навитую проволоку на рукояти меча из Priekulu Gūgeru (Tomsons, 2006. S. 18-19). Как развитие орнаментальной

⁸ Этот признак встречается не всегда. Например, один из мечей, найденных у Днепровских порогов, исходя из морфологии навершия, уверенно относится к типу Т-2. При этом в орнаментации основания навершия и перекрестия использованы ромбы и треугольники только в вертикальной развертке (Кирпичников, 1966. С. 29. Рис. 4, 4).

⁹ Находки отдельных головок навершия свидетельствуют о непрочном закреплении этой детали на основании навершия. Двусоставные навершия мечей типа V (и части мечей типа Н) скреплялись с помощью U-образной скобы, впаянной во внутреннюю часть пустотелой головки навершия. Концы скобы проходили сквозь отверстия в основании навершия и расклепывались (Kainov, 2012. Fig. 3, Па). По всей видимости, непрочность спайки скобы и головки навершия и служила причиной того, что последние слетали с оснований наверший. Возможно, это происходило в результате воздействия погребального костра. В связи с этим следует отметить, что меч из Hammerstad (Норвегия), в том числе и на основании которого Я. Петерсен выделил в своей типологии особый тип 20, на самом деле является мечом типа V с отсутствующей головкой навершия (Петерсен, 2005. С. 201. Рис. 135).

композиции, отраженной на рукояти меча из Suontaka Turvääntö, можно рассматривать декор более поздних мечей из Kalvola-Pahnaimäki (Финляндия), Кекомäки (Карелия, Россия) и др. (Kivikoski, 1973. Taf. 132. Abb. 169; Кирпичников, Сакса, 2006)¹⁰.

Таким образом, приведенный круг аналогий позволяет утверждать, что гнездовская и петровские накладки являлись частью декора рукояти меча и изначально должны были располагаться попарно на двух сторонах хвата рукояти. В процессе бытования число накладок могло сокращаться, хотя меньшее количество их в погребении могло быть связано и с особенностями погребального обряда. Способ крепления накладок неясен. Возможно, с учетом немного наклонных боковых стенок, хорошо заметных у экземпляра из Гнёздово, деталь вставлялась в

пазы в заранее проделанное углубление в деревянных обкладках рукояти, по форме точно совпадающее с накладкой. Уступ на короткой стороне накладки мог служить для проволоочной обмотки, дополнительно крепящей накладку.

Примечательно, что накладки на рукоять встречены только с мечами типа V – Петровское, Priekulu Gūgeru, Errindlev¹¹, и то, что ornamentация части накладок повторяет ornamentацию поверхности деталей рукояти именно этого типа мечей (вкл. IV, рис. 6). Наиболее обоснованной датой появления этого типа мечей представляется вторая половина X в. (Андрощук, 2010. С. 81). Тем же временем можно определить и зарождение традиции украшения рукоятей мечей металлическими накладками треугольной формы, которая получила свое развитие в более поздний период.

Приложение 1. Результаты анализа химического состава накладок и навершия (номера анализов соответствуют номерам на рис. 4).

	Гнёздово № 1	Гнёздово № 2	Петровское № 3	Петровское № 4	Петровское № 5
Cu	2.11	2.78	70.74	1.63	1.91
Zn	-	-	0.54	-	-
Ag	96.22	95.88	27.77	97.92	97.61
Au	0.08	0.11	0.12	0.25	0.28
Pb	1.50	1.15	0.53	0.14	0.15
Bi	0.08	0.08	0.04	0.05	0.06

¹⁰ Возможно, что литые кольца, охватывающие рукоять с обеих сторон и оформленные треугольными выступами, представленные, например, на мече XI в. из Lough Derg (Ирландия), также возникли в результате развития традиции украшения рукояти треугольными накладками (Pierce, 2002. P. 140-141).

¹¹ Накладка из Гнёздово также могла быть в погребении с мечом типа V. Вполне возможно, что она происходит из разрушенного кургана, поэтому указание на принадлежность её определённому раскопанному В.И. Сизовым комплексу отсутствует.

S. Kainov, S. Zozulya

**PLATES ON THE SWORD HILTS
(BASED ON THE MATERIALS FROM EXCAVATIONS
OF THE GNEZDOVO AND THE PETROVSKY NECROPOLEIS)**

In the paper introduce into scientific use the new, previously undefined details of sword hilts, which were found in mounds of the Gnezdovo (the Smolensk region) and the Petrovsky (the Yaroslavl region) cemeteries of the Old Rus' state formation period. These details present the iron hilt plates of triangular form, encrusted by non-ferrous metal. The paper defines a range of analogies (both direct and remote) to

the Old Rus' hilt plates, originated from Latvia, Denmark, Sweden and Finland. They enable to determine the application of these hilt plates, installed in couples on both sides of a sword wooden hilt and performing solely decorative functions. There is an interesting connection between the hilt plates and the swords of type V (according to the typology of J. Petersen), date from the second half of the X century.

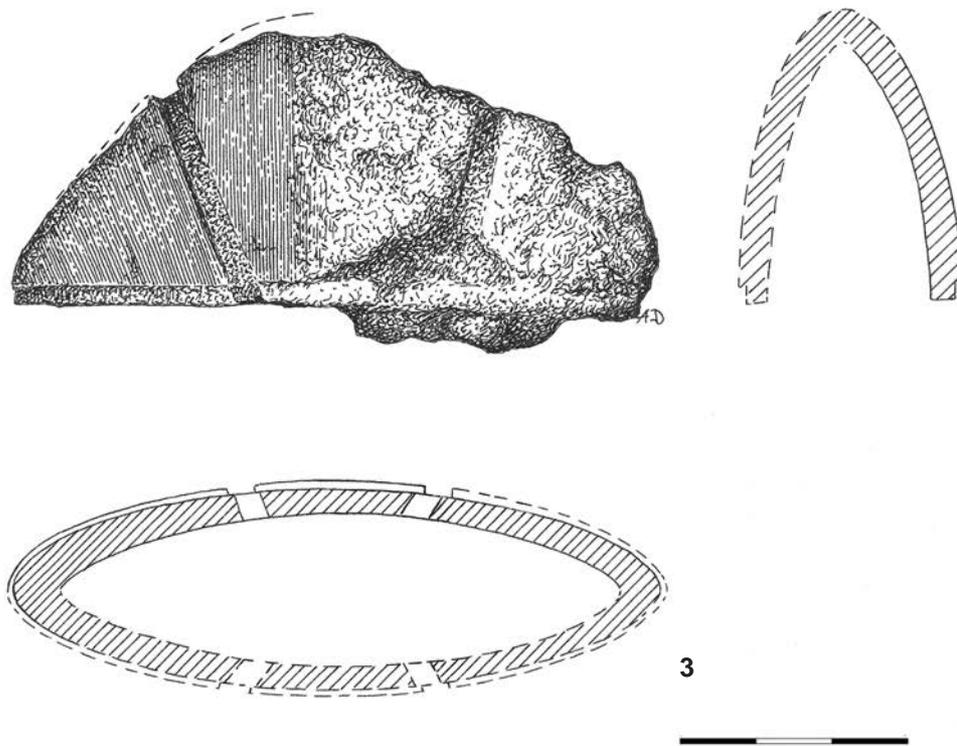
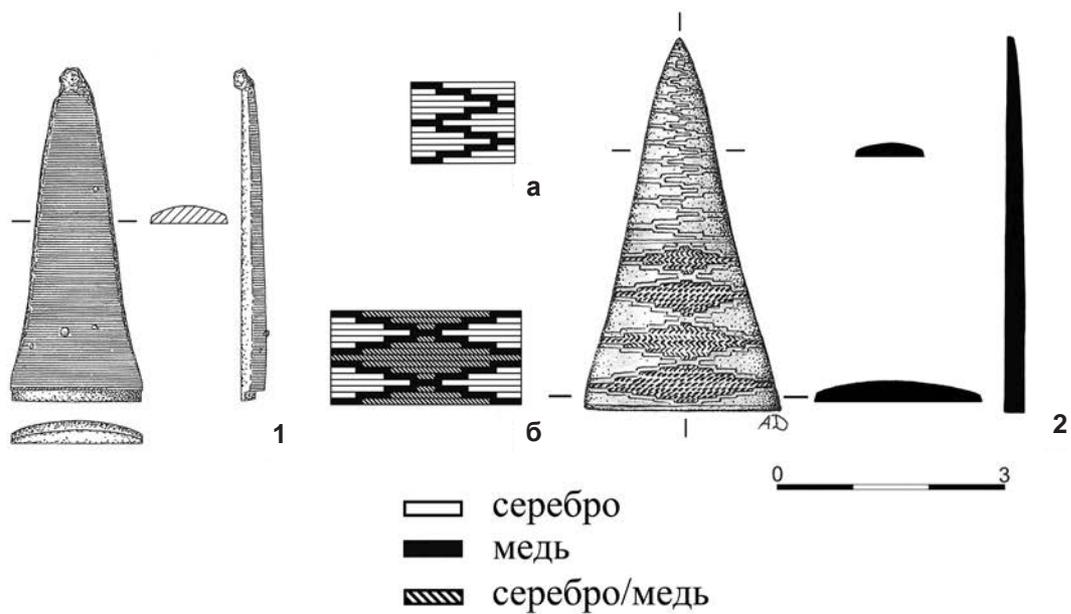

Рис. 1. Детали рукоятей мечей.
 1 – накладка на рукоять меча из Гнёздовского могильника; 2 – накладка (с элементами реконструкции) на рукоять меча из кургана № 38 Петровского могильника; а – схема инкрустации верхней части накладки, б – схема инкрустации нижней части накладки; 3 – головка навершия меча из кургана № 38 Петровского могильника. Рисунок А.С. Дементьевой.

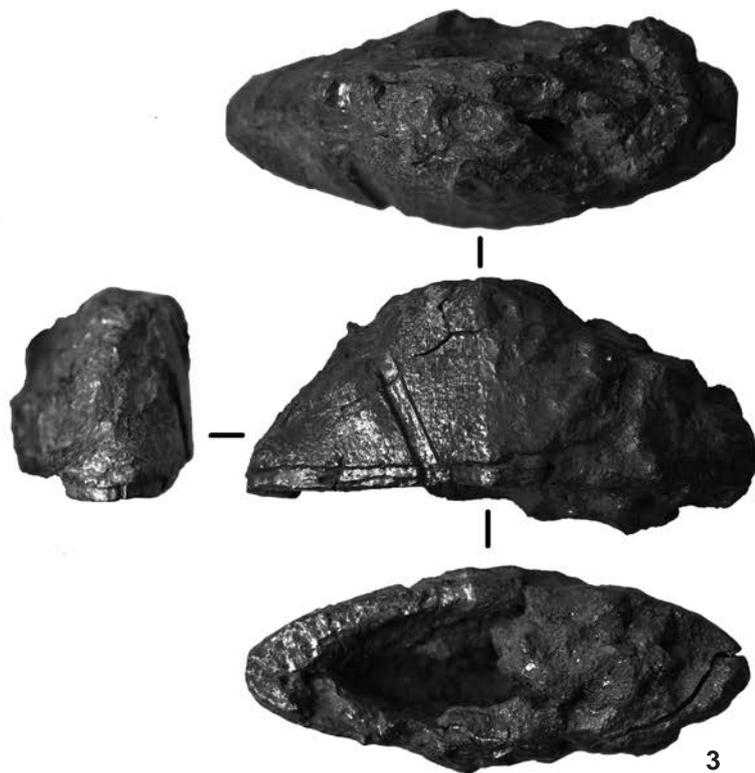
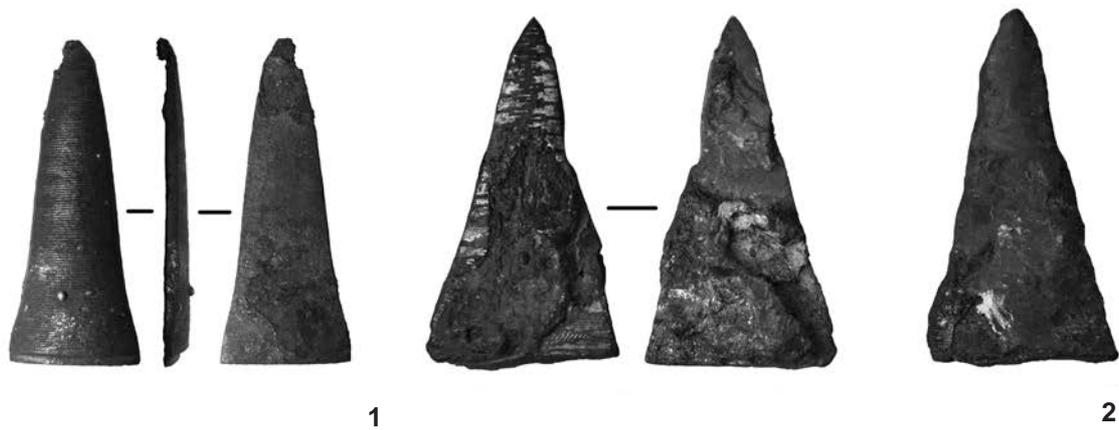

Рис. 2. Детали рукоятей мечей.
1 – накладка на рукоять меча из Гнёздовского могильника; 2 – накладки на рукоять меча из кургана № 38 Петровского могильника; 3 – головка навершия меча из кургана № 38 Петровского могильника.

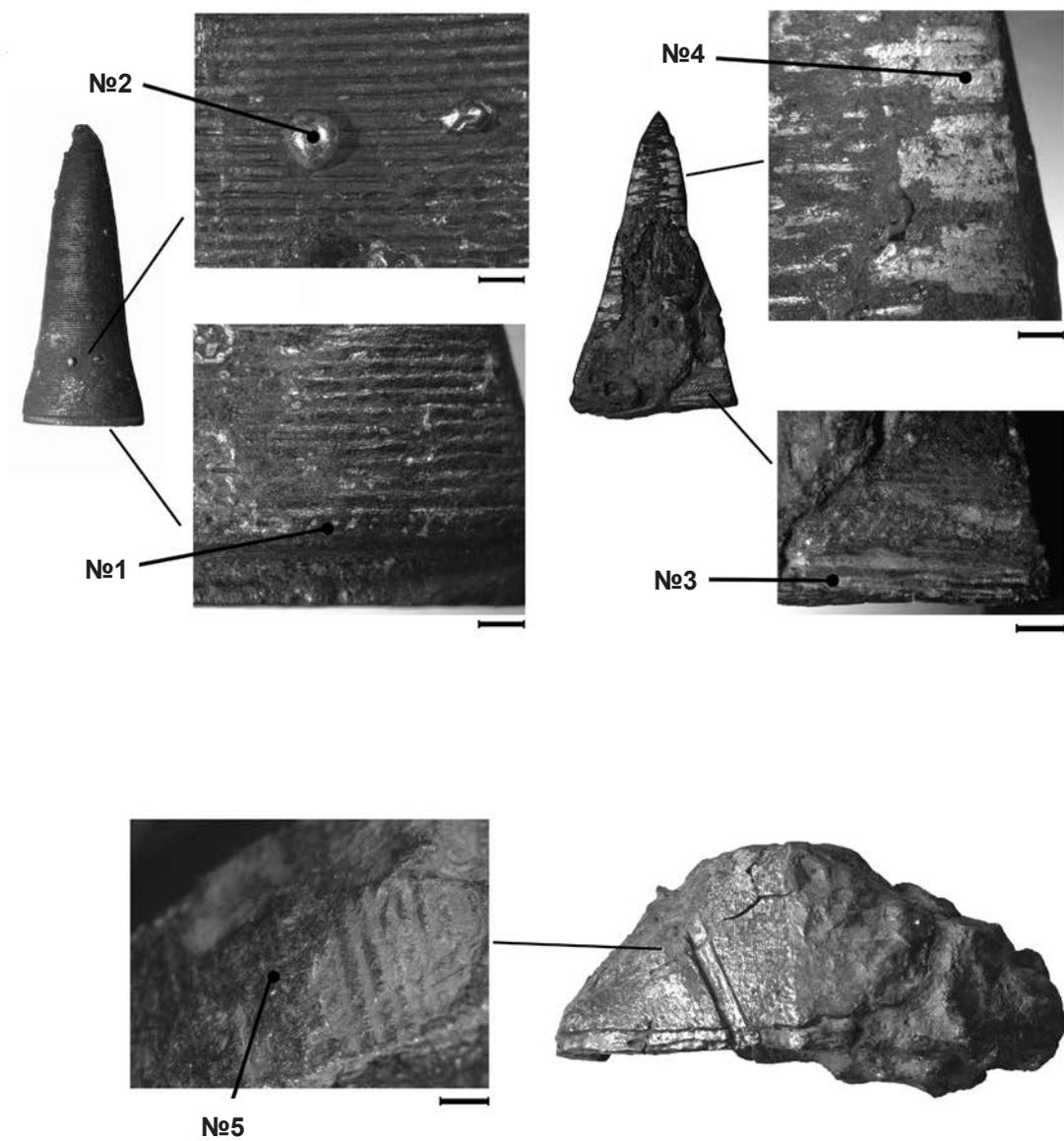

Рис. 4. Макросъемка поверхности накладок и головки навершия.
Номерами обозначены места взятия проб химического анализа (см. Приложение 1).

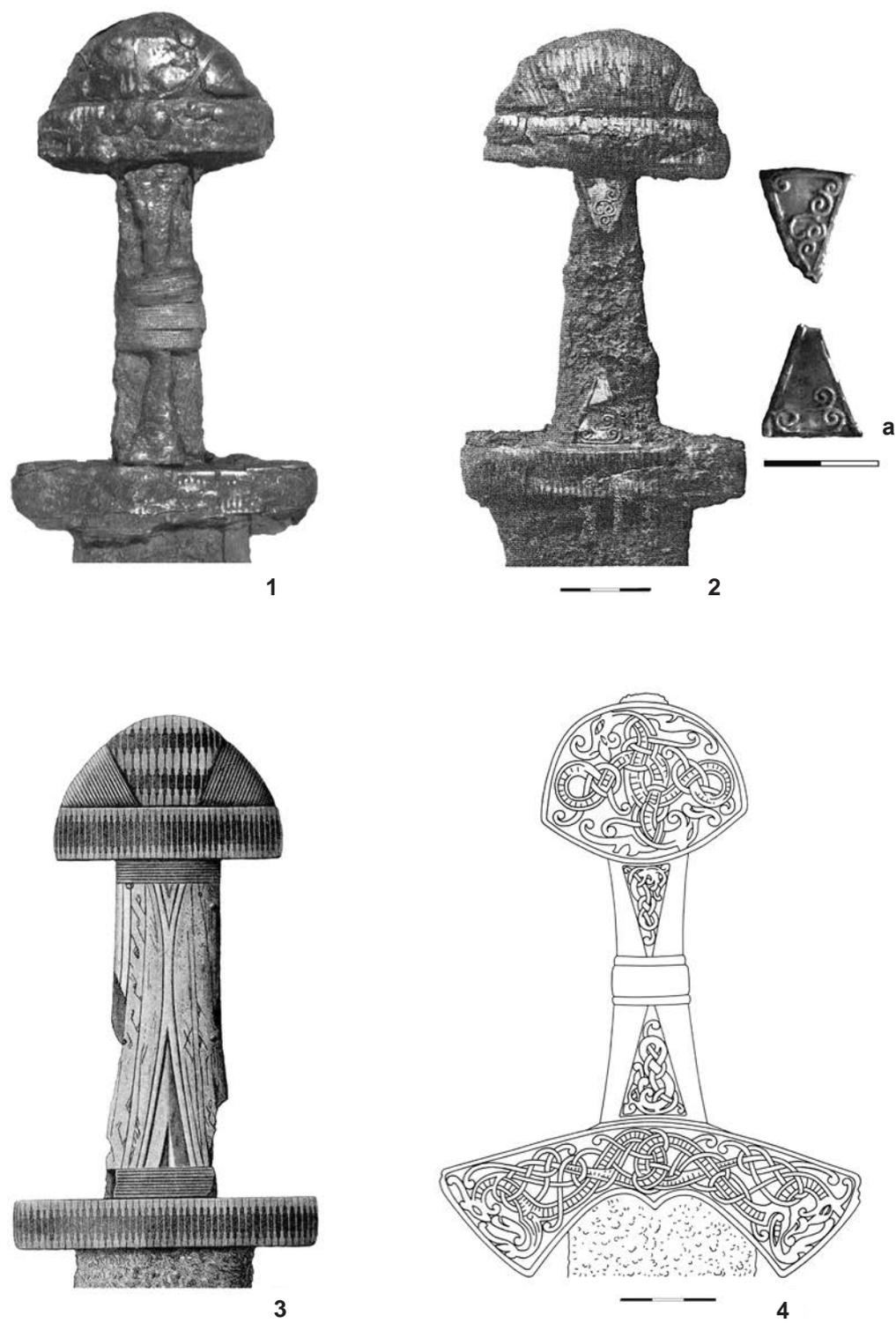

Рис. 5. Рукояти мечей с треугольными накладками на рукоять и их имитации.
 1 – Priekulu Gūgeru (Латвия); 2 – Errindle (Дания); 3 – Rōsta (Швеция); 4 – Suontaka Turvāntö (Финляндия).
 (1, 3 – без масштаба)

Е.В. Каменецкая

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ТОПОГРАФИИ ГНЁЗДОВА ПО КЕРАМИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ

Вопрос о хронологии Гнёздовского археологического комплекса, являющегося одним из крупнейших памятников эпохи сложения Древнерусского государства, вызывал споры и дискуссии, начиная со времени его открытия. В.И. Сизов отнес начало его возникновения к концу IX в. (Сизов, 1902. С. 4), Д.А. Авдусин – к началу X в. (Авдусин, 1991. С. 19), И.И. Ляпушкин – к началу IX в. (Ляпушкин, 1968. С. 116).

В последние годы наметилась тенденция к омоложению памятника, уточняются даты отдельных курганных комплексов. С.Ю. Каинов пришел к выводу, что возникновение Гнёздова нельзя датировать временем ранее начала X в. (Каинов, 2001. С. 62), объективно поддерживая датировку, на которой настаивал Д.А. Авдусин. Даже упорно отрицавший позднюю дату Гнёздова В.А. Булкин в совместном с К.В. Вешняковой исследовании гнёздовского поселения по материалам из раскопок И.И. Ляпушкина пишет, что «...пока неясно, когда именно возникла эта часть селища – в конце IX или в первой половине X в.» (Вешнякова, Булкин, 2001. С. 49).

В статье коллектива авторов, ведущих многолетние раскопки в Гнёздове, предложено принять сформулированное Ю.Э. Жарновым положение о делении материалов памятника на два условных периода: «раннее Гнёздово» (конец IX–первая половина X в.) и «позднее Гнёздово» (середина X–начало XI в.) (Жарнов, 1992. С. 18; Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 270). Такой подход снимает ряд спорных вопросов, касающихся хронологии памятника. Однако возникают, кажется, другие вопросы. Подавляющее количество материалов будет отнесено к

«позднему» периоду, исчезает период «расцвета Гнёздова», когда одновременно существовали все курганные группы. Этот этап сольется с периодом «затухания» памятника, то есть финального этапа Гнёздова. Сложнее будет рассматривать динамику развития отдельных частей поселения и курганных групп. Видимо, поэтому в коллективной статье упоминаются и четверти, и трети века.

В ряде работ основанием для определения дат служит самый массовый материал памятника – керамика¹. Некоторые исследователи ссылаются на датировки, которые предложены в диссертации 1977 года автора данной статьи. В ней выдвинут тезис о том, что гончарный круг появился в Гнёздове в «первой половине X в., вероятно, конце первой четверти этого столетия» (Каменецкая, 1977. С. 115). В выводах сделано более категоричное заключение – 20–30 гг. X в. При определении времени появления гончарного круга я опиралась на нумизматический материал как единственный в то время дающий некие абсолютные даты, естественно, с учетом его состояния, особенностей функционирования денежной системы и т.д. С этим не согласился специалист по погребальному обряду Гнёздова Ю.Э. Жарнов, полагавший, что использование круга начинается не ранее середины X в. (Жарнов, 1992. С. 18). Подход Ю.Э. Жарнова С.Ю. Каинов считает более обоснованным, при этом он признает, что вопрос о появлении круга решен не окончательно, и поэтому в настоящее время появление его в Гнёздове «по всей видимости, следует датировать в рамках второй четверти X в.» (Каинов, 2001. С. 60).

¹ Выражаю глубокую благодарность Наталье Германовне Недошивиной, которая в мои далекие студенческие годы предоставила мне возможность работать с гнёздовской коллекцией ГИМ.

Можно согласиться с тем, что предложенная мною дата появления в Гнёздове гончарного круга недостаточно обоснована. Но приняв тезис Ю.Э. Жарнова о середине X в. как времени появления гончарного круга, мы признаем, что он появляется в период «позднего» Гнёздова. Но что означает предложенная датировка? Это 40–60-е гг. X в.? Или середина X в. означает только 45–55-е гг.? То есть нужны некие согласованные между исследователями Гнёздова позиции.

Цель данной статьи – попытаться рассмотреть вопрос о возможности относительно датирования отдельных объектов Гнёздова на основании керамики с учетом новых материалов.

В уже упоминавшейся статье В.А. Булкина и К.В. Вешняковой отмечено, что предложенная И.И. Ляпушкиным датировка поселения, раскопанного в 1967 г., опирается, прежде всего, на лепную керамику с широкими хронологическими рамками бытования ее в пределах VIII–X вв., и, следовательно, лепная керамика сама по себе не может быть основанием для уточнения нижней даты памятника. Какие-то отправные точки может дать раннегончарная керамика (Вешнякова, Булкин, 2001. С. 49).

Накопившийся к настоящему времени материал позволяет вновь вернуться к вопросу о керамике Гнёздова как датирующему материалу. Принципиально новым является получение дендродат двух курганов и материалов из раскопок в пойме Днепра.

В данной работе рассматриваются несколько групп сосудов из курганов, раскопанных в 1949–1982 гг., которые в силу причин, о которых речь пойдет ниже, могут дать основу для хронологических выкладок. Для соответствующих хронологических сопоставлений привлекается материал поселения.

В группы объединены сосуды, изготовленные либо одним мастером, либо в одной мастерской и в относительно короткий промежуток времени. Признаки, по которым выделяются группы: пропорции сосуда, характер теста, тип и принцип расположения орнамента, особенности донцев, наличие клейм. В степени выраженности плеча, шейки, оформлении края венчика и других деталях, в том числе в орнаменте, могут быть различия. В одну группу объединяются сосуды разные по высоте, для обозначения которой использованы буквенные обозначения. Горшки высотой 16–27,5 см фиксируются буквой А; 12–15,5 см – буквой Б; 7,5–11,5 см – буквой В. Для

удобства восприятия материала и в связи с тем, что в данной работе не приводится вся типология гнёздовской керамики, предлагаю использовать словесные обозначения для групп сосудов.

I. Бочонковидные сосуды («моравский тип»). 9 сосудов (рис. 1, 1, 2, 3; 4, 2).

Цвет черепка красновато-серый, в тесте значительная примесь дресвы. Сосуды этой группы имеют округлое тулово, мягкий переход плеча в тулово, максимальное расширение находится на середине высоты сосуда или близко к ней; их можно назвать бочонковидными. Очень выразительно оформление венчика: он резко отогнут наружу, по краю среза проходит ложбинка, изнутри переход венчика в шейку почти вертикальный. Высота – 9–21,5 см, диаметр венчика – 8–20 см, стенки толще, чем у других сосудов, и составляют 0,7–1,2 см.

Орнамент в виде поясков линий и волн. Дно чаще ровное, с подсыпкой дресвы, на некоторых экземплярах прослежены широкие невысокие бортики. Характерен очень плавный переход стенки в донце внутри сосуда.

В Лесной курганной группе такая керамика найдена в курганах: 1, 23, 33 (А); к.1 (Б). В Центральной группе в курганах: 2 (А), 24 (Б), 2, 87 (В).

В фондах ГИМ хранится 1 сосуд, оп. В 1798/115.

Сосуды моравского типа встречены в курганах Л-33 и Ц-2 в сочетании с лепной керамикой с веревочным орнаментом, редким в курганном материале, но представленным на лепной керамике поселения. Курган Ц-2 неоднократно рассматривался в литературе. А.Н. Кирпичников и С.Ю. Каинов, анализируя меч из него и ссылаясь на устную консультацию Т.А. Пушкиной, считают, что наиболее вероятная дата кургана середина X в. (Кирпичников, Каинов, 2001. С. 70.)

Такие сосуды встречены только в Центральной (большие курганы) и Лесной (южная часть) курганных группах. Подобная керамика найдена и на поселении. При раскопках в пойме Днепра в яме 28, III этапа участка пойменной территории поселения, где в придонной части 47% составляет лепная керамика, есть «моравские» типы. Авторы публикации, опираясь на хронологические изыскания Я.В. Френкеля, датируют этот участок временем около 950-х гг. (Мурашева, Енисосова, Фетисов, 2007. С. 43, 71. Табл. 2).

В кургане Л-23 с сосудом этой группы найден дирхем, который датируется 904–905 гг.

Т.А. Пушкина вероятной датой этого кургана называет вторую четверть или второе–третье десятилетие X в. (Пушкина, 1991. С. 232).

Таким образом, эти сосуды могут рассматриваться как одни из первых круговых на данном памятнике. Предварительная датировка их 30–50 гг. X в. Видимо, в дальнейшем исследователям Гнёздово предстоит ответить на вопрос, почему рассматриваемая группа керамики слабо представлена в курганах, и проследить процесс эволюции этого типа в пределах одного памятника, проведя более тщательное сравнение курганного и поселенческого материала.

II. Сосуды с валиками. 53 сосуда (рис. 1, 4–8; 2, 1–4; 3, 1–4).

Цвет черепка красновато-коричневый, желтый. В тесте примесь дресвы, обжиг двух-трехслойный. Профиль эсовидный. Плечо выражено хорошо, находится в верхней трети сосуда. Отличительной особенностью этой группы является наличие одного-двух валиков при переходе шейки в плечо. Валики могут быть только слегка намечены или очень четко выделены. Преобладают венчики, по срезу которых проходит ложбинка. Встречаются венчики с двойным косым срезом в сочетании с ложбинкой. Высота сосудов от 8 до 26 см, преобладает высота 20–27 см. Диаметр венчика – 10–21 см. Толщина стенок – 0,5–1 см.

Орнамент – в виде поясков линий и волн, три раза использован зубчатый штамп, один раз округлые отпечатки, наносившиеся, вероятно, полой костью, и ромбические отпечатки по плечу. У сосуда из кургана Л-159 три почти вертикальных валика, верхний украшен зигзагообразными насечками. Донца имеют небольшие бортики и подсыпку некрупной дресвы. На них обнаружены клейма в виде свастики (2 экз.), свастики в прямоугольнике (2 экз.), креста в круге.

Такая керамика найдена в курганах Лесной группы: 29, 62, 73, 81, 84, 86, 98 (А), 81, 159 (Б); Центральной группы: 49, 142, 148, 274, 287, 393, 315 (А), 52, 53, 106, 160, 286, 309, 312, 315, 346 (Б), 148, 170, 266, 296, 306, 307, 312, 315 (В); Днепровской группы – 47 (А), 4, 11 (В); Правобережной Ольшанской группы – 21, 23 (А); 45 (Б); Ольшанской группы – 3 (В).

Эти сосуды встречаются достаточно часто, составляя около 16% из рассмотренных круговых сосудов. Относятся, судя по типу обряда (кремация) и инвентарю, к периоду «классического» Гнёздова. Найдены во всех курганных

группах, кроме Левобережной. Сочетаний с лепной керамикой не прослежено. Часты клейма в виде свастики, крестов.

Находок монет, связанных с этой группой сосудов, немного. В кургане 23, раскопки И.С. Абрамова, найден дирхем 913–943 гг. По находкам 14-гранных гирек и монет Т.А. Пушкина относит этот курган ко второй четверти или второму–третьему десятилетию X в. (Пушкина, 1991. С. 232).

Для двух курганов из Днепровской группы с сосудами из этой серии удалось установить дендродаты. По определению А.А. Карпухина (2001. С. 206) Дн-4 – 60–начало 70-х гг. X в.; Ц-306 – вторая половина 70-х гг. X в.

Оба кургана содержали камерные погребения. Определенная форма, клейма на донцах еще до получения дендродат позволяли относить эти сосуды ко второй половине X в. Выказывалось мнение, что мастер работал приблизительно четверть века (Лихтер, Щапова, 1991). Дендродаты, определенные для указанных курганов, 60–70-е гг. X в. Но А.А. Карпухин допускает, что в связи с небольшим количеством дендробразцов из Гнёздова возможны последующие небольшие корректировки этих определений (Карпухин, 2001. С. 206)

Таким образом, с учетом всех имеющихся материалов эту группу керамики пока можно датировать серединой 50-х–70 гг. X в. Так как она встречается в Гнёздове во всех курганных группах (кроме Левобережной), а также на поселении, можно с определенной уверенностью утверждать, что она была распространена в период расцвета Гнёздова в середине 50-х–70 гг. X в.

III. Сосуды с включением охры. «Охристые». 22 сосуда (рис. 1, 9–12; 4, 3, 4).

Цвет черепка белый, желтый, розоватый. Излом трехслойный, изнутри черный. Характерная особенность – наличие в тесте кроме дресвы естественных включений охры. Профиль эсовидный, максимальное расширение тулова в верхней трети сосуда. Край венчика косо срезан или округлен. Лишь один венчик с ложбинкой по краю среза и выемкой изнутри по краю. У некоторых венчиков верхний край немного расширяется, иногда имеются оттяжки края венчика вверх или вниз. Высота 10–23 см, диаметр венчика 9–20 см, толщина стенок 0,5–0,7 см.

Большинство сосудов не орнаментировано. На восьми экземплярах прослежен линейный, волнистый или линейно-волнистый орнамент, причем недостаточно ритмичный и четкий. Дно

с подсыпкой дресвы и небольшими бортиками. Обнаружено восемь клейм. Рисунки клейм – круг с двумя перекадинами и бугорком в центре (3 экз.); круг с перекадиной (2 экз.), плохая прорисовка; крест с четырьмя перекадинами, триквестр, ромб с четырьмя маленькими сквозными дырочками (одна внутри ромба и две за его пределами).

В Лесной курганной группе такая керамика найдена в курганах: 55, 57, 67, 68, 69, 136, 152, (А); 57, 62, 138 (Б); 2, 41, 66, 69 (В); в Центральной группе в курганах: 60, 67 (2 экз.), 78, 215 (2 экз.) (А); 56 (2 экз.), 60, 120 (Б); 57, 60, 62, 68 (В).

В фондах ГИМ хранятся 2 экз., опись В 1802/96 (А); В 1537/546 (В).

Пропорции сосудов, типы клейм на донцах сосудов этой группы имеют аналогии в городском материале XI в. Монеты в погребениях, содержащих эти формы, не встречены. Но особый интерес представляет клад дирхемов, найденный на территории Восточной части селища в 1973 г., младшая монета которого датируется 936–937 гг. Клад не полон, часть монет растащена при распашке. Монеты были помещены в сосуд вышеописанного типа (рис. 4, 3).

«Охристая» керамика найдена в курганах юго-западной части Центральной группы, там, где много погребений по обряду труположения в ямах. В их инвентаре можно отметить топоры. В Лесной группе керамика данной серии найдена на окраинах, в северной части. Хорошо представлена она и на поселении. Лишь в кургане Л-41 «охристая» керамика сочетается с лепной, но там и круговой сосуд необычный. Керамики такого типа нет в Днепровской, Ольшанской и Заольшанской курганных группах в Гнёздове. Можно предполагать, что это наиболее поздняя группа сосудов, но пока её можно датировать лишь второй половиной X в.

Использовать для относительного датирования можно керамику так называемого «среднеднепровского» («южного») типов второй половины X в., четко указывающую на южные контакты Гнёздова (Каменецкая, 1988. С. 259–261). Такая керамика представлена единичными экземплярами в погребениях с маловыразительным инвентарем. Найдена она и на поселении. Слой в пойменной части поселения, насыщенный «южной» керамикой, имеет дендродату 1002 г. (Мурашева, Авдусина, 2007. С. 24). Однако датировку этого типа керамики приходится расширить и удревнить, если учесть, что в яме 28, III этапа участка пойменной части поселе-

ния кроме 47% лепной керамики, сосудов «моравских» типов есть и фрагменты «среднеднепровской». Уже упоминалось о датировке этого участка временем около 950-х гг. (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 43, 71. Табл. 2). Таким образом, «среднеднепровскую», «южную», керамику в Гнёздове можно отнести к широкому диапазону: второй половине X–началу XI в.

Ориентиром для датировок Гнёздова может служить и керамика, найденная в небольшом количестве в курганах и на поселении, и относящаяся ко времени не ранее второй половины X в. Она достаточно четко свидетельствует о контактах с северо-западными территориями Руси, а также имеет аналогии в материалах южнобалтийских славян (Каменецкая, 1998. С. 132–133; Горюнова, 2005. С. 120–121). Некоторые хронологические особенности появления в Гнёздове данной керамики подтверждаются сделанными Т.А. Пушкиной наблюдениями за функционированием здесь монетных поступлений. Ссылаясь на работы В.М. Потина, исследователь отмечает, что западноевропейские денарии начали проникать на Русь в 60–70-х гг. X в. и большинство находок западноевропейских монет происходит с северных территорий Руси. Оттуда они постепенно, в основном, через Новгород, проникали на юг, в частности, на земли Смоленского Поднепровья (Пушкина, 1999. С. 415).

Следует отметить, что в уже упоминавшейся публикации гнёздовских материалов приведен рисунок фрагментов керамики из очага 2, обнаруженной при раскопках в пойме Днепра (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 69. Рис. 52). Здесь представлены два фрагмента венчиков поздних этапов Гнёздова, возможно, один из них «южный». Третий фрагмент является свидетельством северо-западных влияний в Гнёздове. Очаг, датированный по методике Я.В. Френкеля, был сооружен и функционировал в последней четверти X в. Таким образом, керамика северо-западных типов, практически отсутствующая в курганах, но представленная на поселении, может быть индикатором поздних этапов Гнёздова.

Материал для датирования по керамике в Гнёздове постепенно накапливается. В 2001 г. на территории Восточного селища был найден денежно-вещевой клад, младшая монета которого (дирхем) относится к 953/954 гг. Вещи находились в невысоком сосуде эсовидной формы, украшенном однорядной волной и слабо прочерченными линиями по тулову (Пушкина,

Мурашева, Ениосова, 2012. Рис. 1)². Такая керамика обычна для Гнёздова, особенно для поселения второй половины X в. Эта находка наряду с кладом 1973 г., также помещенным в сосуд, позволяет поставить вопрос о возможности датирования по монетам. Монеты конца 40-х–начала 60-х гг. X в. сконцентрированы в семи кладах (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 267), то есть для сокрытия этих кладов в данный период возникли определенные причины. Можно ли датировать этими монетами соответствующие сосуды? Думаю, да, но необходима дальнейшая проработка материала, в том числе вещевого.

Решение проблемы о смене лепной керамики круговой в Гнёздове важно как для этнокультурных наблюдений, так и для хронологических выкладок.

Интересен в этом отношении керамический комплекс кургана Л-13, раскопанного в 1949 г. Интерес исследователей к этому кургану связан в значительной мере с находкой в нем амфоры с надписью. В первых публикациях материалов Д.А. Авдусин отнес это погребение к первой четверти X в. (Авдусин, 1952. С. 321). Позже появились его статьи с более поздней датой – середина X в. (Авдусин, 1970. С. 113). Младшая монета в кургане, дирхем, датируется 907/908 гг.

Т.А. Пушкина в одной из статей, посвященной торговому инвентарю Смоленского Поднепровья, датировала Л-13 первой четвертью X в., а скорее всего, вторым десятилетием X в. (Пушкина, 1991. С. 232). В.С. Нефедов, анализируя надпись на амфоре из кургана Л-13 и проведя работу по синхронизации его материалов с рядом категорий предметов (бусы, гребни и др.) из Старой Ладogi, имеющей дендродаты, отнес этот курган ко второй четверти–середине X в., а, скорее всего, ко времени не ранее 930-х годов. (Нефедов, 2001. С. 64). Керамический комплекс этого кургана: круговая привозная амфора с надписью, кувшинчик из Северного Причерноморья, три лепных сосуда. На один из лепных сосудов следует обратить особое внимание. Он украшен по плечикам зигзагообразным орнаментом между двумя параллельными линиями (рис. 4, 1). Здесь весьма вероятно подражание круговому линейно-волнистому орнаменту. То есть во временной отрезок примерно между 30–50 гг. гончарный круг в Гнёздове, скорее всего, уже известен.

Раскопки поселения в пойме правого берега Днепра с хорошо прослеживаемой стратигра-

фией и датировкой, проведенной Я.В. Френкелем на основе анализа находок бус с опорой на дендродаты Старой Ладogi, показали, что между 30–50-ми гг. X в. круговая керамика в Гнёздове уже появилась, но лепная еще присутствует и в нижних слоях даже преобладает (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 71).

Откуда и когда появился гончарный круг в Гнёздове? Этот вопрос еще нуждается в решении. Однако некоторые предположения высказать можно. Многолетние исследования курганов и селища показали, что лепная керамика составляет примерно 10% от всего керамического материала. Более раннее по отношению к круговой бытование лепной керамики не требует доказательств. Стратиграфия поселения, хотя и нарушенная на ряде участков, дает картину постепенного вытеснения лепной керамики круговой, но лепные сосуды сосуществуют с круговыми достаточно долго.

Лепная керамика Гнёздова несет следы южнославянских влияний, то есть взаимодействия с культурой роменского типа, что проявляется в наличии веревочного орнамента, сковородок, включении примесей шамота в некоторые лепные горшки (Каменецкая, 1977. С. 134). О.Л. Шарганова на основе изучения технологии изготовления керамики также отмечает южные традиции в лепной керамике Смоленского Поднепровья, а именно в Гнёздове, Новоселках и длинных курганах Слободы Глушицы (Шарганова, 2007. С. 284, 289). Лепная керамика Гнёздова нуждается в дальнейшем изучении, тем более что раскопки поселения в последние годы позволили накопить огромный материал.

Считаю возможным допустить, что некоторые лепные сосуды в курганах были изготовлены специально для ритуала погребения, хотя использовалась и обычная посуда. Специально могли быть изготовлены сосуды, предположительно, из курганов Л-13, Л-35, Л-77, Л-113. Основание для таких выводов – слабая механическая прочность, редкие или нестандартные формы сосудов. Скорее всего, в южной части Лесной группы производились погребения первой волны купцов-воинов, осваивавших Днепровский путь. Они могли двигаться с юга, что подтверждает материал кургана Л-13; с севера, о чем свидетельствует сосуд с загнутым внутрь верхним краем из кургана Л-77; с северо-запада, подтверждение чему ребристый сосуд из кургана Л-113. Такая керамика описана в одной

² См. статью С.А. Авдусиной в настоящем сборнике, рис. 1 (прим. ред.).

из моих статей (Каменецкая, 1998. С. 126-130. Рис. 1, 2, 3; 3, 1-3; 4, 2-4).

Указанные погребения произведены на территории, где круговой керамики еще не было. Для совершения обряда погребения могли специально делать высокие горшки или лепить привычные формы сосудов. Аргументы в пользу такого предположения следующие: на лепной курганной керамике редок веревочный орнамент, хотя керамика с таким орнаментом неплохо представлена на поселении. Возможно, первые появившиеся в Гнёздове воины-купцы имели дело с поселенцами на городище. Именно там в лепной керамике особенно много архаики. На Западном селище в раскопках И.И. Ляпушкина лепной керамики с веревочным орнаментом уже больше, есть и лепные сковородки. Этап появления круговой керамики фиксируется в курганах Л-1, Л-33, Ц-2, Ц-24, где моравский тип сосудов сочетается с лепной керамикой.

Вероятно, мастера, владевшие технологией производства глиняных сосудов на гончарном круге, появились в Гнёздове не позднее 30–50-х гг. X в. в результате нескольких притоков населения. Они изготавливали так называемые «моравские» сосуды, связанные с юго-западной волной переселенцев, возможно, отдельных ремесленников первой половины X в. – времени активизации Днепровского пути. Вторую волну маркируют эсвидные горшки с преобладанием линейно-волнистого орнамента и клеймами. Эта линия хорошо увязывается с западными славянскими регионами. Причем аналогии прослеживаются в форме, орнаменте, типе клейм, в том числе и в виде солярных знаков. Орнаменты в виде отпечатков зубчатого штампа, решетки, круглого штампа являются локальными по времени бытования и распространения. Они прослежены во всех курганных группах Гнёздова. Появившись не позднее начала второй трети X в., они бытовали, по крайней мере, до конца 70-х.

Следует иметь в виду, что на определенном этапе развития Гнёздова по мере роста поселения возрастает и потребность в гончарной продукции. Поэтому типы сосудов могут быть обусловлены не только изготовлением

их в определенный хронологический период, но и наличием нескольких мастерских. В гнёздовской коллекции выявлена группа сосудов, сделанных, как представляется, одним мастером (Каменецкая, 2001. С. 107-113). Это позволяет уточнить микротопографию памятника, выявив одновременные насыпи.

Изучение керамического материала приводит к следующим выводам. Наиболее ранние насыпи в Гнёздове расположены в южной части Лесной группы. Далее прослеживается рост Лесной группы в течение всего периода функционирования могильника. Затем возникают большие курганы в Центральной группе. Лесная и Центральная группы начинают функционировать параллельно. При этом Лесная группа распространяется на В, С-В, С; Центральная – на Ю-З. В Центральной группе самые молодые курганы расположены на юго-западе, к югу от железной дороги, а в Лесной группе на северной окраине. Синхронными являются курганные группы Ольшанская, Правобережная Ольшанская (Заольшанская) и Днепровская. Параллели обряду, инвентарю и керамике этих групп есть также в Лесной и Центральной группах. Но Ольшанская, Правобережная Ольшанская (Заольшанская) и Днепровская группы возникли позже и перестали функционировать раньше, время их расцвета приходится на период расцвета Гнёздова. В них нет лепной керамики, круговой моравских типов, охристых сосудов, а также среднеднепровских групп керамики.

Подводя итоги, следует заметить, что вопрос о хронологии Гнёздова, особенно абсолютных датах отдельных погребений и участков поселения, не может считаться окончательно решенным. Однако представляется целесообразным рассматривать гнёздовские материалы в рамках относительной хронологии с целью выявления тенденций развития памятника. Дальнейшее накопление материала, увеличение количества дендродат особенно на участках поселения с сохранившейся стратиграфией, решение вопроса о соотношении методов датирования по монетам и данным дендрохронологии позволит уточнить хронологию памятника.

E. Kamenetskaya

**ON THE ISSUE OF CHRONOLOGY AND TOPOGRAPHY
OF THE GNEZDOVO COMPLEX ACCORDING
TO THE CERAMIC MATERIAL**

The Gnezdovo archaeological complex is one of the most prominent sites of the Old Rus' state formation period. For more than 100 years, the chronology of the Gnezdovo complex provokes debates and discussions. Ceramics is often used as a chronological and ethnic indicator for it.

This paper describes four rather similar groups of clay pots that could be dated with the help of found coins and dendrodate. Craftsmen, who could make clay pots using potter's wheel, emerged in the

Gnezdovo not later than the thirties–the fifties of the X century as a result of several population inflow on the territory along the Dnieper stream in the area of Smolensk.

The problem of the Gnezdovo dating, especially concerning the precise dates of individual burials and settlements plots is still challenging. Thus, it seems appropriate to examine the Gnezdovo findings in terms of the relative chronology, aiming to find a tendency in the Gnezdovo complex evolution.

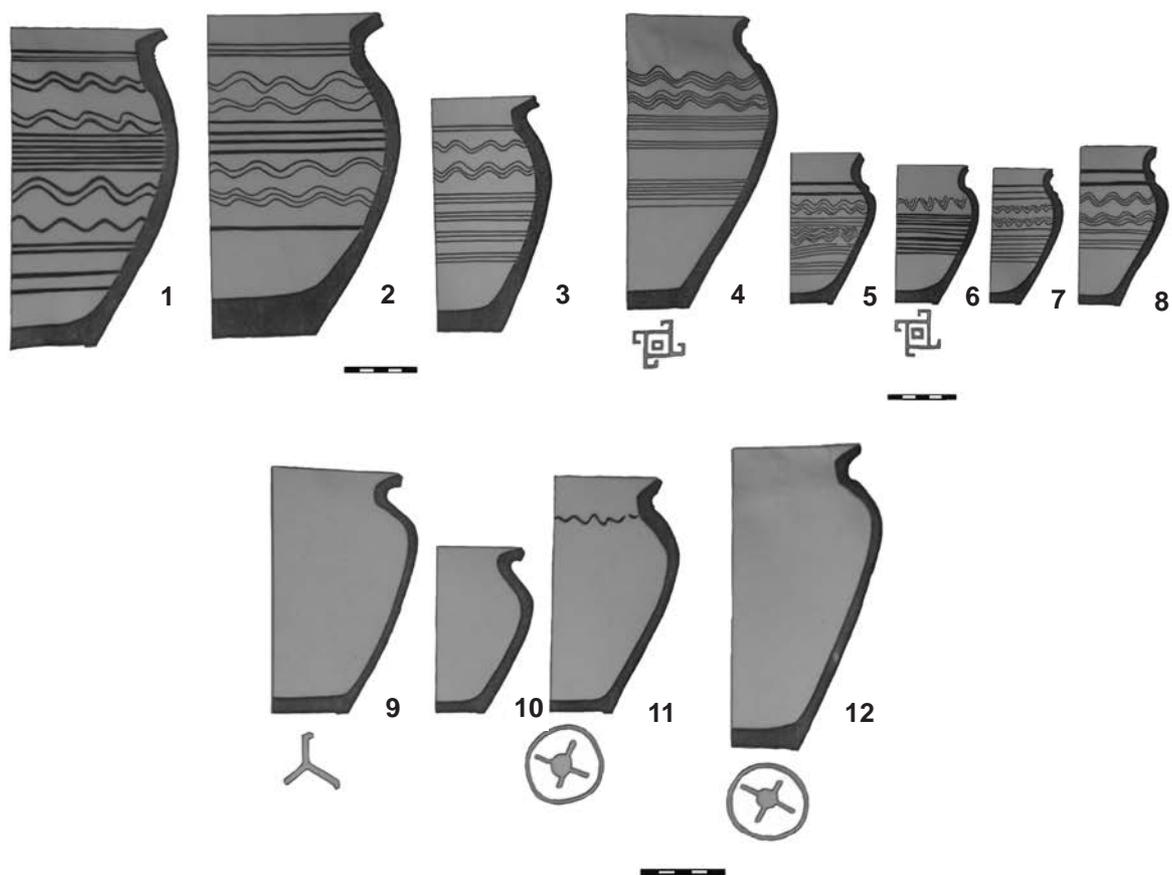

Рис. 1. Типы сосудов.

1-3 – бочонковидные; 4-8 – с валиками; 9-12 – «охристые».

1 – ГИМ, оп. В 1798/115; 2 – Ц-2; 3 – Л-33; 4 – Л-86; 5 – Польш-45; 6 – ГИМ, оп. В1537/1605; 7 – ГИМ, оп. В1537/1636; 8 – К. 23 И.С. Абрамов; 9 – Л-57; 10 – Ц-66; 11 – Л-138; 12 – Ц-67.

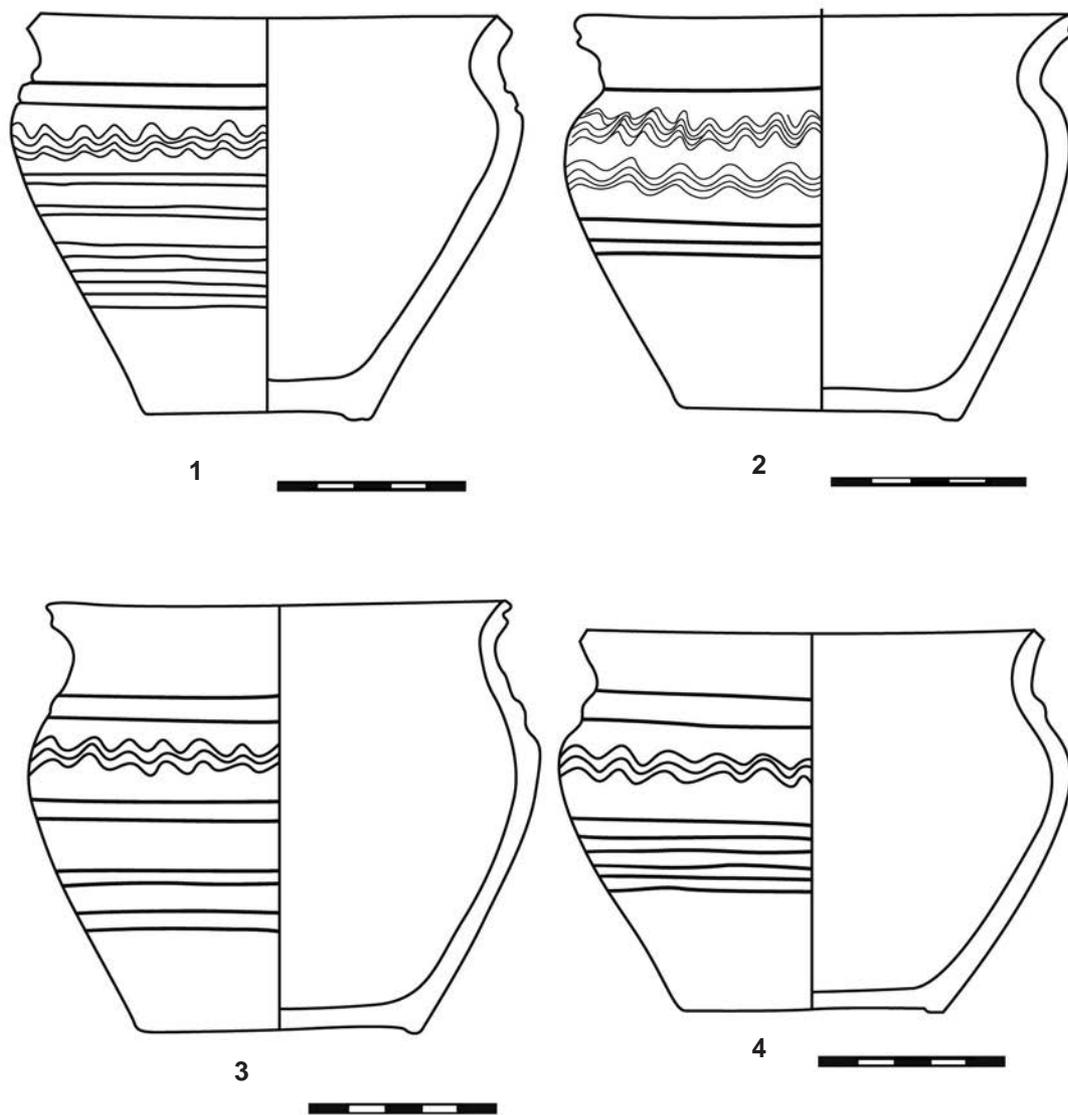

Рис. 2. Сосуды из комплексов с дендродами.
1 - Ц-170; 2 - Ц-306; 3 - Дн-4; 4 - Дн-11.

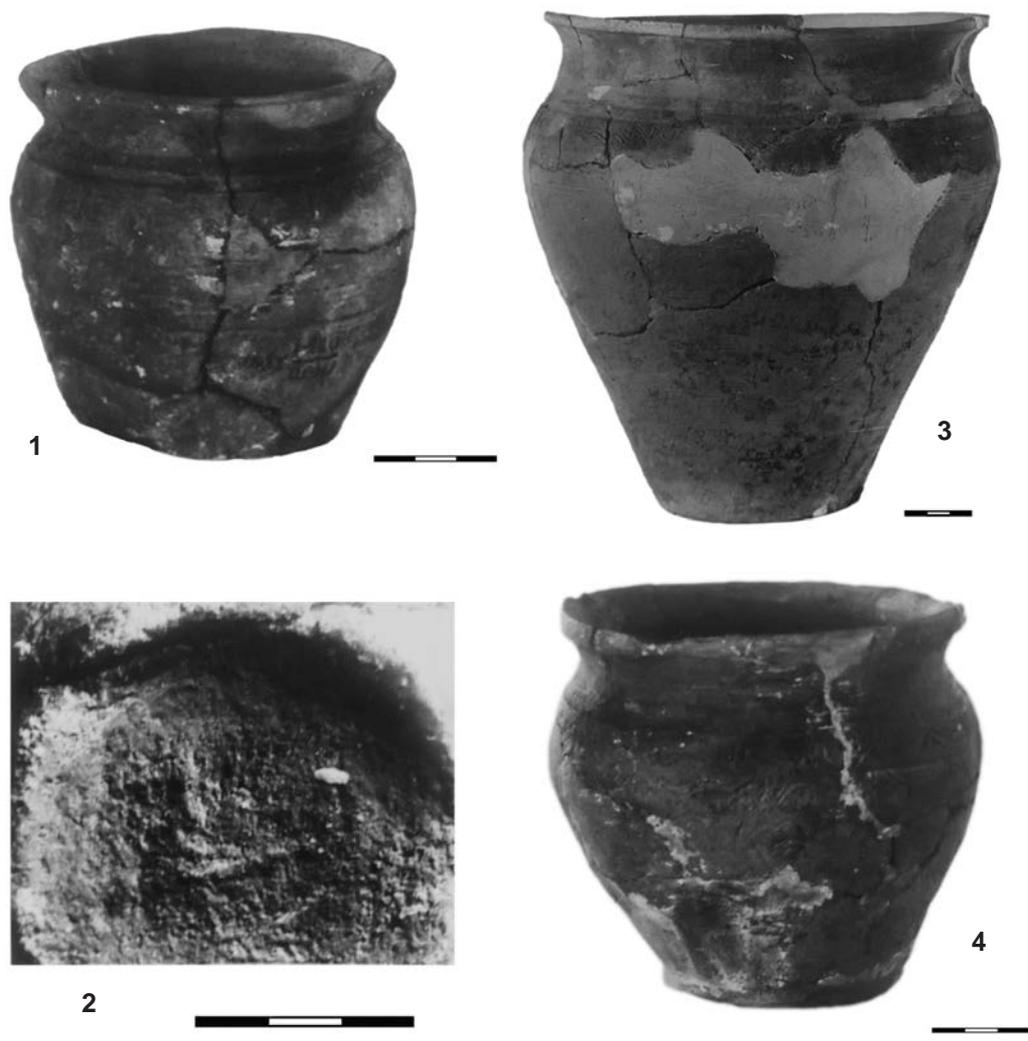

Рис. 3. Сосуды из комплексов с дендродами.
1-2 - Оль-3; 3 - Л-29; 4 - Л-81.

Рис. 4. Отдельные формы сосудов.
1 - Л-13; 2 - Л-1; 3 - клад 1973 г.; 4 - Л-57.

Т.А. Пушкина
(МГУ им. М.В. Ломоносова)

«МЕРЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ» В ГНЁЗДОВСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ

В 1874 году начались раскопки знаменитого ныне Гнёздовского могильника, расположенного на окраине современного Смоленска. Публикация результатов исследования всего 14 курганов, вышедшая в трудах МАО почти семью годами позже, совпала по времени с началом относительно планомерных раскопок этого памятника (Авдусин, 1999. С. 13). Краткий дневник раскопок был опубликован автором в одном из выпусков трудов МАО, а материалы раскопанных М.Ф. Кусцинским курганов вошли в Указатели РИМ и монографию В.И. Сизова, обобщившую результаты изучения Гнёздовских курганов на начало XX в. (Кусцинский, 1881; Указатель., 1883. № 195-198; 1893. № 35-38; Сизов, 1902. С. 80. Рис. 26).

Среди раскопанных первым исследователем Гнёздова курганов до сих пор только один привлекал к себе особое внимание¹. Наибольшую известность получил курган № 15 (номер по отчету автора), из которого происходят меч, наконечник копья, шейная железная гривна, несколько мелких предметов и три наполненные пережженными костями урны (Кусцинский, 1881. С. 5-6). находка железной гривны и особое расположение оружия в этом погребении неоднократно привлекались и привлекаются различными авторами для иллюстрации практики в Гнёздове скандинавского погребального обряда; форма и орнаментация наконечника копья – для обоснования той или иной точки зрения на нижнюю дату могильника (Каинов, 2001). И хотя вопрос о времени возникновения Гнёздовского поселения остается по-прежнему

му злободневным, названный комплекс с точки зрения этнических характеристик обряда и хронологии памятника сейчас не вызывает особого интереса.

Почти незамеченным остался другой из раскопанных М.Ф. Кусцинским курганов – № 14, материалы которого оказываются не менее интересными². Первым и практически единственным автором, обратившим внимание на этот комплекс, стал В.И. Сизов (1902. С. 60-61, 80-81). находки кургана кратко упомянуты в Каталоге собрания графа А.С. Уварова (Каталог., 1907. С. 64, 67).

В материалах курганных древностей Смоленского Поднепровья и насчитывающей почти 20 тысяч предметов гнёздовской коллекции находки кургана № 14 занимают особенное место. Этому есть две причины: сам состав и характер немногочисленных находок этого погребения, и определенная особенность погребального обряда и связанная с ним сохранность вещей.

Из отчета М.Ф. Кусцинского следует, что раскопанный курган имел окружность 43 аршина и высоту 4 аршина, сожженные кости найдены без горшка; «на них: бронзовая лампа и три бронзовых украшения с привесками из цепей, оканчивающихся бронзовыми лапками (утиными?), у которых сохранились кусочки ткани» (Кусцинский, 1881). Из этой записи трудно понять, как располагались сожженные кости и в каком порядке лежали вещи, можно лишь предполагать, что остатки сожжения находились в основании насыпи, на горизонте. Начнем с состава находок.

¹ В Указателях РИМ номера курганов, раскопанных М.Ф. Кусцинским, были произвольно изменены. Здесь и далее номера даны в соответствии с опубликованными дневниками.

² находки хранятся в ГИМ: отдел археологических памятников, инв. 80145, опись В 1071, № 73-76.

Металлическая лампа в виде женской головки, повернутой лицом вверх: длина 16,5 см, высота 6,5 см, толщина стенок 1,5-2 мм. Лампа отлита из желтовато-золотистого сплава (латунь?), имеет потертости и следы ремонта. Волосы и глаза дополнительно проработаны гравировкой, на левой стороне носа – маленькая вставка из бирюзы. Подобные находки на территории Европы пока неизвестны. На основе стилистических особенностей изображения В.И. Сизов отнес лампу к произведениям персидских мастеров. В.П. Даркевич, уточняя, считает лампу изделием ремесленников Хорасана (Сизов, 1902. С. 60-61. Табл. VIII, 4; Даркевич, 1976. С. 52-53. Табл. 45, 4-6).

Украшения представляют собой три нагрудные ажурные четырехугольные бляхи-подвески с расположенными по углам стилизованными конскими головками и треугольниками из шариков зерни вдоль верхнего края (рис. 1, 1-3). Бляха побольше почти прямоугольной формы размерами 3,3x7,0x8,3 см, на обратной стороне горизонтально расположены три петли для продевания ремешка или шнура. Щиток бляхи трехзигзаговый, снизу расположены 10 колец для цепочек из четырех двойных литых звеньев каждая; две такие же цепочки прикреплены к боковым стилизованным головкам. Длина цепочек около 12 см. Форма двух других блях близка трапецевидной, размеры их 3,5x3,5x4,9 см и 3,7x3,6x4,7 см, на обратной стороне каждой расположены по две вертикальные петли для ремешка или шнура. Щитки обеих блях четырехзигзаговые, снизу помещено по 7 колец для цепочек из 12 двойных литых звеньев, к стилизованным головкам по обеим сторонам верхнего края прикреплено по одному двойному звену. Все цепочки заканчиваются привесками в виде литых широких утиных (гусиных?) лапок.

Бляхи-привески выполнены из медного сплава в так называемой наборной технике литья, характерной для финно-угров. Украшения такой формы выделены в группу наборных коньковых подвесок с прямоугольным щитком, 1 варианту которых в общих чертах и соответствуют гнёздовские экземпляры (Голубева, 1979. С. 49. Табл. 21). По мнению Л.А. Голубевой, подвески с прямоугольным щитком получили наибольшее распространение у финно-угорского населения, обитавшего в бассейнах рек Цна и Мокша в X в., но продолжали изредка встречаться и в XI в. (Голубева, 1979. С. 63). Полного совпадения в деталях оформления ожидать не приходится,

так как каждое украшение изготавливалось индивидуально. Почти трапецевидная форма двух малых гнёздовских привесок-блях сближает их с украшениями, датированными по материалам Веселовского могильника X-первой половины XI вв. (Голубева, 1979. С. 51).

Наиболее близкие гнёздовским подвескам формы происходят из мужских и женских погребений Лядинского, Пановского, Крюково-Кужновского, Шокшинского, Елизавет-Михайловского и др. могильников (Голубева, 1979. Табл. 21, 7, 8; *Материалы по истории...*, 1952. Табл. III, 2; V, 2; Ястребов, 1893. Табл. I, 1, 3, 4; *Средне-византийская...*, 1969. Табл. 3, 11; 4, 11; 10, 2; 33, 7; 41, 2; Воронина, 2007. Рис. 47, 78, 8; 102, 12; 103, 4). Необходимо отметить, что гнёздовские шумящие украшения отличает от большинства финно-угорских аналогий значительная длина цепочек, у которых они обычно состояли из 2-4 звеньев против 12 в данном случае.

Обычно в состав женского финно-угорского погребального убора входила одна, реже – две подвески, которые являлись частью ожерелья и закреплялись с помощью тонких ремешков или шнуров. Иногда подвески располагались одна над другой в центре верхней части груди. Судя по положению петель на большой бляхе-подвеске из Гнёздова, она должна была бы занимать центральное место среди шейных и нагрудных украшений и закрепляться немного ниже двух других, которые располагались бы слева и справа. По стилю и технике еще В.И. Сизов справедливо отнес гнёздовские украшения к мерянским, считая, что эта находка «представляет единичный случай женского инородческого, а именно, финского, погребения» (Сизов, 1902. С. 81). Можно ли считать погребение кургана № 14 женским и мерянским?

Из дневника М.Ф. Кусцинского следует, что вещи были найдены на слое пережжённых косточек. Однако в тексте нет никаких упоминаний о золе или углях, ничего не говорится и об уровне, на котором сделана находка: на горизонте, т.е. в основании курганной насыпи, или в яме. При этом отмечено, что на привесках «сохранились кусочки полотна». Остатки ткани хорошо видны на фотографиях большой и одной из малых подвесок, помещенных в монографии В.И. Сизова (1902. Рис. 26, а, б, в). В Указателе РИМ за 1883 год (с. 90) так же сказано, что обрывки ткани сохранились на двух бляхах. В музейной коллекции есть значительных размеров комки ткани, зацепившийся за оборотную сторону большой под-

вески³. Ни на лампе, ни на привесках, ни, тем более на ткани, *нет следов огня*. Следовательно, все эти вещи были положены на уже остывшие косточки, вероятно, перенесенные откуда-то к месту погребения. Исследователи финно-угорских могильников конца I–начала II тыс. н.э. Волго-Окского бассейна отмечают, что для трупосожжений обычна раскладка вещей в яме в порядке их местоположения в костюме или помещении кучкой на слое сожженных костей (Воронина, 2007. С. 53, 55).

Характер сохранности ткани позволяет предположить, что в курган она попала в скомканном, а не в расправленном состоянии, может быть, в виде свертка одежды, поверх которого были положены женские украшения. Если это так, то тогда вспоминается практика заупокойных «даров», известная у некоторых финно-угорских племен Окского бассейна. Исходя из наиболее распространенного у них обычая помещения «даров» в мужские погребения, можно предположить, что таковым и является рассмотренный нами курган № 14.

Кроме описанных шумящих украшений в гнёздовской коллекции есть еще несколько предметов, происхождение которых можно связать с территориями Поволжья и даже Волго-Камья. Интересную группу находок составляют металлические оковки сумочек или кошельков грушевидной формы (рис. 2, 1-4). Лучше всего сохранилась оковка, происходящая из слоев Центрального городища⁴. Она состоит из двух бронзовых полосок шириной 0,5 см, наложенных одна поверх другой; между собой полоски скреплены бронзовыми же штифтиками с интервалом в 3-3,5 см (рис. 2, 1). Сами полоски украшены тремя мелкими продольными желобками. Наибольший поперечник оковки 6,5 см, поперечник горловины 3 см, высота сохранившейся части 8,6 см. Верхние концы оковки обломаны, поэтому о форме их завершения можно говорить, лишь учитывая другие находки. На концах оковки могли быть либо небольшие расширения, либо кольца с расположенным на одном из заходящих концов изображением змеиной головки.

Дважды фрагменты оковок были обнаружены в курганах с трупосожжениями, раскопанных В.И. Сизовым в Центральной группе⁵. Первая найдена в «большом» кургане с остатками парного (?) скандинавского сожжения, исследованного в 1896–1897 (?) г. (Ширинский, 1999. С. 110. Рис. 20: I, 79). Сохранились верхние части обеих полосок, скрепленные штифтом. Примечательно, что полоски украшены по-разному: вдоль центра внешней полоски проходит декорированный гравированной «елочкой» с обеих сторон рельефный рубчик, конец пластины сужается кверху и образует кольцо, один из концов которого завершен стилизованной змеиной головкой; нижняя или внутренняя полоска украшена циркульным орнаментом (рис. 2, 3). Вторая находка происходит из мужского скандинавского погребения (Ширинский, 1999. С. 100. Рис. 16: I, 8). Она состоит из нескольких фрагментов верхней полоски шириной 0,7 см со следами бронзовых штифтов. Полоска очень сильно окислена, но украшающие её рельефные продольные рубчики видны достаточно ясно (рис. 2, 4).

Обломок третьей оковки выявлен среди беспаспортных находок из раскопок В.И. Сизова⁶. Сохранилась примерно половина двойной оковки. Верхняя полоска ее шириной 0,7 см изготовлена в технике наборного литья – средняя часть украшена «косоплеткой», которую окаймляет выпуклый гладкий рубчик. Расстояние между скрепляющими штифтиками около 3 см. Нижняя полоска гладкая. Сохранился один из верхних концов внешней накладки с изображением стилизованной змеиной головки, завершенный спиралью в полтора оборота (рис. 2, 2).

Кожаные кошельки, обрамленные грушевидными металлическими оковками, считаются характерными для культуры племен территории Волго-Камского бассейна (Белавин, Крыласова, 2008. С. 345-346). Правда, надо заметить, что известные здесь оковки достаточно четко делятся на две группы: грушевидные сплошные пластинчатые и составленные из набора мелких пластинчатых скобок. Наиболее распространена последняя группа. Грушевидной формы

³ Фрагмент был исследован Е.Е. Щербаковой при любезной консультации О.В. Орфинской. Лоскут размерами 26x18 см является фрагментом льняной ткани простого полотняного переплетения, ткань имеет бледно-зеленый цвет, который может быть объяснен окислением бронзовых украшений. На фрагменте отмечены два небольших отверстия, напоминающие проколы от иглы фибулы (Щербакова, 2004. С. 60).

⁴ Хранение кафедры археологии исторического факультета МГУ, опись Гн-52.

⁵ Материалы хранятся в отделе археологических памятников ГИМ, опись В 1071, № 54-58; опись В 241, № 134.

⁶ Находка предположительно сделана во время раскопок 1883 г., когда В.И. Сизов копал в Гнёздове вместе с А.С. Уваровым.; хранение ГИМ, отдел археологических памятников.

цельные пластинчатые оковки известны по находкам из некоторых финно-угорских могильников. Так, например, из Крюково-Кужновского могильника происходит кошелек, бронзовая оковка которого украшена тремя продольными рубчиками и стилизованными змеиными головками на верхних концах (Материалы по истории..., 1952. С. 27. Табл. XII, 2). Гладкая оковка грушевидной формы, украшенная сильно схематизированным изображением головок, найдена в одном из погребений Танкеевского могильника X в. (Khalikova, Kazakov, 1977. Pl. VI-с. Погр. 146). Простая пластинчатая оковка, не имеющая фигурного завершения концов, входила в состав инвентаря погребения Рождественского могильника (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 176, 1. С. 345). Изредка подобные кошельки с металлическими пластинчатыми оковками встречаются за пределами Волго-Уральского региона. Так, находка кожаной сумочки с простой гладкой оковкой отмечена в финском могильнике Луистари, в погребении, совершенном не ранее 926 г. (Lehtosalo-Nilander, 1982a. I. S. 237-240. Pl. 98). Интересно, что в могильнике Бирки, с материалами которого традиционно сравнивают Гнёздово, в нескольких погребениях также найдены поясные сумочки с металлическими оковками грушевидной формы (Arbman, 1940. Taf. 128, 1-3). А.-С. Грэслунд, называя форму оковок лировидной, выделяет такие сумочки в отдельный тип (тип 2) и отмечает, что здесь они найдены не менее чем в пяти погребениях X в. – трех камерах и двух сожжениях. Наиболее близкими аналогиями гнёздовским являются оковки из камер 948 и 958. Указывая на ряд подобных находок среди материалов других скандинавских памятников, шведская исследовательница вслед за Х. Арбманом подчеркивает их «восточное» происхождение, ссылаясь на материал Танкеевского могильника (Grässlund, 1984. S. 146-148).

К кругу волжско-камских древностей относится, видимо, и бронзовая ременная пряжка, найденная в одном из малоинвентарных трупосожжений (Сизов, 1902. Табл. II, 23; Ширинский, 1999. С. 128. Рис. 32). Почти прямоугольной

формы пряжка (боковые стороны слегка вогнуты) выполнена из медного сплава в технике наборного литья, столь характерного для ремесла повожских финнов⁷ (рис. 2, 5). Аналогичные пряжки известны в материалах Максимовского могильника и Владимирских курганов (Спицын, 1901. Табл. XXVI, 17; 1905a. Рис. 115, 117).

Пути попадания украшений или деталей костюма в Гнёздово могли быть самыми различными. Проще всего объяснить появление некоторых непривычных для этого памятника предметов торговыми связями. Это привычно звучит применительно к таким многочисленным находкам как ременная гарнитура, выполненная в традициях среднеднепровской или волжско-болгарской школ ювелирного ремесла, или стеклянным и каменным бусам. Появление же единичных предметов, нехарактерных для рассматриваемой территории, могло быть обусловлено причинами, определить характер которых не представляется возможным. К числу таких находок можно относить и рассмотренные выше предметы, прочно связываемые аналогиями с повожским или более широко – волжско-камским регионом. Даже с учетом развитого торгово-ремесленного характера Гнёздовского поселения в X в. едва ли следует рассматривать эти редкие находки в качестве импорта. По меткому замечанию В.П. Даркевича, в эту эпоху трудно отличить полученное в дар от добытого в качестве военного приза (Даркевич, 1974. С. 93-103).

Вместе с малочисленными ременными бляшками салтовского облика и такими уникальными для ранней Руси вещами как бронзовый светильник и прикладная каменная печать кожаные сумочки с металлическими оковками лировидной или грушевидной формы, шумящие украшения и ременная пряжка, выполненные в технике наборного литья, образуют достаточно выразительную группу находок. Малочисленность состава этой группы, возможно, иллюстрирует неординарные события и судьбы некоторых из жителей раннегородского центра Верхнего Поднепровья (Пушкина, 2007).

⁷ Хранение отдела археологических памятников ГИМ.

T. Pushkina

«MERYA'S ANTIQUITY» IN GNEZDOVO COLLECTION

The paper focuses on some findings, derived from excavations of the Gnezdovo mounds and the settlement and linked in their origin with the finno-ugric Povolzye. It pays a great deal of attention to the unique for Gnezdovo and the Upper Podneprovye set of open-worked bronze rattling adornments found in the excavated mound in 1874 and made in a

technique of composing cast, typical for the Finno-Ugric tribes. Not numerous group under consideration is generally dated from the X–the beginning of the XI centuries. These rare findings cannot be concerned as import because it is hard to discern things obtained as a gift from those, got as a military capture during this epoque.

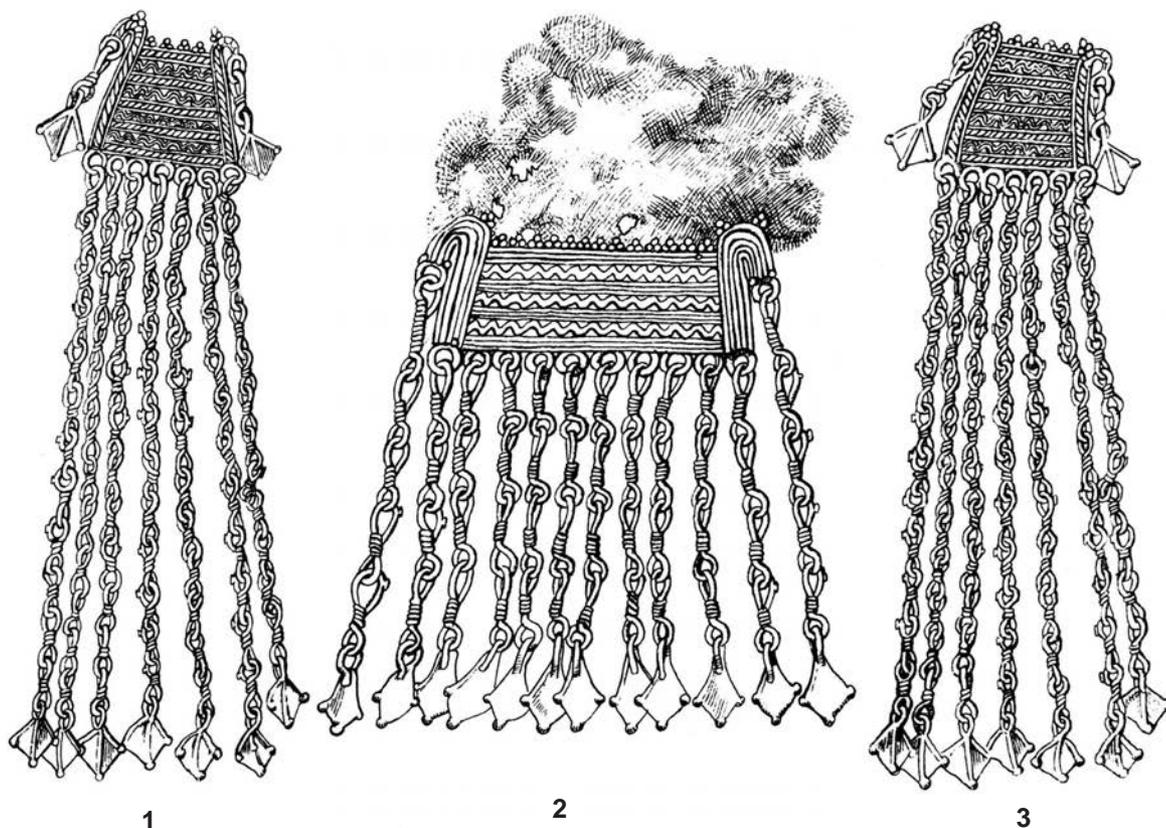

Рис. 1. Шумящие украшения из кургана 14 (раскопки М.Ф.Кусцинского).
1, 3 – малые подвески; 2 – большая подвеска.

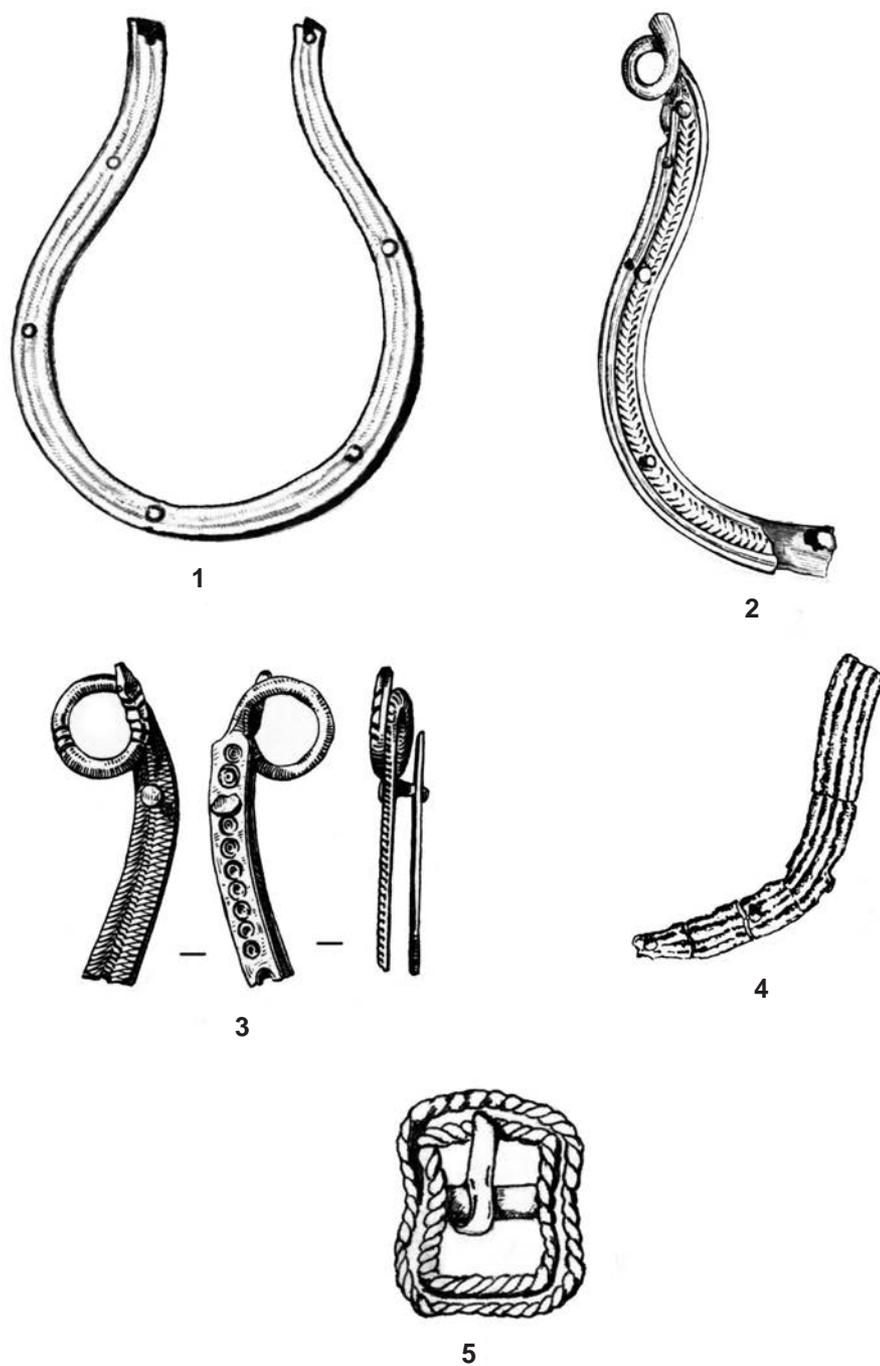

Рис. 2. Оковки кошельков и пряжка из раскопок курганов и Центрального городища.
 1 – оковка с территории Центрального городища, раскопки Д.А. Авдусина; 2-4 – фрагменты оковок из раскопок курганов В.И. Сизова; 5 – пряжка из раскопок В.И. Сизова.

В.Н. Седых (СПбГУ)

О ПРОЯВЛЕНИЯХ КУЛЬТА МЕДВЕДЯ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*«Медведь в лесу – что боярин в городе»
(Русская народная пословица)*

Культы и верования были важнейшей составной частью духовной культуры народов в древности. Остатки и следы древних культов отражаются в этнографических и фольклорных источниках, в материалах археологии. В последних они выявляются при раскопках погребальных памятников, святилищ и поселений в виде элементов погребального обряда, амулетов из зубов и костей животных и птиц, украшений, различных изображений на оружии и бытовых предметах. Анализ имеющихся данных дает возможность реконструировать верования и их роль в духовных представлениях населения Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья. История населения указанного региона и периода – одна из основных тем в научном творчестве Натальи Германовны Недошивиной.

Согласно мнениям современных исследователей, наиболее распространенными в древности были зооморфные культы, в частности, водоплавающей птицы, коня и медведя (Дубов, 1995). При этом авторы связывают появление и развитие того или иного культа либо с экономическими отношениями, либо с родовыми верованиями, т.е. тотемизмом. В отличие от таких объектов охоты, как водоплавающая птица или пушной зверь, которые занимали значительное место в экономике населения лесной полосы Евразии, медведь был окружен особым почитанием. В представлениях древних людей медведь был «хозяином» – прародителем или предком человека, в том числе покровителем скота. В.В. Иванов и В.Н. Топоров отмечают, что «Значение медведя определяется прежде всего его

подобием человеку, толкуемым мифологическим сознанием как указание на общее их происхождение или происхождение друг от друга» (Иванов, Топоров, 1982. С. 128).

Изучению культа медведя посвящены многочисленные работы. В них выявлены ареал, порядок и смысл обрядовых действий, и, главное, основная функция животного как родоначальника, продолжателя рода, покровителя, посредника, защитника рода (Васильев, 1948; Алексеев, 1960; Гемуев, 1985; Хасанова, 2000).

Первым крупным исследованием культа медведя у населения Северо-Восточной Руси явилась работа Н.Н. Воронина «Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке» (1941 и 1960 гг.), в которой автор проанализировал весь комплекс доступных материалов, включая результаты археологических раскопок, данных этнографии и фольклора. В своем труде, не утратившем своей актуальности и ныне, автор проследил развитие культа медведя в Ярославском Поволжье, установил преемственность его от почитания медведя до святого Власия (медведь – Велес / Волос – Власий), отметил его длительную историю (Воронин, 1960. С. 70-71).

Тему родства / хозяина леса отражают табуистические названия медведя – эвфемизмы – «отец», «дед», «дедушка», «старик», «дядя», «отчим», «мать», «бабушка», «старуха», «лесовой человек», «зверь», «хозяин (леса, гор)», «владыка», «князь зверей», «он», «старик, одетый в шубу», «когтистый старик», «добрый мужичок» и т. п. (Соколова, 1990. С. 67). В некоторых сказках название медведя не использовалось

(«зверь») при условии, что остальные лесные животные назывались своими именами. Вера в сверхъестественные свойства медведей, табуирование их мяса для еды и пр. фиксировалось в прошлом не только у представителей финно-угорских народностей, но и у русских, прежде всего, северных территорий Европейской России (Логинов, 1993. С. 48-55).

Культ медведя проявляется в особом отношении к этому зверю, признании его существом, близким человеку; он нашел свое отражение в поверьях, обрядах, в фольклоре разных народов (Аничков, 1914. С. 272-274). Так, с целью оберега семьи в жилище или на чердаке хранили медвежий череп (иногда чучело медвежонка) – “для счастья”, над детской колыбелью подвешивали коготь или клык медведя. Убитый медведь, согласно представлениям сибирских крестьян, мог помогать людям в борьбе с нечистой силой. В конюшне было принято хранить отрубленную медвежью лапу, а дом, конский двор, хозяйственные постройки – окуривать медвежьей шерстью. Многие охотники Сибири для удачи в промысле прикрепляют к поясу клыки медведя (Соколова, 1990. С. 40-41).

Среди этнографов сложилось устойчивое мнение о том, что в народных воззрениях восточных славян поверья о животных, в том числе о животных-оборотнях, сохранились лишь в отрывочном виде. Однако в силу ряда причин на территории Западной и Восточной Сибири в конце XIX–начале XX в. эти религиозные представления нашли яркое отражение в поверьях, календарных обычаях и обрядах, фольклоре, что было зафиксировано тогда и фиксируется в настоящее время.

Для многих народов Сибири медведь является тотемом, прародителем, посредником между людьми и природой, верхним, средним и нижним мирами. У обских угров медведь считался предком фратрии Пор, позже культ медведя стал общеплеменным. Считалось, что после смерти медведь возрождается в человеке и наоборот. Наиболее полно отразился культ медведя в комплексе обрядовых действий, связанных с удачной охотой на медведя и поеданием его туши (Крейнович, 1969. С. 6-112). Его убиение, свеживание туши, поедание мяса и забота о его останках представляют собой целый ряд церемоний – так называемый *медвежий праздник*, который у обских угров теперь является общенародным (Вереш, 1990. С. 72-76). Обско-угорские медвежьи праздники отличаются от подобных празд-

неств у других народов (Хакамиес, 1990. С. 165-180) богатством и разнообразием песен, танцев, мистерий, где используется не только традиционный фольклор, но и импровизация.

Тесно связаны с медведем свадебные поверья. Так, медведь, приснившийся девушке, сулит ей жениха. Медведь же символизирует жениха в свадебных песнях. На свадьбе, чтобы заставить молодых целоваться, кричат: «Медведь в углу!» – «Петра (Михаила) Ивановича люблю», – должна ответить невеста и поцеловать жениха. Если невесту заставить посмотреть в глаза медведю, то по его реву можно определить, девственница она или нет. Когда невеста оказывалась невественной, пели, что ее «разодрал» медведь. Чтобы муж перестал изменять жене, она мазала влагулице медвежьим салом. Считалось, что женщина излечится от бесплодия, если через нее переступит ручной медведь.

Н.Н. Воронин (1960. С. 25-93) писал в связи с этим: «В святочных ряженьях и свадебных обрядах Пошехонья и Верхнего Поволжья сохранилось немало весьма своеобразных черт. Обычно мужчины переряживаются в женщин и обратно; ряженые разыгрывают шуточные свадьбы, при этом ряженые медведями валят девушек на пол и пачкают сажей (*Ростовский уезд Ярославской губ. – В.С.*). Молодых сажают на вывороченной мехом шубе, родственники невесты, приглашая молодых в гости к тестю, рядятся в вывороченные мехом наружу шубы, на гулянье по случаю свадьбы парни рядятся в женские, а девушки – в мужские костюмы» (Воронин, 1960. С. 65–66). Не только в Пошехонье, но и в других регионах Верхнего Поволжья, например, в Шуйском районе Ивановской области известны подобные факты как сажанье молодых на вывороченную мехом шубу. «Медведицей» в Пошехонье Ярославской губернии называли молодую, приходящую в дом свекра. Саамские новобрачные сидят, как правило, на медвежьей шкуре и называются «медведями».

Основываясь на наблюдениях шведских этнографов, Н.Н. Воронин писал: «Старинный свадебный обряд в ряде районов Швеции включал в себя особую игру, в которой участвовал ряженный медведем человек... при этом новобрачные сидят на медвежьей шкуре, так же как и гости, сидящие парами (мужчина и женщина) на шкурах» (Воронин, 1960. С. 67). Медвежья шкура у исландцев также является определённым талисманом: по исландскому поверью родившийся на ней не будет страдать от холода.

Обычай ряжения медведем в свадебных, святочных и масленичных обрядах связан, по мнению исследователей, с идеей плодородия (Гура, 1997. С. 159-177). Все это явно говорит о медведе как о «прародителе» человека, «хозяине-батюшке» и связано с культом плодородия, в системе которого медведь играл немаловажную роль и являлся залогом продолжения человеческого рода. Н.Н. Воронин указывает, что в шуточной игре, где ряженные медведем валят девушек на пол и пачкают сажей, может быть, следует видеть отзвуки символического игрища, воспроизводившего брак медведя и женщины. Примеры связи культа медведя со свадебной обрядностью известны и в жизни. Так, в Швеции, в северной части района Даларна (шв. *Dalarna*) – историческая провинция в средней Швеции в области Свеаланд – термин «жениться» передается буквально «обмедведиться» (Воронин, 1960. С. 67).

Получеловеческий характер медведя ясно прослеживается в фольклорных материалах Швеции и Финляндии. Важность имеют также мифы, включающие мотив союза между самцом медведя и женщиной, который привел к созданию ряда европейских династий. Этот сюжет нашел отражение в норвежских сагах и исландских сказках. Об этом пишет Саксон Грамматик в «Истории датчан» (ок. 1200 г.). Происхождение некоторых героев саг от медведя и женщины является весьма характерным, по выражению Н.Н. Воронина, «обломком медвежьего культа у северных народов».

В скандинавских сагах упоминаются загадочные местные богатыри – *берсерки*, обладавшие страшной силой, несокрушимой мощью и дикой отвагой. По толкованию некоторых исследователей, *Berserker* (*берсеркер*, *берсерк*) переводится как *медвежья шкура* или *в медвежьей шкуре*. В обско-угорской мифологии (у народов ханты и манси) встречаем: «...иногда упоминается, что ее (девушку) взял в жены медведь». В медвежьих сказках саамов брак медведя-жениха и невесты-человека явление достаточно частое.

Существует обширный цикл сказок, в которых главным героем является полумедведь-получеловек. Это русские, украинские и белорусские сказки об «Ивашке Медвежьем Ушке» («Медвежье Ушко», «Медведко», «Ведмідь»), широко распространенные от Карпат до Печоры и от Прибалтики до Южного Урала.

В отечественной живописи тема тотемизма наиболее полно выражена в полотне Н.К. Рериха «Человечьи праотцы» (1911, Музей Эшмоле-

ан, Оксфорд), которое изображает сидящего на холме юношу в холщовом одеянии, играющего на свирели, в окружении лежащих медведей, замороженных музыкой.

Почитание медведя нашло свое отражение в геральдике. Изображение медведя встречается на гербах многих городов мира: зарубежных (например, Берлин, Берн, Брюгге) и отечественных – Ярославля, Великого Новгорода, Перми и др. И.А. Тихомиров в специальной работе (1909) проследил эволюцию ярославского герба, в которой указал на тотемическую основу его символа. Эту тему продолжил Н. Н. Воронин, считавший, что герб города был отголоском древнего медвежьего культа (Воронин, 1960. С. 68-71).

Медведь стал эмблемой ярославской земли со второй половины XVII в. Интересно, что само слово герб в русских письменных источниках впервые фиксируется именно в связи с гербом Ярославля. Это было в 1692 г., когда царский указ предписал Ярославской приказной избе «быть печати изображением герб ярославской». Рисунок герба города, размещенный на печати, повторял эмблему Ярославского княжества из Титулярника 1672 г. – это хорошо известный медведь с протазаном на плече. К 1730 г. ярославский герб был утвержден официально (рис. 1, 1, 2).

Наконец, следы почитания медведя русскими смердами Поволжья XI в. сохранились в летописных сообщениях о восстании в Ростовской земле 1071 г., в сказаниях и легендах об основании Ярославля, имеющих историческую основу и записанных в конце XVII–начале XVIII в. (Тихомиров, 1909. С. 35-36, 40; Воронин, 1960. С. 28-40). Согласно им только убийство князем Ярославом культового *медведя* / *медведицы* в момент основания города привело в беспрекословное повиновение местных жителей – мерян. Описанные события происходили в *Медвежьем* углу, где поклонялись идолу *Волоса*, сиречь скотьюму богу, стоявшему посреди логовины, нарицаемой *Волосовой*, рядом с кереметью.

Связь культа медведя с Велесом – покровителем скотоводства – отмечает Б.А. Рыбаков. Автор полагает, что изначально Велес мог означать «духа убитого зверя», «духа охотничьей добычи», при переходе же к скотоводческому хозяйству медведь стал «скотьюм богом» (Рыбаков, 1981. С. 424-425).

Известные языковеды В.Н. Топоров и В.В. Иванов отождествляют языческое славян-

ское божество «Волоса – скотьего бога» с «медведем – хозяином зверей», представляя его в облике медведя. Они считают, что связь его с животным вытекает уже из его имени: Волос – волосатый – волохатый – мохнатый. Кроме того, исследователи предполагают, что и слово «волхв» происходит от имени этого Бога и от обычая жрецов одеваться в вывороченные мехом наружу шубы для подражания своему Божеству (Топоров, Иванов, 1974. С. 57).

Таким образом, культ медведя нашел отражение в поверьях, обычаях, обрядах, в фольклоре, письменных и иных источниках разных народов лесной полосы Евразии.

Среди древних зооморфных культов медвежий культ представляет особый интерес, поскольку он является одним из древнейших, зафиксированных археологически. Кроме того, это один из немногих культов, сохранивших древние напластования и не превратившийся в промысловый культ.

Культ медведя уходит своими корнями в глубины тысячелетий. Материалы эпохи мустье свидетельствуют о существовании культа медведя у неандертальцев (Столяр, 1985; Художественная культура ..., 1994. и др.). Это известные «медвежьи пещеры», обнаруженные в альпийской зоне Центральной Европы (Вильдкирхли, Драхенлох, Вильденманнлислох, Регурду и др.). В них черепа и кости пещерных медведей были уложены в строгом порядке, иногда по кругу (Клюни), с определённой ориентировкой. В Ильинской пещере близ Одессы кости медведей находились за специальной каменной оградой, череп был обложен камнями. Очевидно, что это были не естественные кладбища пещерных медведей, не остатки пищи первобытных жителей пещер, а «сознательно созданные неандертальцами сооружения для отправления культа медведя» (Хлобыстина, 1987. С. 106).

У коренного населения Волго-Окского междуречья – финно-угров, как и у всех жителей лесной зоны, медвежий культ «имел свою длительную историю от неолита и ранней бронзы до Древней Руси» (Воронин, 1960. С. 71). Первые изображения медведя исследователи выделяют среди кремневых изделий эпохи неолита. Кости медведя, особенно черепа, сопровождают погребения людей волосовской культуры, клыки использовались в качестве амулетов, что, по мнению Д.А. Крайнова, является свидетельством почитания медведя священным животным (Крайнов, 1987а. С. 19).

Наиболее ярко этот культ прослеживается в погребениях фатьяновской культуры эпохи бронзы. Здесь зафиксированы полные, видимо, ритуальные захоронения медведей (Вауловский и Холмовогорский могильники), находки медвежьих клыков-амулетов и их имитаций (иногда с медными колечками, которые клались около кистей рук, у пояса или черепа); кинжалов из медвежьей кости, каменных топоров. Особую серию каменных изделий составляют так называемые фигурные топоры или молоты и песты с изображением медвежьей головы, которые, безусловно, носят ритуальный характер. Такой каменный сверлёный топор-молоток с медвежьей головой на обухе (рис. 1, 4) был обнаружен в районе города Ростова-Ярославского (Крайнов, 1972. С. 199; 1987б. С. 71, 184. Рис. 28а, 20). Учитывая подобные находки, Д.А. Крайнов прослеживает для фатьяновской культуры прямую связь культа медведя со скотоводческим хозяйством. Сверлённые топоры-молотки с медвежьей головой происходят из материалов балановской культуры, а похожие на молот предметы известны среди находок на Скандинавском полуострове. Из района озера Иткуль на Алтае происходит датированный эпохой ранней бронзы каменный пест, верхний конец которого оформлен в виде головы медведя с характерно вытянутой мордой (Студзицкая, 1969. С. 57).

В эпоху бронзы широкое распространение, очевидно, имели деревянная и костяная скульптуры, в большинстве случаев не дошедшие до нас. Однако такие находки известны: это голова медведя из дерева (Эдинг, 1940. С. 55. Рис. 47) и фигурная рукоять деревянного весла в виде медвежьей головы (Мошинская, 1976. Рис. 13), происходящие из Шигирского торфяника (Свердловская область).

Образ медведя нашел отражение и в глиняной пластике бронзового века – это миниатюрное изображение медведя из комплекса сартыньинской культуры в Нижнем Приобье (Васильев, 1981. С. 169), керамическая фигурка медведя (Студзицкая, 1969. Рис. 2, 8) и глиняный сосуд с рельефными изображениями восьми медвежьих голов из материалов поселения Самусь IV (Матющенко, 1973. С. 95), сосуды с рельефным налепом в виде головы медведя с поселения Галанкина Гора в Марийском Поволжье. Налепы в виде медвежьей морды известны на зауральской керамике – на стоянке Тух-Эмтор IV в Васюганье (Кирюшин, Малолетко, 1979. С. 70) и др.

В эпоху раннего железа культ медведя представлен прежде всего в материалах святилищ и в искусстве малых форм. В Верхнем Прикамье это святилища ананьинско-гляденовского времени с костями медведя. В этом регионе костища существовали и в более позднее, ломоватовское время, однако костяки медведя прослеживаются лишь на некоторых из них, количество их невелико, и они сильно раздроблены (Андреева, Петренко, 1976. С. 146-147).

Аналогичная картина фиксируется в пещерных святилищах Северного Урала, большинство которых функционировало с эпохи бронзы и практически до современности – Канинская и Унинская пещеры в верховьях реки Печоры, Шайтанская, Лаксейская, Шайтан-Яма и др. (Канивец, 1964).

В археологических материалах I тыс. н.э. достаточно многочисленной категорией находок, связанных с культом медведя, являются бронзовые привески с изображением этого зверя, хорошо известные, главным образом, в Прикамье, в памятниках VI–VII вв. (Голубева, 1979. С. 25-27). В Поволжье такие подвески происходят из Ивановского, Младшего Ахмыловского, Нармонского, Максимовского грунтовых могильников (Дубов, 1995. С. 12-13). По мнению Л.А. Голубевой, подвески-обереги с изображением медведя проникали в течение последней трети I тыс. н.э. в Поволжье из Прикамья.

Кроме подвесок этого времени необходимо указать на находки бронзового орнаментированного навершия рукояти ножа V–VI вв. со скульптурным изображением медведя на торце из дер. Харино Пермской области (Оборин, Чагин, 1988. Кат. № 106), близкого описанному навершию рукояти ножа и деревянной резной чаши с ручкой в виде фигуры медведя из березового капа, украшенной серебром, из Веслянского I могильника VI–VIII вв. (Савельева, 1975. С. 37-38).

Реалистично выполненная костяная фигурка медведя обнаружена на дьяковском Попадьянском селище на Волге близ Ярославля (Горюнова, 1961. С. 133. Рис. 60, 2). Кроме того, на дьяковских поселениях встречены подвески-амулеты из клыков и когтей медведя. Известны находки подвесок из зубов / клыков и когтей медведя и в материалах мерянских памятников – Сарского городища и Сунгирского селища (Леонтьев, 1996. С. 175. Рис. 74, 13, 18; С. 213. Рис. 91, 2).

Из кости изготовлен и гребень с навершием в виде медведя (рис. 1, 3), происходящий из

одного из Владимирских курганов X в. (Спицын, 1905а. С. 155. Рис. 377). Подобные гребни известны из раскопок в Прикамье, Ладоге, Новгородке.

Почитание медведя фиксируют и североευропейские находки в погребальных памятниках I тыс. н.э. Скандинавского полуострова и Готланда, которые, по мнению Н.Н. Воронина, с убедительностью свидетельствуют о распространении обычая положения вместе с покойником медвежьей лапы или шкуры с лапами. В ряде погребений с сожжением встречаются медвежьи когти. Аналогичная картина фиксируется в южном Приладожье: там из медвежьих костей встречались только когтевые фаланги, которые свидетельствуют о том, что в погребальном обряде использовалась именно медвежья лапа, имевшая обрядовое значение (Бранденбург, 1895. С. 6-14). «Замещение медведя его лапой» – по принципу *pars pro toto* – отразилось в названии животного у потомков древнего населения южного Приладожья – вепсов, которые называли медведя «лапой».

Фигура медведя достаточно часто является украшением предметов вооружения и быта населения Скандинавии эпохи средневековья. В этом отношении особый интерес представляет наконечник копья, украшенный фигурами медведя, в королевском погребении могильника Вендель (Хакамиес, 1990. С. 174).

В конце I тыс. н. э. начинается освоение лесной зоны Восточной Европы славянским в основе населением, которое проникает в районы, ранее занятые балтскими и финно-угорскими племенами. При этом означенные процессы совпали с продвижением в эти же области выходцев с севера – варягов. Раннесредневековые древности в Ярославском Поволжье немногочисленны и представлены прежде всего курганными могильниками под Ярославлем и связанными с ними поселениями. Наиболее исследованным и информативным в настоящее время является Тимерёвский археологический комплекс близ Ярославля, в состав которого входят погребальные древности (более пяти-сот комплексов), поселения большой площади и клады арабских монет IX века (Дубов, 1982; Седых, 1998. С. 22-26; 2001. С. 173-188; 2006. С. 153-160; 2009. С. 571-578; Sedyh, 2000, и др.). Многочисленные и разнообразные материалы раскопок этого памятника активно используются при решении историко-археологических проблем Древней Руси эпохи раннего средне-

вековья. Анализ всего комплекса данных раскопок могильника и поселений, находок кладов позволяет более детально реконструировать этнокультурную историю населения Ярославского Поволжья в эпоху раннего средневековья, в том числе его религиозные представления.

Среди разнообразного вещевого материала из раскопок поселения и могильника Тимерёво отметим находки, связанные с рассматриваемой проблемой. Это прежде всего предметы северного круга древностей, на которых запечатлен образ медведя – фибулы (рис. 2, 1), детали конской сбруи (рис. 2, 2-4), а также когти и клыки медведя.

Одной из наиболее многочисленных категорий находок из погребальных комплексов Ярославского Поволжья рассматриваемого периода являются хорошо известные в научной литературе лапы и кольца, изготовленные из глины (Тихомиров, 1909. С. 54-56; Станкевич, 1941. С. 56-88; Воронин, 1960. С. 25-93; Фехнер, 1962. С. 305-309; 1963. С. 86-89; Дубов, 1984. С. 95-99; 1987. С. 7-19; Седых, 1995. С. 60-67). Кости медведя в материалах ярославских могильников конца I–начала II тыс. н.э. встречаются в единичных случаях: в кургане № 54 Петровского могильника – пястная кость (Андреева, 1963. С. 93) и в кургане № 95 – клык-привеска (Дубов, 1976. С. 84. Рис. 2, 26). При этом, по заключению Е.Г. Андреевой, состав фауны курганных погребений Ярославского Поволжья и южного Приладожья в основном сходен: различия имеются лишь в некоторых видах животных – в курганах Приладожья чаще всего встречаются кости лошади и медведя (Андреева, 1963. С. 95).

В настоящее время лапы и кольца найдены в 104 курганах, причём число находок, очевидно, будет увеличиваться (лапы и кольца обнаружены в процессе раскопок автором Тимерёвского могильника в 1986–1990 гг.).

Как правило, в погребениях находили по одному экземпляру лап, однако известны случаи находок двух (но не более) лап в одном комплексе. Примерно треть этих находок сопровождалась глиняными кольцами. В 17 курганах кольца были встречены без лап или последние не были зафиксированы.

Касаясь технологии изготовления рассматриваемых предметов, исследователи отмечали, что лапы (имелись в виду, очевидно, также и кольца) изготавливались из грубой глины, были плохо обожжены или даже совсем не обожжены, имели грубый характер обработки (Фех-

нер, 1963. С. 87). Зафиксированы случаи, когда сформованные изделия были помещены на ещё не остывшее кострище, отчего слабому обжигу подвергалась лишь нижняя часть предметов. Весьма затруднительна классификация лап и колец по форме, ибо в силу отмеченных выше технологических характеристик подавляющее их число дошло до нас во фрагментированном виде. Вполне вероятно, что количество лап и колец в действительности было более значительным. Они могли не сохранить своей формы по влажной песчаной почве будучи плохо или вообще не обожженными, или их могли не выявить в процессе раскопок погребений по обряду кремации, когда на кострище находятся фрагменты глины, составляющие насыпь, специальные площадки из обожженной глины и т. д. Отметим, что высказанное предположение относится не только к территории Ярославского Поволжья.

Предварительная систематизация изображений лап позволяет разделить их на две группы (рис. 1, 5, 6): 1 – изображения лап удлинённых пропорций с выделенной, суживающейся к концу пяточной частью (количественно преобладают); 2 – изображения «коротких» лап с широкой округлой пяткой. Абсолютные размеры (длина) лап от 8,0 до 15,0 см. При этом среди лап 1 группы встречены изображения с четырьмя растопыренными пальцами, лежащими в одной плоскости, и пятым оттопыренным, стоящим перпендикулярно (например, лапы из курганов № 7, 47, 287, 401 Тимеревского могильника). Кольца различаются по форме сечения – подовального, подтреугольного и округлого. Диаметр колец от 8,0 до 16,0-18,0 см.

В литературе неоднократно и единодушно отмечалось, что лапы и кольца найдены исключительно в погребениях, что подчеркивает их магический характер (Уваров, 1871. С. 700-703; Воронин, 1960; Горюнова, 1961. С. 148; Фехнер, 1963. С. 86; Дубов, 1987. С. 97; и др.).

Данные изделия происходят из курганов с остатками захоронений по обряду кремации на месте и на стороне (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83), причём в погребениях они занимали определенное место: всегда лежали на кострище, чаще среди кальцинированных костей, собранных в груды, или в погребальной урне, или рядом с ней, в грунтовой яме, а иногда лапа была положена отдельно на плоском камне (Фехнер, 1962. С. 305; 1963. С. 86). Значительная часть комплексов с находками лап и колец содержала

остатки деревянных и каменных конструкций, характерных для курганов середины X в. (Дубов, 1977. С. 122). В целом комплексы с лапами и кольцами датируются концом IX–X в. (Дубов, 1987. С. 97) или IX–рубежом X–XI вв. (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83).

Кроме конструктивных моментов, характерных, по мнению И.В. Дубова, для погребений с лапами и кольцами, он указывает и на связь этих находок с другими финно-угорскими элементами – копоушками, привесками из астрагалов бобра, круглодонной керамикой, бубенчиками (Дубов, 1987. С. 97). Однако проведенный анализ инвентаря комплексов с глиняными лапами и кольцами показывает, что наибольшая связь лап и колец устанавливается с категориями находок северного происхождения (Седых, 1995. С. 64–65). Отмеченные же И.В. Дубовым находки входят, как правило, лишь в состав более многочисленных и богатых в вещевом отношении комплексов с лапами и кольцами.

Изображения глиняных лап известны в материалах нескольких памятников на территории Древней Руси и Фенноскандии: в Швеции и на Аландских островах (рис. 3, 1–3), при этом глиняные кольца там отсутствуют (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83). Все исследователи сходятся в том, что лапы и кольца изготавливались специально для погребальной церемонии и характерны для похоронного обряда финно-угорских племен. А.Е. Леонтьев считает возможным связывать находки лап и колец с появлением в регионе славянского населения и складыванием своеобразного варианта древнерусской культуры в Северо-Восточной Руси (Леонтьев, 1991. С. 39–46).

Относительно принадлежности лап конкретному животному в науке нет единого мнения. Ряд исследователей (Е. Кивикоски, М.В. Фехнер, К.Ф. Мейнандер) считает их слепками лап бобра. Более того, по мнению М.В. Фехнера, глиняные лапы являются прямым доказательством существования культа бобра в Верхнем Поволжье, хотя при этом исследователь не отрицает существования там и культа медведя (Фехнер, 1989. С. 71–78).

Другие авторы (Н.Н. Воронин, Е.И. Горюнова, П.Н. Третьяков, И.В. Дубов, В.Н. Седых) считают находки в погребениях Ярославских и Владимирских курганов глиняных лап и колец одним из важнейших проявлений культа медведя.

Не снимая проблемы видового определения животного, которому принадлежат изображе-

ния этих лап, считаем вопрос происхождения этих изделий наиболее важным. На этот счёт в настоящее время существует несколько точек зрения. Э. Кивикоски считает прародиной лап Аландские острова (Kivikoski, 1967. Р. 133), другой финский исследователь К. Мейнандер – Ярославское Поволжье (Мейнандер, 1979. С. 37). Сторонниками северо-западного происхождения лап являются П.Н. Третьяков (Третьяков, 1970. С. 127) и Е.А. Рябинин (Рябинин, 1974. С. 10). И.В. Дубов, присоединяясь к точке зрения Н.Н. Воронина, рассматривает появление лап на разных территориях как явление конвергентное (Дубов, 1987. С. 99). Указывая на наличие территориальной лакуны между аландскими и поволжскими находками и слабую корреляцию лап со скандинавскими вещами, И.В. Дубов отрицает прямое проникновение обычая изготовления лап из Фенноскандии.

Сравнительный анализ комплексов с лапами из могильников на Аландских островах и в Ярославском Поволжье позволяет утверждать их тождественность. Новые находки подтверждают наличие сильной связи лап и колец с предметами погребального инвентаря и деталями погребальной обрядности скандинавского происхождения (Седых, 1995. С. 60–67). По мнению шведского исследователя И. Янссона, сочетание железной гривны и глиняной лапы в одном комплексе является отчетливым этническим индикатором эмигрантов с Аландских островов и из Средней Швеции (округ оз. Меларен). Кроме того, в комплексах Ярославского Поволжья найдены лапы специфически аландской (по Э. Кивикоски) формы (Седых, 1995. С. 63. Рис. 2, 1) – рис. 3, 4.

Находки лапы в Шестовицах (Бліфельд, 1977. С. 86, 187) и, что особенно важно, в Старице (Плетнев, 1903. С. 116) отчасти закрывают лакуну между двумя рассматриваемыми территориями. Керамика, происходящая из комплексов с лапами Ярославского Поволжья, имеет аналогии на Аландских островах, в Швеции, на северо-западе Древней Руси в целом (Kivikoski, 1963; 1980; Selling, 1955; Sedyh, 2000).

Таким образом, есть основания предполагать прямое проникновение обычая использования в погребальном ритуале глиняных лап с Аландских островов в период активных и тесных связей Ярославского Поволжья с Фенноскандией. Предполагаю, что обряд погребения, включавший в себя как составную часть инвентаря имитации звериных лап (медвежьих, по нашему

мнению), зародился в области Средней Швеции в начальный период освоения шведами Аландских островов (в материковой Швеции пока известна лишь одна находка глиняной лапы) и получил развитие на уже упомянутых островах. Наличие выходцев с Аландских островов определенно фиксируют в материалах погребений Тимерёво как отечественные исследователи (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 86-87; Седых, 1995), так и шведские коллеги (Jansson, 1987. Рр. 781-784; Callmer, 1994. Рр. 13-46).

В настоящее время находки глиняных лап зафиксированы в 85 комплексах могильников на Аландских островах¹, в Швеции (1), в ярославских и владимирских курганах, в Шестовицах (1) и в районе Старицы (1).

Глиняные лапы, являвшиеся отражением культа медведя у жителей Аландских островов, были восприняты населением Ярославского Поволжья (шире – Волго-Клязьминского междуречья), имевшим, очевидно, сходные представления о роли этого животного. В свою очередь появившиеся здесь как уже местный элемент глиняные кольца символизировали, вероятно, подношение медведю (Воронин, 1960). Между тем, по мнению В.Я. Петрухина, кольца в виде браслетов, гривен и т.п. были предметами культа в Скандинавии с бронзового века (Петрухин, 1983. С. 174-181). Поэтому кольцо в данном контексте можно рассматривать как глиняное подражание гривне.

Один из ярких примеров проявления культа медведя был зафиксирован при исследовании кургана № 297 Тимерёвского некрополя. Это одно из самых крупных погребальных сооружений могильника. Под насыпью зафиксирова-

но камерное погребение женщины 30-45 лет и девочки-подростка 11-13 лет, которых сопровождал богатый и разнообразный инвентарь (Дубов, Седых, 1992. С. 115-123). Курган датируется второй половиной X в. Обряд захоронения – камерная гробница, ладьевидная каменная вымостка, остатки реальной ладьи и набор вещей, прежде всего фибулы, говорят в пользу скандинавского происхождения усопших. Хотя здесь вполне могли быть погребены жена (наложница) и дочь богатого скандинавского купца или воина, сами имеющие иное или смешанное этническое происхождение.

Особый интерес и уникальность представляет находка серебряного перстня у кисти левой руки захороненной девочки, который был надет на фалангу медвежьей лапы. Толкование этого факта возможно лишь с привлечением описанных выше фольклорных и этнографических источников. Эту находку следует интерпретировать как обручение девочки-подростка с медведем-«прародителем», «хозяином» (Дубов, Седых, 1997. С. 40, 41). И если в реальной жизни оно служило залогом богатства новобрачных или счастливой жизни новорожденных, то в данном случае оно должно было обеспечить благополучный переход в загробный мир как и глиняные имитации медвежьих лап, известные в погребениях Аландских островов и Волго-Окского междуречья.

Таким образом, комплексный анализ данных свидетельствует, что культ медведя являлся одним из основных в системе мироощущения древнего населения Ярославского Поволжья и шире – Волго-Окского междуречья – на протяжении нескольких тысячелетий.

¹ Любезное сообщение научного сотрудника Аландского Музея (Мариехамн, Финляндия) Яна-Эрика Томтлунда.

V. Sedyh

ABOUT THE CULT OF THE BEAR AND ITS MANIFESTATIONS IN THE YAROSLAVL VOLGA REGION IN THE EARLY MIDDLE AGES

The purpose of the paper is to review the date of the Bear's cult among different peoples of the Eurasian forest zone as a whole and on the territory of the Yaroslavl Volga area in particular. The cult of the Bear is one of the oldest. It was reflected in written sources, folklore, tales, folk beliefs, customs and ceremonies. Wedding beliefs had an especially close contact with the Bear. The worship to the Bear is also reflected in heraldry.

The cult of the Bear is manifested since the Mousterian's era, but in the Iron Age and in the Middle Ages it was reflected especially bright: the images of the bear in bronze and clay, canines, claws and skin feet of the bear were found in the burials of Scandinavia.

The most important complex of the Early Medieval epoch in the Yaroslavl Volga region is the

archaeological site at the former village Bol'shoe Timerevo near Yaroslavl – including a full complex – treasures, settlements, burial grounds – The Timerevo Archaeological Complex.

In the complexes of the burials and the settlements of Timerevo we have found the artifacts of the northern circle of antiquities in Borre style – fibulas, parts of rich horse harnesses with images of the bear, their canines and claws. The burial complexes often contain finding of the clay imitations of animal paws (in my opinion – bear paws), moreover the paws are specifically of Åland shapes. Thus, it is possible to assume the direct penetration of these paws from the Åland islands together with the migrating people in the period of active and tight links of the Yaroslavl Volga area with Fennoscandia.

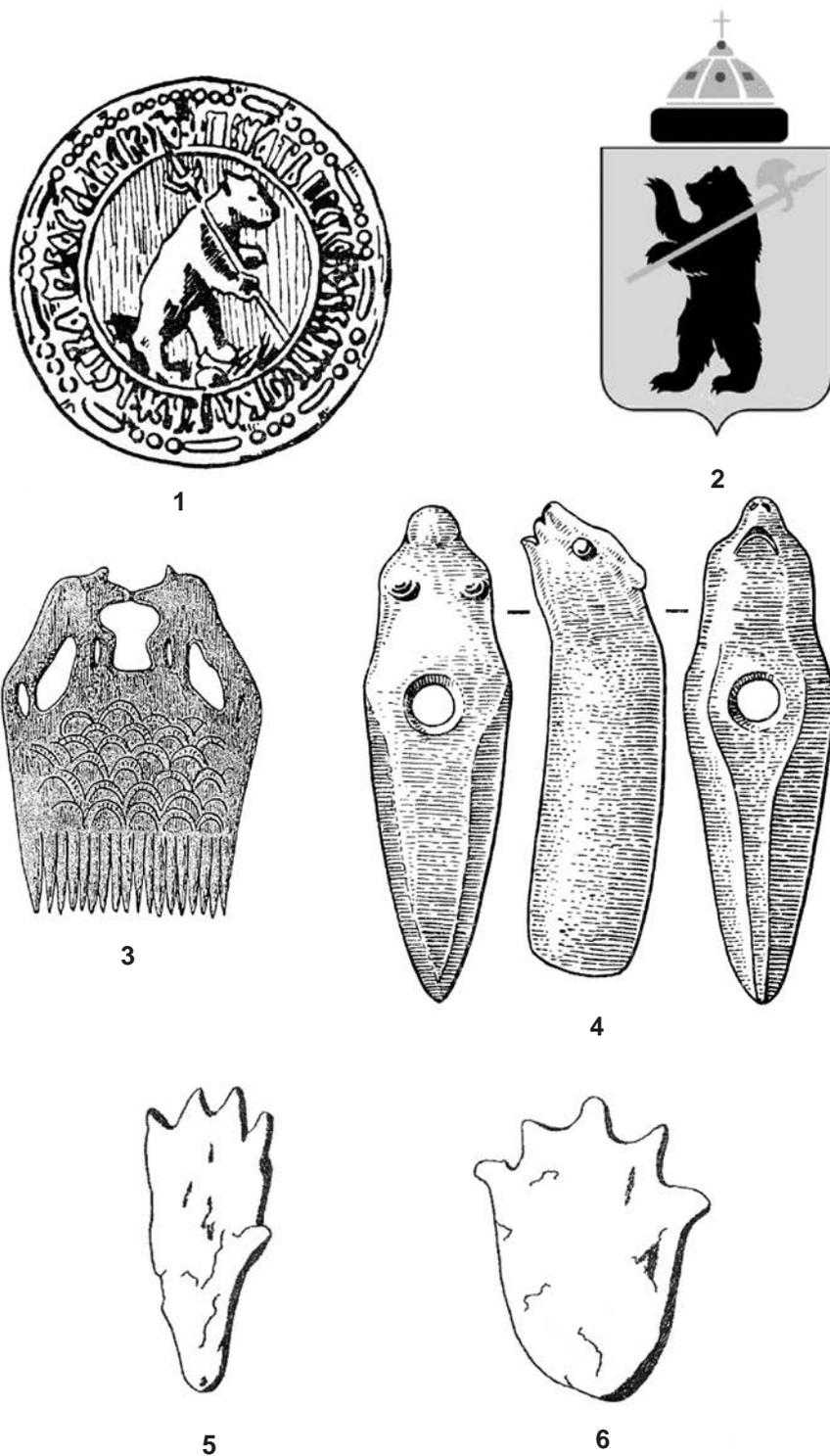

Рис. 1. Изображения медведя и глиняных лап.

1 – герб города Ярославля на печати 1692 года (по: Воронин, 1960. С. 70); 2 – современный герб города Ярославля; 3 – гребень из Владимирских курганов (по: Спицын, 1905. С. 155); 4 – топор-молоток с медвежьей головой из города Ростова-Ярославского (по: Крайнов, 1987. С. 184); 5 – группа 1 изображений лап из погребений Ярославского Поволжья; 6 – группа 2 (по: Седых, 1995. С. 63).

3 – кость; 4 – камень; 5-6 – глина. 1-3 – без масштаба.

Рис. 2. Фibuла и детали конской сбруи.
 1 – fibула из Тимерёвского поселения; 2-4 – детали конской сбруи из Тимерёвского некрополя. Фото автора.
 1– бронза, позолота; 2-4 – бронза.

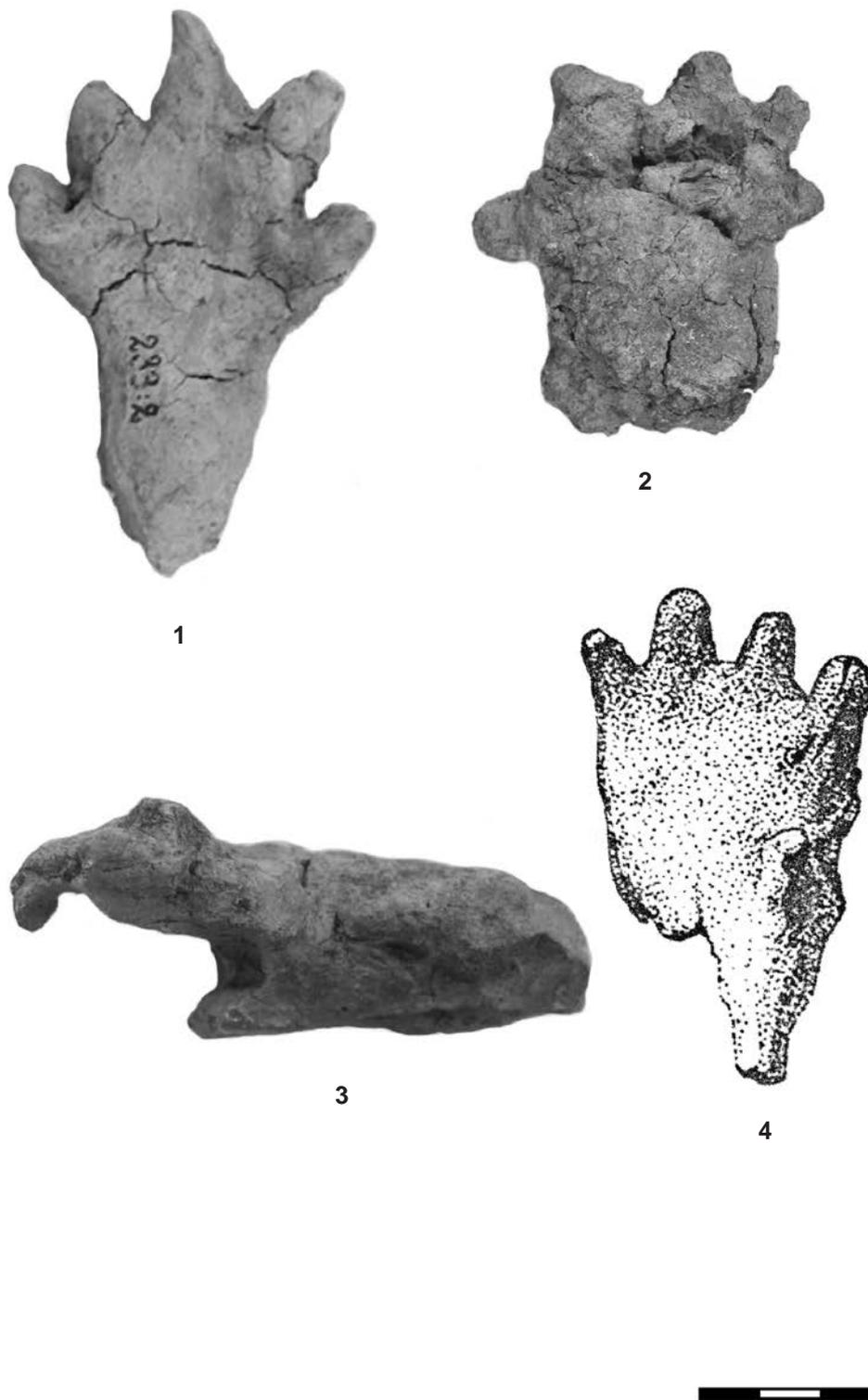

Рис. 3. Изображения лап из погребальных комплексов.
1-3 – Аландские острова (фото автора); 4 – лапа группы 1 из кургана № 287
(по: Фехнер, Недошивина, 1987. С. 83).

И.К. Лабутина, Э.В. Королева
(Псковский музей-заповедник)

К ИЗУЧЕНИЮ ПОДВЕСКИ С КНЯЖЕСКИМИ ЗНАКАМИ ИЗ РАСКОПОК 1976 Г. В ПСКОВЕ

Предлагаемые заметки касаются трапециевидной бронзовой подвески с княжескими знаками, найденной много лет назад, в 1976 г., при раскопках в Пскове (рис. 1)¹. Информация об этой находке была включена в сообщение об итогах археологического сезона (Лабутина, Кильдюшевский, Щапова, 1976. С. 24). Позднее более подробное описание подвески вошло в обзорную статью о культурном слое Пскова (Лабутина, 1983. С. 17-18, 23. Рис. 10. С. 21). В публикации отмечалось, что находка происходит из слоя XI в. непосредственно над песчаным материком, и не исключалось, что она попала в слой из отложений нижележащего курганного кладбища. Были приведены данные о размерах подвески, ее материале и дано описание знаков на обеих сторонах предмета. Технология изготовления вещи к тому времени оставалась неизученной и в определении приемов обработки металла имелись неточности. Тогда же была сделана попытка найти аналогии и определить принадлежность знаков на подвеске, отмечено зеркальное сходство знака на стороне Б с тамгой Святополка Ярополковича. Однако полного

соответствия каждому из знаков и, тем более их сочетанию, не было установлено².

Авторы настоящей статьи надеются, что со временем «прочтение» знаков на подвеске будет найдено. Пока же ряд уникальных особенностей изображений не позволяет с уверенностью персонифицировать их владельцев. Отметим, что не имеет повторения и найденная в Пскове в 2008 г. серебряная двусторонняя подвеска со знаком Рюриковичей (Ершова, 2010. С. 257. Рис. 6, 7). Обе находки выявлены в археологическом контексте, что придает им особую источниковедческую ценность.

На данном этапе исследования наша задача состоит в рассмотрении следующих вопросов. Во-первых, это археологический анализ места находки (топография, стратиграфия, связь с другими объектами раскопа) и данных для стратиграфического датирования (пока опубликованных в кратком изложении – см. выше). Решению этой задачи сегодня благоприятствует завершение раскопок на ул. Ленина: накопление данных по стратиграфии и динамике застройки, а также создание базы дендрохронологических

¹ Паспортные данные находки (на основе полевой, отчетной и хранительской документации): подвеска со знаками Рюриковичей с двух сторон – ПЛ-76-III, участок «Х», квадрат 329, пласт 12, глубина – 227 см, полевой номер 8 (ПГОИАХМЗ, № КП 9644, номер по описи 522). Иллюстрации к данной статье в основном выполнены одним из авторов – Э.В. Королевой (рис. 1, 5-11). Ситуационные планы любезно исполнены сотрудником Археологического центра Псковской области – Р.Г. Подгорной (рис. 2-4).

² Рассматривая псковскую подвеску из раскопок 1976 г. вскоре после ее публикации в 1983 г., А.А. Молчанов увидел в ней признаки современного фальсификата и обосновал свое мнение, сославшись на геральдические и стилистические несообразности в изображениях, и, в первую очередь, на «обстоятельства находки» (Молчанов, 1986. С. 185). Что именно в обстоятельствах находки вызвало сомнение у автора, осталось неизвестным. В последующих работах другого исследователя – С.В. Белецкого, – мнение А.А. Молчанова было неоднократно поддержано (Белецкий, 1996. С. 85; 2000. С. 83; 2004. С. 275). А.А. Молчанов к этому вопросу больше не обращался. Остается неясным, какие обстоятельства находки повлияли на заключение о происхождении предмета. Ни А.А. Молчанов, ни С.В. Белецкий не были участниками раскопок 1976 г. на ул. Ленина в Пскове, не работали с самим предметом, хранящимся в Псковском музее-заповеднике, и не изучали археологическую документацию раскопок.

данных. Вся вещевая коллекция из раскопок 1976 г. находится в фондах ПГОИАХМЗ.

Второе направление нашего исследования посвящено изучению самого предмета: его морфологических признаков, технологии изготовления, элементного состава металла. Для этой работы полезным оказался опыт изучения ювелирного ремесла и состава металла ювелирных изделий, имеющийся у одного из авторов (Королева, 1996. С. 229-300; 1997).

Раскоп III на улице Ленина в Пскове, где была найдена подвеска, являлся частью обширной территории, исследованной археологическими раскопками в 1967-1991 гг. (рис. 2). Общая площадь ее 9268 кв. м. История исследования и его результаты отражены в научной литературе (АИП. Вып. 3, 1996: и др.). Кратко остановимся на общих характеристиках культурного слоя и, более конкретно, раскопа III, места находки подвески.

Улица Ленина находится в центре современного Пскова. В средневековом городе эта территория была частью посада, а затем и города. Междуречье Великой и Псковы, включая раскопаный участок, в 1309 г. было защищено каменными укреплениями. До второй половины XIV в., когда была построена четвертая каменная стена Пскова, часть города между Домантовой стеной и укреплениями 1309 г. называлась *Застеньем*.

Раскопками установлено, что со времени заселения участка он оставался местом жилой застройки, где были раскрыты десятки дворов, разнородные деревянные сооружения, в том числе несколько сотен срубов. Здесь же были изучены уличные магистрали, две из которых сохраняли свое положение вплоть до перепланировки конца XVIII в. Из каменных сооружений самыми значимыми являлись основание крепостной стены 1309 г. и часть воеводского двора XVII в.

Мощность слоя на исследованной площади составляла от 1,5 до 6,7 м. Величина поздних отложений (преимущественно XIX–XX вв.) колебалась в пределах 0,6-2,4 м. Именно с этого уровня вторгались в культурный слой средневекового периода многочисленные каменные сооружения (Яковлева, 1996. С. 49-68. Рис. 3). Средневековые отложения периода заселения имели толщину от 0,3-0,8 м (наименьшие показатели прослежены в юго-восточной части массива раскопов, на раскопе IX) до 3,7 м (северная часть раскопа XIII) – 4,5 м (северная часть раскопа X).

Под этими напластованиями с многоярусной застройкой в 1974 г. были открыты и в дальнейшем исследовались неизвестные ранее памятники – курганный некрополь Пскова X–начала XI вв., выбор места для которого определялся, в частности, наличием песчаных последнедевических отложений, и синхронное ему святилище. При заселении участка курганы оказались полностью или частично уничтоженными, а открытые погребения (всего 73) сохранились благодаря нахождению их под насыпями и в ямах. Отложения, связанные с периодом возникновения, существования и разрушения кладбища, условно названы «слоем некрополя». Мощность этого слоя от 0,08 до 0,96 м.

Пограничными между слоем некрополя и основной частью культурного слоя были отложения серой супеси, иногда с мелкими углистыми включениями. Они отражали период прекращения функционирования кладбища и являлись визуальным рубежом между песчаными отложениями и слоем, насыщенным органикой. Толщина слоя от 0,03 до 0,35 м; сохранился он не везде (Лабутина, 1996а. С. 31-32; 43-45; Милютин, 1994. С. 129-133).

Рельеф участка при освоении его под кладбище и позднее под заселение не был однороден. Первоначально здесь существовала возвышенность, вершина ее в виде относительно ровного плато и верхняя часть склонов вошли в общие контуры раскопов. К первоначальному рельефу относится и русло ручья на южном склоне (раскопы III, IX). Как показало измерение поверхности материка, наиболее высокие отметки пришлось на площади XII, XVI, III, IX раскопов и центральную часть массива раскопов. К западу, северу и северо-востоку от центра возвышенности наблюдалось падение поверхности. Наибольший перепад высот (до 4 м) отмечен по северо-восточному склону (Вязкова, Милютин, 1996. С. 91-99. Рис. 1-4). В северных раскопах прослежен максимум мощности средневековых отложений и культурного слоя в целом.

Определению хронологических границ средневековых отложений способствовало применение с 1969 г. дендрохронологического метода (Колчин, Черных, 1977. С. 110; Урьева, Черных, 1983; Черных, 1996а, б). С объектов застройки было получено 3777 спилов, из них обработано 2570, в том числе датировано 1534³ (Кулакова, 2001. С. 4, 10, 11)⁴.

³ Количество датированных спилов сообщено М.И. Кулаковой.

⁴ Абсолютная хронология псковской дендрохронологии (788-1767 гг.) была установлена Н.Б. Черных и расширена М.И. Кулаковой (Черных, 1996а. С. 128-129; Кулакова, 1996. С. 205. Прил. IV ,б).

Состояние изучения ярусов и датировки застройки на настоящий момент отражено в кандидатской диссертации М.И. Кулаковой (2001) и ряде работ И.О. Колосовой и И.К. Лабутинной (Колосова, 1999; Лабутина, 2007; Лабутина, Колосова, 2011). Общее количество ярусов – 15 (0-14)⁵. Самый ранний, обозначенный руководителем раскопа X как 15 (Плоткин, 1996. С. 165, 166), рассматривается здесь под номером 14 (Кулакова, 2001. С. 15; Лабутина, Колосова, 2011. С. 156). Дата 14 яруса – рубеж X–XI–первая четверть XI вв. Этому ярусу предшествовала доярусная застройка X в. Она, таким образом, была синхронна находящемуся южнее курганному кладбищу.

На территории курганного кладбища застройка появляется позднее, не ранее времени 12-13 ярусов (рис. 2, раскопы Б, XIII, XII, IV-VIII), на остальных раскопах следы ранней застройки относятся к 8-11 ярусам. Установлено, что освоение территории некрополя началось спустя некоторое время после прекращения захоронений, в середине–второй половине XI в. По-видимому, оно не было одновременным по всей площади.

Раскоп III (руководитель Ю.Л. Щапова), как и одновременные с ним и образывавшие единую площадь раскопы I и II 1976 года (руководители И.К. Лабутина и В.И. Кильдюшевский), располагался на месте планировавшегося строительства на улице Ленина (рис. 2, 3). Общая площадь трех раскопов с единой нумерацией квадратов составляла 1380 кв. м. Измерение глубины велось от единого нуля (+45,98 в Балтийской системе высот). Организация и методика работ, а также виды полевой документации получили характеристику в начальной части отчетов о раскопках (Лабутина, 1976. Л. 1-17; Щапова, 1989. Л. 3-4)⁶.

Общая мощность слоя раскопа III от дневной поверхности до материка колебалась в пределах 1,56-3,35 м⁷. Наименьшие значения ее (до 2 м) отмечались в крайней восточной части раскопа, наибольшие – около и более 3-х м – в материковых ямах и по дну русла ручья. Территория раскопа III приходилась на верхнюю часть существовавшей здесь возвышенности (Вязкова,

Милютинина, 1996. Рис. 1, вклейка). Поздние отложения составляли более 1 м. Средневековые напластования имели мощность 1,5-2,0 м (не считая глубин материковых ям). Как и на соседних раскопах, слой был представлен темно-коричневой землей с включениями органических остатков, обильно прослоенной включениями щепы, навоза, глины, песка. Своеобразие участка заключалось в обнаружении двух топографических объектов, влиявших и на состав, и на консистенцию слоя.

Впервые при археологических раскопках в Пскове были открыты валунный фундамент и фрагменты кладки крепостной стены 1309 г., вошедшей в раскоп на 18 м. Удалось выявить слои строительства и разборки (в 30-х гг. XV в.) стены (Щапова, 1989. Л. 47-51. Черт. 24, 25, кв. 225-229; черт. 25, кв. 336-340; черт. 26). Строительный мусор (известняковый щебень с раствором), перекрывавший валунный фундамент, выявлялся на уровне 6 пласта. Скопления известняковых плит и щебня на уровне 8-10 пластов (уч. «С», «Т» и «Х») Ю.Л. Щапова справедливо связывала с периодом строительства стены (Щапова, 1989. Л. 13, 44. Черт. 6з, 7б, 7г).

Другим объектом, влиявшим на характер культурного слоя раскопа, был естественный овражек (русло ручья), упомянутый выше (рис. 4). Его восточный (левый) берег находился в 3-8 м к западу от крепостной стены. Направление русла и водотока – с северо-востока на юго-запад; позднее его продолжение было открыто южнее на раскопе IX (Вязкова, Милютинина, 1996. С. 94. Рис. 2). Ширина русла от 3 до 6 м, глубина 0,6-1,3 м. Западный берег более низкий и пологий, восточный – более высокий, что определило положение трассы стены 1309 г. Заполнение оврага – влажная, рыхлая земля, обломки дерева, камни (известняк и булыжники), кости домашних животных, предметы из культурного слоя. Местами (кв. 282, 283, 288, 289) основную часть заполнения составляла треста (кострика). По дну русла текла вода. Ко времени строительства крепостной стены русло заплывало культурным слоем, местами перекрытым слоем строительства стены (Щапова, 1989. Л. 31, 44. Черт. 24, кв. 225-227).

⁵ Нумерация ярусов велась от позднего (0) к раннему (14).

⁶ Все данные о результатах археологических раскопок (раскоп III) почерпнуты из полевой и отчетной документации, хранящейся в Пскове, а также публикаций. Места хранения полевой документации – Древлехранилище ПГОИАХМЗ (Фонд 177) и архив ГБУК АЦПО. Чистовые чертежи (ватман, калька, синька) хранятся в Древлехранилище ПГОИАХМЗ (Фонд 177). Отчет руководителя раскопа Ю.Л. Щаповой и документация к нему находится в ГБУК АЦПО (архив, фонд раскопа III на улице Ленина, 1976 г.).

⁷ По материалам отчетов, в т.ч. характеристикам материка и профилей (Лабутина, 1976. Л. 9; Щапова, 1989. Л. 3, 4, 30-34, 47-53. Черт. 14 а-д, 24-26).

В ходе работ выяснилось, что раскоп разделен ручьем на две части: восточную, высокую, и западную, низинную. Высокая часть в границах раскопа имела в составе средневековых отложений стену 1309 г. и постройку в материке с позднесредневековыми находками (погреб ?) между ручьем и местом разобранный стены (Щапова, 1989. Черт. 14д, кв. 312-313, 324-326, 337). Вся остальная застройка, учтенная в описаниях и чертежах ярусов, находилась в западной половине раскопа, на участках «Ф», «Р», «С», «Х», «Ц». Очевидно, соседство ручья и его разливы затруднили раннее освоение участка⁸. В то время, когда на местах старого кладбища, на раскопах Х, XIII, А, Б, во второй половине XI–начале XII века (11-13 ярусы) росла дворовая застройка, на восточных окраинах той же территории строиться не спешили.

Самые ранние сохранившиеся остатки застройки на раскопе III находились на участках «Ф» и «Х», на глубинах 10-11 пластов. Речь идет о срубе 12 на участке «Ф». Сруб выходил в раскоп III северной частью (Щапова, 1989. Л. 45, 46. Черт. 8в, 22в, кв. 290, 291, 290а, 292а), южная его часть позднее, в 1978 г., была открыта в соседнем раскопе, получив иной номер – 14 (Лабутина, 1978. Л. 46, 53, 54. Черт. 13, 15, фото 30, 47).

Н.Б. Черных установила даты рубки дерева для конструкций в северной части сруба: 1253, 1235, 1235, 1238, 1240 (Лабутина, Кулакова, 2003. С. 74, 75: №№ 162-166). По сумме признаков (в частности, планировочной связи с постройкой раскопа 1978 г. – срубом 6, получившим дендродату 1271), сруб 12 (14) был отнесен к 8 ярусу (Черных, 1996б. С. 189-190. Рис. 11). Накопление дендрохронологического материала по всем раскопам позволило определить дату этого строительного яруса как середина (40–60-е гг.) – до 80-х гг. XIII в. (Лабутина, Кулакова, 2003. С. 70; Колосова, Лабутина, 2011. С. 156).

Вторым объектом, относящимся к 8 ярусу, был дубовый настил на участке «Х», раскрытый на уровне 10-11 пластов. Он состоял из бревен длиной 3,7-3,8 м. Протяженность его не менее 7,6 м (по восточной лаге). Направление соот-

ветствует планировке застроенной территории (ЮЗ-СВ). Юго-западная часть настила выходила за пределы раскопа (на раскоп IV). Настил перекрывал материковую яму № 1.

Дневная поверхность 8 яруса для сохранившихся на III раскопе построек определяется как верхняя часть-середина 11 пласта (-205-210 см). Ниже, на глубинах 11-14 пластов, залегал культурный слой, составленный, преимущественно, темной рыхлой землей с отдельными участками, включавшими примеси навоза и щепы, остатки беспорядочно залегавших обломков дерева и фрагменты двух настилов⁹. Максимальная толщина слоя отмечена в западной половине раскопа: на участках «Ф» (0,7 м) и «Х» (на последнем в кв. 307, 317-319, 329-331, между ямами – 0, 5 м) (Щапова, 1989. Л. 20, 21, 23, 24, 26-28). Именно с этими отложениями связывается рассматриваемая находка.

Характер названных и иных включений в слой позволяет считать, что участок использовался до возникновения на нем дворовой застройки¹⁰. Следы активной деятельности «у ручья» отражены в многочисленных ямах в материке на участках «Ф», «Р», «С», «Х», «Ц», «спущенных» с уровня средневекового слоя (Щапова, 1989. Л. 30-34. Черт. 14, а, в, з). Некоторые из ям сохранили в заполнении следы производственной деятельности: куски железного шлака, металла, руды (уч. «Ф»), обработки льна (уч. «Х», яма 1).

На III раскопе, как и на большей части изученной территории, кроме мест, где он был нарушен ямами, присутствовал серый-темно-серый супесчаный слой над «слоем некрополя». Мощность его 0,04-0,3 м.

Слой кладбища представлен песком и гумусированным песком с включением участков погребенного дерна. На границе с песчаными отложениями и в песке в виде редких включений встречались пережженные кости: неопределимые и принадлежавшие животным (Андреева, 1996. С. 174, 3, 5).

На III раскопе были открыты два погребения: в кв. 288 – 11 (10) и в кв. 330 – 12 (11)¹¹ (рис. 4).

⁸ В XVI–XVIII вв. воды ручья потребовали строительства специальных сооружений: дренажные трубы и колодцы обнаружены на III и соседних раскопах. Они заглублялись в ранние отложения и нарушали слой и застройку на участках «Р», «С», «Т» в северной части раскопа III (Лабутина, 2004. С. 61-68, 79).

⁹ Настилы отнесены к 10 ярусу (Щапова, 1989. С. 46). На наш взгляд, автономность этих остатков не позволяет с определенностью принять данное заключение.

¹⁰ Подробного анализа вещевых находок из этой части слоя, заполнения ям и русла ручья вне отчета не проводилось. Исключение составляют стеклянные изделия, определение которых было проведено Ю.Л. Щаповой в 1982 г. (Щапова, 1982; Щапова, Лабутина, 1985. С. 23-24), и отдельные предметы других категорий.

¹¹ Номера в скобках соответствуют нумерации в отчете о раскопках и публикации 1981 г. (Лабутина, Кильдюшевский, Урьева, 1981. С. 70. Рис. 1 на с. 74).

Оба они совершены по способу кремации и представляли собой сильно потревоженные комплексы (Щапова, 1989. С. 35, 36. Черт. 11а, 13, 10г, 11г; Лабутина, Кильдюшевский, Урьева, 1981. С. 74; Андреева, 1996. С. 174).

Из погребений соседних раскопов ближайшим к месту находки подвески было погребение 17 (рис. 4), обнаруженное в квадратах 360, 365 раскопа IV на глубинах 13-15 пластов (Лабутина, 1996б. С. 100, 103-105. Рис. 4).

Слой некрополя подстилался материком, представленным на раскопе песчаными, песчано-глинистыми, глинистыми отложениями. Отличие от слоя кладбища – отсутствие гумусных включений, большая плотность.

5 августа 1976 г. в полевом дневнике участка «Х» появилась запись о находке в кв. 329 при снятии 12 пласта подвески со знаками Рюриковичей с двух сторон. Свидетелем обнаружения ее в момент зачистки западного профиля в кв. 329 стала начальник раскопа Ю.Л. Щапова. Тогда эта находка была отмечена на участковом плане (План участка «Х», пласт 12, №8) и отражена на плане раскопа (рис. 5).

Приведем краткую характеристику слоя 12 пласта из отчета: «Культурный слой – темно-коричневая рыхлая земля. К основному слою прослежена примесь щепы и навоза, песка, глины, щебня, угля. Песок в виде примеси, вкраплений и тонких прослоек». (Щапова, 1989. Л. 23). На западных участках («Ф», «Р», «С», «Х») преобладал культурный слой и – иногда – подстилавший его серый супесчаный слой. Лишь местами проявлялись (в нижней половине 12 пласта) песчаные пятна. В кв. 329 поверхность песка с прослойками темной земли (древнего дёрна) открывалась на этом же уровне (Полевой дневник участка «Х», 5, 11 августа). Эта ситуация отразилась в профиле по южной и западной границам кв. 329 (рис. 6, А, Б).

План 12 пласта включает немногие объекты (рис. 5). Это яма 1 в центре участка (неправильный овал, контуры проявились целиком на уровне 13-14 пластов, дно на уровне 17-18 пластов). Яма была ориентирована по длинной оси с Ю-З на С-В (рис. 5; Щапова, 1989. С. 33-34). Заполнение ямы многослойное, в его составе скопления тресты, достигавшие мощности 0,3 м (кв. 317, 318). Наслоения были засыпаны слоем материковой глины, поверх которых в верхнем горизонте ямы обнаружили доски, жерди, бочонок, корыто. Время засыпки ямы автор отче-

та связывает с периодом 9 яруса (Щапова, 1989. С. 46), датируемым рубежом XII–XIII–20-ми гг. XIII в. (Лабутина, Колосова, 2011. С. 156). Тогда переполненная яма перестала использоваться, а в середине XIII в. была перекрыта дубовым настилом 8 яруса (Щапова, 1989. Л. 44-45. Черт. 21г). На уровне 13 пласта в заполнении были встречены фрагменты железной петлекопечной гривны, звериноголовый браслет, а в 12 пласте каменное грузило и 2 железных стержня (Щапова, 1989. Л. 28, уч. «Х», №№ 10, 11. Л. 25, уч. «Х», №№ 4-6. Черт. 10г).

Две другие ямы (в кв. 278 и 331, 319) проявились в плане на уровне 13 пласта, но концентрация находок в их контурах на отметках 12 пласта отражает верхний уровень их заполнения.

Индивидуальные находки участка перечислены в экспликации к рис. 5. Большинство находок происходит из верхней части заполнения ям. Если яма 1, как было отмечено выше, может быть датирована по стратиграфическим признакам (для позднего периода своего существования) рубежом XII–XIII–20-ми гг. XIII в. и этому не противоречат даты находок в её заполнении, то для двух других ям мы располагаем лишь единичными датирующими находками (бронзовый тройной перстень с обрубленными концами и фрагмент стеклянного витого фиолетового браслета) (Коллекционная опись¹² 1952 – III/ 524, 525). Подобные перстни известны, в частности, в Новгороде в слоях XII и XIII в. (Седова, 1981. С. 125). Стеклянный браслет из ямы в кв. 331 был отнесен Ю.Л. Щаповой к периоду с XII в. по 1240 г. (Щапова, 1982. Раскоп III/31).

Из вещей вне ям, обозначенных на планах 12 пласта и материка (Щапова, 1989. Черт. 14г), датирующие находки имеются только в кв. 329. Это шиферное пряслице (рис. 5, 9; оп. 1952-III/526) с широкой датировкой (X–XIII вв.) и развал части кругового горшка (рис. 7, 3) (оп. 1952-III/521), найденный в 36 см от рассматриваемой подвески. Заключение о возможной дате изготовления горшка любезно дано В.М. Горюновой. «Горшок... – пишет она, – достаточно аморфен в смысле датирующих признаков и для узкой датировки не годится. Но вполне определено, что он не имеет отношения к могильнику, так как подобный профиль появляется не ранее второй половины–конца XI в., чаще встречается в XII в. Правда, орнамент его нетипичен для этого времени, вернее, его исполнение: нерегулярный прерывистый, нанесенный палочкой по

¹²Далее – оп.

спирали. Но некоторым экземплярам керамики конца XII–начала XIII вв. присуща техническая примитивность, чаще в конструировании сосудов. В данном случае этого нет, но вот, видимо, при нанесении орнамента использовали архаичный прием. В пользу поздней датировки могут говорить его пропорции». Итак, дата горшка: не ранее второй половины–конца XI–до рубежа XII–XIII вв.

Возможность датировки 12 пласта на ограниченном участке на основе скудного датирующего материала и при нарушениях целостности слоя незначительна. Можно лишь констатировать наличие следов отложений XII–начала XIII в. Вместе с тем обнаруженные предметы дают некоторую информацию о характере использования участка. Более половины находок относятся к бытовому инвентарю (в том числе универсальному – ножи, точильный камень), рыболовному промыслу, женскому труду (пряслице). Близкий для нижней части культурного слоя состав предметов и наличие следов обработки льна (треста) встречены и на соседних участках, что позволяет считать, что до возникновения дворовой застройки прилегающий к ручью участок использовался для хозяйственной деятельности, в том числе связанной с использованием воды. Находки утерянных украшений и шиферных пряслиц свидетельствуют об участии в этой деятельности женщин.

Обратим внимание на то, что слой, в котором была обнаружена привеска, имеет стратиграфические приметы, маркирующие его верхнюю и нижнюю границы. Верхняя граница определяется отметками дневной поверхности 8 яруса – первого горизонта дворовой застройки в пределах III раскопа (-205 -214). Нижняя граница слоя стратиграфически соотносится с поверхностью песчаных отложений, в которых обнаружены погребения древнерусского некрополя. Верхние отметки этих отложений вне ям приходятся в западной части III раскопа на глубины преимущественно 12 и 13 пластов. Поскольку некрополь датируется X–началом XI в., возможная ранняя дата нижней части культурного слоя над песчаными отложениями – «после X–начала XI в.». Абсолютная хронологическая дата условной верхней границы этого слоя 40–60 гг. XIII в. (начальная дата 8 яруса).

Мощность нижнего культурного слоя от 0,2–0,3 до 0,5–0,7 м. Разделение слоя по отчётливым

временным горизонтам из-за нарушенности его ямами, а также при отсутствии сколько-нибудь значительных следов строительства и подержанности предметов в условиях рыхлого или влажного, вязкого слоя к перемещению по вертикали не представляется возможным.

В качестве дополнительного материала для хронологического определения всего нижнего слоя западных участков в целом¹³ приведем сведения по датирующим предметам (Приложение 1).

Вещевой материал достаточно уверенно «поддерживает» верхнюю стратиграфическую дату изучаемого слоя. Поздний период бытования многих категорий вещей приходится на первую половину XIII в. (шиферные пряслица, стеклянные браслеты). В слое выявлен лишь один предмет, изготовление которого начинается на позднем этапе нижнего слоя – гребень деревянный прямоугольный с вогнутыми боками (с 30-х гг. XIII в.) (Колчин, 1982. С. 165).

На XII в. приходится период сосуществования многих предметов. Наряду с широко датируемыми вещами (круглопроволочный браслет, шиферные пряслица, калачевидное кресало с язычком) в слое есть предметы, бытование которых начинается в XII в. (стеклянные браслеты, перстень тройной витой с обрубленными концами) или целиком «укладывается» в XII в. (перстень желтостеклянный со щитком). Эти наблюдения позволяют считать, что в нижнем слое присутствуют отложения XII в.

На разных уровнях изучаемого слоя обнаруживались и находки, которые могли отложиться в XI в., позднее времени существования кладбища. Среди них определенно перстень желтостеклянный плосковыпуклый, изготовление и бытование которого определяется рамками XI в. Сюда же могут быть отнесены вещи, начальной датой которых были: конец X–начало XI в. (гребень костяной типа Д, найденный на границе песка в кв. 360а, на глубине -235–236 (оп. 10859/367)); последняя четверть XI в. (ключ железный стержневой от нутряного замка (оп. 9152-III/811)). Учтем также, что профиль венчика горшка, найденного рядом с подвеской в кв. 329, принадлежит к форме, хотя и более характерной для XII в., но появляющейся во второй половине–конце XI в. Возможно, среди вещей широкого хронологического диапазона, включающего XI в. (в первую очередь, шиферные

¹³ Не учитываются предметы из ям, за некоторым исключением одновременных слою; не рассматривается площадь заполнения русла ручья и его левобережья до восточной границы раскопа.

пряслица), были те, что входили в состав отложений XI в.

Как нам представляется на основании приведенных данных, дата освоения указанного участка и, следовательно, ранняя дата культурного слоя раскопа III может быть обозначена как вторая половина XI–рубеж XI–XII вв.

Вне установленных хронологических рамок нижнего слоя из списка датирующих остались два предмета. Это бусы: стеклянная бочонковидная золочёная (оп. 9152-III/507) и сердоликовая 23-гранная пережжённая (оп. 9152-III/807). Обе бусины происходят из слоя 12 пласта: первая – из кв. 260, вторая – из кв. 275. Первая датирована «до 1-й четверти XI в.», производство – Сирия, вторая: X в., Восток (Щапова, 1982. Раскоп III/17, 19). Их присутствие в слое на участке, где размещался некрополь X–начала XI в., позволяет предполагать вторичное залегание предметов (возможно перемещение в результате разрушения погребений).

Итак, хронологические рамки слоя, в котором была обнаружена подвеска, довольно широки: от второй половины XI–рубежа XI–XII вв. до 40–60-х гг. XIII в. (полтора–два столетия). Местонахождение подвески у южной и западной границ раскопа позволяет, обратившись к чертежам профилей (рис. 6), подробнее рассмотреть микростратиграфию этого места.

Профиль западной стенки раскопа (кв. 329, 317, 305) (рис. 6, Б) одновременно служил разрезом слоя для названных квадратов и восточной границей участка «Ъ» (раскоп IV 1978 г.). Учитывая, что подвеска была обнаружена при зачистке западного профиля кв. 329, авторы сочли возможным обозначить место находки на профиле, опираясь на данные о глубине находки (-227), и координаты места на плане 12 пласта (рис. 5, № 8). Подвеска залегала в темно-коричневом слое, перекрывавшем темно-серый глинистый слой. Не характеризуя профили в целом, остановимся на тех отложениях, которые, по нашим наблюдениям, относятся к нижнему слою.

На рассматриваемых чертежах видны отчетливые границы, отделяющие отложения 7 и 8 ярусов застройки от предшествующего слоя. Это, во-первых, слой известняковых плит и щебня в кв. 329 (южный профиль) и кв. 329, 317, 305 (западный профиль) на глубинах 8-10 пла-

стов. Полоса щебня отражает реальные вымостки и скопления, зафиксированные на планах 8-10 пластов участка «Х». Уже в ходе раскопок удалось установить, что щебень и известняковая плита в вымостках относятся к периоду строительства стены 1309 г. Они принадлежат 7 строительному ярусу (Щапова, 1989. Л. 13, 44. Черт. 6з, 7б, 7з, 8з)¹⁴.

Во-вторых, это настил 8 яруса (разрез в кв. 317, 305) и синхронный ему слой, представляющие в западном профиле дневную поверхность 8 яруса (рис. 6, Б).

Профиль западной стены не содержит признаков вертикальных вторжений в нижний слой с уровней вышележащих отложений. Здесь, на данном разрезе слоя, остатки строительства 7-8 яруса отражают «кровлю», которая защитила стратиграфию нижнего слоя и содержащиеся в наслоениях объекты.

В западном профиле нарушение отложений прослеживается лишь на уровне слоя темно-серой супеси (здесь – и темно-серого суглинка) и песка, подстилающего культурный слой. В южном профиле темно-серый слой мощностью 10-20 см залегал горизонтально от правого берега ручья (кв. 331), где он перекрывался позднейшими наплывами слоев заполнения ручья, до центра кв. 329. Здесь (по западному профилю) наблюдался перерыв в слое до северной части кв. 317 – след ямы. Южной границей ямы в западном профиле служит склон серого суглинка, северной – в месте обрыва серого слоя над песком в кв. 317. «Её устье ... находится над темно-серым предматериковым слоем», – пишет автор отчёта (Щапова, 1989. Л. 52). Центральной частью ямы, вошедшей в песок, было уплощенно-сегментовидное углубление, заполненное углем и щепой (глубина -270), сечение на уровне поверхности песка 130 см.

Таким образом, на участке, отраженном западным профилем, первым шагом освоения оказалась яма в песке. Спустя некоторое время низкое место стало заплывать культурным слоем, тем самым, в котором на суглинистом склоне отложились подвеска с княжескими знаками (рис. 6, Б) и, видимо, разбитый горшок (рис. 7, 3). Этот слой был первым над центральным углублением с углем и щепой. Из отчёта: «Темно-коричневая земля со щепой и глиной

¹⁴Верхние отметки слоя в профилях –160-170 см, нижние –170-198. Мощность слоя 10-30 см. Этот же слой зафиксирован на чертеже южного профиля раскопа IV, являющегося продолжением профиля южной стены раскопа III (Лабутина, 1996 б. С. 101. Рис. 1, II). Здесь плиты известняка образовывали слой в 1-3 ряда в высоту, нижние отметки слоя около -180 см.

выстилает всю яму ...» (Шапова, 1989. Л. 52). Стратиграфически этот слой был начальным и вне ямы, в южной части кв. 329 (по смыканию с черным углистым слоем в южном профиле). Такое положение подвески в составе наслоений, отраженных западным профилем, влияет и на стратиграфическую дату нашей находки.

Не исключено, что следом ямы, отраженной в профиле, была яма на раскопе IV в восточной части квадратов 360, 365, границы которой впервые проявлялись на уровне 13-14 пластов (Лабутина, 1978. Черт. 19, 22). Поперечник ямы по границе раскопа 180 см, так что в раскопе IV могла быть выявлена лишь нижняя придонная часть ямы, запечатленной на чертеже профиля. Атрибуция ямы на участке «Ъ» затрудняется нарушением её границ двумя одновременными ямами, сливающимися с ней в кв. 360¹⁵.

Анализ местонахождения подвески с княжескими знаками позволил установить следующее. Подвеска была найдена в нижней части культурного слоя раскопа III, датируемого в диапазоне вторая половина XI–рубеж XI–XII –40-60 гг. XIII в. Она залегала в начальных отложениях этого слоя, на пологом склоне ямы, вырытой с уровня слоя серой супеси над песком, в темно-коричневом слое, образовавшем основание последующего заполнения ямы. Очевидно, что яма нарушила слой кладбища X–начала XI в. Потребовалось некоторое время, в течение которого накапливался первоначальный слой на поверхности и по стенкам ямы, где отложилась подвеска.

Исходя из ранней даты нижнего слоя и положения в нем подвески, стратиграфическая дата находки определяется периодом от середины–конца XI в. до середины XII в.

Место, где была открыта находка в период попадания её в слой, находилось в 5 м от русла ручья, в последующем заполненного культурным слоем. В песке на глубине около 0,3 м под местом находки находилось пятно погребенного дерна с углем, пережженными костями и вещами из комплекса погребения 17.

Местонахождение подвески не позволяет связать ее с определенным комплексом. Теоретически она могла происходить из погребально-го комплекса или из двора (жилища) лица, которому она принадлежала, но по неизвестным

причинам была утрачена и оказалась в XI или XII в. на окраине псковского посада.

Знаки князей Рюриковичей присутствуют на различных категориях изделий – это древнейшие русские монеты и актовые печати, подвески и перстни-печати, деревянные цилиндры – бирки сборщиков податей, пломбы т.н. «дрогичинского типа», кирпичи для церковного строительства, керамические сосуды, а также различные другие предметы военного, административного и хозяйственного назначения.

Среди вещей с изображениями княжеских знаков исследователи в отдельную, особо значимую и информативную, категорию неоднократно выделяли подвески (Рыбаков, 1940. С. 238-240; Молчанов, 1976. С. 69-91; 1986. С. 184-186; 2012. С. 441, 443; Петренко, 1977. С. 58-59; Белецкий, 2000. С. 65-83). Наиболее полный каталог этих находок опубликован С.В. Белецким (2004. С. 243-319).

Функциональное назначение подвесок как предметов, создаваемых исключительно для изображения и «предъявления» княжеских знаков, диктовало мастеру необходимость единого замысла изделия в целом. Обязательной задачей для ремесленника-ювелира являлось обеспечение композиционного единства формы предмета и особенностей изображенных на нем символов.

Ограничение рамок исследований только интерпретационными версиями персонификации знаков без реконструкции процесса создания изделия как такового, на наш взгляд, ограничивает информативные возможности источника.

Именно поэтому нам представлялось важным осуществить комплексное изучение псковского экземпляра, включившее в себя не только характеристику археологического контекста находки и определение стратиграфической даты, но и общее описание морфологических признаков, стилистических особенностей самого предмета и изображенных на нем знаков, определение технологии изготовления на основе визуального исследования, изучение элементного состава металла.

Подвеска с княжескими знаками из находок 1976 г. пятиугольная, трапециевидной формы, с ушком и отверстием в ушке. Пластина имеет удлиненный и заостренный в центре нижней ча-

¹⁵Стратиграфия отложений, представленная в западном профиле раскопа, находит соответствие в планах и описаниях слоя 11-14 пластов на участке «Ъ» раскопа IV. Так, скопления глины, сырой и обожженной, под дубовым настилом присутствует на плане и в описании 11 пласта, а прослойки древнего дерна в составе песка соответствуют пятнам с углем на уровне погребения 17 (Лабутина, 1978. С. 46, 61. Черт. 17, 19, 22, 24).

сти абрис (рис. 1). Ее размеры: длина (с ушком) 48 мм, длина (без ушка) 38 мм; ширина 27,5-29 мм (в центральной части пластина несколько уже – 27 мм), толщина 2,3-3 мм. Высота ушка 10 мм, ширина 3-5 мм, внешний диаметр 8 мм, диаметр отверстия 3,5 мм. Псковская находка на сегодняшний день самая миниатюрная по своим размерам среди известных древнерусских металлических подвесок такого рода¹⁶.

Подвески с княжескими знаками в силу их функциональной устойчивости представляют собой архаичный по форме, устойчивый от проникновения новых элементов тип предметов.

Псковская подвеска двусторонняя и по гармоничным пропорциям своей формы относится к наиболее распространенному, если можно так выразиться, «классическому варианту»: несколько вытянутая по высоте трапеция с удлинением завершением нижнего контура пластины, сформировавшимся в результате «вписывания» треугольного нижнего выступа помещенного на ней знака. На обеих сторонах углубленными линиями изображен княжеский знак в виде двузубца в рубчатой орнаментальной рамке, повторяющей контуры подвески. Ширина полосы рамки 2 мм, отступ от края подвески 1 мм.

Изображения на обеих сторонах подвески лаконичны, без орнаментальных «парадных» излишеств, что позволяет отнести их к линейной, упрощенной разновидности княжеских знаков. Такая графическая схематизированная форма знаков позволяет четко обозначить индивидуальные изменения исходного двузубца. Отметим, что подобная строгость изображения княжеских знаков в целом не характерна для известных древнерусских подвесок из сплавов на основе меди.

Сохранность подвески хорошая, следы потертости на ушке практически не фиксируются.

На стороне А¹⁷ (рис. 1, 1а) изображен двузубец прямолинейных очертаний, без треугольного выступа в основании, с отрогом наружу на правом зубце. На стороне Б (рис. 1, 1б) – двузубец прямолинейных очертаний с треугольным выступом внизу и осложненный крестообразной «накладной» фигурой с правой стороны в верхней части правого зубца¹⁸. Крест имеет свой замкнутый контур и частично перекрывает правый зубец, при этом внешняя линия зубца и левая линия вертикальной мачты креста совпадают. Таким образом, считать крест отрогом, изменяющим исходный двузубец, по всей видимости, нельзя. Данное обстоятельство, на наш взгляд, действительно сближает эмблему на псковской находке с изображением на т.н. таманском «брактеате» по принципам своего построения¹⁹. На «брактеате» правый зубец завершается крестообразной фигурой²⁰, что также можно считать усложнением, а не изменением исходного двузубца путем появления отрога (рис. 7, 1). Некоторое смещение креста по вертикали (и немного по горизонтали) на псковской подвеске не является принципиальным отличием от таманской находки, т.к. лично-родовые знаки не имеют абсолютного единообразия в деталях начертания²¹.

Признав сходство символов, изображенных на стороне Б псковской подвески и таманском «брактеате», при последующей персонификации данного знака необходимо будет принять во внимание все датировки и атрибуции, известные для находки из Тамани. В настоящей статье такая задача не ставится, поэтому приведем здесь лишь точку зрения, основанную на

¹⁶Вторая псковская подвеска со знаками Рюриковичей (серебряная, найдена в 2008 г.) соразмерна ей: размеры с ушком составляют 49x23-32 мм (Ершова, 2010. С. 26. Рис. 6, 7. С. 257). Другие опубликованные с указанием размеров древнерусские металлические подвески имеют большие параметры: 55x28 мм (Молчанов, 1976. С. 70-72. Табл. I, 1А); 72x39 мм (Молчанов, 1976. С. 71. Табл. I, 2А, 2Б); 63x35 мм (Молчанов, 1976. С. 74. Табл. II, 3А, 3Б); 68x37 мм (Молчанов, 1976. С. 74-75; Рыбаков, 1940. С. 238-239. Рис. 35-36); 65 x 37 (Молчанов, 1976. С. 75-76; Рыбаков, 1940. С. 239. Рис. 37); 52x28 мм (Молчанов, 1976. С. 74, 76. Табл. II, 6А, 6Б).

¹⁷Стороны А и Б определены в соответствии с предшествующими публикациями находки (Лабутина, 1983. С. 21. Рис. 10; Белецкий, 1996. С. 85. Рис. 58).

¹⁸Идея о «накладном» характере фигуры креста принадлежит Е.А. Яковлевой (директору Археологического центра Псковской области), проявившей большой интерес к нашей работе, за что авторы выражают ей искреннюю признательность.

¹⁹Суждение о сходстве изображения на псковской находке с лично-родовым знаком на «таманском брактеате» высказывалось «с известной степенью гипотетичности» ранее С.В. Белецким (Белецкий, 1996. С. 85. Прим. 23; 2004. С. 276-277).

²⁰Крест образован путем наложения горизонтальной перекладки на верхнюю часть правого зубца.

²¹Как отмечал А.А. Молчанов, «все зависит от размеров предметов, на которых они изображались, материала, из которого они изготовлялись, технологии изготовления последних и степени декоративно-орнаментальной разработки графической композиции тамги» (Молчанов, 1982. С. 225).

единственном бесспорном факте, верном и для псковской подвески, – зеркальном сходстве знака на таманском «брактеате» с изображением на серебряных монетах киевского князя Святополка Ярополковича (1017–1019 гг.)²².

Полагаясь на данное обстоятельство, А.А. Молчанов предположил принадлежность двузубца с крестом на правом зубце брату Святополку Мстиславу Владимировичу и отметил, что «Мстислав Тмутараканский (умер в 1036 г.) остается в первой половине XI в. единственным удельным князем, кто мог бы официально иметь свой знак на равных правах с киевским князем, располагая для этого всеми законными основаниями после раздела с братом Ярославом русских земель в 1026 г. Начать же пользоваться своим собственным знаком Мстислав мог уже на самом первом этапе борьбы с ним – в 1023 или 1024 г.» (Молчанов, 1982. С. 226)²³.

Оба знака на псковской подвеске изображены зубцами вверх. Отметим, что основание двузубца без т.н. «нижнего угла» на стороне А по высоте составляет 7 мм, что приближается к высоте основания двузубца вместе с нижним треугольным выступом на стороне Б – 9 мм. Таким образом, двузубец на стороне А своеобразно компенсирует отсутствие нижнего треугольного выступа более мощным основанием и, соответственно, оба знака занимают почти равное поле каждый на своей стороне подвески (с учетом отрога и усложняющей фигуры креста на правых зубцах): знак на стороне А 14x20 мм, на стороне Б 16x22 мм. Ширина боковых зубцов обоих знаков 3-4 мм. Уникальный для подвесок X–XI вв. элемент оформления псковской находки – одинаковая орнаментальная рубчатая рамка вокруг знаков на обеих сторонах – также подчеркивает композиционное единство предмета с разными княжескими эмблемами.

Можно говорить об определенном периоде бытования псковской подвески и том, что она (или другие экземпляры из этой серии)²⁴ была известна на довольно обширной территории и явно стала прототипом для одной из более поздних т.н. «геральдических» ливских подвесок, на которой присутствует похожая контурная рубчатая орнаментальная рамка (рис. 1, 3) (Белецкий, 2004. С. 246. № 26. Лаукскола, медь, погребение № 578, XII–XIII вв. (рис. 5, 1,3); Zariņa, 1988: 60. Tab. 43). Отметим, что ранее С.В. Белецкий отмечал орнаментальную рамку псковской подвески как элемент, отсутствующий на других подобных предметах (Белецкий, 2004. С. 275–277).

Визуальный осмотр подвески с увеличением позволил уточнить технологию ее изготовления. Она цельнолитая, отлита вместе с ушком. Отверстие в нем получено путем использования в процессе литья вставного стержня (рис. 8).

Предмет изготовлен способом литья по восковой модели, о чем свидетельствует ряд признаков: отсутствие острых краев у заглубленных линий; плавность углов, которая невозможна при гравировке по металлу; местами плавное прерывание углубленных линий, которое образуется при недоливе металла; мелкие литейные раковины, перекрывающие углубленные линии; на стороне А видны следы заглаживания по воску. Оба изображения и орнаментальная рамка с двух сторон подвески были вырезаны на восковой модели, а затем отлиты.

Отметим, что формирование восковой модели, судя по геометрии силуэта²⁵, происходило на стороне Б, т.е. сначала было завершено оформление стороны А. Это подтверждает единство замысла и исполнения изображений знаков на подвеске, т.к. изначально был сформирован удлиненный нижний контур предмета, который не требовался для изображения знака на стороне А.

²²Тезис о том, что изображение на стороне Б псковской подвески является зеркальным повторением знака, принадлежавшего Святополку Окаянному, был высказан уже в первой ее публикации (Лабутина, 1983. С. 17-18).

²³В своих работах последних лет исследователь не изменил своего мнения по атрибуции этого символа (Молчанов, 2008. С. 254. Табл. 2; 2012. С. 446-447. Рис. 10).

²⁴Несомненно, что подвески с княжескими знаками изготавливались серийно, чтобы выполнять свою функцию верительного знака в различных сферах – дипломатии, управлении, торговле. Сегодня известны предметы, происходящие из двух серий X-XI вв., – из Новгорода и с Белгородка близ Киева, изготовленные, как считают авторы публикаций, в одной литейной форме (Рыбаков, 1940. С. 238-239. Рис. 33, 34, 35, 36; Молчанов, 1976. С. 73-74. Рис. 3А, 3Б – подвески №№ 3 и 4; Белецкий, 2004. С. 268-271. Рис. 10, 1,2; подвески №№ 28,38), а также из Кельгининского могильника на территории Мордовии, которые различаются мельчайшими деталями декора (Белецкий, 2004. С. 259-261. Рис. 18, 1, 2; подвески №№ 51, 52). Другие подвески дошли до нас в единичных экземплярах, т.к. из-за дефицита цветного металла, как и остальные предметы, утратившие свой функциональный смысл, попадали в переплавку.

²⁵Здесь имеется в виду большая уплощенность и более острый край стороны Б, а также некоторая скругленность боковых граней по направлению к поверхности стороны А (см. разрез подвески на рис. 1, 2).

Анализ элементного состава металла подвески был выполнен рентгенофлуоресцентным энерго-дисперсным методом (РФА) с помощью переносного портативного прибора X-MET5100²⁶.

Исследование проведено на 16-ти различных участках подвески, включая ушко, боковую грань и обе стороны со знаками. Определена основа сплава: медь (содержание в пробах Cu от 84,8 до 88,5 %). Основные легирующие компоненты: цинк (Zn от 2,5 до 7,4 %), свинец (Pb от 3 до 9,1%), олово (Sn от 1 до 1,9 %).

В составе сплава практически во всех пробах присутствовали примеси сурьмы (Sb от 0,4 до 1,7 %) и никеля (Ni 0,1 %), в 13 зафиксировано наличие серебра (Ag от 0,5 до 0,9 %) (рис. 9). Выявлено небольшое содержание (0,1 %) следующих элементов: иридия (Ir – 1 проба), ниобия (Nb – 8 проб), циркония (Zr – 1 проба). В сплаве подвески отсутствуют примеси мышьяка и висмута.

Отметим, что в большинстве проб цинк в среднем процентном отношении значительно преобладает над содержанием свинца и олова, несмотря на «всплески» повышенного содержания свинца в нескольких случаях (рис. 10). Повышенная концентрация свинца в различных точках, где были выполнены пробы, объясняется его склонностью к ликвации при застывании отливок (он не растворяется, выделяясь в однородном виде, тем самым вызывая неоднородность сплава) (Мальцев и др., 1960. С. 53; Цветные и драгоценные металлы..., 2008. С. 116).

Таким образом, металл подвески представляет собой многокомпонентный сплав: Cu+Zn+Pb+Sn+(Sb)+(Ag), где средние значения

концентрации основных элементов следующие: Cu – 87,55 %, Zn – 5,83 %, Pb – 3,99 %, Sn – 1,27 %, Sb – 0,77 %, Ag – 0,58 %.

Сравним элементный состав сплава подвески (средние значения) с имеющимися данными по средневековому металлу из археологических раскопов в Пскове. В нашем распоряжении выборка данных о составе металла 480 предметов, исследованных в 1992-1993 г. методом количественного спектрального анализа в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН В.А. Галибиным, и выборка данных о составе металла 35 предметов, полученных с помощью РФА в рамках подготовки данной статьи²⁷.

Результаты исследования выборки данных, полученных методом количественного спектрального анализа, опубликованы в 1996 г. (Королёва, 1996. С. 229-300). На основании критерия граничной концентрации с условным содержанием в 1 % было выделено 24 типа сплавов, среди которых «чистая» медь и сплавы на основе меди (латуни и бронзы), олова, серебра и свинца. Для каждого типа сплава путем расчета доверительных интервалов были определены наиболее встречаемые соотношения процентного содержания легирующих компонентов, получившие условное определение «рецептура сплава»²⁸.

Многокомпонентный сплав Cu+Zn+Pb+Sn²⁹ (к которому относится и металл подвески) представлен в выборке 95 предметами X–XV вв., что составляет около 20 % от всего массива данных. Для этого типа сплава было выделено пять т.н. «рецептур» (Королёва, 1996. С. 240-243). Отметим, что данный многокомпонентный сплав, по всей видимости, представляет собой вторичный

²⁶ Авторы выражают огромную благодарность А.В. Заблочкину – кандидату физико-математических наук, заместителю декана факультета физической и квантовой электроники МФТИ, выполнившего исследование 35 псковских предметов методом РФА, а также ЦКП МФТИ за предоставленное оборудование.

²⁷ Вся выборка состоит из коллекции предметов, найденных в непосредственной близости от участка с местонахождением подвески со знаками и соотнесенных с территорией, на которой сосредоточены находки ювелирного производственного характера: 19 предметов из 11-16 пластов раскопа III в 1976 г. на ул. Ленина (ПЛ-76-III) и 16 предметов из 12-16 пластов раскопа IX в 1985 г. на ул. Ленина. Далее для краткости изложения будем именовать находки, исследованные в 2013 г. методом РФА – «предметы, сопутствующие подвеске в культурном слое». Шифр анализа для предметов из раскопа III – ПЛ-76-001 (до 019) и раскопа IX – ПЛ-85-001 (до 016), соответственно. Общая датировка отобранных для анализа предметов – X–XIII вв.

²⁸ «Рецептура» – это условное и, как оказалось по результатам исследования, не совсем точное название для устойчивого соотношения концентрации легирующих компонентов в конкретном типе сплава. Корреляция выделенных типов сплавов с категориями изделий, ломом и сырьевым металлом показала, что псковские мастера использовали полученное сырье и, как правило, не стремились повлиять на его технологические свойства путем легирования. Установлено, что «рецептуры» более всего близки по составу сырьевому металлу, что и делает такое название несколько теряющим свой смысл применительно к ювелирным мастерским. Однако корректировка этого термина не входит в задачи данной статьи.

²⁹ Порядок элементов в формуле этого и других типов сплавов условный, не зависит от количественного значения содержания легирующего элемента в сплаве.

смешанный металл, полученный путем многократной переплавки сырья с ломом различных изделий. В пользу этого предположения свидетельствует практически полное отсутствие такого типа сплава в сырьевом металле, поступавшем в Псков, а также дробность при выделении т.н. «рецептур». Кроме того, выделенные для «рецептур» границы процентного содержания легирующих компонентов сплава Cu+Zn+Pb+Sn включают в себя лишь 27% от выборки предметов (26 из 95).

Однако отметим, что для других типов сплавов данные также отличаются большим разнообразием, что говорит о вмешательстве в первоначальный состав многочисленных переплавок³⁰. Но основной массив предметов (в отличие от сплава Cu+Zn+Pb+Sn) все же имеет близкие значения к выделенным рецептурами интервалам. Можно предположить, что предметы, своим составом соответствующие выделенным «рецептурам» этого и других типов спла-

вов, по всей видимости, претерпели меньшее количество переплавок (при условии их местного изготовления), либо имели сходную «литейную историю» от использования сходного сырьевого металла до переплавок в одной «серии».

В таблице 1 приведено сравнение процентного содержания легирующих компонентов в металле подвески и сопутствующих ей в культурном слое предметов такого же типа сплава (определения 2013 г.) с интервалами в границах процентного содержания этих же элементов, определенных для «рецептур» сплава Cu+Zn+Pb+Sn в 1996 г.

Как видно из таблицы 1, металл подвески по концентрации в сплаве легирующих компонентов не соответствует ни одной из выделенных «рецептур» многокомпонентного сплава Cu+Zn+Pb+Sn в отличие от проб, взятых с помощью РФА в 2013 г., с предметов этого же типа сплава и сопутствующих подвеске в культурном слое, которые демонстрируют либо полное

Таблица 1. Сравнение процентного содержания легирующих компонентов в сплаве подвески и сопутствующих ей в культурном слое предметов с рецептурами сплава Cu+Zn+Pb+Sn.

	Zn (%)	Sn (%)	Pb (%)
Рецептура 1 (9 предметов) ³¹	1,42-4,22	1,72-4,66	1,03-3,81
Рецептура 2 (2 предмета)	1,42-4,22	8,24-11,82	1,03-3,81
Рецептура 3 (7 предметов)	7,04-12,92	1,72-4,66	1,03-3,81
Рецептура 4 (3 предмета)	21,71-24,29	1,72-4,66	1,03-3,81
Рецептура 5 (5 предметов)	28,7-30,3	1,72-4,66	1,03-3,81
Подвеска со знаками Рюриковичей	5,83	1,27	3,99
ПЛ-76-001	11,94 (3) ³²	7,48	1,18 (1-5)
ПЛ-76-002	10,16 (3)	1,3	2,4 (1-5)
ПЛ-76-006	2,46 (1, 2)	2,8 (1, 3-5)	2,7 (1-5)
ПЛ-76-011	13,7	3,68 (1, 3-5)	1,24 (1-5)
ПЛ-76-012	9,32 (3)	2,8 (1, 3-5)	1,14 (1-5)
ПЛ-76-013	10,72 (3)	7,32	1,06 (1-5)
ПЛ-85-003	12,06 (3)	3,64 (1, 3-5)	1,53 (1-5)
ПЛ-85-012	8,4 (3)	1,41	14,26

³⁰Предметы, соответствующие по своему составу выделенным для каждого типа сплава рецептурам, составляют следующие соотношения: сплав Cu+Zn – 40 % (16 из 40); Cu+Sn – 41 % (22 из 53); Cu+Pb – 80 % (12 из 15); Cu+Zn+Sn – 31% (14 из 45); Cu+Zn+Pb – 56 % (36 из 64); Cu+Sn+Pb – 41 % (27 из 66).

³¹Количество в рецептуре указано для выборки из 480 предметов, исследованных методом количественного спектрального анализа и опубликованных в 1996 г. (Королёва, 1996. С. 229-300).

³²Цифра в скобках соответствует номеру соответствующей по интервалу «рецептуры».

сходство, либо совпадение значений по одному или двум легирующим элементам с какой-либо из рецептур.

Сравнение же с общим массивом данных (95 предметов X–XV вв.) о составе металла данного типа сплава позволяет говорить не только о своеобразии набора легирующих компонентов, но и примесей в составе сплава подвески. Так, практически все пробы данного типа сплава содержат примеси мышьяка (от 0,065 до 0,9 %) и висмута (от 0,005 до 0,160 %), а в металле подвески они совсем отсутствуют. Содержание серебра для подавляющего большинства проб сплава Cu+Zn+Pb+Sn не превышает 0,1 % (67 проб), в 19 пробах зафиксировано от 0,1 до 0,22 %, в единичных случаях – 0,25 % (3 пробы), 0,4 % (1 проба), 0,9 % (1 проба) (Королёва, 1996. С. 270–274. Табл. 15). В сплаве подвески зафиксировано более высокое, чем в основном массиве данных, содержание серебра – от 0,5 до 0,9 %, что также относит ее к разряду исключений. Что касается редких примесей – иридия, ниобия и циркония, то они не выявлялись в псковских пробах в 1992–1993 гг.³³, а в результатах 2013 г. присутствуют не только в сплаве подвески, но и в металле некоторых других предметов разных типов сплавов³⁴.

Сравнение соотношения концентрации легирующих компонентов в металле предметов данного типа сплава, датируемых X–XII вв. (выборка 1996 и 2013 гг.), с металлом подвески также показывает, что сплав этого предмета по своему составу не относится к числу наиболее распространенных и в этот период (рис. 11). Наиболее близки по составу пробы под номерами 21, 25, 26 и 30, но отметим, что при полном отсутствии мышьяка и висмута содержание примесей сурь-

мы и серебра в сплаве подвески намного выше.

Итак, при всей сложности выявления каких-либо закономерностей в соотношении легирующих компонентов, а тем более примесей, в средневековых сплавах (особенно многокомпонентных) можно довольно уверенно говорить о том, что подвеска, по всей видимости, была изготовлена не в псковских мастерских. Определение возможного места ее изготовления – тема отдельного исследования.

С особенностями состава металла подвески связан еще один интересный сюжет. Изначально был отмечен золотистый цвет предмета, что побудило провести экспертизу на наличие позолоты. Она с подтверждающим наличие позолоты заключением была проведена представителями Северо-Западной госинспекции пробирного надзора³⁵. Однако исследование состава металла методом РФА, несмотря на 16 проб в различных точках поверхности подвески, наличие позолоты не обнаружило. Таким образом, визуально различимое золотистое «покрытие» на самом деле является коррозионной поверхностью, которую составляют осажденные вторичные сульфиды железа и меди,³⁶ образовавшиеся в результате длительного нахождения предмета во влажном культурном слое без доступа кислорода³⁷.

Изучение места находки и стратиграфии отложений, в которых она обнаружена, позволяет заключить следующее.

Подвеска найдена в начальных отложениях культурного слоя, образовавшегося после прекращения функционирования курганного кладбища. Стратиграфическая дата находки середина–конец XI в.–первая половина XII в.

Место на правом берегу ручья, где обнаружена подвеска, в период ее отложения в слое

³³ Присутствие или отсутствие этих элементов в результатах проб связано с особенностями приборов, использованных для определения элементного состава металла метода РФА.

³⁴ Иридий в концентрации 0,1 % – в четырех предметах (ПЛ-76-019, фибула, сплав Cu+Zn+Pb; ПЛ-85-005, ювелирная наковаленка, сплав Cu+Sn+Pb+Sb; ПЛ-85-012, фибула, сплав Cu+Zn+Sn+Pb) и в концентрации 0,2 % – в одном предмете (ПЛ-85-009, пластина из свинца). Ниобий в концентрации 0,1 % – в двух предметах (ПЛ-76-012, накладка, сплав Cu+Zn+Sn+Pb; ПЛ-85-003, пластина, сплав Cu+Zn+Sn+Pb); в концентрации 0,2 % – в одном предмете (ПЛ-76-014, фибула, сплав Cu+Sn+Pb); в концентрации 0,7 % – в железном браслете (ПЛ-85-015). В нашем случае мы так подробно остановились на сравнении состава и содержания микропримесей подвески с сопутствующими ей в слое находками, чтобы еще раз развеять миф о современном фальсификате.

³⁵ Экспертиза была выполнена ведущими экспертами Е.Н. Тамбовцевой и Е.А. Закамалдиной. Акт № 30-14-08-09/6. Общая масса предмета 22,6 гр.: бронза, позолота (недрагметалл, позолота – 22,6). Взвешивание проводилось на весах SHIMADZU BL 3200 H.

³⁶ Авторы выражают искреннюю признательность за консультацию к.и.н., сотруднику кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова Н.В. Ениосовой, которая выполнила методом РФА анализ состава металла нескольких предметов с аналогичной золотистой поверхностью из культурного слоя Новгорода. Результаты проб, как и в случае с псковской подвеской, не подтвердили наличие позолоты. Важно отметить, что несколько находок из цветного металла, имеющих подобный золотистый цвет поверхности, обнаружены на различных участках в культурном слое Пскова.

³⁷ Подчеркнем, что наличие коррозионного состояния предмета, соответствующего условиям, в которых он пролежал в почве, является свидетельством его подлинности (Шемаханская, Равич, 2000. С. 63).

было окраинной территорией раннегородского посада Пскова. Характер коррозионной поверхности предмета, образовавшейся в результате длительного залегания во влажном культурном слое, несомненно, подтверждает его подлинность.

Предмет изготовлен способом литья по восковой модели из многокомпонентного сплава $Cu+Zn+Pb+Sn+(Sb)+(Ag)$. Состав легирующих компонентов и примесей в сплаве позволяют предположить изготовление подвески с княжескими знаками не в псковских мастерских. Срав-

нение данных о составе сплава псковской находки с имеющейся на сегодняшний день базой данных средневековых сплавов, возможно, позволит определить вероятное место ее создания.

Персонификация княжеских знаков, расположенных на обеих сторонах подвески и заключенных в орнаментальную рамку, на настоящий момент является крайне сложной задачей, требующей системного анализа как письменных, так и вещественных источников, относящихся к данной проблеме. Вполне вероятно, что ее решение невозможно без появления новых данных.

Приложение 1.

Перечень датирующих находок нижнего слоя западных участков раскопа III³⁸.

11 пласт: пряслица шиферные (9152 – III/346, 402, 734; 10859/299), гребень деревянный прямоугольный с вогнутыми боками (9152-III/662), перстень желтостеклянный плосковыпуклый (9152-III/583), браслета стеклянного фрагмент (9152-III/354), кресало калачевидное с язычком (9152-III/852).

12 пласт: браслет бронзовый круглопроволочный с заходящими концами (9152-III/806), шиферное пряслице (9152-III/526), ключ железный стержневой от нутряного замка (9152-III/811), наконечник стрелы железный двушипный плоский черешковый без упора (9152-III/770), перстень бронзовый витой тройной с обрубленными концами (9152-III/524), гребень костяной двусторонний типа Д (10859/367), перстня желтостеклянного про-

зрачного со щитком фрагмент (9152-III/819), браслета стеклянного витого фиолетового фрагмент (9152-III/525), горшок гончарный (15 фрагментов) из кв. 329 (9152-III/521), браслет бронзовый пластинчатый загнутоконечный (9152-III/806), бусина сердоликовая 23-гранная (9152-III/807), бусина бочонковидная золочёная (9152-III/507).

13 пласт: браслет бронзовый пластинчатый звериноголовый (9152-III/697).

При датировании предметов привлекались труды Б.А. Колчина (1982), Ю.Л. Щаповой (1972; 1982), М.В. Седовой (1981; 1997а), В.П. Левашевой (1967), Н.Г. Недошивиной (1967), А.Ф. Медведева (1966). Авторы благодарны Ю.Л. Щаповой и В.М. Горюновой за консультации по вещевой коллекции.

³⁸В скобках обозначены номера по коллекционной описи.

I. Labutina, E. Koroleva

ABOUT STUDYING THE PENDANT WITH PRINCELY SYMBOLS FROM THE EXCAVATION OF 1976 IN PSKOV

The pendant was found in the beginning deposits of the cultural layer formed after the termination of functioning of the barrow cemetery. The stratigraphic date of the finding is the middle – end of the XI century–the first half of the XII century.

The place on the right coast of the stream, where the pendant was found, was the suburban territory of the early Pskov during its depositing in the layer. The archaeological origin of the pendant is confirmed by having the corrosion surface on it, which had been formed as a result of a long bedding in a damp cultural layer.

The research conducted by the authors showed that the object was produced by molding method on a wax model from a multicomponent alloy of Cu+Zn+Pb+Sn+(Sb)+(Ag). The composition of alloying components and impurity in the alloy enables to assume that the pendant with princely symbols was not produced in the Pskov workshops.

Personification of the princely symbols on both sides of the pendant is currently a highly complicated task, which demands the consistent analysis of all the sources related to this problem. It is quite likely that its decision is impossible without an appearance of new data.

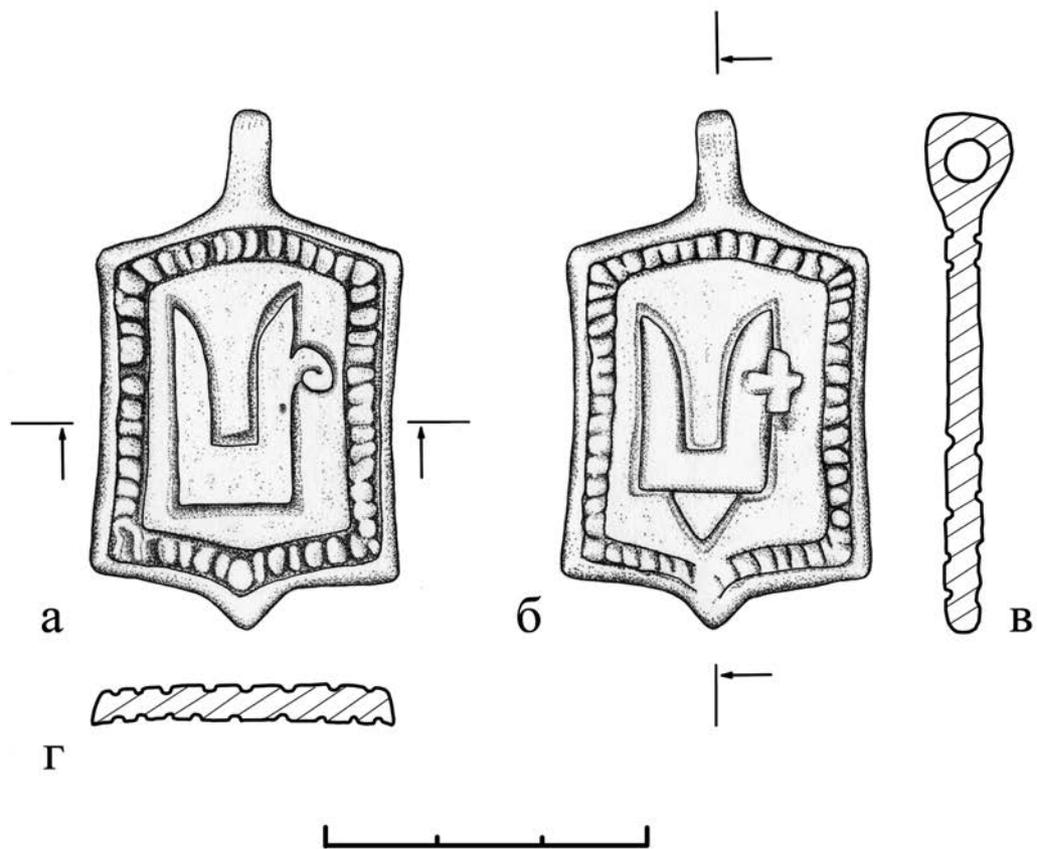

Рис. 1. Псковская подвеска с княжескими знаками.
а – сторона «А»; *б* – сторона «Б»; *в* – продольный разрез; *г* – поперечный разрез (ПГОИАХМЗ, КП №9644, ПЛ-76-III/522).

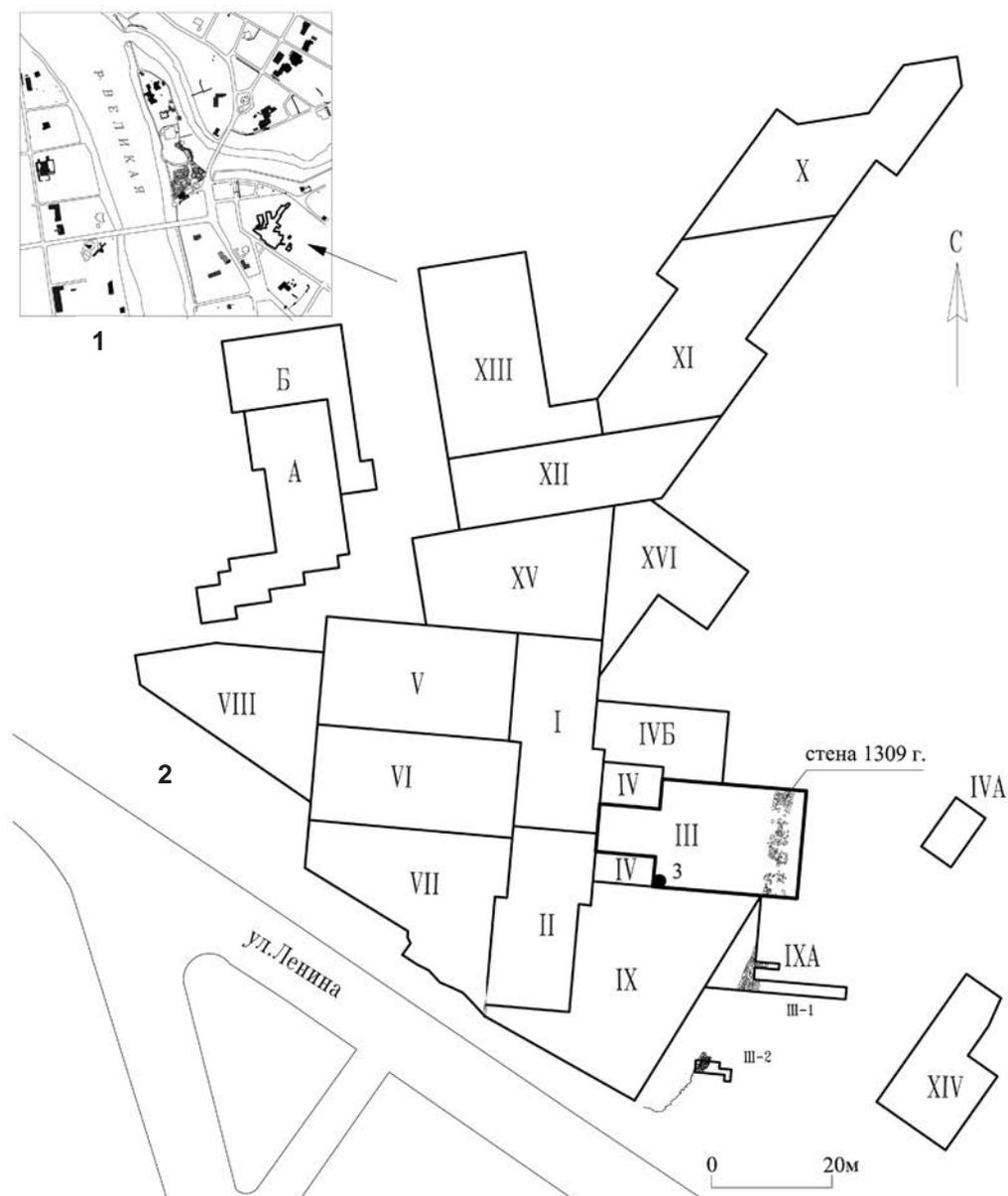

Рис. 2. Общий план раскопов на улице Ленина в Пскове.
 1 – раскопы в древней части Среднего города и на прилегающей территории (стрелкой указано расположение раскопов 1968-1991 гг.); 2 – А, Б – раскопы у педагогического института (1968-1970, 1973-1974 гг.); I-XVI – раскопы 1976-1991 гг.; 3 – место находки подвески с княжескими знаками на раскопе III.

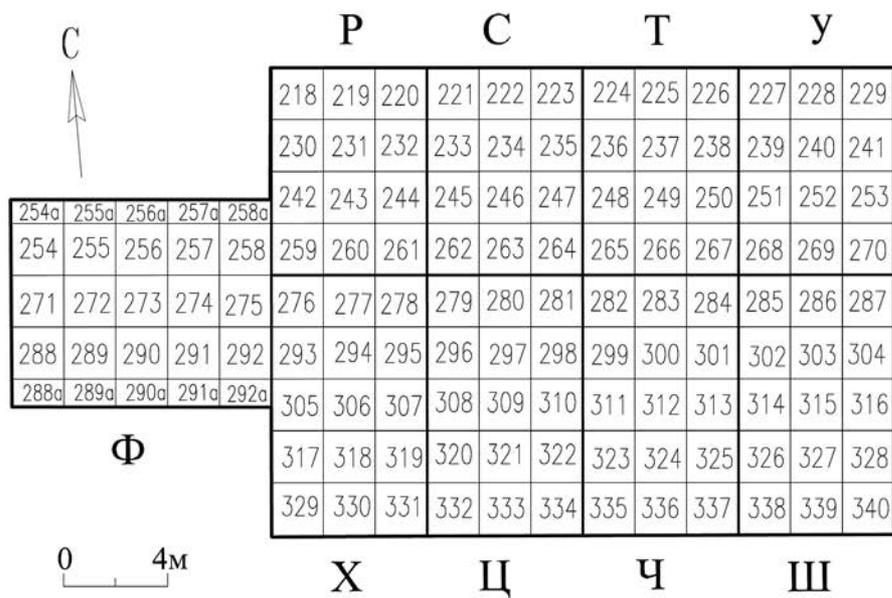

Рис. 3. Раскоп III на ул. Ленина (1976 г.).
 План раскопа с разделением на участки и квадраты

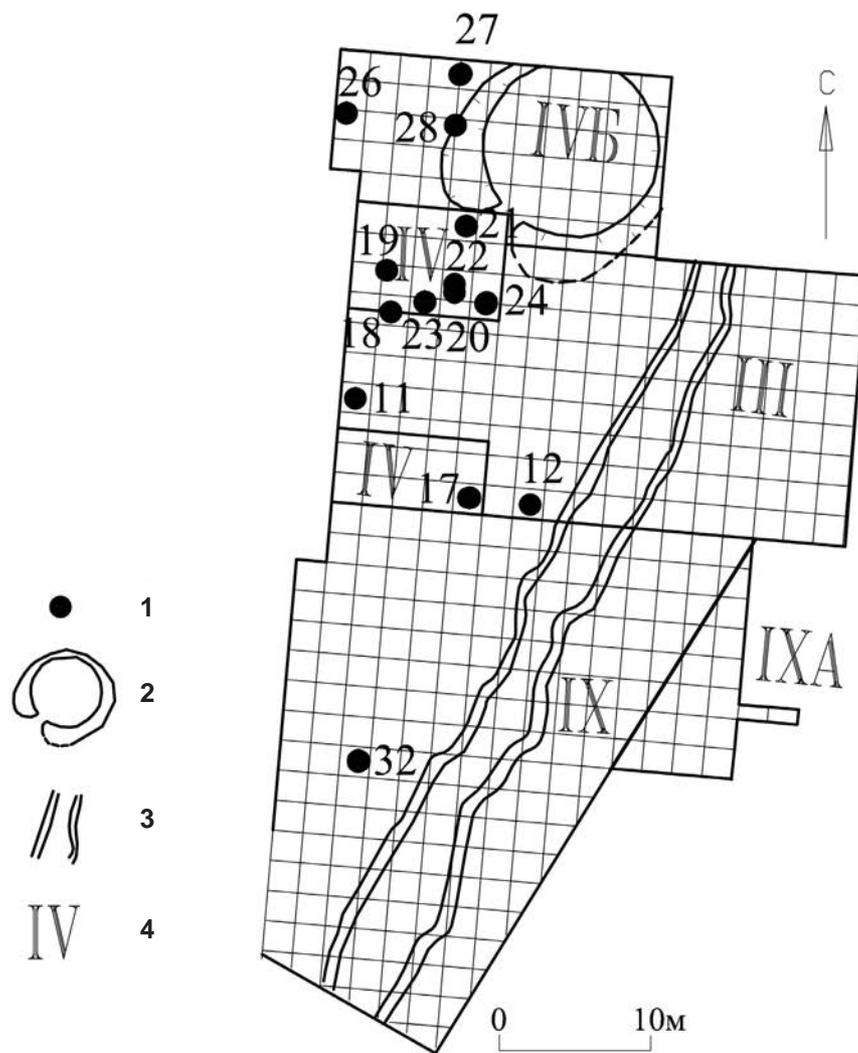

Рис. 4. Погребения и святилище в раскопах на улице Ленина в Пскове.
 Фрагмент плана (по: Лабутина, 1996а. С. 43. Рис. 25): 1 – трупосожжение; 2 – святилище; 3 – русло ручья;
 4 – номер раскопа.

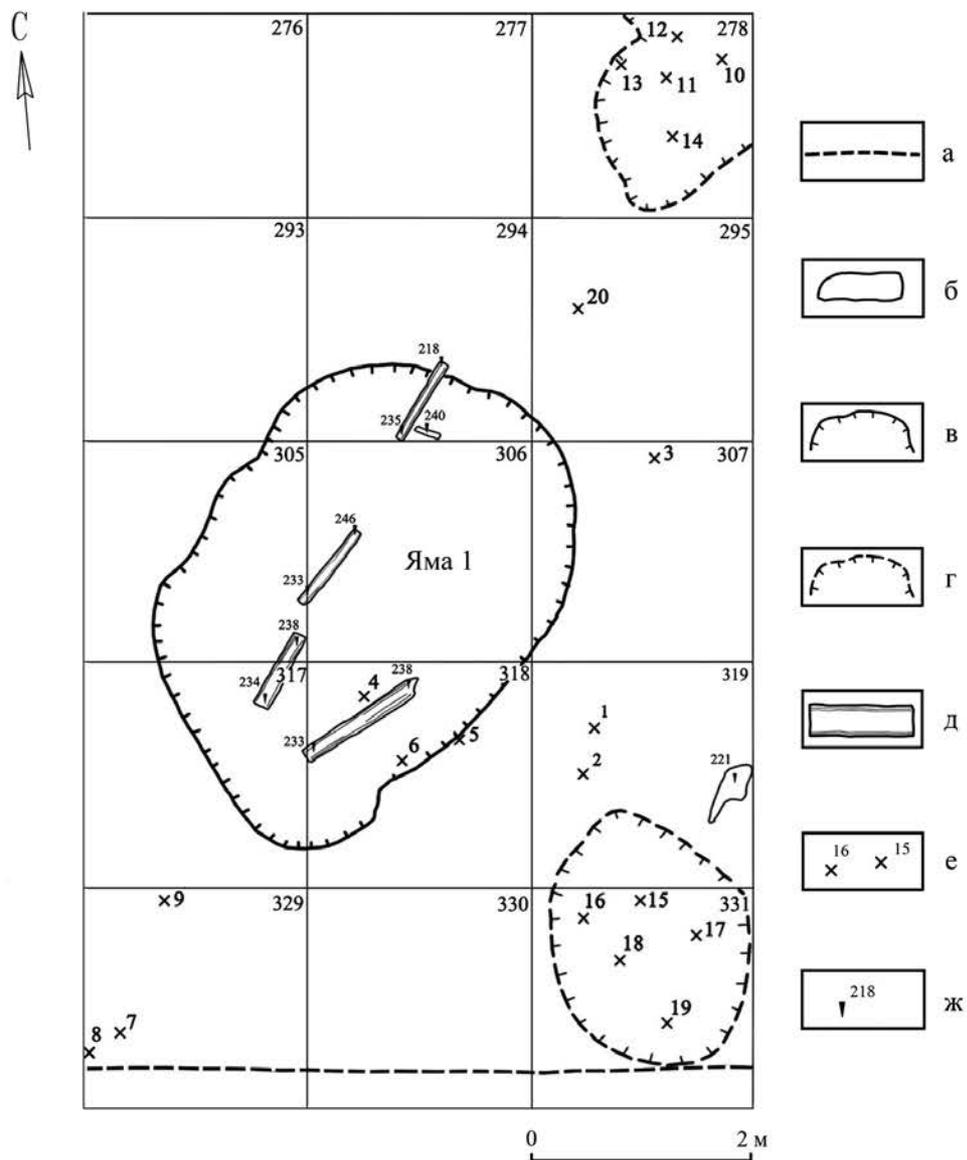

Рис. 5. Раскоп III на ул. Ленина (1976 г.). Участок «X».

Пласт 12: а – реальная граница раскопа; б – известняковая плита; в – границы ям, выявленных на уровне 12 пласта; г – границы ям, выявленные на уровне 13 пласта; д – бревно; е – места обнаружения индивидуальных находок с пластовыми номерами; ж – глубина залегания ниже условного нуля.

Индивидуальные находки: 1, 5, 6, 17, 18 – стержни; 2, 11 – ножи; 3 – нож; 4 – грузило; 7 – фрагменты керамики (15 шт.); 8 – подвеска со знаками Рюриковичей; 9 – пряслице; 10 – скоба; 12, 13 – изделия; 14 – перстень витой трёхпроволочный; 15 – браслет витой; 16 – охра; 19 – камень точильный; 20 – заклёпка (по: Щапова, 1989. Л. 25-26).
1, 2, 5, 6, 10-13, 17, 18, 20 – железо; 3 – кость; 4, 19 – камень; 7 – глина; 8, 14 – бронза; 9 – шифер; 15 – стекло

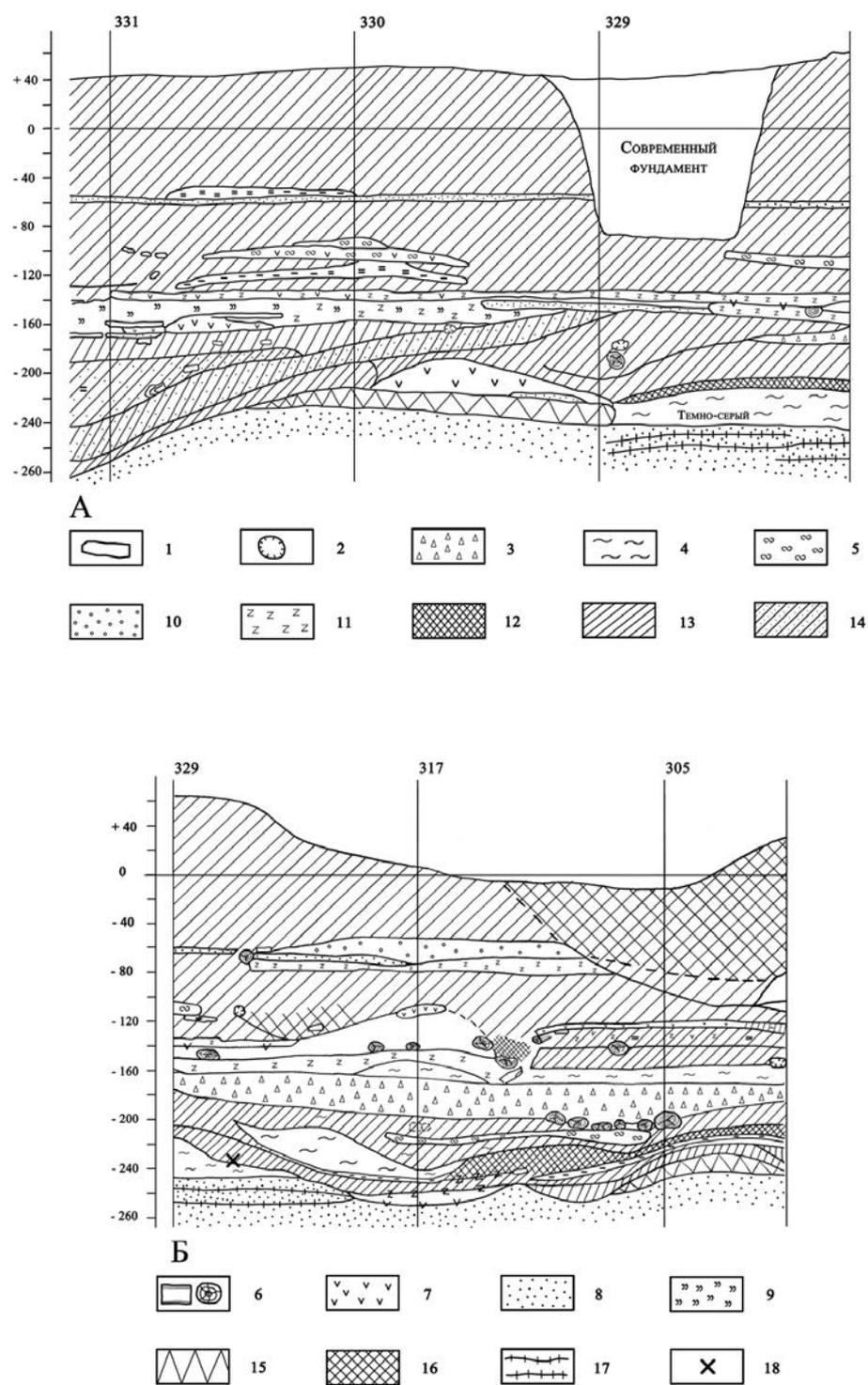

Рис. 6. Раскоп III на ул. Ленина (1976 г.).

Профили: А – фрагмент профиля южной стены; Б – профиль западной стены (по: Шапова, 1989. Черт. 24, 25).
 1 – известняковая плита; 2 – валун, булыжник; 3 – щебень, известняк; 4 – глина; 5 – обожженная глина; 6 – бревно;
 7 – уголь; 8 – песок; 9 – навоз; 10 – известь; 11 – щепя; 12 – черная углистая земля; 13 – темно-коричневая земля;
 14 – светло-коричневая земля; 15 – серый супесчаный слой; 16 – перекопанный слой; 17 – погребенный дерн; 18 – место обнаружения подвески с княжескими знаками (проекция).

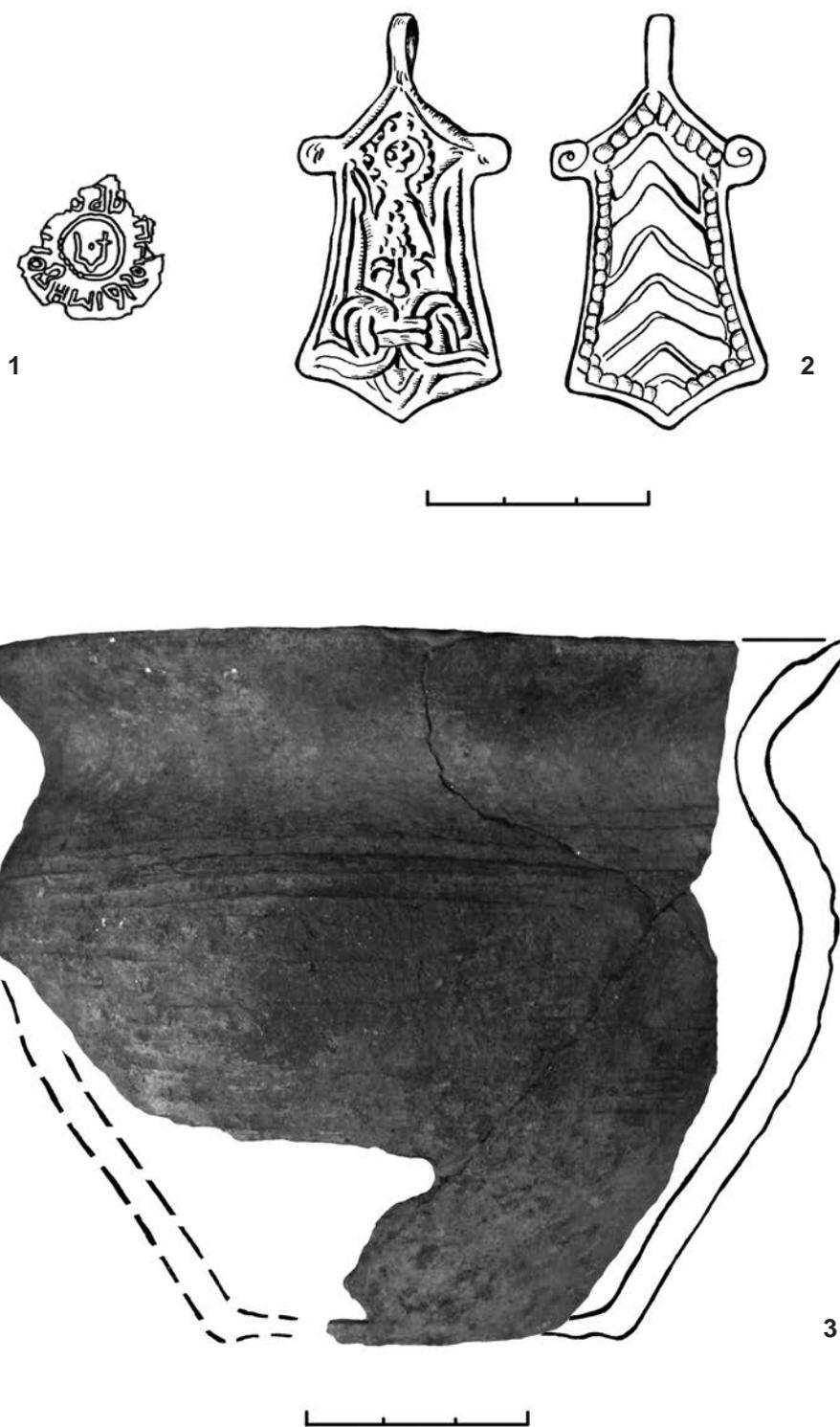

Рис. 7. Таблица находок.

1 – Таманский «брактеат», прорись (по: Молчанов, 1982. С. 224. Рис. 1 – без масштаба); 2 – подвеска из Лауксколы, погребение № 578, XII–XIII вв. (по: Zariņa, 1988: 60. Tab. 43); 3 – реконструкция сосуда, найденного в слое рядом с подвеской.

Рис. 8. Псковская подвеска с княжескими знаками.
Фото с большим увеличением: а – сторона А; б – сторона Б

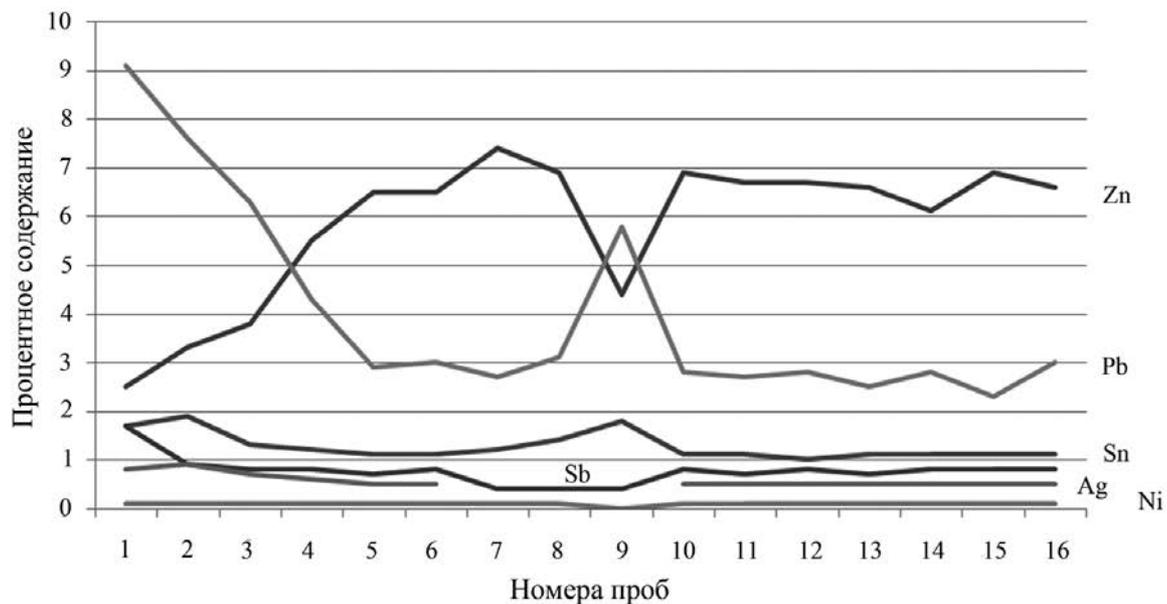

Рис. 9. Графики распределения процентного содержания основных элементов в пробах на определение состава металла подвески методом РФА.

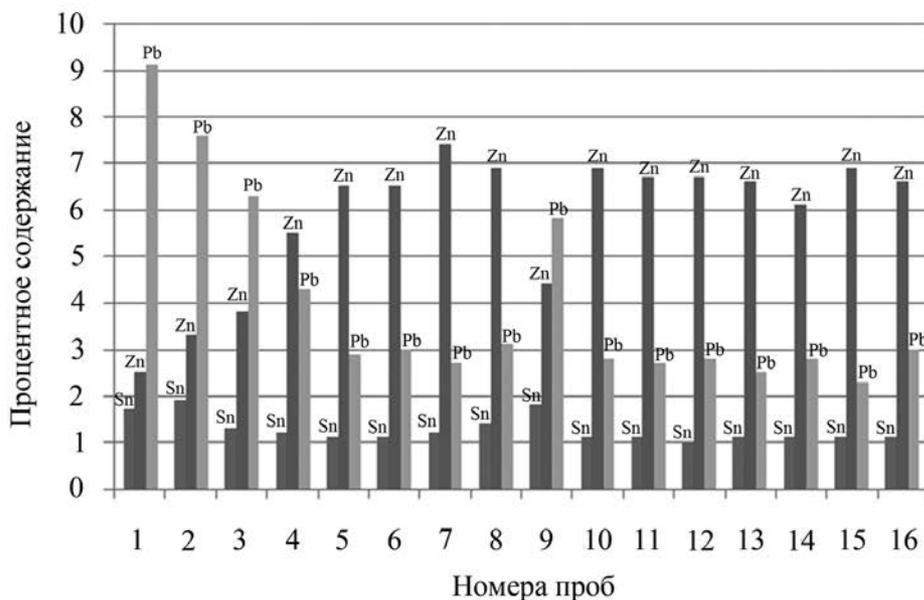

Рис. 10. Гистограмма распределения содержания основных легирующих компонентов в сплаве подвески.

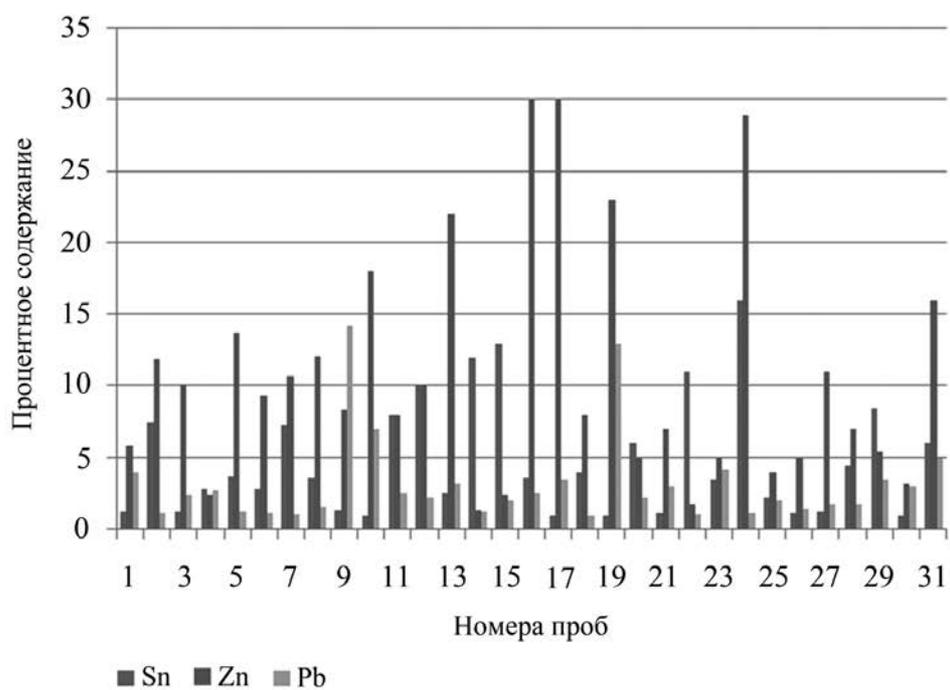

Рис. 11. Гистограмма распределения содержания основных легирующих компонентов в сплаве подвески (проба №1) и предметов X-XII вв. из раскопок в Пскове.
 Порядок элементов на гистограмме в пробах аналогичен рис. 10, слева направо – Sn, Zn, Pb.

В.Ю. Коваль (ИА РАН)

ИКОНКИ-ЗМЕЕВИКИ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗМЕЕВИДНЫХ КОМПОЗИЦИЙ

Среди древностей русского средневековья совершенно особое место занимают круглые подвески-медальоны, на одной стороне которых расположено каноническое христианское изображение (Христа, Богородицы, архангела Михаила или различных святых), а на другой – «змеевидная композиция» – голова или фигура, окруженные змеями. Появившись на Руси в XI в., они распространились в XII–XIV вв., но затем довольно быстро вышли из употребления, хотя известны отдельные образцы, датирующиеся вплоть до XVIII в. За такими подвесками закрепилось наименование «амулеты-змеевики», однако наличие канонических изображений свидетельствует о том, что фактически они являлись иконками (не будь на обороте змеевидных композиций, их так бы и называли). Поэтому представляется более правильным называть такие медальоны не «амулетами» (хотя, конечно, любая иконка является в некотором смысле канонически разрешенным христианским амулетом), а всё же именно *иконками-змеевиками*. Правда, в Византии существовали змеевики без иконок на лицевой стороне (их замещали тексты заговора от «истеры»), которые действительно иначе как амулетами не назовешь.

Первой русской публикацией таких иконок стала заметка В. Анастасиевича о «черниговской гривне» – золотом змеевике, найденном на сельском поселении близ Чернигова (Анастасиевич, 1821). Интерес к ним никогда не угасал, а длинному ряду различных публикаций итог был подведен сводом Т.В. Николаевой и А.В. Чернецова (1991), в котором типология змеевиков была проведена по иконным изображениям на лицевой стороне. Такой подход представляется

вполне оправданным, но не единственно возможным. Поэтому мною была предложена иная классификационная схема, исходящая из того, что своеобразие этой группе древностей придают именно змеевидные композиции на оборотной стороне иконок, которые фактически сводятся к двум классам, определяемым иконографией и общей схемой размещения таких композиций.

Класс 1 – с человеческой головой в центре композиции, от которой в разные стороны расходятся змеи (рис. 1, 1). Большинство исследователей согласны в том, что так могла изображаться голова Медузы Горгоны, хотя данная трактовка (со змеями, вырастающими из головы) не была самой характерной для античного искусства. Чаще всего Горгону изображали в виде крылатого чудовища с длинными клыками и высунутым языком (рис. 2). Змей на голове Горгоны (в количестве от 2 до 12 экз.) в среднем можно встретить только на одном из восьми античных изображений этого чудовища¹. Нельзя отрицать также некоторое сходство изображений на змеевиках с позднеантичными горгонейонами (головой Горгоны на грудных доспехах); кроме того, «девица Горгония» со змееволосой головой фигурировала в популярном средневековом романе «Александрия» (Николаева, Чернецов, 1991. С. 41-43. Табл. XXII, 2).

Имеются, однако, и иные точки зрения относительно данной змеевидной композиции, среди которых наиболее взвешенным видится предположение, что змеи здесь означают болезни (или демонов болезней), изгоняемые из человека (Барабанов, 2003. С. 345) как мистическим действием заговора, так и божественной силой,

¹ Подсчет произведен на основании известных опубликованных данных (Riccioni, 2000. P. 105-124. Fig. 4-74)

персонифицированной иконными изображениями на змеевиках. Поэтому в дальнейшем предлагаем чисто условно называть изображения на змеевиках этого класса «Горгоной», памятуя, что в их основе лежали глубинные пласты народных представлений о «мистической медицине» и ее демонологии, имеющие лишь внешнее сходство с некоторыми трактовками облика Горгоны.

Класс 2 – со «змееногим» чудовищем женского пола (судя по подчеркнутой груди), у которого ноги разветвляются на 11-13 змей (на ряде змеевиков змеи как бы вырастают из тела чудовища), а руки держатся за них (рис. 1, 2). Относительно этого образа было сделано предположение, что прототипом для него могла послужить бронзовая статуя Сциллы, стоявшая согласно свидетельству Никиты Хониата на Ипподроме в Константинополе (Коваль, 2007. С. 60, 61). Если эта гипотеза верна, то змеевики класса 2 могли появиться только до 1204 г., поскольку после взятия Константинополя крестоносцами эта статуя (вместе со всеми остальными) была переплавлена на монету, а, значит, исчез и тот зримый образ, который мог быть использован для воспроизведения на змеевиках.

Как бы ни расценивалась такая гипотеза, очевидно, что две имеющиеся иконографические схемы змеевидных композиций восходят к разным прототипам и в конечном счете демонстрируют две различные традиции изображения той «истеры», против которой были направлены заговоры на змеевиках. Подавляющее большинство русских змеевиков и все известные на сегодняшний день византийские принадлежат к классу 1, тогда как класс 2 представлен не более чем 1/6 медальонов. Признаки композиций 1 и 2 классов практически не пересекаются, исключением является лишь упомянутая выше «черниговская гривна» (змеевик класса 2, имевший только три реплики), где змеи выходят не только из ног, но и из головы женской фигуры (рис. 2). Однако это единственный случай создания «гибридного» изображения на основе канонов классов 1 и 2.

В последнее время появилось несколько публикаций новых находок в Великом Новгороде и окрестностях Суздаля (Макаров, 2008. Рис. 3, 9; Олейников, 2013), в которых, однако, вопрос о происхождении иконографии змеевиков не рассматривался. Зато этот вопрос затронут еще в одной работе, представляющей собой сводку находок из Великого Новгорода, где были учтены все 12 медальонов, известные там на момент

публикации (Покровская, Тянина, 2009. С. 432). Авторы предпочли проводить деление этой небольшой коллекции по изображениям на лицевой стороне, получив в результате 4 типа – с архангелом Михаилом, Богоматерью Орантой, Распятием, св. Георгием. Змеевики трех типов несут на оборотной стороне изображение «Горгоны», а один тип (с Распятием), представленный тремя одинаковыми образцами, – «Сциллы». Последняя изображена в виде человеческой фигуры «в рост» без явных признаков пола, от рук, ног и туловища которой отходят змеи (рис. 1, 3), трактовка которых чрезвычайно условна и становится ясна только благодаря сравнению с другими медальонами этого класса.

Исследователи новгородских змеевиков подвергли сомнению устоявшееся мнение о том, что изображение «Горгоны» персонифицировало некоего демона («истеры» или, в русскоязычных вариантах заговоров, «дъны»). Они понимают слово «истеря», имеющееся в текстах заговоров, буквально (исходя из прямого перевода с греческого этого слова, означавшего женскую матку), связывая его также с теми болезнями, которые древняя и средневековая европейская медицина объясняла «блужданием» матки по телу женщины. Змеевидная композиция класса 1 воспринята этими исследователями также прямолинейно как изображение непосредственно отрезанной головы Медузы Горгоны, исходя из того, что ее свойства упоминались в некоторых средневековых литературных произведениях (Покровская, Тянина, 2009. С. 442, 443). Между тем неоднократно подчеркивалось, что этот образ семантически чрезвычайно сложен и столь однозначное его понимание вряд ли окажется верным (Барабанов, 2003). Кроме того, исследователи новгородских древностей не приняли гипотезы об интерпретации второго иконографического класса (со «змееногим» чудовищем), поскольку «приведенное описание Сциллы не полностью совпадает с изображением на змеевиках» и «неясно, на каких именно чудовищ разветвлялось туловище Сциллы», а к тому же «фигуры на змеевиках..., как правило, одетые, тогда как Сцилла на Ипподроме была обнаженной». В результате сделан вывод, что на змеевиках данного класса помещалась «всё та же Горгона, просто изображенная до гибели» (Покровская, Тянина, 2009. С. 445).

Предъявленная критика требует подробного рассмотрения. Начнем с того, что до своей гибели Медуза Горгона согласно всем вариан-

там мифа имела обычное женское тело, правда, с крыльями за спиной. Не известно ни одного изображения или описания, в котором фигурировало бы разделение ее тела ниже пояса на каких бы то ни было змей. Поэтому последняя процитированная фраза наших критиков неверна в принципе: «змееное» чудовище – это не Горгона.

Что касается «всех» деталей статуи Сциллы в Константинополе, то каковы бы они ни были, невозможно ожидать их точного повторения на небольших медальонах из-за очевидных различий в размерах, пластическом решении и стилистике этих совершенно разных памятников. В отношении «обнаженности» фигуры «Сциллы» произошло недоразумение, связанное с ограниченностью новгородской выборки: на большинстве медальонов класса 2 фигура «Сциллы» показана именно обнаженной, с подчеркнутой грудью (рис. 1, 2, 3). И лишь на одной серии новгородских змеевиков (с Распятием) эта фигура была «одета», а все признаки пола удалены (рис. 1, 4). Вероятно, именно в Новгороде одним конкретным мастером и была проведена «цензура» внешнего вида «Сциллы». Судя по датировкам находок, переосмысление образа чудовища произошло относительно поздно, в XII в. Хотя авторы свода новгородских находок относят змеевики с Распятием и «Сциллой» к XI в., этот вывод базируется на общих соображениях о распространении змеевиков и появлении других статусных вещей на участках, где были сделаны подобные находки. Сами же контексты находок довольно расплывчаты и позволяют допускать существенно более позднюю дату их отложения в слой, а, следовательно, и появления вещей данной серии. Из трех находок таких змеевиков одна происходит с мостовой Великой улицы (Неревский раскоп), из горизонта первой половины XII в., однако условия отложения культурного слоя на уличных мостовых допускают возможность попадания в эти открытые комплексы как более ранних (относительно дендрохронологической датировки), так и более поздних вещей. Последний вариант представляется более вероятным, поскольку интенсивная жилая застройка появляется на участке находки только во второй половине XII–начале XIII вв. (Покровская, Тянина, 2009. С. 436). Две другие находки змеевиков со «Сциллой» происходят из слоя второй половины XII в. на усадьбе Е Троицкого раскопа (Покровская, Тянина, 2009. С. 440). Парадоксальным образом авторы публи-

кации датируют эти находки «не позднее XI в.», что противоречит контексту их обнаружения. Столь раннее появление змеевиков здесь обосновывается тем, что в первой половине XI в. на усадьбе Е жил священник. Означает ли это, что авторы считают священнослужителей пользователями и распространителями двусмысленных с канонической точки зрения иконок, не разъяснено, но контекст статьи приводит именно к такому выводу. Однако более вероятным представляется стремление церковных кругов к изживанию змеевиков из культовой практики, а потому они вряд ли принадлежали священнослужителю, так что связь найденных змеевиков с ранними отложениями раскопа видится наименее вероятной. Таким образом, все новгородские находки позволяют датировать местные змеевики с изображениями «Сциллы» не ранее второй половины XII в., а это именно то время укрепления христианства, когда образ «Истеры/Дъны» с обнаженным торсом вполне мог подвергнуться некоторой цензуре.

Возвратимся к аргументации противников атрибуции змееного демона, которым «неясно, на каких именно чудовищ разветвлялось туловище Сциллы», пожиравшей спутников Одиссея, в скульптурной композиции константинопольского Ипподрома. Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть те известные изображения Сциллы, которые существовали в античности и средневековье. Сцилла (или Скилла, др.-греч. Σκύλλα - «лающая») стала широко известна благодаря Гомеру, описавшему в приключениях Одиссея эпизод с прохождением его корабля мимо этого чудовища. У гомеровской Сциллы было 12 лап и шесть голов с тремя рядами зубов. Живя в пещере, Сцилла охотилась на морскую живность и проплывающие корабли, причем никакого женского тела у неё не подразумевалось. Когда корабль Одиссея поравнялся с чудовищем, оно сразу же схватило шесть его спутников, т.е. каждая из голов получила свою добычу (Гомер. Одиссея. XII. 85-100, 245-259, 430). Из этого описания можно понять, что головы принадлежали какому-то драконообразному чудовищу и имели длинные шеи, благодаря которым они могли дотянуться до моряков на палубе корабля. Однако такая трактовка образа Сциллы вовсе не известна в античном изобразительном искусстве (Билимович, 1962. С. 135), вместо него широчайшую популярность получила совершенно иная иконография.

К числу наиболее ранних сохранившихся изображений Сциллы относится керамическая статуэтка V в. до н.э. с острова Милос, хранящаяся в Британском музее. Это женщина, тело которой ниже пояса переходит в драконий хвост, причем из живота чудовища вырастают передние части тел собак (им-то она и обязана своим именем «Лающей») (рис. 3, 1). На ряде изображений V–IV вв. до н.э. (Waser, 1912. P. 1055. Abb. 18; Билимович, 1962. Рис. 2, 3) Сцилла имеет два больших драконьих крыла, более всего напоминающих крылья летучей мыши, и держит в руках весло, которым она замахивается на своих жертв. На значительном числе как классических, так и эллинистических изображений Сциллы на краснофигурной керамике, бронзовых и серебряных зеркалах, фаларах, других декоративных пластинах, монетах и геммах (Waser, 1912. P. 1055. Abb. 3, 4, 6, 7, 12; Tuchelt, 1967; Максимова, 1979. С. 19, 89, 90. Арт. 75; Walter-Karydi, 1998) она изображалась с женским торсом, но ниже пояса обязательно помещались передние части туловищ собак, а вместо ног – толстый драконий хвост. Такая трактовка более всего совпадает с той версией легенды, по которой Сцилла была прекрасной нимфой, дочерью богини яростных морских волн Кратейды и стоглавого великана Тритона. В чудовище она превратилась благодаря чарам волшебницы Кирки (Цирцеи), возревновавшей ее к морскому богу Главку и добавившей зелье в водоем, в котором любила купаться нимфа. История превращения Сциллы в чудовище красочно описана Овидием (Метаморфозы, XIV. 59-67):

«Сцилла пришла и до пояса в глубь погрузилась затона,
 Но неожиданно зрит, что чудовища некие мерзко
 Лают вокруг лона ее. Не поверив сначала, что стали
 Частью ее самое, бежит, отгоняет, страшится
 Песьих дерзостных морд, – но в бегство с собою влечет их,
 Щупает тело свое, и бедра, и икры, и стопы –
 Вместо знакомых частей обретает лишь пасти собачьи.
 Все – лишь неистовство псов, промежности нет, но чудовищ
 Спины на месте ее вылетают из полной утробы».

Многочисленные изображения Сциллы на краснофигурных вазах V (Paris, Luvr, Department of Greek, Etruscan and Roman antiquities. № CA 1341) и IV вв. до н.э. (Greek vases, 1983. P. 61. № 44; Cambitoglu, Chamay, 1997. P. 91. № 33; Schauenburg, 1980) позволяют утверждать, что приведенное описание не было плодом вымысла великого поэта, а точно соответствовало обра-

зу, возникшему столетиями раньше (рис. 3, 2). Вместе с тем даже в классическую эпоху кое-где Сциллу изображали без песьих тел, но при этом змееногой, в частности, на некоторых этрусских погребальных урнах и вазах (Waser, 1912. P. 1055. Abb. 18, 19, 20; Schauenburg, 1980. Taf. 26, 1). В то же время в Этрурии V в. до н. э. были известны и вполне традиционные песьеголовые изображения Сциллы (Stilp, 2011. Fig. 5), однако в отличие от греко-римской иконографии, этруски изображали это чудовище с двумя ногами-змеями (рис. 4, 1).

Уже в позднеантичную эпоху трактовка фигуры Сциллы несколько изменилась: исчезли крылья, а разветвление нижней части тела на два змеино-драконьих туловища стало встречаться всё чаще (Waser, 1912. P. 1039, 1042. Abb. 5, 8, 9; Schauenburg, 1980. Taf. 24, 1). К римской эпохе относится также мраморная композиция, созданная по заказу императора Тиберия в начале I в. н.э. для украшения его виллы в Сперлонге (к югу от Рима, на морском побережье). Экспонируемая в Археологическом музее Сперлонги реконструкция статуи Сциллы всецело следует ранним образцам с песьеголовым разветвлением ее тела (рис. 4, 2). По мнению профессора Б. Андреа, это была копия с бронзового оригинала, изготовленного на Родосе ок. 170 г. до н.э., а сам оригинал как раз и был впоследствии перевезен в Константинополь и установлен на Ипподроме (Conticello, Andraea, 1974). Гипотеза о родосском происхождении константинопольской Сциллы, безусловно, вполне допустима, однако отсутствие надежных доказательств перемещения статуи из Родоса в Константинополь не позволяет рассматривать эту гипотезу как единственно возможную. Поскольку никаких свидетельств о происхождении статуи Сциллы на Ипподроме не сохранилось, нельзя исключать того, что она была создана в более поздний период и демонстрировала совершенно иную иконографию. Какую же?

Не говоря уже о том, что в позднеримское или ранневизантийское время могли быть созданы изображения Сциллы, иллюстрирующие гомеровское описание этого чудовища, имеется еще один образ, который мог лечь в основу как статуи, так и изображений на змеевиках – речь идет о Сирене. В античную и римскую эпохи сирена представлялась в основном как птица с женской головой, т.е. в гомеровской трактовке, приведенной в «Одиссее» (Weicker, 1910. P. 601-639). Однако наряду с этой абсолютно доминировавшей иконографией в античном искусстве

существовал и иной вариант изображения сирен – в виде змееногого чудовища с женским торсом (вместо ног у него были толстые змеиные хвосты). Примером тому является мраморная скульптура двуххвостой сирены из храма Деспонии в г. Ликосура (Пелопоннес, Греция, II в. до н.э.). Этот вариант сирен встречается редко и явно занимал маргинальное положение; происхождение иконографии таких сирен не изучено, и, не исключено, что оно связано с образами змееногих богинь – общеиндоевропейских хтонических демонов.

После крушения Римской империи и коренной смены населения Европы в раннем средневековье бестиарий Европы пополнился третьим вариантом сирен – в виде обнаженной женщины, которая от пояса имела тело рыбы. Верования в подобных бесов женского пола, называвшихся «русалками», «ундинами», «мелюзинами», были распространены у всех германских, балтских и славянских народов Европы. Сирены-рыбы завлекали и губили моряков, утягивая их с собой на морское дно, и этим они были близки не только античным сиренам-птицам, но и Сцилле. Особенно распространенным стал образ сирены с двумя рыбьими хвостами, которые она удерживала своими руками («*sirena bicaudata*», т.е. двуххвостая). Впрочем, двуххвостые сирены были известны уже в Элладе позднеантичной эпохи (статуя в г. Ликосура на Пелопоннесе), но широкое распространение этот образ получил только в средневековье.

Наиболее известными изображениями двуххвостых Сирен являются мозаики на полах кафедральных соборов в Пезаро (провинция Римини) и Отранто в Италии: у этого чудовища обнаженный женский торс, а вместо ног у него два рыбьих тела, заканчивающихся раздвоенными хвостовыми плавниками. Мозаики собора в Пезаро датируются V–VI вв., но они имеют поновления XII–XIII вв., к числу которых и относится фигура Сирены, названной в публикации Ламией² (Calegari, 2009). При этом Сирена-Ламия держит руками эти свои хвосты и именно в этой иконографической схеме можно видеть вариант изображения того же чудовища, которое в это же самое время стало изображаться на змеевиках. Такое сходство трудно посчи-

тать случайным, тем более что исходило оно из византийской культурной среды. В мозаике из Отранто, датируемой 1160-ми гг. (Walter, 1977. Abb. 17) в точности повторяется Сирена из Пезаро, правда два хвоста этой сирены не имеют плавников и больше похожи на змеиные (рис. 5). В XII–XIII вв. двуххвостые сирены появляются в декоре многих архитектурных, прежде всего, культовых памятников Италии (храмы св. Иоанна Евангелиста в Равенне, св. Михаила в Павии, Сан-Лоренцо в Монтильо, дворец Дожей в Венеции и др.), и практически в то же самое время похожая трактовка Сирены распространяется во Франции и Англии, где она известна по многочисленным архитектурным памятникам (Leclercq-Marx, 1997).

В свете представленного выше экскурса невозможно утверждать, что статуя Сциллы, стоявшая на константинопольском Ипподроме, была иконографически близка сиренам на итальянских мозаиках, тем более что неизвестно, когда и кем эта статуя была создана. Однако такая гипотеза представляется ничуть не менее допустимой, чем мысль о сохранении там античного варианта Сциллы. Исходя из имеющегося крайне сжатого описания статуи, она вполне могла соединять в себе черты варварской Сирены и гомеровской Сциллы с шестью (или 12?) змеиными телами, протянувшимися к кораблю Одиссея и хватающими с палубы свои жертвы³.

Последним возражением наших оппонентов является утверждение, что «изображение Сциллы на личном апотропее не имеет никакого магического смысла, так как это существо, в отличие от Горгоны, не является традиционным образом в отгонно-поражающей магии ни в Византии, ни на Руси» (Покровская, Тянина, 2009. С. 445). Действительно, если рассматривать такие изображения как непосредственные образы античных чудовищ, то Сцилла сильно уступает Горгоне, что, впрочем, точно соответствует количеству змеевиков обоих классов. Однако если учесть приведенные выше замечания, то окажется, что «Сцилла» на змеевиках являлась лишь некой визуализацией Сирены (т.е. той же славянской русалки), а та не только не уступала Горгоне по своему магическому «потенциалу», но скорее опережала ее, по-

² Ламия в средневековье – ведьма, вампир, в античной традиции дочь Посейдона, возлюбленная Зевса, дети которой были убиты Герой, впавшая в безумие и похищавшая чужих детей.

³ Напомним эту цитату: «...древнее страшилище – Сцилла, которая до пояса имела вид высокой, полногрудой и свирепой женщины, а далее разветвлялась на множество диких чудовищ, представленных нападающими на корабль Одиссея и пожирающими значительное число его спутников» (Никита Хониат, 2003. С. 340).

сколькo была существенно ближе славянскому миропониманию. Может быть, именно поэтому персонификация «истеры» в виде «Сциллы-Сирены» не стала популярной в Византии, но распространилась на Русь.

Приведенные выше наблюдения указывают, что истоки изображений на змеевиках не следует искать напрямую в античном искусстве – они скрываются в том до сих пор еще недостаточно полно исследованном пласте народной культуры средневековой Византии, в котором произошла сильнейшая переработка исходных античных образов, часто доводившая их почти до неузнаваемости. Во многом такая переработка шла под влиянием варварских (германских и славянских) верований, которые проникали в народную византийскую культуру в ходе Великого переселения народов и славянской колонизации Греции. Поэтому в отношении иконок-змеевиков и «Горгона», и «Сцилла» – не обозначения древних античных чудовищ, а условные наименования двух главных иконографических классов изображения зловредного беса – «истеры» («дъны»), которые помещались на оборотные стороны некоторых иконок.

Два упомянутых класса змеевиков прочно связаны с различными иконными образами на их лицевой стороне (табл. 1). На змеевиках класса 1 (с «Горгоной») помещались изображения архангела Михаила, Богоматери (всех трех канонических типов – Оранта, Елеус, Одигитрия), различных святых (Феодора Стратилата, Георгия, Козьмы и Дамиана, Бориса и Глеба, Никиты, Варвары, непоименованных), Спаса на престоле, семи отроков эфесских. На змеевиках класса 2 (со «Сциллой») – это Иисус Христос (в сценах Распятия и Крещения), Богоматерь (Оранта или Одигитрия) и архангел Михаил. В последнем случае речь идет только о «черниговской гривне» – змеевике, имеющем существенные отличия от всех остальных образцов класса 2, поскольку на нем «Сцилла» не просто змееногая – змеи выходят у нее также из головы. Следовательно, «черниговская гривна» демонстрирует особую разновидность класса 2, на которой трактовка «Сциллы» заметно отличается от всех остальных и явно восходит к отдельному прототипу.

Представленная классификационная схема (табл. 1) показывает не только различия между классами змеевиков, но также и то, насколько сильными были связи между изображениями на

лицевой и оборотной сторонах медальонов. Так в составе класса 2 можно видеть всего 5 основных типов иконок – четыре из них несут изображения Распятия, Богоматери (Одигитрии или Оранты) и сцены Крещения. Пятый тип, демонстрируемый «черниговской гривной», не только отличался трактовкой «Сциллы», но и нес изображение архангела Михаила, совершенно не характерное для змеевиков класса 2.

Количество исходных типов (сочетаний изображений на обеих сторонах медальонов) в классе 1 было заметно больше, хотя указать точное их число довольно сложно. Если исходить из наиболее древних образцов XII–XIII вв., то их было не менее 5 – с иконками архангела Михаила, Богоматери Елеусы, св. Георгия, св. Феодора Стратилата и, возможно, Богоматери Знамение. Остальные змеевики класса 1 демонстрируют уже этап творческого развития исходных схем в XIII–XVI вв., когда место византийских иконных образов занимают или специфически русские (иконки святых Бориса и Глеба), или вообще не использовавшиеся в ранний период (со св. целителями-бессребренниками Козьмой и Дамианом, св. Никитой-бесогоном, Спасом на престоле).

Отдельную довольно пеструю группу составляют те типы змеевиков класса 1, которые стали результатом заимствования иконных изображений из класса 2 – с иконками Богоматери Одигитрии, Богоматери Знамение, Распятия. То, что речь идет именно о заимствовании иконных сюжетов, видно по более поздним (относительно образцов класса 2) датировкам таких змеевиков и дополнениям к исходной иконографии (например, Распятие сопровождается предстоящими) (Николаева, Чернецов, 1991. С. 81, 82). На вторичность таких новообразованных типов змеевиков указывают и «слабые» связи их со своим классом, т.е. единичность известных образцов.

Надо заметить, что внутри класса 1 выделяется серия змеевиков с изображением своеобразного гибрида «Сциллы» и «Горгоны» на обратной стороне. В центре композиции находится голова, но змеиные тела выходят только из двух мест – снизу и сверху. И хотя тело чудовища здесь практически не видно, само композиционное решение до крайности близко трактовке «Сциллы» на «черниговской гривне», рисунок которой был сильно упрощен и схематизирован. К этой серии принадлежит большинство змеевиков с иконками Богоматери Умиление и

святыми Козьмой и Дамианом (Николаева, Чернецов, 1991. Табл. V, 1-3; VI; VIII, 1, 2; XVI, 1, 3, 4; XVII, 1, 2).

Еще одну своеобразную серию змеевиков составляют поздние иконки с двумя конными святыми воинами, на оборотной стороне которых помещены крайне схематизированные изображения «Сциллы». Здесь контуры верхней части туловища этого чудовища угадываются только по линиям змеиных тел, женские половые признаки утрачены, но общая композиция размещения змей остается такой же, как на медальонах XII–XIII вв. (Николаева, Чернецов, 1991. Табл. XIV, 1, 2). Их датируют XIV в. (Николаева, Чернецов, 1991. С. 72), но нельзя исключать и несколько более раннюю дату этих медальонов (в пределах XIII в.), поскольку разрыв с исходными прототипами вряд ли мог быть столь велик.

Подведем итоги нашего обзора: змеевики класса 2 (со «Сциллой»), появившиеся на Руси в основном в XII в. (за исключением пресловутой «черниговской гривны», явно изготовленной в XI в.), очень скоро оказались забыты, так что среди медальонов XIV–XVI вв. они уже практически не встречаются. При этом один из ранних типов таких змеевиков (с архангелом Михаилом и «Сциллой») был сильно переработан – от фигуры «Сциллы» была оставлена одна голова, что сделало ее идентичной «Горгоне». Уже с XII в. иконки-змеевики с архангелом Михаилом несли на обороте только изображения «Горгоны», правда, стилистически сильно отличающееся от всех остальных «Горгон». С XIII в. на оборотные стороны медальонов с Богородицей Знамением и Одигитрией «Сцилла» больше не помещается, но изображается уже только «Горгона», а змеевики со сценами Крещения и Распятия более не воспроизводятся (известны только 3 иконки с Распятием на лицевой стороне и «Горгоной» на обороте)⁴. Таким образом, второй класс иконок-змеевиков просуществовал на Руси очень недолгое время, вероятно, не более 200 лет (с конца XI по середину XIII вв.), после чего производилось копирование только медальонов с

«Горгоной». Единственным исключением стали подражательные и сильно схематизированные (едва узнаваемые) «Сциллы» на нескольких змеевиках с двумя конными святыми воинами (XIII или XIV вв.).

Чем же объяснить быстрое прекращение производства змеевиков класса 2 при довольно долгом сохранении медальонов класса 1? Видимо, не случайно рубеж в их распространении приходится на XIII в. – время тяжелых бедствий, обрушившихся на Русь, и, в особенности на городское ремесло, сильно пострадавшее от монгольского нашествия. Хотя змеевики класса 2 изготавливались, по меньшей мере, в двух городах Руси – Киеве и Великом Новгороде, число мастеров – носителей традиции их производства, вероятно, было небольшим. Поэтому достаточно было кому-то из них погибнуть или попасть в плен, как целая традиция (сюжетная линия) могла оборваться. Без хороших исходных матриц или литейных форм, только по оттискам готовых изделий изготовить качественные отливки иконок-змеевиков было трудновыполнимой задачей. Скорее всего, киевский (и другие южнорусские, если они существовали) центр производства змеевиков класса 2 прекратил свое существование в 1240 г. при разорении столицы. Труднее объяснить завершение производства своеобразных змеевиков класса 2 в Новгороде. Однако если их изготовлением там занимался только один мастер, то любая случайная причина могла положить конец и этой линии. Видимо, мастерам, отливавшим змеевики класса 1, повезло больше, и они сохранили свои жизни и инструментарий, что позволило продолжить производство змеевиков в последующие столетия русской истории.

Русские иконки-змеевики являют собой, таким образом, яркий пример длительных культурных трансформаций, происходивших вначале в средневековой Византии, а затем воспринятых и продолженных на Руси в ходе переосмысления византийских народных религиозных и магических представлений.

⁴ Две были известны давно (Николаева, Чернецов, 1991. С. 81, 82), третья найдена при археологических исследованиях в Великом Новгороде (благодарю П.Г. Гайдукова и О.М. Олейникова за сообщение об этой находке 2012 года).

V. Koval

ICONS-“ZMEEVIKI”. AN ORIGIN OF SERPENTINE COMPOSITIONS

The present paper offers the division of metal medallion icons on two classes depending on an iconography of “serpentine compositions”, located on the reverses. These compositions are occurred from medieval images of Medusa Gorgona and Scylla. It is supposed that a visible sample for a snake-legs monster on the class 2 medallions was the statue of Scylla, which was standing on the Hippodrome in Constantinople, destroyed by crusaders in 1204.

Considering the genesis of an iconography of Scylla, the author comes to a conclusion about strong influence of the medieval images of Sirena. “Gorgon” and “Scylla” are the code names for two different classes of images. It is necessary to look for an explanation of “serpentine compositions” not in ancient art, but in the medieval demonology serving as the illustration for “istera” - the pathogenic demon, which exile from a person body was the main task of such medallions.

Таблица 1. Схема классификации иконок-змеевиков.

Рис. 1. Образцы иконок-змеевиков.
1 – класс 1; 2-4 – класс 2 (по: Николаева, Чернецов, 1991; Покровская, Тянина, 2009. Рис. 1, 1).

1

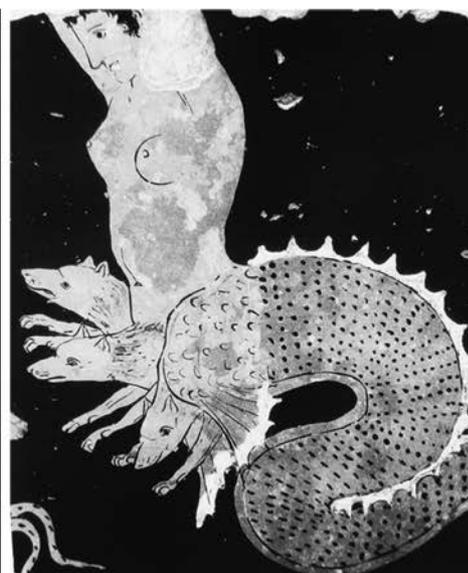
2

Рис. 2. Античные изображения Медузы Горгоны.

1-по: Furtwangler, 1886-1890. P. 1716; 2-по: интернет-ресурс <http://www.bestiary.us/taxonomy/term/107/9>.

1

2

Рис. 3. Изображения «Сциллы».

1 – статуэтка с о. Милос; 2 – краснофигурная ваза из Южной Италии 390/380 гг. до н.э.
(по: Cambitoglu, Chatauy, 1997. P. 91. № 33).

1

2

Рис. 4. Изображения «Сциллы».

1 – стела V в. до н. э. из Болоньи (по: Stilp, 2011. Fig. 5); 2 – реконструкция статуи из Сперлонги.

Рис. 5. Сцилла на мозаике 1160-х гг. из кафедрального собора в Отранто.

По: Walter, 1977. Abb. 17.

Н.В. Жилина (ИА РАН)

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДВОЙНОЙ ТРАГЕДИИ

В числе древнерусских кладов есть один особый. Он ярко отражает и подчеркивает всю трагедию татаро-монгольского разорения Руси и ее финала – взятия Киева в 1240 г¹.

По поводу этого клада даже без привлечения археологических датировок нет сомнений, что он был зарыт в канун нашествия. А скорее всего – даже в последние часы и минуты существования домонгольской Руси.

Этот огромный по количеству вещей клад или тайник находился в специально вырытой небольшой пещерке, похожей на погреб. Он обнаружен при планировочных работах около восстановленной Десятинной церкви. Г.Ф. Корзухина предполагала, что тайник находился внутри древней Десятинной церкви в районе ее апсид. Факты, собранные об истории находки и расхищения клада, поражают. Вещи клада не вместились в два мешка, а одни только колты заняли впоследствии два ящика комода, очевидно, находившегося в имении А.С. Анненкова в Полтавской губ. (Корзухина, 1954. № 65. С. 105-108).

Как правило, типичный клад содержит ценности одной семьи. Но такое большое количество украшений, вероятно, могло принадлежать нескольким княжеским и боярским фамилиям. Сокрытие совместного клада объяснимо только страшными обстоятельствами нашествия. Этот факт означает, что люди уже не боялись соседа или случайного соглядатая, который мог бы впоследствии похитить их сокровища. Более страшная гибельная беда подходила к воротам города. И люди, и их сокровища оказались одновременно погребены рухнувшей церковью.

Второй трагедией является судьба клада после находки – его расхищение и разделение оставшихся украшений по различным местам

хранения. Здесь сыграла роль и перемена политического режима в России в 1917 г.

Найденные колты бросали в огород и колодцы, а из рясенных цепей делали ошейники собакам. Это, кстати, подтверждает, что рясны людьми в качестве ожерелий не использовались. Но это грустное подтверждение.

Одна из эмалевых рясен-цепей находится в ГИМ в Москве, а фрагменты от парной к ней оказались в собрании музея Метрополитэн в Нью-Йорке. Только один колт из всего грандиозного количества украшений остался в Киеве, в коллекции НМИУ. Один колт из собрания А.С. Уварова попал в ГИМ и хранится вместе с упомянутой рясенной цепью.

В 1840-е годы на территории Десятинной церкви было найдено еще несколько отдельных кладов, которые условно обозначены в своде Г.Ф. Корзухиной внутри комплекса № 65 литерами: А и Б – клады 1846 г., В – 1847 г., Г – 40-х гг. Эти клады не столь велики, они по своему составу типичны и, видимо, соответствуют сокровищам отдельных семей. Но и из них сохранились только единичные вещи.

Тем не менее, хочется составить возможное представление о типах и художественном облике эмалевых и филигранных украшений, входивших в состав всего этого незаурядного комплекса. Разбросанные по разным странам и городам вещи хочется свести воедино хотя бы на общей таблице, чтобы по стилистическим и типологическим чертам определить примерное время их создания, ориентировочно очертить тот период, в течение которого люди накапливали их, прежде чем им пришлось навеки с ними расстаться.

В общей части клада были золотые сосуды, что встречается в кладах, хотя и не так часто. Это

¹ Благодарю Н.Г. Недошивину и С.А. Авдусину за предоставление материалов древнерусских кладов для осмотра.

также одна из форм хранения богатства; есть сведения, что именно эти сосуды в XIX в. продали тоже очень дорого... (Корзухина, 1954. С. 105).

Все остальные сведения относятся к украшениям. Для их типологической и стилистической характеристики используем общую классификацию, примененную ко всему материалу древнерусских кладов (Жилина, 2012б). По сравнению с другими категориями украшений более всего оказались известны колты. Эмалевые колты относятся к отделу 1 (с жемчужной обнизью), типу I – лунничным.

Из общей части клада происходят два варианта золотых колтов с эмалью (Корзухина, 1954. № 65/2а).

Варианты выделяем по орнаментальным мотивам и сюжетам. У одного колта – сюжеты парных сиринов на одной стороне и парных птиц на другой, дополненные растительными и геометрическими мотивами (Кондаков, 1892. Табл. 21, посередине; Макарова, 1975. Табл. 1, 9; Строкова, 1996. С. 79; Церква Богородиці., 1996. С. 161. № 2; The Glory of Byzantium..., 2006. P. 309–313. № 212, B).

Стилистически эти колты являются наиболее развитыми в материале комплекса. Относим их к эмалевому стилю 3, характеризующемуся изгибистыми утрированными растительными побегам и хвостами сиринов. Такой декор относится к концу XII–первой трети XIII в. (рис. 1:65, 2a1, 2a2)².

Известен еще один колт с эмалью (рис. 1:65, 2b1, 2b2). На лицевой стороне изображен сюжет парных птиц, на обороте в композиции розетки участвуют геометрические и растительные мотивы (Кондаков, 1892. Табл. 21, справа; Церква Богородиці ..., 1996. С. 161. № 3; The Glory of Byzantium..., 2006. P. 309–313. № 212, G). Эмалевое изображение относится к естественной стадии растительного стиля с элементами геометрического (эмалевый стиль 2), распространенной в середине XII в.

Из остальных украшений сохранились 2 экземпляра рясна-цепи – полный комплект для убора (The Glory of Byzantium..., 2006. P. 313. № 213, A). Они относятся к отделу 1 – двойных (сложенных вдвое по длине), группе 1 – состоящих из бляшек, типу I – с круглыми бляшками (рис.1:65, 4, 5). На бляшках чередуются фигурки шагающей птицы и растительный мотив усложненного ростка. Эмалевые изображения на ряснах, так же как и один из колтов, относятся к стилю 2.

Вот и все известные украшения из первого огромного общего комплекса коллективного клада 1842 г. Все они оказались в итоге за границей – как Украины, так и России. В XIX в. в России часть из них попала в собрание А.В. Звенигородского, затем все – в коллекцию П. Моргана, подаренную музею Метрополитэн в Нью-Йорке (The Glory of Byzantium..., 2006. P. 309–313. № 212, A, B; № 213, A).

Комплекс А 1846 г. дает представление о золотых филигранных украшениях, колтах и трехбусинных кольцах. При типичности внешнего облика эти изделия оказались оригинальны технологически. Для их изготовления использована технология имитации перекрестий и треугольников из зерни в технике штампования. Вероятно, мастерских, работавших по такой технологии, на Руси было очень мало, и одна из них находилась в Киеве.

Два лучевых филигранных колта (тип II) относятся к группе 2 – на луннице, подгруппе 1 – с гладкими лучами, подтипу V (пятилучевые с четырехлепестковой розеткой (рис. 1: A, 1). На обороте на фоне из накладных колец находится редкий рисунок схематизированного ростка, напоминающий букву А (Жилина, 2012а. 1-49). Колты отнесены к филигранному строгому стилю. Такие типы и варианты колтов характерны для середины XII в.

Два трехбусинных филигранных кольца относятся к отделу 2 (тисненая конструкция бусины), типу IV (шарообразная бусина), подтипу II (орнаментальное разделение поверхности шара на восемь частей, в которые вписаны окружности), вариант 9 – треугольник в центре окружности (Жилина, 2012а. 1-254). Орнаментация относится к геометрическому стилю. Конструкция практически глухой бусины (I технологический этап) позволяет относить эти изделия к первой половине XII в.

Относительно комплекса Б 1846 г. в списке и комментарии Г.Ф. Корзухиной нет конкретных ссылок на изображения вещей, но указано, что вещи поступили в Российский исторический музей, то есть – в ГИМ (Корзухина, 1954. С. 106, 107). Но следует обратить внимание на одно несоответствие, которое имеется у Г.Ф. Корзухиной в ссылках на украшения комплекса Г 40-х гг. XIX в. Под № 1 значатся два парных золотых колта с эмалью, а ссылка дается на две пары разных колтов, известных отдельно по собраниям А.В. Звенигородского и А.С. Уварова (Корзухина,

² Обозначения на рисунке сделаны в соответствии с дробными индексами вещей по списку Г.Ф. Корзухиной.

1954. С. 107). Одна из пар из собрания А.В. Звенигородского также попала впоследствии за границу (см. ниже). Другая, опубликованная в каталоге А.С. Уварова, ныне действительно хранится в ГИМ, была осмотрена Т.И. Макаровой и включена ею в каталог к монографии по древнерусским перегородчатым эмалям (Каталог собрания..., 1907. Макарова, 1975. Табл. 3, 14, 15. № 19, 20). Вполне вероятно, что в комплекс Б входили колты именно из собрания А.С. Уварова.

Пара золотых эмалевых колтов из комплекса В очень близка к колтам из общего комплекса клада (рис. 1:65, В2). Один из этих колтов сохранился в собрании КМИДР (Макарова, 1986. Табл. 2, 3, 4. №11; Строкова, 1996. С. 79). Здесь есть аналогичные мотивы парных сиринов и парных птиц, дополненные своеобразными в деталях геометрическими и растительными мотивами. Они, как и колты из общего комплекса, относятся к стилю 3, а по времени – к концу XII – первой трети XIII в.

Пара золотых эмалевых колтов, известная по собранию А.В. Звенигородского, хранится в музее Метрополитен (Кондаков, 1892. Табл. 21, слева; Церква Богородиці..., 1996. С. 160. №1; The Glory of Byzantium..., 2006. P. 309-313. № 212, А). Изображения на них представлены довольно типичной устойчивой композицией, известной и по колтам из других кладов (Корзухина, 1954. № 80, 3, 4; Макарова, 1975. Табл. 3, 6, 7. № 23, 24). На лицевой стороне – сюжет парных птиц по сторонам от разделенного на две части растительного мотива, на оборотной – растительная розетка в центре и фигуры, похожие на роговые отростки, также заполненные растительными мотивами. Эти колты относятся к эмалевому стилю 2 середины XII в. (рис. 1: 65?, 1).

Сюжет парных птиц на лицевой стороне и розетку из геометрических мотивов на оборотной содержат колты из комплекса Г. Из всех эмалевых колтов эта пара является стилистически наиболее ранней, она относится к стилю 1 с геометризованным изображением, характерному для конца XI–первой половины XII в. (рис. 1:65Б, 1а, 1б).

Из комплекса Г происходит и эмалевая цепь-рясно, опубликованная в каталоге А.С. Уварова, ныне хранящаяся в ГИМ (рис. 1: 65Г, 2). Два фрагмента парной ей цепи из коллекции А.В. Звенигородского хранятся в музее Метрополитен (Каталог собрания..., 1907. Табл. Макарова, 1975. Табл. 6. № 52; Церква Богородиці., 1996. С. 160. № 4, 5; The Glory of Byzantium..., 2006. P. 313. № 213; Меч и златник..., 2012. С. 266. № 639, 640)³.

Типологически ряшенная цепь аналогична цепи из общей части комплекса, но отличается вариантами эмалевых изображений, а также несколько отлична от нее стилистически. На бляшках чередуются мотивы шагающей птицы и геометрической розетки. Это стиль 2 с элементами стиля 1. Дата – середина XII в.

На общей хронологической прямой отображены известные по изображениям вещи из нескольких комплексов кладов, найденных в 1840-е гг. в районе Десятинной церкви в Киеве. Таким образом, общий хронологический отрезок их бытования и накопления в кладах – от первой половины XII – по первую треть XIII в. Они демонстрируют стилистическое развитие эмалевых изображений от геометризованной стадии к естественному и утрированному растительному стилям.

N. Zhilina

THE TESTIMONY OF THE DOUBLE TRAGEDY

The paper focuses on the Ancient Russian adornments from the hoards in Desyatinnia church surroundings. The attachment of some of them to several complexes is specified. The

paper provides typological and stylistic characteristics of adornments as pieces of jewelry. They are approximately dated according to this information.

³ В публикации в каталоге к изданию, посвященному Десятинной церкви, по поводу фрагментов этой цепи отмечено, что они происходят из клада 1842 г. в Киеве. Правильнее считать, что они происходят из комплекса Г, найденного в 1840-х гг. (Церква Богородиці ..., 1996. С. 160. № 4, 5).

Рис. 1. Древнерусские украшения из кладов, найденных в районе Десятинной церкви в Киеве в 1840-х гг. на хронологической прямой.
Номера изображений соответствуют номерам вещей комплекса № 65 по каталогу Г.Ф. Корзухиной

И.Е. Зайцева, И.А. Сапрыкина (ИА РАН)

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЯРОСЛАВЛЯ: ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ

В результате широкомасштабных охранных археологических исследований, проведенных в исторической части города Ярославля в 2004–2010 гг. Ярославской археологической экспедицией Института археологии РАН под руководством к.и.н. А.В. Энговатовой (Археология древнего Ярославля, 2012; Энговатова, 2012 и др.), собрана значительная коллекция предметов из цветных металлов. Находки относятся ко всем периодам существования города от XI до XVIII–XIX вв. Обширность полученной коллекции и разнообразие входящих в нее предметов требуют специального обзора. В настоящей работе мы поставили своей целью охарактеризовать состав сплавов находок, изготовленных из цветных металлов, и сравнить его с городскими и сельскими материалами памятников Северо-Восточной Руси. Для работы выбраны фрагментированные предметы, относящиеся преимущественно, к XI–XV вв. Всего подверглись анализу 123 находки. Сравнительная база для материалов из Ярославля представлена проанализированными коллекциями из городов Северо-Восточной Руси: Владимира (98 проб¹), Городца (56 проб), Ростова (60 проб), а так же сельских памятников Суздальского Ополя (курганы – 50 проб, сельские поселения – 182 пробы²).

Отобранные пробы обрабатывались в разных лабораториях по разным методикам: 51 образец исследован способом оптико-эмиссионного спектрального анализа металла по

методу трех эталонов (ОЭСА) А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии ИИМК (описание метода см.: Егорьков, Щетенко, 1999. С. 40); 72 образца изучено в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) Р.А. Митояном (описание метода см.: Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 114–120). Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой проведена специальная работа по исследованию сопоставимости между собой результатов анализов, полученных по различным методикам. Она показала, что результаты ОЭСА и РФА существенно расходятся только по определению концентрации свинца из-за того, что при РФА исследуется поверхность предмета, часто более насыщенная свинцом (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 116). Представляется, что для используемой нами классификации по заранее определенным параметрам, когда в одну группу объединяются объекты с довольно широким интервалом концентраций легирующих элементов, этой погрешностью допустимо пренебречь.

В рассматриваемой выборке представлены следующие категории предметов (Приложение 1³): височные кольца, перстнеобразные и трехбусинные (17)⁴, перстни (16), браслеты (8), энколпионы (2), кресты-тельники (7), иконка (1), фрагмент оклада иконы (1), книжные застежки (2), бубенчики (3), бусина (1), цепочка (1), пряжки (9), бляшки, вставки и накладки разных

¹ Пробы, сделанные А.Н. Егорьковым, Н.В. Ениосовой (Ениосова, Жарнов, 2006. С. 75) и Ю.Э. Жарновым (Жарнов, 2000).

² Пробы, сделанные А.Н. Егорьковым и Р.А. Митояном (Зайцева, 2008. С. 45–55; Сапрыкина, 2012. С. 112).

³ Номера находок даны по Приложению 1.

⁴ В скобках обозначено количество предметов.

типов (15), подвески и привески (4), пуговицы (10), спиральная пронизка (1), нож для бумаги (1), пинцет (2 пробы), пластины и фрагменты сосудов (12), иглы (2), грузик (1), матрица (1), литник (1), обоймица (1), ручка от комода (1), прутки (2), кольцо замкнутое (1).

37 предметов, исследованных методом РФА, оказались изготовленными не из сплавов на основе меди (рис. 1). Квадратная пластинчатая гладкая нашивная бляшка (№ 90) сделана из серебра 900 пробы. 5 предметов произведены из перемешанного сплава меди, олова, свинца с содержанием серебра от 3,6 до 31%. Это щитковый перстень со стеклянной вставкой (№ 38) и 4 пластинчатые нашивные бляшки (№ 82, 88, 89, 109). Грузик (№ 116) отлит из практически чистого свинца. 14 находок изготовлено из олова. Это 7 щитковых перстней (№ 91-93, 119-122), трехбусинное височное кольцо (№ 58), миниатюрная бусина (№ 115), две пуговицы (№ 61, 75), свернутые полоски металла (№ 55, 113), накладка в виде скорлупки (№ 117). 5 предметов отлиты из легкоплавких сплавов с различными соотношениями олова и свинца. В книжной застежке (№ 63) и круглой ажурной бляшке (№ 71) значительно преобладает свинец, в пуговице (№ 94) – олово. У остальных изделий значения концентраций свинца и олова сопоставимы. Это две бляшки: в форме цветка (№ 62) и круглая ажурная (№ 64). Как видно из перечисленных выше предметов в Ярославле, как и в Новгороде, из легкоплавких сплавов изготавливались, преимущественно, щитковые перстни и пуговицы, отливавшиеся в каменные литейные формы (Седова, 1981. С. 132-136; Коновалов, 2008. С. 105-106; Жилина, 2012в. С. 228-229). В пластинчатых нашивных бляшках присутствует серебро. Большинство рассмотренных находок относится ко второй половине XIII–XVII вв.

11 предметов сделаны из перемешанного сплава, состоящего из меди, олова и свинца (рис. 2): две пуговицы – шаровидная (№ 102) и в виде палочки (№ 52), два креста-тельника: древнерусский с эмалью (№ 74) и позднесредневековый (№ 59); два щитковых перстня (№ 66, 110), две пряжки (№ 72, 107), одна из которых датируется новым временем, накладка в виде птички (№ 96), нож XIX в. для бумаги (№ 98), витой из проволоки браслет (№ 104).

86 предметов рассматриваемой выборки изготовлены из сплавов на основе меди.

Графики одномерного распределения элементов в исследуемом массиве показывают,

что основными легирующими компонентами в меди являются олово, свинец и цинк, т.е. их доля в сплаве больше или равна 1%. По наличию легирующих компонентов объекты объединены в группы (сплавы) методом классификации по заранее определенным параметрам (Енисосова, Митоян и др., 2008. С. 125-132). Названия сплавов даются по составляющим их компонентам (Гутов, Никитин, 1995. С. 55, 57).

- однокомпонентные сплавы - «чистая» медь (Cu),
- двухкомпонентные (бинарные) сплавы – свинцовая бронза (Cu+Pb), оловянная бронза (Cu+Sn), двойная латунь (Cu+Zn),
- трехкомпонентные – оловянно-свинцовая бронза (Cu+Sn+Pb), оловянно-цинковая бронза (Cu+Sn+Zn), свинцовая латунь (Cu+Zn+Pb), оловянная латунь (Cu+Zn+Sn),
- многокомпонентные сплавы (Cu+Sn+Zn+Pb). Рассмотрим полученные группы (рис. 3).

Медь.

«Чистая» медь (Cu). Из чистой меди изготовлено 5 предметов (5,8% проанализированной выборки; рис. 4). В большинстве образцов содержится свинец в десятых долях процента (среднее значение по группе 0,55%). Из меди сделаны пластина (№ 77), фрагмент сосуда (№ 10) и заклепка (№ 123), а также шаровидный линейнопрорезной бубенчик, спаянный из двух половинок (№ 25), и накладка с надписью «Борис» (№ 108). В металле накладки содержание свинца близко 1%.

Свинцовая бронза (Cu+Pb). Из меди с примесью свинца сделано 8 предметов (9,3% выборки; рис. 4). В 5 изделиях – двух пластинах (№ 83, 101), трубочке (№ 97), обоймице ножа (№ 69) и позднесредневековом кресте-тельнике (№ 60), концентрация свинца не превышает 3%. В этих случаях, вероятно, можно говорить об использовании мастерами недостаточно очищенной меди, загрязненной свинцом. В 3 образцах: перстнеобразном височном кольце (№ 73), замкнутом колечке (№ 46) и литнике (№ 53), содержание свинца выше – оно составляет от 3,6 до 6,4%. Скорее всего, он вводился в медь преднамеренно, хотя не исключена возможность того, что это тоже плохо очищенная «грязная» медь.

Таким образом, из меди, чистой или с примесью свинца, изготовлено около 15% всех предметов рассматриваемой выборки. Наряду с производственными находками (литник), сви-

детельствующими об обработке меди в местных мастерских, в группе меди имеются и готовые изделия.

В проанализированных выборках проб, полученных с находок из культурного слоя различных городов Северо-Восточной Руси, процент предметов из меди оказался несколько выше, чем в Ярославле: везде медных предметов от одной пятой до одной четвертой всех находок (рис. 5). Как и в Ярославле, во Владимире из меди изготавливались шаровидные бубенчики. В остальных городах преобладают производственные находки, из готовых изделий можно назвать медные пуговицы, пока не зафиксированные в Ярославле. Близко в городах региона соотношение предметов из чистой и загрязненной свинцом меди: последних насчитывается немного больше. Только в Городце в группе меди около двух третей образцов представлено предметами из меди, загрязненной свинцом.

Бронзы.

Оловянная бронза (Cu+Sn). Из сплава меди с оловом изготовлено 7 предметов (8,2%) исследуемой выборки (рис. 6). Содержание олова в пробе колеблется в границах от 2,3 до 16%. В большинстве образцов оно имеет средние значения, близкие к 10% (среднее содержание олова в пробе составляет 9,3%). Только в металле обруча перстня (№ 43) количество олова достигает 16%. Примесь свинца ощутима: он находится в пределах 0,5-0,9% (среднее значение 0,7%). Такой сплав имеет высокую пластичность, он пригоден и для литья, и для механической деформации, поэтому из оловянной бронзы изготовлены как изделия из проволоки: три перстнеобразных височных кольца (№ 1, 2, 4) и колечко от пинцета (№ 48), так и литые – два перстня (№ 42, 43) и поясная пряжка (№ 17).

Оловянно-свинцовая бронза (Cu+Sn+Pb). Из трехкомпонентной бронзы сделано 24 предмета выборки (27,9%; рис. 6, 7). Содержание олова в пробе находится в пределах 2-25%. В большинстве образцов оно имеет низкие (менее 5%) и средние (5-10%) значения (среднее значение по группе равно 9,6%). Высокооловянных предметов с содержанием олова 15-25% – 6. Это литые крест-тельник с трехчастными криновидными концами (№ 21), иконка с изображением Никиты (№ 26), шаровидная пуговица (№ 51), пластинчатый браслет (№ 78), прорезная накладка (№ 86) и щиток перстня (№ 114).

Концентрация свинца колеблется в пределах от 1 до 14,5% (среднее значение в пробе 4,25%).

В половине образцов она не превышает 3%. Скорее всего, эти предметы изготовлены из загрязненной свинцом меди с добавлением олова. В остальных случаях можно предполагать преднамеренное легирование меди и оловом, и свинцом.

Оловянно-свинцовую бронзу, являющуюся прекрасным литейным сплавом, ярославские мастера-ювелиры на протяжении длительного времени использовали преимущественно для изготовления литых украшений. Это предметы личного благочестия – кресты-тельники (№ 21, 68, 80), энколпионы (№ 49), иконки (№ 26); шаровидные бубенчики (№ 30, 87), накладки (№ 67, 86), книжная застежка (№ 29). Из такого сплава сделана матрица для тиснения нашивных бляшек (№ 106). Есть в группе и изделия из проволоки, относящиеся к древнерусскому времени: перстнеобразное височное кольцо (№ 40) и витые браслеты (№ 56, 95). С первоначальным периодом жизни на поселении связаны мерянское шумящее обувное украшение (№ 35) и колоколовидная привеска (№ 85).

Многокомпонентная бронза (Cu+Sn+Pb+Zn). Перемешанный бронзовый сплав с незначительным содержанием цинка, полученный в результате переплавки лома, зафиксирован в двух пробах: кресте-тельнике с эмалью (№ 22) и цельнолитой пуговке (№ 50; рис. 6).

Таким образом, общее количество предметов из бронзы в ярославской выборке равно 38,4%. Большинство в группе составляют оловянно-свинцовые бронзы с низким и средним содержанием олова и небольшим содержанием свинца. Из имеющихся в нашем распоряжении выборок с территории Северо-Восточной Руси наиболее близкими ярославским оказываются данные из сельских поселений Суздальского Ополя: здесь число бронзовых предметов составляет 45,2%; (Зайцева, 2008. С. 41). Отличие состоит в несколько большем количестве олова в сплаве суздальских находок (среднее значение 11,7%) и меньшем количестве свинца (среднее значение 2,9%). Во Владимире доля бронзовых предметов намного выше – 55% (рис. 5). Там значительно преобладают оловянно-свинцовые бронзы со средней и высокой концентрацией свинца. В Ростове предметов из бронзы ощутимо меньше – 21%. Как и во Владимире, большинство образцов имеют средние и высокие значения олова. В Городце сложилась своя, отличная от других городов, производственная традиция в использовании сплавов. Здесь бронзы представляют более двух третей всей выбор-

ки. Преобладают оловянно-свинцовые бронзы со средней и высокой концентрацией олова.

Латуни

Двойная латунь (Cu+Zn). Из сплава меди с цинком в выборке представлено всего 2 образца (2,3%). Это перстнеобразное височное кольцо первой трети XIII в. с концентрацией цинка 10% (№ 44) и ручка от комода нового времени с содержанием цинка 3,1% (№ 57; рис. 8).

Предметов из оловянной латуни в выборке нет.

Свинцовая латунь (Cu+Zn+Pb). Группа свинцовой латуни насчитывает 17 предметов (19,8% выборки). Количество цинка в образцах достаточно высокое: оно колеблется в пределах от 5,7 до 26,7% (среднее значение по группе 13,1%). У 10 находок концентрация цинка превышает 10%, что свидетельствует о наличии у местных мастеров цинкосодержащего сырья и умения готовить свежие сплавы. Содержание свинца варьирует сильно от 1 до 30% (среднее значение 4%). В 11 пробах, где оно не превышает 3,6%, вероятно, можно говорить об использовании недостаточно очищенной меди. В этих случаях мастера ставили задачу приготовления сплава двойной латуни. К этой группе относятся перстнеобразное височное кольцо (№ 5), лировидная поясная пряжка (№ 15), игла для плетения (№ 20), две полые шаровидные пуговицы (№ 24, 27), пластинчатая накладка (№ 65), спиральная проволочная пронизка (№ 32), три пластины (№ 28, 37, 70), прутки (№ 39).

В 6 пробах, скорее всего, осуществлялось преднамеренное легирование сплава свинцом. Это поясная пряжка арочной формы (№ 14), круглодротовый перстень в полтора оборота (№ 23) и обрывок дрота ромбического сечения (№ 79), шаровидная пуговица (№ 84) и два браслета – из дрота треугольного сечения и пластинчатый (№ 103, 112).

Многокомпонентные латуни (Cu+Zn+Pb+Sn). Из свинцовой латуни с добавлением бронзы изготовлено 16 предметов (рис. 9). Основой сплава является пара элементов медь-цинк. Содержание цинка в сплаве близко его значениям в группе свинцовой латуни. Оно варьирует в пределах от 6,2 до 19% (среднее значение равно 12,4%). Концентрация свинца колеблется от 1 до 20%. В 12 случаях она не превышает 3,6%, т.е. для приготовления сплава, скорее всего, была использована бронза на основе плохо очищенной меди. Только в дротовом браслете круглого сечения (№ 100) добавка свинца близка к 20%. Содержание олова варь-

ирует от 1,1% до 7,8%. Его среднее значение по группе составляет 3,6%. Из многокомпонентной латуни изготовлены как предметы, полученные способом пластической деформации: перстнеобразные височные кольца (№ 7, 12, 13, 16, 33, 34, 41), усатый перстень (№ 8), цепочка из колечек (№ 11), оклад иконы (№ 54), дротовый браслет (№ 100), накладка трапециевидной формы (№ 111), пластина (№ 36), так и литые: преимущественно, это небольшие по размеру пряжечки (№ 81, 99, 105).

В целом, количество латунных предметов в ярославской выборке близко количеству бронзовых и составляет около 40%. Универсальные с технологической точки зрения латуни, пригодные как дляковки, так и для литья, использовались на протяжении всего рассматриваемого периода. Тем не менее, как и на других памятниках Северо-Восточной Руси и в Новгороде, в Ярославле большое число латунных предметов, преимущественно, из свинцовой и многокомпонентной латуни, фиксируется в ранних слоях, в XI–начале XII в. (Енисова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 134; Зайцева, 2008. С. 39). Это лировидные и арочные поясные пряжки, усатый перстень, браслет из дрота треугольного сечения. Традиция использования латуни сохраняется в городе и в последующее время. Латунные изделия есть и в материалах XII–первой половины XIII в. (перстнеобразные височные кольца, браслеты), и в более поздних: миниатюрные пряжечки, имеющие аналогии в материалах из раскопок английских средневековых городских слоев (см.: например Ottaway, Rogers, 2002. P. 2912), а также оклад иконы и ручка комода нового времени. Обработка латуни в местных мастерских маркируется обрывком дрота ромбического сечения (№ 79).

По количеству латунных предметов ярославская выборка похожа на ростовскую, в которой зафиксировано 42% изделий из латуни. В остальных городах региона, где отсутствуют предметы хронологической группы XI–начала XII вв., число латуней заметно меньше: 12,3% во Владимире, 5,7% в Городце. В выборке по сельским памятникам Суздальского Ополя, как и в Ярославле, в материалах раннего периода значительна доля предметов из свинцовой и многокомпонентной латуни (Зайцева, 2008. С. 41-43).

Довольно высокое среднее содержание цинка в сплаве, 12-13%, в находках из Ярославля соответствует его количеству в материалах других памятников Северо-Восточной Руси: 14,7%

на селищах Ополя (Зайцева, 2008. С. 41), 14% в Ростове, 9,9% во Владимире. По наблюдениям Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой, на памятниках Северо-Западной Руси в материалах XI–начала XII вв. преобладали латуни с низкой концентрацией цинка (1-7%). Хотя в XII–XIII вв. образцов со средним содержанием цинка в сплаве на этой территории становится больше (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 134), можно с уверенностью говорить о том, что в отличие от северо-западных районов Древней Руси, Северо-Восточная Русь имела налаженные пути поступления высокоцинкового сырья на протяжении длительного хронологического периода от XI в. до позднего средневековья.

Перемешанный сплав. Из перемешанного сплава с большим количеством меди изготовлено всего 5 предметов выборки (5,8%; рис. 2). Это два перстнеобразных височных кольца (№ 3, 6), дровый браслет (№ 9), подвеска-топорик (№ 18) и ушко энколпиона (№ 45). Предметы относятся к разным хронологическим группам. Если принимать во внимание только сплавы на основе меди, то их количество кажется очень небольшим: оно в два раза меньше, чем в Ростове. Однако если обратиться к группе предметов, в которых из-за многократных переплавок и разбавлений медь перестала быть основой, то таких изделий в Ярославле окажется 16, т.е. 13%. Эта цифра сопоставима с данными по Ростову и Владимиру. В Городце, демонстрирующем оригинальную традицию использования меди и бронз и малой распространенности латуней, количество предметов из перемешанного сплава минимально.

Использование мастерами перемешанного сплава маркирует работу с ломом и многократные переплавки. Эта практика применялась ярославскими мастерами-ювелирами и литейщиками, но не составляла основу производственной традиции, а выполняла вспомогательную роль.

Выводы. Исследование состава сплавов находок из раскопок Ярославля, имеющих широкий хронологический диапазон от XI до XIX вв., показывает, что мастера-ювелиры крупного городского центра на всем протяжении его истории имели в своем распоряжении различные по своим технологическим характеристикам металлы и сплавы. Данные по Ярославлю полностью соответствуют традиции использования сплавов, зафиксированной по другим памятникам Се-

веро-Восточной Руси домонгольского времени. В период XI–начала XII вв. в регионе господствовали латуни, преимущественно, свинцовые и многокомпонентные, со средним и высоким содержанием цинка в сплаве (среднее значение по выборке 12-13%). Два проанализированных мерянских шумящих украшения оказались изготовленными из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием олова 8-10%, что укладывается в рамки традиции производства финно-угорских шумящих украшений.

В XII–первой половине XIII вв. выигрышные в технологическом и эстетическом планах латуни сохраняют свое значение в местной металлообработке. Вместе с тем большую популярность получают бронзовые сплавы. Здесь мы можем наблюдать некоторые различия в материалах из разных производственных центров: если в Ярославле преобладают сплавы с низким и средним содержанием олова (до 10%), характерные для Северо-Западной Руси (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 134; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 125), то в Ростове, Владимире, Городце и на селищах Суздальского Ополя концентрация олова в сплаве в большинстве предметов оказывается несколько выше. Это, вероятно, связано с наследием финно-угорской производственной традиции.

Во второй половине XIII–XV вв. в Ярославле, как в Новгороде, Твери (Лапшин, 2009. С. 353. Рис. 103) и других городах Северной Руси, большую популярность получают разнообразные щитковые перстни, отливавшиеся из легкоплавких сплавов в каменных формах.

Таким образом, имея в своем распоряжении достаточно репрезентативную выборку материалов большого хронологического диапазона, полученную из разных памятников Северо-Восточной Руси, мы можем с уверенностью говорить об общности традиции в использовании сплавов мастерами из различных крупных производственных центров региона. Эта традиция имеет выраженное региональное своеобразие, наиболее ярко проявляющееся в ранний период. Во второй половине XII–XV вв. различия между Северо-Западной и Северо-Восточной Русью по составам сплавов менее заметны⁵, что свидетельствует о единстве экономического пространства Северной Руси этого времени.

Материалы сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси показывают обо-

⁵ Различия остаются только в большей концентрации олова в бронзовых сплавах памятников Северо-Восточной Руси в это время.

собленность производственных традиций местного населения в период X–начала XI вв. В это время здесь господствуют бронзы и многокомпонентные сплавы (Зайцева, 2009. С. 165). С включением этих территорий в экономико-культурное пространство Древнерусского государства номенклатура сплавов, используемых местными мастерами, расширяется. Определение количества олова, добавляемого в бронзы, зависит от конкретных связей жителей разных поселков.

В небольших производственных центрах, таких как Городец, Торопец (Фоняков, 1991. С. 221), Серенск (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 125), часто складываются свои локальные «привычки» в использовании сплавов. Мастера разрабатывают некий «любимый» ими универсальный с технологической точки зрения рецепт сплава, исходя из доступных им сырьевых материалов, и, преимущественно, используют его для изготовления различных категорий изделий.

I. Zaytseva, I. Saprykina

NON-FERROUS METAL FROM MEDIEVAL YAROSLAVL: CHEMICAL COMPOSITION

The paper discusses the results of the quantitative analysis of the composition of the metal findings from the excavations in Yaroslavl, relating mainly to the XI–XIV centuries (123 samples). In the period of the XI–the beginning of XII centuries, the region dominated with brass, mainly lead and multicomponent with middle and high zinc content in the alloy. In the XII–first half of the XIII centuries, brass retained its value in the local metal. More than that, bronze alloys received popularity at this time. Due to comparing the material from Yaroslavl with data

from other monuments of the region, we can speak with confidence about a community of traditions in the use of alloy masters from a variety of large industrial centers in the North-Eastern Rus. This tradition has a clear regional identity, manifested more clearly in the early period. In the second half of the XII–XV centuries, the differences between the North-Western and the North-Eastern Rus in composition of alloys is less noticeable. This fact demonstrates the unity of the economic space in the North of Russia at this time.

Приложение. База данных металлических предметов из Ярославля (химический состав и паспорта находок).

№	Лабор-шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт	Категория
1	805011	осн.	2,3	0,5	0	0,06	0	0,2	0	0	0,01	0,02	0,06	Яр-06,УС,р.1,уч.3,кв.49,п.27,№1612	кольцо височное перстнеобразное
2	805012	осн.	11	0,5	0	0,1	0,2	0,3	0,05	0	0,01	0,01	0,06	Яр-06,УС,р.1,уч.3,кв.48,п.27,№1594	кольцо височное перстнеобразное
3	805013	осн.	7	1,8	6,7	0,02	0,3	0,08	0,03	0,03	0,3	0,02	0,2	Яр-06,УС,р.1,уч.11,пл.6, кв.220,№1907	кольцо височное перстнеобразное
4	805014	осн.	10	0,9	0,1	0,05	1,3	0,4	0,1	0	0	0,01	0,05	Яр-06,УС,р.1,уч.13,пл.7, кв.280,№1916	кольцо височное перстнеобразное
5	805015	осн.	0,6	3,2	5,8	0,02	0,3	0,3	0,07	0,01	0,03	0,02	0,03	Яр-06,УС,р.1,уч.3,кв.27,п.27,№1583	кольцо височное перстнеобразное
6	805016	осн.	8,2	1,1	4,5	0,03	0	0,5	0	0	0,3	0,02	0,05	Яр-06,УС,р.1,14,кв.287,я.111,№1902	кольцо височное перстнеобразное
7	805017	осн.	1,1	1	6,2	0,05	0,2	0,5	0,03	0	0,5	0,02	0,05	Яр-06,УС,р.1,уч.12,пл.5, кв.251,№1751	кольцо височное перстнеобразное
8	805018	осн.	1,5	1,8	7	0,1	0,2	0,5	0,06	0	0,03	0	0,02	Яр-06,УС,р.1,19,пл.5,кв.365,№2247	перстень усатый
9	805019	осн.	5,8	2,6	4,7	0,02	0,2	0,5	0,05	0,01	0,3	0,03	0,07	Яр-06,УС,р.1,21,пл.4,кв.452,№2627	браслет драгоценный
10	805020	осн.	0,04	0,6	0,07	0,04	0,4	0,4	0,05	0	0	0,02	0,1	Яр-06,УС,р.2,пл.2,кв.13,№2663	сосуд
11	805021	осн.	1,3	5,7	11	0,01	0,3	0,6	0,06	0	0,03	0,02	0,06	Яр-06,УС,р.1,уч.14,пл.6, кв.288,№1985	цепочка
12	805022	осн.	5	1,2	14	0,01	0	0,1	0	0,01	0,2	0,02	0,04	Яр-06,УС,р.1,пл.5,№1887	кольцо височное перстнеобразное
13	805023	осн.	5	1,5	19	0,01	0	0,1	0	0	0,1	0,02	0,04	Яр-06,УС,р.1,пл.5,пл.8,№1946	кольцо височное перстнеобразное
14	805024	осн.	0,5	14	9,8	0,03	0,3	0,5	0,04	0,01	0,03	0,01	0,02	Яр-06,УС,р.1,уч.17,пл.5, кв.360,№2105	пряжка поясная арочная
15	805025	осн.	0,02	2	13	0,01	0,1	0,4	0,07	0	0,02	0,02	0,03	Яр-06,УС,р.1,уч.21,пл.5, кв.438,№2605	пряжка поясная лировидная
16	805026	осн.	7,8	1,5	14	0,01	0,1	0,1	0,02	0,01	0,4	0,02	0,05	Яр-06,УС,р.1,уч.3,кв.48,п.27,№1576	кольцо височное перстнеобразное
17	805027	осн.	11	0,6	0,1	0,05	0,2	0,5	0,2	0	0	0,02	0,2	Яр-06,УС,р.1,уч.24,пл.3, кв.542,№2609	пряжка поясная
18	805028	осн.	4,5	12	8,8	0,01	0,5	0,3	0,03	0,05	0,2	0,01	0,01	Яр-06,УС,р.1,уч.15,кв.301,я.196,№2443	подвеска-гопорик

№	Лабор. шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт	Категория
19	805029	осн.	2,6	1,7	0,5	0,1	0,4	0,6	0,05	0	0,3	0,02	0,03	Яр-06,УС,р.1,уч.19,пл.7, кв.374,№2280	игла
20	805030	осн.	0	3,3	7,8	0,01	0,1	0,2	0,07	0	0,03	0,02	0,03	Яр-06,УС,р.1,уч.20,пл.6, кв.391,№2334	игла
21	805031	осн.	25	6,2	0,08	0,2	0,1	0,07	0,04	0	0	0,02	0,03	Яр-06,УС,р.2,кв.2,№2864	крест-тельник
22	805032	осн.	8	7,3	1,9	0,05	0,6	0,6	0,07	0	0,6	0,01	0	Яр-06,УС,р.1,уч.12,кв.259,№1871	крест-тельник
23	805033	осн.	0,02	7,3	15	0,01	0,5	0,2	0,04	0,02	0,07	0,02	0,02	Яр-06,УС,р.1,уч.15,пл.6, кв.297,№2448	перстень дровотый
24	805034	осн.	0,03	1	15	0,01	0,1	0	0	0	0,2	0,02	0,5	Яр-06,УС,р.1,уч.11,пл.5,кв.217,с.24,№1904	пуговица полая тисненная
25	805035	осн.	0,6	0,3	0	0,07	0	0,03	0	0	0	0,01	0,01	Яр-06,УС,р.1,уч.21,пл.2,кв.458а,№2581	бубенчик шаровидный линейнопрорезной
26	805036	осн.	18	1,5	0,1	0,03	0,2	0,7	0,03	0,08	0,4	0,02	0,04	Яр-06,УС,р.1,уч.22,пл.3, кв.472,№2535	иконка Никита
27	805037	осн.	0,04	1,6	22	0,05	0	0	0	0	0,06	0,02	0	Яр-06,УС,р.1,уч.29,пл.4, кв.511,№2795	пуговица
28	805038	осн.	0	3,6	7,2	0,01	0,3	0,02	0,02	0	0,4	0,01	0,1	Яр-06,УС,р.1,уч.16,пл.4, кв.329,№2106	пластина (браслет?)
29	805039	осн.	2,5	1,5	0,1	0,02	0	0,03	0,02	0,01	0	0,02	0,02	Яр-06,УС,р.1,уч.18,пл.5, кв.411,№2628	книжная застёжка
30	805040	осн.	6,5	2,2	0,06	0,02	0	0,2	0,03	0,01	0,03	0,02	0,04	Яр-06,УС,р.1,уч.18,пл.4, кв.352,№2615	бубенчик шаровидный линейнопрорезной
31	805041	осн.	6,8	1,1	0	0,02	0,1	0,3	0	0	0,2	0,03	0	Яр-06,УС,р.1,уч.3,кв.27,п.27,№1575	перстень круглодротовый
32	819044	осн.	0,5	2,6	5,7	0,02	0,3	0,4	0,04	0,01	1,1	0,04	0,01	Яр-07,РГ, р.3,пл.10,кв.29,№337	пронизка спиральная
33	819045	осн.	4,9	3,6	13	0,1	0,3	0,3	0,05	0	1,1	0,3	0	Яр-07,РГ,р.1,уч.4,пл.10,кв.82,№324	кольцо височное перстнеобразное
34	819046	осн.	4,6	2,1	9,8	0,04	0,2	0,3	0,04	0	0,8	0,2	0	Яр-07,РГ,р.1,уч.4,пл.10,кв.82,№324	кольцо височное перстнеобразное
35	819047	осн.	8,8	1	0,3	0,07	0,2	0,2	0,03	0	0,1	0,09	0,05	Яр-07,РГ, р.3,пл.12,кв.56,№378	подвеска шумящая
36	819048	осн.	3,1	3,3	14	0,02	0,2	1,2	0,04	0	0,5	0,03	0,02	Яр-07,РГ,	пластина (?)
37	819049	осн.	0,8	1,2	21	0,01	0	0,06	0	0	0,2	0,02	0,01	Яр-07,РГ,	пластина (?)
38	820017	47,8	0,3	19	0,9	31	0,6	0,01	0,03	0	0,4	0,03	0	Яр-07,РГ,	перстень щитковый

№	Лабор.-шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт	Категория
39	820018	осн.	0,1	3,3	8,6	22	0,2	0,2	0,03	0	0,3	0,01	0,02	Яр-07,Мар.,уч.3,пл.9,кв.196,№775	пруток
40	819053	осн.	11	1,1	0,1	0,08	0,2	0,3	0,04	0	0,1	0,05	0,02	Яр-07,Мар.,уч.3,пл.6,кв.166,№589	кольцо височное перстнеобразное
41	819054	осн.	1,8	1	10	0,01	0,1	0,03	0	0,02	0,3	0,02	0,04	Яр-07,Мар.	кольцо височное перстнеобразное
42	819055	осн.	6	0,7	1,1	0,09	0	0,08	0	0	1,1	0,02	0	Яр-07,Мар.,уч.2,пл.3,кв.79,№150	перстень цитковый
43	819056	осн.	16	0,9	0	0,07	0,2	1,3	0,04	0	0,09	0,04	0,01	Яр-07,Мар.,уч.3,пл.5,кв.213,№588	перстень цитковый
44	819057	осн.	0,3	0,2	10	0,01	0	0	0	0	0,03	0,01	0	Яр-07,Мар.,уч.1,пл.4,кв.24,№392	кольцо височное перстнеобразное
45	819058	осн.	11	2,1	5,1	0,01	0,2	0,4	0,03	0	1,5	0,02	0,02	Яр-07,Мар., отвал,№653	ушко энколпиона
46	820019	осн.	0,8	3,9	0	0,01	0,1	0,03	0	0	0,09	0,02	0,07	Яр-07,Мар.,уч.2,балласт,кв.61,№14	кольцо замкнутое
47	820020	осн.	7,7	3,2	0,04	0,04	0,4	1,4	0,06	0,1	0,5	0,02	0,05	Яр-07,Мар.,уч.1,пл.1,кв.44,№180	пинцет
48	820021	осн.	8,6	0,6	0	0,06	0,4	0,8	0,04	0,01	0,02	0,01	0,05	Яр-07,Мар.,уч.1,пл.1,кв.44,№180	пинцет (колечко)
49	820022	осн.	8,6	3,4	0,6	0,1	0,1	0,6	0,03	0	1,4	0,02	0	Яр-07,Мар..	энколпион
50	820023	осн.	15	7	3,6	0,01	0,2	0,7	0,06	0	1,3	0,01	0,07	Яр-07,Мар.,уч.1,пл.6,кв.2,№476	пуговица биконическая
51	820024	осн.	16	9,6	0	0,1	0,6	0,8	0,1	0	1,1	0,01	0	Яр-07,Мар.,уч.1,пл.8,кв.24,№548	пуговица шаровидная полая
52	988	43,47	35	13,66	1,85		0,23	0,73	0	0	5,06			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.3, кв.23, №94	пуговица
53	989	91,45	0,28	6,39	0,57	0,34	0,33	0	0	0	0,64			Яр-08, Мар., уч.7, пл.2, кв.22, №38	литник
54	990	83,01	1,55	1,67	13,11	0,14	0	0	0	0	0,53			Яр-08, РГ, уч.2, пл.1, кв.93, №266	оклад иконы
55	991	1,12	95,85	0,75	0,38	0	0,04	0	0	0	1,86			Яр-08, РГ, пл.13, кв.15, выброс, №1356	пластина свернутая
56	992	94,01	2,03	2,38	0	0,12	0,14	0,29	0	0	1,03			Яр-08, Мар., пл.9, кв.3, под СВ стеной соор19, №951	браслет витой проволочный
57	993	95,82	0	0,99	3,11	0	0	0	0	0	0,17			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.15, кв.180, соор170, №793	ручка от комода
58	994	0,36	96,61	0	0	0	0	0	0	0	3,03			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.10, кв.142, соор180 (над ямой 174), №776	кольцо височное трехбусинное

№	Лабор. шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт	Категория
59	995	25,26	13,56	54,56	0	0,6	0,94	0,51	0	0	4,53			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.8, кв.101, под соор127, №584	крест с килевидным окончанием
60	996	95,12	0,47	2,19	0	0,35	0,32	1,53	0	0	0,03			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.9, кв.101, под соор127, №607	крест
61	997	4,21	95,17	0	0,49	0	0,12	0	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.7, кв.20, соор.89, № 326	пуговца шаровидная фигурная
62	998	0	37,03	61,69	0	0	1,27	0	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.8, кв.117, №554	накладка в виде цветка
63	999	0	8,01	91,12	0	0	0,86	0	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.4, кв.59, №155	книжная застёжка
64	1000	0	43,1	55,9	0	0	0,99	0	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.4, кв.55, соор.72, №131	бляшка круглая ажурная
65	1001	86,64	0,04	1,36	11,41	0	0,08	0	0	0	0,48			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.2, кв.42, №48	накладка
66	1002	40	22,45	29,53	0	0,34	0,46	0,3	0	0	6,92			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.10, кв.100а, выброс, №638	перстень
67	1003	81,06	2,69	14,51	0	0,14	0,24	0,24	0	0	1,12			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.5, кв.45, №242	накладка на конец браслета
68	1004	90,21	2,56	6,14	0	0,17	0,49	0,4	0	0	0,03			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.10, кв.99, №630	крест с килевидным окончанием
69	1005	96,69	0,06	2,57	0	0,09	0,27	0,32	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч.9, пл.10, выброс, №1182	обоймица для ножа
70	1006	71,7	0	1,44	26,71	0,13	0	0	0	0	0,03			Яр-08, Мар.,уч.9, пл.22, кв.49, соор.130, дренаж, №1212	пластина
71	1007	0	3,02	95,67	0	0	1,3	0	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.7, кв.117, выброс, №533	бляшка круглая ажурная
72	1008	46,97	11,59	35,01	3,93	0,15	0,25	0	0	0	2,15			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.11, кв.39, соор.89, №476	пряжка с гнездами для вставок
73	1009	95,88	0,38	3,57	0	0	0,18	0	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.14, кв.34, №957	кольцо височное перстнеобразное
74	1100	10,49	4,29	74,19	0	0,09	0,46	0,68	0	0	9,8			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.9, кв.69, №485	крест-тельник
75	1101	0,98	97,52	1,01	0,29	0	0,19	0	0	0	0			Яр-08, РГ,уч.7, пл.6, кв.37, соор.89, №253	пуговца шаровидная
76	1102	88,09	2,93	8,8	0	0,11	0,06	0	0	0	0			Яр-08, РГ, №224	вставка пластинчатая ромбовидная

№	Лабор. шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт	Категория
77	1103	98,51	0	0,9	0	0,09	0,17	0,33	0	0	0			Яр-08, РГ, пл.12, кв.29, на СВ лаге, соор.30, №1286	пластина
78	1104	70,23	15,7	7,94	0	0,22	0,48	0,66	0	0	4,77			Яр-08, Мар.,уч.7, пл.4, кв.48, №181	браслет плоский
79	1105	74,79	0	6,45	18,7	0,07	0	0	0	0	0			Яр-08, РГ, пл.11, кв.41, №1003	пруток
80	1106	70,87	16,82	11,94	0	0,26	0	0,11	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.11, кв.116, №660	крест
81	1107	76,66	2,61	6,96	12,99	0,09	0,36	0,33	0	0	0			Яр-08, РГ, пл.12, кв.30, под соор.31, выброс, №1086	пряжка круглая
82	1108	0	22,24	73,66	0	3,69	0,41	0	0	0	0			Яр-08, РГ, пл.15, выброс, №1425	накладка прямоугольная орнаментированная
83	1109	96,56	0,05	2,53	0	0,11	0,13	0,61	0	0	0			Яр-08, РГ, пл.26, яма 27, выброс, №1855	пластина
84	1110	78,96	0,92	9,49	8,33	0,46	0,18	0	0	0	1,68			Яр-08, РГ,уч.7, пл.5, кв.78, соор.68, №203	пуговица шаровидная
85	1111	84,34	10,79	3,35	0	0,07	0,9	0,3	0	0	0,24			Яр-08, РГ,уч.11, кв.30, №337	привеска колоколовидная
86	1112	74,22	21,02	2,99	0	0,43	0,05	1,3	0	0	0			Яр-08, РГ,уч.2, пл.2, кв.80, №275	накладка рельефная
87	1113	94,34	3,44	1,41	0	0,33	0	0,26	0	0	0,22			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.17, кв.167, №827	бубенчик
88	1114	0	27,76	55,23	0,31	16,7	0	0	0	0	0			Яр-08, РГ, пл.12, кв.30, под соор.31, выброс, №1088	пряжка
89	1115	0	25,02	70,18	0	4,28	0	0	0	0	0,52			Яр-08, РГ, пл.12, кв.16, №1030	накладка фигурная
90	1116	0	0	0,58	0	89,51	0	0	0	0	0,77			Яр-08, РГ, пл.12, кв.29, №975	накладка пластинчатая квадратная
91	1117	0	95,96	4,04	0	0	0	0	0	0	0			Яр-08, РГ, пл.20, кв.28, №1844	перстень щитковый
92	1118	0	94,16	3,22	0,37	0	0	0	0	0	2,25			Яр-08, РГ,уч.2, пл.1, кв.67, №245	перстень щитковый
93	1119	0,65	97,71	0	0	0	0	0	0	0	1,64			Яр-08, РГ, пл.11, кв.15, соор.23, №343	перстень с ромбовидным щитком
94	1120	0	81,52	17,21	0	0	0	0	0	0	1,26			Яр-08, Мар., пл.16, выброс, №1546	пуговица
95	1121	84,46	5,76	5,75	0	0,05	0,46	0,39	0	0	3,14			Яр-08, Мар.,уч.6, пл.15, кв.149, соор.180 (20а), №733	браслет витой проволоочный
96	1122	57,16	35,93	5,47	0	0,19	0	1,24	0	0	0			Яр-08, РГ,уч.2, пл.2, кв.79, №273	накладка в виде плитки

№	Лабор. шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт	Категория
97	1123	92,69	0,16	1,77	0	0,22	0,18	0,19	0	0	4,79			Яр-08, РГ,жужный сектор, пл9, кв39а, яма 9, №115	трубочка из пластинчатого металла
98	1124	50	21,59	21,94	1,49	0,34	0,56	1,26	0	0	2,82			Яр-08, РГ,пл4, кв75, соор35, №379	нож для бумаги
99	1125	77,12	3,63	2,47	14,5	0	0,33	0,25	0	0	1,71			Яр-08, РГ,пл15, кв16, соор30, №1334	пряжка
100	1127	63,02	1,12	19,91	9,43	0,24	0,62	0,28	0	0	5,38			Яр-08, Мар.,уч7, пл11, кв51, яма 162, №995	браслет дровотный
101	1128	97,06	0	2,27	0	0,08	0,24	0,35	0	0	0			Яр-08, РГ,пл16, кв16, соор69, №1667	пластина
102	1129	31,46	14,47	44,56	0	0,34	1	0,81	0	0	7,37			Яр-08, Мар.,уч7, пл7, кв70, №384	пуговица шаровидная
103	1130	54,52	0,08	29,63	12,86	0,11	1,76	0,23	0	0	0,82			Яр-08, Мар.,уч7, пл8, кв29, №452	браслет
104	1131	1,59	92,05	3,68	0	0	0,1	0	0	0	2,58			Яр-08, РГ,пл15, кв29, соор69, №1464	браслет витой проволоочный
105	1132	74,61	4,84	3,99	14,11	0,2	0,45	0,32	0	0	1,48			Яр-08, РГ,пл12, кв30, под соор31, выброс, №1087	пряжка квадратная миниатюрная
106	1133	80,02	11,01	2,62	0	0,08		0,25	0	0	6,09			Яр-08, РГ,пл12, кв29, №384	матрица для тиснения
107	1134	21,16	48,52	28,09	0	0,59	0,51	1,2	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч7, пл7, кв62, яма 125, №397	пряжка
108	1135	98,83	0	0,94	0	0,14	0,09	0	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч7, пл2, кв40, №15	накладка
109	1136	0	31,14	50,65	0	18,21	0	0	0	0	0			Яр-08, РГ,пл12, кв29, выброс, №1098	накладка
110	1137	30,61	56,85	10,74	0	0	0	0	0	0	1,79			Яр-08, Мар.,уч7, пл0, кв79, №4	щиток ромбовидной формы
111	1138	82,35	1,99	2,42	11,98	0,1	0,04	0,35	0	0	0,76			Яр-08, РГ,уч2, пл2, кв79, №264	накладка трапециевидная
112	1139	79,48	0,44	5,19	14,23	0,07	0,31	0,27	0	0	0			Яр-08, Мар.,уч7, пл8, кв65, №914	браслет (?)
113	1141	0,34	97,17	0	0	0	0,4	0	0	0	2,09			Яр-08, РГ,пл13, кв15, выброс, №1367	полоса металла
114	1142	69,88	21,58	3,4	0	1,56	0	3,57	0	0	0			Яр-08, РГ,пл8, кв66, выброс, №924	щиток перстня

№	Лабор. шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Паспорт	Категория
115	1143	0,53	98,14	0	0	0	0	0	0	0	1,33			Яр-08, РГ, пл12, кв28, №501	бусина миниатюрная
116	1144	0	0,13	99,15	0	0	0	0	0	0	0,72			Яр-08, РГ,уч2, пл4, кв86, межжилищное, комплекс 34, №391	грузик
117	1145	1,87	91,86	0,6	0	0	0,05	0	0	0	5,62			Яр-08, РГ,уч2, пл11, кв29, №307	накладка в виде скорлупки
118	1146	75,03	21,38	1,96	0	0,36	0	1,27	0	0	0			Яр-08, РГ,пл13, кв15, выброс, №1368	привеска ромбовидная
119	1147	0,8	93,52	1,79	0	0	0,06	0	0	0	3,83			Яр-08, РГ,уч2, выброс с пластов 1-2, №279	перстень с ажурным щитком
120	1148	4,06	87,94	4,12	0	0	0	0	0	0	3,88			Яр-08, РГ,пл7, кв79, соор54, №912	щиток перстня
121	1149	1,22	95,77	0	0	0	0	0	0	0	3			Яр-08, РГ,пл11, кв28, №331	перстень
122	1150	1,1	93,06	0	0	0	0	0	0	0	5,84			Яр-08, РГ,пл12, кв16, комплекс 34, №382	перстень
123	1151	99,16	0,02	0	0	0,13	0,33	0,36	0	0	0			Яр-08, РГ,уч2, пл1, кв54, №201	клепка

Рис. 1. Предметы, изготовленные из сплавов на основе серебра, олова и свинца.

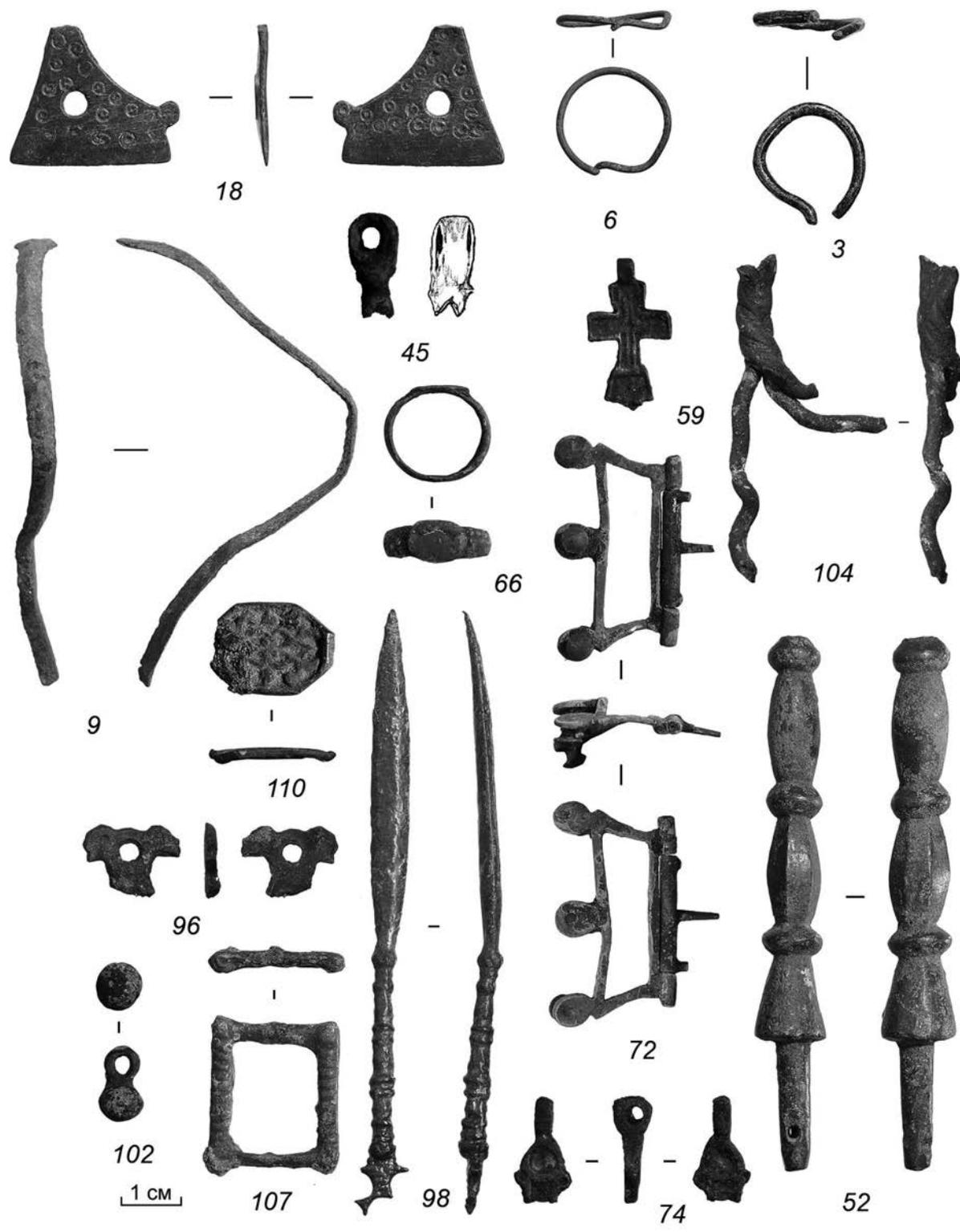

Рис. 2. Предметы, изготовленные из перемешанных сплавов.

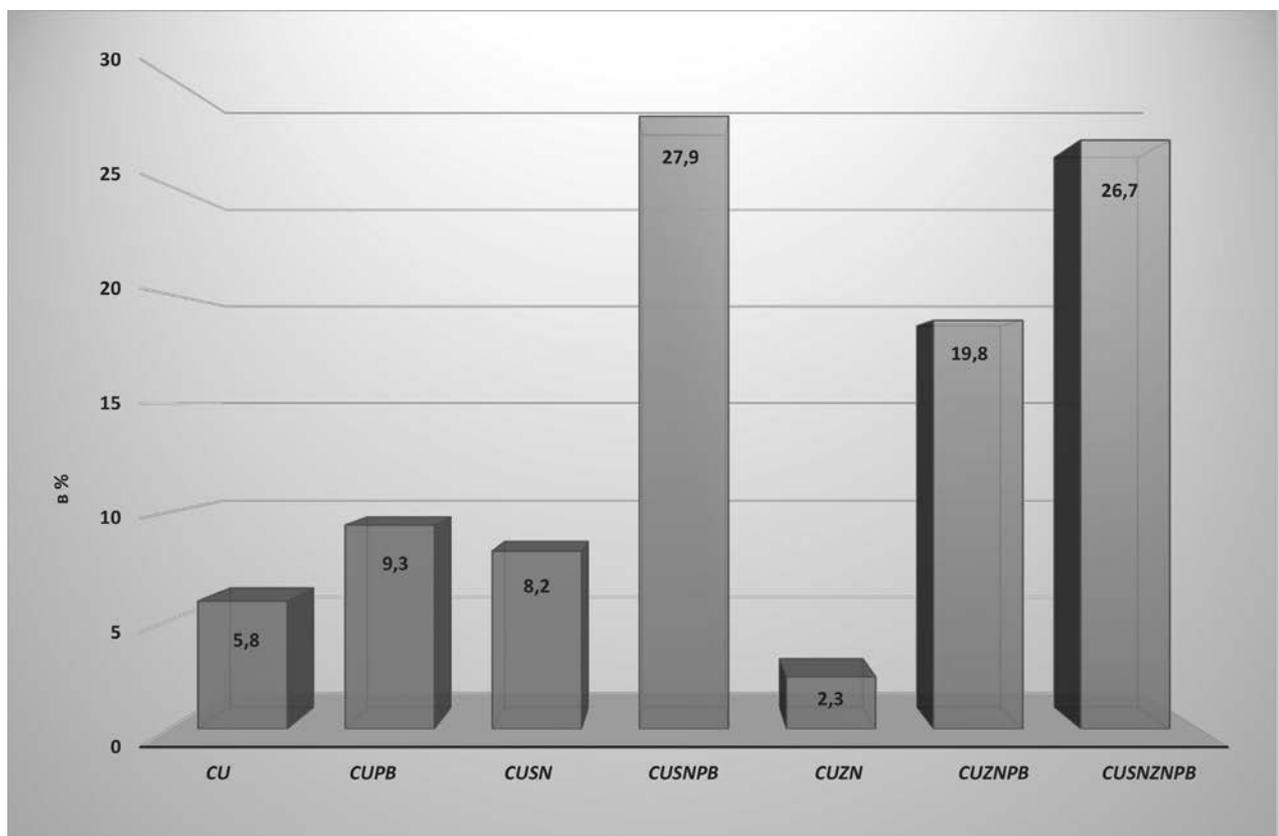

Рис. 3. Типы сплавов на основе меди находок из Ярославля.

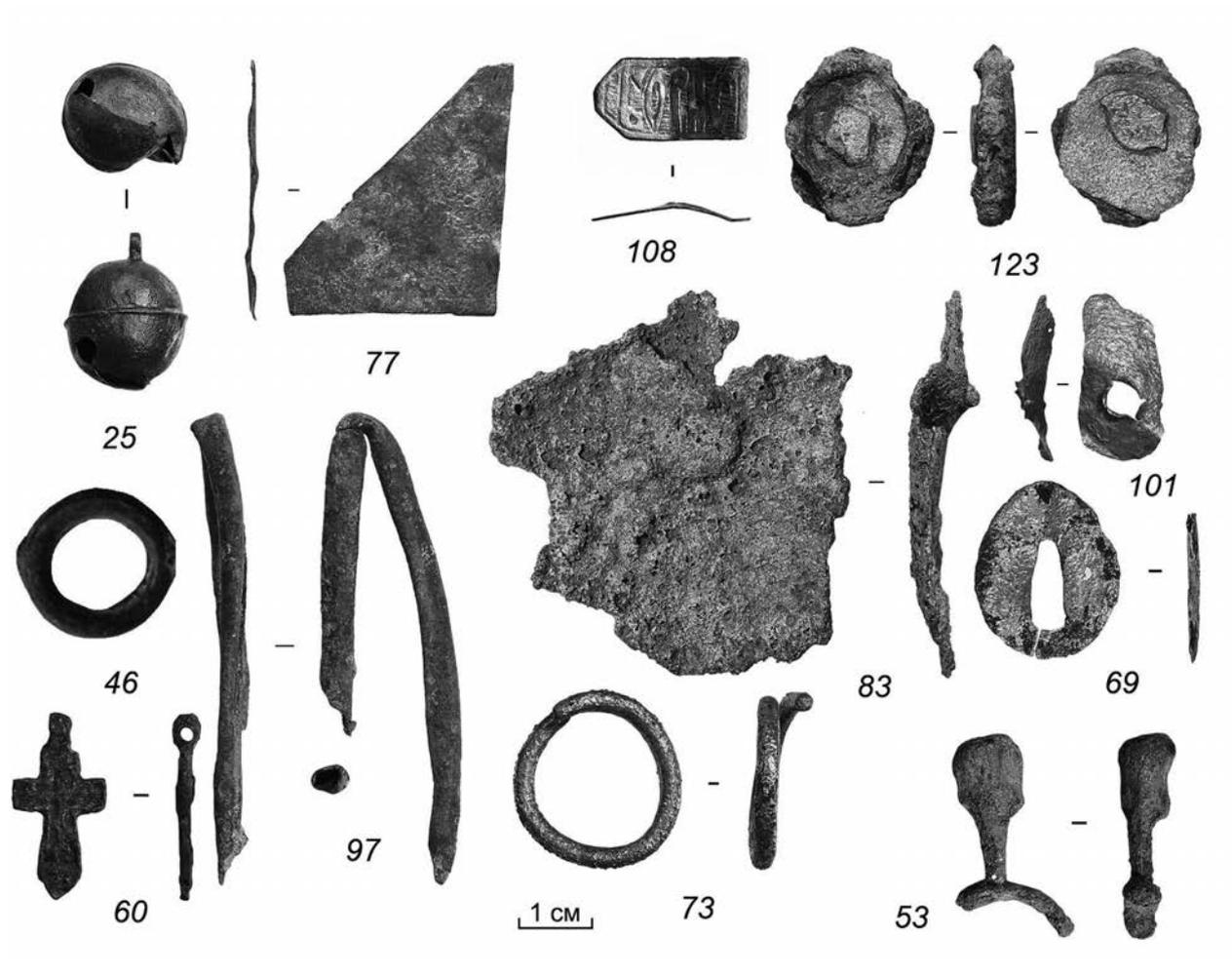

Рис. 4. Предметы, изготовленные из меди и свинцовой бронзы.
 25, 77, 108, 123 – медь; остальные – свинцовая бронза.

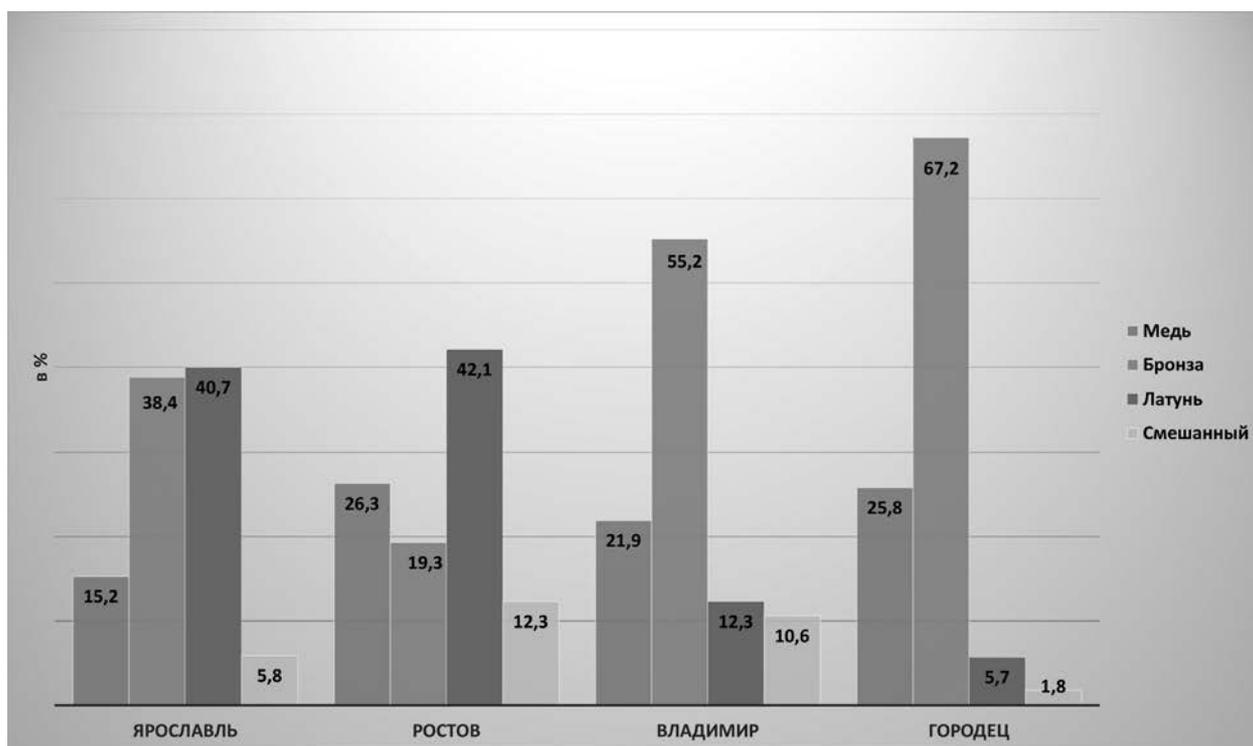

Рис. 5. Распределение групп сплавов на основе меди в городах Северо-Восточной Руси.

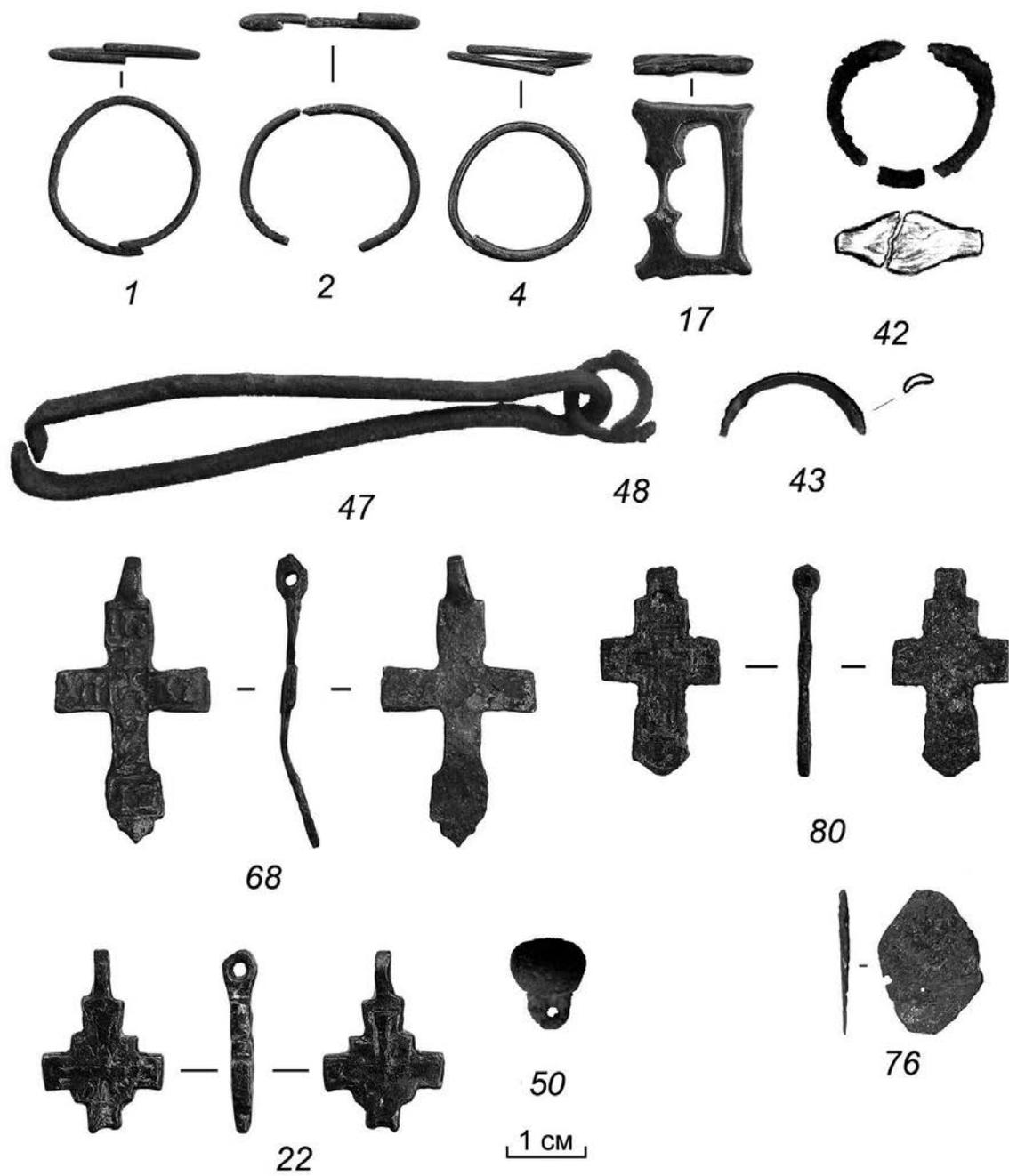

Рис. 6. Предметы, изготовленные из оловянной, оловянно-свинцовой и многокомпонентной бронзы.
 1, 2, 4, 17, 42, 43, 48 – оловянная бронза; 68, 76, 80 – оловянно-свинцовая бронза;
 22, 50 – многокомпонентная бронза.

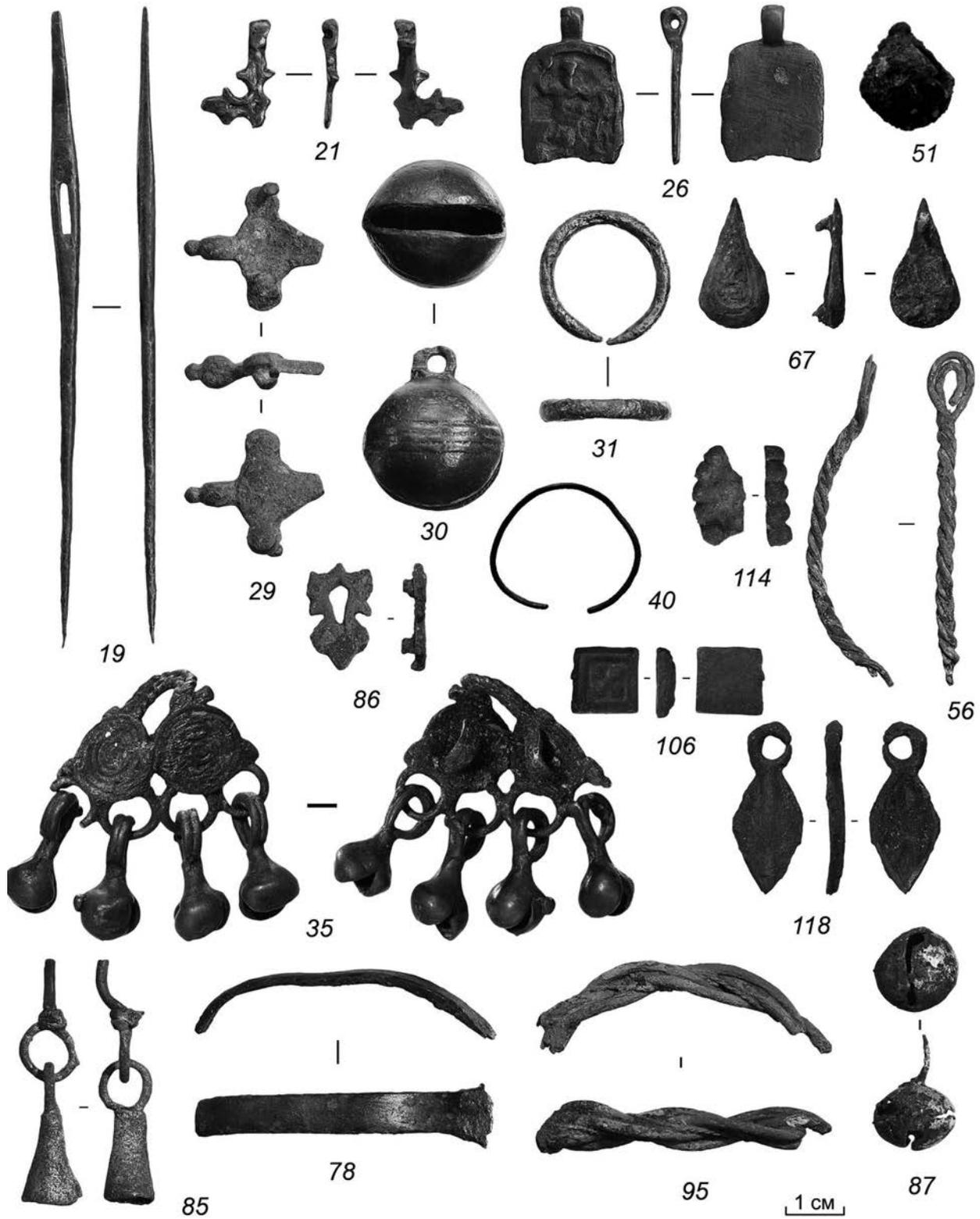

Рис. 7. Предметы, изготовленные из оловянно-свинцовой бронзы.

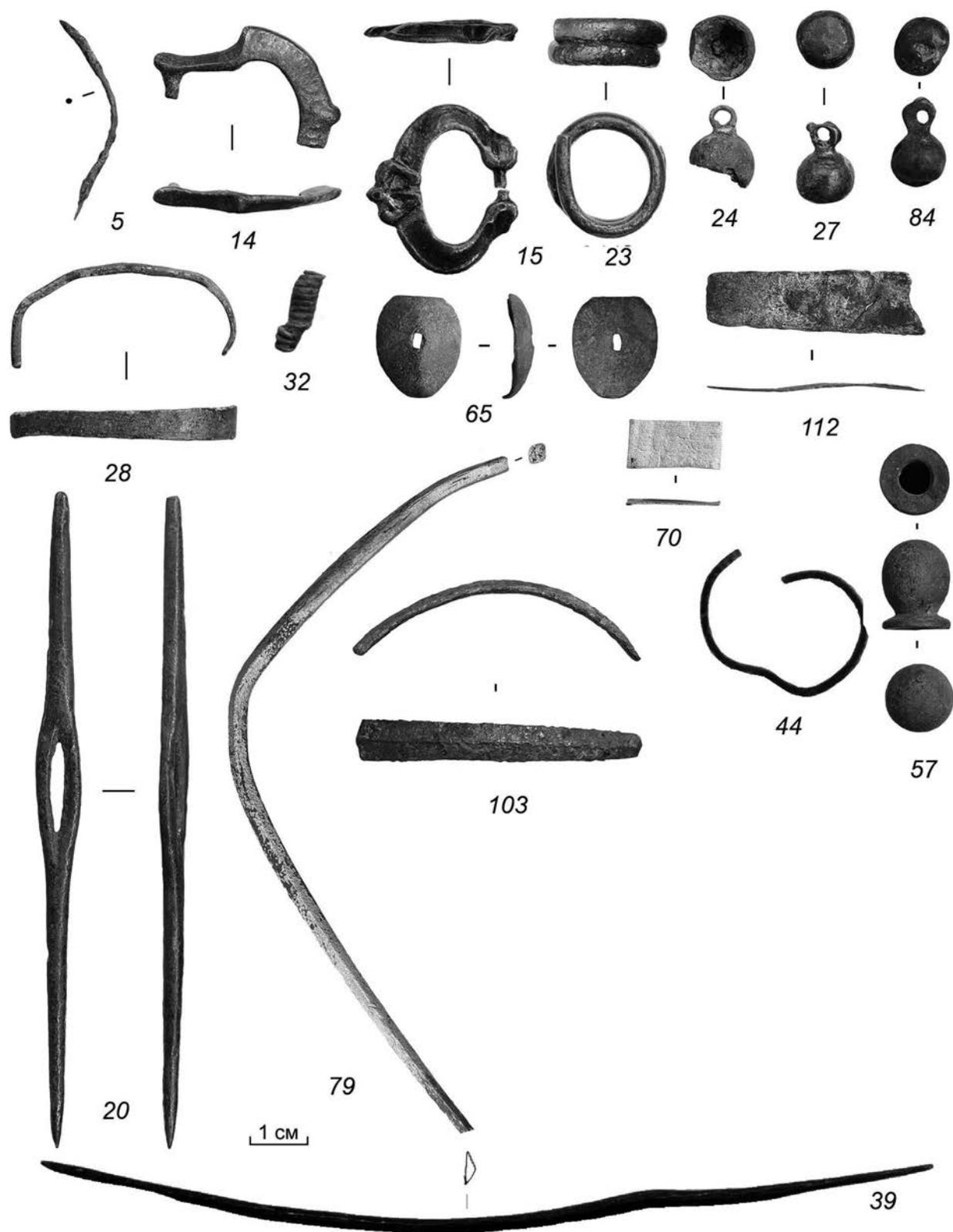

Рис. 8. Предметы из двойной и свинцовой латуни.
 44, 57 - двойная латунь; остальные - свинцовая латунь.

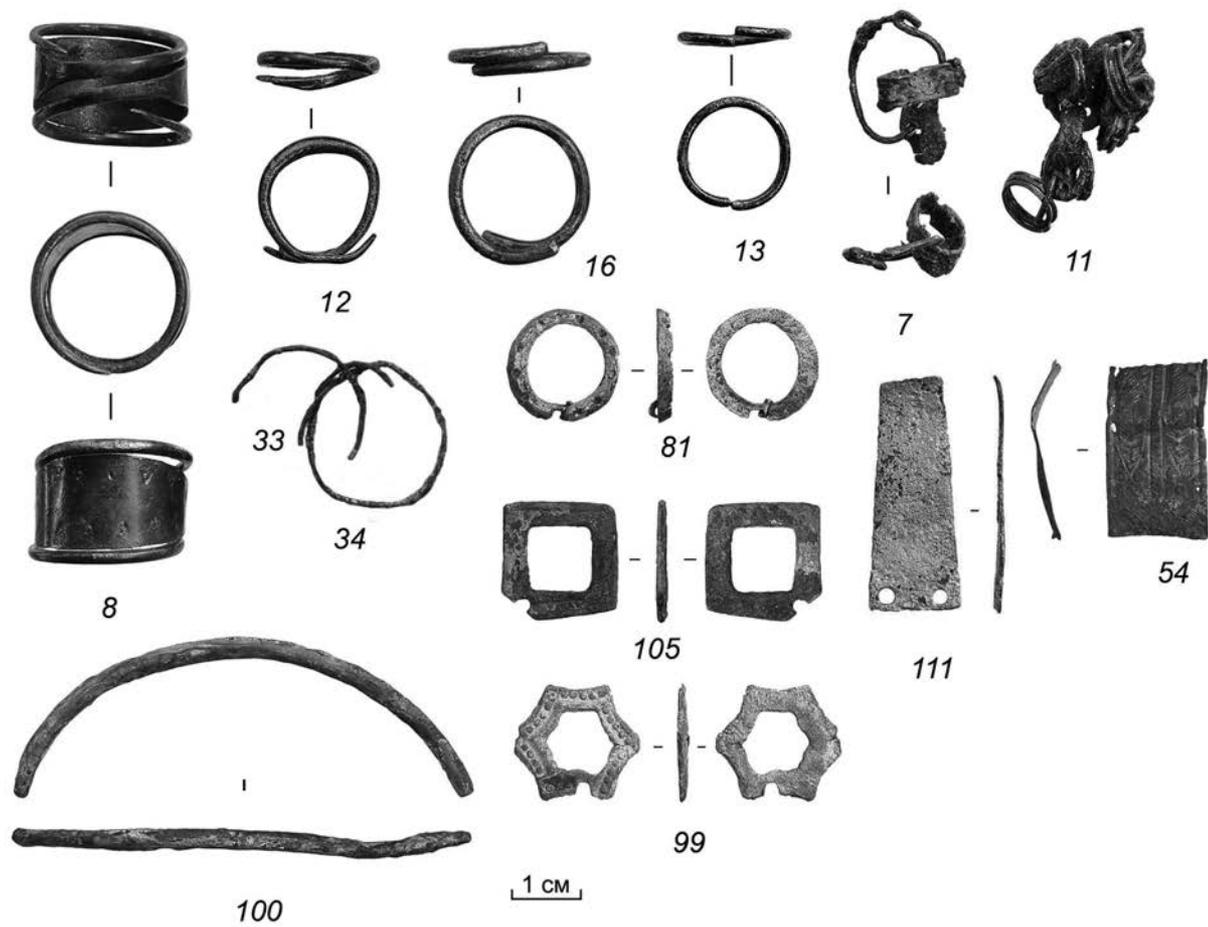

Рис. 9. Предметы, изготовленные из многокомпонентной латуни.

О.А. Тарабардина
(Новгородский музей-заповедник)

КРЕСТЫ «СКАНДИНАВСКОГО» ТИПА ИЗ РАСКОПОК В НОВГОРОДЕ

В археологических материалах Восточной Европы, Скандинавии и Прибалтики хорошо известны так называемые кресты или крестовидные привески «скандинавского» типа. Металлические крестики с рельефным орнаментом, обязательным элементом которого являются три кружка на концах расширяющихся лопастей, получили это название благодаря А.А. Спицыну (Спицын, 1905а. С. 117)¹. Оно прочно укоренилось в отечественной историографии, хотя, как уже отмечалось, создает неверное представление о происхождении этой группы крестов, имеющих византийские истоки (Мусин, 2013. С. 210). В предлагаемой статье я также использую этот историографически устоявшийся термин.

Наиболее подробный обзор восточноевропейских крестов или крестовидных привесок «скандинавского» типа принадлежит М.В. Фехнер, систематизировавшей информацию о 69 находках таких привесок из 32 пунктов конца X–начала XII в. (Фехнер, 1968). Выделив варианты размеров и декора привесок, исследовательница отметила, что большая часть находок происходит из Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, с радимичских территорий в верховьях Днепра, где и нужно искать центр их изготовления (Фехнер, 1968. С. 114). Выводы М.В. Фехнер во многом сохранили свою актуальность, будучи востребованы как при изучении христианских древностей

отдельных территорий, так и в исследованиях более общего характера (Staecker, 1999; Мусин, 2002). Й. Штекер в работе о крестовидных привесках эпохи викингов учитывал 93 экземпляра интересующей нас разновидности крестов на территории Скандинавии, Прибалтики и России, известные к 1990-м гг. (Staecker, 1999. S. 111. K. 15. L 1). 10 скандинавских находок он объединяет в тип 1.4.3 (варианты А, В1 и В2, С), датируя их XI–XII вв. (Staecker, 1999. S. 110-115).

В последние годы число находок крестов этого типа и посвященных им публикаций значительно возросло. Кресты встречаются как в элитных захоронениях (Ивакин, 2005; Ливох, 2010; Ершова, 2010) и кладах (Путь из варяг., 1996. С. 49. № 171), так и в городских слоях (Колпакова, 2008. С. 110-111; Салмина, Салмин, 2008; Тарабардина, 2004; Яковлева, Салмина, Королева, 2012. С. 155). Впервые найдена бронзовая литейная форма для их изготовления (Зоценко, Иевлев, 2010). Такие привески были широко распространены на памятниках обширной Новгородской земли (Мусин, 2002), но до недавнего времени в самом Новгороде они не были известны. Первым новгородским находкам крестиков «скандинавского» типа и посвящена эта статья².

В настоящее время в фондах археологии Новгородского музея хранятся 6 крестиков «скандинавского типа». Пять из них происходят из раскопок в городе (рис. 1)³; еще один обнару-

¹ В момент публикации работы А.А. Спицына о Владимирских курганах ему были лучше известны шведские, нежели русские находки таких крестов, что и породило гипотезу об их скандинавском происхождении. Накопление и систематизация материалов российских памятников никак не повлияли на бытование названия.

² Я благодарю за консультации и помощь в подготовке статьи в.н.с. ИИМК РАН, д.и.н. А.Е. Мусина, с.н.с. Новгородского государственного объединенного музея-заповедника С.Е. Торопова и М.И. Петрова.

³ В 2008 г. во время раскопок О.М. Олейникова два бронзовых крестика были найдены также на Десятинном I раскопе в северо-западной части Людина конца. Материалы раскопок, еще не принятые на постоянное хранение в Новгородский музей, готовятся авторами исследований к публикации и в статье не рассматриваются.

жен в курганном погребении близ д. Заручевье Окуловского района Новгородской области.

Первый подобный крестик (рис. 2, 1) найден в 1999 г. в предматериковых напластованиях Посольского раскопа (Тарабардина, 2000. С. 31⁴). Раскоп располагался на Торговой стороне Новгорода, в юго-восточной части его исторического Славенского конца, на периферии городской территории, достаточно поздно освоенной застройкой. Культурные напластования раскопа датируются в основном XII–XIV вв. (Тарабардина, 2004. С. 234–245). Крестик размерами 4,1x2,9 см⁵ изготовлен из серебра, нижняя лопасть имеет старый слом. Крест равноконечный, расширяющиеся концы лопастей украшены тремя выпуклыми дисками (на верхней лопасти дисков два), по краю перекладин – окаймление из выпуклых кружков, в средокрестии – концентрические круги.

Ближайшей аналогией ему среди опубликованных находок является обломок серебряного крестика из клада, найденного у с. Крыжово Новоржевского уезда Псковской губернии (Корзухина, 1954. С. 99. Табл. XXVI, 1; Фехнер, 1968. Рис. 1, 6). Следует отметить, что верхняя лопасть этого креста отломана и заменена приклепанным ушком, что говорит об активном использовании вещи в XI в. до момента ее сокрытия в составе клада на рубеже XI–XII вв.

Датировка предматериковых напластований раскопа, в том числе и интересующего нас предмета, представляет определенную проблему. На раннем этапе участок не был застроен, имело место лишь его хозяйственное освоение. По находкам этот период можно широко датировать XII в. (Тарабардина, 2004. С. 244). Возможно, крестик попал в слой с какого-то соседнего участка, освоенного в более раннее время, в XI в. Место, где он найден, представляет собой склон холма, вершина которого находилась северо-западнее раскопа 1999 г. На расположенном выше по склону раскопе Посольский-2008 нижние горизонты отнесены к X–XI вв. (Петров, 2009. С. 83).

Остальные кресты обнаружены на Троицком раскопе. Участок Людина конца на Софийской стороне Новгорода, где находится раскоп, расположен в пределах древнейшего ядра города, сохранившего культурные напластования X–XV вв. В зоне исследований оказались городские усадьбы вдоль трех средневековых улиц:

параллельной Волхову Пробойной и перпендикулярных ей Черницыной и Ярышевой. Интересующие нас находки происходят с XII, XIII и XIV Троицких раскопов; здесь исследовались усадьбы, располагавшиеся к югу от Черницыной улицы (рис. 3).

Крест «скандинавского» типа из сплава свинца и олова (рис. 2, 3) обнаружен в 1999 г. на Троицком XII раскопе, на территории усадьбы Е, которая рассматривалась как административный центр Людина конца (а, возможно, и всего Новгорода) в XI–XII вв. (Янин, Хорошев, Рыбина и др., 2000. С. 9). Это самый крупный из новгородских крестов, его размеры – 5x3,8 см, расширяющиеся лопасти (кроме верхней) украшены тремя кружками. На верхней лопасти кружков два: место центрального занимает ушко для привешивания. На левой лопасти центральный кружок плохо проработан (возможно, пострадал в пожаре); нижняя лопасть несколько погнута в самом узком месте. Края лопастей украшены рельефным пояском, средокрестие – кругом с точкой в центре. Точные аналогии этой находке на сегодняшний день неизвестны.

Крестик найден в северной части усадьбы Е в зоне жилой застройки в срубе 123 яруса 19/20, между западной стеной и переводиной пола. Постройки этого яруса зафиксированы на глубине -280–300 см в мощном слое пожара. В срубах и рядом с ними найдено множество предметов, свидетельствующих о нерядовом характере этого усадебного комплекса: серебряные западноевропейские монеты-денарии, деревянные цилиндры, использовавшиеся как пломбы для мешков с пушниной при сборе дани (Янин, 2001. С. 42), писало, берестяная грамота № 905, золотые украшения и пр. (Янин, Рыбина, Хорошев и др., 2000).

Срубы горели, плохая сохранность дерева не позволила использовать дендрохронологический метод для датировки построек как 19–20 яруса, так и нижележащего строительного горизонта. А вот постройки более позднего 18 яруса, перекрывающего сруб с рассматриваемой находкой, имеют дендрохронологическую дату 1070–1080 гг. Она и является *terminus antes quem* для находок, связанных с сооружениями яруса 19/20, которые, очевидно, возводятся в третьей четверти XI века.

С территории усадьбы Т, ориентированной на Редятину улицу (Троицкий XIV раскоп), про-

⁴ Паспорта находок и №№ музейного хранения приведены в подписях к рис. 2.

⁵ Первый размер – длина (вместе с ушком для привешивания), второй – ширина изделия.

исходят два креста. В 2005 г. в юго-восточном водосборном колодце раскопа обнаружен крест из латуни размерами 3,8x3,1 см (Янин, Хорошев, Рыбина и др., 2006. С. 10. Рис. 1, 1). Поверхность крестика (рис. 2, 2) богато декорирована. Помимо традиционных кружков в средокрестии и на концах лопастей перекладины украшены по краю выпуклыми точками псевдозерни, а в наиболее узких местах – поперечным перевитьем. Ближайшими аналогиями этой находке являются кресты из погребения 5 в кургане у д. Левоча Новгородской обл. (Тухтина, 1966. С. 122. Рис. 1, 3) и из Ольгинских раскопов на псковском Завеличье (Салмина, Салмин, 2008. С. 49. Рис. 19, 8). В юго-восточной части раскопа в кв. 1796, 1797 на глубине 16 пласта находится сруб XI-77 яруса 19, датированный не ранее 1040 г. Возможно, находка креста связана именно с ним. Постройки следующего горизонта возникают в 1060-е гг. Вероятнее всего, крест следует датировать 1040–1060-ми гг.

Второй крестик с усадьбы Т (2007 г.) имеет несколько другой облик, хотя относится к той же категории древностей (рис. 2, 5) (Янин, Хорошев, Рыбина и др., 2008. С. 11. Рис. 1, 4). Размеры его 3,1x2,3 см, изготовлен из бронзы (рис. 2, 5), декор по сравнению с тремя упомянутыми находками лаконичен. Круг в средокрестии вписан в ромб, углы которого продолжают выпуклыми линиями, вытянутыми вдоль лопастей креста; по краям расширяющихся лопастей – рельефный валик, на их окончаниях – по три кружка.

Серебряный крест схожего облика найден, в частности, в погребении XI в. в кургане 4 у д. Заручевье Окуловского района Новгородской области: его размеры 3,1x2,6 см, в средокрестии – ромб с вписанными в него концентрическими кругами, концы ромба вытянуты вдоль лопастей креста и имеют ланцетовидное завершение, на расширяющихся концах лопастей – по три кружка (рис. 2, 4).

Новгородский крест, как и крестик 2005 г., также найден в восточной части усадьбы, но в более поздних слоях. Он происходит из основного объема пятистенного сруба XIV-67 яруса 16: постройки этого яруса возникают в 1080-е – начале 1090-х гг. и погибают в пожаре. На рубеже XI–XII вв. им на смену приходит застройка вышележащего 15 яруса. Таким образом, крестик попал в культурный слой в конце XI в.

Бронзовый крест, обнаруженный в отвале Троицкого раскопа в 2008 г. (рис. 2, 6), по раз-

мерам и облику очень похож на находку 2007 г. (Янин, Хорошев, Рыбина и др., 2008. С. 23. Рис. 5, 5). Его размеры 2,7x2,4 см, на концах перекладины кружки, в средокрестии – круг, вписанный в ромб. Ушко обломано. Возможно, крестик пострадал в пожаре.

Контекст находки неясен. Поскольку на территории усадьбы Т в 2008 г. работы не велись, этот крест происходит, вероятно, с усадьбы Ж Черницыной улицы или с усадеб У, либо С, ориентированных на расположенный южнее переулок, который можно отождествить со средневековой Редятиной улицей (Янин, Рыбина и др. 2009. С. 24). В этот период на усадьбах развивалось ювелирное ремесло, о чем свидетельствуют находки выплесков металла, инструментов, каменной литейной формы и обломков тиглей (Янин, Рыбина и др., 2009. С. 26). На глубине 14-15 пластов на раскопе выявлены сооружения, относящиеся к 19/20-м ярусам застройки, которые датируются 1030–1040 гг.; в 1060–1070 гг. их сменяют постройки 18 яруса. Следовательно, находки, соотносимые с сооружениями 19-20 строительных ярусов, могут быть широко датированы периодом с 1030 по 1070 гг.

Итак, в ходе археологических исследований последних лет кресты «скандинавского» типа были обнаружены в культурных напластованиях средневекового Новгорода, на территории его исторических Людина и Славенского концов. Длина новгородских крестовидных привесок составляет 2,7-5 см, ширина 2,3-3,7 см. По размерам их можно разделить на три группы. Малые крестики с параметрами 2,7-3,1x2,3-2,4 см происходят с Троицкого раскопа 2007 и 2008 гг. (рис. 2, 5, 6), к ним относится и серебряный крест из Заручевья (рис. 2, 4). Крестик с Посольского раскопа (рис. 2, 1) и троицкая находка 2005 г. (рис. 2, 2) имеют средние размеры – 3,8-4,1x2,9-3,1 см. Самым крупным (5x3,8 см) является крестик с усадьбы Е Троицкого раскопа 1999 г. (рис. 2, 3).

Наиболее богато орнаментированы и тщательно изготовлены кресты средних размеров, в то время как декор малых крестов максимально упрощен. Все новгородские находки имеют в центре круг или круг, вписанный в ромб; привески типа 1.4.3. варианта А по Й. Штекеру (Фехнер, 1968. Рис. 1, 4, 5; Staecker, 1999) с крестом в центре в Новгороде на сегодняшний день не известны. Не представлены в новгородских материалах и крупные кресты с концентрическими кругами в средокрестии типа 1.4.3, варианта

1 по классификации Й. Штекера (Фехнер, 1968. С. 210-211. Рис. 1, 2; Staecker, 1999. S. 111).

Как и все прочие подобные привески, новгородские выполнены в технике литья. Единственный крестик из серебра найден на периферии города, тогда как привески, обнаруженные на усадьбах Людина конца, включая богатую усадьбу Е, изготовлены из более дешевых материалов – сплавов цветных металлов. Две новгородские находки происходят из жилых сооружений.⁶ Анализ археологического контекста позволяет датировать эти предметы XI в., преимущественно второй его половиной. Если говорить конкретнее, три из пяти новгородских находок можно надежно привязать к датированным ярусам сооружений, определив время их выпадения в слой⁷. Исходя из этого, самой ранней находкой является латунный крестик 2005 г. с усадьбы Т (рис. 2, 2) – 1040–1060 гг.; крупный крест из свинцово-оловянного сплава с усадьбы Е 1999 г. (рис. 2, 3) датируется третьей четвертью XI в., малый бронзовый крест 2007 г. с усадьбы Т (рис. 2, 5) последним десятилетием XI в.

На территории Новгородской земли большая часть подобных крестиков происходит из комплексов конца XI–первой половины XII вв. (Мусин, 2002. С. 180). Новгородские кресты, таким образом, относятся отнюдь не к раннему этапу бытования привесок этого типа на Руси⁸. Наиболее близкие аналогии им, судя по опубликованным материалам, обнаруживаются на памятниках Северо-запада, в Новгородской и Псковской земле.

Большинство исследователей склоняется к мнению, что место изготовления крестиков

«скандинавского» типа следует искать в пределах территории их наибольшего распространения на собственно русских землях (Фехнер, 1968. С. 214; Мугуревич, 1965. С. 65; Staecker, 1999. С. 114). М.В. Фехнер, приводя точку зрения М. Штенбергера о том, что центром производства таких привесок мог быть Новгород, отмечала их отсутствие в новгородских материалах. Следует отметить, что находки первых крестовидных привесок в Новгороде пока никак не прояснили этот вопрос.

Разнообразие вариантов этих крестиков и их широкая хронология заставляет нас вслед за Э. Кивикоски придерживаться мнения о том, что они изготавливались одновременно в нескольких центрах. В пользу этого говорит и тот факт, что при несомненном преобладании таких предметов на северо-западе и северо-востоке Руси, единственная известная на сегодняшний день бронзовая форма для их изготовления обнаружена в Киеве. Она найдена при раскопках в Рыльском переулке в заполнении хозяйственной ямы, примыкавшей к постройке; вероятно, форма была выброшена мастером из-за сильного износа (Зоценко, Иевлев, 2010. С. 371). Как полагают авторы публикации, отливаемые в форме кресты принадлежат к разновидности крестов «скандинавского типа», появившейся в Киеве не позже третьей четверти XI в., а вероятнее, в середине этого столетия (Зоценко, Иевлев, 2010. С. 374)⁹. Датировки киевской формы и новгородских находок, как видим, очень близки. В заключение отметим, что сделанные наблюдения носят предварительный характер; новые исследования позволят их дополнить и уточнить.

⁶ В связи с этим интересно отметить, что сильно корродированный бронзовый крест на цепочке из Сигтуны (тип 1.4.3, вариант В1 по классификации Й. Штекера) также был обнаружен в жилой постройке в слое, датированном 1070–1100 гг. (Staecker, 1999. С. 508).

⁷ Находки с Троицкого раскопа: Н-05, Тр-ХIV, пл. 16, кв. 1797, №3; НГМ КП 46394 А-210/27; Н-99, Тр-ХII, пл.15, кв.1344, №123, НГМ КП 44563 А-194/609; Н-07, Тр-ХIV, пласт 14, кв. 1787 № 10.

⁸ Появление ранних вариантов подобных крестовидных привесок (серебряных, иногда золоченых) во второй половине X в. связано с полиэтничной дружинной средой (Зоценко, Иевлев, 2010. С. 373).

⁹ Комплекс в целом датируется по находке вислой свинцовой печати князя Изяслава (Дмитрия) Ярославича временем до 1078 г. (Зоценко, Иевлев, 2010. С. 373).

O. Tarabardina

INDIVIDUAL CROSS-PENDANTS OF THE SO-CALLED SCANDINAVIAN TYPE FROM THE EXCAVATIONS IN NOVGOROD

The paper analyzes the findings of metal medieval cross-pendants with characteristic round figures on their ends and in the center, which were found in Novgorod for the first time. All items under study were discovered during the excavations of Posolskiy and Troitskiy sites in 1999-2008. The name “cross of scandinavian type” has been introduced in the russian archaeology by Alexander Spitsyn in 1905 without any special proving. Four items have been made from copper and lead alloy by the casting in mould and only one cross, which was found at the periphery of

the city, has been made from silver. Several crosses in occupation layers were linked to remains of wooden building structures which are dated back dendrochronologically to the middle-second half of the 11th century. The Novgorodian findings present the development of such type of personal devotion objects, which were initially connected to the elite culture on the territory of Early Rus’ at the end of the 10th century. The main parallels to the crosses under investigation came from archaeological site of the 11th-12th century in Novgorod and Pskov Land.

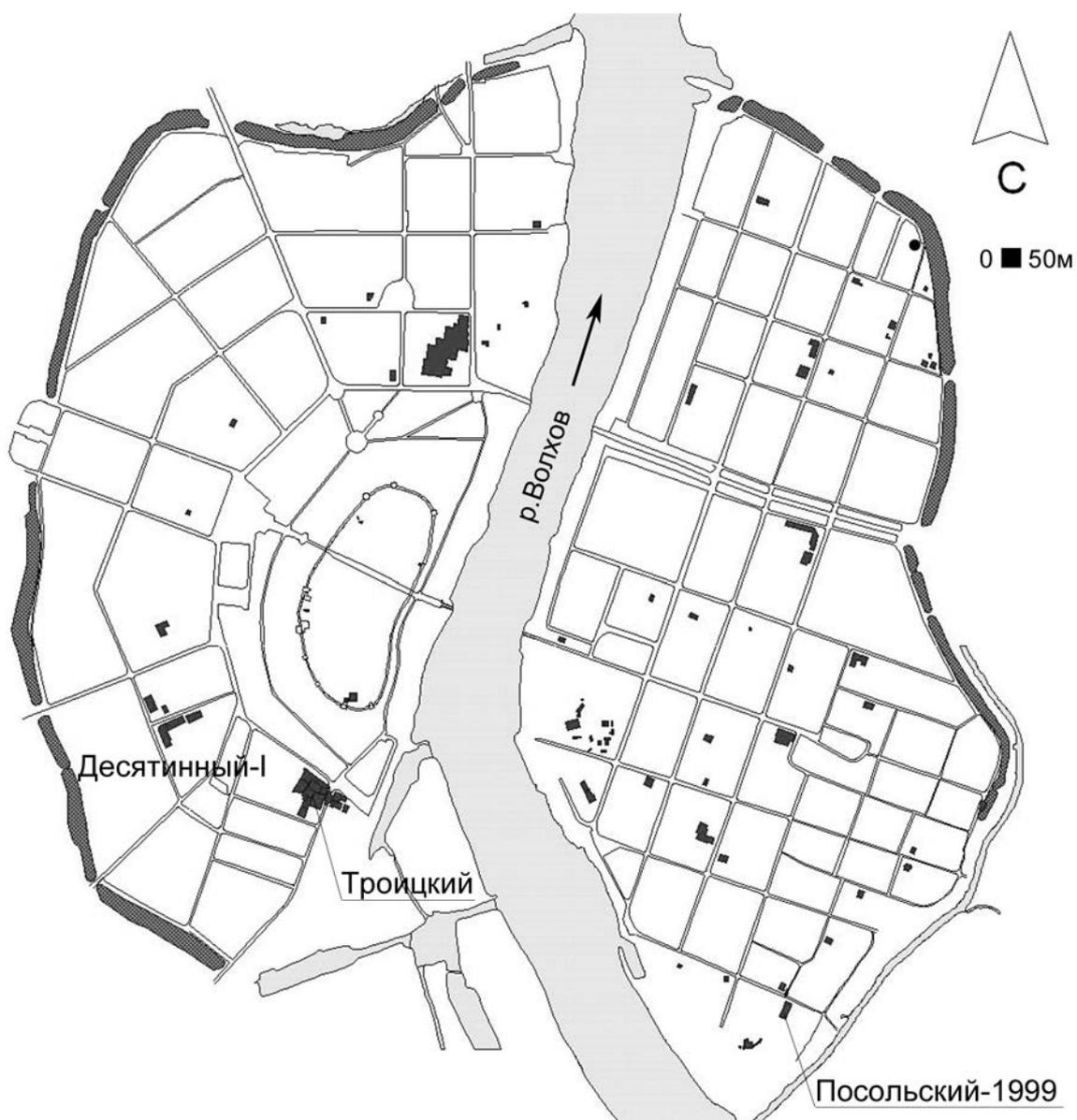

Рис. 1. Новгород. Местоположение раскопов с находками крестов «скандинавского типа».

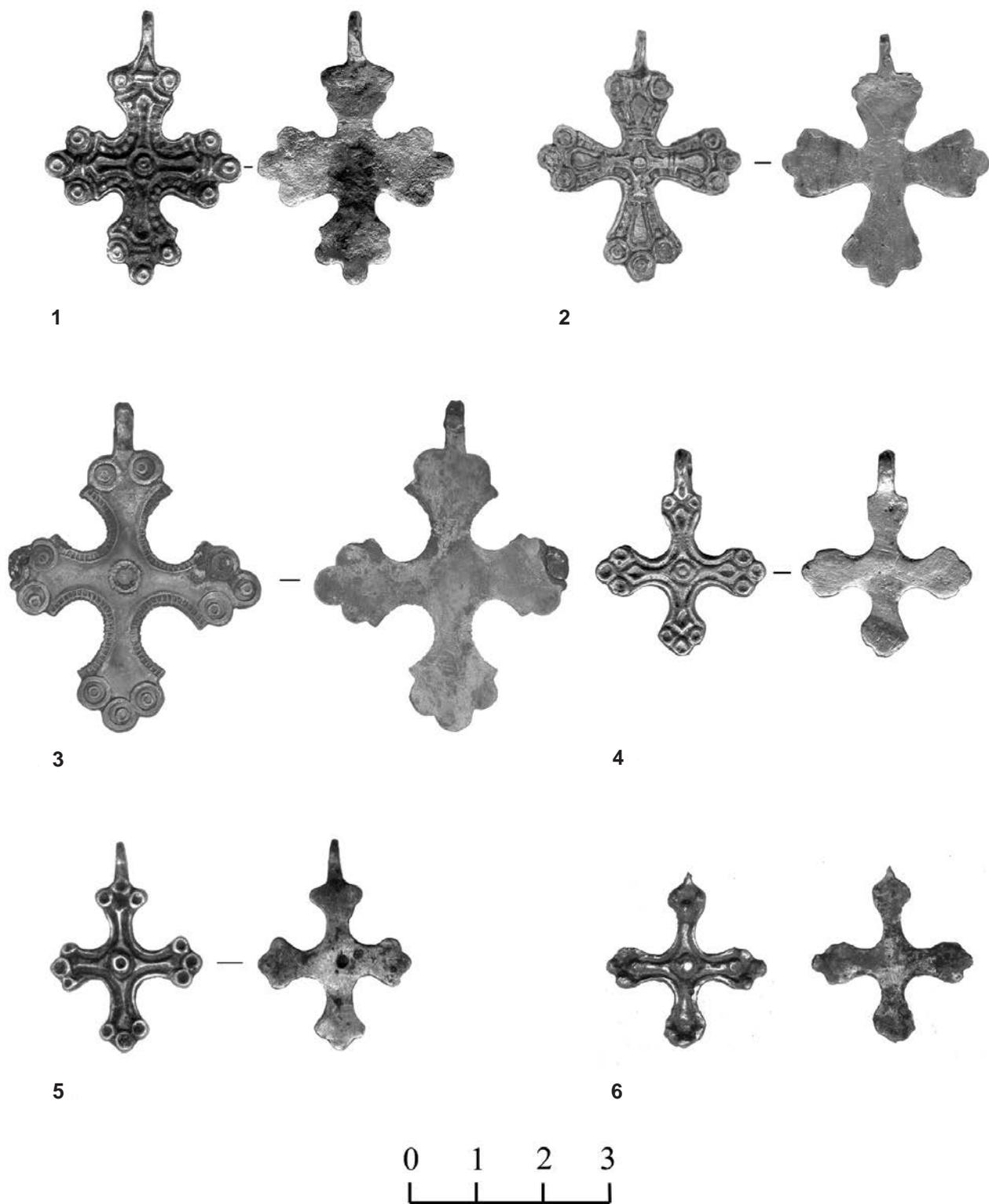

Рис. 2. Кресты «скандинавского» типа из раскопок в Новгороде.
 1 - Н-99, Пос., пл. 14, кв. 2, № 2; НГМ, КП 42900 А 193-220; 2 - Н-05, Тр-ХIV, пл. 16, кв. 1797, №3; НГМ КП 46394 А-210/27; 3 - Н-99, Тр-ХII, пл. 15, кв. 1344, №123, НГМ КП 44563 А-194/609; 4 - Заручевье-82, Заручевье II, 82/3 К.4 СБ908, НГМ КП 35773; 5 - Н-07, Тр-ХIV, пласт 14, кв. 1787 № 100; 6 - Н-08, Тр., пласт 14/15, отвал, № 5.

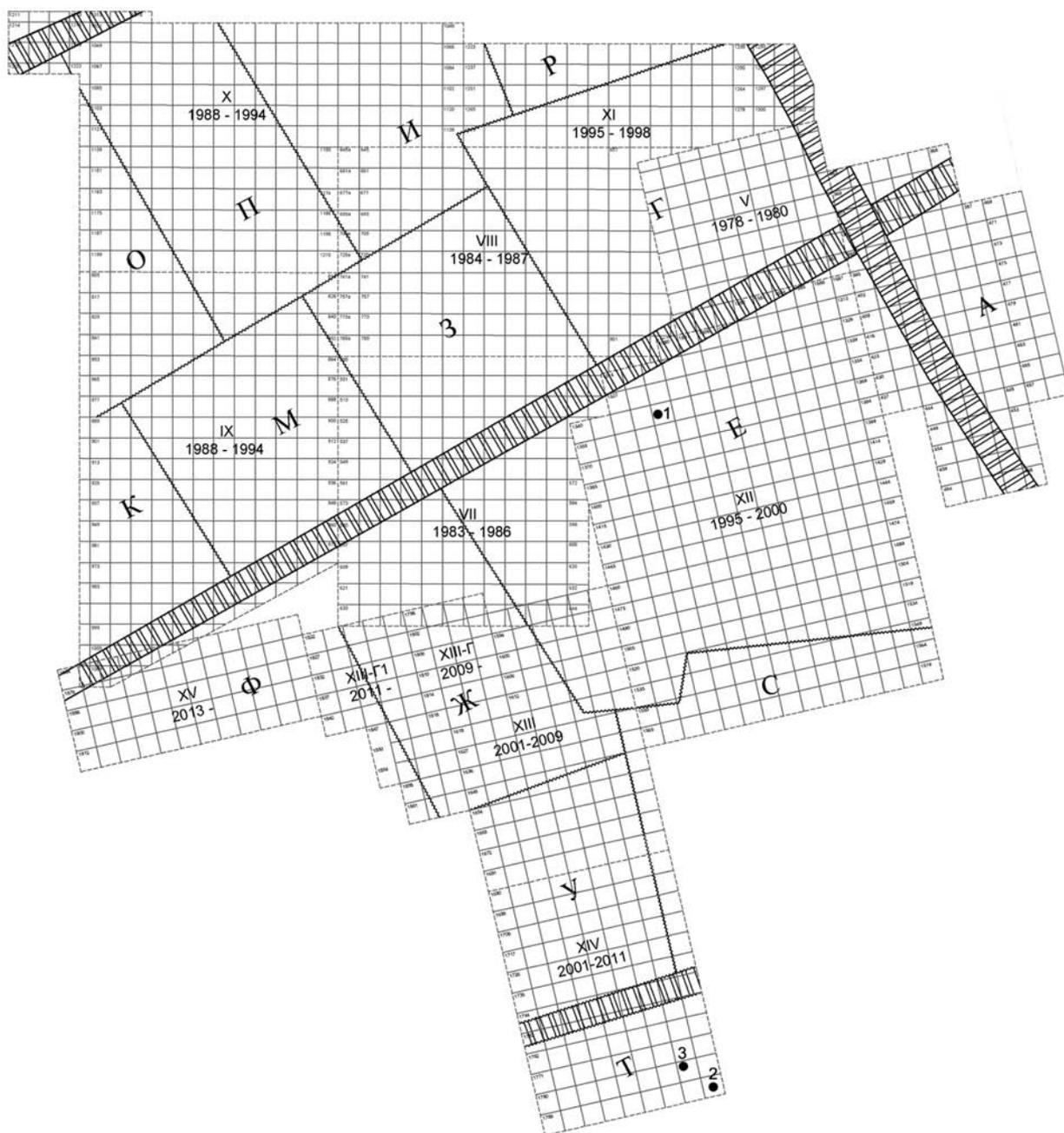

Рис. 3. Новгород. Находки крестов «скандинавского» типа на усадьбах Троицкого раскопа.
 1 – Н-99, Тр-ХІІ, пл. 15, кв. 1344, №123; 2 – Н-05, Тр-ХІV, пл. 16, кв. 1797, №3; 3 – Н-07, Тр-ХІV,
 пласт 14, кв. 1787 № 100.

(Схема раскопа воспроизведена по: Степанов, Покровская, Сингх, 2013. С. 121. Рис. 1).

*И.Б. Тесленко (ИА НАНУ),
А.Е. Мусин (ИИМК РАН)*

«СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КРЕСТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ ЛИСТОВОГО СЕРЕБРА»: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Начало 1980-х гг. стало своеобразным «осевым временем» в археологии Древней Руси. Именно тогда в свет вышли труды, серьезно повлиявшие как на концепции, так и на методы и подходы исследователей средневековых древностей. Содержание и выводы этих публикаций до сих пор используются в различных областях исторической и археологической науки (Колчин, Хорошев, Янин, 1981; Янин, 1981; Седова, 1981; Новгородский сборник, 1982; Лесман, 1984).

Среди этих работ свое место занимает и небольшая по объему, но важная по содержанию статья Н.Г. Недошивиной о крестовидных подвесках из листового серебра (Недошивина, 1983). Этой публикацией Наталья Германовна продолжила традиции своих коллег по Историческому музею (Мальм, 1968; Фехнер, 1968), заложила основу собственной типологии и хронологии предметов личного благочестия и поставила ряд проблем общеисторического характера, связанных с началом христианства в Древней Руси. От ответа на вопрос о происхождении и изначальной функции крестовидных подвесок зависела объективная оценка первоначального характера древнерусского христианства и его истоков.

В своей статье Н.Г. Недошивина собрала и проанализировала 11 иногда орнаментированных крестов конца X–начала XI в. с расширяющимися лопастями характерной формы, вписанной в круг, из четырех пунктов Древней Руси (Киев, Гнездово, Тимерево, Васильки во Владимиро-Суздальском Ополе; см.: Каргер, 1958. С. 142-143, 190-191, 208-210, 210-211. Табл. V, 2, XXVIII, XXIX. Рис. 45; Каменецкая, 1991. С.

164, 167, 168. Рис. 12, 1-3; Ярославское Поволжье., 1963. С. 37. Рис. 2, 12; Уваров, 1871. С. 827, 830). Она привела параллели этим подвескам из раскопок могильника Бирка-Адельсо (Швеция) и кладов Готланда (Броа), связав такие находки с «первыми шагами христианской религии» в Восточной Европе. Существование северных аналогий и археологический контекст находок позволили исследовательнице предположить, что кресты изготовлялись в Средней Швеции и попадали на Русь вместе с их носителями-варягами. Кресты из погребений в Тимерево, вырезанные из дирхемов, были, по мнению Натальи Германовны, изготовлены «наспех», специально для погребения, по привозным образцам (Недошивина, 1983. С. 224).

Впоследствии количество подобных предметов как подвесок, так и накладок в Древней Руси X–XI вв. существенно увеличилось. К интересующему нас типу крестов можно отнести не менее 32 экземпляров из 12 памятников (Мусин, 2002. С. 127-145. Рис. 18; 2010. С. 214-217. Рис. 42, 43). Новые находки известны в Гнездове (камерное погребение 970-х гг. в кургане № 198 Центральной группы (Путь из варяг., 1996. С. 53. №№ 277-284; Staecker, 1999. S. 90, Abb. 19) (рис. 5, 12); камерное погребение № 301 970-х гг. Центральной группы (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 193-196, 203, 204. Рис. 4, 2; Меч и златник..., 2012. С. 128. № 348) (рис. 5, 13); камерное погребение в кургане № 4 Днепровской группы с дендродатой 975 г. (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 196-200, 233. Рис. 4, 7).

К XI в. относятся массивный крест-подвеска с прокованными концами и крестовидная накладка, найденные в погребениях №№ 1 и 5

в т.н. «каменной насыпи» могильника Удрай-II (Батецкий р-н, Новгородская область), связанного с местным военизированным коллективом (Платонова, 1998) (рис. 5, 20).

Серебряные, к сожалению, неопределимые денарии послужили материалом для изготовления крестов, найденных в Вологодской области. В могильнике Никольское-III кресты были обнаружены в кургане № 9 (погребение № 1, вторая половина XI в.) и в грунтовой могиле № 7 (XI в.) (Макаров, 1990. С. 151, 160)¹.

Чрезвычайно важна находка подобного креста в летописном городе Искоростень в слое пожарища первой половины X в. (Зоценко, Звіздецький, 2006. Рис. 6) (рис. 5, 15). Среди новых находок необходимо отметить камерное погребение № 49 третьей четверти X в. в Киеве в Некрополе-I, обнаруженное во время раскопок 1999 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря. Здесь, помимо креста «скандинавского типа», была обнаружена крестовидная накладка на клапан кожаной сумки с тисненой окантовкой и напаянными узкими полосами с псевдозернью (Ivakin, 2007. Р. 189. Tab. 6, 20). В Пскове в 2003 г. на Старовознесенском-I раскопе было исследовано камерное погребение I второй половины X в., возможно, 970–980-х гг., где в составе инвентаря найден фрагмент серебряного креста с пуансонным орнаментом (Лабутина, Малышева и др., 2009. С. 394-404. Рис. 8).

Не исключено, хотя и не все исследователи согласны с такой интерпретацией, что два орнаментированных «креста оловянных» из безинвентарного грунтового погребения № 26 (XI в.) в могильнике у подножия сопки у д. Федово (Вышневолоцкий р-н, Тверская область) относятся к той же группе (Ширинский-Шихматов, 1906. С. 53-62). В урочище Озера (Лодейнопольский р-н Ленинградской области) в начале XIX в. был найден денежно-вещевой клад, сокрытый после 1085 г., в состав которого также входил «четырёхконечный серебряный крест с треугольными оконечностями», украшенный пуансонным орнаментом в виде «рядов пирамидок, точками и кружочками» (Корзухина, 1954. С. 17, 102-103. № 61). По особенностям формы и орнаментации эту находку также можно отнести к крестам рассматриваемого типа.

Дополнительно укажем, что в кургане № 78/56 900–950 гг. могильника Шестовицы близ Чернигова, содержащем камерное погребение сидящей женщины, был найден литой серебряный четырехконечный крест с узкими лопастями, в округлых завершениях которых читались следы циркульного орнамента. Его можно отнести к той же типохронологической группе (Блифельд, 1977. С. 160-163, 210, 211. Табл. XXI, XXII; Андрощук, 1995. С. 115-122) (рис. 5, 9).

Возможно, к этому типу крестов примыкает и бронзовый предмет крестовидной формы из детского погребения № 110 второй четверти–середины X в., обнаруженного в Киеве на усадьбе Десятинной церкви (Каргер, 1958. С. 174-177). В.Н. Зоценко справедливо определил его как навершие пластинчатой крестовидной фибулы западно-балтской схемы, которые бытовали с конца VIII по XI в. в среде куршей, ломатов и скальвов (Зоценко, 2010. С. 472; ср.: Tautavičius, 1978. S. 68-69. Žem. 39, 8; Volkaitė-Kulikauskienė, 1978. S. 106. Pav. 4, 1). Однако нельзя исключить, что крестовидная форма этого предмета послужила основанием для его использования в погребении в качестве христианского культового предмета. Отметим, что среди погребального инвентаря в кургане № 459 могильника Тимерево под Ярославлем, где был найден вырезанный их дирхема крест, встречено и оглавие булавки, близкое по форме к киевской находке (Меч и златник..., 2012. С. 41, 131. № 352).

В восточно-европейской историографии на интерпретацию этих крестовидных подвесок серьезно повлияла работа Й. Штекера, который исследовал корпус нательных крестов и крестов-реликвариев X–XII вв. с территории Северной Германии и Южной Скандинавии. В основу своей типологии 126 североевропейских крестов эпохи викингов автор положил их форму, а также материал и технологию изготовления, в результате чего его классификация является «технологическо-типологической комбинацией» (Staecker, 1999. S. 79). При этом он выделил несколько подтипов крестов интересующих нас типов: 1.1.1 – кресты из листового металла, трп. 925/926 (Staecker, 1999. S. 82-84) (рис. 5, 18, 22); 1.1.2 – литые кресты X–XI вв. (Staecker, 1999. S. 417. № 20); 1.2.1 – кресты X–XI вв. из листово-

¹ Авторы благодарят директора Института археологии и этнологии Польской академии наук профессора А. Буко за любезное сообщение о находке вырезанного из денария креста в одном из захоронений некрополя Бодзя в Центральной Польше. Крест был найден во рту погребенной. Могильник в целом датируется XI в. и характеризуется камерными погребениями и милитаризированной культурой местной политической элиты (предварительное сообщение о памятнике см.: Buko, Sobkowiak-Tabaka, 2011).

го металла с простым или штампованным орнаментом, в том числе орнаментом «елочкой» (рис. 5, 17) (Staecker, 1999. S. 451-452, 494-495, 414, 460. №№ 59, 95, 15, 66); 1.2.2 – кресты X в. из листового металла, вписанные в круг (рис. 5, 16, 19, 21, 23) (Staecker, 1999. S. 436-437, 487-488, 490-491, 498-499, 500-502, № 99, 449. №№ 42b, 91, 93, 97, 57); 1.2.4 – литые кресты X–XI вв. с простым или штампованным орнаментом (Staecker, 1999. S. 410-412, 461, 461-463, 479-480, 499-500. №№ 12, 67, 68, 83, 98); 1.2.6 – литые кресты X–XI вв. с ромбическим завершением ветвей (Staecker, 1999. S. 482. № 85). К этим находкам следует добавить не вошедшие в каталог по географическим соображениям крестовидные подвески из Норвегии: из погребения V/1954 в Каупанге (Blindheim, Heyerdahl-Larsen, 1995. № K/1954-V) и клада в Слеммедале (Гримстад, Ауст-Агдер), где известна золотая крестовидная подвеска с пуансонным орнаментом, переделанная из крестовидной фибулы (тpq. 915-920) (Blindheim, 1982. S. 25. Fig. 2, 3b; Roesdahl, Wilson, 1992. P. 263. № 141).

Й. Штекер справедливо сближает североевропейские кресты типа 1.2.2 с наиболее характерными древнерусскими образцами, тяготеющими к середине X в. При этом исследователь указывает аналогии этому типу на Британских островах среди англо-саксонских крестов-реликвий VII–VIII вв. (Staecker, 1999. S. 91-96. Abb. 20, 21, 22). Эти параллели позволили Й. Штекеру предположить, что похожие кресты появились в Скандинавии в результате деятельности миссии британского епископа Уно в 930-940-е гг., откуда они и попадают на Русь (Staecker, 1997). Однако сегодня очевидно, что уже в первой половине X в. эти кресты стали частью древнерусской культуры. Также нельзя упускать из вида, что для Западной Европы эпохи средневековья ношение нательных крестов было нехарактерно (Мусин, 2006. С. 163-222).

Не в пользу гипотезы Й. Штекера о скандинавских истоках этих крестов говорят и наблюдения И. Янссона, который отметил, что облик погребений с крестовидными подвесками характеризуется хронологически компактной материальной культурой середины–второй половины X в., связанной с овальными фибулами типа P51C, а также набором вещей восточного облика, которые должны были попасть в Скан-

динавию с территории Древней Руси, а не наоборот (Jansson, 2005. S. 70-75). Находки таких крестов в скандинавских по внешнему облику погребениях свидетельствуют в данном случае не о происхождении этих предметов, а о роли скандинавов в формировании древнерусского общества.

Вообще же мнение об обязательной связи распространения христианства со специально организованной миссией, материальным воплощением которой могли быть особые предметы личного благочестия, что и легло в основу построений Й. Штекера, должно быть сегодня пересмотрено. Наблюдения за характером христианизации в Северной и Восточной Европе позволяют заключить, что основную роль в этом процессе играли не внешние миссионеры, а представители местных общин. Именно в этом и состояла специфика византийской миссионерской политики (Musin, 2012a; 2012b; Salamon, 2012).

Однако сегодня мнение о «северном» характере интересующих нас крестов, несмотря на возможные возражения и ряд косвенных аналогий в византийской культуре, остается господствующим. Недавно к изучению этих крестов обратилась Н.В. Хамайко, которая в целом не возражает против идеи их скандинавского происхождения, связывая эти находки с погребальными комплексами «русско-скандинавского облика» (Хамайко, 2010. С. 425-427).

Существенный вклад в исследование этих христианских древностей внес В.Н. Зоценко, который отказался от «генерализирующего» подхода при их анализе, используя лишь 19 находок X в. из шести пунктов на территории Древней Руси (Зоценко, 2010. С. 468-469)². Исследователь выделил две традиции в морфологии крестов: скандинавскую и византийскую. Часть подвесок он отнес к «миру скандинавской материальной культуры» (Зоценко, 2010. С. 462, 471-472), отождествив их с выделенным Й. Штекером типом 1.2.2. – крест в условном круге с расширяющимися округленными окончаниями лопастей. Для этих крестов можно считать характерными гравированный точечный рант, нанесенный зубчатым колесом или выполненный по окружности пуансон, а также ушко для подвешивания на одной серебряной заклепке, изготовленное из узкой полоски серебра с продольными кан-

² В.Н. Зоценко справедливо обратил внимание на то, что погребение № 125 по нумерации М.К. Каргера, исследованное на усадьбе Марра в Киеве, впоследствии было ошибочно разделено на два погребальных комплекса №№ 117 и 125, что привело к «удвоению» количества подвесок (Зоценко, 2010. С. 465; ср.: Недошивина, 1983. С. 222; Мусин, 2002. С. 130).

нелюрами. Согласно предположению В.Н. Зоценко именно эти кресты 900/920–950/970 гг. были привнесены на Русь скандинавами. Другая группа крестов, представленная находками в Зальшанской группе в Гнездове (рис. 5, 10) и Шестовицах (рис. 5, 9), имеет иной абрис лопастей с характерным треугольным завершением, что отражает иную иконографическую традицию, близкую к типу 1.2.6 по Й. Штекеру. Прототипы ее можно встретить в Средиземноморском регионе V/VI–X/XI вв. В отношении вырезанных из дирхемов тимеревских подвесок В.Н. Зоценко полагал, что данные образцы произведены в местной дружинной среде и представляют собой угасание традиции использования таких крестов.

Известно, что уже Л.А. Голубева, изучавшая погребения киевского некрополя с крестовидными подвесками из листового серебра, указала аналогии им в изображениях на престолах херсонских храмов VIII–IX вв. (Голубева, 1949. С. 111). В недавнее время об этих крестах писал Ф. Андросчук, который предложил рассматривать их как известные из письменных источников индивидуальные процессионные кресты византийской традиции (Androshchuk, 2011. P. 81), что противоречит имеющемуся археологическому материалу, в котором процессионные кресты хорошо известны.

Несмотря на то, что мнения о византийском происхождении этих крестов в большинстве случаев основываются либо на слишком общих наблюдениях, либо на недоразумении, памятники именно этой цивилизации способны пролить свет на происхождение крестовидных привесок и обстоятельства их появления в Восточной и Северной Европе.

В 2007 г. Алуштинский отряд Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ под руководством одного из авторов этой статьи, И.Б. Тесленко, проводил исследования на вершине холма Тузлух близ с. Семидворье Лучистовского сельсовета г. Алушты, где в процессе раскопок были изучены руины небольшого средневекового храма³. Церковь являла собой достаточно редкий тип дваапсидной постройки с разновеликими компартиментами (рис. 1). Исследования архитектурной истории храма, осуществленные В.П. Кирилко, позволили выявить здесь четыре строительных периода. Изначально, в I строи-

тельном периоде, строители возвели основной объем, к которому в рамках единой строительной концепции был сразу же добавлен северный, более узкий, компартимент (II строительный период). Вскоре церковь была серьезно перестроена. Северный компартимент был сознательно законсервирован, возможно, в связи с требованиями канонического права (ср.: Иоанн 1880: 5-6, №1: 11) и храм превратился в традиционную одноапсидную сельскую церковь (III строительный период). Много позднее его руины были использованы вновь, однако характер новой постройки остается неясным (IV строительный период).

Датировка памятника установлена на основе хронологии амфор второй половины (конца?) VIII–первой половины (первой трети?) X вв. местного производства и особенностей состава исследованного керамического комплекса. Можно предполагать, что храм был построен уже после того как импортные и местные амфоры с мелким зональным рифлением к началу IX в. в основном уже вышли из употребления, а высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками еще не появились. находка днища такого кувшина в алтарной части определяет нижнюю хронологическую границу реконструкции здания в III строительном периоде – не ранее 60–80-х гг. IX в. Новый период характеризуется также находкой фрагмента византийского белоглиняного поливного кувшина константинопольского производства, относящегося ко времени не ранее начала X в., а также отсутствием фрагментов красноглиняных «грушевидных» амфор с венчиком в виде «отложного воротничка» (тип Пб по Н. Гюнсенин), византийских сфероместных амфор (тип I по Н. Гюнсенин), а также другой керамики, характерной для комплексов второй половины X–начала XI в. Четвертый строительный период связан с находками фрагментов посуды XIV–XV вв. Таким образом, храм, возникнув в первой половине–середине IX в., функционировал чуть более 100 лет и закончил свое существование вместе с упадком во второй трети–середине X в. крупных окрестных сельскохозяйственных поселений, ориентированных на товарное виноделие и гончарство.

Исследования храма позволили проследить уникальные подробности древнего богослуже-

³ Подробнее с памятником, его архитектурой, историей и особенностями религиозной культуры, включая votивные кресты, о части которых речь пойдет ниже, читатель может познакомиться в первом томе недавно изданных «Древностях Семидворья» (Тесленко, Мусин, 2013).

ния: обнаружение плоского камня – литургического протесиса, следы возжигания богослужебного огня с помощью кремня и кресала, костные материалы, свидетельствующие об общинных трапезах и храмовых жертвоприношениях и др. Однако особого внимания заслуживают разнообразные металлические votivные кресты и их фрагменты – всего около 30 экземпляров. Их находки сосредотачиваются в основном в алтарной, предалтарной и центральной частях храма и у южного входа в церковь (рис. 2).

Большинство крестов было изготовлено из двух железных пластин, соединенных заклепкой (рис. 3). Заостренная нижняя ветвь служила предположительно для фиксации крестов на стенах или иных конструкциях храма. Эта же особенность указывает, скорее всего, на происхождение таких votивов от индивидуальных процессионных крестов, использовавшихся в стациональном богослужении (Sandin, 1995). Подобные кресты, уже успевшие в литературе получить произвольное наименование крестов «византийского-кавказского типа» (Ложкин, Малахов, 1996), известны в Крыму, на Северном Кавказе и в Закавказье, на Балканах и в Малой Азии, где датируются VIII/IX–XIII вв. (подробно о географии и хронологии см.: Тесленко, Мусин, 2013. С. 192-207).

Однако среди votивных крестов Семидворья есть ряд предметов, имеющих прямые аналогии среди древнерусских крестов из листового серебра (рис. 4). Будучи вырезанными из фольги или металла (рис. 4, 255) и иногда украшенными пуансонным орнаментом (рис. 4, 206, 247, 256), они в целом соотносятся с первым этапом жизни храма, т.е. с IX в. Два креста изготовлены из монет. Один из них вырезан из арабо-сасанидской полудрахмы второй половины VII–начала VIII в., являющейся подражанием сасанидской драхме Хосрова II (591–628) (рис. 4, 249), другой – из дирхема чеканки Омейядов (661–750)⁴ (рис. 4, 226). Пробитые отверстия свидетельствуют о возможности использования этих изделий в качестве привесок. Напомним читателю, что две крестообразные подвески, вырезанные из арабских дирхемов, известны в погребениях некрополя Тимерево под Ярославлем в курганах №№ 417 и 459/1977 (рис. 5, 14). Это монеты Хусам ад-даула ал-Мукаллада (мосульская ветвь Укайлидов) 997 или 999 г. и Мансура I (Саманиды) 969/70 г. соответственно (Ярославское Поволжье., 1963. С. 37. Рис. 21, 12; Меч и златник..., 2012. С. 130-131. № 351).

Ближайшей аналогией обнаруженным крестам являются золотые и серебряные экземпляры из руин храма X–XIII вв. на г. Пахкал-Кая (Лысенко, 2011. Рис. 1, 16, 17) (рис. 5, 1, 2). Крест из серебряной пластины был найден при раскопках храма XIV–XVIII вв. на юго-восточном склоне горы Ай-Тодор (Тесленко, Лысенко, 2004. С. 266, 288. Рис. 11: I, 5) (рис. 5, 3). Известен серебряный крест с пуансонным орнаментом и из погребения некрополя Кучар-при-Подземел в Южной Словении, однако его ранняя дата, предложенная в литературе, представляется дискуссионной (Knific, Sagadin, 1991. S. 114-115. Fig. 6) (рис. 5, 4). Кресты 700–800 гг. из двух узких пластин с пуансонным орнаментом известны также в Венгрии (Vida, 1998. S. 536. Abb.1, 10-12) (рис. 5, 5) и Германии (Клепсау-ам-дер-Ягст, округ Хоэнлоэ, земля Баден-Вюртемберг, VI–VII вв.) (Staecker, 1999. S. 90. Abb. 16) (рис. 5, 6).

После находок в Семидворье стало очевидным, что в Византии традиция крестов-подвесок из листового металла, в том числе и вырезанных из монет, имеет хронологический приоритет по сравнению с подобными культовыми предметами в Восточной и Северной Европе. Сказанное не означает, что любой крест этого типа, найденный в Древней Руси или Скандинавии, был изготовлен непосредственно в Византии. В большинстве случаев логично предположить местное изготовление этих крестов с ориентацией на образцы, увиденные при знакомстве с византийской культурой. Именно это и объясняет, по нашему мнению, значительное разнообразие самих крестов.

Отметим характерную деталь. Кресты, найденные у с. Семидворье и служившие храмовыми votивами, в христианизируемых обществах Древней Руси и Скандинавии стали частью погребального инвентаря. В связи с этим нельзя исключить, что первое знакомство Руси и скандинавов с такими крестами-подвесками произошло в достаточно драматических условиях, а именно в момент набегов северных отрядов на греческие приморские города и разграбления местных храмов (Сугдея, Амастрида, Константинополь), о чем уже для первой половины–середины IX в. сообщают греческие источники (Photius, 1900. P. 721-741; Васильевский, 1915). Характерно, что в сознании византийских книжников такого рода события становились важным средством христианизации варваров, поскольку их обращению способствовали слу-

⁴ Определение монет осуществил ст.н.с. отдела археологии Киева ИА НАНУ к.и.н. Г.А. Козубовский.

чавшиеся при этом чудеса. Возможно, первыми крестами «новых христиан» стали именно такие храмовые «сувениры». Тот факт, что подобные кресты не только были перенесены из храмового контекста в повседневную жизнь, но и стали частью погребального ритуала, как нельзя лучше соответствует начальным стадиям христианизации, когда основное внимание новообращенных было сосредоточено на загробной жизни.

В заключение следует сказать несколько слов о самой традиции вотивных крестов в византийских храмах IX–XII вв., возникновение которой, как кажется, носит «взрывообразный» характер, на что указывают и данные письменных источников, и результаты археологических исследований. При этом археология свидетельствует об удивительном разнообразии типов крестов, вкладываемых в храмы – от богато украшенных бронзовых процессионных крестов до скромных индивидуальных экземпляров из железа, а также нательных крестов и крестов-реликвариев. На это указывают, например, материалы раскопок двухапсидного храма в Богазкой (Хатусса), Турция, представляющего собой ближайшую аналогию семидворской церкви (Böhlendorf-Arslan, 2012). Для объяснения этого феномена высказывались предположения о том, что, например крестообразные углубления в стенах и колоннах главных византийских храмов, прежде всего, в таких как Святая София в Константинополе (Teteriatnikova, 2003), служили для помещения в них энколпионов как части рассчитанной на паломников программы поклонения реликвиям. Однако, как представляется, традиция вкладных крестов, вырезанных из листового металла и в силу этого лишенных мощей, была хорошо известна и в эпоху поздней античности, тогда как углубления для крестов-реликвариев были и в обычных приходских церквях (подробнее: Musin, 2012b).

Таким образом, появление крестов разных типов в церковном пространстве носило спонтанный характер, будучи связано с персональными приношениями вотивного характера. Такое появление предметов личного благочестия в средневизантийскую эпоху следует связать с новым идейным состоянием византийского

общества. Именно этот период традиционно рассматривается как время повышения самооценки членов византийского социума (Kazhdan, Epstein, 1985. P. 86-87, 97, 233). Следствием этого и было возникновение новых форм культа, связанного с крестами-реликвариями и индивидуальными процессионными крестами, которые естественным образом опирались на предшествующие традиции поздней античности. Очевидно, что такое самосвидетельство «нового Православия» было связано с преодолением иконоборческого кризиса в Византии, с той ролью, которую граждане, сохранившие традиции иконопочитания, сыграли в противостоянии полисных обычаев и имперской тирании.

Возрастание роли личности в церковной жизни, символом которого и были индивидуальные кресты, могло вызывать озабоченность иерархии. Необходимо было найти новые средства гармонизации общецерковных потребностей и персональной религиозности. Представляется, что выход был найден во включении предметов личного благочестия в виде вотивных приношений в контекст храмового богослужения. В Уставе константинопольского монастыря Богородицы Кехаритомене, основанного императрицей Ириной Дукеней в начале XII в., предписывалось в субботу и воскресенье приносить в храм «кресты» как особые вклады за живых и усопших (Gautier, 1985. P. 84-85; ср.: Казанский, 1878. С. 11). Такая ситуация и фиксировалась неоднократно археологическими раскопками.

В заключение необходимо отметить, что традиция вотивных крестов, как и вотивных металлических привесок вообще, характерная для Средиземноморского региона, в Восточной Европе не прижилась. Даже в эпоху христианизации и становления церковных структур X–XI вв. мы не наблюдаем массового бытования в Древней Руси вотивных приношений в форме крестов. Рискуем все же предположить, что в древнерусскую эпоху функцию вотивных крестов выполняли многочисленные граффити, в том числе и в виде процарапанных крестов различных форм, зафиксированные на стенах древнерусских храмов и известные в византийских церквях как в столице, так и в провинции.

I. Teslenko, A. Musin

**«MEDIEVAL CROSS-SHAPED PENDANTS OF THIN SHEET-SILVER»:
THIRTY YEARS LATER**

The paper focuses on the individual silver cross-pendants of the mid 10th–11th century from the Eastern and Northern Europe. The type was identified for the first time by N. Nedoshivina in 1983. The paper considers new findings (today more than 30) and the hypothesis about their Scandinavian origins is critically analyzed.

The actual condition of the research shows the Byzantine origin of these crosses. This fact became especially clear after the excavations of two-apsed medieval church in 2007 in Yedi Evler area near Aluston, the Crimea, where the crosses under consideration, including two made of coins

have been attested. All crosses were brought here as *ex-voto* offering between the mid 9th–mid 10th century and have a priority in chronology over pendants from Northern Europe. The latest may have been created using a Byzantine example or brought directly from this region in several cases. During the cultural transformation of the Christianization period, crosses that initially belonged to liturgical public culture and marked the new post-iconoclasm Orthodoxy as a manifestation of personal activity, were turned into private devotion objects and used as an element in burial customs.

Рис. 1. Храм на холме Тузлух. Общий вид с юго-запада.

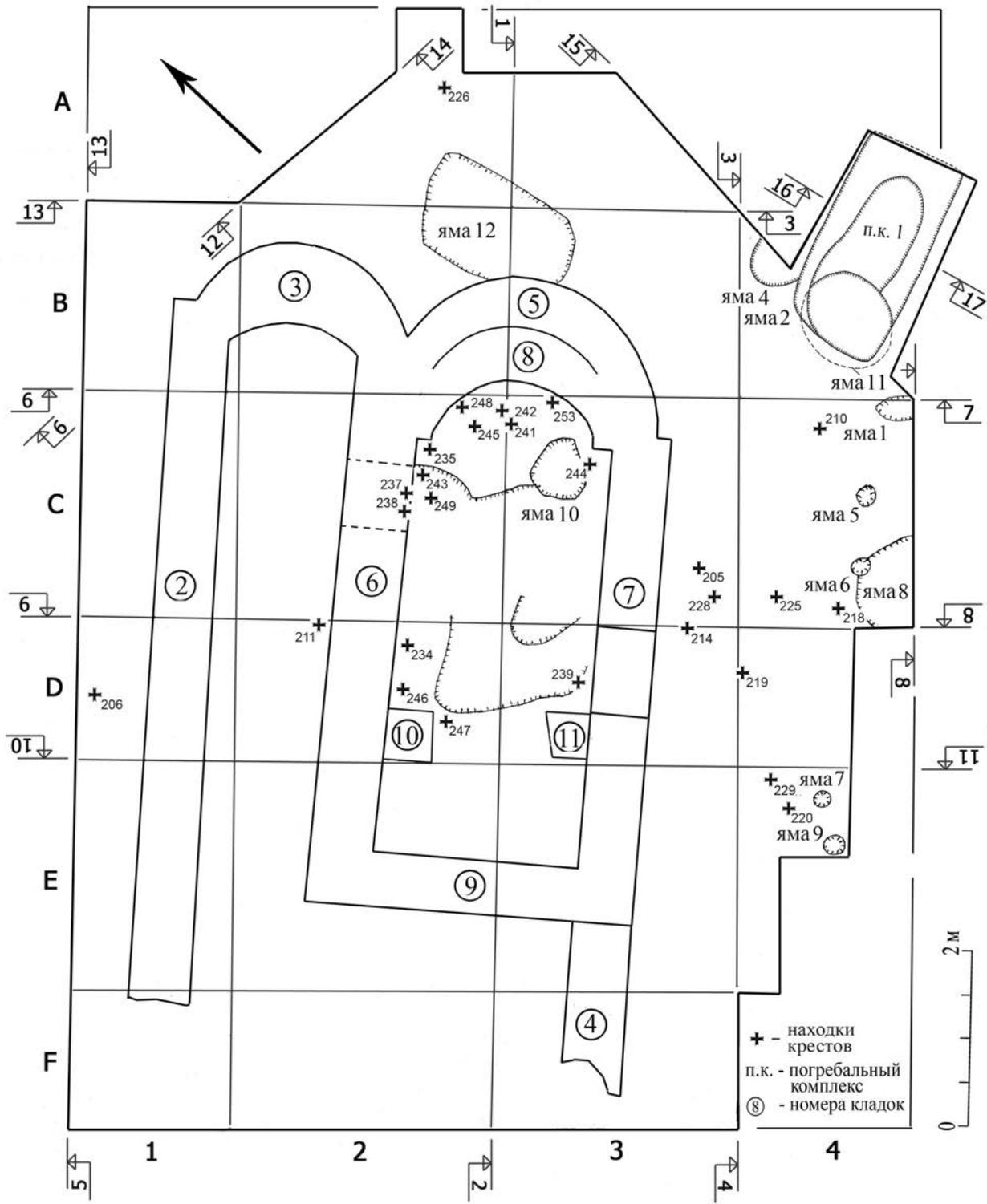

Рис. 2. Храм на холме Тузлух. План находок металлических крестов.

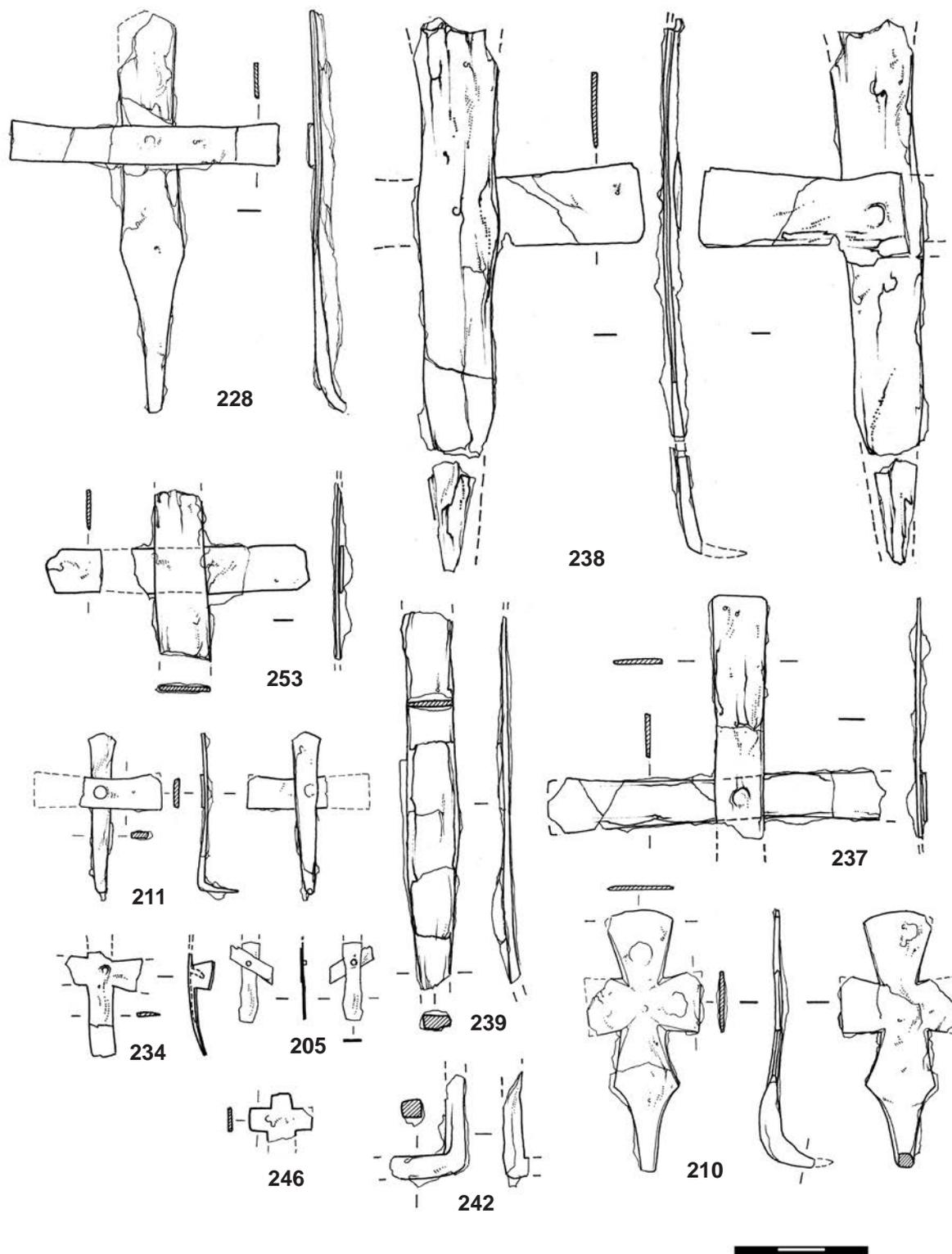

Рис. 3. Храм на холме Тузлух. Фрагменты металлических крестов.

205 – слой № 2 (IV?); 210 – слой № 4 (III); 211 – слой № 6-1 (I-II); 228 – слой № 6 (I-II); 234 – слой № 12a (III); 237-238 – слой № 12a (III), в закладе проема между южным и северным компартименстами; 239 – слой № 12a (III); 242 – слой № 12b (III); 246 – слой № 13 (I-II); 253 – поверхность материка у кладки апсиды.

(I, II, III, IV) – строительные периоды.

205, 234 – «белый» металл; 210, 211, 228, 237-239 – железо; 246 – свинец.

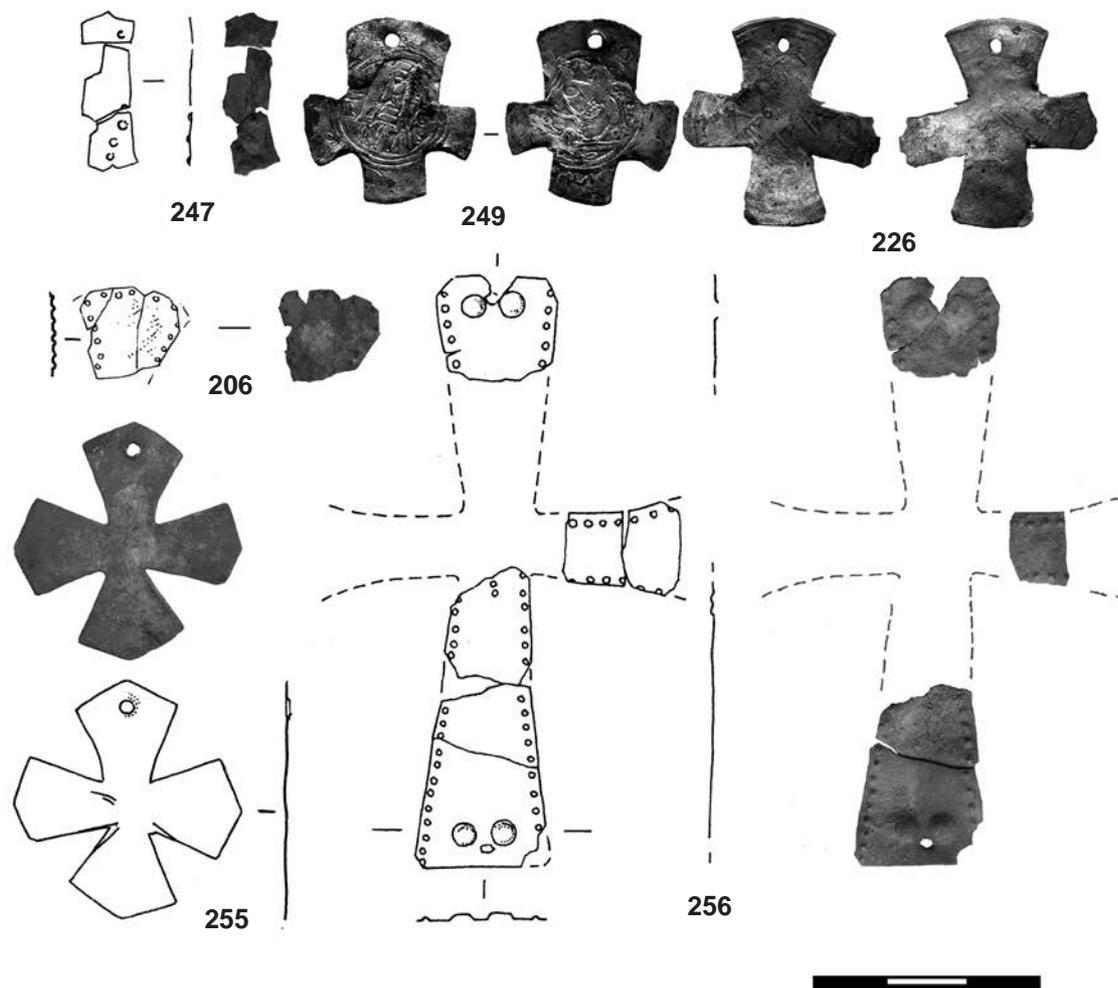

Рис. 4. Храм на холме Тузлук. Фрагменты металлических крестов.
 206 – слой № 2 (IV?); 249 – слой № 13 (I-II); 226 – слой № 6 (I-II); 256 – подъемный материал.
 206, 255 – «белый» металл; 247, 256 – медный сплав; 226 – арабский дирхем;
 249 – имитация арабо-сасанидской полудрахмы.

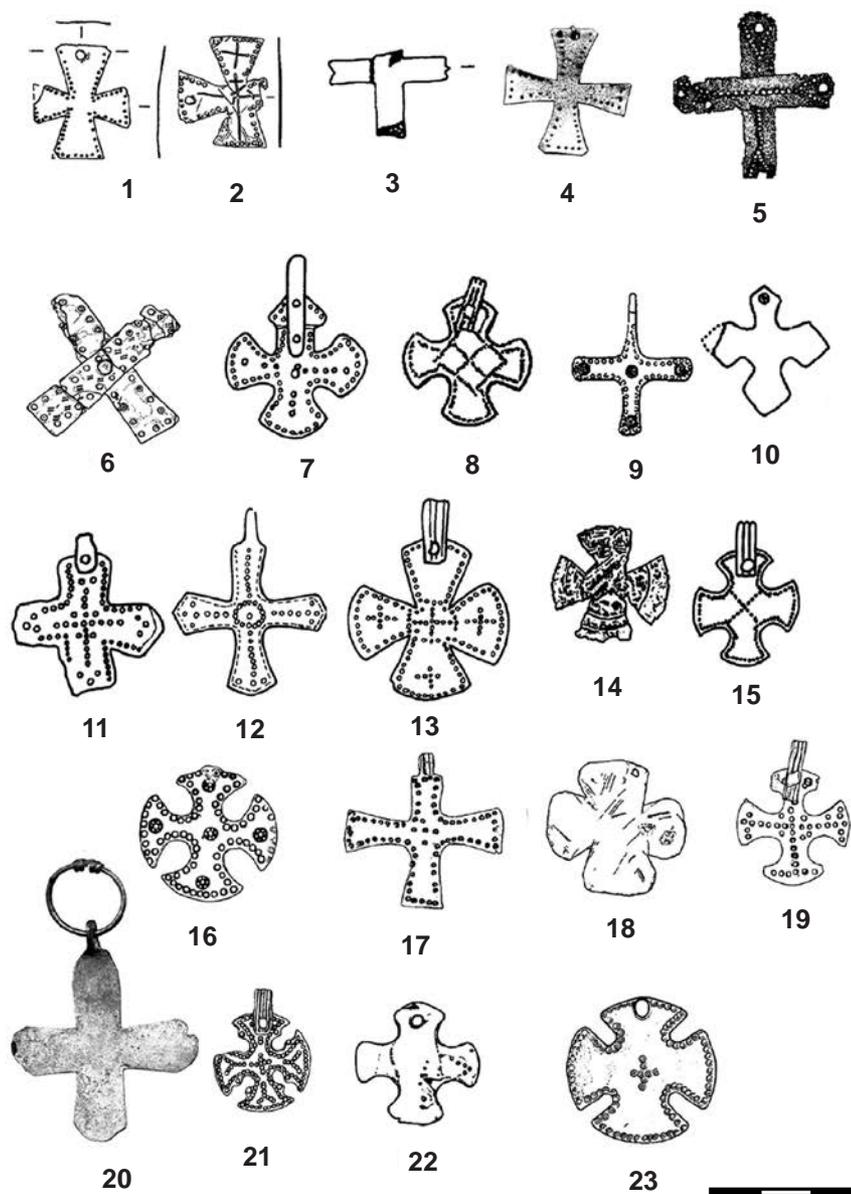

Рис. 5. Средневековые кресты из листового металла Центральной, Восточной и Северной Европы.
 1, 2 – г. Пахкал-Кая, X–XIII вв. (по: Лысенко, 2011. Рис. 1, 16, 17); 3 – храм в с. Малый Маяк (Биюк-Ламбат), XIV–XVIII вв. (по: Тесленко, Лысенко, 2004. Рис. 11: I, 5); 4 – погреб. в Кучар-при-Подземел, Словения, VII в. (?) (по: Ciglenečki, 2008. Fig. 10, 4); 5 – Капталантоти, Венгрия, VIII–IX вв. (по: Vida, 1998. Abb. 1, 11); 6 – Клепсау ан дер Ягст, Германия, VI–VII вв. (по: Staecker, 1999. Abb. 16); 7–8 – погребения № 125 и 124 некрополя-I, Киев, Украина, серед. X в. (по: Каргер, 1958. Табл. XXIX, XXVIII); 9 – погреб. № 78/56 могильника Шестовицы, Черниговская область, Украина, первая полов. – серед. X в. (по: Бліфельд, 1977. Табл. XXI); 10–11 – курганы № 5 и 27 Заольшанской группы в Гнездове, Смоленская область, Россия, серед.–вторая полов. X в. (по: Каменецакая, 1991. Рис. 12, 1; Staecker, 1999. Abb. 18); 12–13 – камерные погребения курганов № 198 и 301 Центральной группы в Гнездове, Смоленская область, Россия, 970-е гг. (по: Staecker, 1999. Abb. 19, 29); 14 – крест, вырезанный из арабского дирхема, курган № 459 Тимеревского могильника, Ярославская область, Россия, после 970 г. (по: Недошивина, 1983. Рис. 1, 6); 15 – культурный слой Искоростеня, Житомирская область, Украина, первая полов. X в. (по: Зоценко, Звіздецький, 2006. Рис. 6); 16 – клад в Скіоптинге Грунд, Борнхольм, Швеция, конец X–XI вв. (по: Staecker, 1999. 436–437, № 42); 17 – погреб. № 703 могильника Бирка, Швеция, серед. X в. (по: Staecker, 1999. 494–495, № 95); 18 – Сигтуна, Швеция, XI в. (по: Staecker, 1999. 505, № 103); 19 – погреб. № 480 могильника Бирка, Швеция, серед. X в. (по: Staecker, 1999. 487–488, № 91); 20 – погреб. № 5 каменной насыпи могильника Удрай-II, Батецкий район, Новгородская область, Россия, первая полов. XI в. (Новгородский музей-заповедник, СБ 872, КП 34112 / А 101 – 168; фото С.Е. Торопова); 21 – погреб. № 835 могильника Бирка, Швеция, первая полов.–серед. X в. (по: Staecker, 1999. 498–499, № 97); 22 – клад в Остйодра, Швеция, после 991 г. (по: Staecker, 1999. 514, № 113a); 23 – клад в Кастлоза, Оланд, после 953/954 г. (по: Staecker, 1999. 449, № 57).
 1, 3–17, 19–23 – серебро; 2 – золото; 18 – бронза.

Н.И. Асташова (ГИМ)

ЭНКОЛПИОНЫ С АРХАИЧНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ (ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Собрание энколпионов Исторического музея содержит практически все известные на территории Руси типы и варианты крестов-реликвариев от византийских до позднесредневековых. Среди них имеется серия из восьми энколпионов с литыми изображениями, существенно отличающимися от других крестов.

1. Фрагмент оборотной створки энколпиона с прямыми концами. Ее размеры 7,6x5,6x0,4 см (вкл. VII, рис. 1, 1). Место находки неизвестно.

В средокрестии расположена рельефная поясная фигура Богоматери Оранты. На концах ветвей находятся рельефные изображения символов евангелистов. Поля изображений утоплены и разделены между собой прямыми линиями.

Технология изготовления энколпиона: емкость глубокая с вертикальными бортиками, недоливы металла, изображения оплывчатые; литье по оттиску готового изделия, первомадель отлита в резной жесткой форме. Материал: оловянно-свинцовая бронза (Асташова и др., 2013. Кат. №132. С. 210).

2. Энколпион с округлыми концами и боковыми выступами-слезками, его размеры 6,1x5,1x0,4 см (вкл. VII, рис. 1, 3). Происходит из Выдубицкого монастыря в Киеве.

На лицевой створке в центре расположена рельефная фигура Богоматери в рост поколенно с руками перед грудью. В четырех медальонах на концах ветвей находятся рельефные погрудные изображения евангелистов. На оборотной створке в центре помещена рельефная фигура Распятого с крестчатым нимбом и короткими прямыми руками. На концах креста находятся медальоны с рельефными погрудными фигурами Архангелов и предстоящих.

Технология изготовления: емкости створок глубокие, на внутренней поверхности незначительные углубления, бортики слегка наклонные, изображения имеют отчетливый рельеф; литье по оттиску многократной модели или готового изделия, первомадели отлиты в резных жестких формах. Материал: оловянно-свинцовая бронза. (Асташова и др., 2013. Кат. № 114. С. 200).

3. Лицевая створка энколпиона с округлыми концами и боковыми выступами-слезками. Размеры: 6,4x5,4x0,4 см (вкл. VII, рис. 1, 2). Створка происходит из Княжой горы (коллекция Д.Я. Самоквасова).

В центре створки расположена поколенная фигура Богоматери с руками перед грудью. В четырех медальонах по краям креста находятся погрудные рельефные изображения евангелистов.

Технология изготовления: емкость с наклонными бортиками, недолив в левой ветви, рельефные изображения и боковые выступы сильно оплывчатые, выступающие части изображений сильно заглажены; на боковых поверхностях сохранились остатки литейного шва, литье по оттиску готового изделия. Нижнее ушко утрачено. Материал: оловянно-свинцовая бронза. (Асташова и др., 2013. Кат. № 115. С. 200).

4. Энколпион с закругленными концами и оглавием в виде биконической бусины с рубчатым пояском. Размеры: 6,2x5,2x 0,3см (вкл. VII, рис. 1, 4). Место находки неизвестно.

Состав изображений лицевой и оборотной створки обычный – поколенная фигура Богоматери с крупными ладонями и прямолинейные изображения святых евангелистов в четырех медальонах; фигура распятого Христа с пред-

стоящими Богоматерью и Иоанном Богословом в позе моления и двумя архангелами.

Надписи углубленные: МНР УФ (на лицевой створе), IC IC (по сторонам фигуры Христа).

Технология изготовления: емкости глубокие, бортики вертикальные, внутренние поверхности без углублений, но с многочисленными наплывами, на боковых поверхностях следы шлифовки, боковые выступы невыразительные и частично заполнены металлом. Рельефные изображения лицевой створки не выступают над уровнем створки, оборотной – частично выступают; на обеих створках изображения с проработанными деталями, потертые, окружены углубленным фоном; миниатюрные недоливы, углубленные надписи литые; литые по оттиску многократной или выплавляемой модели, первою модели отлиты в резных жестких формах, на модели лицевой створки надписи были выполнены после литья, оглавие с большим недоливом, отлито в разъемной форме.

Материал: оловянно-свинцовая бронза (Асташова и др., 2013. Кат. № 116. С. 201).

5. Энкалпион с закругленными концами и оглавием в виде биконической бусины с пояском. Размеры 6,2x5,5x0,3 см. Место находки неизвестно (вкл. VIII, рис. 2, 1).

Состав изображений лицевой и оборотной створки традиционный: на лицевой створке – Богоматерь в рост поколенно с руками перед грудью, на оборотной – изображение Распятия.

Рельеф изображений четкий, читаются детали и складки одежды святых, лики с проработкой.

Надписи углубленные, хорошо читаются: МНР УФ (на лицевой створе), IC IC (по сторонам фигуры Христа).

Технология изготовления: емкости неглубокие с вертикальными бортиками, внутренние поверхности без углублений, на боковых поверхностях многочисленные следы смещения створок литейной формы и следы шлифовки, боковые выступы невыразительные и частично заполнены металлом, рельефные изображения частично выступают над уровнем створок и окружены глубоким фоном, изображения с проработанными деталями, углубленные надписи литые; литые по оттиску многократной модели, оглавие отлито в разъемной форме по выплавляемой модели или по оттиску многократной модели.

Материал: оловянно-свинцовая бронза (Асташова и др., 2013 Кат. № 113. С. 199).

6. Энкалпион с закругленными концами. Размеры 6,0x5,1x0,2 см. Место находки неизвестно (вкл. VIII, рис. 2, 3).

Состав изображений лицевой и оборотной створки обычный. Рельеф изображений нечеткий, лики сглажены, детали не читаются. Надписи отсутствуют.

Технология изготовления: емкости неглубокие с гладкой внутренней поверхностью, на лицевой створке бортики практически отсутствуют, на оборотной местами сохранились наклонные, низкорельефные изображения сильно оплывчатые, на лицевой створке изображения не выступают над уровнем створки, на оборотной частично выступают; на обеих створках рельефные изображения окружены углубленным фоном; верхнее ушко обломано и зашлифовано, каналы нижних ушек со следами сильной изношенности; литые по оттиску готового изделия, отстоящего от первою модели, первою модели створок отлиты в резных жестких формах, вероятно, это створки двух разных энколпионов, они отличаются по цвету, составлены впоследствии, косвенным свидетельством является отсутствие оглавия.

Материал: оловянно-свинцовая бронза, многокомпонентная бронза (Асташова и др., 2013. Кат. № 118. С. 202).

7. Створка энколпиона оборотная с закругленными концами. Размеры 6,1x5,4x0,3 см. Место находки неизвестно (вкл. VIII, рис. 2, 2).

Состав изображений оборотной створки обычный (фигура распятого Христа с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом в позе моления). Надписи отсутствуют.

Технология изготовления: емкость глубокая, внутренняя поверхность с неровностями и едва заметным углублением, соответствующим центральной фигуре; бортики высокие вертикальные, недолив металла; высокорельефные схематичные изображения частично выступают над уровнем створки и окружены углубленным фоном; в литые воспроизведены мелкие детали одеяния, контуры пальцев Христа; литые по оттиску готового изделия, первою модель отлита в резной жесткой форме.

Материал: оловянно-свинцовая бронза (Асташова и др., 2013. Кат. № 117. С. 201).

8. Энкалпион прямоконечный с оглавием подпрямоугольной формы и рельефным изображением серафимов (?) на нем с обеих сторон. Размеры 5x3,5x0,2 см. Место находки неизвестно (вкл. VIII, рис. 2, 4).

Центральной фигурой на лицевой створке является рельефное изображение Богоматери Оранты, в возглавии – стилизованный сноп, по

абрису напоминающий трилистник. По концам горизонтальной ветви – поясные рельефные фигуры неопознаваемых святых.

В центре оборотной створки расположены рельефное изображение Распятия с низкорельефным крестом в возгавии и поясные рельефные фигуры предстоящих по бокам Христа. Спаситель одет в длинную одежду, складками напоминающую одежду Богородицы.

Особенностями этого креста являются отсутствие нимбов у Спасителя и Богородицы, а также широкие лица с длинными носами, выпуклыми глазами и большими ртами.

Технология изготовления: емкости неглубокие со слегка наклонными бортиками и гладкой внутренней поверхностью, на внутренней поверхности лицевой створки аморфные наплывы, связанные с дефектами литейной формы; изображения на створках и оглавии имеют высокий рельеф с проработкой мелких деталей, фон вокруг изображений частично углублялся; литые створки и оглавия по выплавляемым резным моделям.

Материал: сплав на основе меди (визуальный осмотр) (Асташова и др., 2013. Кат. № 120. С. 203).

Единственная полная аналогия этому энколпиону известна из культурного слоя 60-х гг. XIII в. Новгорода. А.А. Пескова убедительно показала связь новгородского креста с балканскими прототипами (Пескова, 2007. С. 275). Об этом свидетельствуют иконографические детали, в частности, стилизованный сноп над головой Богородицы Оранты, фигура которой занимает лицевую створку энколпиона. В отличие от балканских крестов на новгородском и нашем экземплярах фигуры Христа и Богородицы выполнены в архаичной манере, известной по ранним тельникам с «грубым изображением Распятия»: лики с большими носами, выпуклыми глазами и широкими ртами. У Христа, кроме отчетливо читающейся бородки и прически, видны усы, переданные горизонтальной линией. Эти детали вызывают ассоциацию, прежде всего, с маской на скрамасаксе из гнездовского кургана № 74, исследованного С.И. Сергеевым (Спицын, 1905в. С. 48). А.А. Пескова, отмечая двойственность подобных энколпионов, выраженную в использовании балканских образцов, и манеру «грубого изображения», считает их продукцией скандинавских мастеров (Пескова, 2009а. С. 48).

Впервые энколпионы рассматриваемой группы выделила А.А. Пескова (1995. С. 82-86). Исследовательнице удалось собрать около 50 эк-

земпляров таких крестов из разных коллекций. Две трети из них происходят, к счастью, из раскопок, что позволило автору отнести бытование этих энколпионов к первой трети XIII в.

Классификация А.А. Песковой основана на иконографии, по этому принципу выделены два варианта. Самым многочисленным оказался вариант креста с округлыми концами, образом Богородицы с руками перед грудью на лицевой и Распятием на оборотной створках. Другой вариант представлен энколпионами с прямыми концами. В центре лицевой створки находится изображение Этимасии и предстоящими по концам ее; поясным образом Богородицы Оранты в центре и символами евангелистов по концам на оборотной стороне.

Все реликварии этой серии объединяет, прежде всего, архаичность образов, выраженная в преувеличенных, непропорциональных деталях изображений голов, носов, глаз, ладоней.

Попытки выяснить происхождение этой манеры изображения привели к гравированным византийским крестам сиро-палестинского круга, значительная часть которых обладает такими же чертами (вкл. VIII, рис. 2, 5). Но, в отличие от рассматриваемых, аналогичные изображения на створках «сирийских» энколпионов всегда выполнены гравировкой, а не литьем.

Эту связь подтверждает еще одна деталь – как и у византийских, у наших крестов глубокие емкости и прямые бортики. Однако химический состав сплавов, из которых они отлиты, близок к сплавам поздних древнерусских крестов (Асташова и др., 2013. С. 61). Кроме того, все они отлиты по оттиску, что совсем не характерно для византийских энколпионов (Асташова, Сарачева, 2007. С. 22).

Таким образом, вероятно, можно говорить о существовании отдельной группы энколпионов с несвойственным для XIII в. смещением разных черт технологии изготовления и стилистики изображений. Возможно, они связаны с какой-то своеобразной группой населения.

XIII в. был веком кризиса для Руси: экологические катастрофы в виде засух и даже землетрясение, а также следовавшее затем нашествие монголов привели к дестабилизации и упадку. Это касалось не только экономики, но и идеологических отношений, что проявилось и в церковной жизни. Характерным примером тому являются события в Смоленске, вызванные проповедями Авраамия. Он выступил против высших церковных кругов, за что подвергся

гонениям. Сведения об этом содержатся в двух источниках: в Житии Авраамия и граффити на стене одного из смоленских монастырей (Рыбаков, 1964). Можно предполагать, что это был не единственный случай идеологического противостояния на Руси. Недаром в первой трети XIII в. отмечено появление так называемых «богородичных» энколпионов с обращением «Святая Богородица, помогай». Фигура Богоматери на лицевой створке сопровождается зеркальными славянскими или греческими надписями. Изображения в медальонах отличаются вариантным составом святых: Николай и Григорий, Петр и Василий, Козьма и Демьян.

Рассматриваемую серию реликвариев с богородичными объединяет иконография Марии: прямостоящая фигура с руками перед грудью, помещенная в центре лицевой створки. Отличием же является изображение Богоматери не в рост, а по колено; в медальонах располагались образы евангелистов, а не перечисленных выше святых.

Иконографические различия дополняют отмеченные выше стилистические особенности изображений и заставляют еще пристальнее присмотреться к нашим энколпионам.

Энколпионы этой группы из собрания ГИМ происходят из разных коллекций, и только два из них имеют «легенды» о местах находок, поэтому основой для картирования послужили кресты из свода А.А. Песковой (Корзухина, Пескова, 2003. С. 212-218). Основные территории бытования рассматриваемой группы крестов – Среднее Поднепровье и Юго-Западная Русь. Единичные находки отмечены в Поволжье (р-он Самары и городище Царев в Волгоградской обл.), на территории Польши и Болгарии (Пескова, 1995. С. 85-86; Дончева-Петкова, 2011. Ч. 177; Kruk, Sulikovska-Gaska, Woloszyn, 2006. S. 251).

Памятники, откуда происходят рассматриваемые энколпионы (например, Киев, Княжая гора, Галич и др.), датируются разным временем. В связи с этим определить направления, по которым шло распространение этих крестов, не представляется возможным. Поэтому приходится ступить на зыбкую почву логических умозаключений.

Уже отмечалось, что прототипом рассматриваемых энколпионов являются «сирийские» кресты. В.Н. Заславская отмечала, что такие реликварии изготавливались в мастерских, работавших при «знаменитых церквах и мучениках». Причем изображения на них были и гравированные, и литые. Исследовательница связывает появление мастерских «с расцветом мелькитских религиозных центров и вывозом культовых предметов из вернувшихся в состав империи святых мест Ближнего Востока» (Заславская, 1988. С. 98).

После войн 80-х гг. XII в. Византийская империя утратила многие принадлежавшие ей территории. Было бы логично предположить, что какая-то часть мелькитов – православных сирийцев – вынуждена была покинуть свои земли и перебраться на Русь, где в несколько модернизированном виде продолжать воспроизводить привычные для них изображения на энколпионах. Впоследствии эти кресты либо вывозились паломниками, либо расходились по разным территориям с их носителями.

В заключение необходимо сказать, что только накопление крупной серии хорошо датированных находок этих своеобразных энколпионов поможет более обоснованно определить связанную с ними группу населения и соответственно место производства этих крестов.

N. Astashova

**THE ENCOLPIONS WITH ARCHAIC IMAGES
(FROM THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM)**

The paper considers the set of eight encolpions with archaic images from the collection of the SHM. Morphological and chemical-engineering research of this group of the encolpions has revealed the features which are essential for encolpions of different types. In particular, images on them are occurred to be stylistically close to the engraved reliquaries

of the Syrian-Palestinian region whereas the technology of production and the chemistry of metal connect them with Old Rus' crosses. Marked due to the detailed description of the peculiarities of this group of reliquaries, the author puts forward a hypothesis about a connection between pro-types and social groups which left such crosses.

Д.В. Шполянская (ГИМ)

КОЛЛЕКЦИЯ КРЕСТОВ ИЗ Г. СУЗДАЛЯ

В 2010–2011 гг. на улице Слободской (дома 47–49) в г. Суздале О.А. Несмиян были произведены охранные археологические раскопки, из которых происходит представительная коллекция предметов личного благочестия. Введению её в научный оборот и посвящена наша статья¹.

Рассматриваемая группа предметов состоит из 47 крестов и одной накладки, часть изделий фрагментирована. 23 экземпляра происходят из условно закрытых комплексов (ям), период бытования которых можно определить XIV–XVIII вв. В связи с этим следует иметь в виду, что согласно исследованиям ряда авторов (Винокурова, 2000. С. 335) кресты, датированные XVII–XVIII вв., могли иметь хождение и в более позднее время.

Всю коллекцию крестов можно условно разделить на несколько групп: кресты-тельники, наперсные и кресты-мошевики.

Последняя группа представлена двумя экземплярами. Один из них – это оборотная сторона литого прямоконечного креста-энколпиона, лопасти которого слегка расширяются к концам (рис. 1, 1). Оглавие и одна петелька ушка утрачены. Близкое, но не идентичное изображение есть в Новгороде, где такой крест датируется концом XII–30-ми гг. XIII вв. (Седова, 1981. С. 57. Рис. 18, 5). Второй экземпляр представлен створкой костяного резного креста (рис. 1, 2). Крест небольшой четырехконечный с прямыми концами, прямыми углами средокрестья и расширениями вертикальных лопастей, слегка скошен в нижней лопасти, отсутствует задняя

крышка; отверстие для продевания шнура расположено в верхней лопасти креста. В центре и на нижней лопасти – изображение старца, возможно, опирающегося на посох. Фигура показана несколькими линиями и весьма условна. Верхняя и горизонтальные ветви креста содержат буквенные обозначения²: N – в левой, Ъ – в правой, и Ва – в верхней ветвях соответственно. Аналогии этому образцу нам не известны, но кресты такой формы были широко распространены на Руси начиная с XV в. и в более позднее время (Гнутова, Зотова, 2000. № 18; Муравьева, 1999. С. 24–25. № 97–99). Можно осторожно предположить, что рассматриваемый крест относится к кругу паломнических древностей. В пользу этой версии говорят наличие ковчежца, материал и техника изготовления креста. И.Н. Уханова в работе о паломнических реликвиях, хранящихся в Эрмитаже, отмечает, что «большая часть паломнических «памяток» решена достаточно просто...» (Уханова, 2001. С. 136).

Образ старца (?) в этой коллекции воспроизведен и на накладке из цветного металла (рис. 1, 3). Это небольшая прямоугольная литая пластина с двумя отверстиями, не совсем симметрично расположенными на обоих концах накладки. Рельефное изображение представляет фигуру человека в рост, с вытянутым овалом лица, возможно, с бородой, одетого в длинные ниспадающие одежды (плащ?) и держащего в руках какой-то предмет. С правой стороны от него находится рельефная рамка. Более мелкие детали из-за качества литья не читаются.

¹ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность руководителю раскопок О.А. Несмиян за возможность воспользоваться материалами раскопок.

² При воспроизведении надписей сохранена орфография оригинала, вышедшие из употребления древнерусские буквы, по возможности, заменяются буквами современного алфавита, пропущенные и реконструированные буквы воспроизведены в круглых скобках. Разделения надписи на части передаются знаком /, разделение на строки – знаком //.

В группе наперсных крестов можно выделить три типа. Первый представлен одним экземпляром – крупным односторонним литым четырехконечным крестом, концы которого расширены и имеют килевидные завершения (рис. 1, 6). Оглавие трапециевидной формы соединено с крестом перемычкой с рельефной имитацией конструктивных элементов энколпиона и несет на себе изображение Спаса Нерукотворного. Отверстие проходит в толщине оглавия. В верхней лопасти изображение Ветхозаветной Троицы, в средокрестии – Распятие на Голгофском кресте. По обеим сторонам от Спасителя помещены виды вытянутых городских башен, в расширении нижней лопасти изображены три стражника, делящие одежду Распятого. С обеих сторон от Христа в расширения горизонтальных лопастей креста помещены парные поколенные изображения предстоящих: слева – Мария Магдалина и Богородица, справа – Иоанн и Лонгин Сотник. Над предстоящими расположена надпись “МРІА МР QY...ИВАНЪ ЛОГІНЪ”. По сторонам головы Христа надпись “Ц(А)РЪ СЛ(А)ВЫ” под титлами; над крестчатым нимбом ниже Ветхозаветной Троицы – надпись “ІСХС”, под ногами Христа неразборчивая надпись. В пространстве верхней лопасти расположено изображение Ветхозаветной Троицы с надписью над ним “..С(ВЯ)ТАЯ ТРОИЦА” под титлом. В нижней лопасти креста – три воина, делящие ризы Христа и надпись, опоясывающая их “РАЗДЕЛИША РИЗЫ МОЯ...”. На оборотной стороне изображений и надписей нет.

Подобные кресты есть в коллекциях Российского этнографического музея (Островский, Федоров, 2007. С. 261-263. № 256, 257, 261); близкое, но не идентичное изображение известно в фондах Рыбинского музея-заповедника³ и Национального художественного музея Республики Беларусь (Карпенко, 2006. С. 62. № 11). Кресты этого вида датируют XVII–XVIII вв.

Ко второму типу относится двусторонний круглоконечный наперсный крест с неподвижным частично в виде петли оглавием, на лицевой стороне которого, возможно, изображен Спас Нерукотворный (рис. 1, 5). На концах горизонтальных лопастей расположены подовальные клейма, на вертикальных – каплевидные. Углы средокрестия сглажены. В центре лицевой стороны расположено изображение Христа, тело вытянуто. Несмотря на нечеткость изображения, можно различить набедренную

повязку, крупные кисти рук, удлинённые стопы ног, которые касаются контура нижнего медальона. Под руками Спасителя – неразборчивые надписи. В боковых медальонах представлены предстоящие парные поясные фигуры святых. Обычно в левом медальоне изображают Богородицу и одну из жен-мироносиц, в правом – Иоанна и Лонгина Сотника. В нашем случае из-за качества литья эти изображения не подлежат точной идентификации.

В верхнем медальоне изображена ветхозаветная Троица с неразборчивой надписью над ней; в нижнем расположены парные поясные изображения неизвестных святых с неясными надписями над ними. На оборотной стороне в центре помещена фигура святого в рост с распростертыми руками, скорее всего, св. Илии. Медальоны горизонтальных лопастей креста содержат поясные изображения неизвестных святых (в правом медальоне виден нимб?), в медальонах верхней и нижней лопастей, вероятно, находятся изображения архангелов: предметы в их руках отдалённо напоминают мерила. Традиционный набор изображений святых отличается от представленных здесь, в связи с чем создается ощущение, что при отливке креста использовали лицевую сторону одного образца, а оборотной стороны – другого.

Крест сильно погнут и потерт, буквы не читаются и изображения плохо видны. Похожий крест есть в составе подмосковных кладов и датируется XV–началом XVI вв. (Алексеев, 2005. С. 235. № 35)

Третий тип представлен тремя целыми экземплярами и одним фрагментом. Между собой кресты несущественно различаются размерами и пропорциями. Один из них – наперсный односторонний четырехконечный с овальными концами и дугами в средокрестии (рис. 1, 4). Окончание нижней лопасти имеет каплевидный выступ, оглавие в виде плоского ушка. В верхней лопасти помещено рельефное поясное изображение Вседержителя, по сторонам от него два кружка (Солнце, Луна). Над изображением – нечитаемая монограмма (традиционно – ІСЪХСЪ под титлом), под ним – Ц(А)РЪ СЛАВ(Ы) (Ц и Р образуют лигатуру). В средокрестии изображено Распятие. Тело Христа волнообразно изогнуто, руки прямые, кисти рук крупные, голова без наклона к правому плечу. Над головой Христа – монограмма ІСХС, над кистями рук – слетающие ангелы. По сторонам фигуры Спасителя

³ Гос. каталог № 002020180 (goskatalog.ru); КП № РБМ-4807; инв. № М-264 (rybmuseum.ru).

нечитаемая надпись. Под ногами Христа – Глава Адамова с надписью НИ КА (Победитель) по сторонам. В горизонтальных лопастях изображены поясные фигуры предстоящих: слева Богоматерь и жена-мироносица Мария с монограммой над ними, справа поясные фигуры Иоанна Богослова и Лонгина Сотника с нечитаемой надписью над ними. В нижней лопасти помещено рельефное поясное изображение святой. Внизу – неразборчивая надпись. Похожий крест опубликован в собрании Б.И. и В.Н. Ханенко и датирован XVII вв. (Ханенко, 1899. Табл. XII, 144).

Оставшиеся 39 экземпляров представляют собой разнообразные кресты-тельники, датирующиеся начиная с XII в. и заканчивая новым временем. Аналогии им известны на обширном пространстве от Москвы до Сибири.

Один из наиболее ранних экземпляров представлен фрагментом четырехконечного литого равноугольного с ромбовидным средокрестием и слегка расширенными каплевидными концами креста (рис. 2, 1). Он отдаленно напоминает тип древнерусских крестов с профилированными концами (Макаров, 1991а. Рис. 1, 4).

Следующий крестик – литой, равноконечный, односторонний с ромбическим средокрестием и массивным ушком для подвешивания (рис. 2, 2). Незначительная часть горизонтальной лопасти утрачена, сквозное отверстие в ушке отсутствует. Подобные кресты XI–XIII вв. происходят из Пскова (Мусин, 2010. С. 221. Рис. 45, 5) и Владимира (Муравьева, 1999. С. 13. № 40).

Довольно распространенным типом является литой односторонний равноконечный крест-тельник с криновидными завершениями лопастей (нижняя и левая лопасти утрачены) и равноконечным крестом в ромбе в средокрестии (рис. 2, 4). Подобные формы были широко распространены на всей территории средневековой Руси, датируются XIV–XV вв. (Захаров, 2004. Рис. 42, 5; Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 266. Рис. 93, 6-13; Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 188. Рис. 3, 4; Грибов, Иванова, 2001. С. 217. Рис. № 3; Антонов, 2004. С. 16. Рис. 3; 2006. С. 32. Рис. 1, 1; Седова, 1997б. Рис. 72, 5; Николаева, Недошивина, 1997. С. 349. Табл. 103, 34).

Вариантом этого типа является литой односторонний равноконечный крест-тельник с крестом в ромбическом средокрестии. Он входит в группу крестов с криновидными завершениями лопастей, но средняя часть крины более вытянута и сами лопасти крупнее (рис. 2, 5). Похожий

крест опубликован Н.Г. Недошивиной (Николаева, Недошивина, 1997. С. 349. Табл. 103, 38).

Следующий тип представлен четырехконечным равноугольным крестом-тельником с массивным ушком и скошенными в виде треугольников концами (рис. 2, 3). Лицевая сторона чуть заглублена и заполнена эмалью желтого цвета. Оглавие имеет вид уплощенной бусины. Этот тип нередко встречается на территории Руси и датируется XIV–XV вв. (Романченко, 1928. Рис. 2; Беленькая, 1993. С. 17. Рис. 1, 16; Гоняный, Шебанин, Шеков, 2005. С. 188. Рис. 3, 5; Николаева, Недошивина, 1997. С. 349. Табл. 103, 34; Буров, 2003. С. 289. Рис. 79; 84, 118; Гриценко, Пуцко, 2000. С. 219. № 10; Стародубцев, Зорин, 2000. С. 83. Рис. 3, 7; Грибов, Иванова, 2001. С. 217. Рис. № 4; Седова, 1959. С. 54. Рис. 16, 2; Макаров, Красникова, 2007. С. 70. Рис. 3, 6).

Интересен односторонний четырехконечный крест-тельник, средокрестие которого состоит из четырех концентрических окружностей с кругом в центре, а концы имеют сложное завершение в виде пирамидки из двух и трех шариков (рис. 2, 6). Точной аналогии ему по литературе не найдено.

При раскопках Нижнего Новгорода и Белоозера были встречены бронзовые односторонние кресты-тельники с килевидным завершением нижней лопасти с рельефным изображением двенадцатиконечного креста, стоящего на Побразной Голгофе (Грибов, 2004. С. 34; Захаров, 2004. Рис. 44, 10). В нашей коллекции такой крест (рис. 2, 8) на верхней лопасти в прямоугольном медальоне содержит буквы ИС (Иисус), в боковых лопастях – Н и К (НИКА - ?)(Победитель), в нижней ХЪ (Христос - ?). Обратная сторона изображений не содержит. Верхняя лопасть завершена ушком-петелькой, изображения сильно потерты. Подобный крест из раскопок Теплых торговых рядов в Москве найден в слое XV–начала XVI вв. (Векслер, 2009. С. 137. № 5). На селище Рождествено этот тип креста представлен четырьмя экземплярами (Шполянская, 2008. С. 268. Рис. 1, 10), в данной коллекции – тремя, два из них – чуть меньшие по размеру.

Тип небольшого двустороннего четырехконечного креста-тельника с прямыми концами и прямыми углами средокрестья, оглавье – в виде петли (рис. 2, 9) составляет наиболее крупную серию из 5 экз. На лицевой стороне в центре расположен переданный тонкими рельефными линиями семиконечный Голгофский крест, стоящий на полукруглой Голгофе с символиче-

ским изображением Головы Адама, переданной точкой. Из нижней перекладки Голгофского креста слегка под углом к его стволу расходятся орудия Страстей – трость и копие. В завершения лопастей помещены буквы IC (Иисус) – в левой, XC (Христос) – в правой, в верхней лопасти Ц и Р образуют лигатуру (ЦАРЬ СЛАВЫ); в нижней лопасти надпись не читается. На оборотной стороне в центре средокрестья находится ромб; в горизонтальных ветвях расположены буквы соответственно: IC (Иисус) – в левой, XC (Христос) – в правой, по вертикали – ПИ//◆//СЬ//Н(?) Е, часть надписи утрачена. Другие кресты этого типа имеют незначительные различия в деталях.

Близкая аналогия четырехконечному кресту-тельнику с изображениями Спаса, поясных предстоящих ему с обеих сторон святителя Николая в нижней лопасти, и, возможно, архангела Михаила (?) на оборотной стороне креста (рис. 2, 7) встречена при раскопках в Москве (Векслер, Беркович, 2005. С. 227. Рис. 2, 5). В профиль крест представляет собой треугольник, плавно сужающийся книзу. Отверстие для продевания шнура расположено в верхней лопасти креста. Подобные кресты были также встречены при раскопках в Подмоскowie (Шполянская, 2008. С. 268. Рис. 1, 5) и на Куликовом поле (Гриценко, Пуцко, 2000. С. 218. № 6), где датируются XV–XVI вв.

В коллекции есть два варианта одного типа креста. Один из них – односторонний, шестиконечный литой крест-тельник с килевидным окончанием нижней лопасти. На лицевой стороне изображен Голгофский крест с цатой в средокрестии, нижняя часть которого превращается в плетенку (рис. 3, 7). По боковым сторонам – стилизованное изображение орудий Страстей, на верхней лопасти – надпись ЦРСЛ (Царь Славы), на боковых – IC XC (Иисус Христос). На нижней лопасти обычно помещают надпись НИКА (Победитель)(под титлом), но в данном случае из-за неудовлетворительного состояния сохранности она не читается. Верхняя лопасть завершена ушком, на граненой лицевой стороне которого обычно изображается стилизованный крест, но здесь его трудно определить. Оглавие не отделено от креста, правая лопасть отсутствует, буквы практически не читаются. Похожий экземпляр хранится в фондах Российского этнографического музея (Островский, Федоров, 2007. С. 176. № 53).

Второй вариант менее массивен, верхняя лопасть завершена ушком в виде петельки; цата и орудия Страстей переданы “жемчужником”

(контуром из выпуклых точек). Крест волнообразно деформирован, нижняя лопасть обломана, на сохранившейся ее части есть сквозная трещина (рис. 3, 4). Такие кресты известны в Подмоскowie и в Твери, на Белоозере и в Ярославле, исследователи относят их к XV–началу XVI вв. (Солдатенкова, 2008. С. 157. Рис. 3, 5; Солдатенкова, Персов, 2005. С. 214. Рис. 2, 1; Захаров, 2004. Рис. 44, 1, 6; Шполянская, 2008. С. 268. Рис. 1, 10; Гнутова, Зотова, 2000. С. 22. Рис. 2; Горбачева, Харламова, 2011. С. 230-231. № 24-25; Чернов, 2000. С. 66. Илл. 2, 2).

Односторонний нательный крест, очертаниями напоминающий предыдущий и содержащий изображения восьмиконечного Голгофского креста в средокрестье и неясных букв в горизонтальных лопастях, имеет одну интересную особенность – у нижней перекладки Голгофского креста неправильный наклон – приподнята его правая (от зрителя) сторона. Возможно, это является следствием “зеркальной” отливки (рис. 3, 2). Таких крестов в этой коллекции – два, прямых аналогий им не найдено.

Следующий листовидный (копьевидный) тип креста встречается от Шпицбергена до Сибири (Молодин, 2007. С. 61-62) и имеет широкую датировку – от XVII в. (Молодин, 2004. Рис. 3; Векслер, Беркович, 2000. Рис. 15, 9) до XX вв., когда такие формы имели хождение в среде староверов (Русское медное литье, 1993. С. 192. Рис. 22; Ханенко, 1900. Табл. XXXII. С. 25. № 357). В рассматриваемой коллекции (рис. 3, 3) это маленький литой крест-тельник, четырехконечный двусторонний, обрамлен растительным орнаментом. В центре выпуклым рельефом выполнен восьмиконечный Голгофский крест на полукруглой Голгофе. В верхней лопасти под кольцевидным оглавием расположена надпись: Ц(АРЬ), С(ЛАВЫ); на оконечностях горизонтальных лопастей соответственно I(ИСУ)С X(РИСТО)С. На оборотной стороне надпись в 9 строк.

Достаточно распространенным типом креста является односторонний четырехконечный литой крест-тельник с трехлепестковым окончанием лопастей, со сглаженными углами средокрестия и оглавием в виде петли (рис. 3, 6). Лицевая сторона по периметру оконтурена тонким рельефным валиком. В центре, в рельефно выделенной зоне, имеющей вид латинского креста, расположен восьмиконечный Голгофский крест, стоящий на полукруглой Голгофе. На верхней лопасти традиционно бывает надпись ЦР//СЛ (Царь Славы), на боковых – IC XC (Иисус

Христос), данные невысоким рельефом. Из-за неудовлетворительной сохранности экземпляра надписи на нем не определяются. Подобные кресты происходят из раскопок в Москве из комплексов XVII–XIX вв., (Беляев, 1994. Рис. 21, 22; Векслер, Беркович, 2000. Рис. 15, 5), близкие по форме встречены в Сибири (Молодин, 2007. С. 76. Рис. 128).

К группе прямоконечных крестов с прямыми углами средокрестий относятся несколько вариантов крестов-тельников. Одним из наиболее выразительных является экземпляр с изображением Никиты-бесогона (рис. 3, 9). Это литой четырехконечный двусторонний нательный крест с прямыми лопастями и прямым средокрестьем. Верхняя лопасть завершается ушком-петелькой ромбической формы с крестом на лицевой стороне. Лицевая сторона содержит изображение святого мученика Никиты-бесогона. Он изображен в полный рост, голова повернута вправо, вытянутой вперед левой рукой он держит за волосы беса, фигура которого только угадывается (в виде треугольника), поднятая правая рука сжимает оковы. На кресте надписи: на верхней лопасти в прямоугольном клейме ЦРЪС (ЦАРЬ СЛАВЫ), в горизонтальных лопастях – СТЫ (СВЯТОЙ) НК (НИКИТА); на нижней лопасти в три строки – АТК//АХРП//СТО.

На оборотной стороне расположена выполненная вязью надпись, заключенная в 6 окружностей. Точные аналогии нам не известны.

Подобный тип креста с изображением св. Никиты относят к XV–XVII вв. (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 57. Рис. 93, 22; Хухарев, 2003. С. 200. Рис. 1, 3); похожее оформление оборотной стороны тельника содержит крест из раскопок Теплых торговых рядов в Москве, датированный XVII в. (Векслер, 2009. С. 137. № 2).

Довольно необычно оформление одностороннего четырехконечного креста-тельника с прямоугольными углами средокрестия и оглавием, не отделенным от креста (рис. 3, 5). Вертикальные лопасти имеют симметричное расширение, лицевая сторона по периметру оконтурена высоким рельефным валиком, левая лопасть отсутствует. Крест слегка изогнут. В центре высоким рельефом выделен четырехконечный Голгофский крест, нижняя лопасть его завершается ромбом. Внутри него видны следы эмали красного цвета. Возможно, опущенный фон всего креста также предполагал наличие эмали внутри. Прямых аналогий этому экземпляру не найдено.

Изображениями ромба отмечен небольшой литой двусторонний четырехконечный крест-тельник с прямыми концами и прямыми углами средокрестья (рис. 3, 10). Он имеет гладкое кольцевидное ушко. Рамка по периметру креста и изображения слегка подняты над основным фоном. В центре креста выпукло изображен восьмиконечный Голгофский крест. Из его нижней перекладины слегка под углом к стволу расходятся орудия Страстей – трость и копие. По концам креста в ромбических клеймах содержатся неразборчивые монограммы. На оборотной стороне расположена нечитаемая, поднятая над основным фоном, надпись. Похожие кресты встречены при раскопках в Москве и Твери и датируются XV–XVI вв. (Олейников, 1997. С. 186. Рис. 6, 14; Нестерова, 2003. С. 82. Рис. 1, 1 (тип I); Кренке, 2000. С. 211. Рис. 2, 7).

Типичным для группы прямоконечных крестов с прямыми углами средокрестий является литой двусторонний четырехконечный крест-тельник с прямыми углами средокрестья и с оглавьем в виде петли (рис. 3, 8). В центре креста расположен восьмиконечный Голгофский крест с орудиями Страстей по обеим сторонам. Состояние сохранности не позволяет сказать что-либо определенное об оформлении креста. Традиционно на верхней лопасти бывает надпись ЦР//СВЫ (Царь Славы), на боковых – ИС ХС (Иисус Христос), на нижней лопасти – МЛ//РБ (Место Лобное Рай Бысть) и неясные надписи под раменами Голгофского креста. Фон креста слегка опущен, поэтому надписи и Голгофский крест подняты над плоскостью креста. Обратная сторона содержит надпись в 10 строк, но поверхность затерта настолько, что прочесть ее практически невозможно. Крест на обеих сторонах оконтурен по периметру тонким рельефным валиком. По классификации Э.П. Винокуровой такие кресты относятся к типу I подтипу 1 (2000. С. 334), встречаются как в центре страны (Векслер, Беркович, 2000. Рис. 15, 2; Векслер, 2009. С. 137. №11), так и за Уралом (Молодин, 2007. С. 45. Рис. 39)⁴.

Интересной особенностью этой коллекции является то, что в ней присутствует большое количество крестов небольших размеров, таких как односторонний четырехконечный литой крест-тельник с прямыми углами средокрестья и оглавьем в виде петли (рис. 3, 1). Вверху под оглавьем находятся неразличимые из-за состояния сохранности буквы под титлом, в горизон-

⁴ Тип 1, подтип 2, вариант 3, подвариант 2 по В.И. Молодину.

тальных лопастях также под титлами – ИС ХС (Иисус Христос). В центре креста расположен восьмиконечный Голгофский крест, выделенный высоким рельефом. Надписи слегка подняты над плоскостью креста.

Кроме вышеописанных типов крестов комплекс содержит кресты с килевидным завершением нижней лопасти, ряд вариантов прямоконечных крестов с рельефным изображением Голгофского креста, кресты с лучистым венцом вокруг средокрестья и со штралами, тельники с дугами в средокрестии и несколько трудноопределимых из-за состояния сохранности фрагментов.

Итак, в коллекции присутствуют кресты, датированные начиная с XII и заканчивая XX вв., географически круг аналогий охватывает Новгород и Белоозеро, Тулу и Тверь, Москву и Подмосковье, Поволжье и Сибирь. Количественно данная коллекция предметов личного благочестия сопоставима, немного превышая его, опубликованное М.В. Седовой собрание предметов христианского культа, найденных при раскопках в Суздале (Седова, 1997б. С. 195-229), и является безусловным дополнением к уже известной иконографии медного литья, происходящей с территории города.

D. Shpolyanskaya

THE COLLECTION OF CROSSES COMING FROM SUZDAL

The paper thoroughly analyzes the collection of objects of “private devotion” coming from an excavation taken in 2010-2011 on Slobodskaya Street in Suzdal.

This complex consists of 47 crosses and 1 strap including 2 enkolpions, 5 pectoral crosses and 37 worn to the skin crosses, several of them are in fragments. We can carefully assume that some crosses belong to a circle of pilgrim antiquities. The collection vary in structure that shows both presence of widespread types (crosses with keeled end of the bottom branch, a number of crosses with the direct ends and relief image of the Golgotha cross, crosses with a radiant wreath around the center and with rays, worn to the skin crosses with arches in the center) and a lot of forms if not unique but rare. Dealing with

chronology of all collected archaeological findings, occurring from this settlement, on the one hand, we can specify wide chronological frameworks of its existence (according to representations existing for today, from the XII to the XX centuries), on the other hand, geographically, we can identify that the circle of analogies covers Novgorod and Beloozero, Tula and Tver, Moscow and Moscow area, the Volga region and Siberia.

Thus, quantitatively this collection of items of private devotion is comparable and exceeds the collection of the Christian cult objects, found at excavation in Suzdal published by Sedova M. V., also is unconditional addition to already known iconography of copper casting, occurring from the territory of the city.

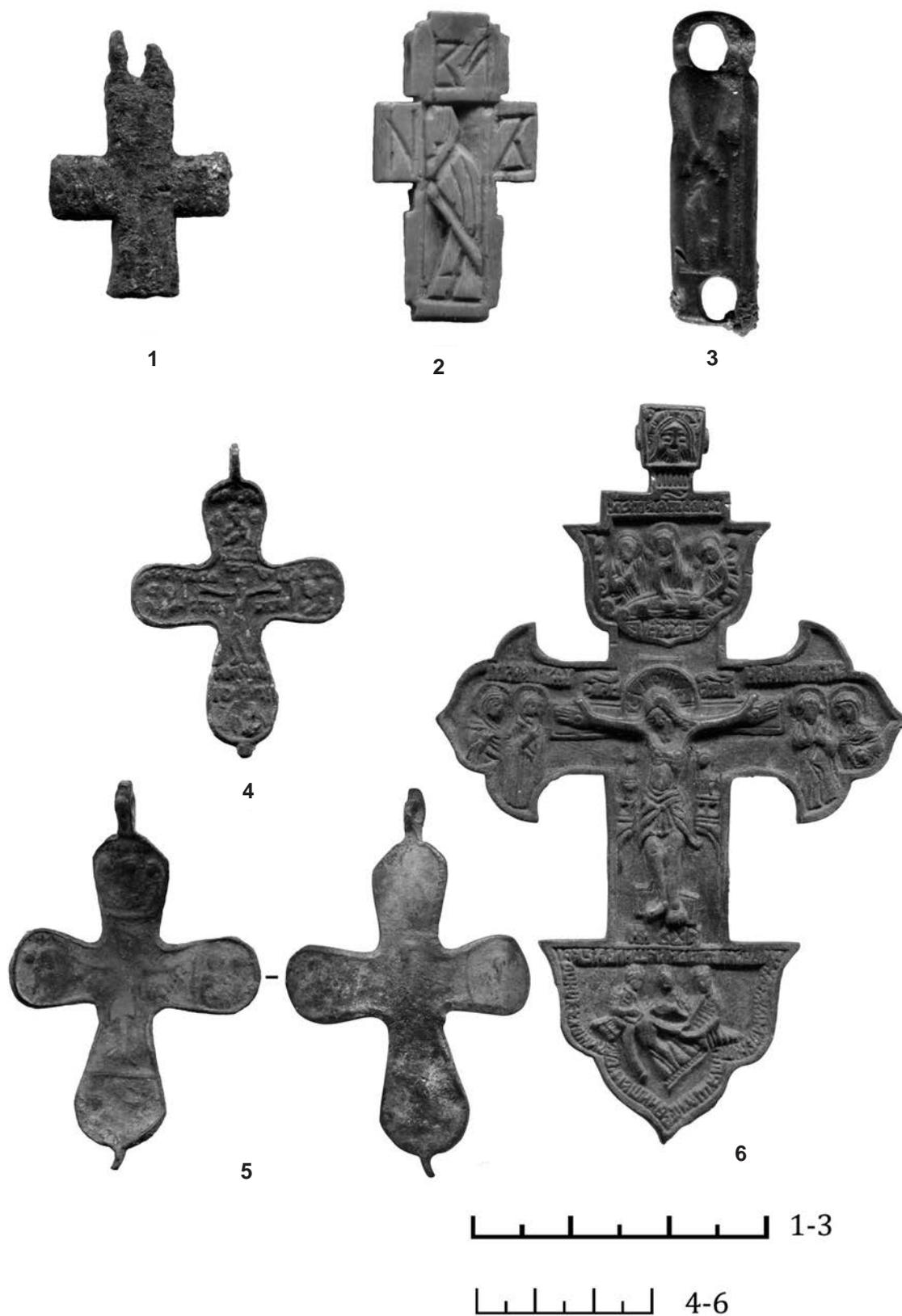

Рис. 1. Кресты и накладка.
 1-2 – кресты-мощевики; 3 – накладка; 4-6 – наперсные кресты.

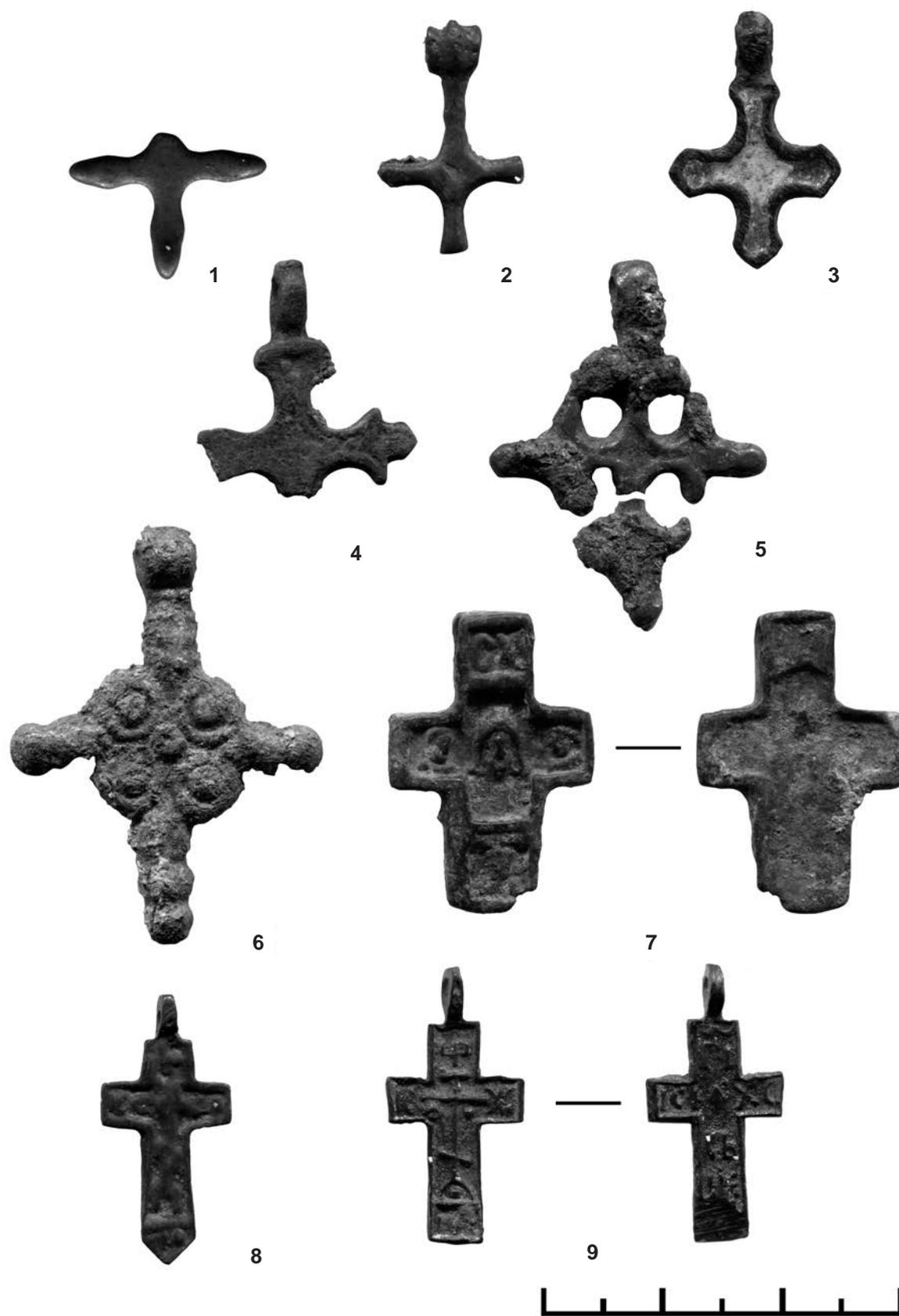

Рис. 2. Кресты-тельники XII-XVI вв.

Рис. 3. Кресты-тельники XV-XX вв.

И.В. Белоцерковская (ГИМ)

ДВЕ ФИБУЛЫ-БРОШИ ИЗ РЯЗАНО-ОКСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Проблемы ранней, дописьменной истории славян остаются в центре внимания исследователей разных направлений уже очень долгое время. С открытием новых археологических памятников и изучением на современном уровне давно известных коллекций появляются данные, пусть и не изменяющие кардинальным образом наши представления, но дополняющие и расширяющие источниковую базу по раннеславянской тематике. Таковы две редкие для бассейна Средней Оки находки, происходящие из погребальных комплексов двух могильников.

Могильник Заречье, расположенный в Спасском районе Рязанской области на правом берегу р. Прони, принадлежит кругу памятников, оставленных рязано-окскими финнами. К настоящему времени в нем исследовано около 250 могильных ям и, вероятно, столько же уничтожено карьерами и современными кладоискателями. Из археологически изученных комплексов более десяти содержали мужские захоронения с мечами; примерно столько же находок крестовидных фибул, а также поясных и уздечных наборов. Все это свидетельствует о достаточно высокой степени социальной стратификации населения, оставившего могильник, по крайней мере, в V–VI вв., и об участии рязано-окских финнов в событиях эпохи Великого переселения народов и последующего времени.

Более ранний период функционирования этого, да и других рязано-окских могильников, пока менее изучен. Поэтому представляется необходимым ввести в научный оборот уникальную для этих мест находку из женского погребения 174.

Оно совершено на дне подпрямоугольной со скругленными углами могильной ямы длиной 252 см, глубиной от поверхности материка 44–57 см. Погребенная была обернута в луб, лежала вытянуто на спине и ориентирована головой на северо-восток. Захоронение сильно повреждено корнями деревьев, тем не менее, по остаткам запячечиков можно предположить, что яма могла быть с перекрытием.

Погребение сопровождалось ножом и шилом, помещенными в один футляр и положенными у головы погребенной, двумя бронзовыми литыми привесками к накосякам с тремя округлыми с «жемчужиной» в центре и ложновитым бортиком по краю лопастями и округлым отверстием в центре (рис. 1, 1, 5, 8)¹. Привески завершали кожаные ремешки, продетые в бронзовые спиральные цилиндрические пронизи. В области шеи и груди погребенной располагались остатки ожерелья? из бус красного непрозрачного стекла и «золотостеклянных» многочастных пронизей, здесь же прослежены слабые следы тканой лопасти головного убора с зигзагообразной расшивкой по краю мелким «золотостеклянным» бисером (рис. 1, 3). На правую руку был надет бронзовый овальнодротовый с обрубленными заходящими друг за друга концами браслет, а на палец левой руки – нетипичный для окских финнов круглодротовый перстень из белого металла, возможно, серебра, с утолщенными незамкнутыми концами (рис. 1, 2, 4). Изначально, очевидно, в ноги было положено усеченно-биконической формы глиняное пряслице, смещенное со своего первоначального места (рис. 1, 7).

По параметрам могильной ямы, ориентировке погребенной и по инвентарю в целом расма-

¹ Под «жемчужным» орнаментом подразумеваются округлые выпуклые полушарные в разрезе бляшки, отлитые здесь вместе с изделием; позже на пластинчатых украшениях они имитировались с использованием чекана.

триваемый комплекс является типичным для определенной поры окских могильников.

Из массива женских захоронений рязано-окского типа это погребение выделяют две находки – редкий для них серебряный перстень и круглая литая фибула-брошь, лежавшая на груди погребенной (рис. 1, б).

Диаметр броши 8 см, с тыльной стороны на расстоянии 0,1-0,3 см от края расположена крупная литая с сужением в центре петля (приемник для иглы) длиной 2,9 см, шириной 0,3-0,6 см, высотой 0,9 см. На противоположном краю изделия на расстоянии 0,8 см от него расположена вторая, меньшая, петля длиной 0,8 см, шириной 0,5 см, высотой 0,6 см. Игла не сохранилась.

В центре броши на лицевой стороне напаян круглый рельефный диск из светлого сплава диаметром 1 см. Он находится в центре крестообразной композиции, которую составляют 4 подтрапезиевидных отверстия длиной 0,6-0,8 см. Два из них узкие – максимальной шириной 0,25 см, и два – более широкие с наибольшей шириной 0,3-0,4 см.

Вокруг расположен узкий, до 0,2 см шириной, выступающий бортик, диаметр которого по внешнему краю 3 см. Бортик обрамляют 35 радиально расположенных подпрямоугольно-подтрапезиевидных отверстий длиной 0,4-0,7 см, максимальной шириной 0,1-0,25 см. Внутренние их края расположены вплотную или на отдалении в 0,1 см от рельефного бортика.

Далее, на расстоянии 0,3-0,4 см от внешних краев отверстий, по кругу расположено 16 крупных подтреугольной формы отверстий с основанием в 0,5-0,6 см, высотой 0,6-0,7 см. Между их вершинами по краю броши напаяно 16 рельефных из светлого сплава дисков диаметром 0,7-0,8 см (три – не сохранились). Украшение, в том числе и профилированные бляшки-диски, изготовлено из сплава на основе меди, поверхность изделия луженая. Процентное содержание металлов в сплавах основы изделия и бляшек разное².

Это одна из немногих находок подобного типа предметов в хорошо документированном комплексе. Брошь, близкая по форме рассмо-

тренной, происходит еще из одного рязано-окского могильника – Борок II в Шилловском районе (комплекс 222).

Это погребение было частично разрушено при земляных работах и добрано А.Н. и А.П. Гавриловыми³. Оно совершено в подпрямоугольной со скругленными углами яме, на дне, ориентировано головой на восток. Слева в верхней части груди погребенной почти на плече лежала округлая, слегка выпуклая бронзовая брошь с круглой выпуклой бляшкой в центре крестовидной композиции, состоящей из четырех крупных и такого же количества меньших подтреугольной формы отверстий. Эту композицию обрамляют два ряда меньших округлых отверстий, по краю броши идут двойные, пересекающиеся под углом, гравированные линии. На тыльной стороне украшения – приклепанная двумя заклепками петля-приемник на одном краю броши и остатки крепления отсутствующей иглы – на противоположном. Это украшение также литое, под бляшкой в центре – небольшое отверстие, сквозь которое пропущена заклепка-гвоздик. Диаметр броши – 4,6 см (рис. 1, 10, 11).

В целом обе фибулы-броши по форме и стилю оформления, несмотря на изначальное отсутствие эмалей, можно отнести к кругу предметов убора с выемчатыми эмалями (Фролов, 1974; Корзухина, 1978; Гороховский, 1988). Г.Ф. Корзухина изделия, подобные броши с рельефными напаянными дисками из Заречья, относила к типу круглых ажурных с фестончатым краем фибул-брошей (Корзухина, 1978. С. 32, 33).

Точных аналогов рассматриваемым предметам нет: каждая из известных на настоящий момент круглых ажурных фибул имеет индивидуальные особенности.

Наиболее близкое сходство украшения из могильника Заречье наблюдается с литой фибулой из Княжей горы Киевской губернии (Спицын, 1903. Рис. 220. С. 174; Фролов, 1974. Рис. 1, 12⁴; Корзухина, 1978. С. 66⁵). Диаметр ее 7 см, в центре находятся 4 расположенные крестообразно, заполненные эмалью, лопасти, перемежающиеся четырьмя отверстиями. Вокруг них – узкие подпрямоугольные отверстия, а по краю

² Определение эксперта ГИМ А.В. Будникова: в сплаве бляшек (Cu – 47,17; Sn – 28,73; Pb – 17,51; Zn – 5,59) по сравнению с основой броши (Cu – 83,81; Sn – 11,2; Pb – 3,38; Zn – 0,61) меньше меди, но больше цинка и особенно олова и свинца.

³ Приношу глубокую благодарность директору Шилловского Центра народного творчества А.Н. Гаврилову и директору Шилловского районного музея А.П. Гаврилову за возможность работы с неопубликованными коллекциями.

⁴ Здесь – «местонахождение неизвестно».

⁵ По Г.Ф. Корзухиной – Каневский район Черкасской области (1978. С. 66).

напаяно 32 рельефных диска, разделенных отверстиями треугольной формы (рис. 1, 9). По сообщению Г.Ф. Корзухиной, в центре броши находился крупный рельефный кружок.

В какой-то степени, в основном, композиционно близок нашему экземпляру и фрагмент броши с городища Березняки в Ярославской области (Третьяков, 1966. Рис. 68; Фролов, 1974. Рис. 2, 7; Корзухина, 1978. Табл. 14, 13. С. 76). В центре ее расположены лопасти с красной и зеленой эмалью, присутствуют также рельефный круглый бортик, треугольные отверстия вокруг него и напаянные по краю рельефные диски (рис. 3, 2). Следует отметить, что изображение дисков на этом изделии есть только на рисунке в своде Г.Ф. Корзухиной. Зная добросовестность и тщательность, с которой работала исследовательница с оригиналами вещей, ее мнению следует доверять.

Чуть дальше по оформлению от зареченской находки отстоит фибула из могильника с оградками Каугарс II в Латвии (Спицын, 1903. Рис. 165; Корзухина, 1978. Табл. 26, 2; Фролов, 1974. Рис. 2, 11). В центре ее (рис. 3, 1) также крестообразная композиция из четырех полей, заполненных красной и синей эмалью, дополненная пятью напаянными дисками; по фестончатому краю расположены округлые отверстия, поверх которых и напаяны диски. (Корзухина, 1978. С. 33, 80). Орнаментальное поле соединено с эмалевым центром бордюром из тонких пластин (Фролов, 1974. С. 23). В своде Г.Ф. Корзухиной на эмалевом поле показаны напаянные диски, а на рисунке И.К. Фролова их нет, да и формы эмалевых лопастей в этих изданиях разные. На рисунке у А.А. Спицына диски также отсутствуют, но форма эмалевой части близка к изображению у Г.Ф. Корзухиной.

Зареченское украшение с брошами из Княжей горы, могильника Каугарс II и городища Березняки сближают в первую очередь крестовидная композиция в центре и наличие напаянных дисков. Подобное оформление центральной части для круглых фибул этого типа вообще очень характерно. Экземпляры из Княжей горы, Каугарса и зареченский имеют также расположенные по кругу отверстия, а из Каугарса еще и рельефный бортик. Броши из Березняков и Заречья сближают наличие рельефного бортика и треугольных отверстий. Основное же отличие рассматриваемого экземпляра от его параллелей заключается в полном отсутствии на нем следов эмали.

Тем не менее, известны и круглые фибулы-броши типа VI,3 по Г.Ф. Корзухиной, на которых следы эмали также отсутствуют. Это находка у с. Михайловка Черкасского района и области (рис. 3, 3). Она вырезана из пластины, центр ее оформлен в виде сегнера колес с городками ложной зерни, вокруг него веером – многочисленные вырезы, по краю расположены треугольные? вырезы и остатки напаянных дисков (Фролов, 1974. Рис. 3, 2; Корзухина, 1978. Табл. 13, 6. С. 33). Г.Ф. Корзухина сообщала, что лицевая сторона этой броши покрыта матовым серым составом, вероятно, это, как и в Заречье, следы лужения поверхности. Недавно в Курской области была найдена круглая брошь, в центре которой расположена такая же композиция, но лопасти «колеса» были залиты красной эмалью (Радюш, 2008. Рис. 4, 1. С. 191). Правда, в первой публикации это украшение описано как пластинчатое, впоследствии же было определено как литое (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 131). Эта находка лишней раз подтверждает обоснованность гипотезы Г.Ф. Корзухиной о принадлежности брошей без эмалей типа VI,3 кругу предметов с выемчатыми эмалями.

Что касается броши из могильника Борок II, то при общем конструктивном и стилистическом сходстве с рассмотренными экземплярами она имеет ряд специфических черт. В первую очередь, это наличие гравированного орнамента, который нехарактерен для фибул круга эмалей, способ крепления центральной бляшки и приемника для иглы с помощью заклепок, а также отсутствие напаянных дисков или эмалей. Эти особенности указывают либо на вторичное использование броши, либо, возможно, на ее уже местное производство. Но в любом случае образцом для подражания послужили предметы круга восточноевропейских выемчатых эмалей.

Большая часть их является случайными находками, поэтому дата этих украшений определяется, как правило, на основании стилистического анализа. Е.Л. Гороховский, исследовав таким образом предметы с выемчатыми эмалями, определил время бытования описанных выше фибул вторым, межигорским, этапом развития вещей с эмалями (Гороховский, 1988. Табл. 42, 12, 15). Вслед за Г.Ф. Корзухиной он полагает, что украшения с бордюрами из напаянных дисков подражают стилю эмалей и относятся к поздним типам, бытовавшим с рубежа III–IV вв., по, возможно, первую половину V в. (Гороховский, 1988. С. 123-125, 351-352).

В настоящее время свод подобных находок значительно расширился. Броши с фестончатым краем без эмалей сейчас относят к третьей стадии развития стиля и полагают, что в лесостепной зоне такие предметы появились уже около середины III в. и продолжали бытовать, возможно, вплоть до гуннского времени (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123-124).

Рассматриваемые здесь броши происходят из закрытых комплексов, что дает возможность уточнить время попадания их в землю.

Погребение в Заречье.

Литые трехлопастные концевые привески «кошибеевского» типа в Кошибеево появились на стадии В2 функционирования этого могильника, предположительно, во второй половине III–первой половине IV вв. (Ахмедов, Белоцерковская, 1999. С. 59-60). Что касается других рязано-окских могильников, то эти и более крупные литые пятилопастные привески к наконечникам и головным уборам бытовали в периоды 2а и 2б эволюции женского костюма рязано-окского населения, т.е. до конца IV–начала V в. (Белоцерковская, 2007. Табл. 2. Рис. 7. С. 193-200; 2010а. С. 197-199).

С брошью найдены бусы стеклянные непрозрачные красно-печеночного цвета и «золотостеклянные» многочастные пронизи группы I/II выделенных О.С. Румянцевой сочетаний бус, бытование которых соотносится с периодом 2б развития женского костюма окских финнов первой трети–середины IV–самого начала V в. (Белоцерковская, 2007. С. 200). Полагая, что хроноиндикаторов ранее конца IV в. в погребениях с этим набором бус нет, О.С. Румянцева датирует его концом IV–началом V в. (Румянцева, 2007. Табл. 3. С. 220). Для рассмотренного комплекса эта дата вызывает сомнение.

Заречье – единственный из известных рязано-окских могильников, где отсутствует рядовая планировка, а могильные ямы расположены очень плотно друг к другу, вероятно, из-за небольшой площади дюны. Захоронения позднего периода, как правило, расположены над более ранними или прорезают их. Почти вплотную к женскому погребению 174 было расположено мужское захоронение 181. Их ориентировка и даже глубина ям полностью совпадают. В связи с этим представляется обоснованным считать эту пару погребений близкими по времени.

Мужское захоронение было частично уничтожено женским погребением 178, которое по

уточненным данным относится к VI в. (Белоцерковская. В печати. Табл. 1). От раннего комплекса сохранились вещи, находившиеся в области пояса погребенного – 3 ножа, железное пластинчатое кресало и бронзовая пряжка: небольшая овальнорамчатая с коротким прогнутым язычком с площадкой у его основания. Рамка пряжки немассивная подромбического сечения с небольшим утолщением в передней части (рис. 3, 4). Очень близкая по форме и размерам пряжка происходит из погребения 19 черняховского могильника Косаново, но там рамка округлая в сечении, а прогнутый язычок без площадки и фасетирован (Кравченко, 1967. Табл. X, 14). Этот комплекс отнесен к периоду 1 развития черняховской культуры – около 230/240-270-280 гг. (Гей, Бажан, 1997. Табл. 66, 17).

Довольно близка рассматриваемой и одна из пряжек из погребения 79 (мыс 2) в Кораблино, но у нее граненая и уже более массивная рамка, фасетированный язычок и орнамент на площадке у его основания (Ахмедов, 2007. Рис. 6, 1. С. 141). Этот комплекс маркирует границу между периодами 2А и 2В эволюции мужского инвентаря рязано-окских могильников, последний датируется второй половиной III–началом IV вв. (Ахмедов, Белоцерковская, 2007. Табл.1). Похоже, что пряжка из рассматриваемого погребения 181 занимает промежуточное между описанными экземплярами положение, предварительно ее можно отнести к концу III–началу IV вв.⁶

Именно этим временем можно датировать и женское погребение с ажурной брошью в могильнике Заречье.

Предметы круга восточноевропейских эмалей в рязано-окских могильниках не единичны. Кроме хорошо известной подковообразной фибулы из Кузьминского могильника (Корзухина, 1978. Табл. 16, 3) недавно обнаружена еще одна такая же фибула с эмалями, относящаяся ко второму этапу развития предметов с эмалями. Она происходит из погребения 39 второй половины–конца III в. могильника Кораблино (мыс 2). Но здесь эта находка сочетается с более ранним головным убором, исключавшим височные привески. В состав его входили шапочка с прикрепленными к ней бронзовой головной бляхой, подковообразной фибулой с привесками и двумя крупными височными кольцами «с лопастью» (Белоцерковская, 1998. Рис. 1, 14. С. 40-49).

На голове погребенной в могильнике *Борок II* также была шапочка с головной бляхой с фи-

⁶ Искренняя признательность И.Р. Ахмедову за консультацию.

гурными накладками и ажурной застежкой с привесками (рис. 2, 2, 13). Другая ажурная застежка, очень крупная и без привесок, лежала в области груди (рис. 2, 12). На шапочку крепились две височные привески-пронизи (рис. 2, 5) и составной налобный венчик из двух ремешков, продетых в бронзовые спиральные пронизи, перехваченные пластинчатыми обоями с подвесными пластинчатыми кольцами (рис. 2, 1). Головной убор был украшен также умбовидными и сегментовидными нашивными бляшками (рис. 2, 3, 4).

На шее погребенной – 3 гривны: одна массивная круглодротовая с обрубленными концами, вторая – тонкопроволочная с округлым с отверстием в центре раскованным щитком на одном и крючком на другом конце; третья – гривна с коробкой диаметром 5 см (рис. 2, 9-11). На груди зафиксировано сложное украшение из стеклянных непрозрачных бус красно-печеночного цвета и мелких «золотостеклянных» многочастных пронизей. На обеих руках было по пластинчатому браслету с гравированным орнаментом (рис. 2, 6, 8); среди находок отмечен спиральный проволочный перстень с пластинчатыми трапециевидными привесками (рис. 2, 7).

Рассматриваемый комплекс включает как уже выходящие из обихода элементы традиционного костюма, так и формирующиеся. К первым относятся тип головного убора с бляхой и нашивными бляшками, обе ажурные застежки серий 2А и 2Б (Белоцерковская, 1999. Рис. 2, 1, 15. С. 170, 171), массивная обрубленноконечная и гривна с округлым пробитым в центре щитком, а также «золотостеклянные» пронизи.

Женский костюм, включавший головные уборы с бронзовыми бляхами и застежками с привесками, на Средней Оке бытовал в основном в период 2а развития традиционного женского костюма, т.е. с конца III по первую половину IV в. (Белоцерковская, 2007. Рис. 7-9. С. 198-200), но отдельные его элементы доживали и до конца IV–начала V в. Головной убор из могильника Борок II – не самого раннего облика, поскольку височные кольца «с лопастью» в нем уже отсутствуют, а им на смену пришли височные привески, да и типы ажурных застежек указывают на время, близкое к концу IV–началу V вв.

К формирующимся элементам убора следует отнести гривну с коробкой, эти украшения появляются на Средней Оке не ранее конца IV–начала V в. (Белоцерковская, 2007. Рис. 7. С.

191-193, 200; 2010б. С. 78.). Величина коробочки и декор из мелких «жемчужин» по краю, дополняющий пять традиционных разновеликих «жемчужин» на поверхности коробочки (позже такой элемент на коробочках уже не используется), – все это свидетельствует об относительно ранней дате этого украшения. Перстень с пластинчатыми привесками – наиболее ранний в серии подобных украшений, которые получили довольно широкое распространение в V в. По сочетанию элементов костюма погребение 222 в могильнике Борок II можно предварительно отнести к концу IV в.

Распространение предметов убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы связывают с позднезарубинецким культурно-хронологическим горизонтом и ранним этапом киевской культуры. В черняховский период бытовали только отдельные предметы этого стиля (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120-123). Установить конкретные характер и способы поступления этих украшений в Среднее Поочье пока не представляется возможным.

Что касается броши из Заречья, принадлежащей к третьей стадии развития стиля выемчатых эмалей, то она могла быть предметом импорта с территорий, так или иначе связанных с населением конца раннего этапа киевской культуры, где около середины III в. и формируется стиль ажурных украшений без эмалей (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123).

На длительном этапе развития и бытования у носителей культуры рязано-окских финнов прослеживаются активные разнонаправленные связи с населением разных, часто не связанных между собой, областей. В частности, в конце III–начале IV вв. на Средней Оке зафиксирован приток импортов в виде двучленных прогнутых подвязных фибул раннечерняховского типа, поясных наборов и шпор пшеворского и средневропейского облика и одновременно с этим – прикамского типа пряжек, гривен и браслетов (Ахмедов, 2007. С. 140-142. Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 273-274). В более позднее время, особенно в конце IV–V вв., связи среднеокских финнов с инокультурным населением различных территорий не только не ослабевают, а скорее усиливаются. Быть может, благодаря этому на Оку попадает и брошь из могильника Борок II, хотя не исключено, что она была изготовлена значительно раньше и использована уже вторично на новом месте.

Обе броши, как и другие предметы инокультурного происхождения, для оскского населения были знаковыми предметами. Об этом свидетельствует состав инвентаря рассматриваемых погребений.

Борковское захоронение по типу костюма очень близко погребению 69 Кузьминского могильника, где в составе головного убора также были дисковидная бляха, ажурная застежка с привесками, налобный венчик; из других украшений – 6 шейных гривен (в том числе – массивная с обрубленными концами, гривна с коробкой и с небольшим раскованным округлым щитком с отверстием и крючком), нагрудная бляха, правда, иного вида, а также обувные ремни с пряжками и привесками (Белоцерковская, 2012. С. 56). Пряжка от такого обувного ремня и часть привески (рис. 3, 5) были, вероятно, и в погребении в могильнике Борок (эта часть захоронения нарушена, вторая пряжка и остальные

привески отсутствуют). Набор гривен из погребения Борок II отчасти повторяет кузьминский комплекс, объединяют их и тип головного убора, и наличие браслетов и нагрудных украшений. Сочетание в обоих комплексах элементов, сформировавшихся задолго до времени совершения захоронений и уже выходящих из обихода (тип головного и обувных уборов, некоторые виды гривен и нашивных бляшек) и только что начавших распространение новых (гривны с коробкой) подчеркивали престижный характер костюма (Белоцерковская, 2012. С. 68-71).

Выделяется из прочих и погребение с брошью из могильника Заречье, где она сопровождается находкой нехарактерного для рязано-оскского населения типа перстня, к тому же изготовленного из серебра. Изделия из драгоценных металлов в могильниках оских финнов являются большой редкостью и, судя по всему, они маркировали неординарный статус их обладателей.

I. Belotserkovskaya

TWO FIBULAS-BROOCHES FROM THE RYAZAN-OKA BURIAL GROUNDS

Problems of the early Slavic history long time draw attention of researchers. Therefore any new finds expanding a database on this subject are so important. This article represents two rare findings from burials of Ryazan-Oka Finns.

These are two bronze round fibulas- brooches, despite the lack of enamel traces, belong to a circle of objects of the East European attire with sinuate enamels. They are attributed to type VI, 3 according to G.F. Korzukhina and represent a late, third stage of development of this style. Researchers connect the distribution of the similar jewelry with the early Slavic Kiev culture.

The first brooch (fig. 1, 6) is found in a burial ground Zarech'e and is dated according to the belt buckle (fig. 3, 5) from simultaneous man's burial by the end of III–beginning IV century.

The second brooch (fig. 2, 2) comes from a burial ground Borok II where it is found in a set of a female attire of the end of the IV–beginning of V century . (fig. 2, 3, 5). There is an engraved ornament on this artifact, uncharacteristic for items with enamels. Probably, this brooch was used for the second time. Both subjects were a part of the prestigious female suits.

The culture of the Oka Finns of the late Roman and the early medieval time had an active connection with different groups of population of the alien cultures. Probably, due to such relations with the population of the early Slavic Kiev culture, both brooches appeared in the Finnish cemeteries of the Middle Oka.

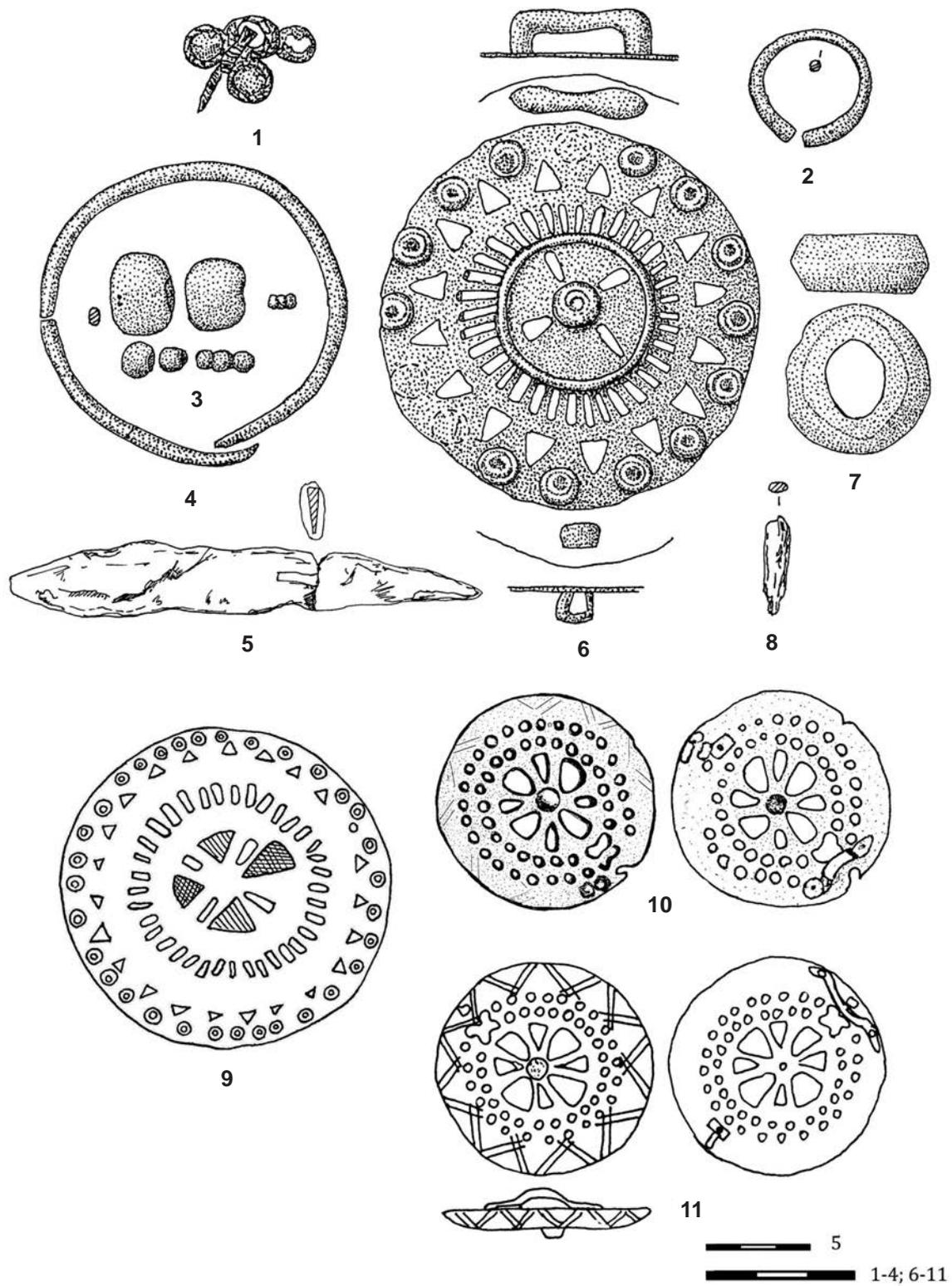

Рис. 1. Инвентарь погребения 174 в Заречье и образцы брошей.
 1-8 – инвентарь погребения; броши: 9 – Княжа гора (по: Е.Л. Гороховский, 1988. Табл. 42, 12); 10-11 – могильник Борок II (10 – прорисовка по фотографии (обе стороны); 11 – рис. А.П. Гаврилова (обе стороны).
 1, 4, 6, 9-11 – бронза, 2 – серебро? 3 – стекло; 5, 8 – железо; 7 – глина.

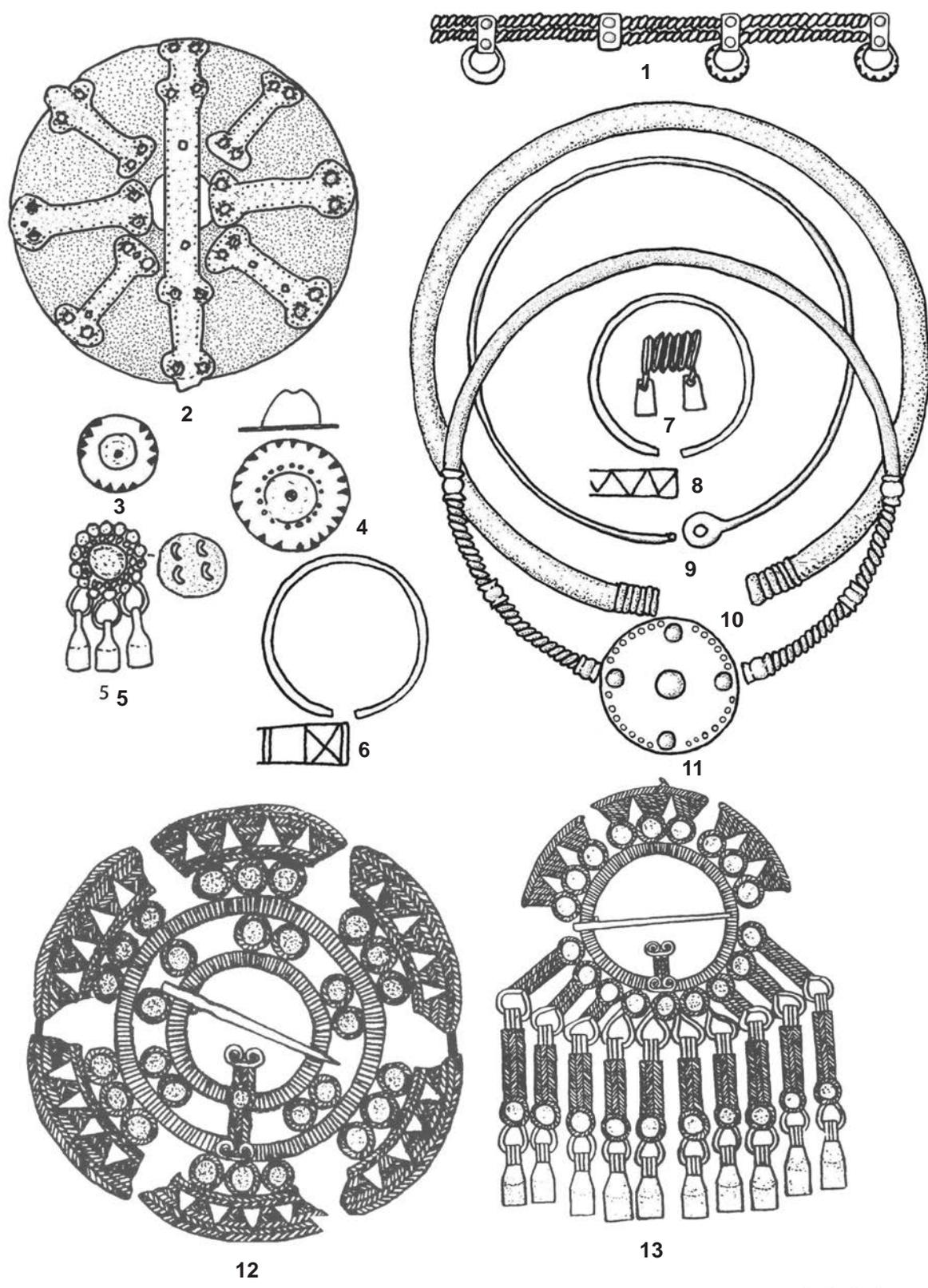

Рис. 2. Инвентарь погребения 222 из могильника Борок II.
1-13 – бронза. Рис. А.П. Гаврилова

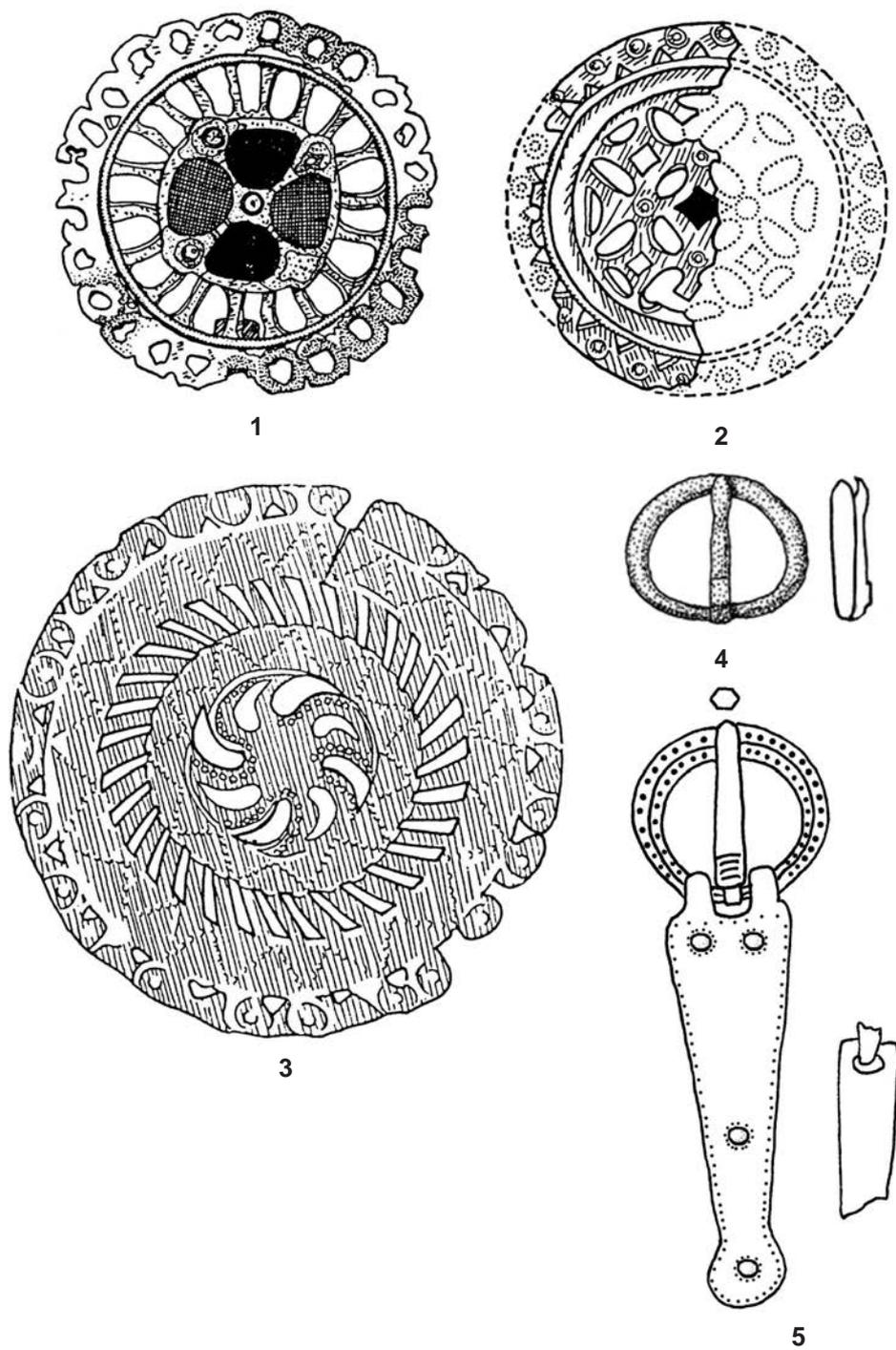

Рис. 3. Броши и пряжки.
 1 – могильник Каугарс, 2 – городище Березняки, 3 – с. Михайловка (по Г.Ф. Корзухиной);
 4 – погребение 181 в Заречье,
 5 – могильник Борок II (рис. А.П. Гаврилова).
 1-2 – бронза, эмаль; 3-5 – бронза.

Д.В. Журавлев (ГИМ)

ОБ ОДНОМ ТИПЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ ХЕРСОНЕСА¹

В Государственном Историческом музее хранится значительное количество осветительных приборов различных эпох. Среди них выделяется компактная группа византийских светильников с христианской символикой, происходящих из Херсонеса. В нашей небольшой заметке речь пойдет лишь об одной группе таких предметов – с ручкой в виде изображения креста (рис. 1-2. Кат. 1-6).

Эти биконические светильники, изготовленные из красной глины, имеют в плане грушевидную форму и вытянутый рожок, ручка оформлена в виде рельефного изображения креста. Щиток круглый или овальный, обрамлен невысоким валиком, продолжающимся к рожку. Светильники изготовлены из двух половинок, у большинства экземпляров шов между ними хорошо заметен. Ручка сделана в одной форме с верхней половиной светильника. Размеры подобных ламп обычно составляет 10-11 см в длину и 5-6 см в высоту (рис. 1-2). Поверхность светильников грубая, какие-либо следы лакового покрытия отсутствуют, заметен тонкий слой беловатого ангоба.

Находки таких светильников были известны в Херсонесе и ранее (Византийский Херсон, 1991. Кат. 36; Залеская, 2006. С. 174. Кат. 357). Три экземпляра из собрания ГИМ уже публиковались в англоязычном каталоге светильников музея (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998. P. 172-174. N 108-110; см. также: Наследие византийского Херсона, 2011. С. 603. № 366). Этот тип светильников представлен и в других центрах Северного Причерноморья. Прежде всего, укажем на находку подобного экземпляра в Керчи (Макарова, 1991. Рис. 15, 2). Еще один фрагмент такого

светильника из раскопок Пантикапея в 2005 г. экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством В.П. Толстикова пока не опубликован и хранится в фондах Керченского историко-культурного заповедника (КП-162020).

Широкое распространение эти светильники получили на территории современной Румынии (Iconomu, 1967. Fig. 57-58; Bailey, 1988. P. 398-399; Q3225-Q3228; Mlasowsky, 1993. S. 446-447. N 443) и Болгарии (Кузманов, 1992. С. 44, 123; № 325; Калчев, 1982. № 37. Обр. V, 3; Majewski et al., 1973. Rys. 55; Ćiĉikova, 1999. P. 107. N 8, 11). Хранится подобный экземпляр и в Народном музее Варшавы (Bernhard, 1955. Tabl. XCVI. Nr. 340). В Кранево (Болгария) были найдены и формы для изготовления таких светильников. Показательно, что находки ламп этого типа являются одними из самых массовых при раскопках императорского дворца в Константинополе (Сарачане, современный Стамбул) (Hayes, 1992. P. 83; 435-436; здесь же см. полный список аналогий). Близкие по форме светильники происходят также из Анатолии (Lightfood, 2007. P. 285. Fig. 18).

Согласно классификации К. Иконому эти светильники относятся к типу XXXIII (Iconomu, 1967. P. 28-29; 146-150. Fig. 57-58). По типологии Дж. Хейса светильники с аналогичной ручкой относятся к типу 11 (Hayes, 1992. P. 83. Pl. 22, 71-78), исследователь отмечает их широкое распространение в слоях конца VI–VII вв. н.э. С.Б. Сорочан и А.В. Шевченко отнесли аналогичные херсонесские светильники к типу I (Сорочан, Шевченко, 1983. С. 97-99).

Следует отметить, что ряд морфологически близких ламп имеют ручку другой формы – в виде пальметты или человеческого лица (см.:

¹ Статья подготовлена в рамках стипендии фонда Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung).

например Сорочан, Шевченко, 1983. С. 98-99. Рис. 6; Зубарь, Хворостяный, 2000. Рис. 20; Залеская, 2006. С. 174-175. Кат. 359-361; С. 186. Кат. 400). Известны и глиняные светильники иной формы, но также имеющие ручку в виде креста (см.: например Byzanz, 2001. S. 227-228. Кат. П.20; с широкой датировкой V-VII вв.).

Время бытования этого типа светильников можно ограничить концом VI-первой половиной VII вв. н.э., именно так они датируются в комплексах на территории Западного Понта, и главное, – в хорошо стратифицированных слоях при раскопках императорского дворца в Константинополе. С.Б. Сорочан и А.В. Шевченко несколько удревняют период бытования этих светильников, говоря об их поступлении в Херсонес начиная с IV-V вв. (Сорочан, Шевченко, 1983. С. 99-100). Но эта дата основывается на устаревшей к настоящему моменту хронологии краснолаковой керамики и амфор, и сегодня уже не актуальна. В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный пишут о периоде «не ранее конца V-VI вв.» (Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 57).

Говорить о месте производства рассматриваемых светильников сложно, поскольку анализ их глины не производился. Дж.Хейс писал: «Moulds for their production, some signed in Greek, have been found in a fortress near Kranevo Balcic region) in Bulgaria; whether this was the chief source of the many such lamps used in Constantinople remains to be confirmed. The Kranevo moulds represents a shallow-bodied version with decorated discus which may be placed early in the series; this may copy a class of "Asia Minor" lamps with similar handle treatment» (Hayes, 1992. P. 83). Наиболее вероятно, что херсонесские светильники с ручкой в виде креста изготовлены в одном из западно-причерноморских центров, возможно, копировавших малоазийские оригиналы. В.Н. Залеская не без оснований считает один из эрмитажных светильников из Херсонеса изготовленным в Одессосе (современной Варне) (Залеская, 2006. С. 173-174).

Следует исправить ошибку, допущенную Н.В. Пятшышевой при публикации материалов ее раскопок, – она описала глиняную ручку светильника (кат. 4; рис. 1, 4; 2, 4) как «каменный штампик-крестик для светильников с ручкой в виде креста ... - первая находка в Херсонесе» (Пятшышева, 1974. С. 81. Рис. VI, 5). Это неточное определение привело к тому, что С.Б. Сорочан и А.В. Шевченко ошибочно пишут о местном производстве подобных светильников, опираясь на

«форму» из собрания ГИМ (Сорочан, Шевченко, 1983. С. 99). Однако эта ручка не только изготовлена из глины, а не из камня, но и не является формой, а лишь фрагментом светильника (рис. 1, 4; 2, 4).

Впрочем, В.Н. Залеская считает ряд светильников аналогичной формы местными, херсонесскими, учитывая факт их находки в Херсонесе и красную глину, из которой они изготовлены (Залеская, 2006. С. 186). Разумеется, экземпляры, происходящие из Фракии или Дакии, зачастую имеют более богатый декор, чем публикуемые в этой заметке, но этого мало, чтобы однозначно считать все херсонесские светильники с ручками в виде креста местными. Впрочем, я готов допустить, что часть светильников была изготовлена в местных херсонесских мастерских как подражание импортной западно-понтийской продукции.

На мой взгляд, прототипы рассматриваемых светильников принадлежат к двум группам осветительных приборов. С одной стороны, это широко распространенные в позднеантичное время на территории современных Румынии и Болгарии *Firmalampen* – с ними их роднит канал к рожку, обрамленный валиком. С другой стороны, ручки в виде христианского священного символа присутствуют у целого ряда бронзовых светильников ранневизантийского времени (см. например: Bailey, 1996. Pl. 79-81), что позволяет видеть в них прототипы для более дешевых глиняных ламп (Xanthopoulou, 2005, P. 303-307. Pl. 136-139).

К VII в. н.э. глиняные светильники постепенно выходят из массового обихода, и их место занимают восковые свечи. Не в последнюю очередь это было связано с потерей источников поставок оливкового масла, традиционно являвшегося топливом для масляных светильников античного типа. Агрессивная внешняя политика арабов, захват ими Египта, последовавшая за этим потеря ромеями всей Северной Африки, а затем и Сирии, т.е. регионов, издавна служивших основными поставщиками оливкового масла в Империю, привели к практически полному свертыванию производства глиняных масляных осветительных приборов (Sorochan, 2002. P. 111-119; Сорочан, 2005. С. 262-263)

Каталог

1. (Рис. 1, 1; 2, 1). Светильник красноглиняный грушевидной формы с вытянутым рожком, выступающая ручка в виде рельефного кре-

ста, дно на низком кольцевом поддоне. Щиток овальный, оконтурен низким двойным валиком, переходящим на рожок, и рядом выпуклых точек; в центре – отверстия для заливания масла. Следы копоти на поверхности, часть рожка утрачена. Глина красная. Размеры: длина 10,4; ширина 6,5; высота 5,4 см.

Херсонес. Из собрания Румянцевского музея. ГИМ 53151. ОВП 535.

Литература: Журавлев, Хршановски, 1997. Рис. 1, 8; Chrzanovski, Zhuravlev, 1998. N 109; Журавлев, Ломтадзе, 2002. С. 39. № 92.

2. (Рис. 1, 2; 2, 2). То же, что кат.1. Плечики украшены длинными рубчиками. Размеры: длина 7,3; ширина 6,5; высота 3,1 (с ручкой – 5,3) см. Глина красная с мелкими белыми включениями. Склеен из нескольких фрагментов, рожок утрачен; сколы на поверхности.

Херсонес. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, 1890 г.

ГИМ 25758. Оп. Б 114. № 69.

Литература: Chrzanovski, Zhuravlev, 1998. N 110.

3. (Рис. 1, 3; 2, 3). То же, что кат. 1, но плечи светильника гладкие. Рожок и часть креста обломаны. Размеры: сохранившаяся длина 7,5; ширина 6,5; высота 6,1 см. Поверхность светильника плохо заглажена. Глина – красно-коричневая.

Херсонес. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, 1898 г.

ГИМ 39319. Оп. Б 123.

Публикуется впервые.

4. (Рис. 1, 4; 2, 4). Фрагмент ручки светильника в форме креста. Сколы на поверхности. Размеры: 4,2x3,6 см.

Херсонес. Раскопки Н.В. Пятышевой, 1948 г. ГИМ 82658. Оп. Б 848. № 2113.

Литература: Пятышева, 1974. С. 81. Рис. VI, 5.

5. (Рис. 1, 5; 2, 5). То же, что кат. 1, плечи светильника слева гладкие, справа – со слабыми отпечатками 11 рельефных точек. У основания утраченной ручки – рельефное кольцо, прорезанное отверстием для масла. Размеры: длина 9,2; ширина 6,5; высота 4 см. Глина светло-коричневая. Хорошо заметен шов между двумя половинками. Ручка светильника утрачена.

Херсонес. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича до 1894 г.

ГИМ 33426. Оп. Б 121. № 49.

Литература: Chrzanovski, Zhuravlev, 1998. N 108.

6. (Рис. 1, 6; 2, 6). То же, что кат. 1, но плечи светильника гладкие. Размеры: сохранившаяся длина 9; ширина 6,5; высота 3,8 см. Глина красно-коричневая с белыми включениями, в районе рожка – пережженная, черно-коричневая. Ручка и часть рожка утрачены. На рожке сильные следы копоти.

Херсонес. Раскопки Н.В. Пятышевой, 1965 г. Участок Иж.

ГИМ 99661. Оп. Б 1451. № 155.

Публикуется впервые.

D. Zhuravlev

ON ONE TYPE OF EARLY BYZANTINE LAMPS FROM CHERSONESOS

There is a small group of cross-handled lamps from Chersonesos preserved in the State Historical museum. These lamps are classified as Iconomu Type XXXIII. They can be dated from the late 6th century to the mid 7th century AD. Such lamps are found essentially in archaeological sites on the Black Sea littoral, in Turkey, Bulgaria and Romania.

They are characterized by a deep, byconical body, a flat base, a long nozzle and a large plastic cross-shaped handle. Some lamps of this type have another decoration on the handle, like leaves or vegetal patterns. Their original production centres were situated in Bulgaria, where some moulds were found, but also probably in Constantinople and Asia Minor, as well as in Chersonesos.

Рис. 1. Херсонесские светильники с ручкой в виде креста.
Номера соответствуют номерам по каталогу.
Фото В.А. Мочуговского, И.А. Седенькова.

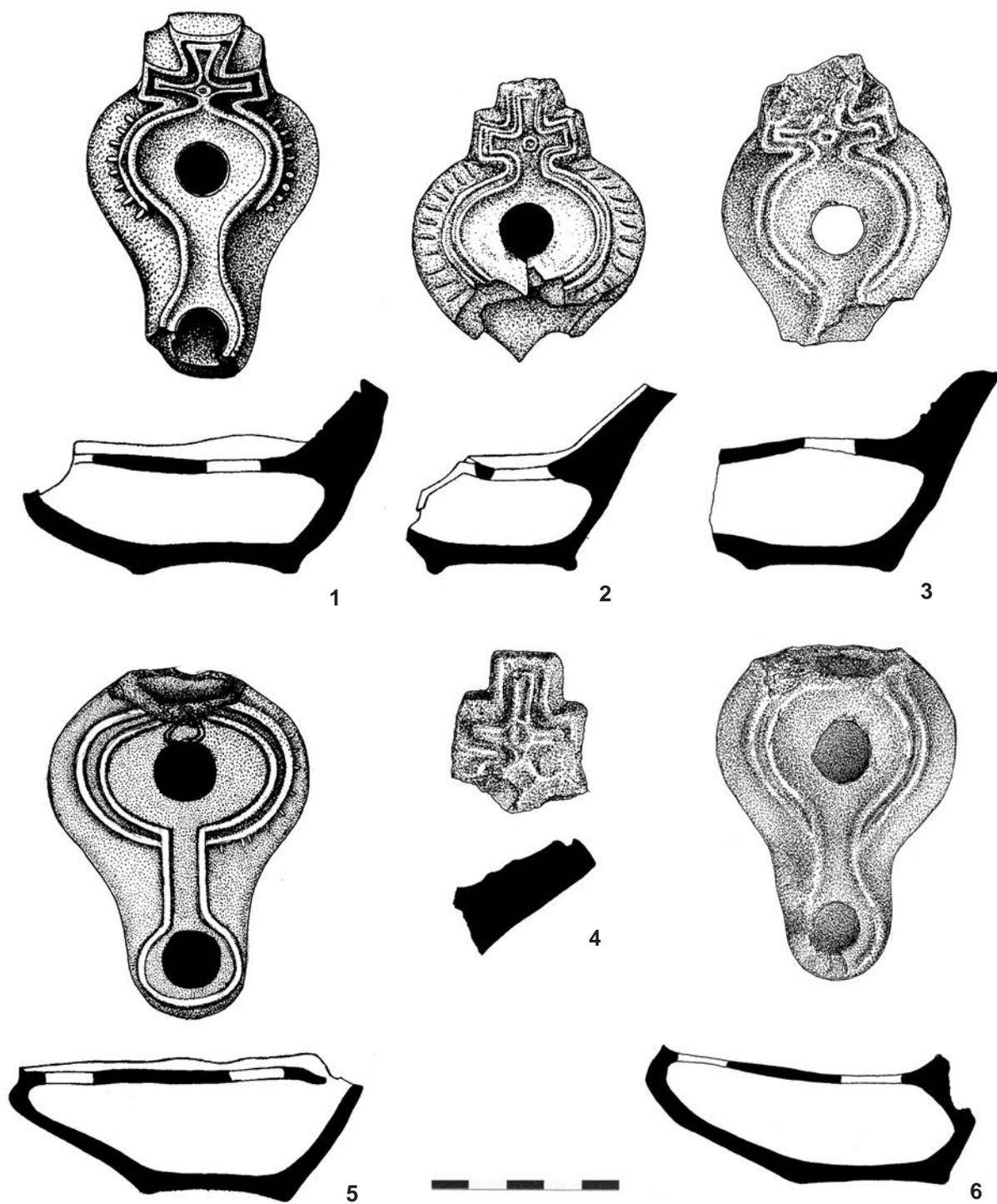

Рис. 2. Херсонесские светильники с ручкой в виде креста.
 Номера соответствуют номерам по каталогу.
 Рисунки А.Н. Трифоновой, А. Журавлева

И.Р. Ахмедов (ГИМ)

«ЛИК СЛАВЫ». СОГДИЙСКИЕ НАХОДКИ ИЗ ЕЛШИНСКОГО КЛАДА

Посвящая Наталье Германовне Недошивиной статью, хочется писать о вещах необычных и красивых. Это соображение и определило выбор сюжета для работы, в которой рассматриваются несколько уникальных для территории Рязанского Поочья находок из клада VII в.н.э. Комплекс был обнаружен при незаконных сборах на Елшинском (Чортовом) городище в верхнем течении р. Прони, правого притока р. Оки, в 3 км к северу от пос. Пронск в Рязанской области около 10 лет назад и поступил в Исторический музей в 2009 г.¹ (рис. 1). Кажется символичным, что Наталья Германовна вместе с М.В. Фехнер и В.А. Мальм в составе экспедиции ГИМ работала именно в Пронске (Мальм, Фехнер, 1974). Некоторые результаты этих работ оказались чрезвычайно важными при анализе Елшинского клада, что будет показано ниже.

В составе клада многочисленные, разнообразные и сложные с точки зрения этнокультурной интерпретации предметы. Здесь можно дать лишь их общую характеристику. Вещи найдены в лепном слегка подлощенном сосуде, форма которого близка типам верхнеокской керамики третьей четверти I тыс. н.э. В настоящий момент такая керамика связывается с позднейшим этапом бытования мощинской культуры (Воронцов, в печати).

По назначению в составе клада можно выделить несколько групп предметов. Первая представлена принадлежностями женского костюма, среди них – пластинчатые венчики, височные

кольца, связка колец, фрагменты гривен, подвески различных форм, браслеты, большое количество бус (более пяти тысяч) – стеклянных, янтарных, каменных и пр., а также перстни, привески и нашивные украшения одежды, отлитые из свинцово-оловянного сплава. Отдельную группу составляют предметы, связанные с металлообработкой – матрица, обрезки листового металла, идентичного тому, из которого изготовлены украшения. Возможно, в качестве сырья владелец собирался использовать и сломанные серебряные детали прибора ножен меча – фрагменты обкладок устья и наконечника ножен, обкладки скоб для крепления портупейных ремней. Здесь также находились прессованные и литые детали поясных уборов так называемого «геральдического» облика – накладки, противостоящие пластины, наконечники подвесных и основных ремней пояса. Часть из них была вторично использована в качестве подвесок. Особняком стоят три предмета, предположительно, среднеазиатского происхождения – два медальона и перстень, о которых подробнее ниже. Отдельную группу составляют вещи, относящиеся к гораздо более раннему времени – от раннего железного века до гуннского периода – украшения, бусы, фрагмент стеклянного кубка со шлифованным орнаментом.

Этот комплекс мог быть собран владельцем клада, возможно, мастером в качестве сырья. Значительная часть предметов VII в. находит аналоги среди древностей колочинской и пень-

¹ Это стало возможным благодаря усилиям П.А. Бирюкова. Впервые предметы из клада экспонировались на выставке новых поступлений отделов археологических памятников и комплексных археологических исследований Исторического музея в 2010 г. Весной 2012 г. клад был представлен вниманию специалистов на конференции «Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации» в Институте Археологии РАН, тогда же доклад о кладе был прочитан в отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.

ковской культур, в том числе и в составе днепровских кладов I группы по О.А. Щегловой. Самобытные украшения практически идентичны происходящим из клада с городища Картавецво и отдельным находкам на городище Борисово в тульском правобережье р. Оки. Оба памятника связаны с поздним этапом мощинской культуры.

Елшинское городище впервые описано в 1827 г. учителем рязанской гимназии Д. Воздвиженским. В 1928 г. небольшие исследования на памятнике проводились М.А. Розановой, а в 1929 г. Н.П. Милоновым. В 1986 г. В.П. Челяпов осмотрел городище и рядом с ним выявил неукрепленное поселение (Челяпов, 1986; АКР, 1996). На городище представлены сильно гумусированный слой мощностью 0,3-1,1 м; керамика лепная преимущественно баночной и горшковидной формы с рогожными и сетчатыми отпечатками на внешней поверхности (городецкой культуры), гончарная древнерусская с линейным и волнистым орнаментом, костяные изделия – проколка и нож, глиняные пряслица (Воздвиженский, 1827; Любомудров, 1874. № 1; Мансуров, 1937. С. 223-227; Монгайт, 1961. С. 57; Смирнов, Трубникова, 1965. С. 30. № 48; Челяпов, 1986. Л. 29; АКР, 1996. С. 69-70). Состав найденной на селище керамики идентичен находкам с городища, что позволило В.П. Челяпову предположить, что оба памятника представляли собой единое поселение, часть которого была укреплена (Челяпов, 1986. Л. 30; АКР, 1996. С. 69-70) (рис. 2).

Что касается Пронского городища, то первые раскопки на нем были проведены еще в конце XIX в.; в 1925, 1928-1930, 1947 изучение его продолжил Н.П. Милонов, выявивший слои XII-VII вв. (Монгайт, 1961. С. 207-212; Милонов, 1928; 1931; 1947; 1949; 1950). В восточной части памятника в 1969-1971 гг. при исследованиях М.В. Фехнер зафиксирован нижний, сильно гумусированный предматериковый слой мощностью 30-60 см, содержащий фрагменты лепной рогожной и лощеной керамики, ручку чернолощеного сосуда в виде фигурки медведя, глиняные лощеные биконические пряслица, штамп из лосиной кости для нанесения орнамента, фрагмент плоской бронзовой схематической антропоморфной фигурки, ажурную прямоугольную подвеску-цепедержатель с выемчатой эмалью, железный наконечник стрелы, а также крупную костяную трапециевидную подвеску с прорезным орнаментом. Эти находки отнесены к горо-

децкой культуре (Мальм, Фехнер, 1974. С. 195. Рис. 2; АКР, 1996. С. 61-62). Анализ этой коллекции в фондах ГИМ позволил выделить вещи, которые с уверенностью можно связать с древностями мощинской культуры. Это фрагменты лепной лощеной посуды, множество характерных усечено-биконических лощеных пряслиц с большим отверстием, цепедержатель, украшенный выемчатой эмалью.

Таким образом, особый этнографический узор, представленный комплексом украшений Елшинского клада с аналогами в древностях поздней фазы мощинской культуры, и находки на Пронском городище позволяют предполагать существование в верховьях р. Прони отдельной группировки мощинского населения, обитавшего здесь как минимум на протяжении всей третьей четверти I тыс. н.э. Состав Елшинского и Картавецовского кладов, несмотря на наличие в первом предметов, сближающих его с синхронными «днепровскими» кладами I группы, позволяет выделить эти комплексы в особую группу.

На фоне основной части предметов Елшинского клада резко выделяются медальоны. Судя по составу металла и технологии изготовления, вместе с ними необходимо рассматривать и перстень с круглым щитком и припаянной дужкой.

Медальон 1 (рис. 2, 1).

Медальон имеет круглую форму, в центре помещено стилизованное изображение львиной морды анфас. Хорошо читаются грива, миндалевидные глаза и нос, слегка деформированный в процессе использования предмета. Пасть различается хуже, но можно предположить, что она открыта: есть намек на высунутый язык; возможно, в уголках пасти показаны выступающие вверх клыки. Уши приострены кверху, в нижней части видны детали в виде колечка, которые могут быть трактованы и как изображение мочки уха, и как воспроизведение серег в виде кольца. По краю предмет украшен бордюром из полушарных выпуклостей.

Медальон изготовлен методом прессовки на матрице, на оборотной стороне есть следы заполнения свинцово-оловянной массой, которая служила припоем для пластинчатого колечка, при помощи которого предмет крепился на одежду, ременные гарнитуры или другие предметы. При визуальном осмотре лицевая сторона производит впечатление позолоченной, однако анализ показал, что предмет изготовлен из сплава меди и цинка. На разрушенных краях поверх-

ности прослеживается значительная примесь свинца из заполнения медальона. Пластинчатая петля для крепления изготовлена из сплава меди с небольшим количеством цинка и свинца; заполнение оборота медальона – из сплава свинца с оловом, где свинец составляет чуть более 75 процентов от общего количества².

Размеры медальона: 26,2-27,1 мм, высота 6 мм, толщина 0,3 мм; ширина петли 3,8 мм, диаметр 6 мм, толщина около 0,3 мм.

Медальон 2 (рис. 2, 2).

Первоначально также имел круглую форму. Изображение на нем по схеме чрезвычайно близко описанному выше, но изделие изготовлено, вероятно, на другой матрице. Изображение существенно деформировано и потерто в процессе использования вещи в древности. Грива льва показана более округлыми фигурами, несколько иначе смоделированы уши, подбородок изображен при помощи миндалевидных выпуклостей. Медальон сплюснен, края его с трещинами и обломаны. Заполнение утрачено, в углублениях полушарных выпуклостей есть следы свинцово-оловянного сплава. Видимо, после утраты ушка медальон крепился при помощи сквозных отверстий, пробитых с обратной стороны. Наиболее раннее из них находится на правой стороне медальона (если смотреть с лицевой стороны) на боковой поверхности (1,8x2,6 мм), еще 4 пробиты изнутри на полушарных выпуклостях, расположенных вокруг изображения. Небольшое отверстие (2x1,7 мм) над головой льва, возможно, стало результатом повреждения. Еще одно отверстие диаметром 2,2 мм сверху слева от изображения имеет поднятые вертикально края, и явно было пробито изнутри. Еще более выразительны следы грубой пробивки – с рваными краями, у отверстий больших размеров (3,3x3,4 мм; 3,3x2,7 мм), расположенных снизу слева и сверху справа от изображения. Медальон изготовлен из сплава меди и цинка с небольшим количеством свинца, который мог происходить из несохранившегося заполнения медальона.

Размеры медальона: 30,7x27 мм, толщина – 0,3 мм.

В близкой технике изготовлен перстень (рис. 2, 3). Пластинчатый щиток с невысоким косым бортиком залит внутри свинцово-оловянным сплавом. На поверхности видны следы

изображения вдавленными линиями, в котором отдаленно угадываются очертания антропоморфной фигуры. Рядом с «головой» нанесена серия более глубоких косых вдавлений, которые могли быть результатом повреждений при использовании перстня, либо имитацией надписи. Но подтверждения этому пока нет. Вместе с тем не следует исключать и того, что «изображение» могло образоваться в результате повреждений при использовании перстня.

Дужка перстня, закрепленная в заполнении щитка, изготовлена из пластинки из сплава меди с цинком с небольшим количеством свинца. Щиток выполнен из сплава меди и цинка с небольшими примесями свинца, олова и серебра. Его заполнение состоит из сплава свинца с оловом, где свинец составляет три четверти от общего количества, с незначительными примесями меди и свинца. Размеры щитка 17,7x18,3 мм, высота 2,8 мм; ширина дужки 2,2-2,3 мм, высота 13 мм.

Поиск аналогов описываемым находкам привел к раннесредневековым среднеазиатским древностям³. В первую очередь необходимо указать на серебряный медальон диаметром 3,4 см с городища раннесредневекового Пенджикента в Центральном Таджикистане. По размерам, характеру изображения и технике изготовления он чрезвычайно близок описанным выше медальонам. Личина львоподобного существа здесь так же окружена полушарными выпуклостями. По предположению исследователей, этот медальон мог использоваться в качестве накладки для центральной части сосуда – «серебряной чаши», и может быть датирован V–VI вв. (рис. 3, 2) (Древности Таджикистана, 1985. С. 208. Кат. 531; Маршак, 1971. С. 105. Рис. 33; Распопова, 1980. С. 122. Рис. 80, 1).

В той же технике изготовлен медальон диаметром 4,5 см (рис. 3, 4) из могильника Лангари Ходжиен середины I тыс. н.э. в Северном Таджикистане. Он изготовлен из листовой меди и содержит изображение крылатого «божества» в высоком головном уборе, увенчанном полумесяцем, и ожерельем или украшениями ворота одежды, переданными рядами выпуклостей. По бокам изображения – имитации надписи. По краю медальон украшен рядом полушарных выпуклостей-перлов (Древности Таджикистана, 1985. С. 149, 152. Кат. 417).

² Результаты анализов и их интерпретация содержатся в Приложении, любезно подготовленном И.А. Сапрыкиной.

³ Автор выражает искреннюю благодарность А. И. Торгоеву и А.В. Комару за помощь, оказанную при поиске аналогов медальонам.

О возможности изготовления подобных предметов в Согде свидетельствует находка в Пенджикенте бронзовой матрицы диаметром 3 см, использовавшейся для выколотки круглых бляшек с изображением львиной морды, окруженной полушарными выпуклостями. Ее датируют серединой VIII в. н.э. (рис. 3, 3) (Древности Таджикистана, 1985. С. 208-209. Кат. 532; Распопова, 1980. С. 47, 48. Рис. 34, 2).

В Пенджикенте на привратном участке второго храма (объект II) найдена круглая глиняная маска-налеп в виде Кирттимукхи, которая в древности могла быть размещена на воротах (рис. 4, 2). Подобная маска изображена и над входом в замок на росписи, изображающей игру в нарды в помещении 13 объекта VI (Беленицкий, Пиотровский, 1959. Табл. XIII, XV, XXXVII, 1) (вкл. V, рис. 5, 1). Такие же маски диаметром 10-15 см найдены на городищах Фаяз-Тепа, Хайрабад-тепа (Альбаум, 1975. Рис. 23, 24) и др. (рис. 4, 8, 9). Известны случаи помещения изображений Кирттимукхи на керамические оссуарии и сосуды (Распопова, 1980. С. 122. Рис. 80, 2) (рис. 4, 3-7). В Пенджикенте в напластованиях VI–начала VII вв. найден и фрагмент штампа для изготовления терракотовых изображений. Оттиски подобных штампов известны в поздних слоях Пенджикента (Маршак, 1964. Рис. 5, 6; 2012. С. 180-181) (рис. 4, 1). Сосуды с изображениями Кирттимукхи в эпоху раннего средневековья считают наиболее характерными для Согды, однако встречаются они и на сопредельных территориях – в Афганистане и Восточном Туркестане (Мончадская, 1960).

К изображениям Кирттимукхи, возможно, следует отнести образы на дисках или «щитах», фрагментарно сохранившихся на парадных росписях помещения I (т.н. Зал послов) во «дворце Вархумана» на городище Афрасиаб, в составе композиции из древков «бунчуков» (западная стена, деталь 5) (вкл. VI, рис. 7) (Альбаум, 1975. С. 75-79. Рис. 22. Табл. XLI).

Изображения на медальонах из Пенджикента и из Елшинского клада находят аналоги и на других категориях предметов. Медальон с таким изображением помещен в центр серебряной позолоченной чаши из коллекции Строгановых, украшенной сценами венчания царя и свадебного пира (рис. 3, 1) (Смирнов, 1909. Табл. XXXVIII, 67; Тревер, 1940. С. 81-87. Табл. 18).

Иконография образа Кирттимукхи в согдийской пластике достаточно разнообразна. В некоторых случаях лики ближе к изображениям

льва, либо хищных кошек, иногда же в них преобладают антропоморфные черты. Большинство изображений с высунутым языком и бордюром из полушарных выпуклостей, но иногда обе эти детали отсутствуют. Медальон 1 по изобразительной схеме близок налепу на оссуарий из Пенджикента (рис. 4, 3). Личина на медальоне 2 чрезвычайно близка оттиску штампа на фрагменте сосуда из Афрасиаба (рис. 4, 7).

Судя по всему, первой этот образ как изображение Кирттимукхи определила К.В. Тревер. Исследуя памятники греко-бактрийского искусства в собрании Государственного Эрмитажа и анализируя упомянутую выше чашу, она писала: «На деле, это Кирттимукха, о котором в индийском предании рассказывается следующее. В минуту гнева бога Шивы из головы его выскочило (между бровями) и бросилось на обидчика (гонца царя демонов) страшное существо, рычавшее как гром, с лицом льва, с высунутым языком, огневными глазами и вздыбившимися волосами. Шива внял мольбам уstraшенного гонца и удержал грозное чудовище и, когда оно заявило о своем голоде, велел ему съесть свои ноги и руки, что оно и сделало. Осталось только лицо, которому Шива и дал имя «Кирттимукха», т.е. «прославленный лик» и велел ему находиться у ворот. Изображение Кирттимукха сначала помещали над входом в храм Шивы, а позднее и на капителях колонн.» (Тревер, 1940. С. 82-83).

Образ Кирттимукхи был распространен в Центральной Азии и Индии (находки в Хотане, Бамиане, Афрасиабе). По мнению К.В. Тревер, изображение в центре чаши должно было отвращать «...дурной глаз и вообще всякое зло...» от ее обладателей, которым она могла быть преподнесена в качестве свадебного подарка как одна из двух дхишан – чаш для сомы, символов вселенной, в которую наливает божественный напиток одна из ипостастей богини-матери в пантеоне Ригvedы богиня Дхишана (Тревер, 1940. С. 73-74, 82-83).

Сюжет о Шиве и Кирттимукхе описан в Сканде-Пуране и связан с борьбой Шивы с Джаландхарой, сыном Владыки рек, Океана и божественной Гангой, воплощением гнева Шивы, созданным, чтобы покарать царя богов Индру, возжелавшего сравняться с Шивой «отвагой и могуществом в битве». Выполняя свое предназначение, Джаландхара требует у Индры вернуть напиток бессмертия – амриту, некогда добытую пахтанием Океана богами и асурами. Индра отвечает отказом и Джаландхара во гла-

ве несметного войска асуров вступает в битву с богами. Одержав победу, он воцарился в городе богов, но, возгордившись, решил потребовать у предавшемуся аскетизму Шивы власть, его божественную супругу – Парвати, а так же их сыновей – Сканду и Ганешу. С этими требованиями, исполнение которых должно было дать ему власть над миром, Джаландхара посылает к Шиве демона Раху. В наиболее принятой версии мифа Раху не получает ответа от Шивы (русскоязычное переложение сказания о Джаландхаре – Темкин, Эрман, 1982. С. 199-214). В другой версии Шива в приступе гнева создает свою эманацию в виде страшного существа, получеловека-полульва, появившегося из пятна между бровями Шивы – духовного «третьего глаза» (*ājñā-cakra*, «*The Lotus of Command*»), которое должно было пожрать Раху. Устрашенный Раху просит пощады у Шивы, в результате чего лишенное пищи порождение гнева Шивы по приказу создателя, явно находившего ситуацию забавной, вынуждено было пожирать себя. Затем Шива милостиво даровал ему бессмертие, дал имя – Кирттимукуха – «Лик Славы» – и велел находиться у его двери, а тот же, кто будет им пренебрегать, лишится благодати Шивы.

Эпизод с Кирттимукухой и Раху содержится только в одном из вариантов сказания VII в., что, возможно, свидетельствует о позднем включении этого сюжета в общую канву предания (*Skānda Purāna*, Vol. II. *Viṣṇukānda*, *Kārttikamāsa Mahātmya*, Chapter 17 in: *Pūram*, 1920. P. 11-19.). К этому времени относится и единственное пока найденное автором раннесредневековое индийское изображение Шивы с личиной, которую можно предположительно связать с Кирттимукухой. Оно происходит из Шамаладжи (штат Гуджарат) и датируется VI в. (рис. 8) (Тюляев, 1988. Илл. 248). Шива изображен с нимбом вокруг головы, у него четыре руки: правая задняя держит трезубец, правая передняя – четки, левая задняя – змею; левой передней рукой божество опирается на левое бедро, в нижней части которого размещена личина. Сзади стоит бык Нанди, выглядывающий из-за Шивы справа. Возможно, этот редкий иконографический вариант изображения Шивы может быть связан с рассматриваемым нами сюжетом. В различных версиях этого сюжета змея, вахана Шивы – бык Нанди и Кирттимукуха – непосредственные участники сцены приема Шивой демона Раху с посланием от Джаландхары.

Этот замечательный памятник относится к гуптскому искусству и, вероятно, отражает ситуацию в государстве Гуптов в эпоху сложения индуизма, расцвет которого приходится уже на постгуптское время. Цари династии Гуптов были вишнуитами, поклонялись Кришне, Дурге, Шиве, Картикее (Сканде), божеству солнца Сурье, одновременно покровительствуя буддизму, северное течение которого, махаяна, близко индуизму. Северными соседями и главными врагами Гуптов во второй половине V–начале VI вв. были эфталиты, государство которых в это время простирается от Хорезма на севере, Восточного Туркестана на востоке и до Кашмира на юге. Возможно, в это время сюжет о Кирттимукухе и распространился в Согде, Бактрии и на территориях Восточного Туркестана – Куче, Хотане, Карашаре.

Сам сюжет и анализ образа Кирттимукухи подробно рассмотрен Г.Р. Зиммером. Этот выдающийся исследователь особое внимание обращает на вселенский характер конфликта между Шивой и Джаландхарой, важность участия в нем Раху – пожирающего солнце и луну демона. Он рассматривает и значение образа Кирттимукухи для культуры индуизма, который первоначально был «специальной эмблемой», воплощением Шивы и обязательным элементом декора храмов, посвященных этому богу. Позже он становится обычным для индуистских святилиц и вплоть до настоящего времени широко используется в декоре храмов как в традиционном образе, так и во вторичной усложненной версии – Кала-Макара (Zimmer, 1989. P. 175-184; так же см.: Campbell, 1988. V).

Исследователи предполагают близость архетипа этого образа символам в других культурах. Это изображения Горгоны в ее ранней версии, Беса в средиземноморской, тао-те в китайской традиции, личины монстра в искусстве нивхов, нанайцев, ульчей и айнов, сисутля у индейцев квакиутль в Канаде, а так же серий изображений личин-монстров в Мезоамерике и Центральном Андах: «челюсти неба» и другие варианты изображений в цивилизациях чавин и викус, в изобразительном искусстве сапотеков. Иногда этот символ считают чрезвычайно древним, восходящим «...к первобытной традиции, по-видимому, общей для всех тихоокеанских народов.» (Березкин, 2009). Но следует заметить, что в предметах искусства и Раху, и Кирттимукухи изображались в виде одной головы, поэтому некоторые исследователи смешивают эти персонажи.

Предлагаются и другие варианты толкования происхождения образа Кирттимукхи. Я.В. Васильков предполагает его глубокую архаичность, сопоставляя этот образ с «маской гнева» или «гримасой гнева» в древнем искусстве, отражавшими мотивы «эпической ярости» в героических эпосах. Они известны на могильных и мемориальных изваяниях скифского времени. Подобные изображения использовались и как апотропеи, отпугивающие злых духов и отвращающие беду. В скифской традиции с такими оберегами соотносятся бляшки с изображениями оскалившегося кошачьего хищника, а также Горгоны или Геракла. В качестве оберега на украшениях одежды, в том числе на пряжках поясов, изображения Кирттимукхи использовались в Индии. Однако наиболее ранним явлением исследователь считает практику установки мемориальных столбов или стел с изображениями Кирттимукхи, зачастую воздвигнутых в память героев, погибших в битвах за скот в скотоводческих районах Индии. Самые ранние из таких стел найдены в Тамилнаду на юге Индии и датируются III в. н.э. Я.В. Васильков считает, что легенда в Сканде-Пуране не дает удовлетворительного ответа на вопрос о соотношении самого понятия «Кирттимукха» – «лик славы» и возникновения этого существа из «пламенного гнева Шивы». Он считает этот сюжет поздним мифом, который должен был «... объяснить происхождение распространенного мотива, подлинный смысл которого к этому времени был уже забыт». Исследователь предполагает, что истоки этого явления связаны с первой волной индоариев – воинственных скотоводов эпохи бронзы, принесших с собой с севера культ почитания героев, отголоски которого прослеживаются и в культуре архаической Греции, и в древностях Великой степи северной части Евразии (Васильков, 2007). Для нашей темы важна констатация древности этого образа и использование предметов с его изображением в качестве личного апотропея.

Могли ли медальоны с изображением Кирттимукхи использовать в качестве личных оберегов-апотропеев в раннесредневековом Согде аналогично обычаю, указанному Я.В. Васильковым для древностей Индии? В.И. Распопова считает, что серебряный медальон из Пенджикента могли использовать как оберег (Распопова, 1980. С. 122-123). На существование такой практики могут указывать и детали убора двух деревянных статуэток танцовщиц, также найденных в Пенджи-

кенте. У каждой из них на левой стороне груди, на перевязи с украшениями, помещен медальон с личиной, которую авторы публикации определяют как «рельефную полузвериную – получеловеческую маску» (Скульптура и живопись..., 1959. XL и XLI) (рис. 6). Возможно, изображение такого оберега располагалось на груди божественного всадника в росписи помещения 10 храма I в Пенджикенте (исследования 1976 г.), представленной на экспозиции Государственного Эрмитажа (вкл. V, рис. 5, 2). К сожалению, роспись сохранилась не полностью.

Характер крепления на оборотной стороне медальонов из Елшинского клада также указывает на возможность ношения их на одежде или деталях убора. В одном случае это пластинчатая петля, в другом в связи с утратой крепления медальон нашивался через отверстия, пробитые в бортике.

Судя по всему, использование подобных оберегов в Восточном Туркестане, Бактрии и Согде, действительно, могло быть связано с проникновением элементов культа Шивы, которые, по мнению исследователей, преломлялись в сложном комплексе религиозных представлений согдийцев (Беленицкий, Маршак, 1976. С. 78-79). Вероятно, широкое распространение образа Кирттимукхи как оберега могло быть связано и с давними традициями использования изображений оскалившегося хищника, в том числе и в качестве оберега-апотропея, в среде ираноязычного населения Средней Азии и степной зоны Восточной Европы. В сопредельных регионах Афганистана (Бамиан) и Восточного Туркестана (Куча, Хотан) обереги в виде Кирттимукхи выполнялись в несколько иных изобразительных традициях (рис. 9).

Состав металла в некоторой степени также подтверждает предположение о среднеазиатском происхождении публикуемых вещей. Они изготовлены из свинцовой латуни, состав микропримесей в свинцово-оловянном сплаве в заполнении медальона 1 и щитке перстня идентичен набору микропримесей в сплаве, из которого изготовлен этот медальон. Присадки ртути и хрома, по мнению И.А. Сапрыкиной, достаточно характерны для цинкосодержащих сплавов раннего железного века из районов Восточной Анатолии, Северного Ирака, Южного Закавказья и Западного Ирана. Присутствие хрома, ртути, сурьмы характерно и для месторождений Южной Ферганы, разрабатывавшихся и в раннем средневековье (Приложение).

Были проведены и анализы состава металла близких по технологии изготовления (прессовка, заливка свинцово-оловянным сплавом) предметов, выполненных в «геральдическом» стиле, и деталей женских украшений из свинцово-оловянного сплава из Елшинского клада. Они показали принципиальное отличие сплавов: в составе металла бляшек выявлено большое количество серебра, а в свинцово-оловянных сплавах присутствует большее количество олова, нежели в публикуемых находках, что свидетельствует об ином происхождении этих вещей. Возможно, дальнейшая разработка этого направления исследований позволит конкретизировать наши предположения.

Появление рассмотренных вещей в правобережье Средней Оки обусловлено, очевидно, контактами со степным населением, в культуре которого заметно влияние Согда (в частности, см. азиатскую часть Перещепинского клада). В конце VI–первой половине VII вв. в составе погребальных комплексов рязанских финнов наблюдается увеличение количества импортов, связанных, в основном, с предметами воинского обихода – поясные наборы «геральдического» облика, мечи, уздечные наборы и стремена, обкладки седел с антропоморфными и зооморфными изображениями. В 30 км к югу от Пронска, в Арцыбашево, было исследовано погребение знатного кочевника, инвентарь которого явля-

ется эталонным для кочевнических погребений горизонта Уч-Тепе – Арцыбашево. Следует отметить, что именно по р. Проня и ее притокам реконструируется участок пути, связывавшего Среднее Поочье с Доном (Ахмедов, 2010. С. 14-16). Детали поясных гарнитур «геральдического» облика, фрагменты обкладок ножен мечей и D-образных накладок для крепления портупейных ремней есть и в составе Елшинского клада. Часть из них явно представляли собой запас сырья и хранились в виде лома или находились во вторичном использовании. Возможно, и медальоны с изображением Кирттимукхи могли рассматриваться владельцем клада как сырье.

Аналогов перстню найти пока не удалось, хотя в целом он близок бронзовым перстням с напаянным щитком из Пенджикента (Распопова, 1980. С. 114-116. Рис. 77, 16). Технология их изготовления подробно не описана, но состав сплавов металлов, из которых сделан елшинский перстень, указывает на возможность поиска аналогов ему именно среди среднеазиатских древностей.

В этой статье невозможно подробно рассмотреть даже небольшую часть проблем, которые ставят перед нами находки среднеазиатского происхождения в Елшинском клада. Автор надеется привлечь к ним внимание специалистов, изучающих археологию Средней Азии и Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

I. Akhmedov

“THE FACE OF GLORY”. SOGDIAN FINDINGS FROM THE ELSHINSKY HOARD

The paper focuses on the several findings originated from Central Asia, which derived from the hoard found on the the Elshinskoe hillfort (Pronsky district, Ryazanskaya region). Complex of the items dated mainly from the VII century and referring primarily to antiquities of the Moshinskaya culture, belonged to the representatives of the most eastern group of its population. It also contains numerous artifacts originated from other cultures and characteristic for the Slavic population of Podneprovye, nomadic antiquities of East European steppes.

Three items have Central Asian origins and, perhaps, connected with a range of early medieval Sogdian adornments. Two applique pressed medallions represent images of “Kirttimukha” – a fantastic creature connected with a cult of Shiva. They have close analogies in the Sogdian antiquities of the VI– the beginning of the VII centuries in iconography and technique of execution where suchlike themes were spread as a result of the cultural impulse, linked with the North India. Similar images are also known in the North Afganistan and the East Turkmeni-

stan. In the Asian context these images were used as apotropaions-amulets, protecting their owners. The signet ring with an easily guessed schematic anthropomorphous image could be also referred to the Central Asian artifacts. The Central Asian origins of these findings are confirmed by the provided analyses of alloys they

were made from. The results are presented in the appendix written by I. Saprykina.

The emergence of these artifacts, unique for the antiquities of the East European forest zone, in the Ryazanskaya land is connected by the author with contacts of the local population with nomad tribes of the East European steppes.

Приложение

И.А. Сапрыкина (ИА РАН)

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА СОГДИЙСКИХ НАХОДОК ИЗ ЕЛШИНСКОГО КЛАДА

Химический состав металла двух медальонов и перстня из Елшинского клада, отнесенных к кругу согдийских импортов (Ахмедов, в настоящем сборнике), был исследован на РФА-спектрометре Bruker M1 Mistral, обеспечивающем проведение анализа состава материала музейных предметов неразрушающим методом исследования¹; обработка спектров проводилась на соответствующем программном обеспечении. Ранжирование металлов и сплавов проведено в соответствии с принятой методикой, где порог легирования принят за 1.0% (Ениосова и др., 2008. С. 131. Табл. 2.8).

Для медальона 1 (рис. 2, 1) выполнено 5 анализов: две пробы получены с лицевой стороны тисненой основы, одна проба – для краевой зоны, одна – для оборота, другая – для металла петельки. Тисненная основа медальона изготовлена из тройной латуни (CuZnPb), где содержание цинка зафиксировано на уровне 22.65-23.11%, а свинца не превышает 2% (табл. 1, 1-2). Петелька медальона в соответствии с классификацией металлов и сплавов выполнена из многокомпонентного сплава с содержанием цинка 8.19%, свинца – 4.98% и олова – 1.03% (табл. 1, 4). Однако в данном случае мы можем предположить, что олово, зафиксированное только в металле петельки, не является легирующей добавкой в сплав, а относится, скорее, к микропримесям. Внутреннее заполнение медальона изготовлено из легкоплавкого сплава (PbSn), где содержание свинца составляет 76.49%, а олова – 22.05% (табл. 1, 5).

Анализ краевой зоны на лицевой стороне медальона показал наличие цинка, свинца

и олова в качестве легирующих компонентов сплава (табл. 1, 3), однако вызывает вопросы участок расположения отбора пробы – на краевой части изделия, где тисненный лист лицевого покрытия медальона находится в полуразрушенном состоянии. Наиболее вероятно, что повышенное содержание свинца (30.06%) и олова (8.79%) в результатах анализа, полученных с лицевой стороны медальона, следует отнести к «фону» внутреннего заполнения, частично «выпавшего» на лицевой поверхности по краевой зоне медальона. Таким образом, медальон 1 изготовлен из свинцовой латуни, внутренняя часть его выполнена из свинцово-оловянного сплава.

Для медальона 2 (рис. 2, 2) получено 2 пробы с лицевой и оборотной сторон. Медальон, судя по результатам проведенного анализа, также изготовлен из свинцовой латуни, где содержание цинка составляет 17.6-22.19%, свинца – 1.44-2.35% (табл. 2, 1-2).

Щиток и дужка перстня (рис. 2, 3), для которого так же предполагается среднеазиатское происхождение, выполнены из свинцовой латуни, где содержание цинка варьирует в пределах 11.71-14.89%, свинца – 1.94-3.14% (табл. 3, 1, 3), а внутри щитка находится заполнение из свинцово-оловянного сплава (Pb-75.13, Sn-18.69; табл. 3, 2). Отличительной чертой металла перстня является наличие серебра и олова в концентрациях, превышающих установленный порог в 1.0% (Ag-1.32, Sn-1.47%); отсутствие таких значений в другой пробе, полученной из дужки, позволяет предположить, что серебро и олово,

¹ Анализы выполнены С.А. Авдусиной.

как и другие элементы, чья концентрация ниже 1.0%, относятся к микропримесям.

Таким образом, исследуемые предметы (медальоны 1 и 2, перстень) изготовлены из свинцовой латуни (CuZnPb), где содержание цинка варьирует от 11.71 (табл. 3) до 23.11% (табл. 1); латуни отличаются достаточно низким содержанием свинца (от 1.41 до 4.98%) и относятся к деформируемым. Дополнительные легирующие элементы (к примеру, Pb, As, Sn) снижают растворимость цинка в меди, а наличие в латуни таких элементов как Mn, Fe и др., повышают прочность и твердость латуни, понижая ее пластичность; другие элементы влияют на ее жидкотекучесть, предел пластической деформации и т.д. (Материаловедение..., 2006. С. 315), так что при реконструкции технологии изготовления особенно важна фиксация микроэлементов сплава. В нашем случае в металле исследованных образцов на Bruker M1 было зафиксировано присутствие значительного количества элементов, относящихся по своему процентному содержанию к микропримесям: Fe, Ni, As, Ag, Sb, Sn, Pb, Bi, Cr, Hg, Mn, Au, Co; практически идентичный набор микропримесей зафиксирован в свинцово-оловянном сплаве, из которого изготовлены заполнения в оборотной стороне медальона 1 и в щитке перстня. Здесь, помимо набора стандартных примесей, часто фиксируемых в археологическом металле, удалось установить наличие довольно редких для латуней примесей Hg и Cr, что требует дополнительного объяснения.

Редкость их фиксации в археологическом металле приводит к тому, что необходимая сравнительная база данных, в частности, по микропримесям металла раннесредневекового

периода, отсутствует. По публикациям известно, что присадки хрома были зафиксированы в цинкосодержащих сплавах из состава урартского клада (головы быков), металл которых авторы исследования соотносят с регионом Восточной Анатолии, Северного Ирака, Южного Кавказа и Западного Ирана, где с I тыс. до н.э. началось целенаправленное получение сплавов с цинком (Thornton, 2007. P. 129). К этому же району тяготеют известные медные и ртутно-сурьмяные месторождения, расположенные в Южной Фергане, разработка которых, судя по специальным исследованиям, относится к античному-раннесредневековому периоду (Работы южно-ферганской партии..., 1927. С.507; Рузанов, 2002. С.79).

В заключение необходимо сказать, что стабильно высокое содержание цинка в анализируемых сплавах, низкий уровень присутствия свинца, отсутствие других легирующих компонентов косвенно указывает на то, что для изготовления медальонов и перстней использовался сплав т.н. «первой плавки», что выделяет рассматриваемые предметы на фоне латунных изделий из известных кладов раннесредневекового времени. Наличие в металле исследованных предметов хрома и ртути (особенно, связки ртути-сурьма) косвенно указывает на возможное их происхождение из металла, циркулировавшего на территории Малой Азии, Южного Кавказа и современного Узбекистана². Это предположение не противоречит имеющимся данным, свидетельствующим, что для раннесредневекового периода Малая Азия являлась одним из центров изготовления и импорта высокоцинковых латуней (Иерусалимская, 1986. С. 106-109).

Таблица 1. Химический состав металла медальона 1.

Медальон 1	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Ag	Sb	Sn	Pb	Bi	Cr	Hg	Mn	Au
Лицо (1)	0.12	0.18	73.95	23.11	0.16	0.13		0.68	1.66	0.02				
Лицо (2)	0.39	0.36	74.01	22.65		0.2	0.25	0.39	1.41	0.11	0.05	0.07	0.11	
Край (3)	0.23	0.13	47.3	12.86	0.25	0.1	0.19	8.79	30.06	0.03	0.02	0.03	0.02	
Петля (4)	0.27	0.13	85.29	8.19		0.1		1.03	4.98				0.01	
Внутри (5)	0.13	0.02	0.37	0.04		0.05	0.52	22.05	76.49	0.01	0.07	0.14	0.05	0.07

² Мы понимаем, что данное утверждение может рассматриваться только в качестве рабочей версии и требует проверки специальными методами, в частности, масс-спектрометрическим исследованием.

Таблица 2. Химический состав медальона 2.

Медальон 2	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Ag	Sb	Sn	Pb	Bi	Cr	Mn	Co
Лицо (1)	0.2	0.16	79.01	17.6		0.11		0.54	2.35				0.02
Оборот (2)	0.55	0.35	74.49	22.12	0.16	0.09	0.31	0.37	1.44	0.03	0.02	0.06	

Таблица 3. Химический состав металла перстня.

Перстень	Fe	Ni	Cu	Zn	Ag	Sb	Sn	Pb	Cr	Hg	Mn	Au
Щиток (1)	0.35	0.27	82.65	11.71	1.32	0.17	1.47	1.94	0.03	0.02	0.05	0.02
Заполнение щитка (2)	2.49		1.73	0.61		1.34	18.69	75.13				
Дужка (3)	0.51	0.24	80.29	14.82	0.12		0.88	3.14				

I. Saprykina

THE CHEMICAL COMPOSITION OF METAL OF THE SOGDIAN FINDINGS FROM THE ELSHINSKY HOARD

The chemical composition of metal of the two medallions and the signet ring from the hoard found on the Elshinskoe (Chortovo) hillfort in Ryazanskaya region and concerned to a range of the Sogdian imports, was researched on the XRF-spectrometer Bruker M1 Mistral, providing nondisruptive methods for analyses of material of archeological items.

The conducted research displayed that the artifacts under study are made from plumbic latten (CuZnPb), where the assay of zinc varies from 11.71 to 23.11 %; lattens are notable for sufficiently low assay of lead (from 1.41 to 4.98 %) and refer to strained alloys - the so-called of the

first melt.

The presence of chrome and mercury (especially, combination of mercury and antimony) in the alloys in the composition from which the items under study are made, implicitly points out their possible origin from metal, circulating on the territories of Asia Minor, the South Caucasuses and contemporary Uzbekistan. This hypothesis does not contradict the data testifying that the minor Asia was one of the centers of production and import of high-zincky lattens during the early medieval period.

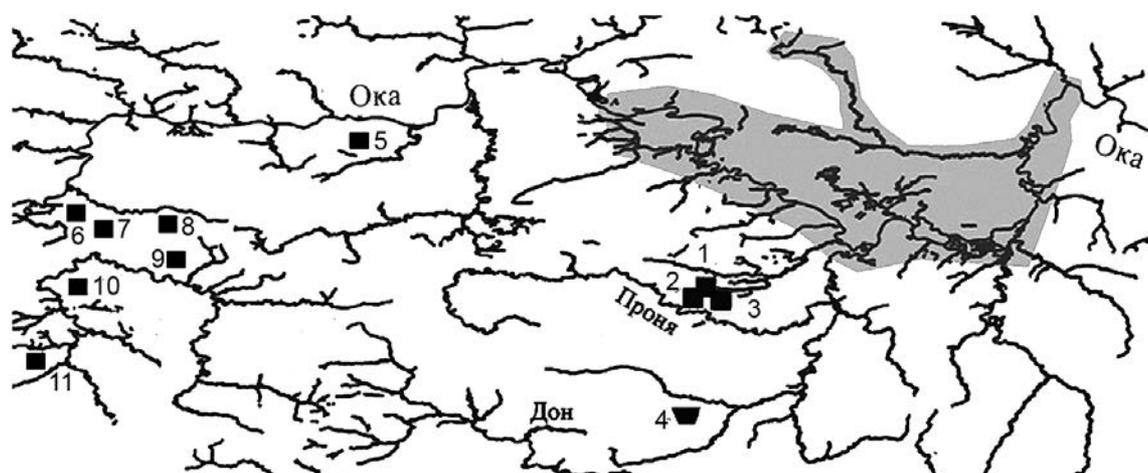

Рис. 1. Место находки Елишинского клада и памятники VII в. на территории среднего течения р. Оки.
 ■ - Ареал культуры рязанских финнов
 Пронская группа памятников: городища: 1 - Елишинское, 2 - Пронское, 3 - Вуколов бугор.
 4 - Погребение знатного кочевника у с. Арзыбашево
 Городища позднего этапа мощинской культуры: 5 - Борисово, 6 - Картавцево, 7 - Сенево, 8 - Ново-Клейменово,
 9 - Щепилово, 10 - Поречье, 11 - Супруты

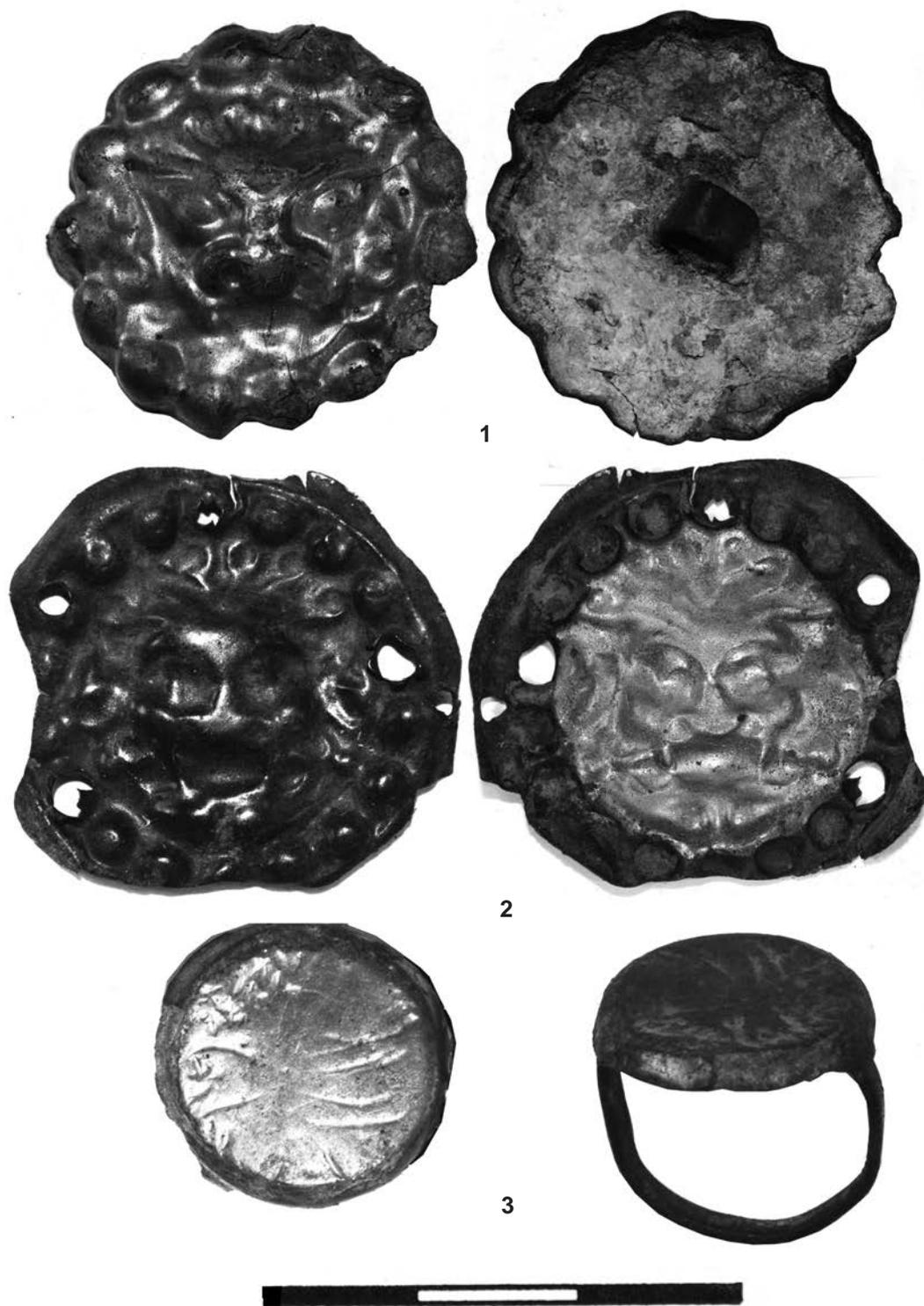

Рис. 2. Находки «согдийского» происхождения из Елишинского клада.

1-2 – медальоны, 3 – перстень.

1, 3 – латунь, свинцово-оловянный сплав; 2 – латунь.

Рис. 3. Параллели медальонам из Елишинского клада.

1(А, Б) – Чаша из коллекции Строгановых. Пермская губ.? (по: Тревер, 1940. Табл. 18); 2 – медальон с изображением «Кирттимукхи». Пенджикент (по: Древности Таджикистана., 1985. Кат. № 417); 3 – матрица с изображением морды льва для тиснения медальонов. Пенджикент (по: Распопова, 1980. Рис. 34, 2); 4 – медальон с изображением божества. Могильник Лангари Ходжиен (по: Древности Таджикистана, 1985. Кат. № 531).

1, 2 – серебро, позолота; 3 – бронза; 4 – медь.

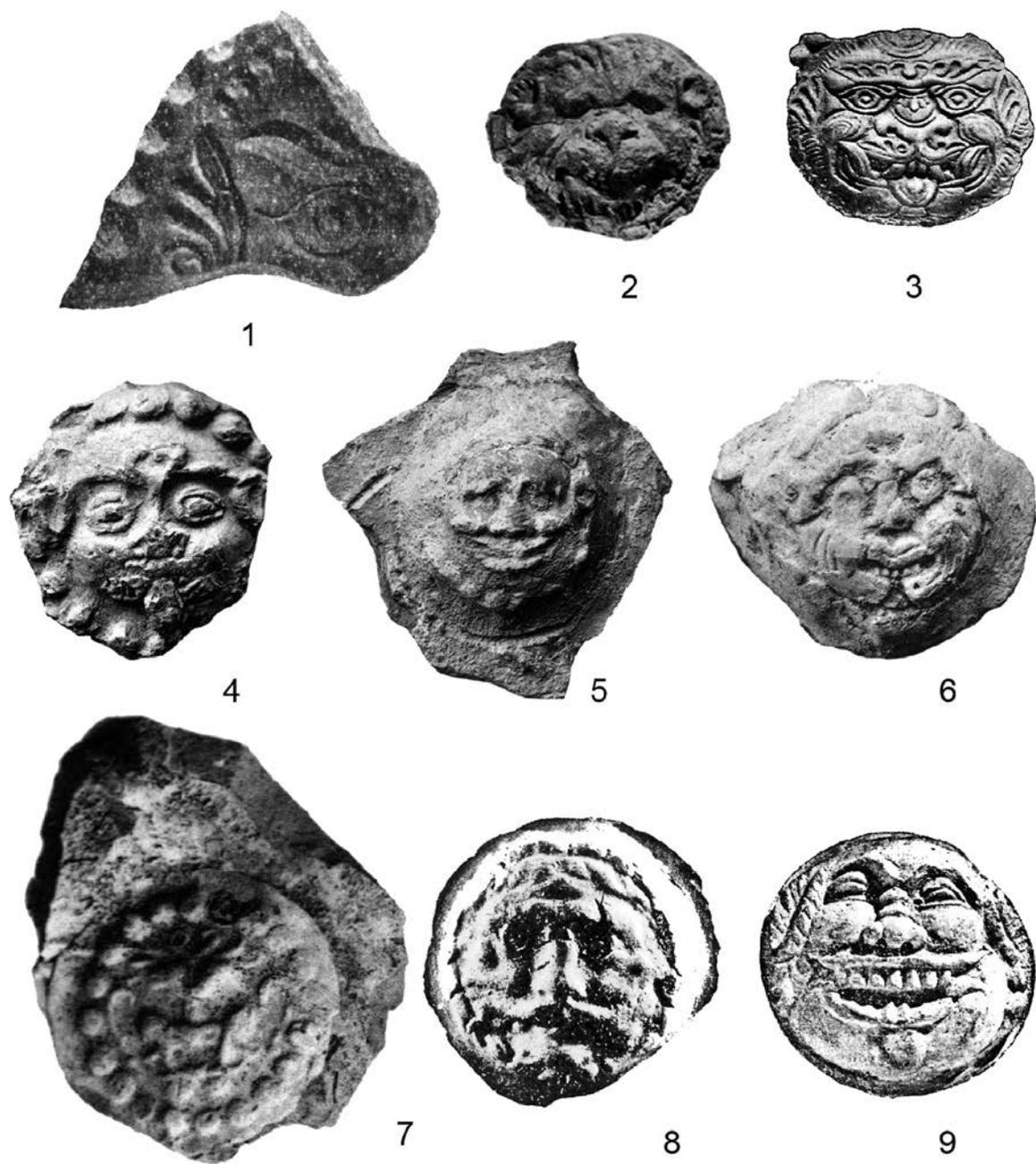

Рис. 4. Керамические изображения Кирттимукхи.

1 – Фрагмент штампа для изготовления налепов с изображением Кирттимукхи. Пенджикент (по Маришак, 1964. Рис. 25, 6); 2 – налеп. Пенджикент (по: Беленицкий, Пиотровский, 1959. Табл. XXXVII, 1); 3 – налеп на оссуарий. Абрасиаб. Коллекция Н.И. Веселовского (по: Распопова, 1980. Рис. 80, 2); 4 – терракота. Абрасиаб (по: Trever, 1934. Pl. IV, 68); 5 – налеп оссуария. Абрасиаб (по: Trever, 1934. P. V, 78); 6 – терракота. Абрасиаб (по: Trever, 1934. P. IV, 69); 7 – фрагмент сосуда. Абрасиаб (по: Trever, 1934. P. V, 77); 8 – налеп. Фаяз-тепа (по: Альбаум, 1975. Рис. 23); 9 – налеп. Хайрабад-тепа (по: Альбаум 1975. Рис. 24).

Рис. 6. Изображения на деревянной пластике Пенджикента.
1-2 – скульптуры танцовщиц №1 и №2. Объект III, помещение 47 (по: Беленицкий, Пиотровский, 1959.
Табл. XL, XLI).

Рис. 8. Статуя Шивы со священным быком и личиной на левом бедре.
По: Тюляев 1988. С. 233. Илл. 248.

Рис. 9. Центральноазиатские изображения Кирттимукхи.
 1 – налп. Грот 1, Бамиан, Афганистан. Музей Гиме, Париж; 2 – маскарон. Куча, Синьцзян. Музей Гиме, Париж;
 3 – фрагмент керамического сосуда. Хотан (по: Тревер, 1940. Табл. 18); 4 – всадник – воин шакья.
 Куча (по: Пещеры тысячи Будд, 2008. Кат. 86а. С. 141).

А.А. Кадиева (ГИМ)

ИЗОБРАЖЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ НА ПРЕДМЕТАХ VIII–IX ВВ. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Период VIII–IX вв. в научной литературе называют эпохой расцвета аланского язычества, который, вероятно, отражал усиление этнического самосознания (Албегова, 2001. С. 88). К выводу об изменениях в культовой сфере древнего населения Северного Кавказа исследователи пришли на основе археологических данных. В рассматриваемый период в кавказских погребениях наблюдается увеличение числа и расширение разнообразия амулетов, а также «вторичное после кобанской эпохи рождение в металле звериного стиля» (Амброз, 1971. С. 130). На сегодняшний день существует несколько работ, посвященных иконографии металлических амулетов салтово-маяцкой культуры (Ковалевская, 1995; Албегова, 2001; Флерова, 2001), однако зооморфные изображения на других категориях предметов этой общности практически не подвергались анализу.

Наряду с реалистическими образами животных и птиц на предметах разного назначения помещали изображения фантастических животных, объединявших в себе отдельные черты тех и других. В литературе за всеми северокавказскими образами фантастических зверей закрепилось название «грифон», однако оно не во всех случаях представляется правомерным. Поэтому в рамках предлагаемой работы под этим термином понимается крылатое существо с птичьей головой и телом хищника. Во всех остальных случаях используется более общий, но в данной ситуации и более точный, термин «фантастическое животное». Следует особо оговорить, что в статье рассматриваются только те изображения, на которых четко видно совмещение птичьих и звериных черт, поскольку представления кавказских мастеров о реальных, но никогда ими не

встречаемых животных (например, львах) могли столь сильно расходиться с оригиналом, что современный исследователь не может идентифицировать изображенного зверя.

Всего на Северном Кавказе нам известно 19 предметов с изображением фантастических существ, которые можно разделить на несколько групп.

Противостоящие птицеголовые грифоны (рис. 1, 1, 2). Встречены единственный раз на лунницах из Галиатского склепа 1935 г., датированного второй–третьей четвертью VIII в. (Кадиева, 2012). Впервые они были опубликованы Е.И. Крупновым (Крупнов, 1940. С. 149. Табл. II, 16), однако поскольку предметы не были отреставрированы, изображения на них исследователем не интерпретированы.

Обе лунницы сделаны из тонкой бронзовой пластины, на которую техникой тиснения нанесено изображение, заключенное в своеобразную «рамку» из приподнятых бортов предмета. С обратной стороны сохранились остатки заполнения – смесь глины со смолой и воском. Здесь же сверху в центре обнаружены частицы свинца, вероятно, остатки припоя крепления. Размеры предметов составляют 6,75х6,3 см.

Обе лунницы содержат одинаковые изображения, частично утраченные, но, к счастью, дополняющие друг друга. В центре находятся два противостоящих птицеголовых грифона с повернутыми друг к другу головами. У обоих существ – длинные изогнутые шеи, два коротких крыла, вырастающие из плеч, звериные тела с когтистыми лапами (изображено две: передняя и задняя), причем у левого зверя четко видны три когтя, а у правого они слились в сплошной полукруг. Голова левого грифона напоминает

орлиную, снабжена мощным изогнутым закрытым клювом, на темечке расположены рога или хохолок. Голова правого существа с таким же клювом, от которого вниз спускается прямая линия. Возможно, таким образом переданы открытая пасть зверя, либо борода, тогда голова этого существа напоминает петушину. На темечке находится изогнутый выступ, обозначающий рога, уши или гребень. На концах лунниц позади грифонов вытиснены распластанные в беге животные, вероятно, относящиеся к семейству псовых – с поджарыми телами, прямыми хвостами и торчащими ушами.

Лунницы были обнаружены около седла, однако еще автор раскопок отметил, что более логично считать их деталями костюма погребенной здесь женщины. Эта точка зрения вполне справедлива, поскольку лунницы широко применялись именно в качестве женских нагрудных и височных украшений на территории Восточной Европы вообще и Кавказа в частности в течение длительного времени.

Галиатские лунницы относятся к типу так называемых «трехрогих», прообразом которых стали пельговидные лунницы, зародившиеся в римское время и бытовавшие в течение всей эпохи Великого переселения народов. Последний всплеск моды на эти украшения исследователи относят к VI–VII вв. (Каргопольцев, Бажан, 1993. С. 119). Но в работе, посвященной трехрогим лунницам Козиевского клада, В.Е. Родинкова (2003. С. 17) предполагает, что период бытования украшений этого типа мог быть и более длительным.

Хотя на Северном Кавказе традиция использования трехрогих лунниц существовала, затухая или вновь возрождаясь, с эпохи Великого переселения народов до XIX в., Галиатский склеп единственный здесь памятник хазарского времени с такими находками.

Подобные лунницы известны в памятниках салтово-маяцкой культуры. В.Е. Флерова полагает, что эти изделия семантически близки символам двузубцев и трезубцев в граффити хазарских городищ (Флерова, 2001. С. 67). Однако материальная культура Хазарского каганата рассматривается ею в совокупности, без учета полиэтничности этого государства. Между тем, маловероятно, что в VIII столетии у аланского и тюркского населения Хазарии были единые религиозные представления и культы. Все известные на сегодняшний день в погребальных комплексах салтовские трехрогие лунницы про-

исходят из катакомб, что позволяет связывать их именно с аланским компонентом культуры. Можно осторожно предположить, что донские аланы заимствовали этот вид украшений у населения лесной и лесостепной зоны, однако этот вопрос выходит за рамки данной статьи.

Образ противостоящих грифонов известен также в позднееримском искусстве (Каргопольцев, Бажан, 1993. С. 116. Рис. 6, 15, 16), но точное повторение галиатской композиции нами не встречено. Вполне возможно, что аланский мастер, познакомившись с инокультурными изображениями, переосмыслил их и включил в близкий ему самому и заказчикам сюжет, известный и понимаемый в аланском мире.

Крылатый зверь с львиным телом и волчьей головой, терзающий рыбу с головой копытного животного (рис. 1, 3, 4). Данному сюжету посвящена отдельная публикация (Кадиева, 2010), поэтому здесь представляется разумным ограничиться кратким его анализом.

Сюжет встречен дважды: в Галиатском склепе 1935 г. и в катакомбе 5 могильника Песчанка. В обоих случаях изображение помещено на поясные наконечники. Размеры галиатского предмета 4,03x2,00 см. Он выполнен в технике тиснения на серебряной пластине, покрытой электровой фольгой и укрепленной снизу тонкой бронзовой пластинкой. Наконечник из Песчанки также тисненный, но на пластине из латуни. Концы его с обеих сторон не оборваны, размеры сохранившейся части 4,1x2,0 см. Возможно, оба наконечника с обратной стороны были заполнены глино-смоляной мастикой, но следы ее не сохранились.

Зверь развернут головой влево, припавшим на передние лапы (изображена только одна). Голова его волчья, с приоткрытой пастью, в которой видны два клыка (верхний и нижний); на наконечнике из Песчанки клыки отсутствуют. Четко прослеживаются глаз и одно прижатое ухо. Над головой виден выступ в виде кольца на стержне, возможно, таким образом переданы рога. Шея волнообразно изогнута. Туловище животного покрыто диагональными вдавленными штрихами. На передней и правой задней лапах видны птичьи когти, левая задняя лапа передана нечетко. Львиный хвост волнообразно изогнут, задран вверх и завершается трехчастной кисточкой. На наконечнике из Песчанки изображение хвоста не сохранилось.

Терзаемое существо с тонкой шеей развернуто головой вправо, мордой к терзающему зве-

рю. Пасть животного раскрыта. Ясно различимы два уха и глаз. Туловище завершается двумя тонкими диагональными штрихами, вероятно, передававшими рыбий хвост. Наконечник из Песчанки оборван прямо по туловищу терзаемого животного, но сохранившаяся часть контура позволяет восстановить его первоначальный облик.

Галиатский наконечник найден на поясе мужского костяка, наконечник из Песчанки завершал пояс женщины. Оба предмета датируются второй–третьей четвертью VIII в.

Аналоги образам описанного выше крылатого зверя следует искать в иранском и среднеазиатском искусстве. С интересующими нас фантастическими животными сходен рогатый зверь с хорезмийской чаши первой половины VIII в., найденной на территории Дагестана (Даркевич, 2009. С. 105. Табл. 25, 6). У этого существа похожим образом переданы изгиб шеи, раскрытая пасть, прижатое ухо и шерсть на подбородке. Передняя нога снабжена копытом, а задняя звериными когтями. Кавказским изображениям близок и зверь с иранского серебряного блюда, найденного у с. Томыз около г. Глазова. В.П. Даркевич датирует его концом VII–первой половиной VIII в. (Даркевич, 2009. С. 65. Табл. I). В обоих случаях звери служат ездовыми животными восседающим на них богиням, и по своей смысловой нагрузке эти изображения явно далеки от кавказского сюжета.

Итак, перед нами еще один случай заимствования инокультурного образа и адаптации его для отражения собственной мифологической картины.

Фантастическое бескрылое животное со звериным телом и птичьей головой на длинной шее (рис. 2). Изображение этого зверя присутствует на латунных бляшках поясного набора из катакомбы 5 могильника Песчанка, к которому относится один из описанных выше наконечников. На ремне было не менее 13 таких бляшек, заполненных с обратной стороны глино-смоляной мастикой с утопленными в ней тремя штифтиками для крепления к кожаной основе. Большинство этих предметов было полностью или частично разрушено. Единственная практически полностью сохранившаяся бляшка была помещена в отчет автором раскопок (Владимиров, 1901. С. 130. Рис. 29).

Бляшки имеют форму полукруга с прямым основанием. Размеры их составляют 2,3х2,3 см. Штифты крепятся в нижних углах и на вершине,

в ряде случаев насквозь пронизывая пластину бляшки. По краю бляшек идет бордюр шириной 0,3 см с тисненым точечным орнаментом.

Внутри бордюра изображено фантастическое животное со звериным телом и птичьей, развернутой вправо, головой на длинной тонкой шее. Длинный клюв имеет как бы два уровня: один (короткий) раскрывается вверх и вниз, а другой, более длинный и тонкий, загибается вниз. Слева от завершения клюва, между головой животного и его телом, помещена еще одна развернутая влево птичья головка с раскрытым клювом. Тело животного звериное с мягкими лапами. Хвост короткий, раздвоенный, один конец его поднят вверх, другой опущен.

По всей видимости, аналогичный сюжет изображен на 8 стеклянных вставках перстней из могильника Мамисондон (Албегова, Верещинский-Байбалов, 2010. С. 92). Здесь с развернутой вправо головой показана повернутая влево фигура птицеголового четвероногого существа (по публикации – грифона). У клюва зверя над его крупом расположено точечное вдавление. Лапы переданы мелкими короткими штрихами. Хвост короткий или вовсе отсутствует, но в одном случае (Албегова, Верещинский-Байбалов, 2010. С. 290. Рис. 179, 1) он раздвоен как на бляшке из Песчанки.

Основа перстней бронзовая. Литики изготовлены из прозрачного стекла бледно-голубого или бледно-зеленого цвета, литик со зверем с раздвоенным хвостом отлит из желтого стекла. Авторы раскопок предположили, что изображение на литиках оттискивали при помощи каменного штампа, которыми в ряде случаев могли служить сасанидские геммы. Об этом свидетельствует близость ряда мамисондонских изображений и образов сасанидской глиптики. Однако параллели описанному сюжету в сасанидском искусстве нам не известны. Все перстни с изображением фантастического животного датируются первой половиной–серединой VIII в.

Схожий с вышеописанными зверь изображен на четырех поясных накладках из катакомбы 2 могильника Хулам (Чеченов, 1987. С. 163. Рис. 33, 20). По-видимому, хуламские бляшки были изготовлены тем же способом, что и галиатский наконечник, но от них сохранилась только золотая фольга-обкладка. Бляшки овальные, окантованы бордюром с тисненым точечным орнаментом (сохранился только фрагмент внизу) и внутри бордюра – орнаментом в виде веревки. Во внутреннем пространстве находится изображение

фантастического животного со звериным телом. Зверь повернут влево, но птичья голова на длинной тонкой шее развернута вправо так, что короткий клюв практически упирается в раздвоенный хвост. Лапы зверя мягкие, изображены три: две передние и одна из задних.

Катакомба, судя по инвентарю, функционировала в течение продолжительного времени, вещи были смещены со своих мест, а потому определить пол обладателя пояса с описанными накладками не представляется возможным.

Происхождение рассматриваемого сюжета неясно, хотя бескрылое фантастическое животное обладает некоторым сходством с изображениями на амулетах донских алан, называемыми «всадниками на грифонах».

Орлиноголовый грифон с гребнем на шее (рис. 4, 1). Это наиболее полно исследованная категория изображений. Орлиноголовый грифон встречен на четырех практически одинаковых пряжках из могильников Дуба-Юрт, Камунта, Лезгора и Кобань, а также на двух наконечниках пояса из катакомбы 3 могильника Даргавс (Аланский всадник, 2005. Кат. 121). Все предметы, кроме двух последних, учтены в типологии поясных наборов Евразии В.Б. Ковалевской, где вошли в отдел IV, тип 2 подтип 3 (Ковалевская, 1979. С. 36). По мнению исследовательницы, пряжки вышли из рук одного мастера.

Пряжка из Дуба-Юрта (Мамаев, Савенко, 1988. Рис. 3, 33) отлита из серебра, остальные – из бронзы. Рамки пряжек узкие овальные, как и язычки, крепятся к пятиугольным со скругленными углами щиткам при помощи шарнира. Крепление к ремню осуществлялось тремя шпеньками. В.Б. Ковалевской приведены размеры трех пряжек: ширина рамки 3,0 см, длина ее 1,7 см, ширина щитка 1,9 см, длина 2,8 см и общая длина пряжки 5,2 см. Здесь же отмечено, что щитки у трех пряжек совершенно одинаковы, а разница в общих размерах этих предметов обусловлена разной величиной их рамок.

Поясные наконечники из Даргавса, выполненные из серебра и покрытые позолотой, имеют пятиугольную форму, идентичную форме щитков описанных пряжек.

Во всех случаях грифон птицеголовый. Клюв четко виден на предметах из Кобани и Лезгора. На остальных голова изображена менее ясно, отчего некоторые исследователи отождествляют это существо с Пегасом. Однако когти на лапах, видные на всех изделиях, не позволяют согласиться с подобной интерпретацией. Львиный

хвост изогнут вверх и завершается кисточкой. По сторонам шеи видны два крыла. Изображение грифона обрамляет орнамент из чередующихся круглых и вытянутых бусин.

А. Хайнрих при публикации одной из таких пряжек, опираясь на мнение Л.Л. Галкина и Б.И. Маршака, сочла происхождение изображения грифона среднеазиатским, а орнамента византийским. При этом наиболее вероятным путем проникновения этих мотивов на Северный Кавказ автор считает Волжский торговый путь, поскольку аналогии кавказским пряжкам встречены также в могильниках Поволжья и Прикамья (Хайнрих, 1995. С. 200). Однако на привлеченных исследовательницей параллелях из Больше-Тиганского могильника (Халикова, 1976. Рис. 4, 8; 12, 2) изображены крылатые кони (четко видны копыта). Эти предметы с рассматриваемыми кавказскими роднит только орнаментальный бордюр. Е.А. Халикова предположила иранское происхождение поволжских сюжетов с грифонами и пегасами.

Не пытаясь окончательно решить вопрос о происхождении образа орлиноголового грифона на Северном Кавказе, следует отметить, что за пределами этого региона аналогичных изображений не встречено, здесь же нам известны шесть предметов с подобным сюжетом. Эти находки происходят из достаточно удаленных друг от друга памятников.

К сожалению, из этой категории автору удалось визуально изучить лишь одну пряжку из Лезгора, а пряжку из Дуба-Юрта и наконечники из Даргавса – по цветным фотографиям. Остальные предметы доступны только в виде рисунков В.Б. Ковалевской и А. Хайнрих. Эти изделия изготовлены из разных материалов (серебро, позолоченное серебро, бронза) и отличаются в деталях, хотя и незначительных, подвергая сомнению, но не отвергая категоричное утверждение В.Б. Ковалевской о том, что они «безусловно, вышли из рук одного мастера» (Ковалевская, 1979. С. 36).

В свете вышеизложенного можно сделать ряд наблюдений. Изображения фантастических животных наносились на различные предметы: детали поясного набора, украшения одежды, перстни, принадлежавшие как мужчинам, так и женщинам, но никогда – детям. При изготовлении этих вещей предпочтение отдавалось металлу желтого цвета – золоту, позолоченному серебру или медным сплавам (только пряжка из Дуба-Юрта отлита из чистого серебра). Обра-

зы фантастических животных встречаются на предметах, происходящих в основном из погребений в склепах и катакомбах, связываемых с аланским этносом, но также обнаружены в ямных погребениях с деревянными конструкциями могильника Мамисондон. Этнокультурная принадлежность оставившего его населения пока не определена.

Интересно, что практически все предметы с изображением фантастических животных происходят из сравнительно компактного региона, ограниченного с запада рекой Налчик, с востока – верховьями реки Ардон. Из этого района выпадает только пряжка из Дуба-Юрта.

В целом очерченная территория укладывается в рамки восточного варианта аланской археологической культуры, выделенного В.А. Кузнецовым (Кузнецов, 1973. С. 64). Возможно, распространение образов фантастических зверей связано с особыми культовыми представлениями населения центральных районов Северного Кавказа, отличных от религиозных воззрений жителей западных и восточных оконечностей Кавказского хребта. Однако учитывая современное состояние изученности материала, делать уверенные выводы преждевременно.

Установить семантическое значение всех описанных изображений на сегодняшний день не представляется возможным. В нартском эпосе, на материалах которого исследователи обычно интерпретируют сюжеты на средневековых кавказских изделиях, не содержится никакой информации о существах, подобных рассматриваемым. Что именно означали изображения фантастических животных на разных

по назначению предметах для их изготовителей и потребителей, точно определить пока нельзя. Быть может, используя изображение грифона в своем искусстве, жители Северного Кавказа восприняли «не мифологическое, а символическое его содержание» (Мацына, 1999. С. 20). Что касается остальных фантастических образов, то они, пусть и не без инокультурного влияния, формировались, вероятно, на Северном Кавказе. Учитывая, что изображения наносились на пояса, перстни и нагрудные украшения, предназначенные для открытого ношения, можно предположить, что предметы с фантастическими существами выполняли роль апотропеев.

Традиция изображения фантастических животных просуществовала на Северном Кавказе около полутора столетия. В предшествующие эпохи подобные изображения не известны (исключение составляют бляшки с изображением крылатых коней с территории Дагестана (Гаджиев, Давудов, 2012. С. 295-298), однако их связь с исследуемыми предметами не прослеживается). В последующее время они также практически не встречаются (исключение составляют рельефы на стенах гробницы на р. Кривой). Вероятно, появление этих образов следует связывать с переживаемым северокавказскими племенами «языческим ренессансом», когда возникла потребность к воспроизведению ранее не находивших отражения в прикладном искусстве мифологических сюжетов. И тогда кавказскими мастерами были использованы инокультурные образы, переработанные в соответствии с близкими мастеру и заказчику мифологическими представлениями.

A. Kadieva

THE IMAGES OF FANTASTIC ANIMALS ON THE ARTIFACTS OF VIII-IX A.D. FROM THE AREA OF NORTH CAUCASUS

The artifacts with the images of fantastic animals were found among the material from North Caucasian burial grounds of VIII-IX A.D. These images could be combined in four groups. The groups are divided in following scenes: confronting bird-headed gryphons; a winged beast with lion's body and wolf's head, torturing a fish with the head of a hoofed animal; a fantastic wingless creature with animal's body and bird's head on the long neck and eagle-headed gryphon with a crest

on the neck. The images of fantastic animals were applied on different artifacts: details of a belt set, closing accessories, rings which belonged both to men and women. The images of fantastic animals are occurring mainly in cryptic and catacombal burials and in pit burials of the Mamisondon burial ground. Practically all artifacts with them are occurred on relatively compact area, limited by the river Nal'chik from the West and by the headstream of the river Ardon from the East.

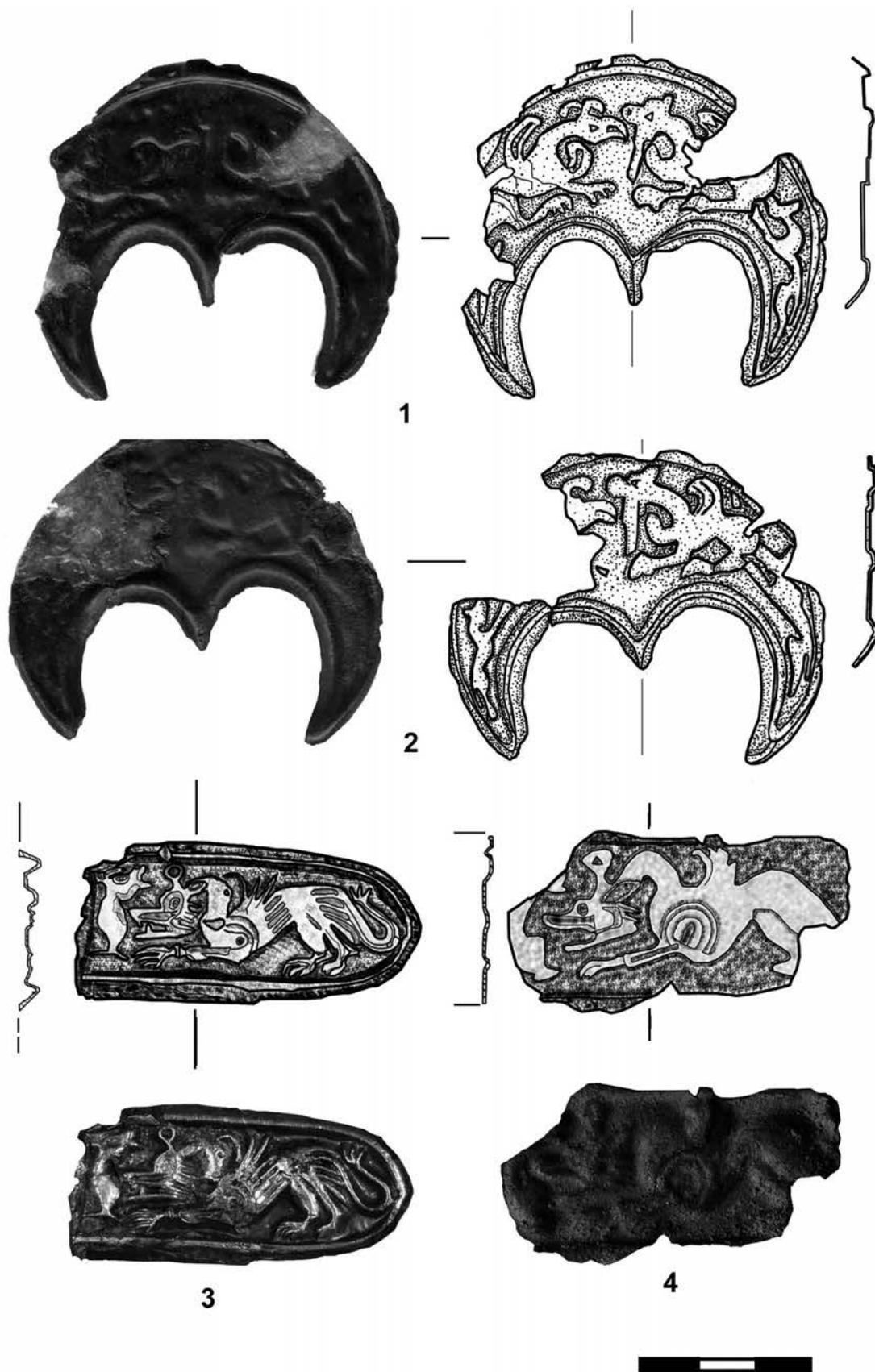

Рис. 1. Изображения птицеголовых грифонов и крылатых зверей.
 1-3 – Галиат, 4 – Песчанка (катакомба 5). 1, 2, 4 – медный сплав, 3 – электр.

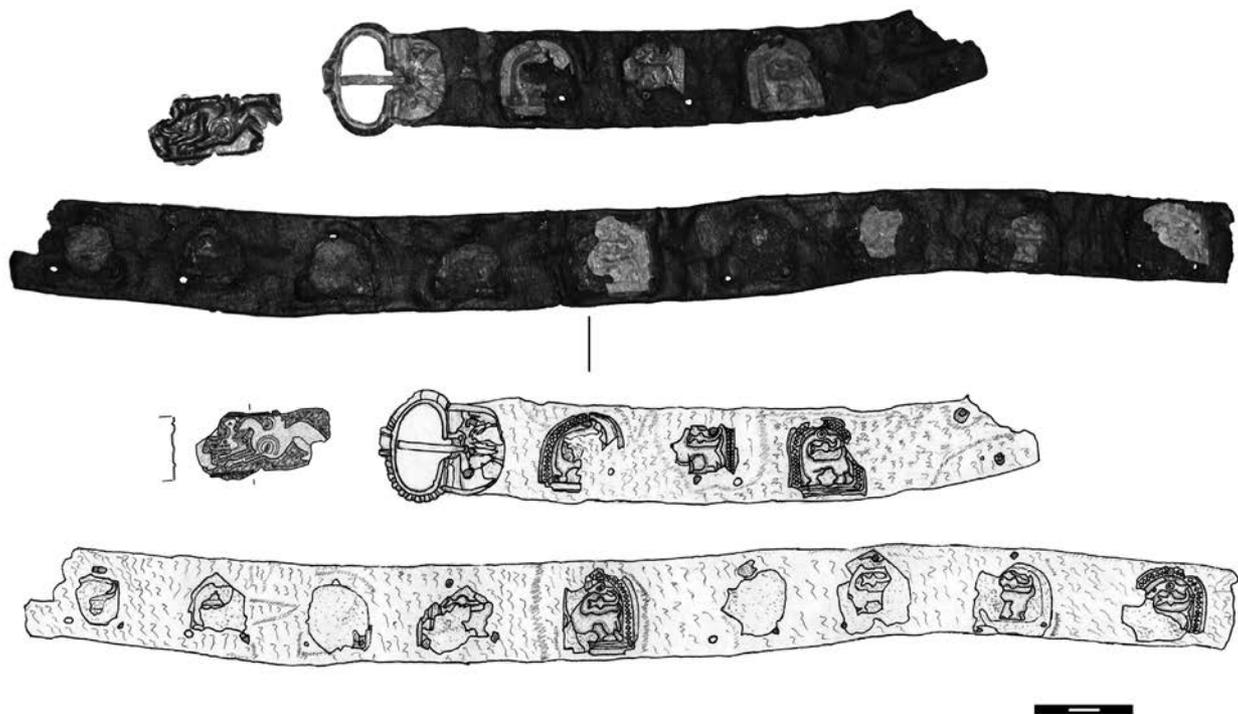

Рис. 2. Изображения на поясном наборе.
Песчанка (катакомба 5). Медный сплав, мастика, кожа.

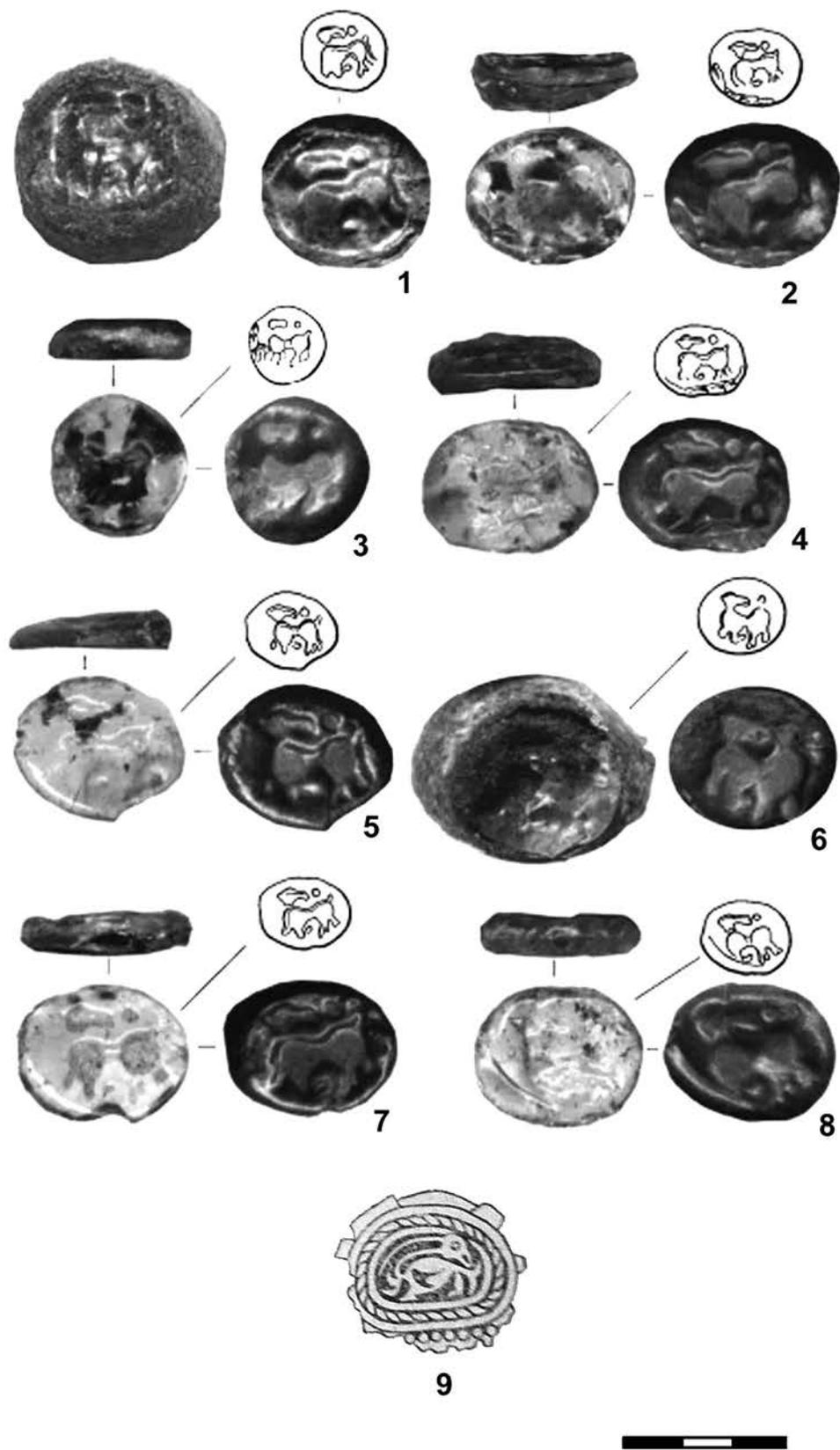

Рис. 3. Изображения на вставках перстней и накладке.
 1-8 – Мамисондон (по: Албегова, Верецинский-Байбалов, 2010. Рис. 179, 1-8);
 9 – Хулам (катакомба 2) (по: Чеченов, 1987. Рис. 33, 20).
 1-8 – стекло, 9 – медный сплав.

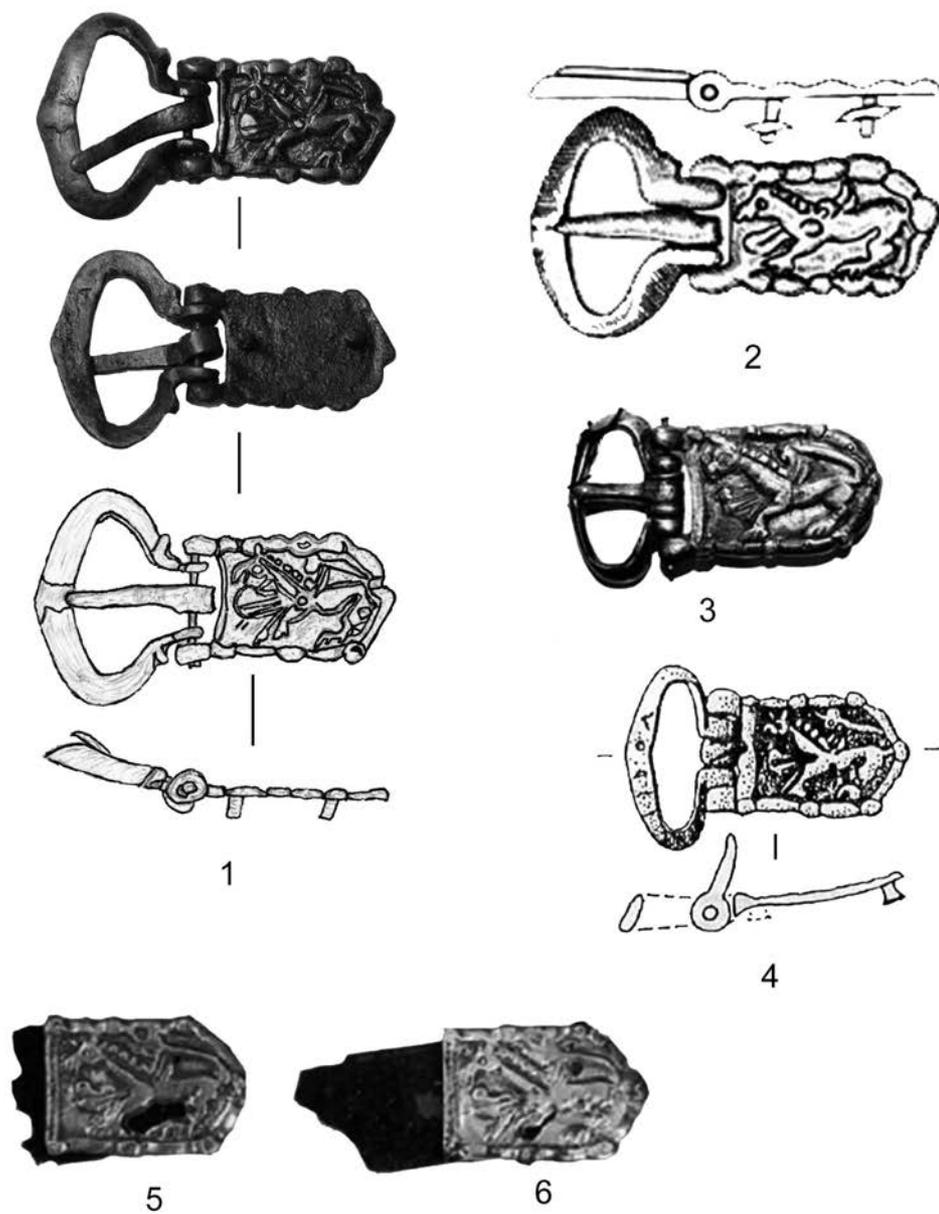
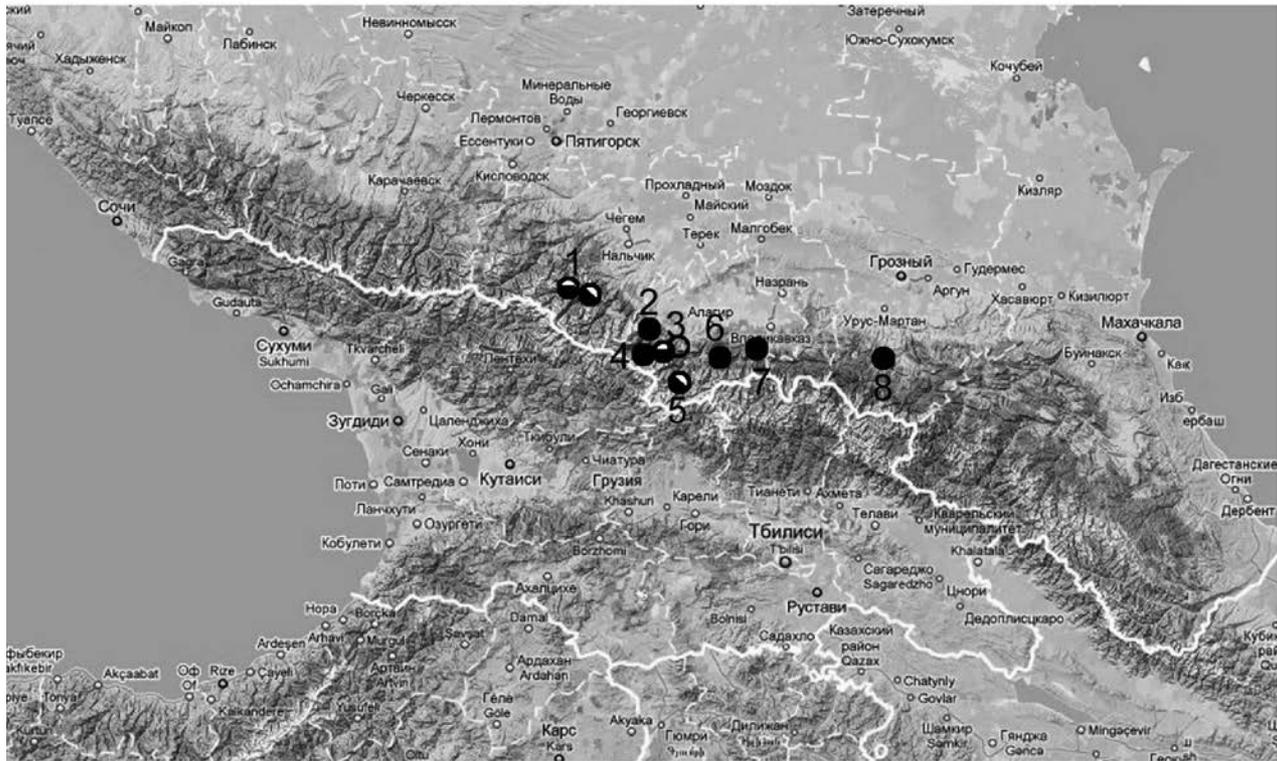

Рис. 4. Изображения орлиноголовых грифонов.
 1 – Лезгор, 2 – Камунта (по: Ковалевская, 1979. С. 36); 3 – Дуба Юрт, 4 – Кобань (по: Хайнрих, 1995. Табл. XVIII, 1);
 5, 6 – Даргавс (по :Аланский всадник, 2005. Кат. 121).
 1, 2, 4 – медный сплав, 3 – серебро, 5, 6 – серебро, позолота.

- — противостоящие грифоны ● — сцена терзания
 ● — бескрылый зверь ● — грифон

Рис. 5. Распространение предметов с изображением фантастических животных на территории Северного Кавказа.

1 – Песчанка, 2 – Лезгор, 3 – Галиат, 4 – Камунта, 5 – Мамисондон, 6 – Даргавс, 7 – Кобань, 8 – Дуба-Юрт.

А.Е. Леонтьев (ИА РАН)

КЕРАМИКА С НАЛЕПНЫМ ВАЛИКОМ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

В коллекции лепной керамики Ростова имеется серия характерных фрагментов верхних частей сосудов с налепным валиком (рис. 1). Они были обнаружены в нижнем горизонте культурного слоя, представляющего собой разновозрастную погребенную почву, в разное время потревоженную хозяйственной деятельностью¹. В глубинных координатах раскопа находки принадлежат толще предматериковых 12-14 пластов. Основные материалы этого горизонта относятся к отложениям поселка, предшествовавшего древнерусскому городу (Леонтьев, 2012. С. 172, 173). Время его возникновения определяется радиоуглеродными датами верхнего почвенного горизонта со следами хозяйственной деятельности (786±80 гг. и 766±80 гг.) (Леонтьев, 2011. С. 64; Александровский, Кренке, Леонтьев, Долгих, 2012. С. 7). Верхний хронологический рубеж обозначен дендродатами первых построек, возникших на исследованном участке древнерусского Ростова: 80-е гг. X в. (Самойлович, 2001. С. 236, 237. Табл. 1). Таким образом, рассматриваемая керамика относится к периоду в рамках второй половины VIII–середины X в. Более точная датировка пока невозможна, хотя малое число находок предполагает сравнительно короткое время ее бытования.

Доля фрагментов с налепными валиками среди всей совокупности керамики невысока. На уровне 12 пласта она составляет 0,15% от общего количества находок, в 13 пласте несколько больше – 0,16%. Более зримую картину дает следующий подсчет: среди зафиксированных в

нижнем горизонте культурного слоя 557 фрагментов венчиков лепных сосудов лишь 18 (3,2%) принадлежали сосудам с налепным валиком. Из них в трех случаях сходство и (или) близкое расположение фрагментов позволяют считать их частями одного сосуда (рис. 1, 9, 10). Таким образом, речь может идти о найденных обломках 15 лепных горшков характерного вида. Распределение находок на участке раскопа показывает, что они не относятся к какому-либо определенному комплексу или уровню культурного слоя (рис. 2).

Вся керамика была изготовлена из глины с примесью дресвы, что определяет неровность поверхности, отличалась хорошим обжигом. Орнамент отсутствует. Валик, располагавшийся под верхним краем венчика, обычно имел подтреугольное сечение, в двух случаях скорее полукруглое (рис. 1, 9-11). Полные формы сосудов восстановить невозможно, но все имели ряд схожих черт: расширение в верхней части тулова, ровную без утолщения кромку венчика, слабо выраженные плечики (рис. 3, 1-6).

Кольцевые налепы на лепных сосудах рассматриваемого времени известны в редких случаях. Поблизости от Ростова в бассейне оз. Неро по одному фрагменту керамики найдено при разведочных работах на селищах Максимицы 3 и Деболовское 2 (рис. 3, 7; 5, 4). Оба памятника по совокупности признаков отнесены к числу мерянских и датируются в рамках VII–X вв. (Леонтьев, 1996. С. 38, 39, 55). На селище Деболовское 2 отмечены также находки сетчатой керамики дьяковской культуры.

¹ В статье речь идет о материалах раскопа у церкви Григория Богослова в Митрополичьем саду Ростовского кремля (Леонтьев А.Е. Отчеты о работе Волго-Окской экспедиции ИА РАН в 1994-1996 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 19060, 19414, 19733).

Два фрагмента найдены при раскопках на городище Выжегша в верховьях р. Колокши, левого притока р. Клязьмы (рис. 5, 4). Этот памятник, находящийся у западной границы Суздальского ополья, известен своими кладами оловянисто-свинцовых слитков и куфического серебра с младшей монетой 841/842 г. чеканки (Леонтьев, 1996. С. 206-209). Один из венчиков с наlepным валиком был найден в непосредственной близости от упомянутых кладов, но вряд ли имеет отношение к их комплексам (Леонтьев, 1986. С. 46, 47). Обломки второго сосуда были обнаружены в культурном слое вне каких-либо комплексов и ям (рис. 3, 11). Современная информация позволяет датировать верхний культурный слой памятника и, следовательно, рассматриваемые находки в рамках VII–IX вв. (Леонтьев, 1996. С. 201; Макаров, 2012. С. 204).

Один фрагмент был найден в распаханном культурном слое селища Весь 5 в округе Суздаля на р. Ирмес (рис. 5, 5)². Анализ материалов, полученных при раскопках памятника, позволил сделать вывод, что поселение возникло не позднее середины IX в. и существовало вплоть до конца X в. (Макаров, Захаров, Шполянский, 2010. С. 132, 133).

Еще один фрагмент (рис. 3, 8) происходит из поверхностных сборов на селище Кистыш I (рис. 5, 6), расположенном в 1,5 км от Веси 5 на р. Кестре, притоке р. Ирмес (Леонтьев, 1996. С. 214. Рис. 92, 10). Это поселение относится к числу памятников с чистым комплексом лепной керамики, в том числе с признаками, характерными для керамики дославянского (мерянского?) населения (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005. С. 205-207. Рис. 9, 11-19. Рис. XII). Период существования таких поселений на территории Суздальского ополья определяется VI–IX вв. (Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005. С. 207, 208).

Обломок венчика с наlepным валиком (рис. 3, 9) найден поблизости от Суздаля (рис. 5, 7). При раскопках курганов «на Михайловской стороне» (Михали) был затронут культурный слой поселения, существовавшего до начала функционирования могильника. Керамика из слоя попала в насыпи курганов. Исследователи посчитали его принадлежащим дославянскому населению и датировали IX–X вв. (Седова, Сабурова, 1984. С. 127. Рис. 15, 1). Учитывая, что к

рубежу X–XI вв., времени появления курганов, поселение давно исчезло, а приводимые авторами аналогии керамики отсылают к памятникам VII–IX вв., существование поселения в X столетии представляется маловероятным.

Еще одним районом Северо-Восточной Руси, где известна керамика с наlepным валиком, является Белозерье и бассейн Шексны. На поселении IX в. Крутик (рис. 5, 8) доля фрагментов с валиком среди всех орнаментированных составляет в зависимости от горизонта 0,8-1,2 %. Валиком были орнаментированы плоскодонные горшки типа VI и 3 (рис. 3, 13-15) по классификации автора (Макаров, 1991б. С. 149, 156. Рис. 4, 5, 6; 5, 7; 7, 17).

В коллекции Белоозера (рис. 5, 9) валик как вид орнамента учтен на лепной посуде X–XII вв. в 45 случаях (3,58% среди всей орнаментированной), но в это число входят и образцы округлодонных сосудов (Голубева, 1973. С. 146-152, 158. Рис. 53). По уточненным подсчетам Н.А. Макарова керамика с валиком составляет 2% от общего количества орнаментированной (Макаров, 1985. С. 84. Табл. 1).

Единичные фрагменты отмечены на поселениях второй половины IX–X вв. Монастырское, Васютино, Ухтомский волок «В» (рис. 3, 12; 5, 10-12) (Макаров, 1985. С. 84; Макаров, 1997. С. 55, 231. Табл. 19, 7). На Средней Шексне лепной сосуд с валиком под венчиком встречен в комплексе постройки X в. поселения Октябрьский мост (рис. 5, 13) (Кудряшов, 2000. С. 50-52. Рис. 8). Помимо валика он был украшен насечкой по обрзу венчика и веревочным штампом по плечу (рис. 3, 10).

Восточнее бассейна Белого озера керамика с наlepным валиком найдена на памятниках побережья Кубенского озера (рис. 5, 14). Рельефный валик отмечен на двух фрагментах из общей коллекции лепной орнаментированной керамики селищ Минино I и II в слое X–начала XI вв. (Мокрушин, 2008. С. 279. Табл. 104. Рис. 232, 17)³.

В сравнении с находками районов Ростова и Суздальского ополья керамика северной области связана с более поздними памятниками древнерусского времени. В некоторых случаях кольцевой наlep сочетается с орнаментом. По классификации Н.А. Макарова они относятся к распространенным типам III и VI (рис. 3,

² Любезное сообщение А.Н. Федориной.

³ Указанные в таблице 0,2% от общего числа орнаментированной керамики в общей выборке 1010 образцов соответствуют 2 фрагментам.

14,15) и редкому типу 3 (рис. 3, 13) (Макаров, 1989. С. 83-93; 1991. С. 140, 141. Рис. 5, 7). Последние по абрису близки некоторым образцам из Ростова и реконструированному сосуду из Выжегши.

В географически близком Белому озеру районе бассейне р. Андобы (притока р. Суды, правого притока Шексны) подобные находки известны на поселении и могильнике Черный ручей 2, 4 и Ступолохта (рис. 5, 15, 16). Но в обоих случаях сходство с рассматриваемой керамикой не очевидно. В публикации материалов памятников Черного ручья «налепной валик» упомянут в контексте с округлодонной керамикой с возможными аналогиями ей в Прикамье (Кудряшов, 2012. С. 54). На Ступолохте керамика обнаружена в насыпи кургана, перекрывшего культурный слой более раннего поселения, которое может быть датировано в пределах до X в., но и здесь возможные аналогии ей указываются среди округлодонных сосудов Прикамья и Приуралья (Кудряшов, 2012. С. 55). Это иной круг древностей, с иными традициями в изготовлении сосудов.

За пределами Северо-Восточной Руси (в границах до XII в.) сосуды с налепным валиком под венчиком известны в древностях преимущественно более раннего времени. Единичные фрагменты отмечены на селище Рогово 2 близ Ржева в верхнем течении Волги (рис. 3, 1, 2; 5, 17). По мнению исследователей, селище относится к так называемым «памятникам с верхневолжским набором керамики» и датируется в рамках середины–третьей четверти 1 тыс. н.э. (Исланова, Черных, 2008. С. 171. Рис. 2, 6; 6, 1).

Неясен характер еще двух находок. По общему описанию коллекции известно также о фрагменте сосуда «с налепом в виде валика» на селище Суходол II (рис. 5, 18), датированном в общих рамках III–VII вв. н.э. (Максимов, 1998. С. 384, 385), но изображение не опубликовано, в музейной коллекции фрагмент отсутствует (Исланова, 2007. С. 313). Во втором случае, судя по рисунку, обломок сосуда с валиком был обнаружен на селище Пески 1 на оз. Селигер (рис. 5, 19), но комментарий к находке в публикации отсутствует. Памятник датирован 3-й четвертью I тыс. н.э. и предположительно соотнесен с культурой псковских длинных курганов (Исланова, 2012. С. 38, 39. Рис. 54, 7).

Северо-западнее, за пределами волжского бассейна, характерный фрагмент венчика с украшенным насечками валиком найден на Городке на Маяте у оз. Ильмень в слое середины–третьей четверти 1 тыс. н.э. (рис. 4, 3; 5, 20), причем эта находка расценена как самая северная из известных (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 115, 123. Рис. 108, 11).

Действительно, дальнейшие аналогии (рис. 4, 4-14) уводят в бассейны Ловати, Западной Двины, Днепра, Березины, Припяти (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 279. Рис. 13, 2, 3; Еремеев, Дзюба, 2010. С. 121. Рис. 110). В пределах рассматриваемой карты (рис. 5, 21-29) наиболее западным пунктом является городище на Менке, юго-западным – городище Хотомель. На последнем целый сосуд с валиком найден в верхнем горизонте культурного слоя VIII–IX вв. (Кухаренко, 1961. С. 9, 10, 23. Табл. 6, 17; Поболь, 1983. С. 118). Поиск можно было бы продолжить, и тогда рассматриваемая территория значительно расширится к югу и западу. Но это означает обращение к древностям культур первой половины 1 тыс. н.э., в чем для решения поставленного вопроса нет необходимости.

Картографирование показывает, что сосуды с налепным валиком под венчиком отмечены на памятниках второй половины 1 тыс. н.э. в полосе лесной зоны, близкой широтному направлению от бассейна Припяти до Суздальского ополья и Белозерья. В хронологическом отношении наиболее поздними оказываются памятники северной окраины: Белоозеро и Минино, где искомая керамика отмечена в отложениях середины–второй половины X в.⁴

Недостаточное число наблюдений и слабая изученность многих памятников не дает возможности однозначно решить вопрос о причинах появления рассматриваемой керамики на северо-востоке Руси. Учитывая большую территорию, широкий хронологический диапазон бытования, разнообразие форм сосудов при том, что сосуды с налепным валиком везде встречены в немногочисленных экземплярах, можно предполагать, что во всех случаях мы имеем дело с локальными особенностями, индивидуальными изделиями местных мастеров.

Но на тех же основаниях нельзя исключать версию о существовании какой-то устойчивой, но не ясной нам традиции украшения валиком

⁴ Современные данные позволяют датировать основание Белоозера временем не ранее второй четверти X в. (Захаров, 2012. С. 36-38). Селище Минино I возникло во второй половине X в. (Макаров, Захаров, 2008. С. 301).

даже не форм, а отдельных экземпляров посуды, продержавшейся на древнерусской окраине вплоть до конца X в.⁵ В связи с этим можно вспомнить, что керамику с валиком считал славянской П.Н. Третьяков (Третьяков, 1982. С. 71). Современные исследователи этнических оценок не дают, но расширившийся перечень памятников при всех уточнениях сопряжен с ареалами тех же археологических культур (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 276-285).

Для Северо-Восточной Руси такой вариант решения позволяет вспомнить гипотезу о проникновении славянского населения в Волго-Клязьминское междуречье примерно с VI в. н.э., его участия в этногенезе мери и последующем влиянии на культуру древнерусского времени (Седов, 1999. С. 149-158, 236-238). Не все выдвигаемые в пользу этой гипотезы аргументы можно принять как бесспорные, но находки керамики с валиком вполне укладываются в построение В.В. Седова.

A. Leontev

CERAMICS WITH THE DECORATIVE PLATEN THE TERRITORY OF NORTHEAST RUSSIA

Eighteen fragments of hand-made vessels with the decorative platen on the top part were found in a cultural deposit of the second half of the 8th–the middle of the 10th centuries in Rostov. Separate fragments of such ceramics are known in some settlements near Rostov and Suzdal, and also in the region of the lakes White and Kubenskoe, where they are dated from the 9th–10th centuries. Outside of Northeast Russia the examined ceramics is known in antiquities of the earlier time.

Mapping shows that the ceramics with the platen on the top part of a vessel is noted on the

archaeological monuments of the second half of the I thousand AD in a strip of a wood zone from the basin of the river Pripyat to the Kubenskoe lake. In the chronological relation, the monuments of the northern suburb are the latest.

Considering wide chronology and the area of few findings, it is possible to believe that in all cases vessels are individual products of local masters. However, it is impossible to exclude the version about existence of any steady Slavic (?) tradition which existed on Old Rus' suburb up to the end of the 10 century.

⁵ В этом отношении можно вспомнить ножи с волютообразным навершием, также известные лишь в единичных экземплярах на памятниках VII–X вв. разных археологических культур Восточной Европы в ареале, включающем и территорию бытования сосудов с валиком. Распространение таких ножей связывается со славянским расселением в Восточной Европе (Седов, 1999. С. 197-199. Рис. 34; Носов, Плохов, 2005. С. 130, 131).

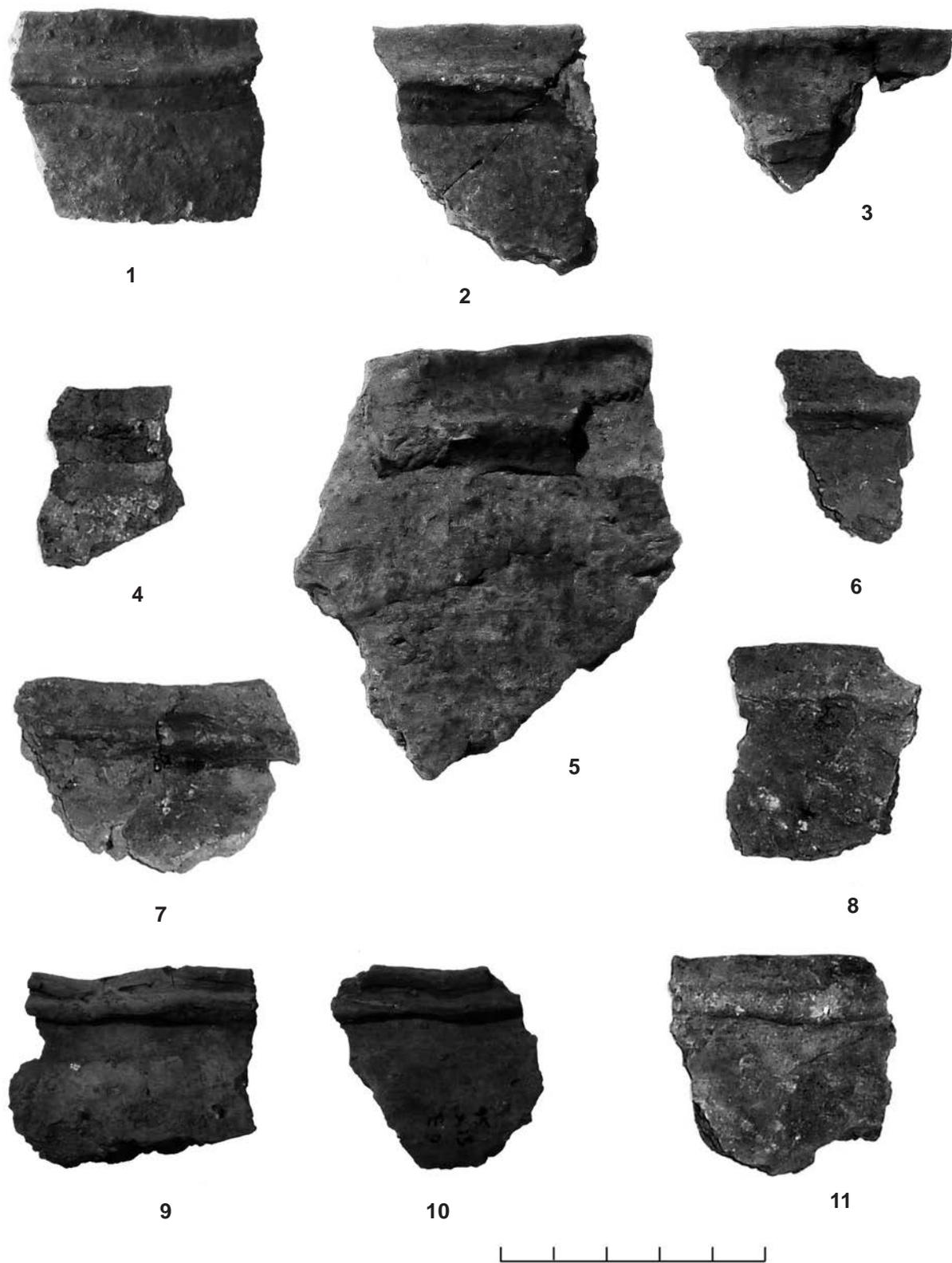

Рис. 1. Фрагменты сосудов с валиком под венчиком из нижнего горизонта культурного слоя Ростова.
 1 - 12-А4, 2 - 12-Д8, 3 - 14-Б6, 4 - 12-Д1, 5 - 13-Ж3, 6 - 12-В9, 7 - 12-А7, 8 - 12-В4, 9 - 14-Е7, 10 - 13-Е9, 11 - 12-А6.
 (Первая цифра - пласт, вторая - квадрат).

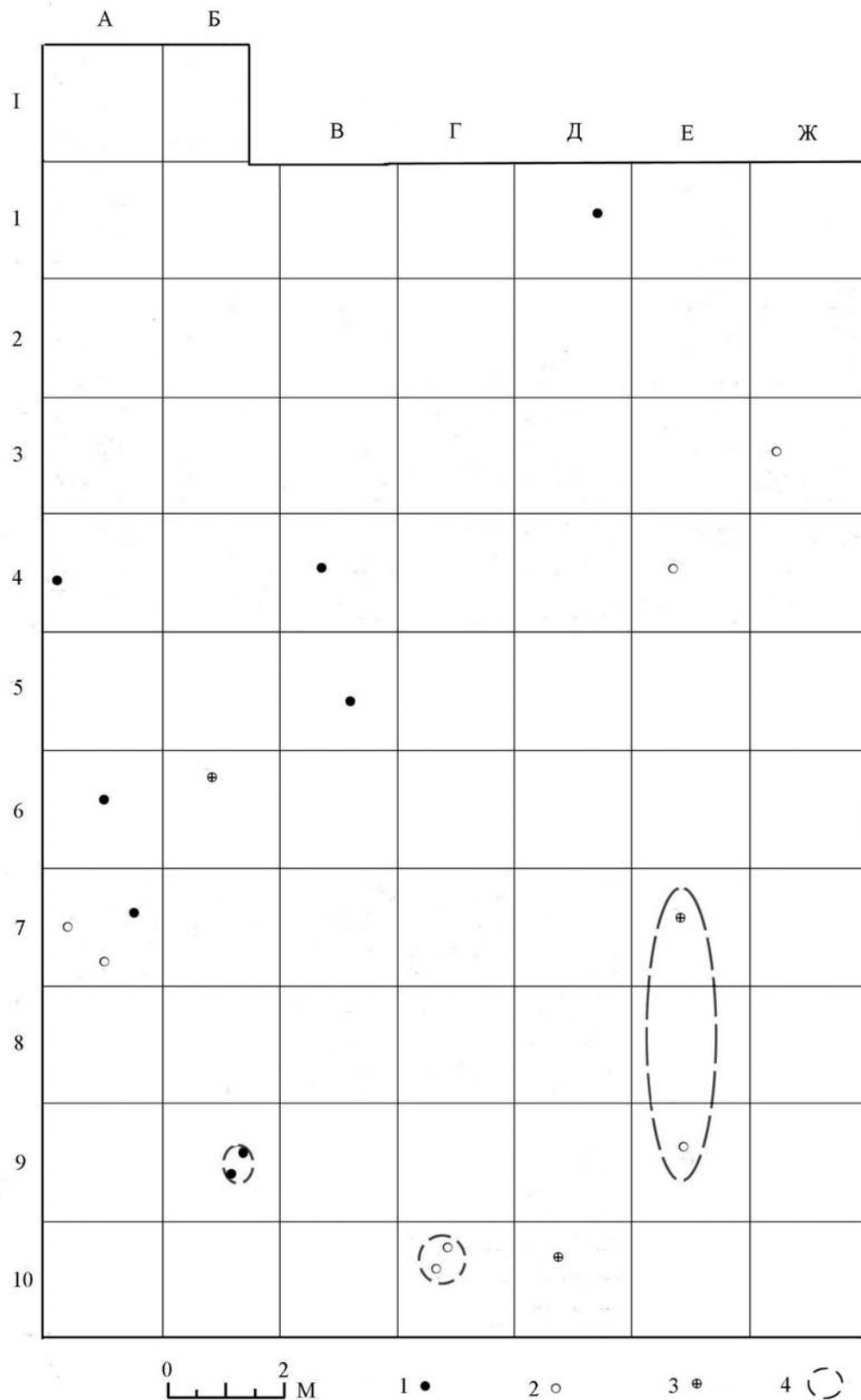

Рис. 2. План раскопа с указанием находок фрагментов с валиком.
 Условные обозначения: 1- пласт 12; 2 - пласт 13; 3 - пласт 14. 4 - находки фрагментов одного сосуда.

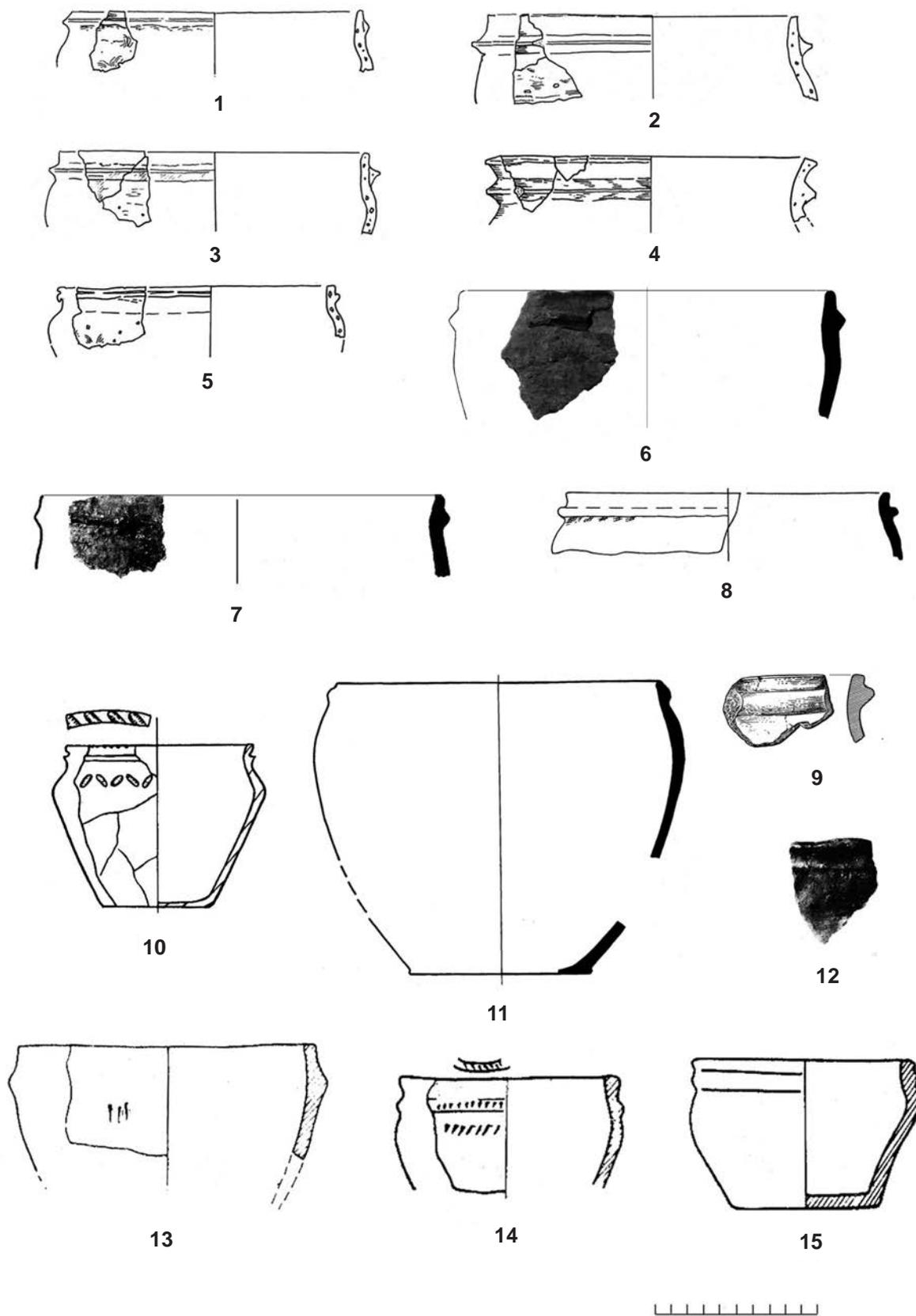

Рис. 3. Керамика с валиком памятников Северо-Восточной Руси.
 1-5 – Ростов: 1 – 13-Б6; 2 – 13-А7; 3 – 13-А7; 4 – 14-Б6; 5 – 14-Е7; 6 – 13-Ж3; 7 3 – Деболовское 2; 8 – Кистыш 1;
 9 – Суздаль (Михали); 10 – Октябрьский мост; 11 – Выжегша; 12 – Ухтомский волок «В»; 13-15 – Крутик.
 Источники: 8 – Седова, Сабурова, 1984; 9 – Кудряшов, 2000; 11 – Макаров, 1997; 12-14 – Макаров, 1991.

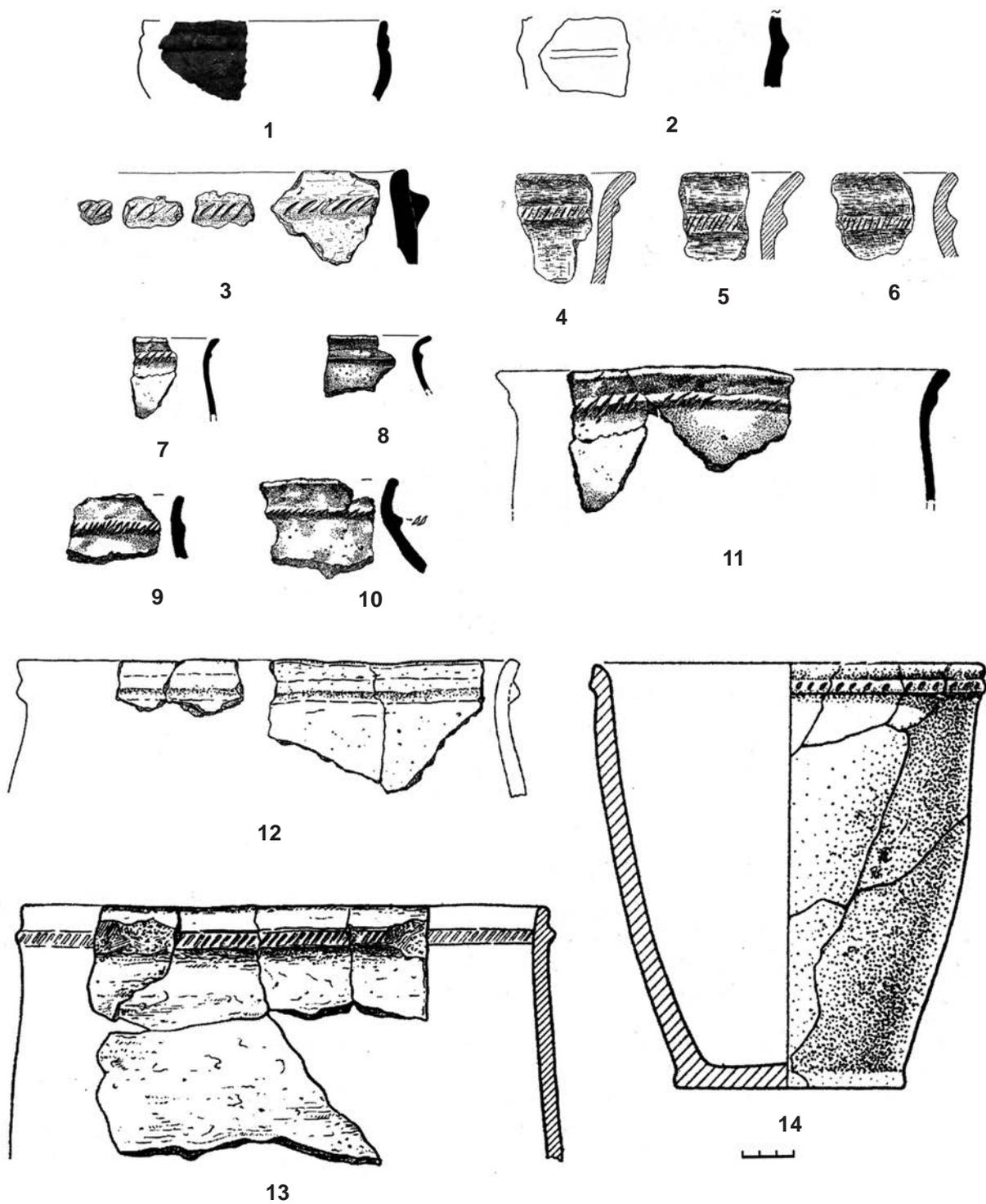

Рис. 4. Керамика с валиком памятников за пределами Северо-Восточной Руси.
 1, 2 – Рогово 2; 3 – городок на Маяте; 4-6 – Никодимово; 7, 8, 11 – Кисели; 9, 10 – Черкасово; 12 – городок на Менке;
 13 – Колочин; 14 – Хотимль.

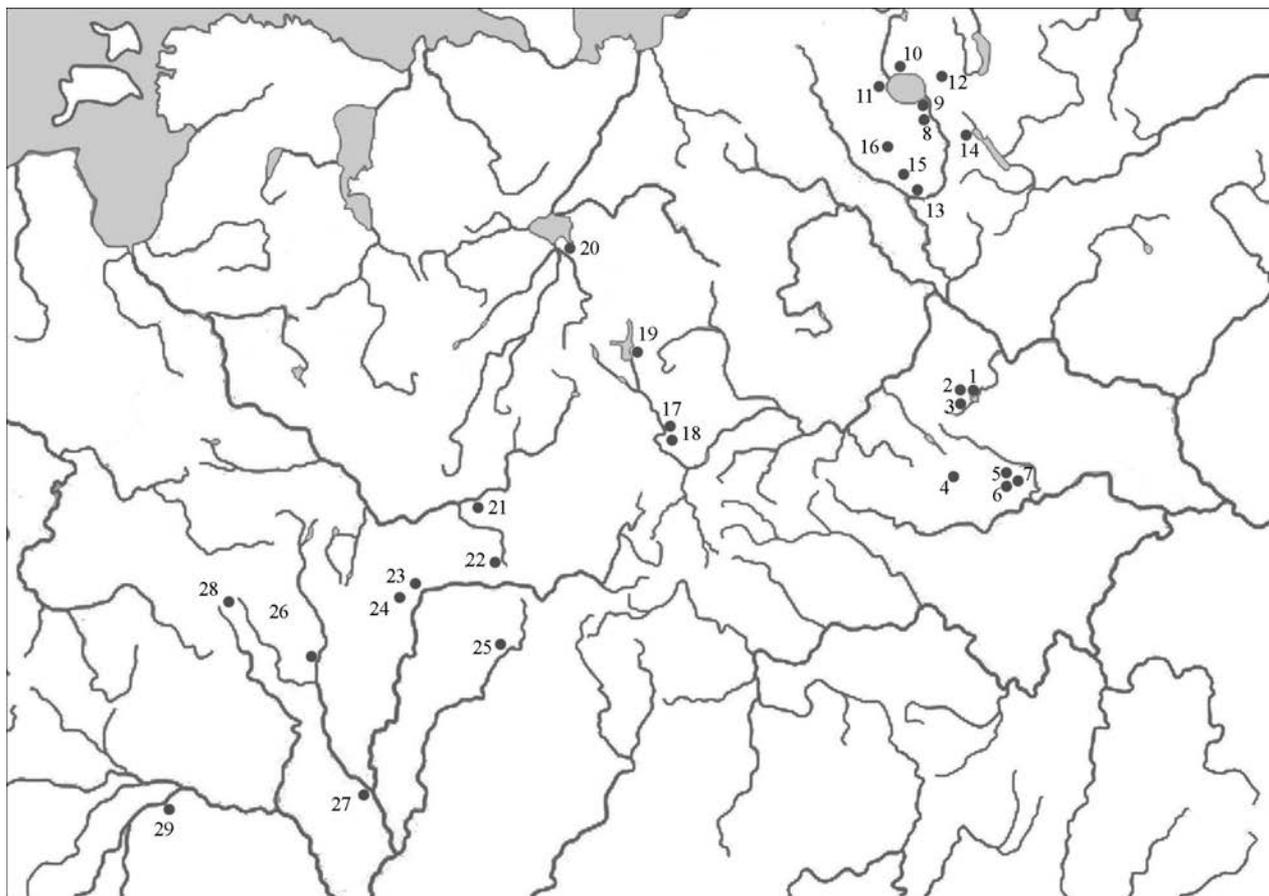

Рис. 5. Памятники второй половины 1 тыс. н.э. с находками плоскодонной керамики с наlepным валиком под венчиком.

1 - Ростов, 2 - Максимицы 3, 3 - Деболовское 2, 4 - Выжегша, 5 - Весь 5, 6 - Кистьи 1, 7 - Суздаль (Михали), 8 - Крутик, 9 - Белоозеро, 10 - Монастырское, 11 - Васютино, 12 - Ухтомский волок «В», 13 - Октябрьский мост, 14 - Минеино, 15 - Черный ручей, 16 - Ступолохта, 17 - Рогово, 18 - Суходол, 19 - Пески, 20 - городок на Маете, 21 - Заболонье, 22 - Заозерье, 23 - Черкасово, 24 - Кисели, 25 - Никодимово, 26 - Красная Зорька, 27 - Колочин, 28 - городище на Менке, 29 - Хотомель.

*Е.В. Глазунова (ГИМ),
И.Н. Шталенков (Белорусское нумизматическое общество)*

ЛИТОВСКИЕ ТРЕХГРАННЫЕ СЛИТКИ: ТИПОЛОГИЯ, ТОПОГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ

Предметом настоящего исследования является особый тип платежных слитков (рис. 1, 2), которому ранее в отечественной историографии практически не уделялось внимания. Причиной этого, возможно, является то обстоятельство, что базовой работой по типологии слитков до сих пор является исследование Н.П. Бауера, опубликованное в 1929–1931 гг., в котором они не выделены отдельно. При описании трехгранные слитки традиционно относились к другим типам, что затрудняет их выделение по письменным источникам.

Такой слиток в виде брусочка подтреугольного сечения внешне соединяет в себе черты слитка, названного Н.П. Бауером новгородским коротким палочковидным с высокой спинкой (обычное название «горбатый»)¹, и ладьевидного. Внешне больше напоминает слиток новгородского типа, однако отличается следующими особенностями:

- подчеркнутое подтреугольное сечение,
- значительное расширение (до 10 мм) в средней части,
- ярко выраженный желобок на верхней поверхности, всегда углубленный к центру, часто с «рисунком в виде волны», образовавшимся в результате постепенного остывания расплава.

Справедливости ради необходимо отметить, что в 1981 г. литовский нумизмат З. Дукса в работе, посвященной денежному обращению Великого княжества Литовского, обратил на них пристальное внимание, интерпретировав

подобные слитки как «тяжелые трехгранные литовского происхождения» (Dukša, 1981. P. 83–129). Последующий ряд работ литовских и белорусских исследователей продолжает представлять эти слитки как литовские «трехгранные слитки». Отметим, однако, что авторы, хотя и выделяли этот вид слитков-гривен, всегда акцентировали внимание на то, что «...положение о распространении только в Литве т.н. больших литовских слитков (*читать «трехгранных» – Е.Г., И.Ш.*) безоговорочно принять нельзя, поскольку не изучались находки слитков за пределами Литовской Республики, корпус слитков с детальным описанием отсутствует, и подобные слитки могут скрываться под названием новгородских» (Грималаускайте, Синчук. 2001. С. 284).

Несмотря на трудность опознания этого типа слитков по описаниям, число известных кладов, их содержащих, довольно значительно. Несколько находок по некоторым признакам можно отнести к «трехгранным» слиткам условно. Но достоверно на сегодняшний день можно говорить о следующих комплексах.

Каталог кладов с «трехгранными литовскими слитками»

Литва

1. Красный Двор (Raudondvaris), Вильнюсский р-н, 1885. В состав клада входили: 14 трехгранных полтин и один трехгранный рубль (вес 179,15 г), один трехгранный слиток-призма (вес

¹ К слову сказать, считаем необходимым утверждать, что название «новгородский» для значительной части слитков этого типа весьма условно и используется лишь традиционно. Они совершенно определенно выделяются в отдельный тип по хронологии, весу, технологии и топографии находок, прочно занимая регион Низовских земель (в целом московский регион) и ждут еще своего исследования.

85,20 г), 7 литовских монет с двойным крестом, одна монета Владимира Ольгердовича, 10 ливонских монет, 14 пражских грошей Яна I и Карла I. Датировка: около 1391 г.

Место хранения: Национальный музей в Варшаве (MNW).

Опубликовано: Wittyg, 1886. S. 138-142, tablica; Ivanauskas, 1995. P. 18.

2. Скрайченис (Skraičionys), Алитусский р-н, 1888. В состав клада входили 17 литовских монет, один пражский грош и трехгранные рубли. 15 монет в 1902 г. были переданы в Виленский музей древностей. Датировка: 1392–1413 гг.

Место хранения, количество и вес не известны.

Опубликовано: Ivanauskas, 1995. P. 20; Remecas, 2004. P. 206.

3. Певагалий (Pievagaliai), Алитусский р-н, 1898. (Возможно, это часть клада 1888 г. из Скрайченис). В 1901 г. Императорская археологическая комиссия передала в Виленский музей древностей часть этого клада: одну трехгранную полтину, 7 монет типа Печать и одну серебряную пряжку. Датировка: 1392–1413 гг.

Место хранения, количество и вес не известны.

Опубликовано: Ivanauskas, 1995. P. 19; Remecas, 2004. P. 206.

4. Шанчай (Šančiai), Каунас, 1933. Найден клад (рис. 3): 4 трехгранные полтины (вес 91,03; 93,20; 94,91; 95,43 г), один трехгранный рубль (вес 189,50 г), 86 монет типа Печать, 4 молдавские монеты, два браслета (один – витой, второй – киевского типа). Датировка: 1393–1396 гг.

Место хранения: Национальный художественный музей им. М.К. Чюрлениса, Каунас (ČDM).

Опубликовано: Karazija, 1952 (рукопись); Ivanauskas, 1995. P. 18-19; Sajauskas, 2004. P. 6-12.

5. Миткишкес (Mitkiškės), Тракайский р-н, 1933. Найден клад: не менее 5 трехгранных полтин (по публикации известен вес трех полтин: 93,31; 96,03; 96,15 г) и не менее 3 трехгранных рублей (вес 174,34; 175, 61 г), не менее 25 литовских монет. Датировка: 1390-е гг.

Место хранения: Национальный музей Литвы, Вильнюс (LNM) (3 полтины, 3 рубля, 25 монет).

Опубликовано: Ivanauskas, 1995. P. 17.

6. Крепинга (Kretinga), 1938. Найден клад из 6 трехгранных полтин (вес 84,50; 85,0; 88,0; 88,50; 91,0; 91,0 г), а также изделия из серебра: две шейные гривны и две фибулы. Датировка: первая четверть 15 в.

Место хранения: Военный музей Витаутаса Великого, Каунас (VDKM).

Опубликовано: Kulikauskienė, Rimantienė, 1958. Pav. 572, 753; Ivanauskas, 1995. P. 20.

7. Алове (Alovė), Алитусский р-н, 1955. Найден клад, из которого сохранилось: LNM – 2 трехгранные полтины (вес 91,72; 94,0 г), монеты: 5 денариев Казимира, 56 пражских грошей Вацлава IV; АКМ – один денарий Казимира, 7 пражских грошей Вацлава IV. Датировка: четвертая четверть 15 в.

Место хранения: Литовский национальный музей, Вильнюс (LNM), Краеведческий музей г. Алитус (AKM).

Опубликовано: Ivanauskas, 1995. P. 23.

8. Вильнюс (Vilnius), Нижний замок, 2002. Найдена одна трехгранная полтина (вес 93,5 г, проба 974-989), а также 62 литовские монеты пяти разных типов, один фрагмент пражского гроша. Датировка: конец 14 в.

Место хранения: Литовский национальный музей, Вильнюс (LNM).

Опубликовано: Remecas, 2003. P. 20.

9. Вильнюс (Vilnius), Григайтис (Grigaitis), 2009. Найдено не менее 16 трехгранных рублей (вес 170,3; 173,4; 174,4; 174,5; 174,7; 174,8; 175,6; 175,8; 175,8; 175,9; 176,0; 176,1; 181,2; 181,6; 184,9; 186,3 г) и одна трехгранная полтина (вес 92,3 г); монеты Литвы, Германии, Чехии и Ливонского ордена (точное количество не известно). Датировка: конец 14 в.

Место хранения: 16 рублей и одна полтина – частная коллекция С. Жукаускаса.

Опубликовано: Žukauskas, Žukauskas, 2011. P. 37-42.

Беларусь

10. Близ дер. Полочаны, Молодечненский р-н, Минская обл., 2002. Найден клад, в который входило не менее 6126 пражских грошей, не менее 9 трехгранных полтин (вес 84,05; 59,7; 84,4; 85,6; 86,5; 87,1; 89,5; 95,4; 98,5 г) и одного рубля. 8 полтин попали в коллекцию С. Жукаускаса. В состав этого клада также могли входить находящиеся еще в одной частной коллекции 4 полтины (вес 86,26; 88,86; 92,14; 95,04 г) и один рубль (вес 178,57 г). Датировка: вторая четверть 15 в.

Место хранения: 6126 пражских грошей – Музей Национального Банка Республики Беларусь, Минск; 8 полтин – частная коллекция С. Жукаускаса.

Опубликовано: Žukauskas, 2011. P. 43-44; Шталенков, 2010а. С. 192.

11. Литва дер., Молодечненский р-н, Минская обл., 2003. Найден: трехгранный один рубль (вес 172,18 г, проба 987,5) и одна полтина

(вес 88,45 г, проба 992), а также 122 пражских гроша. Датировка: вторая четверть 15 в.

Место хранения: частное собрание.

Опубликовано: Шталенков, 2004. С. 100-102.

12. Ошмянский р-н, Гродненская обл., 2011.

Найдена одна полтина (вес 87,59 г).

Место хранения: частное собрание.

Опубликовано: Шталенков, 2012. С. 158.

13. Кобринский р-н, Брестская обл., 2003.

Найден клад: один трехгранный (вес 188,0, проба 996) и один ладьеобразный (вес 200,20 г, проба 986) рубли, а также не менее 67 пражских грошей: Яна I (2 экз.) и Карла I (65 экз.); два золотых височных кольца, несколько серебряных перстней, подвеска и крестик «волынского» типа с эмалью. Датировка: 1360-е гг.

Место хранения: Музей Национального Банка Республики Беларусь, Минск (кроме одного височного кольца).

Опубликовано: Шталенков, 2006. С. 28-30; 2010б. С. 64-67.

14. Слонимский р-н, Гродненская обл., 2009.

Найдены два трехгранных рубля (вес 172,0; 176,3 г).

Место хранения: частное собрание.

Информация И. Шталенкова.

15. Круглынский р-н, Могилевская обл., не позднее 2009 г. Найдена полтина трехгранного типа с клеймом «звезда в точечном ободке» (вес 98,28 г).

Место хранения: частная коллекция.

Опубликовано: Шталенков, 2012. С. 158.

Украина

16. Гвоздово, Васильковский уезд, Киевская губерния, 1873. Найдены: 7 гривен и 3 полтины (по публикации известен вес 5 рублей: 186,04; 186,04; 187,62; 193,69; 196,22 г; 3 полтин: 88,90; 96,20; 96,50 г, процентное содержание серебра 90,378; 87,043; 87,489; 82,582; 97,582; 97,577-гривны, 78,309; 78,517; 78,203 – полтины)²; 6 монет Золотой Орды, две монеты Владимира Ольгердовича. Датировка: 1380–90-е гг.

Место хранения: Национальный музей истории Украины, Киев. Опубликовано: Яушева-Омельянчик, 1999. С. 14-23.

17. Борщов, Барышевский район, Киевская обл., 1948. «Возле моста через Трубеж при прокладке автомагистрали» найдены: 2 трехгранные полтины (вес 87,69; 87,29 г; процентное

содержание серебра – 87,692; 87,292), 80 золотоордынских монет, 3 обрезанные пражские гроша, 1 монета типа Печать, 8 «северских» монет с «княжеским знаком»³, 21 денарий Владимира Ольгердовича. Датировка: 1380–90-е гг.

Место хранения: Национальный музей истории Украины, Киев (НМИУ).

Опубликовано: Яушева-Омельянчик, 1999. С. 14-23.

18. Ирпень, Киевская обл., 2003. Найдены две трехгранные полтины (вес 96,88, 99,51 г) и одна монета – подражание гулистанской чеканке Джанибека. Датировка: третья четверть 14 в.

Место хранения: частное собрание.

Опубликовано: Шталенков, 2010а. С. 187.

19. Водянский р-н, Харьковская обл., 2011.

На берегу р. Уды найден клад: одна трехгранная полтина с литым знаком в виде «стрелки»⁴ на боковой поверхности (вес 96,165, длина 62 мм, максимальные: ширина 17 мм, высота 18 мм), 4 новгородские полтины, 67 золотоордынских монет. Монеты представлены от Токты до Мюрида. Младшая монета по определению А. Гомзина датирована 763 г.х. (1361/62 гг.).

Место хранения: частное собрание.

Информация предоставлена в 2012 г. частным лицом.

20. Украина. Место находки точно неизвестно, 2011. Клад (рис. 4), в состав которого входили: не менее одной трехгранной гривны и не менее 8 серебряных монет, в числе которых пражские гроши. Датировка: предположительно конец 14–начало 15 в.

Место хранения неизвестно.

Информация получена с форума «Виолити».

21. Городнянский р-н, Черниговская обл., 2013. Клад (рис. 5), в состав которого входили: не менее одной трехгранной гривны с выпуклым знаком на боку в виде стрелки и 9 пражских грошей («...монеты лежали залипшейся стопкой...»). Вес гривны 188 г.

Датировка: предположительно первая четверть 15 в.

Место хранения неизвестно.

Информация получена с форума «Виолити».

Россия

22. Москва, Зарядье, 1967. При строительстве гостиницы «Россия» на ул. Степана Разина (ныне ул. Варварка) найдены 59 полтин и 2

² Гривны из собрания отдела нумизматики НМИУ были подвергнуты спектральному анализу на микроанализаторе «Sam S cap – 4 DV» (Киевский институт сверхтвердых материалов имени академика Бакуля).

³ Атрибуция В. Зайцева.

⁴ Знак находился в центральной части целого слитка, сохранилась лишь его половина.

рубля. Среди них зафиксирована одна трехгранная полтина с литой буквой Т на боковой поверхности (вес 92,94 г, длина 71,5 мм, максимальные: ширина 17 мм, высота 15,5 мм). Датировка: конец 14 в.

Место хранения: отдел нумизматики ГИМ, Москва.

Опубликовано: Шорин, 1977. С. 181-192; Глазунова, Зайцев, 2012. С. 30-46.

23. Смоленская область, берег реки Упокой, 2009. На дачном участке найдена одна трехгранная полтина (вес 91,08 г, длина 59 мм, максимальные: ширина 21,5 мм, высота 18 мм).

Место хранения неизвестно.

Экспертное заключение Е. Глазуновой, 2009 г.

Места находок кладов очерчивают ареал, включающий в себя земли Великого княжества Литовского: 8 находок происходят с территории современной Литвы, 7 – из Беларуси, 6 – из Украины, одна – с западной границы Смоленской области; лишь одна полтина в составе клада происходит из Москвы (рис. 6). 4 клада являются денежно-вещевыми (Литва и Беларусь). Из других типов денежных слитков в комплексах отмечены лишь «горбатые» полтины, в одном случае – ладьеобразный слиток. 14 кладов дополнены различными монетами. Любопытно отметить, что золотоордынские монеты входят в состав кладов, найденных лишь на территории Украины (4 клада), которая входила в южную сферу функционирования денежного обращения Великого княжества Литовского с абсолютным преобладанием монет Золотой Орды, вытесненных пражскими грошами только к началу 1420-х гг. Монетный материал помогает датировать самые ранние клады третьей четвертью 14 в., самые поздние последней четвертью 15 в.

«Трехгранные» гривны находятся в собраниях музеев и в частных коллекциях Литвы, Беларуси, России и Украины. С большой долей уверенности можно утверждать, что «трехгранные» слитки можно выделить, в том числе, в собраниях ГИМ и Государственного Эрмитажа. Кроме слитка, входящего в состав клада из Зарядья, в отделе нумизматики ГИМ хранятся еще два слитка того же типа, однако, информация о месте находки отсутствует – они происходят из дореволюционных частных собраний. Также неизвестно точное место находки полтины из

собрания Музея денег Банка Литвы. За последние пять лет на экспертизе подлинности в ГИМ среди слитков разных типов (новгородских длинных и коротких, полтин, киевских гривен легких и тяжелых, слитков-палочек, черниговских (северо-русских), ладьеобразных, круглых слитков-лепешек болгарского серебра) число «трехгранных» не превысило четырех экземпляров. Сохранилась информация о трех экземплярах (2010 г.: вес 187,94 г, длина 111,5 мм, ширина 12-20,5 мм, высота 13-24 мм; 2012 г.: вес 184,08 г, длина 107 мм, ширина 11-23 мм, высота 12-23 мм; полтина – вес 91,08 г, длина 59 мм, максимальные: ширина 21,5 мм, высота 18 мм).

В число учтенных слитков вошли 40 целых экземпляров. Длина их варьирует в диапазоне 104-115 мм, максимальная ширина достигает 22 мм, высота, также наибольшая в центральной части, доходит до 24 мм. Вес колеблется в пределах 170-190 г, проба 970-990. На верхней поверхности, близко к концам (на более ровной поверхности) встречаются клейма (отдел нумизматики ГИМ, Музей денег Банка Литвы – кат. №15). Половинки этих слитков (полтины) известны в значительных количествах – 63 экз. Вес их 84-100 г. Отмечены следы проковки поверхности: торца, краев, «спинки».

Необходимо отметить, что на всех осмотренных экземплярах отсутствуют следы «продольного шва», который является специфической чертой слитков двухслойного литья. Последнее обстоятельство в совокупности с выраженным желобком и рисунком «волны» на верхней поверхности позволяет предположить, что интересующие нас слитки отливались за один прием. В случае подтверждения данного наблюдения это свойство может являться принципиальным технологическим отличием их от «горбатых» слитков.

В рамках еще одного предположения позволим себе остановиться на одной довольно редкой разновидности «клейм» на слитках, а именно литых выпуклых знаков (оттиснутых в литейной форме), фиксируемых на боковых поверхностях гривен (рис. 7, а). Нами зафиксированы следующие разновидности этих знаков⁵:

– в виде трех соединяющихся линий: в форме стрелки или «птичьей лапки» (кат. №№ 19, 21),

– в виде расположенной на боку буквы Т (две полтины неустановленного происхожде-

⁵ Две поперечные параллельные короткие выпуклые линии имеются на слитках из клада, найденного в 1866 г. в Курской губ. и хранящегося в отделе нумизматики ГЭ (сами слитки требуют дополнительного исследования); одному из авторов настоящей работы приходилось видеть знак в виде буквы Ш (место находки выяснить не удалось).

ния из собрания отдела нумизматики ГИМ, одна – кат. № 22).

Такие знаки отмечены лишь на слитках, которые являются предметом нашего исследования (кат. №№ 19, 21, 22). Возможно, наличие подобного знака может являться еще одной отличительной их чертой⁶.

Исходя из вышесказанного, даже допуская, что определенная часть подобных слитков может быть скрыта под названием «новгородские»

или «горбатые», можно с уверенностью заявить, что термин «литовские трехгранные» для их обозначения на сегодняшний день вполне оправдан. Тем не менее, несмотря на перечисленные особенности слитков интересующего нас типа, близость их обусловлена определенным родством: вероятно, они имеют общие корни и развиваются на основе слитков новгородского типа, в тоже время отражая региональные особенности⁷.

E. Glazunova, I. Shtalenkov

«LITHUANIAN TRIANGULAR» PAYMENT INGOTS

We have studied a group of ingots, having similar features, which in Russian historiography is usually related to the “Novgorod” type, or to some other. Numismatists from Lithuania and Belarus have succeed in the interpretation of these bars as “triangular Lithuanian”. However, they pointed out that the findings of such bars outside the Republic of Lithuania have not been studied, there was no summary of these ingots with a detailed description, and some of them can be hidden under the name of Novgorod. We have allocated 23 complexes with similar ingots. The land, on which

those treasures were found, refers to the lands of the Grand Duchy of Lithuania. Mint material (14 items) dates the earliest complexes of the third quarter of the 14th century, the most recent - the last quarter of the 15th century.

Despite the number of the extracted features, their closeness to the humpbacked «Novgorod» rubles is so evident that there is an idea about their particular relationship: they probably have the same roots and developed on the basis of the type of ingots Novgorod, at the same time, reflecting regional characteristics.

⁶ Обращает на себя внимание тот факт, что литой знак в виде «птичьей лапки» или стрелки помещается только по центру, острием к «спинке» слитка. Это обстоятельство невольно наводит на мысль о причине его появления: можно с осторожностью предположить, что середину слитка отмечали для последующего разрубания его на две половины (полтины).

⁷ Выражаем искреннюю благодарность нашей коллеге – Дале Грималаускайте за поддержку и помощь в подготовке этой работы.

Рис. 1. Целые и половинки (полтины) «трехгранных» слитков.

Рис. 2. Целые и половинки (полтины) «трехгранных» слитков.

Рис. 3. Предметы из клада (Шанчяй (Šančiai), Каунас, 1933 г.).

Рис. 4. Предметы из клада (Украина, 2011 г.).

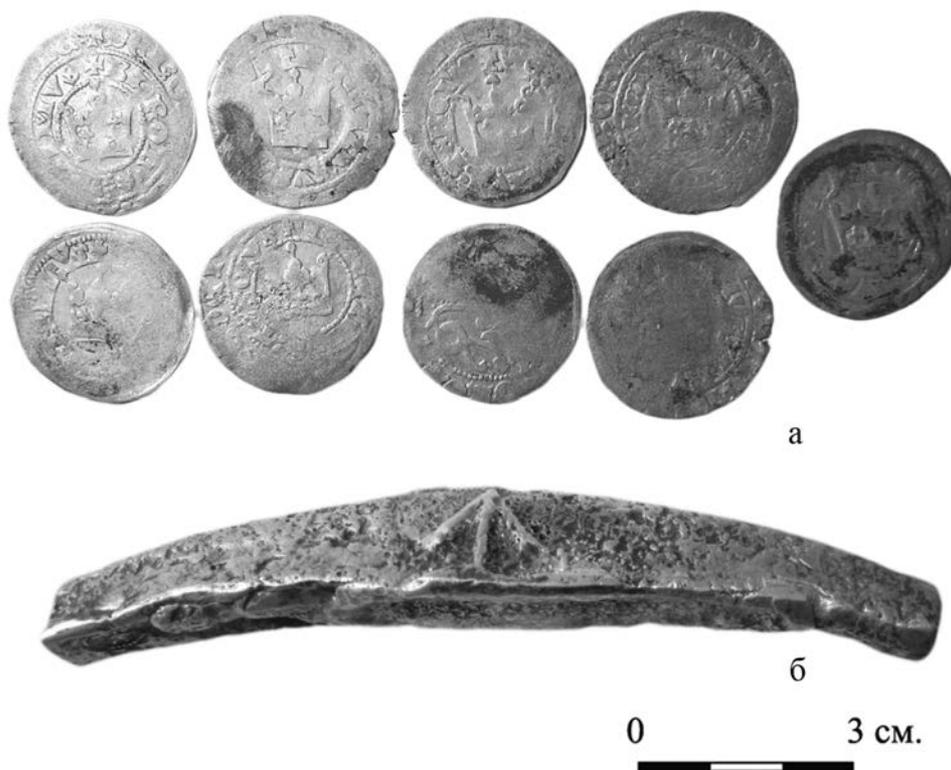

Рис. 5. Предметы из клада (Городнянский р-н Черниговской обл., 2013 г.).

Рис. 6. Места находок кладов.

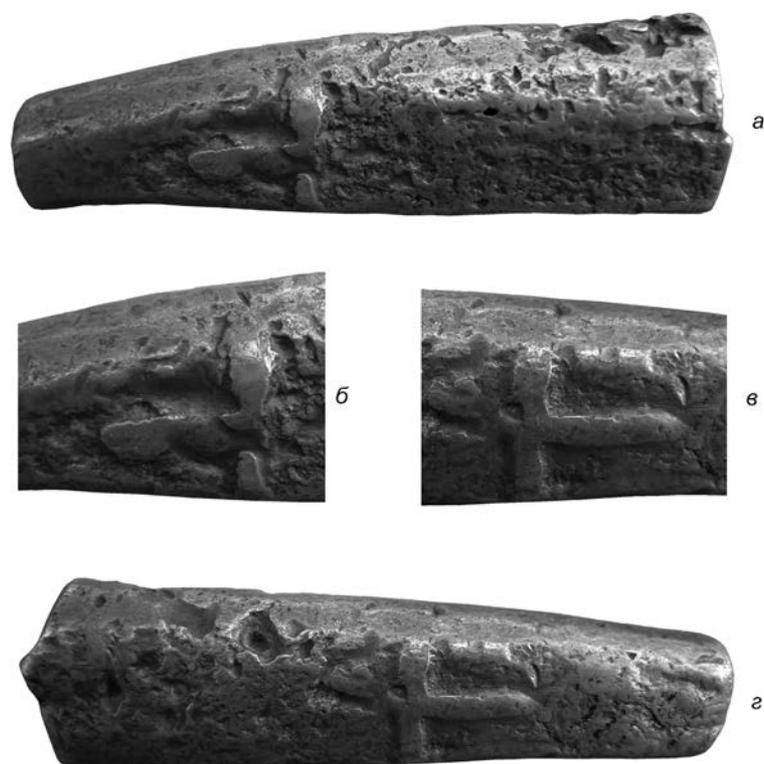

Рис. 7. Литые знаки на полтинах.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Авдусин Д.А.** Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1949 г. // МИСО. Вып. I. Смоленск, 1952. С. 311-367.
- Авдусин Д.А.** Гнёздовская корчага // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 110-113.
- Авдусин Д.А.** Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 3-20.
- Авдусин Д.А.** Краткая история исследования // Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М., 1999. С. 12-20.
- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.** Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 199-205.
- АКР / Археологическая карта России.** Рязанская область. Ч. 3. М., 1996.
- АКР / Археологическая карта России.** Тульская область. Ч. 2. М., 2002.
- Аланский всадник.** Сокровища князей I–XII вв. Каталог выставки. М., 2005.
- Албегова З.Х.** Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. // РА. 2001. № 2. С. 83-96.
- Албегова З.Х., Верещинский-Байбалов Л.И.** Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС // Материалы охранных археологических исследований. Т. 11. М., 2010.
- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Леонтьев А.Е., Долгих А.В.** Ранняя история ландшафтов древнейших русских городов // Русь в IX–X вв. Общество-государство-культура. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2012. С. 7.
- Алексеев А.В.** Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья (предварительное сообщение) // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005. С. 231-237.
- Алексеев А.В.** Култ медведя у кетов // СЭ. 1960. № 4. С. 90-104.
- Альбаум Л.И.** Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Амброс А.К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106-134.
- Анастасиевич В.** Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове // Отечественные записки. Ч. VIII. № 18-20. СПб., 1821. С. 425-442.
- Андреева Е.Г.** Фауна Ярославского Поволжья по костным остаткам из курганных погребений X–XI вв. // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 92-95.
- Андреева Е.Г.** Человек и животные из погребений г. Пскова по костным остаткам (раскопки 1976 г.) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967-1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996. С. 173-175.
- Андреева Е.Г., Петренко А.Г.** Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 137-189.
- Андрощук Ф.О.** Топография та хронологія Шестовицького могильника // Археологія. 1995. № 3. С. 115-122.
- Андрощук Ф.А.** Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. М., 2010. С. 72-93.
- Аничков Е.В.** Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
- Антонов Д.А.** Древнерусские селища XII–XIV вв. в Нижегородском Заволжье // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Нижний Новгород, 2004. С. 11-22.

Антонов Д.А. Украшения и предметы мелкой христианской пластики с русских заволжских селищ XIII–XIV вв. нижнего течения р. Санда // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2006. С. 25-35.

Археологическое изучение / Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991) // Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996.

Археология древнего Ярославля / Археология древнего Ярославля: загадки и открытия (по материалам Ярославской экспедиции ИА РАН). М., 2012.

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.

Асташова и др. / Асташова Н.И., Петрова Л.Ф., Сарачева Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013.

Асташова Н.И., Сарачева Т.Г. Коллекция сирийских энколпионов в археологическом собрании ГИМ // Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Севастополь, Краков, 2007. С. 19-27.

Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений в: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 137-185.

Ахмедов И.Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э. Проблемы и материалы. РСМ. Вып. 13. М., 2010. С. 7-34.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов конференции. М., 1999. С. 56-58.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. К реконструкции исторических процессов в: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 273-275.

Барабанов Н.Д. К истории византийских народных верований. Истера // Античная древность и средние века. Вып. 34. Екатеринбург, 2003.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск // Археология Пермского края. САИ. Вып. 1. Пермь, 2008.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве

Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века). М., 1976. С. 75-89.

Беленькая Д.А. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. 1993. С. 11-19.

Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб., 1996.

Белецкий С.В. Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 2. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв. СПб., 2000.

Белецкий С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-23 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 243-319.

Белоцерковская И.В. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиция и перспективы. М., 1998. С. 40-49.

Белоцерковская И.В. Ажурные застёжки из могильника Кораблино // Труды ГИМ. Вып. 103. М., 1999. С. 154-176.

Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений в: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 186-212.

Белоцерковская И.В. Литые подвески к наосникам из рязано-окских могильников // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010а. С. 194-203.

Белоцерковская И.В. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула, 2010б. С. 75-100.

Белоцерковская И.В. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012. С. 55-78.

Белоцерковская И.В. Застёжки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, в печати.

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.

Березкин Ю.Е. Киртимукха, Сисиутль и другие симметрично-развернутые изображения Индо-Тихоокеанского региона // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Юж-

ной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб., 2009. С. 5-24.

Билимович З.А. Зеркало из Артюховского кургана // Труды ГЭ. Т. VII. СПб., 1962. С. 135-141.

Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'ятки Шестоциці. Київ, 1977.

Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // ИАК. Вып. 18. СПб., 1895.

Буров В.А. Городище Варварина Гора. Поселение I-V и XI-XIV вв. на юге Новгородской земли. М., 2003.

Васильев Б.А. Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4. С. 78-104.

Васильев Е.А. Исследования в таёжном Приобье // АО 1977 года. М., 1981. С. 168-169.

Васильевский В.Г. Руссковизантийские исследования: Жития святых Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Труды. Т. 3. СПб., 1915.

Васильков В.Я. Индийские памятники героям в сравнительном освещении // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. С.-Петербург, 7-10 февраля 2007 г. СПб., 2007.

Векслер А.Г. Раскопки на Великом посаде. Теплые торговые ряды. М., 2009.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 2000. С. 11-19.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Находки нательных крестов с изображением святого Никиты-бесогона из раскопок на улице Б. Дмитровка в Москве // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005. С. 223-230.

Вереш П. Этнологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель мира // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 72-78.

Вешнякова К.В., Булкин В.А. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 40-53.

Византийский Херсон / Византийский Херсон. Каталог выставки. М., 1991.

Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-гельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 2000. С. 326-360.

Владимиров И. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1898 г. в Нальчикском округе Терской области // ОАК. 1898. СПб., 1901. С. 124-140.

Воздвиженский Д. Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии // Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света на 1827 г. Ч. II. Кн. 2. С. 206-223; Ч. III. Кн. 1. С. 54-78. М., 1827.

Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 25-93.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX-начало XI века. М., 2007.

Воронцов А.В. Отчет о разведочных исследованиях на археологическом комплексе у с. Красное Кимовского района Тульской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Воронцов А.М. Памятники мощинской культуры в 3-й четверти I тыс. н.э. // РСМ. Вып. 15. М. В печати.

Вязкова О.Е., Милютин Н.Н. Палеорельеф междуречья Великой и Псковы, подвергшийся антропогенному воздействию в X-начале XI вв. // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967-1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996. С. 91-99.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст // РСМ. Вып. 3. М., 1996. С. 47-52.

Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Образ крылатого коня на зооморфных бляшках из Дагестана // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012. С. 295-298.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урал-алтаистика. (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск, 1985. С. 137-144.

Глазунова Е., Зайцев В. Клад с платежными слитками из Калужской области: к вопросу о времени клеймения слитков в Московском великом княжестве // Средневековая нумизматика в Восточной Европы. Вып. 4. М., 2012. С. 30-46.

Гнёздовский могильник / Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М., 1999.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни // Медное художественное литье XI–начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М., 2000.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

Голубева Л.А. Киевский некрополь // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. МИА. № 11. М.-Л., 1949. С. 103-108.

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М., 1979.

Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX–начала XI в. в среднем и нижнем Поочье. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2013.

Гоняный М.И. Отчет о работе Донского отряда Окско-Донской археологической экспедиции Государственного Исторического музея в Тульской области (район Куликова поля) в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10456. 1985.

Гоняный М.И. Отчет о работе Донского отряда Окско-Донской археологической экспедиции ГИМ в Кимовском, Куркинском, Богородицком, Узловском районах Тульской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1986.

Гоняный М.И. Результаты археологических исследований, проведенных в Кимовском, Богородицком, Узловском, Новомосковском районах Тульской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13398. 1989.

Гоняный М.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных ГИМ в Кимовском районе Тульской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1999.

Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ в Истринском, Рузском, Серпуховском, Чеховском, Подольском районах Московской области и в Кимовском районе Тульской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2003.

Гоняный М.И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII–третья четверть XIV вв.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. Труды ГИМ. Вып. 150. М., 2005.

Гоняный М.И. Отчет о научно-исследовательских археологических работах, проведенных ГИМ в Тульской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2007.

Гоняный М.И. Отчет об охранных научно-исследовательских археологических работах, проведенных Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ в Тульской, Липецкой и Рязанской областях в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2008.

Гоняный М.И. Отчет о результатах охранных разведочных археологических исследований в Рязанской, Липецкой и Тульской областях (район Куликова поля) в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2010.

Гоняный М.И. Отчет о разведочных археологических исследованиях, проведенных на селище Колесовка-2, поселениях Колесовка-5,6, входящих в комплекс археологических памятников у д. Устье, расположенных в Кимовском районе Тульской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2011.

Гоняный М.И. Отчет о разведочных археологических исследованиях, проведенных на селищах Колесовка-2,3,4, поселениях Колесовка-5,6, входящих в комплекс археологических памятников у д. Устье, расположенных в Кимовском районе Тульской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2012.

Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону // СА. 1991. № 1. С. 246-254.

Гоняный М.И., Гриценко В.П. Поселение 2-й половины XIII–начала XIV в. Березовка-5 на Куликовом поле // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Древнерусские археологические памятники конца XII–третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003.

Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово I в Истринском районе Московской области // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2005. С. 184-210.

Гоняный М.И., Пуцко В.Г. Находка креста-энколпиона XIII в. на Чур-Михайловском (Архангельском) археологическом комплексе // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород-СПб.-М., 2009.

Горбачева Н.И., Харламова И.Г. Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XVII вв. в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Каталог. Ярославль, 2011.

Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья // Дисс.... канд. ист. наук. Архив ИА НАНУ. Киев, 1988.

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961.

Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X–начала XI вв. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Т. XVIII. СПб., 2005. С. 82-121.

Грибов Н.Н. Отчёт об археологических раскопках на городище Городок в г. Нижнем Новгороде в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Грибов Н.Н., Иванова Н.В. Религиозные представления сельского населения нижегородской округи в средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2001. С. 213-220.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII–начале XI века по археологическим данным // Труды ТАЭ. Вып. 2. Тула, 2000.

Григорьев А.В. Структура начального заселения славянами бассейна р. Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы верхнего Поочья. Материалы X Региональной научной конференции. Калуга, 2003. С. 48-53.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I–начале II тыс. н.э. Тула, 2005.

Григорьев А.В. Клады рубежа IX–X вв. бассейна средней Оки // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2012. С. 73-79.

Григорьев А.В. Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей. В печати.

Грималаускайте Д., Синчук И. Об одном необычном литовском платежном слитке // Lietuvos archeologija. Т. 21. 2001. Р. 283-292.

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. История Человечества: Модели периодизации // Вестник РАН. 2010. № 12. С. 1085-1098.

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Историческое время и модели его «ускорения» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. 3 (31). С. 40-45. <http://elibrary.ru/item.asp?id=17955162>

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Хронология и периодизация археологической эпохи в Старом Свете. Часть 1 // Пространство и время. 2013а. № 2. С. 71-83.

Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Хронология и периодизация археологической эпохи. Часть 2. Разветвление в модели археологической эпохи // Пространство и Время. 2013б. № 3. С. 54-63.

Гриценко Т.А., Пуцко В.Г. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 208-222.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Гутов Л.А., Никитин М.К. Справочник по художественной обработке металлов. СПб., 1995.

Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси. Л., 1936.

Дайга Й.В. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии (до XIII в.) // СА. 1960. № 3. С. 78-92.

Дайм Ф. История и археология авар // МАИ-ЭТ. Вып. IX. Симферополь, 2002. С. 273-384.

Даркевич В.П. К истории торговых связей Древней Руси // КСИА. Вып. 138. 1974. С. 93-103.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 2010.

Дементьева А.С. «Подвески Гнездовского типа» на территории Древней Руси XI–XII вв. // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 211-272.

Дончева-Петкова Л. Средневековни кръсто-ве-енколпиони от България (IX–XIV в.). София, 2011.

Древности Таджикистана. Каталог выставки АН Таджикской ССР. Государственный Эрмитаж. Душанбе, 1985.

Дружинин М.А. Археологические разведки летом 1926 г. // Тульский край. № 1. Тула, 1927.

Дубов И.В. Новые раскопки Тимерёвского могильника // КСИА. Вып. 146. 1976. С. 82-86.

Дубов И.В. «Домики мертвых» ярославских могильников // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 120-123.

Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л., 1982.

Дубов И.В. Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 95-99.

Дубов И.В. Языческие культы населения Ярославского Поволжья IX–XIII вв. (по археологическим данным) // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 7-19.

Дубов И.В. И поклоняешься идолу каму ... СПб., 1995.

Дубов И.В., Седых В.Н. Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 115-123

Дубов И.В., Седых В.Н. «Свекор-батяка говорит: к нам медведицу ведут» // ЖС. 1997. № 4. С. 40-41.

Егорьков А.Н., Щетенко А.Я. Состав металла населения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. № 3. Київ, 1999.

Ениосова Н.В. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и псковской земли. Псков, 2001а. С. 207-218.

Ениосова Н.В. Скандинавские рельефные фибулы из Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001б. С. 83-92.

Ениосова Н.В., Жарнов Ю.Э. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчанного города» домонгольского Владимира // РА. 2006. № 2. С. 64-80.

Ениосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. О применении рентгено-флюоресцентного энерго-дисперсного анализа в археологии // Вестник МГУ. Серия История. № 1. 1997. С. 107-121.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008. С. 107-153.

Енуков В.В. Ранние этапы формирования Смоленско-Полоцких кривичей. М., 1990.

Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб., 2010.

Ершова Т.Е. Погребение 6 псковского камерного некрополя и привеска со знаком Рюриковичей // АИППЗ. Псков, 2010. С. 24-29.

Ефименко П.П. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 48. Саранск, 1975. С. 7-36.

Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1992. С. 1-23.

Жарнов Ю.Э. Художественное медное литье из раскопок во Владимире-на-Клязьме // РА. 2000. № 1. С. 183-193.

Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. Приложения. (Издание на диске). М., 2012а.

Жилина Н.В. Стили в древнерусском ювелирном искусстве IX–XIII вв. // Знание. Понимание. Умение. № 1. М., 2012б.

Жилина Н.В. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII–XVII в. на материале Северо-Восточной Руси // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2012в. С. 215-235.

Журавлев Д.В., Хршановски Л. К изданию Корпуса светильников Государственного Исторического музея // РА. 1997. № 4. С. 218-223.

Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамика и изделия из глины // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М., 2002. С. 20-39.

Заварзин Г.А. Будущее отбирается прошлым // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 5. С. 403-411.

Зайдов О.Н. Курганы Паганьего леса // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. Вып. 158. М., 2006.

Зайцев В. «Северские» монеты с «княжеским знаком», 80-е гг. XIV в. // Нумизматика. 2011. № 1 (28). С. 16-22.

Зайцева И.Е. Сплавы цветных металлов селит Суздальского Ополя // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2008. С. 36-55.

Зайцева И.Е. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. М., 2009. С. 155-166.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М., 2011.

- Залеская В.Н.** Связи средневекового Херсонеса в X–XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ в IV–XVI вв. Л., 1988. С. 93-103.
- Залеская В.Н.** Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. Государственный Эрмитаж. СПб., 2006.
- Захаров С.Д.** Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Захаров С.Д.** Белоозеро на начальных этапах становления Древнерусского государства // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства. Сборник материалов международной научной конференции. Вологда, 2012. С. 32-47.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н.** Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. М., 2008. С. 142-215.
- Захаров С.Д., Макаров Н.А.** Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. Материальная культура и хронология. М., 2008. С. 290-318.
- Зозуля С.С.** Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Труды II (XVIII) Всероссийского АС. Т. II. М., 2008. С. 337-340.
- Зоценко В.Н.** Киевский некрополь-II: место в исторической топографии города, типология погребального обряда, хронология // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010. С. 455-477.
- Зоценко В., Звіздецький Б.** Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок стародавнього Іскоростеня // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Чернівці, 2006. С. 87-105.
- Зоценко В.Н., Иевлев М.М.** Бронзовая литейная форма XI в. из Киева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010. С. 371-374.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И.** От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III–первая половина VI в.). Киев, 2000.
- Ивакин Г.Ю.** Погребения X–первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 287-304.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Медведь // Мифы народов мира. Т. II. М., 1994. С. 128-130.
- Иерусалимская А.А.** Древняя латунь на торговых путях Кавказа (по материалам Мощевой Балки) // СА. 1986. № 4. С. 100-111.
- Изюмова С.А.** Вятическое погребение в Тульской области // СА. 1957. № 3. С. 260-261.
- Изюмова С.А.** Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища // Вестник МГУ. Серия История. № 6. 1978. С. 100-103.
- Изюмова С.А.** Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 206-213.
- Изюмова С.А.** Могильник у села Монастырщина Тульской области // Куликово поле. Материалы и исследования. Труды ГИМ. Вып. 71. М., 1990.
- Иоанн / Иоанн митрополит.** Канонические ответы (1080-1089) // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. РИБ. Т. 6. СПб., 1880. С. 1-20.
- Исланова И.В.** Верхневолжье и Валдай // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 301-332.
- Исланова И.В.** Древности в верховьях Волги (ранний железный век и средневековье) // РСМ. Вып. 14. М., 2012.
- Исланова И.В., Черных Е.М.** Лепная керамика селища Рогово 2 в Верхневолжье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып.1. Тула, 2008. С. 169-180.
- История и археология / История и археология Дальнего Востока и Приморья // К 70-летию Э.В. Шавкунова.** Владивосток, 2000.
- Кадиева А.А.** Два поясных наконечника со сценами терзания из могильников Галиат и Песчанка // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11. Армавир, 2010. С. 148-153.
- Кадиева А. А.** Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА. 2012. № 1. С. 100-111.
- Казанский П.С.** Типик женского монастыря Пресвятой Богородицы Благодатной, основанного и устроенного императрицей Ириной, женой императора Алексея Комнена, по ее повелению и мысли составленный и изданный. М., 1878.
- Каинов С.Ю.** Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовско-

го могильника) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 54-63.

Каинов С.Ю., Михайлов К.А. Находки деталей сложносоставного лука на территории Древней Руси и их культурная атрибуция // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. СПб.-М., 2010. С. 321-341.

Калчев К. Антични и късноантични лампи от Стара Загора // Известия на музеите от Югоизточна България. V. 1982. С. 7-22.

Каменецкая Е.В. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 125-174.

Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Каменецкая Е.В. О некоторых типах керамики Гнездова // СА. 1988. № 1. С. 258-262.

Каменецкая Е.В. Керамика Гнездова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998. С. 124-134.

Каменецкая Е.В. О возможности определения продукции одного гончара в древнем Гнездове // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 107-113.

Канивец В.И. Канинская пещера. М., 1964.

Каргапольцев С. Ю., Бажан И. А. К вопросу об эволюции трёхрогих пельговидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // ПАВ. Вып. 7. СПб., 1993. С. 113-120.

Каргер М.К. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.-Л., 1958.

Карпенко Е.В. Медное художественное литье XII–XX вв. из собрания Национального художественного музея Республики Беларусь. Каталог. Минск, 2006.

Карпухин А.А. Некоторые результаты дендронализа материалов из раскопок в Гнездове // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 204-207.

Каталог / Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. IV–VI. М., 1907.

Каштанов Л.И. Химический состав цветных сплавов на территории СССР // Труды Московского инженерно-экономического института. Химия и химические производства. Вып. I. М., 1954. С. 101-134.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.-Л., 1966.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973.

Кирпичников А.Н., Каинов С.Ю. Меч с рельефными украшениями рукояти из раскопок гнездовского могильника. // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 68-72.

Кирпичников А.Н., Ениосова Н.В. Литейные формы для производства слитков из Старой Ладого // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 290-296.

Кирпичников А. Н., Сакса А. И. Мечи средневековой Карелии // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006. С. 41-72.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.

Клянин Р.В. Локализация древнерусского города Корнике // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы доклада. Калуга, 1987.

Клянин Р.В. Отчет о разведке в Веневском районе Тульской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13097.

Клянин Р.В. К вопросу о локализации древнерусского города Корнике // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы докладов. Курск, 1991.

Клянин Р.В. Археологические исследования в Веневском районе в 1996 г. // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тезисы докладов. Вып. 1. Тула, 1997.

Клянин Р.В. Уникальные находки христианских предметов с древнерусского города Корнике // Материалы региональной научной конференции «Археология юго-востока Руси». Тезисы докладов. Елец, 1998.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2. М., 1979.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: История и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995. С. 123-183.

Коваль В.Ю. О древнерусских амулетах-змевиках // КСИА. Вып. 221. 2007. С. 54-62.

Кокорина Ю.Г. Терминосистема концептуальной области «археология». М., 2011.

Коллекционная опись / Коллекционная опись раскопа III в 1976 г. на ул. Ленина № 9152-III // ПГОИАХМЗ. Отдел хранения археологических коллекций.

- Коллекционная опись** / Коллекционная опись раскопа 1978 г. на ул. Ленина № 10859 // ПГОИАХМЗ. Отдел хранения археологических коллекций.
- Колосова И.О.** К изучению ранних этапов застройки северо-восточной части посада Пскова (по материалам раскопа XIII на ул. Ленина) // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Псков, 1999. С. 26-35.
- Колчин Б.А.** Дендрохронология Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3. Новые методы в археологии. МИА. № 117. М., 1963.
- Колчин Б.А.** Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156-177.
- Колчин Б.А., Черных Н.Б.** Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.
- Колчин Б.А., Хоросhev А.С., Янин В.Л.** Усадьба новгородского художника. М., 1981.
- Кондаков Н.П.** История и памятники византийской эмали. СПб., 1892.
- Коновалов А.А.** Медные сплавы Подмосковных курганов // Вестник МГУ. Серия История. № 2. 1969. С. 60-77.
- Коновалов А.А.** Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008. С. 7-106.
- Корзухина Г.Ф.** Русские клады IX–XIII вв. М.-Л., 1954.
- Корзухина Г.Ф.** Предметы убора с выемчатыми эмалями V–первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Вып. Е1-43. Л., 1978.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.** Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Королёва Э.В.** Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967-1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996. С. 229-300.
- Королева Э.В.** Ювелирное ремесло средневекового Пскова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- Кочнев Б.Д.** Нумизматическая история саманидского сановника Кут-тегина / Хут-тегина (X в.). Окончание // Нумизматика Центральной Азии. Вып. VII. Ташкент, 2004.
- Кравченко Н.М.** Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М. Кравченко в 1961–1964 гг.) // МИА. № 139. М., 1967. С. 77-135.
- Крайнов Д.А.** Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М. 1972.
- Крайнов Д.А.** Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987а. С. 10-28.
- Крайнов Д.А.** Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987б. С. 58-76.
- Крейнович Е.А.** Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник. Вып. 2. Мифология, этнография, тексты. М., 1969. С. 6-112.
- Кренке Н.А.** Нателные крестики из раскопок во дворе старого здания Московского университета // РА. 2000. №1. С. 207-214.
- Круглов В.Е.** Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Труды ГИМ. Вып. 145. М., 2005. С. 307-320.
- Крупнов Е.И.** Из итогов археологических работ (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1935 г.) // ИСОНИИ. Т. IX. Орджоникидзе, 1940. С. 130-168.
- Кудряшов А.В.** Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // РА. 2000. № 3. С. 44-58.
- Кудряшов А.В.** Памятники IX–начала XI в. в бассейне р. Шексны и Белого озера: возможности реконструкции историко-культурных процессов в регионе // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства. Сборник материалов международной научной конференции. Вологда, 2012. С. 48-64.
- Куза А.В.** Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6-39.
- Кузманов Г.** Античные лампы. София, 1992.
- Кузнецов В.А.** Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. 1973. № 2. С. 60-72.
- Кулаков В.И., Витязь С.П.** Массовое погребение коней на могильнике Доллякайм // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. №3. Мінск, 2001. С. 195-201.
- Кулакова М.И.** Некоторые итоги дендрохронологического изучения дерева из раскопов на ул. Ленина (1982, 1984–1985 гг. – V, VI раскопы; 1991 г. – XVI раскоп) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996. С. 195-205.
- Кулакова М.И.** Динамика застройки Пскова X–XVII вв. по данным археологии, дендрохронологии и письменных источников. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2001.

- Куликаускене Р.К.** Погребения с конями у древних литовцев // СА. Вып. XVII. М., 1953. С. 211-222.
- Кусцинский М.Ф.** Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 году // Древности. Труды МАО. Т. IX. Вып. I. М., 1881.
- Кухаренко Ю.В.** Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е1-57. М., 1961.
- Лабутина И.К.** Отчет об охранных археологических раскопках на ул. Ленина. 1976 г. // Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 6855.
- Лабутина И.К.** Отчет об археологических раскопках на ул. Ленина в г. Пскове в 1978 г. // Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 7083.
- Лабутина И.К.** Культурный слой Пскова // АИП. М., 1983. С. 7-45.
- Лабутина И.К.** Раскопки в древней части псковского посада (1967–1991 гг.) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996а. С. 13-47.
- Лабутина И.К.** Погребения псковского некрополя (17-24, 26-28) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996б. С. 100-118.
- Лабутина И.К.** Дренажная система конца XV–XVIII вв. (по материалам раскопок на ул. Ленина в Пскове) // АИППЗ. Псков, 2004. С. 60-83.
- Лабутина И.К.** Ярусы на улице Ленина в Пскове (о структуре публикации) // АИППЗ. Псков, 2007. С. 82-92.
- Лабутина И.К., Кильдюшевский В.И., Щапова Ю.Л.** Раскопки в Пскове на ул. Ленина // АО 1976 г. М., 1977. С. 23-24.
- Лабутина И.К., Кильдюшевский В.И., Урьева А.Ф.** Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 69-77.
- Лабутина И.К., Кулакова М.И.** Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 66-82.
- Лабутина И.К., Малышева Н.Н., Закурна Т.Ю., Яковлева Е.А., Михайлов А.В.** Древнерусский некрополь Пскова // Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 386-407.
- Лабутина И.К., Колосова И.О.** О хронологии ярусов в раскопах древней части Среднего города Пскова // Новгородские археологические чтения-3: Материалы Международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Новгород, 2011. С. 144-159.
- Лапшин В.А.** Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009.
- Левашева В.П.** Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967а. С. 7-54.
- Левашева В.П.** Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967б. С. 207-252
- Леонтьев А.Е.** Так кто же насыпал ярославские курганы? // Краеведческие записки. Вып. VII. Ярославль, 1991. С. 39-46.
- Леонтьев А.Е.** Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Леонтьев А.Е.** «Мерянское начало» Ростова // Труды III (XIX) Всероссийского АС. Т. II. СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. С. 64-65.
- Леонтьев А.Е.** На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.-Вологда, 2012. С. 162-177.
- Лесман Ю.М.** Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблемы синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 118-153.
- Лещинская Н.А.** Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С. 79-109.
- Ливох Р.** Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010. С. 486-492.
- Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л.** Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 244-259.
- Логинов К.К.** Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993.
- Ложкин М.Н., Малахов С.Н.** Железные кресты византийско-кавказского типа из Отраденского музея // Историко-археологический альманах. Вып. 2. М., Армавир, 1996. С. 202-209.
- Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г.** Северо-Запад России и Север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 276-300.
- Лысенко А.В.** Позднеантичный - средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая // АДУ. 2010. Київ, Полтава, 2011. С. 223-224.

- Львова З.А.** Стекланные бусы Старой Ладogi (Часть I) // АСГЭ. 10. Л., 1968. С. 64-94.
- Любомудров Н.В.** Местногеографические древности в Рязанской губернии // Прибавления к Рязанским Епархиальным Ведомостям. Рязань, 1874. № 1. С. 1-5.
- Ляпушкин И.И.** Городище Новотроицкое // МИА. № 74. М.-Л., 1958.
- Ляпушкин И.И.** Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1968.
- Макаров Н.А.** Орнаментака белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. 1985. № 2. С. 79-100.
- Макаров Н.А.** Лепная керамика Восточного Прионежья IX–XI вв. // КСИА. Вып. 196. М., 1989. С. 83-93.
- Макаров Н.А.** Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990.
- Макаров Н.А.** К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. Вып. 205. 1991а.
- Макаров Н.А.** Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991б. С. 129-165.
- Макаров Н.А.** Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.
- Макаров Н.А.** Средневековое расселение в Суздальском ополье: новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 2. М., 2008. С. 3-22.
- Макаров Н.А.** Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.-Волгда, 2012. С. 194-211.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В.** Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I–первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 196-215.
- Макаров Н.А., Красникова А.М.** Христианские древности суздальских селищ: новые находки // КСИА. Вып. 221. 2007. С. 63-73.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В.** О датировке раннесредневекового поселения Вась 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010. С. 113-141.
- Макарова Т.И.** Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.
- Макарова Т.И.** Черневое дело Древней Руси. М., 1986.
- Макарова Т.И.** Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 121-146.
- Макарова Т.И., Равдина Т.В.** Семилопастные височные кольца с орнаментом // РА. 1992. № 4. С. 68-82.
- Максимов А.Д.** Археологический комплекс III–VII вв. н.э. селища Суходол II (Ржевский район Тверской области) // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 380-386.
- Максимова М.И.** Артюховский курган. Л., 1979.
- Мальм В.А.** Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968. С. 113-117.
- Мальм В.А., Фехнер М.В.** Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 193-209.
- Мальцев М.В., Барсукова Т.А., Борин Ф.А.** Металлография цветных металлов и сплавов. М., 1960.
- Мамаев Х.М., Савенко С.Н.** Дуба-Юртовские катакомбные могильники // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 5-36.
- Мансуров А.А.** Археологическая карта реки Прони // СА. 1937. Т. IV. С. 211-238.
- Марков А.К.** Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
- Мартьянов В.Н.** Арзамасская мордва в I–начале II тысячелетия. Арзамас, 2001.
- Маршак Б.И.** Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // Труды Таджикской АЭ Т. IV. 1954–1959 гг. МИА. № 124. М.-Л., 1964. С. 182-243.
- Маршак Б.И.** Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
- Маршак Б.И.** Керамика Согда V–VII веков как историко-культурный памятник. СПб., 2012.
- Материаловедение /** Материаловедение и технология металлов. М., 2006.
- Материалы /** Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюково-Кужновский могильник. Моршанск, 1952.
- Материальная /** Материальная культура средне-восточной мордвы VIII–XI вв. Саранск, 1969.
- Матющенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть 2.

Самульская культура // Из истории Сибири. Вып. 10. Томск, 1973.

Мацына А.И. Грифон. К содержанию образа // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1999. С. 15-34.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966.

Мейландер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 35-40.

Мерперт Н.Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. XXXVI. 1951. С. 14-30.

Меч и златник / Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского Государства. Каталог выставки. М., 2012.

Милонов Н.П. Материалы к археологической карте Скопинского уезда Рязанской губернии: районы течения рек Верды и Прони // Труды ОИРК. Вып. 12. Рязань, 1928.

Милонов Н.П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища // Рязанский Средне-Окский музей. Исследования и материалы. Вып. 5. Рязань, 1931.

Милонов Н.П. Отчет об археологических разведках в 1947 г. по селищу на Гневне и наблюдениях в Пронске // Архив ИА РАН. Р-1. № 128.

Милонов Н.П. К изучению археологических памятников и истории сел и городов на территории Рязанской области. В помощь учителю-краеведу. Рязань, 1949.

Милонов Н.П. Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской области. В помощь учителю-краеведу. Рязань, 1950.

Милютин Н.Н. Некоторые результаты изучения древнерусского кладбища Пскова (погребальный обряд) // АИП. Вып. 2. Псков, 1994. С. 128-150.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 11. 1980. С. 68-74.

Мокрушин М.Л. Керамика Мининского археологического комплекса // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. Материальная культура и хронология. М., 2008. С. 270-289.

Молодин В.И. Русские серебряные кресты-тельники из коллекции Генри Сиибомы // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск, 2004. С. 339-347.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007.

Молчанов А.А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. VII. Л., 1976. С. 69-91.

Молчанов А.А. Еще раз о Таманском бронзовом «брактеате» // СА. 1982. № 3. С. 223-226.

Молчанов А.А. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir // X Все-союзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 1986. С. 184-186.

Молчанов А.А. Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 250-269.

Молчанов А.А. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.-Волгда, 2012. С. 436-447.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

Мончадская Е.А. Глиняный налеп с пенджикентского оссуария (К вопросу об оберегах в Средней Азии) // Труды АН Тадж. ССР. Т. 120. 1960. С. 125-132.

Мошинская В.И. Деревянная скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.

Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М., 1974. С. 5-81.

Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.

Муравьева А.Н. Энколпионы и кресты-тельники XI–начала XVI вв. из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Каталог. Владимир, 1999.

Мурашева В.В. Супрутский клад из раскопок 1969 г. М., 2008.

Мурашева В.В., Авдусина С.А. Исследование притеррасного участка пойменной части гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 8-30.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 31-77.

Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности // Труды ИИМК. 5. СПб., 2002.

- Мусин А.Е.** Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси. Памяти Т.А. Чуковой. СПб., 2006. С. 163-222.
- Мусин А.Е.** Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.
- Мусин А.Е.** Металлические кресты // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Археологический альманах. № 30. Донецк, 2013.
- Наследие византийского Херсона / Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д.** Наследие византийского Херсона. Севастополь-Остин, 2011.
- Наумова Т.В.** Отчет о разведочных исследованиях в Кимовском и Богородицком районах Тульской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Т. 1. 2011.
- Недошивина Н.Г.** Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 253-274.
- Недошивина Н.Г.** О датировке Белевского клада // Славяне и Русь. М., 1968. С. 118-121.
- Недошивина Н.Г.** Акатовский курганный могильник XI–XII вв. в Подмосковье // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969. С. 214-227.
- Недошивина Н.Г.** Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. № 4. С. 222-225.
- Недошивина Н.Г., Фехнер М.В.** Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101-115.
- Нестерова М.Е.** К характеристике сопровождающего инвентаря из погребений у церкви Жен мироносиц на Загородском посаде г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Т. 5. Тверь, 2003. С. 81-96.
- Нефедов В.С.** Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 64-67.
- Никита Хониат.** История со времен царствования Иоанна Комнина. Книга о статуях города Константинополя. Рязань, 2003.
- Николаева Т.В., Чернецов А.В.** Древнерусские амулеты-змевики. М., 1991.
- Николаева Т.В., Недошивина Н.Г.** Предметы христианского культа // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 166-178.
- Никольская Т.Н.** Земля вятичей. М., 1981.
- Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода.** М., 1982.
- Носов А.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.** Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.** Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–начало V в. н.э.). РСМ. Вып. 10. М., 2007. С. 113-141.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.
- Олейников О.М.** Новые материалы по исторической топографии бывшего Затьмацкого посада г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997. С. 179-187.
- Олейников О.М.** Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде // Археология Подмосковья. Вып. 9. М., 2013. С. 101-105.
- Островский А.Б., Федоров Ю.А.** Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. Каталог. СПб., 2007.
- От редакции // Труды Новгородской археологической экспедиции.** Т. 2. М., 1959. С. 5-6.
- Памяти / Памяти Сергея Викторовича Мейена (к 70-летию со дня рождения) // Труды Международной палеоботанической конференции.** Москва, 17-18 мая 2005 г. Вып. 3. М., 2005.
- Паршин В.В.** Сокровищница Калужского края. История. Калуга, 2005.
- Пескова А.А.** К вопросу о датировке и атрибуции некоторых памятников искусства Древней Руси // Церковная археология. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. СПб., Псков, 1995. С. 82-86.
- Пескова А.А.** Памятники культового литья балкано-дунайской традиции в Новгороде // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы Международной научной конференции 4-7 октября 2005 г. СПб., 2007. С. 268-280.
- Пескова А.А.** Византийско-скандинавские компоненты христианской металлопластики Древней Руси X–XI вв. // На Запад и Восток:

межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: культура, память, идентичность. СПб., Новгород, 2009. С. 47-48.

Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб., 2005.

Петрашенко В.О. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 181-187.

Петренко В.П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi // КСИА. Вып. 150. 1977. С. 55-62.

Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.

Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2008 // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 80-90.

Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983. С. 174-181.

Пещеры тысячи Будд / Пещеры Тысячи Будд. Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки. СПб., 2008.

План участка / План участка «Х», пласт 12 // Архив ГБУК АЦПО. Д. б/н. Папка 1976 г. ПЛ-III. № 57.

Платонова Н.И. Камерные погребения XI–начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 372-380.

Плетнёв В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: К археологической карте губернии. Тверь, 1903.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. М., 1967.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Плоткин К.М. Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996. С. 161-171.

Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск, 1983.

Покровская Л.В., Тянина Е.А. Амулеты-змеевики средневекового Новгорода (хроно-

логия, топография, семантика) // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород-СПб.-М., 2009. С. 432-445.

Полевой дневник / Полевой дневник участка «Х» раскопа III. 1976 г. // Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Фонд 177, н/в 6847 (9).

Прошкин О.Л., Массалитина Г.А. Древнейшая история. Урочище Чертово Городище. Калуга, 2004. С. 19-26.

Путь из варяг / Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. М., 1996.

Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М., 1987. С. 50-58.

Пушкина Т.А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 226-243.

Пушкина Т.А. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы 1994. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 171-186.

Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 405-417.

Пушкина Т.А. Сувениры Аустревг // У истоков древнерусской государственности. СПб., 2007. С. 325-331.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.-Вологда, 2012. С. 243-273.

Пятышева Н.В. Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С. 72-83.

Работы южно-ферганской партии / Работы южно-ферганской партии отдела нерудных ископаемых КЕПС Академии Наук // Горный журнал. 1927. Вып. 8. М. С. 507.

Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С. 136-142.

Равдина Т.В. Хронология «вятичских» древностей. Дисс.... канд. ист. наук. Гл. 4. М., 1975.

Радюш О.В. Новые памятники III–V вв. в Курском Посеймье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. С. 181-208.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

- Родинкова В.Е.** Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. Вып. 215. М., 2003. С. 6-20.
- Родинкова В.Е.** Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 358-388.
- Романченко Н.Ф.** Образцы Старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л., 1928. С. 37-42.
- Российский Дальний / Российский Дальний Восток** в древности и Средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.
- Рузанов В.Д.** Ранние рудники в Узбекистане // Материалы Каргалинского Международного полевого Симпозиума-2002. Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Европе: Каргалинский комплекс. М., 2002. С. 79.
- Рузас В.** Серебряные денежные слитки в музее Банка Литвы. Банкаўскі веснік // Материалы международной конференции «Денежное обращение на территории Беларуси: прошлое и настоящее» 23-25 ноября 2005 года. № 4 (333). Минск, 2006. С. 56-62.
- Румянцева О.С.** Бусы массовых типов в: Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. РСМ. Вып. 9. М., 2007. С. 213-246.
- Русское медное литье.** Вып. 2. М., 1993.
- Рыбаков Б.А.** Знаки собственности в княжеском хозяйстве Руси X–XII вв. // СА. Т. VI. М.-Л., 1940. С. 227-257.
- Рыбаков Б.А.** Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах» // СА. 1964. № 2. С. 178-188.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. М., 1981.
- Рябинин Е.А.** Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X–XIV вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1974.
- Рябинин Е.А.** Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л., 1981.
- Савельева Э.А.** Раскопки I и II Веслянских могильников // АО 1974 года. М., 1975. С. 37-38.
- Савин А.М., Семенов А.И.** Реконструкция шестовицкого лука // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів, 1962. С. 62-66.
- Салмина Е.В., Салмин С.А.** Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LIII заседания семинара им. В.В. Седова. Псков, 2008. С. 29-52.
- Самойлович Н.Г.** Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М., 2001. С. 226-242.
- Сапрыкина И.А.** Результаты исследования изделий, связанных с металлообработкой, из раскопок Клочковского селища 2 // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2012. С. 111-115.
- Сарачева Т.Г.** К вопросу о технике изготовления решетчатых перстней // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994. С. 143-146.
- Сарачева Т.Г.** Техника изготовления семилопастных височных колец // Тезисы докладов Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991-1995 гг. М., 1996. С. 71-74.
- Сарачева Т.Г.** Новые данные о химическом составе цветного металла украшений вятичей // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки 1. СПб., 2001а. С. 80-88.
- Сарачева Т.Г.** О технологии нанесения лужения на украшения вятичей XI–XIII веков // Художественный металл России. Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова. М., 2001б. С. 386-395.
- Сарачева Т.Г.** Ювелирные изделия вятичей: технология изготовления и сбыт продукции // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004. С. 229-237.
- Сарачева Т.Г.** Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. 2007. С. 73-88.
- Сарачева Т.Г., Сапрыкина И.А.** Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. Труды Подмосковной экспедиции. Т. 2. М., 2004. С. 52-65.
- Седов В.В.** Ранние курганы вятичей // КСИА. Вып. 135. 1973. С. 10-16.
- Седов В.В.** Восточные славяне в V–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982.
- Седов В.В.** Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В.В.** Древнерусская народность. М., 1999.
- Седова М.В.** Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. № 65. М., 1959. С. 223-261.
- Седова М.В.** Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) М., 1981.

- Седова М.В.** Украшения из меди и сплавов // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997а. С. 63-78.
- Седова М.В.** Суздаль в X–XV вв. М., 1997б.
- Седова М.В., Сабурова М.А.** Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91-130.
- Седых В.Н.** Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX–XI вв. // Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995. С. 55-72.
- Седых В.Н.** Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 2001. С. 173-188.
- Седых В.Н.** Скандинавы, финно-угры и славяне в Тимерёве // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006. С. 153-160.
- Седых В.Н.** Тимерёво: древнерусская деревня? скандинавская фактория? протогород? // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998. С. 22-26.
- Седых В.Н.** Этнокультурная ситуация в Ярославском Поволжье в IX–XI вв. // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. СПб., 2009. С. 571-578.
- Седых В.Н., Френкель Я.В.** Бусы из погребальных комплексов Тимерёва: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения. Материалы научной конференции. Ярославль, 2012. С. 296-322.
- Сизов В.И.** Курганы Смоленской губернии. Часть I: Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. № 28. СПб., 1902.
- Скульптура / Скульптура и живопись древнего Пянджикента.** М., 1959.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В.** Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14. М., 1965.
- Сойер П.** Эпоха викингов. СПб., 2006.
- Соколова З.П.** О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 58-72.
- Солдатенкова В. В.** Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА. Вып. 222. 2008. С. 153-169.
- Солдатенкова В.В., Персов Н.Е.** К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI вв. // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005. С. 210-222.
- Сорочан С.Б.** Византийский Херсон (вторая половина VI–первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005.
- Сорочан С.Б., Шевченко А.В.** Западнопонтийские светильники II–IV вв. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. История и культура досоциалистических формаций. 1983. № 238. С. 94-100.
- Спицын А.А.** Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. № 25. СПб., 1901.
- Спицын А.А.** Предметы с выемчатой эмалью // ЗОРСА РАО. Т. V. СПб., 1903.
- Спицын А.А.** Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905а. С. 84-172.
- Спицын А.А.** Белогостицкий клад 1836 г. СПб., 1905б.
- Спицын А.А.** Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия ИАК. Вып. 15. СПб., 1905в. С. 6-70.
- Средне-двинская мордва VIII–XI вв.** Саранск, 1969.
- Станкевич Я.В.** К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X веках // МИА. № 6. Л., 1941. С. 56-88.
- Старая Ладога – древняя столица Руси.** СПб., 2003.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В.** Славянский город на р. Псел // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 73-84.
- Сташенков Д.А.** Евразийская мода в эпоху раннего средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 213-231.
- Степанов А.М., Покровская Л.В., Сингх В.К.** Усадьбы Т и У в южной части Троицкого раскопа (XIII и XIV) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 121-128.
- Столяр А.Д.** Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.

- Столяров Е.В.** Отчет о разведочных исследованиях на археологическом комплексе у с. Красное Кимовского района Тульской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1. **2013.**
- Строкова Л.** Ювелірні вироби з колекції «Десятинна церква» НМІУ та МІКУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, **1996.**
- Студзицкая С.В.** Образ зверя в мелкой пластике сибирских племён в эпоху неолита и ранней бронзы // Экспедиции ГИМ. М., **1969.** С. 39-63.
- Сумина И.А.** Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник памяти М.В. Фехнер. Труды ГИМ. Вып. 111. М., **1999.** С. 167-189.
- Тарабардина О.А.** Посольский раскоп 1999 года в Новгороде: стратиграфия, хронология, атрибуция комплексов // Новгородские чтения-2. Великий Новгород, **2004.** С. 234-245.
- Темкин Э.Н., Эрман В.Г.** Мифы древней Индии. М., **1982.**
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В.** Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Киев, **2004.** С. 260-296.
- Тесленко И.Б., Мусин А.Е.** Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы // Археологический альманах. № 30. Донецк, **2013.**
- Тизенгаузен В.Г.** О саманидских монетах // ЗАО. Т. VI. Отделение I. СПб., **1853.**
- Тизенгаузен В.Г.** Монеты Восточного халифата. СПб., **1873.**
- Тихомиров И.А.** О некоторых ярославских гербах // Труды III областного АС во Владимире. Владимир, **1909.** С. 1-79.
- Топоров В.Н., Иванов В.В.** Исследования в области славянских древностей. М., **1974.**
- Тревер К.В.** Памятники греко-бактрийского искусства. Государственный Эрмитаж // Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа. I. М.-Л., **1940.**
- Третьяков П.Н.** Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., **1966.**
- Третьяков П. Н.** У истоков древнерусской народности // МИА. № 179. Л., **1970.**
- Третьяков П.Н.** По следам древних славянских культур. Л., **1982.**
- Тухтина Н.В.** Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Труды ГИМ. Вып. 40. М., **1966.**
- Тюляев С.И.** Искусство Индии. III-е тысячелетие до н.э.–VII век н.э. М., **1988.**
- Уваров А.С.** Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I АС. Т. II. М., **1871.** С. 633-847.
- Указатель РИМ / Императорский Российский Исторический музей.** Указатель к первым десяти залам. М., **1883.**
- Указатель РИМ / Императорский Российский Исторический музей.** Указатель памятников. М., **1893.**
- Урьева А.Ф., Черных Н.Б.** Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопок Пскова // АИП. М., **1983.** С. 210-232.
- Уханова И.Н.** Паломнические реликвии XII–XIX вв. из собрания Эрмитажа // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб., **2001.** С. 126-148.
- Фехнер М.В.** Глиняные лапы из Тимерёвского курганного могильника // СА. **1962.** № 3. С. 305-309.
- Фехнер М.В.** Предметы языческого культа // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., **1963.** С. 86-89.
- Фехнер М.В.** Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., **1967.** С. 55-87.
- Фехнер М.В.** Крестовидные подвески «скандинавского типа» // Славяне и Русь. М., **1968.** С. 210-214.
- Фехнер М.В.** Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье // СА. **1989.** № 3. С. 71-78.
- Фехнер М.В., Недошивина Н.Г.** Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. **1987.** № 2. С. 70-89.
- Флеров В.С.** Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, **1993.**
- Флерова В. Е.** Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.-Иерусалим, **2001.**
- Фомин А.В.** Куфические монеты Гнездовского клада // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., **1996.** С. 187-203.
- Фоняков Д.И.** Цветной металл Торопца (типология и технология) // СА. **1991.** № 2. С. 217-231.
- Фонякова Н.А.** Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. **1986.** № 3. С. 36-47.
- Фонякова (Чувило) Н.А.** Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII–X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань, **2010.**

- Френкель Я.В.** К вопросу о дате Гнездовского клада 1870 г. // Клады: Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 93-94.
- Френкель Я. В.** Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 78-117.
- Френкель Я.В.** Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о его синхронизации с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладоги // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010. С. 547-574.
- Френкель Я.В.** Изделия из стекла и янтаря камерных погребений псковского Старовознесенского некрополя: опыт культурно-хронологической атрибуции. В печати.
- Фролов И.К.** Фибулы-броши с выемчатой эмалью // КСИА. Вып. 140. 1974. С. 19-27.
- Хайнрих А.** Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 184-258.
- Хакамиес П.** Древний финский фольклор // Финны в Европе. VI–XV века. Выпуск 2. М., 1990. С. 165-180.
- Халикова Е.А.** Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158-178.
- Хамайко Н.В.** Древнерусская бронзовая ювелирная форма из раскопок на Киевском Подоле // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010. С. 420-429.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.** Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.** Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев, 1900.
- Хасанова М.М.** О культе медведя у негидальцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Четвёртых Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 177-182.
- Хлобыстина М.Д.** Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. Новосибирск, 1987.
- Художественная культура / Художественная культура первобытного общества / Сост. И.А. Химик. СПб., 1994.**
- Хухарев В.В.** К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994.
- Цветные и драгоценные металлы / Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. М., 2008.**
- Церква Богородиці / Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996.**
- Челяпов В.П.** Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11310.
- Чернов С.З.** Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже // РА. 2000. №1. С. 63-89.
- Черных Н.Б.** Дендрохронология и археология. М., 1996а.
- Черных Н.Б.** Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопов у педагогического института и I, III, IV на ул. Ленина // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996б. С. 182-211.
- Чеченов И.М.** Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик, 1987. С. 40-169.
- Шарганова О.Л.** Технологическое изучение керамики селища у пос. Новоселки // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007. С. 282-290.
- Шемаханская М.С., Равич И.Г.** К проблеме археологической идентификации древнерусской подвески // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. СПб., 2000. С. 62-64.
- Шинаков Е.А.** Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3. С. 110-127.
- Ширинский С.С.** Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874-1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1 // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М., 1999. С. 87-146.
- Ширинский-Шихматов А.А.** Федовский могильник // Труды II областного Тверского АС 1903 г. [s.n.]. 1906. С. 53-62.
- Шмидт Е.А.** Заозерье. Археологический комплекс IV–XII вв. Смоленск, 2008.

Шорин П.А. Московский клад новгородских денежных слитков // Нумизматический Сборник. Ч. V. Вып. 1. М., 1977. С. 181-192.

Шорников Б.С. Проблема идентификации, классификации и масштабной интерполяции в задачах ОЦЕНКИ хроноэволюционной периодизации рядами Фибоначчи (Постановка естественно-научной числовой диагностической задачи в системе 4M)* // Шапова Ю.Л. Археологическая эпоха... Приложение 2. М., 2005. С. 186-189.

Шполянская Д.В. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI вв. Рождество I (предварительное сообщение) // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008. С. 267-275.

Шталенков И. Литовские «трехгранные» слитки-гривны // Pieniądz i wojna. Materiały z VI Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa, 2004. С. 95-103.

Шталенков И. Платежные слитки-гривны в денежном обращении ВКЛ. Банкаўскі веснік // Материалы международной конференции «Денежное обращение на территории Беларуси: прошлое и настоящее» 23–25 ноября 2005 года. № 4 (333). Минск, 2006. С. 26-30.

Шталенков И. О платежных слитках-гривнах, обращавшихся в Великом княжестве Литовском с последней четверти 14 до конца 15 века // Международная нумизматическая конференция, посвященная 150-летию Национального музея Литвы: Вильнюс, 2006. Vilnius, 2010a. С. 181-194.

Шталенков И. Новые находки кладов и единичных монет XIV–XV вв. Банкаўскі Веснік // Материалы международной нумизматической конференции «Нумизматы и коллекции» 7–9 октября 2009 года. № 7 (480). Минск, 2010b. С. 64-67.

Шталенков И. Новые находки литовских монет и слитков 14–15 вв. (2007–2011 гг.) // Международная нумизматическая конференция. Тезисы докладов. Vilnius, 2012. С. 155-160.

Шапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды новгородской археологической экспедиции. Т. I. МИА. № 55. М., 1956. С. 164-179.

Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Шапова Ю.Л. Определение стекланных изделий из археологических раскопок в Пскове // ПГОИАХМЗ. Отдел хранения археологических коллекций. Машинопись. 19.08. 1982.

Шапова Ю.Л. Отчет о раскопках в г. Пскове в 1976 г. (раскоп III на ул. Ленина). Псков-М., 1989 // Архив ГБУК АЦПО. Д. 2. 59 лл.

Шапова Ю.Л. Введение в вещеведение. Естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М., 2000.

Шапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М., 2005.

Шапова Ю.Л. Материальное производство в археологическую эпоху. Концепция и модель. СПб., 2011a.

Шапова Ю.Л. Археологическая субэпоха – структурная единица археологической эпохи // От палеолита до средневековья. Тверь, 2011b. С. 166-171.

Шапова Ю.Л. Мезолит и неолит в макроструктуре археологической эпохи // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012. С. 30-34.

Шапова Ю.Л., Лабутин В.И. Стекло древнего Пскова // АИППЗ. Псков, 1985. С. 23-24.

Щербакова Е.Е. Текстиль из раскопок в Гнёздове // Дипломная работа, хранится на кафедре археологии исторического факультета МГУ. М., 2004.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала // Труды ГИМ. Вып. 10. М., 1940.

Энговатова А.В. Ярославль в XI веке // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2012. С. 91-92.

Яковлева Е.А. Поздние внеярусные сооружения (конец XVIII–начало XX вв.) // АИП. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков, 1996. С. 48-68.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Сорокин А.Н. Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1999 г. Раскоп Троицкий XII // Архив ИА. Р-1. № 22642-22645. 2000.

Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода (Троицкий XII раскоп) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 5-10.

Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В.

Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 5-14.

Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2007 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 5-13.

Янин В.Л., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2008 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 17-27.

Ярославское Поволжье X–XI вв. М. 1963.

Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривны XI–XV вв. (из собрания Национального музея истории Украины) // Нумизматика і фалеристика. 1999. № 1 (9). С. 14-23.

Androshchuk F. Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus // Early Christianity on the way from the Varangians to the Greeks. Ruthenica, Supplementum 4. Kiev, 2011. P. 70-89.

Arbman H. Birka I. Die Graber. Stockholm, 1940.

Arrhenius B., Linder Welin U.S., Tapper L. Arabisk silver och nordiska vikingasmycken // Tor. Vol. XV. Uppsala, 1973. S. 151-160.

Bailey D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. III. Roman Provincial Lamps. London, 1996.

Bailey D.M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. IV. Lamps of Metal and Stone, and Lampstands. London, 1998.

Bayley J. Non-ferrous Metalworking from Coppergate // The Archaeology of York: The small Finds. Vol. 17/7. London, 1992.

Bernhard M.L. Lampki starożytne. Warszawa, 1955.

Beskov Sjoberg M. /red./ Olands jarnaldersgravfalt. Vol. I. Kalmar, 1987.

Blindheim C. Slemmedalskatten: en liten orientering om et stort funn // Viking. 1982. № 45. S. 5-31.

Blindheim C., Heyerdahl-Larsen B. Kaupangfunnene. Bd 2: Gravplassene i Bikjholbergene / Lamøya: undersøkelsene 1950-1957, D. A. Gravskikk. Oslo, 1995.

Bliujiené A. Some notes on curonian women's bead sets with bronze spacer plates in their head-

bands, headdresses made of cloth and unaccountable ware during the Viking Age and Early Medieval times // Archaeologia Baltica. 6. 2006. P. 126-141.

Böhlendorf-Arslan B. Das bewegliche Inventar eines mittelbyzantinischen Dorfes: Kleinfunde aus Boğazköy // Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Byzas: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul. 15. Istanbul, 2012. P. 351-368.

Brøndsted J. Danish inhumation graves of Viking age // Acta Archaeologica. V. VII. København, 1936.

Buko A., Sobkowiak-Tabaka I. Bodzia: a new Viking Age cemetery with chamber graves // Antiquity. 2011. Vol. 85 (330). <http://antiquity.ac.uk/projgall/buko330/>.

Byzanz. Das Licht aus dem Osten // Kult und Alltag in Byzantinischen Reich vom 4. Bis 15. Jahrhundert. Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn. Mainz, 2001.

Calegari G. I mosaici del Duomo di Pesaro: storia di un ritrovamento. Pesaro, 2009.

Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4. Nr. 11. Malmö, 1977.

Callmer J. The Clay Paw Burial Rite of the Åland Islands and Central Russia: A Symbol in Action // Current Swedish Archaeology. Vol. 2. Stockholm, 1994. P. 13-46.

Cambitoglu A., Chamay J. Ceramique de Grande Grece. La collection de fragments Herbert A. Cahn. Rome, 1997.

Campbell J. Myths to Live by. A. Bantam Book / published by arrangement with Viking Penguin. Inc. 1988.

Chrzanowski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. Studia archaeologica. 96. Roma, 1998.

Čičikova M. Lampes pelebzyzantines de Novae // Der Limes an der Unteren Donau von Diokletian bis Heraklios. Vorträge der Internationalen Konferenz. Svištov, Bulgarien (1–5 September 1998). Sofia, 1999. S. 105-110.

Conticello B., Andreae B. Die skulpturen von Sperlonga // Antike Plastik. Vol. XIV. Berlin, 1974.

Die Gräber von Haithabu. Neumünster, 2010.

Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking period. An analysis of the material from Björkö // Birka V. Stockholm, 1985.

Duksa Z. Pinigai ir ju apyvarta // Lietuviu materialine kultura IX–XIII a. Vilnius, 1981. T. 2. P. 83-129.

- Furtwangler A.** Gorgones // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. I, 2. Leipzig, 1890.
- Gautier P.** Le typikon de la Théotokos Kécharitoméné // Revue des études byzantines. 1985. Vol. 43. P. 5-165.
- gskatalog.ru//** http://www.gskatalog.ru/data/items/00000001000000/000000100000/8000090000/30004000/krest_napersniy_raspyatie_s_predstoyaschimi_i_voinami_razdelyayuschimi_2020180/index.php Государственный каталог Музейного фонда РФ, ссылка на сайт Рыбинского музея-заповедника.
- Grässlund A.-S.** Beutel und Taschen // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 141-154.
- Greek vases /** Greek vases. Molly and Walter Barreiss Collection, 1983. P. Getty Museum. Malibu.
- Hall R.** Exploring the world of the Vikings. London, 2007.
- Hårdh B.** Silver in the Viking Age. A Regional-Economic Study. Stockholm, 1996.
- Hayes J.W.** Excavations at Saraçhane in Istanbul. The Pottery. Vol. 2. Princeton, 1992.
- Iconomu C.** Opaite greco-romane. București, 1967.
- Ivakin H.** Excavations at St. Michael Golden Domes Monastery in Kiev // Kiev-Cherson-Constantinople. Kiev, Simferopol, Paris, 2007. P. 177-220.
- Ivanauskas E.** Lietuvos pinigų lobiai. Vilnius: Savastis, 1995.
- Ivanauskas E., Balčius M.** Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės lydiniai ir monetos nuo 1387 iki 1495 metų. Vilnius, 1994.
- Jansson I.** Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Nr. 156. Göttingen, 1987. S. 781-784.
- Jansson I.** Situationen i Norden och Östeuropa för 1000 år sedan – en arkeologs synpunkter på frågan öst-kristna inflytanden under missiostiden // Från Bysans till Norden: östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid. Skellefteå, 2005. S. 37-95.
- Kainov S.Yu.** Swords from Gnëzdovo // Acta Militaria Mediaevalia VIII. Kraków-Rzeszów-Sanok, 2012. P. 7-68.
- Kalmring S.** Der Hafen von Haithabu. Neumünster, 2010.
- Karazija P.** Šančiu lobis. (Рукопись). Kaunas, 1952.
- Kazhdan A., Epstein A.** Change in Byzantine culture in the Eleventh and Twelfth Century. Berkeley; London, 1985.
- Khalikova E.A., Kazakov E.P.** Le cimetière de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Budapest, 1977.
- Kivikoski E.** Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963.
- Kivikoski E.** Finland. London, 1967.
- Kivikoski E.** Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Kivikoski E.** Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // SMYA. № 80. Helsingfors, 1980.
- Klanica Z.** Nechvalín, prušánky. Čtyři slovanská pohřebiště. Díl. I. Brno, 2006.
- Knific T., Sagadin M.** Pismo brez pisav: Arheologija o prvih stoletjih krscanstva na Slovenskem. Lubljana, 1991.
- Kruk M.P., Sulikow-Gaska A., Woloszyn M.** Sacralia Ruthenica. Warszawa, 2006.
- Kulikauskienė R., Rimantienė R.** Lietuvos archeologiniai paminklai ir jų turinėjimai. Vilnius, 1958.
- Leclercq-Marx J.** La sirene dans la pesee et dans l'art de l'Antiquite et du Moyen Age. Du mythe paien au symbol chretien. Bruxelles, 1997.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.** Luistari I. The graves. Helsinki, 1982a.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.** Luistari II. The artefacts. Helsinki, 1982b.
- Leimus I.** Sylloge of Islamic Coins 710/1–1013/4 AD. Estonian Public Collections. Tallinn, 2007.
- Letlands** viele Völker. Archäologie der Eisenzeit von Christi Geburt bis zum Jahr 1200. Katalog. Brandenburg, 2009.
- Lightfoot C.** Trade and Industry in Byzantine Anatolia: the Evidence from Amorium // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 61. 2007. P. 269-286.
- Luchtanas A.** Sidabro lydiniai ir moneta radiniai Kernaveje // Numizmatika 1. Vilnius: LNM, 2000.
- Majewski K. et al.** Novae-sektor zacyjodni. Sprawozdanie tymczasowe z wykopalisk ekspedycji archeologicznej Uniwersytetu Warszawskiego // Archeologia. XXIV. Warszawa, 1973. S. 101-146.
- Mayer T., Heidemann S., Rispling G.** Sylloge der Münzen des Kaukasus und Osteuropas im Orientalischen Münzkabinet Jena. Wiesbaden, 2005.
- Mikhailov K.A., Kainov S.Yu.** Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 62. 2011. P. 229-244.
- Mlasowsky A.** Die antiken Tonlampen im Kestner-Museum Hannover. Hannover, 1993.
- Moora H.** Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932.

Müller-Wille M. Die Bootkammergrab von Haihabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haihabu. N 8. 1976.

Musin A. The Christianization of Eastern Europe in the Archaeological Perspective // Christianisierung Europas. Entstehung, Entwicklung und Konsolidierung im archäologischen Befund. Regensburg, 2012a. P. 497-518.

Musin A. Byzantine relics and reliquaries and the formation of Christian culture in Europe // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. Vol. 2. Kraków, Warszawa, Leipzig, Rzeszów, 2012b. P. 61-94.

Noonan T.S., Kovalev R.K. Клад 873/74 из Любыни: войны и захоронения кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 152-155.

Ottaway P., Rogers N. Craft, Industry and Everyday Life: Finds from Medieval York // The Archaeology of York. The Small Finds 17/15. 2002.

Paulsen P. Schwertärbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953.

Photius / Photius Patriarcha Constantinopolitanus Epistola XIII // Photii Constantinopolitani Patriarchae opera omnia. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca 102. Paris, 1900. P. 721-741.

Pierce I. Swords of the Viking Age. The Boydell Press. 2002.

Pūram I. An illustrated quarterly Journal of Oriental Art chiefly Indian // № 1. Calcutta, 1920.

Ranta H. Bead finds from the Viking and Crusade periods – indicators of cultural contacts or ethnic identity? // Fenno-ugri et slavi 1997. Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th-13th Centuries. Helsinki, 1999. P. 70-76.

Remecas E. Vilniaus žemutinės pilies pinigų lobis. Vilnius: LNM, 2003.

Remecas E. Pinigų lobiai Vilniaus senienų muziejaus numizmatikos rinkinyje // Numizmatika 2-3. Vilnius, 2004. P. 199-230.

Riccioni G. Origine e sviluppo del Gorgoneion e del mito Gorgone-Medusa nell'arte greca // Scritti di archeologia di Giuliana Riccioni. Bologna, 2000. P. 105-185.

Rispling G. The Volga Bulgarian Imitative Coinage of al-Amir Yaltawar ('Barman') and Mikail b. Jafar // Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1-4 June 1989. Cornmentationes de Nummis Saeculorum IX-XI in Suecia Repertis. Nova Series 6. Stockholm; London, 1990.

rybmuseum.ru // <http://iss.rybmuseum.ru/kng/item/item.jsf> Рыбинский музей-заповедник. Сайт.

Roesdahl E., Wilson D.M. (eds.). From Viking to Crusader: the Scandinavians and Europe 800-1200. Council of Europe exhibition 22. København, 1992.

Sajauskas S. Lietuvos numizmatika XII–XV a. // Mokslas ir Lietuva. 1992. Nr. 1. P. 99-107.

Sajauskas S. Šančiu lobis: Numizmatinio tyrimo problema. Kaunas, 2004. P. 6-12.

Sajauskas S. Domininko Kaubrio lietuviškų pinigų kolekcija. Kaunas, 2010. P. 26.

Sajauskas S., Kaubrys D. Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės numizmatika. Vilnius, 1993.

Salamon M. Byzantine Missionary Policy. Did It Exist? // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. Vol. 2. Kraków, Warszawa, Leipzig, Rzeszów, 2012. P. 43-53.

Sandin K.A. Middle Byzantine bronze crosses of intermediate size: form, use and meaning. Ann Arbor, 1995.

Schauenburg K. Skylla oder Tritonin? // Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Institutes Roemische Abteilung. Bd. 87. Fasc. 1. Mainz, 1980.

Sedyh V. Timerevo – un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997, édités par M. Kazanski, A. Necessian et C. Zuckerman (Réalités byzantines, 7). Paris, 2000. S. 173-197.

Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.

Sindbæk M. An Object of Exchange Brass Bars and the Routinization of Viking Age Long-Distance Exchange in the Baltic Area // Offa. Band 58. Neumünster, 2001. P. 49-60.

Sorochan S. Light for life and death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. BAR International Series 1019. Oxford, 2002. P. 11-119.

Spirģis R. Bruņrupuču saktas ar krūšu važiņrotām un Lībiešu kultūras attīstība. Daugavas lejtecē 10–13 gadsimtā. Rīga, 2008.

Staecker J. Legends and mysteries: reflections on the evidence for the early mission in Scandinavia // Visions of the past: trends and traditions in Swedish medieval archaeology. Lund Studies in Medieval Archaeology. 19. Stockholm, 1997. P. 419-454.

Staecker J. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhang-

er als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden. Lund Studies in Medieval Archaeology. 23. Stockholm, 1999.

Stenberger M. Die schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Fundbeschreibung und Tafeln. Band II. Lund, 1947.

Stilp F. Scylla l'ambivalente // Revue archeologique. Fasc 1. Paris, 2011.

Tautavičius A. (ed.). Lietuvos Tarybų Socialistinė Respublika archeologijos atlasas. Vol. IV: I–XIII amžiuje radiniai. Vilnius, 1978.

Teteriatnikova N. Relics in the walls, pillars and columns of Byzantine churches // Восточно-христианские реликвии. М., 2003. P. 77-92.

The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. Ed. by H.C. Evans, W.D. Wilson. New York, 2006.

Thornton C.P. Of brass and bronze in prehistoric Southwest Asia // Metals and Mines. Studies in Archaeometallurgy. London, 2007. P. 123-135.

Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. II. Typentafeln. Stockholm, 1998.

Tomsons A. Divasmeņu zobenī IX–XIII. gs. latgaļu arheoloģiskajā materiālā, Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. Rīga, 2006. P. 5-27.

Trevar C. Terracotas from Afrasiab. L., 1934.

Tuchelt K. Skylla. Zu einem neugefundenen Tonmodell aus Didyma // Istanbul. Mitteilungen. Bd. 17. Tubingen, 1967.

Ulbricht I. Bars // From Viking to Crusader. Scandinavia and Europe 800–1200. Uddevalla, 1992. P. 252.

Urtāns V. Senākie depozīti Latvija (līdz 1200. g.). Rīga, 1977.

Vaškevičiūtė I. IV–XI a. Irijiniai apgalviai // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 1992. Pp. 128-134.

Vida T. Neue Beiträge zur Forschung der Frühchristlichen Funde der Awarenzeit // Acta XIII

Congressus Internationalis archaeologiae christiana. Split-Porec (25.9–1.10. 1994). Vol. 2. Città del Vaticano. Split, 1998. S. 529-540.

Volkaitė-Kulikauskienė R. (ed.). Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje. 2 vols. Vilnius, 1978.

Walter H. Das Mosaik von Otranto: Darstellung, Deutung und Bilddokumentation. Wiesbaden, 1977.

Walter-Karydi E. Skylla. Bilder und Aspekte des Mischwesens // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 112 (1997). Berlin-New York, 1998.

Wamers E. The Symbolic Significance of the Ship-graves at Haidaby and Ladby // The Ship as Symbol in Prehistoric and Medieval Scandinavia. Copenhagen, 1995. P. 148-159.

Waser O. Skylla // Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Bd. IV. Leipzig, 1912. P. 1024-1071.

Weicker G. Seirenen // Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Bd. IV. Leipzig, 1910. P. 601-639.

Wittig W. Wykopisko z pod Czerwonego Dworu // Zapiski Numizmatyczne. R. 3 Nr. 8. 1886. S. 138-142, tablica.

Xanthopoulou M. Lampes en métal, lampes en terre cuite: vies parallèles // Lychnological Acts 1. Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon-Geneva, 29.IX – 4.X.2003). (Monographies Instrumentum, Vol. 30). Montagnac, 2005. P. 303-307.

Zariņa A. Libiešu apgārbs 10.–13. gs. Rīga, 1988.

Zimmer H. Myths and symbols in Indian art and civilization // The Bollingen. Series VI. Pantheon Books, 1989.

Žukauskas D., Žukauskas S. Piniginiai lydiniai Stasio Žukausko kolekcijoje. Parados katalogas. Trakai, 2011.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Автореф. дис.... канд. ист. наук** – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук
- АДУ** – Археологічні дослідження в Україні. Київ. Запоріжжя. Луцьк. Полтава.
- АИП** – Археологическое изучения Пскова.
- АИППЗ** – Археология и история Пскова и Псковской земли. Научный семинар. Псков.
- АН СССР** – Академия наук СССР.
- АН Тадж. ССР** – Академия наук Таджикской ССР.
- АО** – Археологические открытия.
- АС** – Археологический съезд.
- АСГЭ** – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- АЭ** – Археологическая экспедиция.
- ВИД** – Вспомогательные исторические дисциплины.
- ГБУК АЦПО** – Государственное бюджетное учреждение культуры «Археологический центр Псковской области».
- ГИМ** – Государственный исторический музей.
- ГЭ** – Государственный Эрмитаж.
- Дис. ... канд. ист. наук** – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук
- ЖС** – Живая старина.
- ЗАО** – Записки Императорского археологического общества.
- ЗОРСА РАО** – Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
- ИАК** – Известия Императорской археологической комиссии.
- ИА НАНУ** – Институт археологии Национальной академии наук Украины.
- ИА РАН** – Институт археологии Российской Академии наук.
- ИИМК** – Институт истории материальной культуры РАН.
- ИСОНИИ** – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.
- КМИДР** – Киевский музей исторических драгоценностей, филиал Национального музея Истории Украины.
- КП** – Книга поступлений.
- КСИА** – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.
- КФ** – Крымский филиал ИА НАНУ.
- Л.** – Ленинград
- М.** – Москва
- МАИЭТ** – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики.
- МАК** – Материалы по археологии Кавказа.
- МАО** – Московское археологическое общество.
- МАР** – Материалы по археологии России.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии. СПб.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МКУ – Музей исторических ценностей Украины.
МИСО – Материалы по изучению Смоленской области.
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики.
МФТИ – Московский физико-технический институт.
Новгородский музей-заповедник – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НМУ – Національний музей історії України.
НМИУ – Национальный музей истории Украины.
ОИРК – Общество исследователей Рязанского края.
ОАК – Отчет Археологической комиссии.
ПАВ – Петербургский археологический вестник.
ПВЛ – Повесть временных лет.
ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
РА – Российская археология.
РАО – Императорское Русское археологическое общество
РИБ – Русская историческая библиотека.
РИМ – Императорский Российский исторический музей.
РБМ – Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
РСМ – Раннеславянский мир.
РФА – Рентгенофлюоресцентный энерго-дисперсный метод анализа.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СПб. – Санкт-Петербург.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
СЭ – Советская этнография.
ТАС – Тверской археологический сборник.
ТАЭ – Тульская археологическая экспедиция.
ТОКМ – Тульский областной краеведческий музей.
ЦАИ – Центр археологических исследований.
ЦКП МФТИ – Центр коллективного пользования уникальным научным оборудованием в области нанотехнологии Московского физико-технического института.
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.

Научное издание
Труды Государственного Исторического музея
Выпуск 198

СЛАВЯНЕ И ИНЫЕ ЯЗЫЦИ...
К юбилею Натальи Германовны Недошивиной

Редактор И.В. Белоцерковская
Оформление С.А. Авдусина, С.С. Зозуля, А.М. Красникова
Перевод на английский В.В. Мокштадт
Технический редактор Т.Д. Авдусина
Ответственный за выпуск Е.И. Фельдман
Верстальщик Б.В. Малакаев

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
Тел.: (495)745-84-28, (49638)21-023 Факс: (495)678-55-69
www.oaompk.ru e-mail: oaompk@oaompk.ru

Подписано в печать 26.03.2014
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Усл.печ.л. 44. Заказ №

Рис. 2. Серебряные украшения клада.
1-2 – лунницы; 3-4 – браслеты; 5-6 – перстни; 7 – подвеска.

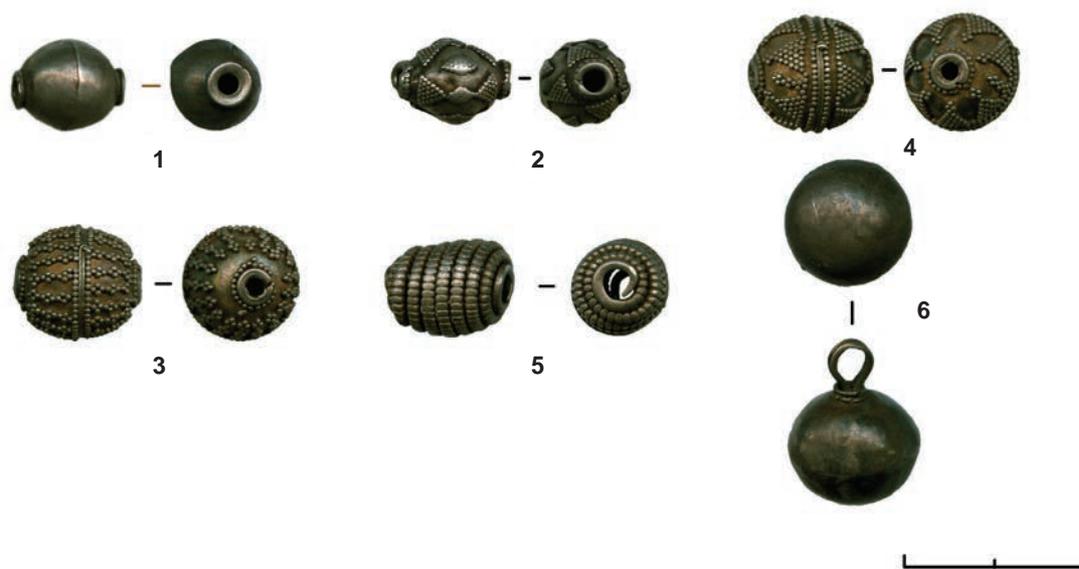

Рис. 3. Серебряные украшения клада.
1-5 – бусы; 6 – пуговица.

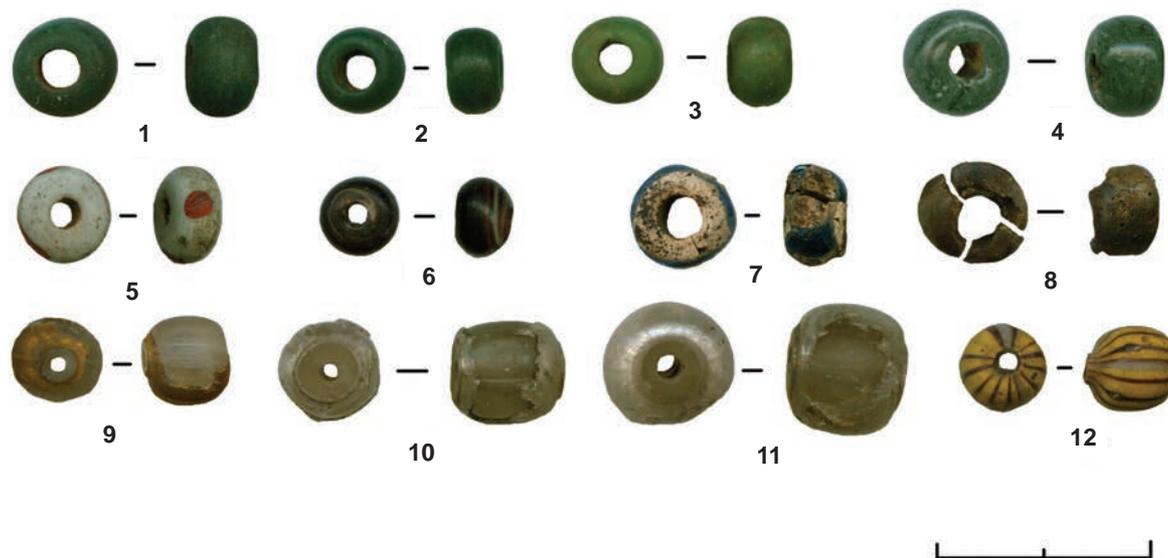

Рис. 4. Стекланные бусы.

Рис. 3. Инвентарь кургана № 38 Петровского могильника.
1 – нож; 2 – фрагменты оковки днища колчана; 3 – фрагмент кубического замка;
4 – весовые гирьки; 5 – обувной шип; 6-7 – предметы железные; 8 – фрагмент накладки
на сложносоставной лук; 9 – фрагменты накладки на гребень; 10 – фрагменты псалиев; 11 – пряжка
ременная; 12 – ременные накладки; 13 – фрагмент сосуда.
1-3, 5-7 – железо; 4 – железо/латунь; 8-10 кость/рог; 11-12 – латунь; 13 – глина.

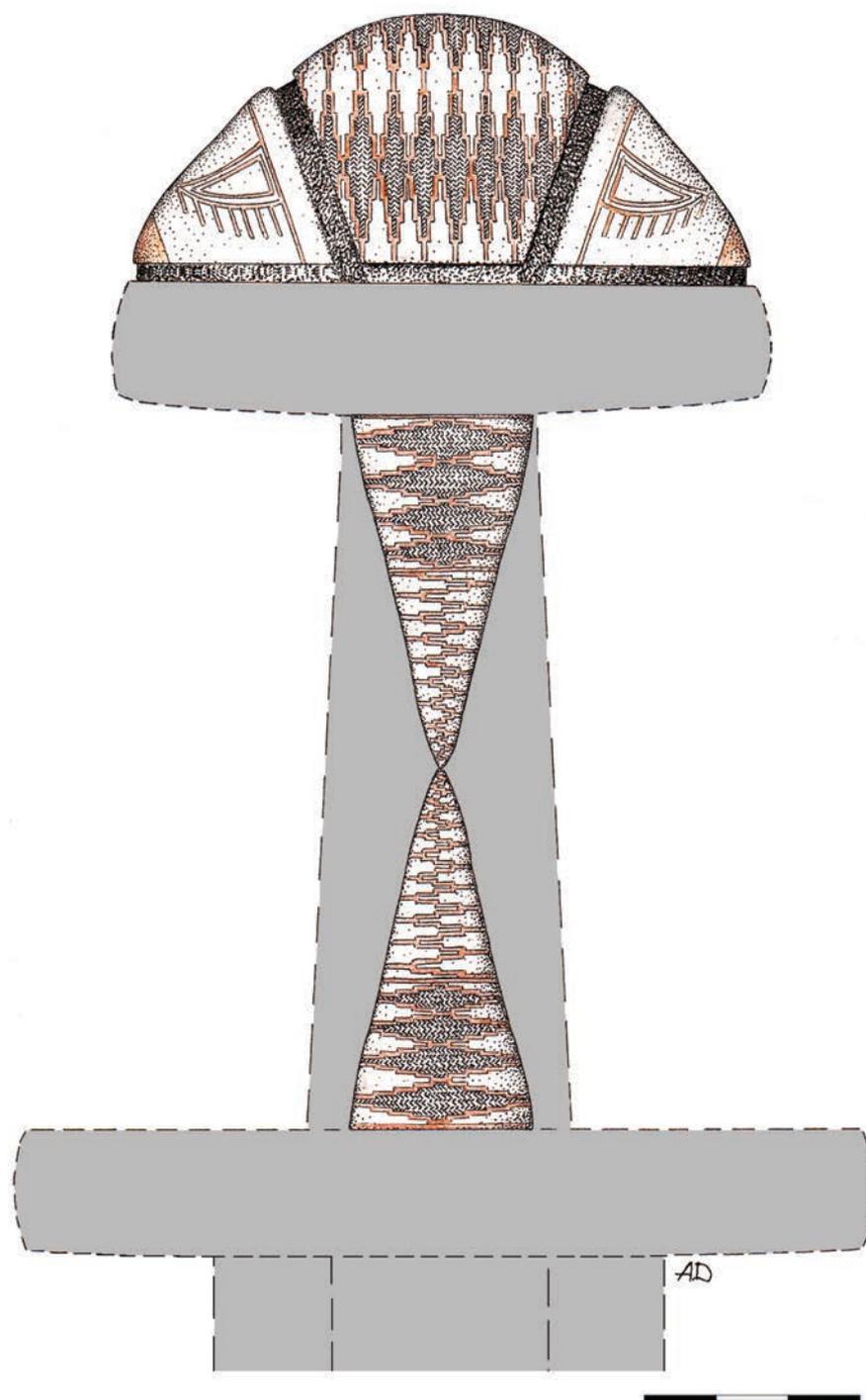
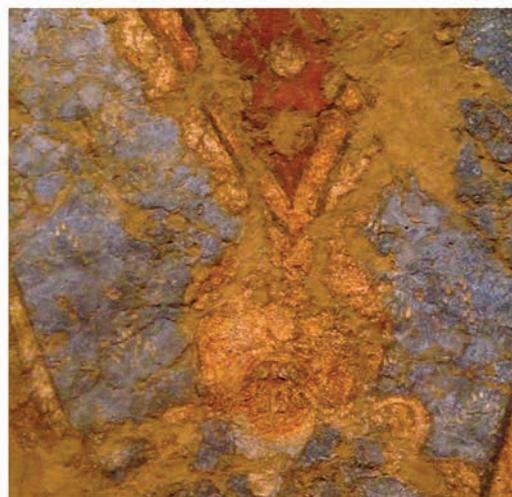
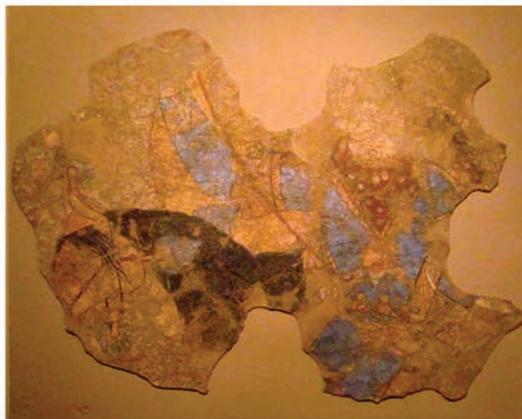

Рис. 6. Реконструкция внешнего вида рукояти меча из кургана № 38 Петровского могильника. Схема инкрустации головки навершия соответствует наиболее распространенной у этого типа мечей. Рисунок А.С. Дементьевой.

1

2

Рис. 5. Изображения Кирттимукхи в настенной живописи Пенджикента.
1 – композиция «Играющие в нарды». Помещение 13, объект VI (по: Беленицкий, Пиотровский, 1959. Табл. XIII);
2 – божество на коне. Храм I, помещение 10. Раскопки 1976 г. Экспозиция Государственного Эрмитажа.

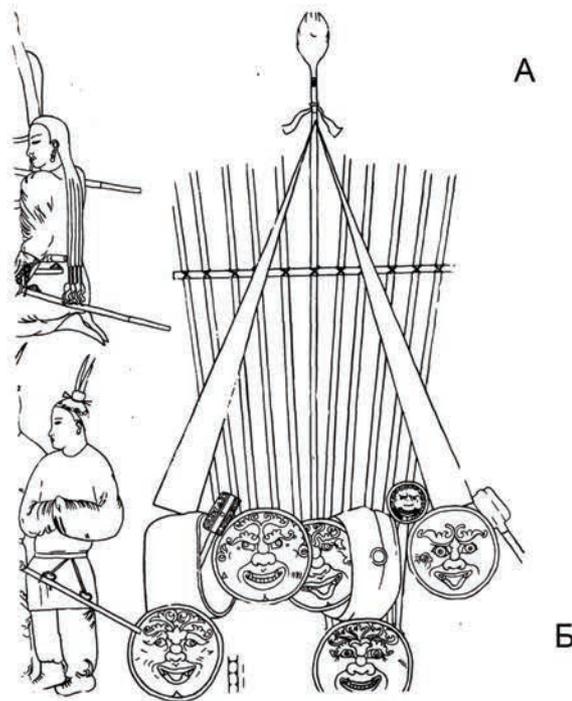

Рис. 7. Изображения Кирттимукхи в настенной живописи Афрасиаба.
А-Б – изображения на дисках или щитах в составе композиции из «бунчуков» на западной стене помещения I (деталь 5). Зал посольств, «Дворец Вархумана» (по: Альбаум 1975. Рис. 22. Табл. XLI).

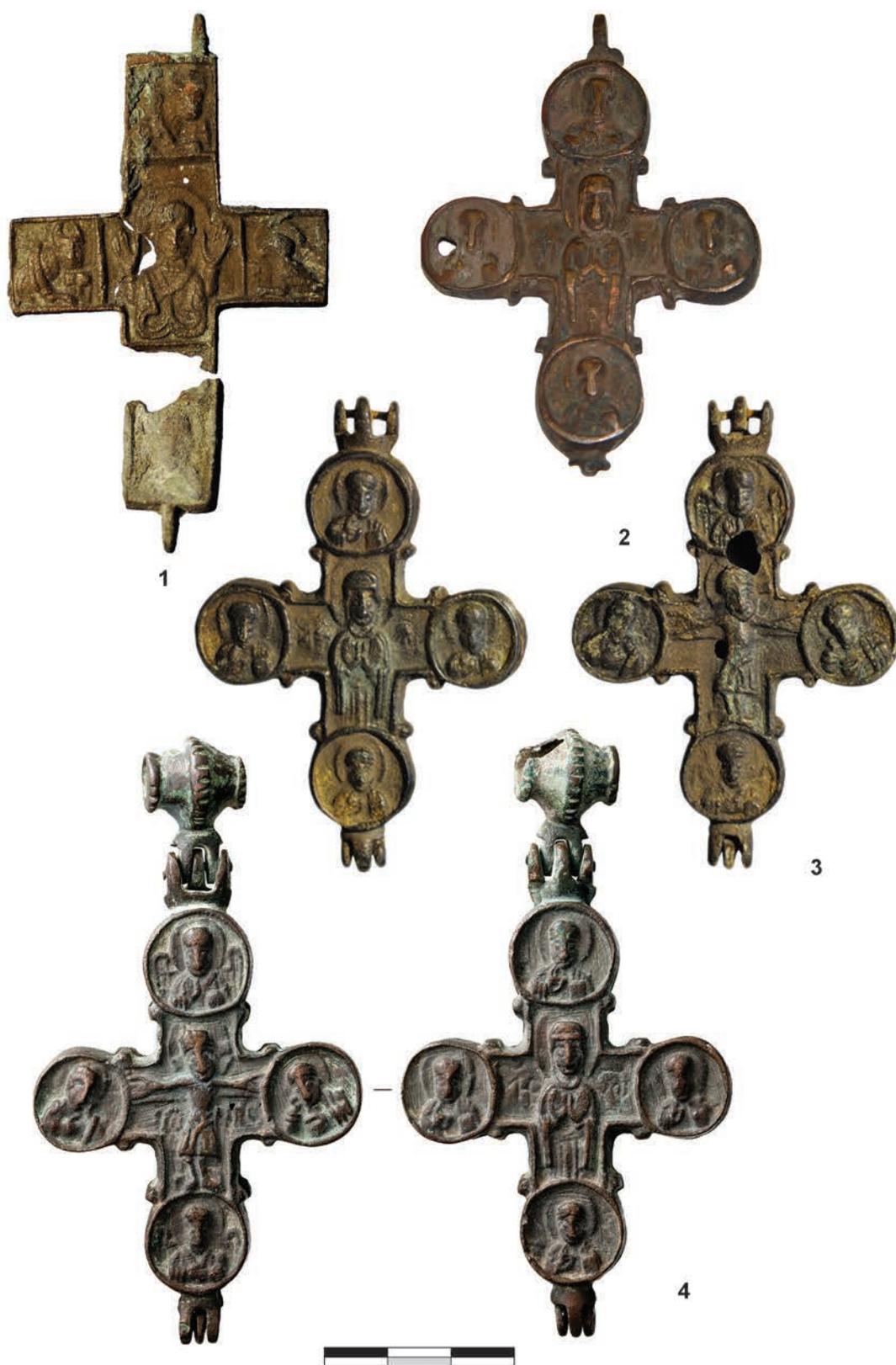

Рис. 1. Энколпионы.
1, 4 – места находок неизвестны; 2 – Княжа гора (коллекция Д.Я. Самоквасова);
3 – Выдубицкий монастырь (Киев).
1-4 – оловянно-свинцовая бронза.

Рис. 2. Энколпионы.

1-4 – места находок неизвестны; 5 – гравированный энколпион сиро-палестинского круга, местонахождение неизвестно.

1-2 – оловянно-свинцовая бронза; 3 – оловянно-свинцовая бронза, многокомпонентная бронза; 4 – сплав на основе меди.